

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

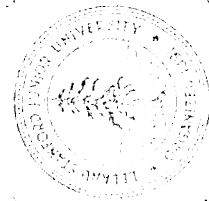
Stanford University Libraries

3 6105 210 175 829

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ.

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ Х. М А Й. 1891 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
I. Ординарный профессор. Романъ І. І. Ясинскаго. (Окончаніе).	3
II. Лѣтнія грозы. Стихотвореніе К. М. Фофанова.	38
III. Тамбовскія религиозныя движенія. И. И. Дубасова.	39
IV. Улыбка умирающаго. Стихотвореніе Максима Липкина.	56
V. На кондиціяхъ. Разсказъ Кн. Б. А. Щетинина.	58
VI. Власть денегъ. Романъ Эмиля Золя. (Окончаніе).	77
VII. Кладъ. Романъ Н. Ѳ. Бажина.	103
VIII. Очерки средневѣковой жизни. П. В. Безобразова.	146
IX. Пѣснь русалокъ. Стихотвореніе П. Головина.	153
X. «За идею». (Переводъ съ итальянскаго). П. Лѣтнева.	154
XI. Талмудъ Вавилонскій. (Этюдь). А. А. Быкова. (Оконч.).	161
XII. Законъ и общинное землевладѣніе. Н. П. Дружинина.	175
XIII. Долой оружіе! Романъ хроника, Берты фонъ-Зуттнеръ.	192
XIV. Письма о современной журналистикѣ. О. В.	267
XV. Княгиня. Повѣсть Людовика Галеви.	287

(См. на оборотѣ).

МФ78

Современное обозрѣніе.

СТРА

XVI. Политическая хроника
Волненіе въ мелкихъ державахъ. — Королевское „отступное“, заполученное Миланомъ. — Бельчевъ, застрѣленный вмѣсто Стамбулова. — Терроръ въ Болгаріи. — Бисмаркъ, пробирающійся въ парламентъ заднимъ ходомъ. — Обвиненія, падающія на стараго канцлера. — Нью-фаундландская колонія, не признающая власти метрополи. — Англійскія интриги въ Египтѣ. — Возстаніе въ Манипурѣ. — Волненія въ западной Индіи. — Международный конгрессъ горнорабочихъ. — Бельгія, требующая измѣненія конституціи. — Судъ Липча въ Сѣверной Америкѣ.

XVII. Новыя книги: 1) **Воспитаніе и наслѣдственность.** Соціологическій этюдъ *М. Іжйо*, съ предисловіемъ и примѣчаніями переводчика *К. Толстаго*. 1891. Изданіе А. С. Суворина. 2) *Альфонсъ Додэ. Портъ-Тарасконъ*, переводъ съ французскаго. Москва, 1891. 3) *Вас. П. Немировичъ-Данченко. Сказки дѣйствительности.* Спб.; 1891. 4) *Будда, его жизнь, ученіе и община*, соч. *Германа Ольденберга*, переводъ съ нѣмецкаго *П. Николаева*. Изданіе *К. Т. Солдатенкова*. Москва, 1891 г.

XVIII. Наши внутреннія дѣла.
Новое положеніе объ узаконенныхъ и усыновленныхъ дѣтяхъ. — Основная тенденція его. — Измѣненія матеріальнаго права. — Узаконеніе незаконнорожденныхъ чрезъ послѣдующій бракъ ихъ родителей. — Процессуальныя правила. — Порядокъ усыновленія приемныхъ и чужихъ дѣтей. — Права узаконенныхъ и усыновленныхъ. — Вновь подтвержденное воспрещеніе пропозитнаго празднованія юбилеевъ. — Причины, вызвавшія это подтвержденіе. — Цензура нравовъ. — Доброхотныя прившенія и ихъ развращающее вліяніе. — Кому быть цензорами правоты? — Прорѣхи слѣдственной части. — Мѣѣніе г. Обнинскаго. — Наше заключеніе.

XIX. Итоги десятилѣтія.

XX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»): II смѣхъ, и горе. (Литературныя и общественныя замѣтки).

Еврейская гордыня, возросшая до степени *mania grandiosa*. — „Избранныя мѣста“ еврейскаго вѣроученія. — Талмудъ, отрицавшій моисеевъ законъ. — Раввинъ въ должности кумира. — Человѣчество, преданное въ рабство жидамъ. — Еврейскіе подвиги для замаскированія истиннаго смысла ихъ ученія. — Фальсификація прессы. — Адольфъ Ландау въ роли обѣтованнаго мессіи. — Йозель Нотовичъ и его грозный окрикъ: „унать“ и „разогнать“! — Йегова, наказывающій лишеніемъ разума. — Юбилей „Наблюдателя“, невзначай отпразднованный „Новостями“. — Подблюдная пѣсня, не пропущенная на юбилей. — Удаленіе изъ Москвы мнимыхъ „ремесленниковъ“. **Ефима Простосердова**

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ПРОВЕРЕНО

Книгохранилище

1935 г.

№ 5. М А Й.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
 116.678
 1942

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редація и главная контора помѣщаются на углу Стремянной и Владимірской ул.,
 № д. 1—6, кв. 14.

1891.

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

STACKS
JUL 10 1973

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1891 ГОДУ (ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналъ, за время его изданія, принимали участіе: Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, Н. О. Важинъ, П. В. Безобразовъ, В. И. Бибииковъ, П. Д. Воборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, П. В. Быковъ, А. А. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, проф. В. П. Даневскій, Н. П. Дружининъ, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, П. В. Засодимскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. О. Каптеревъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. О. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, О. Э. Ромеръ, Г. П. Сазоновъ, В. Свѣтловъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребницкій, В. К. Случевскій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, Н. Северинъ, Н. Сѣверовъ, Л. Н. Трефоловъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, К. М. Фофановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Г. Г. Ясинскій и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:

За полгода:

Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ Спб.	13 р.	Съ доставкою въ Спб.	6 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 р.
Съ пересылкою за границу	17 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Иногородные годовые подписчики «Наблюдателя», желающіе получить второе, дополненное изданіе монографій редактора: «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія», высылаютъ 16 р. Городскіе и заграничныя приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причеиъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки.	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу	8 р.	5 р.	4 р.

Библиотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины, при которыхъ они состоятъ) *пользуются разсрочкою платы подъ тѣми лишь условіями, если выписываютъ не менѣе 15-ти годовыхъ экземпляровъ.*

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала

Редакторъ-издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ
ВѢСНУ ПЕРМУ

ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ.

Романъ.

XXVIII.

Миколецкій пріѣхалъ къ профессору Маслоку, который жилъ на Желѣзной улицѣ, въ собственномъ домѣ. Профессоръ былъ весьма ученый человѣкъ. Но въ послѣднее время онъ пересталъ обогащать науку своими трудами, а главныя заботы устремилъ на приумноженіе запаснаго капитала, такъ какъ чувствовалъ по временамъ приближеніе смертнаго часа и боялся оставить многочисленную семью безъ обезпеченія. А семья эта состояла изъ одиннадцати человѣкъ: изъ двухъ перерзѣлыхъ дочерей, изъ сына-медика, изъ гимназистовъ, гимназистокъ и изъ жены, — худенькой пятидесятилѣтней дамы, съ бѣлокуроыми, еще не сѣдыми волосами, которые она тщательно завивала каждый день, дѣлая модную прическу и нося на лбу гривку. О своей женѣ Маслокъ говорилъ, что она пришиблена изъ-за угла мѣшкомъ или что ее Богъ убилъ. Но эта, Богомъ убитая старушка, не пропускавшая случая сдѣлать глазки каждому молодому человѣку, была хорошей хозяйкой, и объяснить это можно было только тѣмъ, что она, какъ рабыня, подчинялась мужу и безпрекословно исполняла всѣ его приказанія. Въ домѣ Маслока порядокъ господствовалъ необыкновенный: въ одинъ и тотъ же часъ обѣдали, въ одинъ и тотъ же часъ пили чай, вставали и ложились спать. Помыслы домочадцевъ сосредоточивались на одномъ Константиѣ Дмитріевичѣ, и всѣ вели себя такъ, чтобы ему угодить. А Константиѣ Дмитріевичъ очень рѣдко выходилъ изъ себя, былъ молчаливъ и суровъ, не любилъ повторять

по два раза приказаній и не терпѣлъ никакихъ замѣчаній, не токмо что возраженій. Если ему что не нравилось, онъ только пристально взглядывалъ на провинившагося члена семьи, и тотъ трепеталъ, какъ осиновый листъ. Жена же его, Марья Савишна, боялась его до обмороковъ.

Войдя къ профессору Маслюку, Миколецкій повернулъ стеклянную ручку дверей и очутился въ обширной комнатѣ, которая вся была заставлена полками съ книгами отъ пола до потолка, а посреди ея стоялъ письменный столъ съ высокой на немъ лампой подъ зеленымъ абажуромъ, кидавшей свѣтъ на румяное, сѣдое лицо профессора. Маслюкъ былъ похожъ на хорошо упитаннаго протоіерея; такіе же были у него хитрые, самоувѣренные и умные маленькіе глаза и савитыя движенія, покашливанія и даже такой же голосъ. Борода у него была бѣлая, но съ серебрянымъ, а не желтымъ оттѣнкомъ, и съ сильной чернотой на подбородкѣ. Черныя, какъ смоль, брови двумя тонкими шнурками лежали на нижней части красноватаго лба профессора, и еслибы не черезчуръ широкій носъ, узкій у переносья, изъ такъ называемыхъ утиныхъ носовъ, то благообразіе его было бы бесспорно.

— А... здравствуйте, дружище! — сказалъ профессоръ, увидя входящаго Миколецкаго, сюртукъ котораго былъ застегнутъ на всѣ пуговицы. — Какъ поживаете? По какому случаю вы сегодня ко мнѣ пришли, когда вы должны сидѣть въ судебной камерѣ и потѣть, потѣть и потѣть? — шутливо сказалъ профессоръ, протягивая Миколецкому обѣ руки. — Ну, а если пришли, садитесь-ка сюда! Вотъ мы сейчасъ позвонимъ, принесутъ намъ чайку, и мы потолкуемъ. Интересное дѣло! Вѣрно, подѣлитесь впечатлѣніями?

— Да, дѣло интересное, — сказалъ Миколецкій, значительно сжавъ губы, и сѣлъ на указанный ему стулъ, недалеко отъ профессора. — Вы угадали, — продолжалъ онъ, — мнѣ хотѣлось бы переговорить кой-о-чемъ съ вами. Процессуальную сторону вы знаете, скажу по правдѣ, лучше всякаго практика.

— Можетъ быть, это съ вашей стороны предразсудокъ, будто я кое-что знаю. Зналъ когда-то, да забываю: не то въ головѣ! Охлаждѣлъ я. Но радъ служить. А дѣло представ-

ляется такъ: въ Ботаническомъ саду, который былъ запертъ, неожиданно найденъ трупъ молодой особы; причины ея убійства не только загадочны, но и самый убійца неизвѣстенъ, равно какъ неизвѣстна пострадавшая жертва. Все, однимъ словомъ, неизвѣстно. И вотъ слѣдствию предстоитъ разрѣшить, на фонѣ этого мрака, вопросы: во-первыхъ, кто жертва, во-вторыхъ, кто убійца, и, въ третьихъ, какой мотивъ? Это, такъ сказать, банальная картина...

— Совершенно вѣрно, Константинъ Дмитричъ,—сказалъ Миколецкій.—Прежде, точно, я бы очень былъ взволнованъ, но теперь тоже усталъ — примелькалось: довольно часто имѣешь дѣло съ человѣческой жестокостью и звѣрствомъ. Нынѣшнее дѣло изъ ряду вонъ, но оно ужъ меня не такъ трогаетъ, какъ бы тронуло лѣтъ десять тому назадъ.

— А между тѣмъ,—продолжалъ профессоръ, пристально посмотрѣвъ на Миколецкаго, — въ этомъ дѣлѣ, сколько я, конечно, могу сообразить по слухамъ, слѣдствіе не слѣдовало бы начинать банально.

— То есть?—спросилъ Миколецкій, спохватившись.

— А то есть, любезнѣйшій другъ мой, прежде всего надо было выставить трупъ. Навѣрно его признали бы: не съ неба же онъ свалился.

— Да, профессоръ, я думаю, что это только вопросъ нѣсколькихъ часовъ. Завтра ужъ навѣрно разъяснится. А пока у меня въ рукахъ нѣсколько нитей.

— Все таки нити имѣются. Какія же нити? Покажите ихъ!—спросилъ Маслюкъ.

— Заявленіе Гошала, сдѣланное нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ о пропажѣ его дочери, Маргариты, предварительно соблазненной армейскимъ офицеромъ Аловайскимъ. Не смотря на розыски, Маргариты нигдѣ не могли найти.

— Такъ вы думаете, что это Маргарита?

— Я не думаю, но можетъ быть.

— Ну те, а другая нить?

— А другая нить... сію минуту въ анатомическій театръ, для осмотра убитой, являлись Козенсъ и Розенкранцъ, оба—лица небезызвѣстныхъ вамъ.

— Какъ же, Розенкранца я очень хорошо знаю: толковый и талантливый жидовинъ, — сказалъ Маслюкъ, надѣлъ

очки и сталъ смотрѣть на Миколецкаго съ удвоеннымъ любопытствомъ.

— Объ этомъ Розенкранцѣ, — понизивъ голосъ, началъ Миколецкій, — мнѣ много разъ случалось слышать, какъ о чловѣкѣ легкомысленномъ и любителѣ женщинъ.

— Да, я это тоже слышалъ, но принимаю его у себя, хоть у меня имѣются взрослыя дочери, и особенно не замѣчалъ, чтобы онъ стремился ихъ увлечь. И онъ женатъ.

— Да. Но онъ живетъ не въ ладахъ съ женой. О Розенкранцѣ мнѣ извѣстно довольно много. Теперь, когда я узналъ, что онъ былъ въ анатомическомъ театрѣ, что онъ заплакалъ, взглянувъ на трупъ, и по своей нервности, свойственной семитамъ, закричалъ: „Сашенька!“ — я не сомнѣваюсь, что у него есть или была какая-то связь съ убитой. И вообще тутъ полный просторъ всякаго рода предположеніямъ.

— Да... а-а-а!.. вотъ что... странно! — сказалъ Маслюкъ раздумчиво. — А я, представьте, не такъ давно былъ у него и не засталъ дома. Былъ я по дѣлу довольно важному, и для него въ особенности: благодаря новому уставу, онъ добился того, что министръ назначилъ его экстраординарнымъ профессоромъ; и мнѣ хотѣлось первому сообщить ему эту новость. Странно. Почему же онъ назвалъ ее Сашенькой, если она Маргарита?

— М-да... Но... Но... Согласитесь сами, что во всякомъ случаѣ это — ниточка!

— Вотъ чай. Не угодно ли? Вы, кажется, съ лимономъ любите. Побольше лимону кладите.

Миколецкій положилъ два куска лимона въ стаканъ и продолжалъ:

— Вслѣдствіе этого, Константинъ Дмитричъ, я командировалъ своего помощника, кандидата на судебныя должности Свербищюкина, чловѣка несомнѣнно талантливаго, хотя и своеобразнаго, слѣдить за Розенкранцемъ. Знаете, чтобы не вышло скандала... я бы не хотѣлъ внезапнымъ арестомъ Розенкранца вызвать неудовольствіе въ университетской средѣ!

— Признаюсь, — сказалъ Маслюкъ, — съ этимъ не надо слѣшать. Подозрѣвать Розенкранца въ убійствѣ нельзя: какъ-

то не вяжется съ представленіемъ объ его довольно свѣтлой личности.

— Что же вы посовѣтуете мнѣ, Константинъ Дмитричъ?

— Помните вы правило, которое я завѣщалъ вамъ, когда вы были еще студентомъ: — „бѣгите шагомъ“.

— Помню.

— Вотъ явился одинъ въ анатомическій театръ, произнесъ слово, которое, какъ искорка, освѣтило на мгновеніе уголовный сумракъ, а затѣмъ явится еще ктонибудь.

— Приходилъ нищій, но...

— Какой нищій? Зачѣмъ?

— Да по этому дѣлу.

И Миколецкій разсказалъ Маслюку о нищемъ Ефименко, святогорскомъ домовладѣльцѣ.

Маслюкъ поправилъ очки и, откинувъ затылокъ на спинку кресла, проговорилъ, глядя не на Миколецкаго, а на полки съ книгами:

— Напрасно, напрасно выпустили; напрасно обошлись недовѣрчиво. Надо быть политикомъ. Какъ же такъ случилось, что вы не повѣрили ему? — обратился онъ къ Миколецкому.

— Да я и самъ думаю... Но дѣло поправимо.

— Бываетъ психологія и психологія, — началъ Маслюкъ. — Пытать, вѣдь, вы не станете, а придется начинать сказку про бѣлаго бычка. Помиритесь съ нищимъ, серьезно говорю вамъ. И это тѣмъ болѣе необходимо, что подозрѣніе ваше падаетъ на Розенкранца. Банально повели дѣло, банально! — заключилъ профессоръ и огорчилъ Миколецкаго. — Все же, — продолжалъ онъ, — нельзя сказать, чтобы день прошелъ безплодно: кое-что онъ принесъ. Изслѣдовали ли вы, однако, вопросъ о томъ, какимъ образомъ проникла убитая въ Ботанической садъ въ то время, когда онъ былъ запертъ?

— Изслѣдовалъ. Меня долго мучило это. И, вмѣсто официального опроса, я прибѣгнулъ къ неофициальнымъ свѣдѣніямъ. Оказалось, что до десяти часовъ калитка сада была отперта, а только въ десять часовъ вывѣшено объявленіе. Значитъ, въ садъ могли проникнуть подозрительные люди. И еще также нашель я улику противъ Розенкранца. Онъ рано утромъ проходилъ мимо Ботаническаго сада, а черезъ пол-

часа, недалеко отъ калитки, договариваль извозчика и былъ, по мнѣнію свидѣтельницы, вдовы чиновника Макаровой, очень взволнованъ.

— Гм... Такъ вотъ какъ! Значить, ларчикъ просто открывался. А то ужъ я думаль Богъ знаетъ что... Видите ли, — съ оживленіемъ началъ профессоръ, — преимущество слѣдствія вдохновеннаго предъ банальнымъ: въ послѣднемъ все предусмотрѣно и вы поставлены въ рамки, а въ первомъ — свобода. Банальное слѣдствіе — только для банальныхъ преступленій.

Съ улицы въ раскрытое окно донеслись звуки бродячей шарманки.

— Сегодня у Эренштолца вечеръ, — сказалъ Миколецкій. — Вы будете Константинъ Дмитричъ?

— Нѣтъ. Зваль онъ меня, но я къ нѣмцамъ рѣдко хожу, въ особенности на официальные торжества. Богъ съ нимъ!

Разговоръ перемѣнился и сталъ вертѣться на университетскихъ интригахъ и на борьбѣ партій. Миколецкій сочувствовалъ русской партіи. Маслюкъ объявилъ — по секрету — своему другу, что онъ собирается поѣхать въ Петербургъ и довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, что такое вся эта сволочь, которая именуеть себя нѣмецкой консервативной партіей.

— Я имъ дамъ доносы писать, я имъ покажу! — грозилъ профессоръ. — Я самъ донесу на нихъ!

XXIX.

На улицѣ, Свербищочкинъ сказалъ Розенкранцу:

— Я поступилъ незаконно, Борисъ Наумычъ; нѣтъ даже постановленія о вашемъ арестѣ. Но отъ васъ зависитъ покориться. Я дѣйствовалъ, какъ импровизаторъ. Въ вашихъ интересахъ желать, чтобы моя импровизація оказалась неудачной. Вашъ обморокъ похожъ на то, что въ химіи называютъ реакціей. Слово: „арестъ“ сослужило мнѣ службу лакмусовой бумажки, которая имѣетъ свойство краснѣть или синѣть отъ кислотъ, я ужъ хорошенько не помню. Но вы не смотрите на прогулку со мной, какъ на арестъ. Я беру свое слово на-

зай. Мы занимаемся прогулкой, какъ выразился сегодня одинъ нищій. Онъ всегда сидитъ недалеко отъ университета.

Розенкранцъ оправился на воздухъ. Онъ шелъ со Свербицкинымъ и взвѣшивалъ свое положеніе.

— Если вы поступили незаконно, — проговорилъ Розенкранцъ, — я предпочитаю идти домой.

— Ну, нѣтъ, я вамъ этого не совѣтую дѣлать, и вы этого не сдѣлаете, — возразилъ Свербицкинъ. — Незаконность фиктивная. Черезъ пять минутъ постановленіе будетъ написано, явится полицейскій, и вы очутитесь въ положеніи не столь благодарномъ, какъ теперь. Какъ ваше здоровье?

— Свербицкинъ, вы представляете странный образчикъ современнаго молодаго человѣка — добродушіе въ соединеніи съ жестокостью! Ваше поведеніе все незаконно. Вы изъ тѣхъ, которые способны подвергнуть обвиняемаго утонченной пыткѣ и при этомъ наслаждаться собственной пронизательностью.

— Вы изобрѣтете способъ выйти сухимъ изъ воды, почтенный профессоръ!

Внезапный приступъ гнѣва охватилъ Розенкранца. Онъ закричалъ, отпрыгивая отъ Свербицкина:

— Отойдите отъ меня! Я не знаю, кто вы такой. Какое вы имѣете право подвергать меня аресту?! Я не считаю себя обязаннымъ давать вамъ въ чемъ бы то ни было отчетъ. Да, можетъ быть, я убилъ Сашеньку. — Извощикъ! — закричалъ Розенкранцъ, увидя въ сумракѣ лунной ночи силуэтъ лошади.

— Тсс! — произнесъ Свербицкинъ, хватая Розенкранца за руку. — Постановленіе объ арестѣ у меня въ карманѣ. Мнѣ стоить позвать перваго городского...

Розенкранцъ покорился. Онъ шелъ съ трудомъ, подавляя чувство животнаго гнѣва. Ему хотѣлось бы броситься на Свербицкина и задушить его, между тѣмъ какъ молодой человѣкъ подвигался впередъ, посвистывая, начиная длиннѣйшіе монологи, обрывая ихъ и предлагая странные вопросы, въ родѣ: „Желалъ бы я знать, что такое звѣзды? солнца это или луны, а также — есть ли темныя звѣзды“?

Они пришли въ камеру судебнаго слѣдователя; и тутъ Свербицкинъ прежде всего прочиталъ Розенкранцу постановленіе и попросилъ его расписаться на повѣсткѣ.

— Это похоже немножко на горчицу послѣ обѣда. Но

— Своя собственная, бывшая графа Борисова. Мы про все равно. Неужодно ли пройти въ эту комнату. Миколецкій васъ ждетъ.

XXX.

Войдя къ Миколецкому, Розенкранцъ уже настолько оправился и приободрился, что могъ довольно объективно и философски относиться къ окружающему. „Вотъ я теперь обвиняемый или подсудимый—я не знаю, какъ это называется“,—сказалъ онъ себѣ,—„а Миколецкій, который глупъ также, какъ и Свербищокинъ, если не болѣе, будетъ стараться вытягивать изъ меня жилы, предполагая, что онъ выше меня нравственно ужъ потому, что я нахожусь теперь въ такомъ положеніи. Конечно, онъ заговоритъ сейчасъ официальнымъ тономъ, хотя когда-то мы были съ нимъ товарищами“.

Но Миколецкій скорѣе дружески заговорилъ съ Розенкранцемъ, какъ съ человѣкомъ, который пришелъ въ гости и, между прочимъ, по дѣлу; онъ даже предложилъ Борису Наумовичу стаканъ чаю.

— Не бойтесь: мы отъ души,—сказалъ при этомъ Свербищокинъ.

Миколецкій строго взглянулъ на помощника, сдѣлалъ ему знакъ, и тотъ вышелъ.

— Вы простите меня, что я потревожилъ васъ въ такой поздній часъ и при такихъ обстоятельствахъ, когда вамъ пріятно было бы, можетъ быть, провести время въ другомъ мѣстѣ; но—знаете—долгъ службы, Борисъ Наумычъ! Я очень благодаренъ вамъ, что вы не отказались. Каждое слово, каждый намекъ, малѣйшее свѣдѣніе въ томъ дѣлѣ, которое насъ теперь интересуетъ, тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, чѣмъ ранѣе они намъ сообщены. Я, конечно, не придаю интимнаго значенія нашей бесѣдѣ: она будетъ имѣть характеръ служебный, но отъ васъ будетъ зависѣть...

— Чтò зависѣтъ?—Отпустить ли меня на ночь домой, или же я останусь въ мѣстѣ значномъ?—съ усмѣшкой проговорилъ Розенкранцъ.

— О, помиуйте!—возразилъ Миколецкій.—Успокойтесь,

Борисъ Наумычъ. Быть можетъ, Сергѣй Петровичъ окрасилъ не въ тотъ цвѣтъ...

— Да въ чемъ я обвиняюсь? Въ убійствѣ? — спросилъ Борисъ Наумовичъ.

— Пока вы ни въ чемъ не обвиняетесь. Я еще не смѣю васъ обвинять, Борисъ Наумычъ, — любезно сказалъ Миколецкій. — Но такъ какъ вы несомнѣнно, знаете въ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе насъ, то не сообщите ли вы?.. Позвольте, я запишу для соблюденія пустыхъ формальностей.. Кто вы такой? Ваше званіе?

— Статскій совѣтникъ Борисъ Наумовъ Розенкранцъ, доцентъ святогорскаго университета. Чѣткую исторію фило-софіи.

— Исповѣданія?

— Православнаго... бывший іудей.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать девятый.

— Подъ судомъ и слѣдствіемъ не были?

— Никогда. А равно не участвовалъ въ походахъ противъ непріятеля.

— Это къ дѣлу не относится, — съ улыбкой сказалъ Миколецкій и сверкнулъ взглядомъ на Розенкранца, точь въ точь какъ Свербищокинъ, или — вѣрнѣе — Свербищокинъ, подражая Миколецкому, такъ точно старался смотрѣть на Розенкранца, какъ посмотрѣлъ теперь его патронъ.

— Вы, разумѣется, не признаёте себя виновнымъ въ убійствѣ неизвѣстной особы, найденной сегодня въ Ботаническомъ саду? — спросилъ Миколецкій участливо.

— Разумѣется.

— Разумѣется, — повторилъ Миколецкій. — А вы знаете, кто она?

— Знаю.

— Это чрезвычайно любопытно. Расскажите, пожалуйста.

— Извольте. Въ прошломъ году, — началъ Розенкранцъ, — я съ своей женой жилъ на дачѣ въ деревнѣ Золотое Гнѣздо. Рядомъ жила семья богатаго еврея Гошала...

— Какъ же, извѣстный еврей, — прервалъ Миколецкій. — У него тамъ своя дача?

жили половину лѣта, ни разу не выдавшись, такъ какъ Гошала избѣгали знакомства со мною по своему фанатизму. Но однажды, въ проливной дождь, къ намъ вбѣжала во дворъ дѣвочка, дочь Гошала, Маргарита.

— Сколько ей было лѣтъ?

— Пятнадцать лѣтъ... и переждала у насъ на балконѣ непогоду. Она понравилась моей женѣ; та приласкала ее и попросила бывать. Маргарита стала являться къ намъ чуть ли не каждый день, но приходила тайно отъ родителей и всего на нѣсколько минутъ. Въ заборѣ, отдѣлявшемъ нашу садъ отъ гошаловскаго, была калитка, а ключъ отъ нея—у Маргариты.

— Какъ все это интересно!

— У нея былъ странный характеръ,—продолжалъ Розенкранцъ:—она много читала, обо всемъ имѣла представленіе... и отличалась крайней неровностью нрава; въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она могла расплакаться и разсмѣяться, быть глубокой, задать философскій вопросъ и кончить дѣтской шуткой.

— Скажите, она казалась ребенкомъ или ужъ въ ней сказывалась женщина? Семитическое племя рано созрѣваетъ.

— Да, женщина рано развилась въ ней, хотя сложенія она была миньютюрнаго или, вѣрнѣе, миньоннаго.

— Миньонистая жидовочка!—вполголоса сказалъ Свербичокинъ изъ другой комнаты.

Миколецкій нахмурился, всталъ, плотно закрылъ дверь и опять сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Ну-съ. Она стала кокетничать съ вами?

— Да, я замѣчалъ, что она кокетничаетъ со мной,—отвѣчалъ Розенкранцъ,—и такъ какъ она была очень хороша собой, то, опасаясь ревнивыхъ замѣчаній со стороны жены, я удалялся отъ Маргариты. Когда она прибѣгала къ намъ, я уходилъ въ свой кабинетъ.

— И все?

— Нѣтъ. Вскорѣ вечеромъ...

— Да выкушайте же стаканъ чаю!

— Благодарствуйте. Вскорѣ вечеромъ, сидя у окна и занимаясь при лампѣ, я услышалъ скрипъ башмаковъ и сдержанный смѣхъ въ цвѣтникѣ, который былъ разбитъ передъ

окнами нашей дачи. Жена моя уже спала. Не догадываясь, что бы это значило, я приподнял шторы и увидѣлъ Маргариту. Она въ сумракѣ стояла противъ меня, приложивъ палецъ къ губамъ. Все ея лицо дрожало отъ смѣха или, можетъ быть, отъ страха—въ ея душѣ могли соединиться самыя противоположныя чувства.

— Ну-те.

— Я невольно подчинился впечатлѣнію, которое произвела на меня эта неожиданная сцена...

— Да?

— И спросилъ у Маргариты, что нужно ей. Въ отвѣтъ она послала мнѣ только воздушный поцѣлуй и убѣждала.

— Вы рассказали объ этомъ женѣ? (простите мою нескромность).

— Нѣтъ. Но на другой день я нарочно остался на балконѣ послѣ обѣда: въ это время обыкновенно появлялась у насъ Маргарита. Жена сидѣла въ саду, на другомъ концѣ его, и варила варенье. Такимъ образомъ, никто не могъ помѣшать моей бесѣдѣ съ эксцентричной дѣвушкой. Она, дѣйствительно, прибѣжала и протянула мнѣ руку, но я встрѣтилъ ее скорѣе строго, чѣмъ любезно, и прочиталъ наставленіе. Выслушавъ меня, Маргарита вдругъ покраснѣла, расплакалась, кинулась ко мнѣ на шею и такъ крѣпко стала цѣловать, что я испугался за нее: мнѣ пришло впервые въ голову, что эта дѣвушка несовсѣмъ нормальна. Въ негодованіи на мою сдержанность, она исципала мнѣ руки. Но я добился того, что она дала мнѣ слово не позволять себѣ болѣе такихъ неприличныхъ выходовъ.

— Благороднѣе трудно поступить, Борисъ Наумычъ. Но вы этимъ только ограничились?

— Чтобы упорядочить ея душу, я сталъ давать ей книги въ систематической послѣдовательности и поручилъ женѣ дѣлать то же самое, когда принужденъ былъ уѣхать за границу на философскій съѣздъ, по случаю юбилея Окена.

— Какія книги давали вы ей?

— Классиковъ греческихъ и латинскихъ, французскихъ и русскихъ; кромѣ того, евангеліе.

— Превосходная программа. Нельзя не одобрить вашего выбора. Что же дальше?

— Когда я вернулся осенью, жена моя переѣхала уже въ городъ, и всю зиму мнѣ ни разу не пришлось увидѣть Маргариту Гошалъ, хотя въ началѣ учебнаго сезона я получалъ отъ нея письма.

— Какого содержанія?

— Любовныя и даже безумныя, съ просьбой отвѣчать *poste restante*.

— Вы отвѣчали?

— Я отвѣтилъ только на послѣднее изъ нихъ холодно и сухо. Переписка прекратилась въ ноябрѣ. Въ январѣ я получилъ отъ Маргариты письмо совсѣмъ другаго характера: она распространялась въ немъ о христіанствѣ, о своей ненависти къ евреямъ и о томъ, что это чудовищно, такъ какъ все же евреи — ея братья, а христіане никогда не простятъ ей жидовства. Въ послѣднемъ есть значительная доля правды... Потомъ она спрашивала у меня совѣта, не поступить ли ей въ монастырь, чтобы замолить какой-то страшный грѣхъ, который она сдѣлала. Признаюсь въ своемъ малодушіи: я побоялся отвѣчать ей; отвѣтъ могъ бы скомпрометировать меня. Затѣмъ, уже въ первыхъ числахъ марта, прочитавъ замѣтку въ „Лучѣ“, я узналъ, что Маргарита Гошалъ бѣжала изъ родительскаго дома.

— Какъ вы къ этому отнеслись, Борисъ Наумычъ?

— Не помню. Кажется, безразлично. А въ концѣ марта ко мнѣ явилась госпожа Дербягина, содержательница секретнаго убѣжища для роженицъ, и объявила, что моя хорошая знакомая подверглась несчастью и просить моей помощи. При этомъ, она передала мнѣ записку.

— Отъ Маргариты Гошалъ?

— Да. Я сейчасъ узналъ руку Маргариты, да и записка была наполнена беспорядочными выраженіями, которыя были ей свойственны. Я поѣхалъ въ убѣжище на улицѣ Гнидой Яръ и сталъ навѣщать бѣдняжку, помогая ей всѣмъ, чѣмъ только могъ. Ея ребенокъ уже умеръ, когда я увидѣлъ ее; но, вмѣсто него, она приобрѣла куклу.

— Гм... въ вашемъ талантливомъ разсказѣ я начинаю видѣть Маргариту Гошалъ... она воскресаетъ передо мной... Итакъ, вы навѣщали бѣдняжку.

— Не знаю, чѣмъ объяснить, но странное впечатлѣніе,

которое производила на меня эта дѣвушка,—продолжалъ Розенкранцъ,—постепенно перешло въ какое-то теплое чувство. Я не могу сказать, чтобы это было только состраданіе; это чувство шло объ руку съ состраданіемъ.

— Если васъ стѣсняетъ, то вы можете не особенно распространяться о вашемъ чувствѣ къ Маргаритѣ, — вѣжливо посовѣтовалъ Миколецкій.

— Въ моемъ чувствѣ къ ней не было ничего дурнаго, — сказалъ Розенкранцъ.—Я искренно хотѣлъ, чтобы она уѣхала на мой счетъ куданибудь подальше изъ Святогорска, напри- мѣръ, за границу, и тамъ стала бы учиться. Впрочемъ, у меня были въ отношеніи ея неопредѣленные планы: я только все больше и больше привязывался къ Сашенькѣ.

— Къ Сашенькѣ?

— Я привыкъ къ ея новому имени, хотя она приняла христіанство только въ душѣ: она опасалась, что родные узнаютъ, гдѣ она, если она объявитъ о своемъ желаніи креститься, и что тогда ей не сдобровать. Въ самомъ дѣлѣ, я не думаю, чтобы вамъ было интересно слѣдить за всѣми подробностями моихъ интимныхъ отношеній къ этой дѣвушкѣ. Но, во избѣжаніе ложнаго освѣщенія этихъ отношеній, я долженъ сказать разъ навсегда, что мое нѣжное чувство къ Сашенькѣ, не смотря на его неопредѣленность, было чисто братское: мнѣ было безконечно жаль ея—и только.

Миколецкій кивнулъ головой.

— Все время она была болѣзненна, — продолжалъ Розенкранцъ, — и стала поправляться только въ маѣ. Женщиной она мнѣ не казалась, не смотря на свое материнство, и этому отрицательному впечатлѣнію помогали короткія платья, которыя она носила изъ страннаго кокетства. Болтливость ея не была безгранична: я не узналъ отъ нея, какимъ образомъ сошлась она съ тѣмъ человѣкомъ, который воспользовался ея душевной неустойчивостью и затѣмъ сейчасъ же бросилъ и забылъ ее. Я догадываюсь, что онъ не бывалъ у Гошала. Вамъ это, конечно, легче узнать. Это былъ армейскій офицеръ, по фамиліи Аловайскій.

Миколецкій опять кивнулъ головой.

— Ему сорокъ съ чѣмъ-то лѣтъ; онъ выслужился изъ писарей, — продолжалъ Розенкранцъ. — Конечно, онъ рассчиты-

валь, что Маргарита, убѣжавъ изъ дому, захватить съ собой брилліанты матери или бумажникъ отца-милліонера. А когда она явилась къ нему съ пустыми руками, онъ на другой же день прогналъ ее.

— Значить, Маргарита все таки говорила о немъ?

— Да, говорила или, точнѣе, начинала говорить и, какъ только начнетъ, размѣется и заплачетъ вмѣстѣ. Странно, къ числу симпатичныхъ сторонъ Аловайскаго она относила его грубость. При этомъ, она какъ-то мечтательно смотрѣла въ даль и обѣ руки клала себѣ на темя.

— Весьма картинно. Скажите, пожалуйста, что такое убѣжище Дербягиной? Былъ тамъ какой нибудь комфортъ, кромѣ уединенія?

— Комфорта не было... Я нѣсколько разъ убѣждалъ Маргариту или Сашеньку, но не было никакой возможности убѣдить ее—переехать отъ Дербягиной. Ужасная обстановка: въ которой она жила, притягивала ее къ себѣ, или ей было жаль огорчить акушерку и лишиться заработка. Въ ближайшемъ будущемъ она хотѣла сдѣлаться или ученой женщиной и получить степень доктора, или поступить въ циркъ и сдѣлаться наѣздницей.

— Фантазіи ненормальной головки!—замѣтилъ Миколецкій съ улыбкой. — Борисъ Наумычъ, но, можетъ быть, она говорила вамъ о своихъ родныхъ? Ея бѣгство изъ-подъ родительскаго крова весьма интересно; и надо бы намъ прослѣдить, какъ оно отразилось, въ концѣ концовъ, на ея судьбѣ. Конечно, она боялась родныхъ?

— О родныхъ она говорила часто, но любила только отца, мать свою называла бездушной жидовкой, сестру душой, а при имени зятя своего, Рувима Шарпаховскаго, она блѣднѣла и закрывала лицо руками. Она признавалась, что онъ училъ ее страшнымъ мерзостямъ.

— Вотъ какъ!

— Какимъ-то образомъ онъ узналъ о тайныхъ свиданіяхъ ея съ Аловайскимъ...

— Пожалуйста, пожалуйста, продолжайте! Вашъ рассказъ опрокидываетъ всѣ мои догадки и выдвигаетъ новыя данныя...

— Она рассказывала мнѣ, что съ вечера мать ея, пошептавшись съ Рувимомъ, напоила ее сладкимъ виномъ и

рѣзко цѣловала, отпуская спать, — началъ Розенкранцъ, помолчавъ и какъ бы вспоминая. — Но когда Маргарита проснулась отъ страшной боли, она увидѣла себя связанной по рукамъ и по ногамъ. Мать въ своемъ атласномъ капотѣ ходила по спальнѣ и сердито кричала: „Не жалѣйте ея!, не жалѣйте! такъ ее, такъ!“ Сестра, съ искаженнымъ блѣднымъ лицомъ, держала ее за голову, а Рувимъ билъ. Наконецъ, сестра надѣла на нее наволочку и завязала вокругъ шеи. Чтò съ ней потомъ дѣлали, она не помнитъ, потому что упала въ безсознательное состояніе. Но утромъ она увидѣла себя опять свободной; мать пришла и, ласково улыбаясь, спросила: какъ она провела ночь. Отъ этого вопроса съ Маргаритой сдѣлался припадокъ бѣшенства. Но мать все также ласково объявила ей, что, если она не исправится, ей каждую ночь будутъ сниться дурные сны. Тогда она рѣшилась убѣжать къ Аловайскому... Я полагаю, — вострепнувшись, началъ Розенкранцъ послѣ новой паузы, — что Дербягина, у которой проживала Сашенька, имѣла и имѣеть извращенное представленіе о моихъ отношеніяхъ къ этой дѣвушкѣ: я не объяснялъ ей ничего, а только платилъ деньги и просилъ слѣдить за каждымъ шагомъ своей пациентки. Мнѣ всегда казалось, что Сашенька сдѣлаетъ чтонибудь неожиданное. Есть такіе характеры, которые проявляютъ себя самыми неожиданными выходками. Сашенька принадлежала къ такимъ характерамъ. Пріѣхавъ сегодня въ убѣжище, я былъ крайне огорченъ, но не удивленъ. Мнѣ даже вообразилось, что у нея завелась какаля нибудь новая любовная интрига — и это меня не удивило бы. Наконецъ, я могъ ждать печальнаго конца для Сашеньки, въ виду ея недоразумѣнія съ родными. Я хорошо знаю евреевъ. Они мстительны. Я испугался, что Сашеньку выманили изъ убѣжища съ тѣмъ, чтобы куда нибудь запереть и потомъ насильно выдать замужъ за любого жидка. Что Сашенька будетъ убита, мнѣ это не пришло въ голову, но, узнавъ въ Борцовкѣ о происшествіи въ Ботаническомъ саду, я ужь почти не сомнѣвался, что это Сашенька, какъ можно скорѣе поспѣшилъ въ городъ и убѣдился въ своей догадкѣ, посѣтивъ анатомическій театръ, вмѣстѣ съ Козенсомъ, потому что одному было страшно идти. Затѣмъ, на нѣсколько минутъ я заходилъ къ репортеру Блекотику,

который самъ позвалъ меня, чтобы разспросить, что я видѣлъ въ анатомическомъ театрѣ. Наконецъ, — у Эренштолца. Узнавъ Сашеньку, я не объявилъ, кто она, изъ ложнаго страха за свою репутацію. Впрочемъ, я хотѣлъ это сдѣлать завтра. Но что отношенія мои къ покойной были чисты и что не я виною ея позора, можно убѣдиться изъ ея писемъ, которыя, къ счастью, сохранились у меня отъ перваго до послѣдняго.

— Вы доставите намъ эти письма?

— Непремѣнно.

Миколецкій помолчалъ и началъ официально ласковымъ голосомъ:

— Видите ли, Борисъ Наумычъ, ваше поведеніе по отношенію къ убитой Маргаритѣ Гопалъ такого рода, что не удивительно, если у судебной власти могло возникнуть нѣкоторое косвенное подозрѣніе. Оно оправдалось, во всякомъ случаѣ, въ томъ, что мы узнали отъ васъ такія подробности, которыя положительно драгоценны для насъ. Затѣмъ, вамъ легко будетъ совершенно очистить себя отъ какихъ бы то ни было уголовныхъ инсинуацій: — вы расскажете шагъ за шагомъ весь истекшій день со времени вашего выхода изъ дому, подтвердивъ все это свидѣтельскими показаніями; и къ суду вы привлечены не будете. Я не вѣрю, чтобы были такія несчастныя обстоятельства, при которыхъ невинные люди принимались бы за убійцъ. Если свидѣтели—народъ достовѣрный, да и въ томъ даже случаѣ, если они лжесвидѣтели, слѣдователь все таки узнаетъ истину,—на днѣ колодца. Скажите, Борисъ Наумовичъ, не имѣете ли вы сами на когонибудь подозрѣній? Думаете ли вы, что ее убилъ Аловайскій?

Борисъ Наумовичъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ. Не знаю.

— Не думаете ли вы, что тутъ замѣшаны родные? — понизивъ голосъ, спросилъ Миколецкій.

— Я ни на кого не имѣю подозрѣнія,—отвѣчалъ Розенкранцъ.—Я позволю себѣ сдѣлать только замѣчаніе, что проникнуть въ Ботаническій садъ она могла прямо черезъ калитку, которая была до десяти часовъ отворена; по крайней мѣрѣ, я въ это время видѣлъ ее открытой, когда бралъ извозчика, чтобы ѣхать въ Гнилой Ярѣ.

— Вы узнаете извозчика, на которомъ вы ѣздили?

— Какъ же, я даже знаю, какъ его зовутъ—Игнатъ.

— Однако мы съ вами заболтались, Борисъ Наумовичъ,— смотрите, начинается свѣтать.

Въ окно камеры сталъ пробиваться блѣдный свѣтъ занимающагося дня.

— Ради Бога, простите меня, что я такъ нахально задержалъ васъ — присталъ, что называется, съ ножомъ къ горлу. Но да послужить вамъ утѣшеніемъ, что и самъ я до сихъ поръ не сплю. Быть можетъ, завтра я опять попрошу васъ пожаловать ко мнѣ. Не уѣзжайте изъ города. Кстати, дайте подписку. А теперь намъ пора домой. Найдете ли вы извозчика? Выйдемъ вмѣстѣ: я могу васъ подвести въ своемъ экипажѣ.

Онъ отворилъ дверь въ сосѣднюю комнату. Свербищочкинъ спалъ, сидя въ креслѣ и уронивъ голову на столъ, покрытый краснымъ сукномъ.

— Сергѣй Петровичъ! Сергѣй Петровичъ!

Молодой человекъ вскочилъ, весело раскрылъ глаза, словно онъ притворялся спящимъ, и удивился, что уже свѣтаетъ.

— Время-то, время-то какъ летитъ!—закричалъ онъ.— „О, время—конь неутомимый...“ сталъ онъ декламировать.

И всѣ вышли на улицу.

XXXI.

Посидѣвъ еще на крылечкѣ послѣ ухода Розенкранца и Козенса, Осипъ Ивановичъ зѣвнулъ, сладко потянулся и, слегка пошатываясь отъ табачнаго дыма, отправился въ свою каморку. „Что дѣлать теперь? спать?“—спросилъ онъ самого себя и отвѣтилъ: „Спать, потому что утро вечера мудренѣе“. И хотя ему не предстояло на утро никакихъ проблемъ и никакими сложными и головоломными вопросами онъ не былъ занятъ вечеромъ, но эта пословица показалась ему наиболѣе приличной ученому званію сторожа анатомическаго театра. Онъ выкурилъ еще одну трубочку, раздѣлся и легъ. Конечно, прежде чѣмъ заснуть, онъ долженъ былъ прочитать нѣскольکو страницъ изъ „Животнаго магнетизма“. При свѣтѣ керо-

сяновой лампочки, Осипъ Ивановичъ читалъ вполголоса: „Лицо, производящее опытъ оживленія трупа при помощи магнетическихъ пассовъ, должно надѣяться, что подь оживленіемъ оно не можетъ подразумѣвать полнаго пробужденія сознательныхъ процессовъ. Бывали, тѣмъ не менѣе, случаи по истинѣ изумительные, если вѣрить знаменитому Гюи-де-Гюиллю Авиньонскому и Буабдилу Мудрому. Сей послѣдній, взявъ къ себѣ тѣло нѣкоего жантильома Тушю, у котораго за богохульство былъ вырванъ языкъ черезъ затылокъ, положилъ его на мраморный столъ и, производя движенія руками по направленію отъ высшихъ точекъ лба до большихъ пальцевъ нижнихъ конечностей, добился не только мышечнаго сокращенія членовъ, но и явственно услышалъ хрипѣніе изъ горла, сопровождаемое потокомъ жидкой крови и вращеніемъ глазъ, загорѣвшихся таинственной жизнью. Что же до свидѣтельства Гюи-де-Гюиля Авиньонскаго, то многіе сомнѣваются въ его основательности. Напримѣръ, онъ утверждалъ, что свои магнетическія операціи онъ могъ производить черезъ могильную насыпь, заставляя покойниковъ изъ глубины гробовъ произносить внятные слова. Одинъ испанскій студентъ, похитивъ трупъ молодой дѣвушки съ цѣлю изученія на немъ анатоміи, почувствовалъ къ красотѣ усопшей ничѣмъ непреодолимое влеченіе. Онъ тщетно боролся между двумя чувствами — любовью къ наукѣ и любовью къ трупу. Наконецъ, полный отчаянія, онъ сталъ производить надъ покойной дѣвушкой магнетическое истеченіе и, черезъ нѣсколько часовъ упрямаго и настойчиваго преслѣдованія своей цѣли, пробудилъ красавицу отъ смертнаго сна и убѣждалъ съ нею за границу, изъ опасенія быть сожженнымъ на кострѣ въ суевѣрномъ отечествѣ своемъ, послѣ чего прожилъ болѣе сорока лѣтъ въ полномъ семейномъ счастьѣ и согласіи. Потомки его доселѣ живутъ въ бывшемъ королевствѣ Наварскомъ и пользуются благосостояніемъ. Мы бы могли умножить до безконечности случаи въ этомъ родѣ, но умалчиваемъ за недостаткомъ мѣста и не желая открывать всю завѣсу для непосвященныхъ; посвященные же знаютъ и безъ насъ истину во всемъ ея объемѣ и величіи“.

Дочитавъ до этихъ строкъ, Осипъ Ивановичъ слегка задумался. Вѣки его тяжелѣли. Онъ загасилъ лампу и пытался

заснуть. Сонъ вообще не былъ во враждѣ съ Осипомъ Ивановичемъ, онъ любилъ его общество и довольно послушно прилеталъ на его зовъ. Такъ случилось и теперь. Черезъ нѣкоторое время, полная тишина водворилась въ анатомическомъ театрѣ, и только тамъ и сямъ скреблись мыши.

Никакихъ грѣзъ и никакихъ сновидѣній! Осипу Ивановичу ничего не снилось, потому что умъ его истратилъ на сновидѣнія свою энергію еще послѣ обѣда. Только къ концу перваго сна примерещилось ему что-то въ родѣ длиннаго, длиннаго коридора, залитаго луннымъ сіяньемъ. По коридору или по темной улицѣ бѣжить оживленный трупъ, и шагъ его тяжелъ, словно это не трупъ, а чугунная статуя. Осипъ Ивановичъ, ревнуя о неприкосновенности достоянія анатомическаго театра, гонится за трупомъ и кричитъ: „Лови, лови! Держи его!“

Когда онъ проснулся, изъ окна его каморки лился лунный сѣтъ и густой бѣлой полосой лежалъ на полу. Въ сивеватомъ полупрозрачномъ сумракѣ, наполнявшемъ каморку, за предѣлами луннаго свѣта слабо рисовалась человѣческая фигура. Осипъ Ивановичъ взглянулъ на нее и сказалъ:

— Я отлично знаю, что ты состоишь изъ моей лѣтней шляпы, изъ полотенца и изъ коломянковыхъ брюкъ. Ты иллюзія! Ха, ха!

Не торопясь, онъ надѣлъ сапоги и — вмѣсто халата — пальто, подошелъ ближе къ человѣческой фигурѣ и ощупалъ ее руками.

— Ну, да, мой милый, я былъ правъ! Поэтому я сниму съ тебя голову и повѣшу ее отдѣльно.

Онъ перевѣсилъ шляпу на другой гвоздикъ. Но безпокойное чувство наполнило его душу. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по каморкѣ, искоса поглядывая на разобценныя части человѣческой фигуры.

— Людей на землѣ нѣтъ, — сказалъ Осипъ Ивановичъ, останавливаясь и обращаясь къ обезглавленной фигурѣ: — есть только дураки!

Затѣмъ онъ опять сталъ ходить взадъ и впередъ, но вскорѣ началъ, останавливаясь:

— Первый дуракъ — я. Я тридцать третій годъ въ анатомическомъ театрѣ; черезъ мои руки прошло болѣе двадцати

тысяч мертвенькихъ — чернорабочихъ, падшихъ женщинъ, солдатъ, образованныхъ самоубійцъ, очаровательныхъ горничныхъ, скончавшихся отъ пристрастія къ мышьяку, и молоденькихъ швей, пожелавшихъ обратиться къ фосфорнымъ спичкамъ; на моихъ столахъ лежали студенты и такія барышни, которыя никому не снились, а онѣ улыбались, когда я смотрѣлъ на нихъ. Можно было бы привыкнуть! Однако же, каждый разъ, когда въ залѣ лежатъ новенькіе, я боюсь. Вѣдь никогда не случалось, чтобы они вставали и ходили! А вотъ, подите же, именно, еслибъ они вставали и ходили, еслибъ я могъ ихъ намагничивать и пить съ ними чай въ часъ ночи, я бы вовсе не боялся. Вѣдь пью же я чай съ Ермиломъ Слизневымъ! А теперь, когда я смотрю даже на тебя, безмозглый, несуществующій призракъ, нарядившійся въ мои панталоны, что-то просыпается здѣсь, подъ сердцемъ!

Такъ разуспудаль Осипъ Ивановичъ и все ходилъ. Раздался стукъ въ дверь.

— Осипъ Иванычъ, ты, должно, не спишь?

— Нѣтъ, не сплю. Кто тамъ? Это ты, Ермиль?

— Я.

— Чего тебѣ надо? Войди!

Ермиль вошелъ и остановился на порогѣ.

— Полунощичаешь?— строго спросилъ Осипъ Ивановичъ.

— Да что, братъ Осипъ Иванычъ, житья нѣтъ!

Ученый сторожъ пожалъ плечами.

— Какъ ты можешь говорить, что тебѣ житья нѣтъ? — началъ онъ, продолжая ходить.— У тебя нѣтъ для этого мыслей. Ты, что называется необразованный смердъ! Именно смердъ—названіе твоему занятію. Твоя обязанность—подметать анатомическій театръ, складывать руки, ноги, внутренности въ корзинки, или же варить въ котлѣ кости. Вотъ твоя обязанность. Низшая обязанность! Откуда у тебя можетъ быть тоска существованія? Другое дѣло—я, братъ! Я все долженъ помнить, все знать, каждую жилочку я долженъ вообразить и рассказать, и всегда долженъ быть на чеку... Профессоръ забылъ,—кто же вспомнить, какъ не я? Теперь инъекція... Ты варишь краску, а не понимаешь для чего. Я—заспринцуй, научи студента, отпрепаруй за него, артеріи наполни красной инъекціей, вены синей, да покрой все ла-

комъ, да высуши, да въ витрину подъ стекло. Отвѣтственность у меня большая! Вотъ по неволѣ ходишь ночью; встанешь—и то, и другое, и третье надо. Голова, братъ, кругомъ идетъ! А ты жалкій червь, Ермилъ! „Житя нѣтъ!“

— Ты не женатъ, Осипъ Ивановичъ. Она какъ почнетъ грызть, на край свѣта сбѣжишь. въ котлѣ самого себя сваришь! Ей богу.

— Надо презирать, Ермилъ! — наставительно сказалъ Осипъ Ивановичъ.

— Легко, Осипъ Ивановичъ, говорить, а побылъ бы ты въ моей шкурѣ! Я не то, что ты: я не боюсь мертвыхъ, мнѣ это занятіе по сердцу. Все равно, на томъ свѣтѣ будутъ—вари ихъ, не вари, а въ свое время воскреснуть. И начальство лучше насъ знаетъ. Но семейному невозможно здѣсь быть. Огорченіе, Осипъ Ивановичъ! Я такъ думаю, что съ анатомическаго театра у моей Пелагеи началась судорога.

— Какая судорога?

— Судорога въ челюстяхъ. Глянь-ка!

Ермилъ вынулъ изъ кармана спичку, чиркнулъ о стѣнку и, пока разгорѣлось голубоватое пламя, поднесъ ее къ лампочкѣ. Желтый свѣтъ керосиноваго пламени смѣшался съ голубымъ луннымъ, и Ермилъ показалъ Осипу Ивановичу свою руку, обнаживъ ее выше локтя.

— Ну?—насмѣшливо спросилъ Осипъ Ивановичъ.

— Какъ щука!—вскричалъ Ермилъ.—Сдѣлать зубами—нѣтъ никакой легкой возможности уйтить. „И сама, говорить, не рада, да—что дѣлать? — не могу“, говорить. Я вотъ, Осипъ Иванчъ... нельзя ли здѣсь пристроиться — ночь сморотать? Пропади она прѣпадомъ, бѣшеная!

— Почуй. Мнѣ же веселѣй будетъ,—сказалъ Осипъ Ивановичъ.—Эко бабѣ!—произнесъ онъ.

— Да, худо съ ними, — сказалъ Ермилъ, садясь на деревянный стулъ и уныло глядя на искусанную руку. — А и безъ нихъ трудно.

— Отчего же трудно? Я обхожусь, — возразилъ Осипъ Ивановичъ.

— Ты другое дѣло, Осипъ Ивановичъ! У тебя характеръ такой! А мнѣ, какъ придетъ пора, хоть тресни, подавай

жену, ходи возлѣ меня, дабы зналъ я, что ты есть моя собственность. Вотъ какой я, Осипъ Иванычъ!

— Эхъ, братъ! такихъ собственностей много, лишь бы въ карманѣ брякало!

— Осипъ Иванычъ, я приверженность къ одной имѣю. И всѣмъ бы хороша моя была, всѣмъ бы, Осипъ Иванычъ... и... всѣмъ! Но... судорога проклятая!..

— Хочешь съ горя пропустить по маленькой? — сказала Осипъ Ивановичъ, подмигнувъ Ермилу.

— А развѣ есть?

— Какъ не быть! У меня есть. Вотъ ты говоришь: я боюсь покойниковъ, а я, братъ, передъ твоимъ приходомъ думалъ. что кабы покойники приходили ко мнѣ изъ мертвецкой и пили со мной, — весело было бы, братъ Ермилъ! А ты утверждаешь, что я боюсь. А еслибы я боялся, я бы во флигелѣ жилъ. Нѣтъ, меня тянетъ къ покойникамъ. Это у меня призваніе, Ермилъ, и ты тоже этого понять не можешь; у тебя вонъ судорога—гдѣ же тебѣ понять? И странное, братецъ ты мой, дѣло,—началъ онъ, доставая изъ шкафика бутылку съ водкой и совсѣмъ засохшій кусочекъ балыка: — теперь наукой дознано, что нѣтъ никакихъ тайныхъ силъ, что все это борьба элементовъ, водородъ и азотъ... что, вообще, скоро будутъ человѣка дѣлать въ стеклянной ретортѣ посредствомъ древесной коры. А... но, между тѣмъ, откуда берется страхъ? Мы съ тобой знаемъ, что мертвенькихъ къ намъ привезутъ, мы ихъ на части разрѣжемъ, сваримъ въ котлѣ; потомъ это все сгніетъ, все это похоронять и черезъ три года, покопавши, найдешь, гдѣ похоронилъ. Однако же, куда это все дѣвается? Что это такое душа? Надѣюсь, никакой души нѣтъ, а только зачѣмъ же сомнѣніе? Кабы не сомнѣніе... Ужь на что студенты! Я у нихъ спрашивалъ сколько разъ, какое теперь изобрѣтеніе. Да, говорятъ, все по прежнему, насчетъ души ничего неизвѣстно. Такъ-съ, Ермилъ, это-то и одолѣваетъ. А ты—судорога! что такое судорога? Одна съ судорогой, другая безъ судороги. Экая невидаль! Ну, прогони жену!

— Осипъ Иванычъ, я ее очень люблю,—сказала Ермилъ, глотая водку.

— Дуракъ—а мясо человѣческое варишь! Любить не по-

лагается нашему брату! Ты этого не можешь сообразить, это не твоихъ понятій, — сурово сказалъ Осипъ Ивановичъ и сталъ грызть балыкъ. — Ты посмотри, Ермилъ, до чего любовь доводитъ людей! Я вотъ четвертый десятокъ въ анатомическомъ театрѣ, и повѣришь ли, каждый годъ бываетъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ отравленій и самоубійствъ отъ любовной грусти. Это — которыхъ къ намъ доставляютъ, а сколько такъ еще, недоставленныхъ! Тамъ, глядишь, дурочка повѣсилась на шею первому встрѣчному; онъ ее натурально бросилъ, а она сейчасъ — куликъ на тотъ свѣтъ. Тамъ мужъ засталъ жену въ часъ объятія и пошабашилъ съ собой изъ револьвера. А тамъ, въ публичную женщину влюбился, не могъ наставить ее и покончилъ съ собой писарекъ. Все это предразсудокъ, а по моему, отчего жъ бы не выбрать другаго, коли одинъ измѣнилъ — не все равно? А ты отъ судороги страдаешь. Экъ, нѣжный! Выпей-ка еще рюмочку.

Ермилъ, ухмыляясь на водку, опрокинулъ рюмку въ ротъ, обтеръ его рукавомъ и, помотавъ головой, спросилъ:

— Что это? гдѣ это играютъ?

— Музыка? — спросилъ Осипъ Ивановичъ, прислушиваясь. — Дѣйствительно. Мм... это у Эренштольца, у профессора балъ сегодня. Чтò бы бѣднымъ раздать! — сталъ философствовать Осипъ Ивановичъ, хмѣлѣя. — Богатствъ сколько на свѣтѣ!

— Мнѣ бы тысячу достаточно, — сказалъ Ермилъ, облизываясь.

— Ну, мнѣ мало, братъ, тысячи, — возразилъ Осипъ Ивановичъ. — Я, братъ, хоть простаго происхожденія, но душа у меня не простая. Я хочу особенныхъ преимуществъ, согласно моимъ понятіямъ. Можетъ быть, Ермилъ, я еще не такъ старъ, какъ ты думаешь, и кровь-то во мнѣ еще бунтуетъ, даромъ что я презираю все и плюю на твою судорогу. Можетъ быть, Ермилъ, и я не прочь потанцевать... Было время, отличался, да какъ, Ермилъ! Было это лѣтъ двадцать пять тому назадъ, ужъ я состоялъ при анатомическомъ театрѣ. Поступилъ къ намъ прозекторомъ молоденькій господинъ, этакій франтъ — всегда въ бѣлыхъ воротничкахъ и духами отъ него пахнетъ; однако, дѣло свое разумѣлъ. Я ему приглянулся, онъ сталъ мнѣ покровительствовать: „я, говорить, сдѣлаю

изъ тебя, Осипъ Ивановичъ, врача... Хочешь, будешь прозекторомъ"? Конечно, онъ какъ будто шутилъ, а въ серьезности его предложенія я не сомнѣвался. И отъ меня зависѣло. Сталь я ходить къ прозектору, а фамилія его была Ястребцовъ, и у него двоюродная сестра, я тебѣ скажу, красавица не красавица, а лучше красавицы, потому, во-первыхъ, восемнадцатъ лѣтъ, во-вторыхъ, коса вотъ этакая до пятъ, русая, а брови черныя, глаза голубыя, ну и ротъ... Разумѣется, я на нее смотрю, она же на меня никакого вниманія: барышня и только что кончила институтъ и, — напротивъ, даже — какъ только прихожу, сейчасъ она алевузанъ въ свою спальню. Замѣчаю я, что дурно пахну и что это производитъ на нее дѣйствіе, сталь тоже душиться розовой эссенціей. Такъ я душился полгода и, наконецъ, чувствую, что наступила моя очередь — пулю въ лобъ или отраву, или веревку. Прозекторъ же Ястребцовъ все меня къ себѣ приглашаетъ, говоритъ со мной о равенствѣ, о томъ, что теперь не такія времена, что идеалы... что за границей на насъ смотрятъ съ презрѣніемъ, какъ на дикарей, и что былъ знаменитый философъ Жанъ-Жакъ Руссо. Я слушаю, а тѣмъ временемъ нѣтъ, нѣтъ да все на Наталью Гавриловну однимъ глазкомъ. Какъ вдругъ рѣшаюсь на отчаянное признаніе; если, думаю, Жанъ-Жакъ Руссо — и за границей на насъ такъ смотрятъ, то отчего же не сдѣлать предложенія? Робко я ей все это объяснилъ, но она захохотала, прозекторъ тоже на меня взглянулъ страннымъ взглядомъ и даже пульсъ мой пощупалъ; однимъ словомъ, обидѣли меня. Не знаю, какъ я остался живъ, но перенесъ. Хоть и дуракъ, но не окончательно! — съ гордостью заявилъ Осипъ Ивановичъ. — Такъ видишь ли, Ермилъ, какія у меня были намѣренія и планы. А потанцовать я и теперь могу; я, какъ выпью, то съ удовольствіемъ...

Онъ, притопывая ногой, налилъ еще по рюмкѣ, чокнулся со своимъ помощникомъ и, такъ какъ Ермилъ пожелалъ спать, то онъ пошелъ вслѣдъ за нимъ (все притопывая въ тактъ) въ коридоръ, гдѣ было уютное мѣсто за дверями, какъ разъ для ночевки.

Коридоръ былъ залитъ потоками луннаго свѣта. Вдали, въ просвѣтѣ виднѣлась секціонная зала, вся ярко голубая со своими бѣлыми колоннами и чернымъ асфальтовымъ поломъ.

— Трамъ - тили - трамъ - тили! — подиѣваль Осипъ Ивановичъ. — Только какъ же ты безъ подушки будешь, Ермилъ? — спросилъ онъ. — Я, братъ, не могу тебѣ отдать своей. Трамъ-тили-тили... трамъ...

— А что мнѣ подушка! Я кулакъ подъ голову...

— Трамъ-тили-тили-тили...

Въ открытую форточку вѣтерокъ донесъ громкіе звуки вальса. Осипъ Ивановичъ сталъ кружиться по коридору и, кружась, очутился въ залѣ. Онъ видѣлъ то справа, то слѣва колонны и между ними то трупъ солдатика съ трехъугольнымъ ртомъ и сложенными на груди руками, то Сашеньку съ руками, вытянутыми вдоль тѣла, и съ улыбкой на блѣдномъ, посеребренномъ луною, лицѣ. Разъ, два, три! разъ, два, три!

— Экій ты ловкій, Осипъ Ивановичъ, — кричалъ Ермилъ, и голосъ его отдавался въ коридорѣ гулкимъ перекатомъ.

— Разъ, два, три! разъ, два, три!

— Чортъ, Осипъ Ивановичъ! И впрямъ бы тебѣ только на барышнѣ жениться да быть докторомъ! Эхъ, шутъ его по-бери! Эхъ, ловокъ!

— Разъ, два, три! разъ, два, три!

XXXII.

Профессоръ, на сонъ грядущій, влилъ въ свои жилы изрядную порцію морфія. Въ послѣднее время, онъ почти пересталъ развѣшивать порошокъ на граны. Иногда онъ употреблялъ его, сколько придется, на глазъ. Насмѣшливо по-смотрѣлъ Алексѣй Васильевичъ на огарокъ, отпущенный ему заботливою супругою, и опредѣлилъ примѣрно, что огарокъ продержится около получаса. Онъ не утерпѣлъ и сталъ приводить въ порядокъ бумаги и замѣтки, разбросанныя утромъ Ольгой Федоровной. Вниманіе его остановила на себѣ поправка къ закону Авогадро, сдѣланная однимъ неизвѣстнымъ молодымъ химикомъ и прочитанная въ послѣднемъ засѣданіи петербургскаго физико-химическаго общества. „Боже мой, — подумалъ онъ. — Этотъ начинающій химикъ совсѣмъ близко подошелъ къ моему идеѣ. Ему немногаго недостаетъ, чтобы

понять вопросъ во всеѣ его объемѣ и величїи. Сколько уже предвосхищено моихъ идей! Сколько разъ я могъ бы прославиться, еслибы доводилъ до конца начатыя работы! Надо спѣшить, скорѣй надо перетасовать элементы по ихъ структурнымъ отличїямъ... Реформа на носу... Вотъ она! Я вижу ее почти осязаю руками! Только маленькое усилїе ума — и истина поймана. Ахъ, Боже мой, Боже мой!“ Онъ схватилъ карандашъ и листъ бумаги, и сталъ быстро набрасывать сложныя формулы новаго, изобрѣтеннаго имъ, типа. Мозгъ его, пришпоренный морфиномъ, горѣлъ; мысли свободно и красиво сочетались въ оригинальные силлогизмы. Горизонтъ, который былъ доступенъ умственнымъ очамъ профессора, расширился до безконечныхъ размѣровъ, и Алексѣю Васильевичу уже казалось, что онъ постигъ главную химическую идею вселенной, какъ вдругъ фитиль упалъ, словно подкошенный. Мигнулъ слабымъ умирающимъ пламенемъ—и свѣтъ погасъ.

Профессоръ вскочилъ въ ярости. Но ярость его всегда носила характеръ глубокой тайны. Подойдя къ дверямъ, онъ почувствовалъ, что уже успокоился. Ночью тревожить всѣхъ изъ-за огарка—это значитъ поставить себя въ чрезвычайно неловкое положенїе. Ольга Федоровна спитъ, прислуги не будишься. Да, наконецъ, минутное оживленїе, благодаря необыкновенному умственному взлету, уступило мѣсто нервной слабости. Онъ облился потомъ и съ тоскою побрелъ къ своей постели, которая была приготовлена на турецкомъ диванѣ. Лунный свѣтъ не билъ въ окно: черная тѣнь тянулась отъ дома, и одинъ садъ утопалъ въ морѣ луннаго блеска. Однако, въ комнатѣ не было совсѣмъ темно. Легкій туманный сумракъ, отраженный сіяющимъ садомъ, наполнялъ кабинетъ и позволялъ профессору свободно двигаться въ темнотѣ. Онъ сѣлъ на диванъ и задумался...

Это были не химическія думы. Онъ погрузился въ разсмотрѣнїе причинъ, мѣшающихъ ему сдѣлаться великимъ ученымъ. Ньютонъ, вѣроятно, гораздо позднѣе открылъ бы свой всемірный законъ тяготѣнїя, еслибы у него не было сада и въ саду не росли бы яблоки. Яблоко, упавшее на землю въ тотъ моментъ, когда Ньютонъ думалъ о механизмѣ вселенной, освѣтило для него, какъ электрическая искра, тьму, въ которой пребывалъ до того времени его умъ. Отчего не сравнить

себя съ Ньютономъ? Онъ—скромный ученый. Но его умъ устроенъ точно также, какъ и умъ Ньютона. Вѣдь очень можетъ быть, что, не ворвись утромъ въ кабинетъ Ольга Федоровна или будь у него теперь цѣлая свѣча, умъ его, ничѣмъ незаторможенный, сдѣлалъ бы величайшее изъ открытій, о практическихъ послѣдствіяхъ котораго нечего и говорить—такъ они важны. Но онъ, заслуженный профессоръ, трудами котораго держится семья—рабъ своей жены. Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ маленькимъ мальчикомъ и находился въ безусловной зависимости отъ деспота-отца, такъ и теперь каждымъ его шагомъ распоряжается чужая воля. Отсутствіе своей воли и самостоятельности—вотъ причина, почему онъ, сознавая въ себѣ великія умственные силы, до сихъ поръ не сдѣлалъ ничего выдающагося. И такъ какъ причина эта дѣйствующая, ибо постоянно возможно ожидать, что Ольга Федоровна ворвется въ кабинетъ не кстати или не дастъ ему свѣчей, то трудно сказать, въ какой степени успѣшна будетъ его дальнѣйшая научная карьера. Въ то время какъ онъ, преодолевъ множество препятствій и затративъ бездну нервной энергіи, вошелъ въ храмъ и, наконецъ, жадными руками схватилъ покровъ химической Изиды, явится какойнибудь молодой человѣкъ, оттолкнетъ его на задній планъ и дерзко обнажитъ богиню только потому, что у него больше воли и самостоятельности. Тяжело сознавать это!

Обыкновенно думаютъ, что тѣ люди, которые всецѣло подчинены другимъ, ограничены въ умственномъ отношеніи. Но на самомъ дѣлѣ бываетъ, большею частью, наоборотъ. Нѣжныя души и мягкія сердца легко признаютъ надъ собою власть грубыхъ и эгоистичныхъ людей. Они любятъ и, во всякомъ случаѣ, охотно допускаютъ, чтобы о нихъ заботились, и платятъ за это преданностью. Деликатный умъ не терпитъ мелочной борьбы, а то царство мысли, которое принадлежитъ ему по праву, чуждо ему грубому и душѣ низкой. Двѣ натуры, столь отличныя одна отъ другой, уживаются такимъ образомъ въ полномъ внѣшнемъ согласіи. По временамъ, однако, сильный умственно, но слабый характеромъ человѣкъ робко защищаетъ свои права, когда видитъ, что грубый владыка его суется не въ свою область: напримѣръ, неграмотный подаетъ совѣты грамотному, а жена какогонибудь физика или ботаника, насмѣшливо

глядя на его аппараты и препараты, говорить: „Послушай, мой ангелъ, оставь ты эти глупости и поѣзжай со мной въ офицерскій клубъ“. Но, защищаясь отъ владыки, нѣжная душа рѣдко даетъ ему понять его невѣжество. Нѣжной душѣ недостаетъ для этого характера. Эта бѣдная нѣжная душа до того деликатна, что боится огорчить владыку и весь ея протестъ выражается въ молчаніи или напряженной улыбкѣ. Посторонній наблюдатель смотритъ и дѣлаетъ заключеніе объ ея несомнѣнной глупости. А владыка улыбается постороннему наблюдателю, подмигиваетъ, и въ его взглядѣ ясно читается увѣренность въ своемъ умѣ. „Не будь меня,—говоритъ взглядъ владыки,—что случилось бы съ этой жалкой, недалекой рабыней моей? Она живетъ и дышетъ однимъ мною“.

Алексѣй Васильевичъ отлично понималъ свое подчиненное положеніе въ домѣ и совершенно привыкъ къ нему. То немногое, чѣмъ онъ пользовался въ семьѣ, примиряло его въ концѣ концовъ съ его рабствомъ. У него было свѣжее бѣлье, ему давали чай, его кормили обѣдомъ, онъ былъ отцомъ семейства. Правда, что во многихъ отношеніяхъ онъ въ любой гостинницѣ чувствовалъ бы себя гораздо удовлетвореннѣе, чѣмъ дома. Но—семейныя радости?! Этихъ радостей не купишь ни за какія деньги. Въ весьма слабой степени пользовался онъ ими. Но онъ былъ теоретически убѣжденъ, что радости эти принадлежать къ числу самыхъ высокихъ, и на вопросъ, какъ поживаютъ его домашніе, онъ потиралъ руки и торопился улыбнуться своею стереотипною улыбкой, въ которой просвѣчивало что-то самодовольное и даже горделивое. Алексѣй Васильевичъ, не смотря на то, что причины его научныхъ неудачъ были для него очевидны, ни за что не рѣшился бы употребить противъ нихъ радикальныя мѣры. Съ него было достаточно самого процесса разсмотрѣнія причинъ. Посидѣвши на диванѣ и раскинувъ умомъ, профессоръ пришелъ къ заключенію, что единственный выходъ изъ его неслоснаго положенія—это компромиссъ. А компромиссъ—значитъ морфинъ. Онъ всегда приходилъ къ этому заключенію.

Профессоръ раздѣлся и легъ. Но ему не спалось. Морфій страннымъ образомъ возбуждалъ его, хоть онъ и чувствовалъ слабость во всемъ тѣлѣ. Онъ лежалъ оцѣпенѣлый и, однако, бессонница мучила его. Это былъ какой то полусонъ, когда

понимаешь, что организмъ твой усталъ и требуетъ отдыха, а между тѣмъ въ глаза словно кто насыпалъ песку. Вѣки больно сомкнуть, умъ не работаетъ, и странное сходство, почти тожество, замѣчаешь между своимъ внутреннимъ міромъ и неодушевленными предметами, окружающими тебя. Душа безконечно понизилась, она стала растительной душой, тупая, ничтожная, не могущая создать ни одного образа, не могущая породить ни одной связанной мысли. Это кресло съ откинутой спинкой, это платье на стулѣ, эти шкафы, этотъ письменный столъ на каріатидахъ, эта горка съ минералами, черепъ, барометръ, портретъ Реньо, эти тѣни—все жило странной, маленькою жизнью, и также, какъ и оцѣпенѣлая душа, ни на чемъ не могло сосредоточиться. Желаніе стать еще ниже, совершенно уничтожиться и изныть въ сладостной тоскѣ небытія одно шевелилось въ этой душѣ. Неизвѣстно, сколько времени продолжался болѣзненный полусонъ профессора. Можетъ быть, часъ; можетъ быть, два часа. Первая ясная мысль, пробудившаяся въ его душѣ, была о морфинѣ. „Я не засну, пока не впрысну себѣ“, подумалъ онъ и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, всталъ и направился къ письменному столу. Дрожащими руками выдвинулъ онъ ящикъ и ощупью приготовилъ спринцовку. Онъ хотѣлъ приступить къ операціи, но въ это время вдали, межъ зеленыхъ кустовъ, сверкнулъ, облитый луннымъ сіяніемъ, силуэтъ Ольги Ѳедоровны въ бѣломъ пеньюарѣ. Онъ подумалъ: „Вѣдь она легла спать... Что значить эта ночная прогулка“? Онъ не успѣлъ разрѣшить своего недоумѣнія, какъ увидѣлъ, что рядомъ съ Ольгой Ѳедоровной движется другой силуэтъ—темный, въ которомъ легко можно было узнать Ховрева. Тогда профессоръ остановился, пораженный догадкой, которая лишала всякаго смысла его теоретическія семейныя радости. Онъ смотрѣлъ въ окно... видѣлъ, какъ Ольга Ѳедоровна и Ховревъ скрылись въ тѣни деревьевъ. Прошло полчаса, но онъ все стоялъ и смотрѣлъ. Ему припоминалось множество мелочей, непонятныхъ сценъ, фразъ, жестовъ, которые по временамъ останавливали на себѣ его вниманіе, но которымъ онъ до этой минуты не придавалъ значенія. Помимо его воли, вспомнилась ему вся жизнь. Этому Ховреву предшествовалъ цѣлый послѣдовательный рядъ дру-

зей дома... Ахъ! Такъ вотъ истинный смыслъ его роли, какъ отца семейства!

Слезы навернулись на глаза, онъ сталъ плакать. Ему было обидно, что своимъ рабствомъ онъ не купилъ себѣ даже призрачнаго счастья, которое есть у всякаго, кто, не смотря на пошлость и обыденность своей жизни, хранить нерушимо разъ данныя клятвы и знаетъ, что жена была и будетъ вѣрна ему до гробовой доски. Онъ не только рабъ — онъ презрѣнный и жалкій человекъ, надъ которымъ насмѣялась, можетъ быть, цѣлая толпа негодаевъ! Еще болѣе мрачныя мысли пронеслись въ его умъ... Сердце сжалось отъ нестерпимой боли... Одна догадка вызывала другую. И ему стало ясно, почему Катя такъ похожа на курчаваго доцента философіи; почему у Алеши глаза—цвѣта густаго порохового дыма и онъ питаетъ такую любовь къ стрѣльбѣ и артиллерійскимъ упражненіямъ; почему у маленькаго Антона такія длинныя, цѣпкія, ни съ чѣмъ несообразныя ноги. Стопъ вырвался изъ его груди.

„Но, можетъ быть,—это пустыя подозрѣнія? Можетъ быть, Оленька случайно встрѣтилась съ Андреемъ Яковлевичемъ? Чудная ночь — и вотъ ихъ потянуло въ садъ... Такъ естественно! Да, конечно, это случайное свиданіе! Развѣ третьяго дня Оленька не уходила въ садъ и не вернулась въ четыре часа ночи“?

Профессоръ думалъ, что его могутъ успокоить эти разсужденія. Однако, онъ не могъ оторваться отъ окна, и потъ двумя ручьями лилъ съ его висковъ и смѣшивался со слезами. Онъ вытиралъ глаза и объяснялъ себѣ эту слезливость обыкновеннымъ катарральнымъ припадкомъ, который случается съ нимъ каждый разъ передъ впрыскиваніемъ морфина. Вотъ сейчасъ онъ убѣдится въ невинности этой прогулки, заморфируетъ себя и уснетъ. Онъ все ждалъ.

Луна, между тѣмъ, катилась по небу томно и медлительно и, чѣмъ больше заливала она спящій садъ своимъ серебрянымъ сіяніемъ, тѣмъ меньше становилась тѣнь, отбрасываемая домомъ. Наконецъ, тѣнь совсѣмъ исчезла, и тогда потоки свѣта устремились въ кабинетъ Алексѣя Васильевича. Она стояла на свѣту, бѣлый, какъ привидѣніе, и тоскливо смотрѣла въ глубину сада.

Слегка поблѣдѣлъ темносиній востокъ. По вершинамъ д—

ревьевъ пробѣжалъ предзутренній вѣтерокъ. Вскорѣ межъ кустами мелькнули двѣ тѣни: Ховревъ велъ подь руку Ольгу Федоровну обратно домой.

Они разстались не сейчасъ. Ольга Федоровна заставила Андрея Яковлевича посидѣть съ нею на нижней ступенькѣ террасы. Она клала голову къ нему на плечо. Поэтическая ночь вызывала поэтическія грѣзы. Влюбленная сорокалѣтняя дама смотрѣла задумчивымъ взоромъ на звѣзды и говорила:

— Когда мы умремъ, то, быть можетъ, наши души переселятся въ тѣ міры.

Ховревъ ничего не отвѣчалъ. Онъ зѣвалъ, закрывая рукою ротъ.

— Идите спать, — сказала, наконецъ, Ольга Федоровна. — Скоро станетъ свѣтать. Какая ночь! До свиданія, милый!

Она обняла своими руками шею Андрея Яковлевича и звонко поцѣловала его — во весь ротъ. Андрей Яковлевичъ показалъ на итальянское окно. Ольга Федоровна махнула рукой.

Но, когда Ховревъ ушелъ, странное безпокойство овладѣло ею. Она прошла черезъ всю террасу къ кабинету мужа. Чтобъ заглянуть къ нему, надо было перегнуться черезъ перила и ухватиться одной рукой за колонну. Ольга Федоровна прильнула къ стеклу, и глаза ея встрѣтились съ глазами Алексѣя Васильевича. Она такъ испугалась, что не могла сразу отпрянуть отъ окна. Она видѣла его блѣдное измученное лицо, освѣщенное луною, и стереотипная улыбка играла на этомъ лицѣ, между тѣмъ какъ слезы градомъ текли изъ глазъ.

Ольга Федоровна со страхомъ убѣжала. Въ первый разъ въ жизни нагналъ на нее страхъ Алексѣй Васильевичъ. Но это было и въ послѣдній разъ.

XXXIII.

Рано утромъ возвращался Розенкранцъ домой. Еще городъ спалъ, и сѣрый разсвѣтъ только слегка окрашивался розовой радугой пробуждающейся зари. Ставни домовъ были заперты, и въ пустынныхъ цвѣтникахъ свернулись ночные цвѣты, словно озябнувъ отъ предразсвѣтнаго холодка. Тяжело было

Розенкранцу. Онъ шелъ, угрюмо озираясь по сторонамъ и сгорбившись. Воспоминаніе о допросѣ жгучей болью отзывалось въ его сердцѣ. Но еще мучительнѣе была мысль о томъ, какъ отнесется ко всему этому Леночка. Подходя къ Ботаническому саду и поравнявшись съ анатомическимъ театромъ, выходящимъ окнами на улицу, онъ ускорилъ шаги. Но все таки ему казалось, что за тусклыми стеклами мертваго зданія въ этотъ часъ совершается что-то таинственное. Ему чудилась Сашенька такую, какою онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ: съ печальными глазами, полными слезъ, и со смѣющимися губками.

Калитка сада была раскрыта. Машинально переступилъ онъ ея порогъ. Можетъ быть, ему хотѣлось продлить время... и не такъ скоро возвратиться домой. Легкій туманъ поднимался надъ садомъ и окутывалъ деревья. Одѣтый прозрачной мглою, садъ казался безконечнымъ. Его дорожки уходили направо и налево, какъ пути къ далекимъ и таинственнымъ цѣлямъ. Розенкранцъ шелъ. Вдругъ тишину сада потрясъ соловьиный рокотъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, Розенкранцъ увидѣлъ Осипа Ивановича, который стоялъ подъ каштаномъ и, улыбаясь, слушалъ.

— Здравствуйте, профессоръ!—сказалъ Осипъ Ивановичъ, покачнувшись на каблукахъ.

Розенкранцъ поднялъ на него глаза.

— Я знаю, кто убилъ!

— Кто?—спросилъ Розенкранцъ, останавливаясь.

Осипъ Ивановичъ покивалъ головой, словно маятникомъ, и произнесъ:

— Ея никто не убилъ.

— Она не убита? — тихо и растерянно спросилъ Розенкранцъ.

— Даже убѣжденъ, — хитро сказалъ Осипъ Ивановичъ и заложилъ обѣ руки въ свои карманы.—Разбирали эксперты—люди ученые, профессора и доктора, а того не сообразили, что рана сдѣлана наискось сверху внизъ, лѣвой рукой, потому что въ правомъ боку; и изъ этого слѣдуетъ, что самоубійца была, кромѣ того, лѣвша, т. е. еврейка.

— Да, это достовѣрно, она была еврейка, — сказалъ Розенкранцъ.—Но вѣдь ее еще душили платкомъ.

— Замѣтите, ея же собственнымъ: не мужской платокъ, а дамскій, съ кружевцемъ.

— А клокъ волосъ, который былъ найденъ въ ея рукѣ?

— А гдѣ жъ этотъ клокъ?—насмѣшливо спросилъ Осипъ Ивановичъ.—Этотъ клокъ есть фантазія дѣйствующихъ лицъ. Часто принимаешь кажущееся за настоящее: это называется иллюзіей,—объяснилъ Осипъ Ивановичъ.—Но хорошо, очень хорошо!

— Что хорошо?

— Соловей. Молчать, молчать мертвенькіе, надоѣсть... До пріятнаго свиданія, господинъ профессоръ. Сюда не пройдетъ: Яковъ Яковлевичъ велѣлъ рогатки поставить—боится. А идите направо.

— До свиданія!

Розенкранцъ разстался со сторожемъ анатомическаго театра у воротъ метеорологическаго павильона и опять очутился на улицѣ. Заря разгоралась. Розовый свѣтъ становился все болѣе и болѣе яркимъ, и ужъ высоко въ небѣ вспыхивали облачка золотыми искорками. Благоухая, проснулись цвѣты.

Розенкранцъ чувствовалъ, какъ его приниженная, измученная душа стремится на встрѣчу къ другой, такой же измученной душѣ; и неутомимая жажда примиренія овладѣла имъ, когда онъ увидѣлъ на порогѣ своего дома Леночку, которая стояла и съ тоской смотрѣла, не ѣдетъ ли мужъ. Лицо у нея было блѣдное; она не спала всю ночь, какъ и онъ.

— Леночка!—крикнулъ онъ.

Она вздрогнула, обернулась и сдѣлала впередъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу.

— Прости меня!—сказала она, обнимая мужа.

Онъ услышалъ біеніе ея сердца; и счастье близости съ той женщиной, которая терзаетъ его ревнивыми сценами и лезами, показалось ему такимъ яснымъ послѣ мрака всей той ночи, что онъ не выдержалъ, припалъ къ ней на плечо и заплакалъ.

Супруги примирились. Надолго ли?

Эпизодъ.

Убийство въ Ботаническомъ саду до сихъ поръ считается въ лѣтописяхъ города Святогорска загадочнымъ происшествіемъ. Не было найдено никакихъ слѣдовъ убійцы или убійць; не былъ найденъ даже ножъ или кинжалъ, прекратившій дни Сашеньки. Долго допрашивала судебная власть еврейскаго магната Гошала и его зятя Рувима Шарпаховскаго. Но свидѣтельскими показаніями было выяснено, что въ день совершенія убійства Рувимъ находился въ Одессѣ и пріѣхалъ въ Святогорскъ только къ вечеру. Отъ нищаго домовладѣльца Ефименко тоже нельзя было добиться никакихъ цѣнныхъ показаній. Подъ конецъ, Миколецкій сталъ думать, что Ефименко—помѣшанный и что его слѣдовало бы подвергнуть психіатрическому испытанію. Обвиненіе Розенкранца рушилось само собою, и онъ былъ освобожденъ изъ подъ слѣдствія на второй же день. Тысяча всевозможныхъ догадокъ была сдѣлана, чтобы добиться истины. Остроумные святогорцы пробовали даже поставить во взаимную связь убійство въ Ботаническомъ саду и скоропостижную смерть Алексѣя Васильевича, отравившагося морфиномъ, но изъ этого ничего не вышло.

Алексѣя Васильевича Уржумова похоронили, какъ водится, на третій день, торжественно и даже пышно. За гробомъ его, перевезеннымъ для похоронъ въ городъ, шли всѣ университетскіе профессора, чиновники и нѣсколько студентовъ; ѣхалъ длинный рядъ пустыхъ каретъ и колясокъ. Ольга Федоровна въ черномъ платьѣ шла съ недовольнымъ и краснымъ лицомъ. Катя горько плакала. Алексѣй Васильевичъ, покоясь на смертномъ ложѣ, потемнѣлъ, но продолжалъ улыбаться тою же объективной стереотипной улыбкой, какою улыбался при жизни. Стали говорить рѣчи. Сказалъ рѣчь Маслюкъ, сказалъ Андрей Яковлевичъ Ховревъ. Розенкранцъ промолчалъ. Наконецъ, выступилъ студентъ изъ семинаристовъ съ честнымъ и открытымъ лицомъ, съ длинными волосами и съ характернымъ бурсацкимъ произношеніемъ на о. У него была приготовлена рѣчь, которую онъ выучилъ наизусть. Но, ставъ на возвы-

шеніе у могилы, онъ растерялъ слова и рѣшилъ сказать, что на умъ взбредеть. Такимъ образомъ, послѣдняя рѣчь, которой былъ удостоенъ на землѣ покойный профессоръ, состояла изъ слѣдующихъ краткихъ выраженій:

„Милостивые государыни и государи! Усопшій былъ пріятель, потому что былъ понятень... Или, кратче говоря, онъ былъ понятень, потому что былъ пріятень. Аминь“.

І. Ясинскій.

ЛѢТНІЯ ГРОЗЫ.

Смѣется солнце съ высоты,
Поля зеленыя пахучи.
Гроза прошла; мои мечты
Полны таинственныхъ созвучій.

Душистый лѣсъ, звучаій потокъ;
Свѣтло въ душѣ, свѣтло въ лазури,
Какъ будто въ жизни нѣтъ тревогъ,
А небеса не знаютъ бури.

Но, все равно, въ затишьѣ стройномъ
Таится тайный жаръ страстей...
И зрѣютъ грозы въ небѣ знойномъ
Подъ пѣнье жницъ и косарей...

Какъ нѣтъ безъ бурь живаго лѣта,
И какъ безъ жизни нѣтъ слезы—
Такъ нѣтъ въ живой душѣ поэта
Безъ вдохновенія грозы.

Н. Фофановъ.

ТАМБОВСКІЯ РЕЛИГІОЗНЫЯ ДВИЖЕНІЯ¹⁾.

До начала XVIII вѣка, тамбовскій край считался московскою украинною. Въ его «дико-порожихъ» степяхъ, изобильныхъ высокою травою и изрытыхъ глухими балками, было полное раздолье для всѣхъ московскихъ *сходцевъ, утеклевъ и бродниковъ*. Здѣсь жили они, вдали отъ суровыхъ московскихъ приказовъ и отъ ретивыхъ воеводъ, на всей своей волѣ. Еще вольнѣе жилось тамбовскимъ, сходцамъ въ нашихъ сѣверныхъ лѣсныхъ захолустяхъ, которымъ конца-краю не было.

Въ борьбѣ съ суровою и дикою природою и при условіяхъ жизни на свой страхъ, тамбовскіе колонисты выработывали изъ себя населеніе по преимуществу вольнолюбивое. Это выражалось какъ въ отношеніяхъ тамбовцевъ къ государству, такъ и къ церкви... Мѣстная оппозиція господствующему церковному укладу развилась у насъ какъ въ силу характера сброднаго и вольнаго населенія, такъ по отсутствію систематическаго епархіальнаго надзора за этимъ населеніемъ и по крайней неудовлетворительности состава мѣстныхъ священнослужителей. Отдѣльной тамбовской каедрой не было у насъ до самаго конца XVII вѣка. Тамбовцы съ XIV вѣка входили въ составъ или сарайской епархіи, или рязанской и суздальской. Наѣзды епархіальныхъ архіереевъ въ наши пустоши совершались крайне рѣдко, при самыхъ тяжелыхъ путевыхъ условіяхъ, и далеко не могли приносить населенію даже и той пользы, которая возможна въ нашихъ обширнѣйшихъ сибирскихъ епархіяхъ. А священнослужители наши, по условіямъ украинной жизни, сами были людьми пришлыми, случайными, и строгаго выбора между ними не было и не могло быть. Не у насъ ли, поэтому, возникла поговорка: «кто ни попъ, тотъ батька»...

Первыя письменныя извѣстія о тамбовскихъ противоцерковныхъ движеніяхъ, выразившихся въ раскольничествѣ и самомъ разнообразномъ мистико-раціоналистическомъ сектантствѣ, относятся къ XVII вѣку. Въ этихъ движеніяхъ участвовали не одни «темные»

¹⁾ Статья эта составлена по подлиннымъ документамъ тамбовской духовной консисторіи, окружнаго суда и мѣстной архивной комисіи, ревностнымъ дѣятеlemъ которой является почтенный авторъ. Ред.

крестьяне и имъ подобные простые люди. Въ 90-хъ гг. XVII вѣка своеволие религіозной мысли обнаружено было у насъ даже первыми тамбовскими епископами Леонтіемъ и Игнатіемъ—послѣдователями извѣстнаго Талицкаго. А въ началѣ XVII вѣка у насъ возможны были и такія явленія, какъ напримѣръ, всенародный, среди Пятницкой базарной площади, протестъ трегуляевскаго монаха Самуила Выморкѣва противъ Петра I-го, какъ антихриста. Фанатизмъ этого церковника выражался на тамбовскомъ базарѣ не одинъ разъ. Громко и не жалѣя голоса и самой жизни, онъ вѣрялъ сбродный сѣрый людъ, что православнаго царя на святой Руси нѣтъ и что воцарился *злой антихристъ*. И были слушатели у Самуила Выморкѣва. Понуры, съ наклоненными сѣдыми головами, стояли противъ него многіе тамбовскіе жилецкіе и городовые служилые люди. Не бѣжали отъ него и молодые парни и жадно всматривались въ «вѣщаго человѣка». Съ особенною силою тамбовскій расколъ обнаружился въ 1685 году. 2-го ноября названнаго года, въ тамбовскую приказную избу явился тамбовскій вознесенскій попъ Терентій и принесъ съ собою двѣ иконы Спасова образа. Одна икона была расколота на двое, а на другой *очи и уста были вырѣзаны*.

— Отъ кого св. иконамъ такое поругательство учинилось?—спросилъ о. Терентія воевода И. Нарышкинъ.

Терентій отвѣчалъ: «съ Дону и съ Хопра и съ Медвѣдицы воровски пріѣзжаютъ въ Тамбовъ и въ тамбовскій уѣздъ всякихъ чиновъ люди-раскольники, бѣжавшіе съ Москвы и иныхъ городовъ. И тѣ люди отъ живыхъ мужей,—женъ и отъ отцовъ—матерей, дѣтей - робятъ и дѣвокъ своими прелестными словами подговариваютъ въ расколъ и въ блудъ и во всякіе душепагубные грѣхи, и все разоряютъ и къ себѣ въ городки уносятъ. И они жъ то поругательство учинили»...

Дальнѣйшимъ воеводскимъ розыскомъ выяснилось, что многіе раскольники свободно проживаютъ въ верхо-ценской волости и что «служилые и жилецкіе люди въ конецъ отъ нихъ разорились. Они жъ, раскольники, обогатѣли и людьми по Хопру наполнились, и въ которыхъ городкахъ было человѣкъ по 20 и по 15, и въ тѣхъ городкахъ нынѣ по 200 человѣкъ и болѣе, и женскаго пола много»...

Степныя привольныя пажити и всякія угоды привлекали въ тамбовскіе раскольничьи городки тысячи вольныхъ «сходцевъ». Трудолюбивые и трезвые, они завели обширныя пашни. Самыя избы ихъ, просторныя и чистыя, представляли образецъ крестьянскаго довольства. Молва о тамбовскихъ раскольничьихъ городкахъ широко разносилась по всей Руси и шли къ намъ со всѣхъ сторонъ всякіе люди: дворцовые и помѣщичьи и монастырскіе крестьяне и бобыли. Съ болѣею или меньшею искренностью они вступали въ расколъ, *поновлялись* и дѣлались такими врагами иконовскихъ и петровскихъ порядковъ, съ которыми приходилось считаться. Расколъ обнаружился, наконецъ, и въ самомъ Тамбовѣ. «Объявились,—показывалъ въ приказной избѣ попъ Терентій,—злыя нехристіанскія прѣзяби и въ нашемъ городѣ, и началъ явля-

тиса на святыхъ иконахъ поруганіе...» Обо всемъ этомъ описано было въ Москву и скоро пришелъ въ Тамбовъ грозный царскій указъ. *Поругателей православія, кто раскололъ святыхъ иконы*, вѣдно было брать въ розыскъ и пытатъ. «А въ Тамбовѣ и въ тамбовскомъ уѣздѣ,—говоритъ указъ,—служилымъ и всякихъ чиновъ людѣмъ и крестьянамъ учинить заказъ подъ смертною казнью, чтобъ никто въ казачьи городки не бѣгали, а буде впредь кто въ казачьи городки учнетъ бѣгать, и тѣхъ вѣшать и битъ кнутомъ и даватъ на крѣпкія поруки». Въ концѣ 1685 года, въ силу царскаго указа, противъ степныхъ тамбовскихъ раскольниковъ устроены были «заставы и сторожки крѣпкія». Здѣсь раскольниковъ ловили и бережно доставляли въ Тамбовъ... Но воеводское «береженье» долго не могло унять мѣстнаго раскола. Въ 1688 году тамбовскіе раскольники, въ числѣ 500 человекъ, подъ начальствомъ атамана Кузьмы Косаго, возвели недалеко отъ Тамбова *крѣпкій городокъ* и начали сманивать къ себѣ окрестныхъ жителей. Къ городку, по царскому указу, подступилъ казачій атаманъ Михайловъ съ тысячею казаковъ. Долго бился онъ съ мятежниками, но осилить ихъ не могъ и, оставивъ у городка осадный отрядъ въ 500 человекъ, подъ начальствомъ Мещерякова, вернулся на Донъ. Мещеряковъ же дождался подрѣпленій изъ Тамбова и Козлова, и порѣшилъ дѣло однимъ штурмомъ. Пльнныхъ раскольниковъ повезли въ Тамбовъ и многихъ изъ нихъ побросали въ воду или же повѣсили. Съ той поры мѣстный расколъ затихъ и его приверженцевъ не могли взволновать даже и такіе, приходившіе къ нимъ съ сѣвернаго поморья, лжеучители, какъ іеромонахъ Іовъ, игумень Досіеѣй и священники Пафнутіѣй и Феодосіѣй. Послѣ суровой мещеряковской расправы, тамбовскіе раскольники стали прятаться въ глухихъ ценскихъ и вадовскихъ лѣсахъ, гдѣ они строили себѣ землянки и тайные скиты, или же оставались проживать среди православныхъ и платили двойной раскольниковій окладъ. Но, въ эпоху московскаго разоренья 1812 года, многіе московскіе старообрядцы бѣжали въ нашъ спасскій уѣздъ и тамъ навсегда поселились. Съ этихъ поръ своеволие мѣстной религіозной мысли стало усиливаться. Въ связи съ раскольниковствомъ появились у насъ фанатики, думавшіе найти истину только въ самихъ себѣ. Чуткіе къ религіознымъ вопросамъ, эти люди однако понимали ихъ весьма узко и наивно. Поэтому-то въ средѣ тамбовцевъ всегда вращалось такое множество списковъ самыхъ разнообразныхъ апокрифовъ: и отреченныхъ евангелій, всякихъ «хожденій по мукамъ», и сновъ, и страстей, и пророчествъ, и гаданій. У одного тамбовскаго раскольника отобрана была книга—«Страсти Христовы». Вотъ краткая выдержка изъ этой книги: «Матерь Божія къ Іудѣ обращается:—О, любимый мой пріятель Іуда! Ты бо былъ еси во Іерусалимѣ, не слышалъ ли еси коего зла отъ беззаконныхъ жидовъ и не помышляють ли они что о моемъ любезномъ сынѣ? О, любимый мой друже Іудо! Не имамъ бо иному кому поручить сына моего, токмо тебѣ, да имаша попеченіе и прилежаніе о немъ, понеже бо ты почиталъ онъ старѣйшинствомъ, ты же о здравіи его буди стражь»...

Начитавшись апокрифической «премудрости», иные тамбовцы, по обычаю малоразвитыхъ и самоувѣренныхъ людей, смѣло выступали на борьбу съ господствующими церковными мнѣніями. Такъ, однажды елатомскій мѣщанинъ Макашинъ пришелъ въ церковь. Это было въ первый день пасхи. Церковная служба еще не начиналась. Макашинъ сталъ на амвонѣ и обратился къ народу съ такими словами: «Послушайте, православные! Богъ повелѣлъ всѣмъ людямъ креститься сложеніемъ трехъ перстовъ — великаго съ малыми»... Весь народъ удивленно и молча слушалъ неожиданнаго проповѣдника, который высоко надъ головою держалъ руку съ изображеніемъ старообрядческаго креста. «Но многіе изъ васъ—продолжалъ Макашинъ—христіанской заповѣди не повинуются и я за ваши прегрѣшенія уже четыре года мучусь душою»... Послѣ этого, неожиданный импровизаторъ, никѣмъ не остановленный, безнаказанно сталъ въ толпѣ на обычное мѣсто, и въ церкви началась пасхальная заутреня.

Тамбовское религиозное самомнѣніе выразилось у насъ съ особенною силою въ лицѣ нѣкоего крестьянина *Агафона*, проживавшаго въ селѣ Двурѣчкахъ липецкаго уѣзда. Это былъ старый и больной человекъ, вовсе не думавшій ни о расколѣ, ни о сектанствѣ. Въ народѣ ходила про него молва, что онъ «святой угодникъ божій, совершающій великія чудеса», и вотъ въ хату мнимаго чудотворца.—въ сущности весьма ловкаго проходимца—повалили разные обездоленные люди: мужья шли къ нему отъ «злыхъ женъ», жены отъ стропивыхъ мужей, сыновья и дочери отъ самодуровъ-родителей, и всѣ они находили у божьяго старца «Агафона» вѣрный пріютъ, гдѣ и жили сообща. Особенно горячимъ приверженцемъ святоши оказался крестьянинъ Пронинъ, который, по смерти своего патрона, счумѣлъ нажить себѣ отъ благочестивыхъ жертвователей двухъэтажный домъ съ многочисленными пристройками. Пронинъ принялся даже хлопотать объ открытіи въ этомъ домѣ женской общины подъ управленіемъ «благородной дѣвицы Матрены, послушницы великаго угодника Агафона».

«Старецъ Агафонъ, — рассказывалъ кому слѣдуетъ ловкій эксплуататоръ, — передъ своею праведною кончиною изрекъ мнѣ: послѣ смерти моей черезъ годъ, сосѣди хотя васъ и дерзнуть, но зато Господь накажетъ ихъ пожаромъ». На счастье Пронина, въ тотъ годъ въ селѣ Двурѣчкахъ дѣйствительно случились пожары, и ловкій преемникъ Агафона объяснилъ ихъ происхожденіе гнѣвомъ божіимъ за то, что двурѣченскіе обыватели мѣшали ему открыть общину. Тогда въ темномъ и суетвѣрномъ сельскомъ населеніи пошли про старца Агафона разные толки.

«Старецъ сей, — пересказывали другъ другу двурѣченцы, — многімъ предсказывалъ будущее и обличалъ тайные помыслы»... Свидѣтелемъ въ этихъ случаяхъ являлся, конечно, самъ Пронинъ.

«Однажды старецъ Агафонъ, — повѣствовалъ онъ, — звалъ меня къ себѣ въ послушники, а я воспротивился сему благословенію божию, и напали на меня силы вражія, и не зналъ я себѣ цѣкою ни днемъ, ни ночью. И опять пошелъ я къ старцу, а онъ самъ встрѣтилъ меня и сказалъ: «Сеня, ты не хотѣлъ идти ко мнѣ, такъ

я повелѣлъ *врагамъ* пригнать тебя—вѣдь мнѣ и враги повинуются... Съ тѣхъ поръ былъ я при старцѣ до самой его кончины. И разные люди узнали про меня, и идутъ ко мнѣ мужья и жены, и чувствуютъ благоуханіе на мѣстѣ, гдѣ умеръ Агафонъ. Старецъ же Агафонъ сказывалъ мнѣ: не забудь моего мѣста, живи тутъ; и если люди, за которыхъ я былъ распятъ и кровь и слезы пролилъ, оставятъ мое мѣсто, то ихъ накажетъ Господь и не дастъ имъ дыханія».

Хлопоты и внушенія Пронина увѣнчались временнымъ успѣхомъ. Въ селѣ Двурѣчкахъ *торжественно открыли* мощи *угодника Агафона*. Въ одинъ зимній день, толпа двурѣченцевъ, предводимая Пронинимъ, отправилась на кладбище, вырыла изъ могилы тѣло Агафона и понесла его въ свою *обитель*. Такъ какъ отъ мерзлаго тѣла не было запаха, то это уже окончательно убѣдило двурѣченскихъ фанатиковъ, что отъ мощей идетъ благоуханіе. Мѣстные власти отнеслись, однако, къ этому благоуханію спектически: тѣло зарыли, а самозванныхъ канонизаторовъ арестовали. По этому поводу Пронинъ написалъ «посланіе къ начальникамъ». Привожу его въ сокращеніи: «старецъ Агафонъ при жизни говорилъ не разъ: «если тронуть васъ — тронусь и я». И еще говорилъ старецъ: «придетъ время и всѣ отъ меня отрекутся», чтѣ и случилось при открытіи мощей, ибо всѣ тогда отъ страха разбѣжались. На этотъ случай припоминаю изреченіе великаго старца: «Сеня, чтѣ тебѣ скажу... Въ одно время, какъ меня тащили, кто за ноги кто за что, поглядѣли — а тамъ одинъ зипунъ, а я стою сзади ихъ и со смѣху никакъ не отдохну»...

Старецъ Агафонъ и ученикъ его Пронинъ, не смотря на ихъ несомнѣнный мистицизмъ, были людьми себѣ на умѣ и подъ фирмою святошъ и чудотворцевъ отлично обдѣлывали свои мірскія дѣла. Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ представляется намъ одна тамбовская энтузіастка — священническая дочь Анна Егорова. Это была дѣвушка скромная, работящая, богомольная и разсудительная. Часто задумывалась она на тему о своей судьбѣ, о неисходномъ человѣческомъ горѣ и о неразрѣшимыхъ тайнахъ жизни и смерти. Отзывчивое сердце подсказывало единственный путь къ разрѣшенію всѣхъ мучившихъ ее вопросовъ — путь вѣры, и вотъ Аннѣ Егоровой стали представляться видѣнія, реальность которыхъ признавалъ и отецъ ея—священникъ. Богомольная дѣвушка чаще всего видѣла Божью Матерь, «молившуюся на воздухѣхъ». Наконецъ, увидѣла она и самого Спасителя. Между ними произошелъ, будто бы, слѣдующій разговоръ:

«— Скоро ли я умру, Господи?»

«— Скоро, на пасху между утреней и обѣдней.

«— Когда будетъ,—продолжала допрашивать Анна Егоровна,—второе пришествіе Твое?»

«— Скоро гряду,—отвѣчало видѣніе и скрылось.»

На первой недѣлѣ великаго поста, Анна пришла отъ вечерни и стада молиться. И будто бы явился ей ангелъ и сказала: «встань, съ тобою будетъ великое искушеніе». Дѣвушка отъ страха присѣла на постель и вотъ, по словамъ ея, *враги* полѣзли въ дверь, сильно

стуча и отдирая дверную рогожу. Анна громко позвала отца, который тоже услышалъ необычайный стукъ и былъ въ *великомъ смущеніи*... Въ день причастія чудо повторилось, но уже въ другой формѣ: Аниѣ Егоровой показалось, что всё образа — «точно живые люди, а икона Спасителя плакала»... ¹⁾).

Практика прошлой тамбовской жизни вообще обильна фактами религиозныхъ мечтаній, увлеченій и самомянія. Такъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, на хуторѣ шацкаго купца Аниѣева проживалъ слѣпецъ Ефремъ съ послушникомъ Василиемъ. Въ комнатѣ у святоши Ефрема былъ устроенъ иконостасъ, передъ которымъ самозванный іерей, въ присутствіи многочисленныхъ богомольцевъ, самочинно священнодѣйствовалъ. При этомъ проносились и проповѣди. Слепой проповѣдникъ особенно любилъ говорить на тему о второмъ Христовомъ пришествіи. «Ждите, — говорилъ онъ, — того часа, когда восплачется вся земля, море и аэръ, восплачутся и всё животныя со птицами, восплачутся горы и холмы и деревья, восплачутся и оба свѣтила со звѣздами за родъ человѣческой». И слушала его неразумная толпа, прерывая проповѣдь стопами и рыданіями. Въ шацкомъ и спасскомъ уѣздахъ долго потомъ, изъ года въ годъ и изо дня въ день, все ждали свѣтопреставленія. На пасху 1848 года, жители селъ Вечутки, Хомутовки и Киселевки всю ночь съ понедѣльника на вторникъ не спали, въ ожиданіи архангельской трубы, пока отъ утомленія не заснули. Около того же времени, въ селѣ Хмѣлевой слободѣ козловскаго уѣзда, проживалъ купецъ Григорій Бекетовъ, котораго обыкновенно звали *о. Григоріемъ*. Бекетовъ воображалъ себя великимъ народнымъ учителемъ. Въ избѣ своей онъ служилъ вечерни, утрени и обѣдни, а прислуживали ему при этомъ келейницы, которыхъ было у него 15 человѣкъ, отъ 15 до 30-лѣтняго возраста. Служилъ *о. Григорій* въ ризахъ и золотой шапочкѣ. Служба совершалась обыкновенно ночью до заутрени. Съ перваго же удара приходскаго колокола, самочинное собраніе начинало пѣть разные канты и всё били себя кулаками въ грудь и приговаривали: «побѣдили, побѣдили!» Вся церемонія оканчивалась почему-то общимъ хохотомъ и пиромъ... Слепецъ Григорій «священствовалъ» 10 лѣтъ и за это время обзавелся тремя просторными избами и уже приступилъ было къ постройкѣ своей церкви.

Тамбовское религиозное вольномысліе выражалось иногда въ самыхъ странныхъ формахъ. Въ 60-хъ гг. настоящаго столѣтія, въ селѣ Верхней Мосоловкѣ, уманскаго уѣзда, объявился мѣщанинъ Трофимъ Пановъ. Жилъ онъ въ домѣ помѣщика Аблова, одного изъ своихъ послѣдователей, которые назывались *трушевцами*. Трушевцы наружно исполняли православные обряды, но ихъ выдавали слѣдующія обстоятельства. Они тайно собирались у Панова для моленій, ненавидѣли всё существовавшіе порядки, кланялись другъ другу въ ноги, православныхъ священниковъ обзывали бѣсами, при удобномъ случаѣ всякаго православнаго били,

¹⁾ Анну Егорову свидѣтельствовали всё тамбовскіе врачи, и не одинъ изъ нихъ не усомнился въ ея психической нормальности. Авт.

изюмя изъ него нечестіе, и жили невѣщанно. Однажды священникъ села Мосоловки о. Лукинъ говорилъ въ церкви проповѣдь противъ трушевѣрія. Между его слушателями стояли и приверженцы Панова, въ томъ числѣ Абловы—мужъ и жена. Проповѣдь о. Лукина имъ не понравилась, и вотъ они публично стали бранить священника и грозили изорвать на немъ облаченіе.

«Ты—разоритель, грабитель и служка»,—шумѣли Абловы на всю церковь. Послѣ этого, началось *сльдствіе*. Слѣдователи дознались, что Пановъ *почиталъ себя выше всякой мѣры*. Расхаживая по селу, онъ надѣвалъ на шею большой перламутровый крестъ на широкой шолковой лентѣ и никогда не говорилъ просто, а только *въщаль и проповѣдовалъ*. Во время допроса, Пановъ сознался въ своихъ заблужденіяхъ и говорилъ про себя такъ: «точно я браню начальниковъ, и то дѣлаю за слабое исполненіе ими обязанностей. Учу же я отъ имени божія, и всѣ мы—нищіе духомъ, а весь міръ погрязъ во грѣхѣ».

Самымъ усерднымъ ученикомъ Трофима Панова былъ крестьянинъ Поповъ, который заявилъ слѣдователямъ: «аще кто отвергнется отъ Трофима, отверженъ будетъ предъ отцомъ небеснымъ». Когда слѣдователи произвели обыскъ въ избѣ у Трофима, то, между прочимъ, нашли рукопись его сочиненія, подъ весьма страннымъ и нескладнымъ заглавіемъ: «святостенному и благочестиво живущему правосудію, нищетѣ духовной, сострадательной попечительности нѣжно-жалобное объявленіе на жизнь развратнаго міра вынѣшняго вѣка нечестивыхъ и незаконныхъ людей». Въ текстѣ рукописи безсвязно изложены жалобы на то, что «безчисленное множество христіанскихъ душъ запуталось въ сѣтяхъ вражійхъ, въ шатаніяхъ и молвахъ»... «Люди,—говоритъ Трофимъ,—утопаютъ, какъ въ морскихъ волнахъ, и у язычниковъ было лучше нашего». Далѣе слѣдуетъ обличительно-витіеватое изображеніе современной Панову жизни: «Правда—пишетъ онъ—въ тѣсотѣ, злочестивая ложъ имѣетъ великое пространство, любовь злонравіемъ больна. Вѣра раздробляется, надежда на свою хитрость и любостыжаніе полагается. Покаяніе страдаетъ, грѣхъ нераскаяніемъ прикрылся и святая жизнь камнями побивается. Здравое ученіе захворало, истина осиротѣла, правосудіе въ бѣгахъ, на судѣ крючкотѣйственная грабительница-корысть обрѣтается. Благодѣяніе подъ арестомъ, состраданіе въ острогѣ сидитъ и дщи вавилонская ликуетъ. Стыдъ ослѣпъ, совѣсть съ ума сошла, справедливость обанкрутилась, честь въ отставку вышла, а законное супружество въ грязи лежитъ». Особенно гнѣвно трушевѣрскій проповѣдникъ возстаетъ противъ пѣсенъ, хороводовъ, качелей, карточной игры, псовой охоты, театровъ, сквернословія и модныхъ женскихъ нарядовъ. О послѣднихъ онъ выражается такъ: «О, оружіе дьявола, бѣсово чудовище, невѣста князя тьмы, любовница сатаны, пентефрѣва жена, египетская бѣсноватая свинья, поклонница Венеры, неукротимый звѣрь, зѣвъ ада преисподняго!». Сильно не жаловалъ Трофимъ и духовенства нашего. Вотъ его злобныя слова о духовенствѣ: «вы—нечестія ревнители, благочестія гонители, ненавистники рода христіанскаго, предтечи злобы и ярости анти-

христовой, Анны и Каиафы, предатели Христа на мученіе и не-
смысленные пастыри!» Рукопись заключается слѣдующими словами:
«благодатію божіею всѣ вы, чтущіе сіе, утвердитесь до скончанія
вѣка. Аминь».

Трофима Панова по суду отлучили отъ церкви, но онъ на-
сильно врывался въ храмы и въ этомъ случаѣ оправдывался сло-
вами Спасителя: «приходящихъ ко мнѣ не изжену вонъ». Весною
1867 года священникъ Лукинъ, встрѣтившись съ Трофимомъ, дру-
жески сказалъ ему: «отъ меня требуютъ донесенія о тебѣ, и я
хочу доносить, что тебя исправилъ». Трофимъ отвѣчалъ: «что жъ,
батюшка, пиши на свою шею». Между тѣмъ, онъ началъ распро-
странять такіе слухи: «меня гонять, но Господь наказываетъ го-
нителей. Кто безъ покаянія отъ пьянства умеръ, кто умеръ по-
топленіемъ водою, кого Господь огнемъ сжегъ, кого лишилъ чадъ,
а кого оставилъ еще на покаяніе. Настало время ужасное,
храмъ божій сдѣлался въ ловитву». Однако краснорѣчіе Трофи-
ма не спасло его: вся волость приговорила удалить его изъ об-
щества.

Перехожу теперь къ сектантству, которое представляетъ рѣз-
ко - выдающуюся бытовую черту тамбовскаго края и объясняется
всею совокупностью мѣстныхъ бытовыхъ условій. Секты развива-
лись у насъ преимущественно среди помѣщичьихъ крестьянъ. Крѣ-
постная обстановка невольно влекла ихъ къ религіозной мистикѣ
и фанатизму. О количествѣ тамбовскихъ сектантовъ судить трудно.
Официальная статистика по этому вопросу едва ли можетъ отли-
чаться точностью. Консисторскія таблицы за всѣ годы XIX сто-
лѣтія показывали почти одинъ и тотъ же итогъ: приблизительно
9,000 сектантовъ. Но это количество, безъ всякаго сомнѣнія, го-
раздо ниже дѣйствительности. Еще въ 1830 году майоръ Влади-
мировъ писалъ всеподданнѣйшее письмо императору Николаю I-му,
въ которомъ съ увѣренностью доносилъ, что только въ трехъ уѣз-
дахъ: тамбовскомъ, моршанскомъ и шацкомъ—*сектантовъ болѣе*
70,000 человекъ. Припоминается мнѣ по этому поводу и моя бесѣ-
да съ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ молоканъ города Тамбо-
ва. Онъ мнѣ говорилъ: «я—отписной молоканъ, и всѣ меня знаютъ
съ этой стороны, а то много у насъ и соблюдающихъ наружно
православные обряды ради мірскаго чести и всякихъ выгодъ, и это,
по нашему ученю, не грѣхъ».

О многочисленности тамбовскихъ сектантовъ можно прибли-
зительно судить и по числу лицъ, не принимавшихъ св. причастія.
По консисторскимъ даннымъ, въ 1830 году, таковыхъ значилось
165,374 человекъ. Въ слѣдующемъ году, это число возрасло до
172,978 человекъ. Въ 1832 году не было у исповѣди и св. при-
частія 129,390 человекъ, а въ 1833 году—174,685 человекъ.

Не имѣя цѣли въ данномъ случаѣ подробно излагать догмати-
ческое ученіе и исторію тамбовскаго сектантства, я ограничусь
нѣкоторыми замѣтками, которыя, по моему мнѣнію, не лишены нѣ-
котораго интереса въ смыслъ уясненія явленій мѣстнаго быта. У
представителей тамбовской власти главная борьба происходила съ
духоборцами, молоканами, хлыстами, скопцами и субботниками.

Духоборство обнаружилось въ нашемъ краѣ еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, преимущественно въ селахъ: Грязнушѣ, Жидловкѣ, Горѣломѣ, Лысыхъ горахъ и Разказовѣ. Въ ноябрѣ 1768 года, вожди нашихъ духоборцевъ были вызваны въ консисторію для увѣщанія, но туда они не пошли, а, вмѣсто того, огромною толпою, «въ числѣ 300 душъ мужчинъ и женщинъ. явились сами по себѣ въ провинціальную канцелярію, дыша ересью иконоборчества». Тогда мѣстный воевода вынужденъ былъ употребить противъ бунтовщиковъ вооруженную силу. Фанатики поклоненія Богу *духомъ и истинною* сосланы были въ разныя мѣста на поселеніе или же записаны были за мѣстными помѣщиками въ крѣпостные. Въ духоборческія села командированъ былъ миссіонеръ-священникъ Полянскій для полемическихъ собесѣдованій. Но эти собесѣдованія не привели ни къ чему. Сектанты твердо стояли на своемъ. Противъ нихъ приняты новыя строгія мѣры: ихъ стали сдавать въ солдаты, а малолѣтнихъ дѣтей ихъ водворять въ православныхъ семействахъ, но и это не помогло. Духоборчество у насъ все ширилось и усиливалось. Въ 1769 году тамбовскіе духоборцы, по донесенію властей, *открыто произносили хулу на церковь, явно не покорялись властямъ и буйствовали*. Тогда, по повелѣнію императрицы Екаттрины II-й, всѣхъ нашихъ духовныхъ христіанъ, кромѣ смирившихся и укрывшихся, начиная съ 15 лѣтъ и до престарѣлаго возраста, отправили въ Таганрогъ и Азовъ, гдѣ и сдали, по разбору,—кого въ военную службу, кого въ крѣпостныя работы. А духоборческихъ малолѣтнихъ дѣтей велѣно было размѣстить въ гарнизонныхъ школахъ и сиротскихъ пріютахъ. При этомъ, все имущество духоборцевъ,—наличный и посѣянный хлѣбъ, скотъ, строенія и рухлядь,—было описано и продано съ публичныхъ торговъ.

Прошло десять лѣтъ. Тамбовскіе духоборцы не унывали, и въ 1779 году въ селѣ Горѣломѣ *объявился* извѣстный духоборческій наставникъ Побирохинъ, называвшій себя сыномъ божіимъ. Побирохинъ совершенно отвергалъ бытіе безплотныхъ духовъ, но въ то же время допускалъ переселеніе человѣческихъ душъ, по смерти, въ другихъ людей и разныхъ животныхъ, смотря по характеру ихъ жизни. Человѣкъ—пиникъ, по мнѣнію Побирохина, дѣлался по смерти свиньей, хищникъ—волкомъ, глупецъ—бараномъ, труженикъ—волокомъ, льстецъ—лисицей, ругатель—собакой, щеголь—пѣтухомъ, сплетникъ—сорокой, злая баба—змѣей... Изъ крестьянъ села Горѣлаго Побирохинъ выбралъ себѣ 24 человѣка въ свиту. 12 изъ нихъ назывались архангелами, другіе 12—смертоносными ангелами. Въ это самое время, въ село Горѣлое прибылъ изъ борисоглѣбскаго села Уварова «швецъ» Уклеинъ. Уклеинъ влюбился въ дочь Побирохина, бросилъ жену съ дѣтьми, отрекся отъ православія и сдѣлался зятемъ и помощникомъ горѣлскаго «сына божія». Дружба Побирохина съ Уклеинымъ скоро, однако, прекратилась. Это произошло такъ. Однажды Уклеинъ пришелъ въ духоборческое собраніе и узналъ, что его *тестъ нынѣ будетъ судить всю вселенную*.. Такое самомнѣніе крайне возмутило его, и онъ вышелъ изъ собранія. Тогда Побирохинъ послалъ одного изъ

своихъ «смертоносныхъ ангеловъ» задушить Уклеина. Но крестьянинъ того дома, гдѣ нашъ швецъ шилъ платье, скрылъ его. Уклеинъ съ той поры весь отдался чтенію св. писанія и, переходя отъ самообольщенія къ самообольщенію, вообразилъ себя вдохновеннымъ пророкомъ, призваннымъ къ реформѣ христіанства. Находясь въ такомъ религиозномъ экстазѣ, наставникъ *во истину духовныхъ христіанъ, или молоканъ*, избралъ 70 преданныхъ учениковъ-крестьянъ и съ пѣніемъ псалмовъ торжественно и шумно вступилъ въ городъ Тамбовъ для проповѣди. Конечно, здѣсь онъ былъ схваченъ и посаженъ въ острогъ. Узничество Уклеина продолжалось ровно годъ; затѣмъ онъ ушелъ въ село Разказово, а оттуда переселялся то въ Саратовскую губернію, то въ Воронежскую, и вездѣ находилъ себѣ усердныхъ слушателей и поклонниковъ. Такъ возникло и распространилось у насъ молоканство—новая форма духоборчества. Обѣ эти секты съ одинаковою ненавистью относились къ церковнымъ уставамъ и къ духовенству, и были выраженіемъ наивно-самодѣльнаго раціонализма, воображавшаго и воображающаго, что духоборы служатъ Богу «духомъ и истиною».

Въ одно время съ молоканами и духоборцами, въ Тамбовской губерніи появились скопцы. Первый тамбовскій скопчeskій наставникъ, дьяконъ села Сосновки, моршанскаго уѣзда, Семенъ Александровъ, подъ именемъ «холощенца», сталъ извѣстенъ въ 1769 г. Съ этого времени скопчество стало быстро распространяться, особенно въ моршанскомъ уѣздѣ, въ селахъ: Сосновкѣ, Правыхъ и Лѣвыхъ Ламкахъ, Вирятинѣ и Атмановѣ Угль. Сектантскій фанатизмъ доходилъ до того, что чуть не ежедневно въ этихъ селахъ налагались «большія и малыя печати»... Бывали случаи, что сами отцы и матери *печатали* дѣтей своихъ. Во время этихъ дикихъ звѣрскихъ операций дѣти кричали отъ боли, а ихъ родители, нисколько не смущаясь дѣтскимъ мученическимъ воплемъ, серьезно и сосредоточенно дѣлали свое ужасное дѣло, а потомъ становились «во круги» и плясали до упада и изступленія. Противъ скопцовъ начались репрессивныя мѣры. Императоръ Александръ I-й повелѣлъ забирать тамбовскихъ скопцовъ въ солдаты и ссылать на Кавказъ и въ Сибирь. А между тѣмъ скопчество не унимается у насъ и доселѣ. Съ особенною силою скопческая ересь обнаружилась въ тамбовскомъ краѣ въ 1769 году, когда въ селѣ Сосновкѣ, въ теченіе 2-хъ недѣль, проживали сами Кондратій Селивановъ и Александръ Шилъ. Оба они самолично изуродовали нѣсколько семействъ. Подъ ихъ ножи попали старыя и малыя, мужчины и женщины. Затѣмъ наше скопчество сильно проявилось въ 1812 году, въ 1816-мъ и въ 60-хъ гг. настоящаго столѣтія.

Извѣстный плотницкій процессъ въ свое время заинтересовалъ всю Россію. 24 декабря 1868 года, въ домѣ Плотницина сдѣланъ былъ обыскъ. Полицмейстеръ Тришатный и жандармскій офицеръ Шкотъ подошли къ воротамъ плотницкой усадьбы въ 8 часовъ вечера и стучались до 10 часовъ. Между тѣмъ, за стѣнами дома Плотницина началась усиленная бѣготня. Темныя фигуры зачѣмъ-то бѣгали по двору отъ флигеля къ флигелю и отъ подвала

къ подвалу. У Плотницына нашли слѣдующія подозрительныя вещи: портретъ Петра III съ кружкомъ и звѣздами надъ головой, портреты Селиванова и Шилова и фотографическую карточку сосновской «богородицы» Сафоновой. Когда слѣдователи стали опечатывать плотницынскіе денежные сундуки, то, къ общему удивленію, всего капитала насчитали только 400,000 рублей. Куда же дѣвались плотницынскіе милліоны,—это осталось тайною и доселѣ ¹⁾. Можетъ быть, самъ Максимъ Плотницынъ заблаговременно, чую объду неминуемую, роздалъ ихъ скопцамъ на храненіе, а вѣрнѣе всего ихъ разнесли и разграбили. Недаромъ же темныя фигуры, о которыхъ я сказалъ выше, такъ суетливо перебѣгали отъ одного подвала къ другому... Впослѣдствіи, въ дровяныхъ складахъ нѣкоторыхъ моршанскихъ скопцовъ были находимы кое-какъ брошенные толстыя пачки серій и кредитныхъ билетовъ... Самое тяжелое впечатлѣніе на слѣдователей по плотницынскому дѣлу произвело слѣдующее открытіе. Подъ домомъ Плотницына нашли обширный и глухой подвалъ съ массивною желѣзною дверью. Здѣсь-то и производились скопческія операціи. По словамъ нѣкоего Боголюбова,—давшаго ходъ плотницынскому процессу,—«крику изъ того подвала было не слышать, а умиравшихъ отъ неискускаго рѣзанія хоронили тиховько по ночамъ тутъ же на дворѣ или въ подпольѣ».

Отъ всѣхъ обвиненій Плотницынъ отказывался упорно. «Откуда всѣ улики явились,—говорилъ онъ,—не знаю. Что у меня проживали обнаруженные теперь скопцы, про то не зналъ я. Портреты скопцовъ Селиванова и Шилова и инныя подобныя вещи какъ очутились у меня—тоже не помню и не знаю»...

Плотницына лишили всѣхъ правъ и сослали въ восточную Сибирь. Бывшій темный богачъ сдѣлался нищимъ. Умеръ Плотницынъ 20 мая 1877 года въ деревушкѣ Чифтуры, въ окрестностяхъ Средне-Колымска, умеръ въ холодной и гнилой избенкѣ. Никто изъ «божьихъ дѣтушекъ» не вспомнилъ по настоящему своего бывшаго патрона. Всѣ тѣ, кому довѣрилъ онъ свои деньги и процентныя бумаги на сохраненіе *въ виду черныхъ дней*, не возвратили ему ничего и даже не соблаговолили «полакомить» его (какъ выражались своевременно, «Русскія Вѣдомости») и однимъ купончикомъ,—его, который прежде рѣзалъ эти купоны въ такомъ баснословномъ количествѣ. Среди грубыхъ якутовъ, вовсе не понимавшихъ прелести его ученія, подъ шумъ тундровой мятели, близъ непроглядныхъ тайгъ, Плотницынъ погибалъ одинокій, всѣми покинутый. Последнія слова его были: «Холодно, дѣтушки! Голодно, дѣтушки! Гдѣ же вы—дѣтушки?..».

¹⁾ Мы слышали въ свое время отъ моршанскихъ жителей, что, когда тамбовскій губернскій прокуроръ снялъ на нѣсколько дней арестъ съ плотницынскихъ капиталовъ въ виду его «нелегальности»,—сектанты отлично воспользовались этимъ льготнымъ срокомъ и вывезли за границу цѣлую массу золота и процентныхъ бумагъ въ бочонкахъ съ воскомъ. Если эта версія слуховъ справедлива, то плохо, значить, судебныя и полицейскія власти дѣлали обыскъ въ гостепріимномъ для нихъ плотницынскомъ домѣ. *Ред.*

Послѣ ссылки Плотичина, скопчество у насъ все таки не унялось. Въ тайныхъ скопческихъ притонахъ производились ужасныя операціи, не только бритвою, но простымъ ножомъ и даже косою. Если скопческіе паціенты были очень молоды или слабосильны, то имъ давали пить какую-то одуряющую микстуру, а раны замазывали пластыремъ. Удивительно, какъ скоро и съ какимъ легкомысліемъ многіе тамбовскіе крестьяне рѣшались на кастрированіе. Напримѣръ, 23 декабря 1830 года крестьянинъ села Русскаго, Семень Куликовъ, пообѣдалъ вмѣстѣ съ семьей и вышелъ погулять. Черезъ нѣсколько часовъ, окровавленный и согнувшійся, онъ вернулся въ избу и при входѣ упалъ у порога.

— Что съ тобою, Семень?—спросила его сноха Афросинья.

— Лошадь разбила меня и ушибла обѣ колѣнки.

Стали слѣдить за Куликовымъ и оказалось, что онъ сопричислился къ «бѣлымъ голубямъ». Впослѣдствіи на судѣ Семень Куликовъ показывалъ: «содержу я секту скопческую, но въ чемъ она заключается—не знаю... На рождество мы обѣдали и вдругъ мнѣ пришла мысль: человекъ я бѣдный и жениться мнѣ по бѣдности нельзя; такъ лучше, чѣмъ разжигаться, глядя на женскій полъ и грѣшить—отрѣшу я грѣхъ свой»...

Послѣ этихъ размысленій, Куликовъ пошелъ въ клѣтъ и собственноручно произвелъ операцію кухоннымъ ножомъ. Не смотря на жгучую боль и сильное кровоизліяніе, Куликовъ имѣлъ настолько присутствія духа, что тщательно вытеръ ножъ и пошелъ въ избу. Въ это-то время и стала спрашивать его сноха Афросинья.

Въ томъ же 1830 году, изъ Владикавказа вернулся на родину, въ село Уварово, отставной солдатъ Никулинъ. Одна нога у него была отнята и къ сельскимъ работамъ онъ былъ неспособенъ. Никулинъ, какъ человекъ грамотный, сдѣлался сельскимъ учителемъ. Разъ онъ сильно призадумался, сидя въ своей тѣсной, бѣдной и темной хатѣ. Проносились передъ нимъ, въ его воспоминаніяхъ, одиѣ лишь сплошныя невзгоды: то суровая служба солдатская, то нищета горькая, то безысходное одиночество... И пришли ему тутъ на умъ евангельскія слова: «скопцы сами себя искажиши царствія ради небеснаго»; и онъ, недолго думая, оскотился бритвою... «Скоро раны мои, — говорилъ онъ потомъ судьямъ, — зажили и стали приходять ко мнѣ всякіе люди, и я читалъ съ ними писаніе и пѣлъ псалмы и молитвы. Разъ пришли ко мнѣ три дѣвки и одинъ товарищъ мой оскотилъ ихъ, а къ порѣзаннымъ мѣстамъ приложилъ пластырь изъ воску и коноплянаго масла»...

А въ іюнѣ 1837 года, въ моршанскомъ уѣздѣ былъ такой случай. Молодой крестьянинъ села Крюкова, Артемъ Брюнинъ, человекъ крайне нервный, пошелъ однажды къ отцу на гумно. Дорогою встрѣтилъ его какой-то странникъ, повидимому, монахъ и упросилъ проводить себя на большую дорогу. Брюнинъ пошелъ съ незнакомцемъ и заговорилъ съ нимъ о спасеніи. Странникъ остановился.

— Если ты хочешь спасать себя, — съ важностью возвысилъ

онъ голосъ,—то оскопись, умертви грѣшную плоть и будетъ тебѣ хорошо.

Брюнинъ сразу согласился на это. Тогда мнимый монахъ повелъ его къ одонымъ, сдѣлалъ операцію и скрылся. Между тѣмъ новичокъ истекалъ кровью и лежалъ на гумнѣ безъ памяти. Утромъ на другой день онъ очнулся и кое-какъ добрелъ до дому. Странникъ, оскопившій Брюнина, недаромъ торопился уйти изъ Крюкова. Тамъ онъ успѣлъ оскопить еще 18 человѣкъ: кого въ открытомъ полѣ, кого на гумнѣ, кого на большой дорогѣ. Въ числѣ оскопленныхъ имъ были и дѣти—мальчики и дѣвочки. Во время скопческихъ *радннй* распѣвались особыя пѣсни. Не представляя особеннаго художественнаго интереса, — какъ по складу, такъ и по содержанію, — онѣ тѣмъ не менѣ заслуживаютъ вниманія въ бытовомъ отношеніи, составляя собою оригинальный циклъ народныхъ пѣсень.

Изъ своего сборника, въ данномъ случаѣ, я подѣлюсь двумя— тремя пѣснями.

I.

У насъ было на сырой землѣ,
Претворялись такія чудеса:
Растворялись седьмыя небеса,
Сокатились золотыя колеса,
Золотыя—еще огненныя.
Ужъ на той ли колесницѣ огненной
Надъ пророками пророкъ гремитъ,
Нашъ Батюшка покатываетъ,
Утверждаетъ онъ святой законъ.
Подъ нимъ бѣлый храбрый конь...
У добра коня жемчужный хвостъ,
А гривушка позолоченная,
Крупнымъ жемчугомъ унизанная.
А изъ усть его полымя горитъ...
Ужъ на томъ ли на хоробромъ конѣ
Искупитель нашъ покатываетъ
По всякимъ сторонушкамъ,
По инымъ землямъ французскимъ,
Французскимъ—иркутскимъ.
Набираетъ онъ полки премудрыя,
Кавалерію духовную...
И теперь то, други милые,
Прикатилось красно-солнышко
Во сѣверную сторонушку,
Во сѣверную-петербургскую...

2.

Мои дѣтушки разгулялися,
Съ святымъ духомъ разблажались.

Выходила на них безгодушка:
 Мои дѣтушки смущались,
 Въ темныя дѣса разбѣжались,
 Во крутыя горы закрывались...
 Во желтыя пески засыпались...
 И они слово молвили:
 Не покинь ты насъ, батюшка,
 Во темныхъ дѣсахъ,
 Во крутыхъ горахъ...

Глубокой мѣстно-бытовой интересъ, по религіозно-мистической оригинальности, представляетъ намъ также и секта «хлыстовъ», иначе называемыхъ *шеланутами*, *богомолами*, *истинными христианами* и *Давыдовымъ согласіемъ*. Хлысты обнаружались въ Тамбовскомъ краѣ въ первой четверти настоящаго столѣтія и сразу стлчилились полнымъ отрицаніемъ всего окружавшаго ихъ порядка. Они проповѣдовали такъ: «весь міръ погрязъ въ ужасныхъ грѣхахъ. только и есть наше малое чистое стадо»... Одинъ изъ тамбовскихъ хлыстовъ, отставной фельдфебель Тюкаловъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ отзывался о православныхъ: «живу я, грѣшный, среди свиней и другихъ дикихъ звѣрей, не имѣющихъ боготканной одежды и небесной пищи. Угоднички божіи! Молитесь за насъ и омойте насъ крещеніемъ чистой совѣсти. О, горе! гоняте на духа святаго, а въ насъ благодать...»

Главнымъ тамбовскимъ наставникомъ у хлыстовъ, въ началѣ настоящаго вѣка, былъ кирсановскій крестьянинъ, Абакумъ Копыловъ. Это былъ вполне фанатикъ. Между прочимъ, онъ рассказывалъ своимъ слушателямъ, простодушнымъ тамбовскимъ мужикамъ, что однажды «постился 40 дней и послѣ того поста живой взятъ былъ двумя ангелами на седьмое небо и представленъ былъ самому Господу»... Съ тѣхъ поръ и пошли ходить по тамбовскимъ-селамъ «мужики-христы и бабы-богородицы»... И слушались ихъ наши темные обыватели, и все дальше и дальше уходили они, горемычные, отъ настоящей правды Христовой. *Христовъ* и *богородицъ* ловили и сажали въ остроги. Тамъ они большею частью и умирали. На ихъ мѣсто появлялись новые фанатики. Болѣе подробныя официальныя свѣдѣнія о хлыстовщинѣ получены у насъ въ 1850 году по слѣдующему случаю. Въ одномъ селѣ борисоглебскаго уѣзда проживало семейство кушцовъ Аникѣевыхъ. Ихъ было три брата: двое женатыхъ и одинъ холостой. У одного изъ первыхъ вдругъ заболѣла жена и стала *кричать*. Какъ ни дѣлили больную, ничего не могли сдѣлать. Въ это время, къ Аникѣевымъ пріѣхали по торговымъ дѣламъ крестьяне Тимофеевъ и Кузьминъ. Оба они были хлысты. Случилось такъ, что они были свидѣтелями припадковъ Аникѣевой. Тогда Тимофеевъ сказалъ больной:

— Хочешь, я исцѣлю тебя ниспосланиемъ благодати божіей? Больная согласилась.

— Такъ пріѣзжай ко мнѣ подъ рождество. У тебя внутри бѣсы и ты постись, тогда бѣсы сами выдутъ.

Въ назначенный день, семья Аникѣевыхъ поѣхала въ село

Туголуково, къ Тимофееву, въ просторной избѣ котораго была собрана толпа крестьянъ. Тутъ была крестьянка Астафьева съ цѣлой свитой черничекъ и странницъ. Все собраніе относилось къ ней съ величайшимъ почтеніемъ и именовало ее *матушкой, чудотворкой и богородицей*. Тутъ же былъ *настоятель* Перфиль Катасоновъ, къ которому сама Астафьева относилась, какъ къ наибольшему. Въ избѣ Тимофеева, по словамъ одного изъ Аникѣевыхъ, былъ *настоящій рай*. Пѣли разные стихи и всѣ цѣловались безъ разбору и стыда... Катасоновъ подозвалъ къ себѣ пріѣзжихъ и громко произнесъ: «теперь всѣ ваши грѣхи я принялъ на себя. Да мяса, смотрите, не ѣшьте, самъ Христосъ его не ѣлъ и въ пасху его не кладутъ, и въ храмахъ божіихъ не ставятъ салныхъ свѣчъ, а постныя—восковыя... Да помните, что храмъ внутри васъ гораздо дороже всякаго храма». Необычная проповѣдь закончилась слѣдующими словами: «Богъ васъ прощаетъ, и я, Перфиль, прощаю». На масляницу Аникѣевы поѣхали въ деревню Аванасьевку, къ крестьянину Кузьмину, котораго единомышленники называли *середьдцемъ*. Перфиль Катасоновъ былъ уже тамъ. Всѣ входившіе въ избу смиренно подходили къ нему и цѣловали его въ руку и щеку, а онъ указывалъ имъ мѣста. Когда вошли Аникѣевы, имъ приказано было открыть рты и *настоятель* туда дышалъ... Послѣ того, всѣ стали пѣть канты на мотивы нищенскихъ пѣсень и «бесѣдовать», величая другъ друга святыми, а съ наступленіемъ ночи полегли спать, какъ попало. Въ ночной темнотѣ слышались то тихо напѣваемые религіозные канты, то молитвы, то сдержанный смѣхъ и фривольныя шутки... Утромъ всѣ «богомолы» отправились къ Астафьевой и при входѣ кланялись ей въ ноги и цѣловали ее. Между тѣмъ Кузьминъ началъ дѣлать изъ соломы кольца.

— На что это?—спросили Аникѣевы.

— А это вѣнцы для получившихъ благодать.

Въ это время Катасоновъ вышелъ на середину избы, объявившись съ Астафьевой, которая всѣхъ манила къ себѣ рукою. Катасоновъ посадилъ Астафьеву къ себѣ на плечо.

— Для чего это?—разспрашивали Аникѣевы.

— На нихъ сошла благодать,—отвѣчали имъ.

Послѣ того, всѣ, кромѣ Катасонова, стали на колѣни и начали громко каяться въ грѣхахъ.

— Я блудница, я обманщица,—говорили женщины.

— А я клеветникъ, насильникъ, гордецъ, — перебивали мужчины.

Радѣніе закончилось «причастіемъ», къ которому Катасоновъ подгонялъ кнутикомъ. Богомолы ѣли кусочки чернаго хлѣба и запивали ихъ теплой водой, приговаривая: «какъ вода сплываетъ, такъ бы грѣхи сплывали, и тотъ хлѣбъ нашъ — слово божіе, а вода—слеза народная»...

Между тамбовскими хлыстами славился, кромѣ Катасонова, еще Абакумъ Копыловъ. Его почитатели рассказывали, что Копылову часто являлись ангелы и разговаривали съ нимъ, что онъ былъ великій постникъ и не ѣлъ ничего недѣль по 8. Зазнавшемуся

хлысту такіа рѣсказни нравились и онъ самъ про себя, въ дополненіе къ молвѣ, рассказывалъ:

«Однажды, я постился 40 дней и ко мнѣ явились 2 ангела и понесли меня быстро, быстро таково къ престолу божію на 7-е небо. Въ трепетѣ сталъ я предъ Владыкою неба и земли и онъ повелѣлъ мнѣ читать божественныя книги и отыскивать въ нихъ средство, какъ людямъ спастись».

Слухъ объ этомъ путешествіи на 7-е небо быстро распространился. Приверженцы Копылова раздули молву до слѣдующаго курьеза:

«Когда сынъ божій Абакумъ Ивановичъ взять былъ, — говорили они, — на 7-е небо, то по всѣмъ небесамъ прогремѣлъ божій гласъ: сей есть сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ».

Во время тамбовскихъ хлыстовскихъ сборищъ, пѣвались разные стихи, напримѣръ, такіе:

«Идетъ мальчикъ по дорожкѣ
 Ко Христовой прямо ножкѣ...
 Гдѣ ты, агница, сокрылась?
 Что отъ Бога удалилась?
 О душѣ твоей скорблю,
 Потому что я люблю...
 Пробудись отъ сна, невѣста,
 Се полунощи женихъ,
 Яко тать, грядетъ безвѣстно
 Всѣхъ людей судить...»

Когда тамбовскихъ хлыстовъ спрашивали относительно мотивовъ ихъ веселыхъ *радній*, они отвѣчали такъ: «мы исполняемъ житіе святаго пророка Давида — скачемъ, играемъ, пасху славимъ вѣчную»...

Вообще, должно замѣтить, что тамбовская жизнь неволью можетъ поразить всякаго своимъ религиознымъ скептицизмомъ и отклоненіями отъ господствующей церкви. Едва ли есть на Руси другая такая же губернія, гдѣ наиболѣе исканіе вѣчной правды выражалось бы такъ разнообразно, упорно и самодѣльно...

Самодѣльное тамбовское сектантство выдвигало на нашу бытовую сцену и такихъ *дѣятелей*, какъ крестьянинъ Осипъ Еркинъ. Осипъ Еркинъ былъ человекъ грамотный и прилежно занимался чтеніемъ библіи. Продолжительное чтеніе ея и самоувѣренное толкованіе внушили Еркину такую мысль, что «еврейская вѣра есть самая чистая и справедливая». Еркинъ сдѣлался иудеемъ и пересталъ ходить въ церковь. За нимъ послѣдовала и вся его семья. Всѣ они сняли съ себя шейные кресты, а иконы спрятали въ чуланѣ. Еркинъ сманилъ въ свою вѣру и еще нѣсколько семействъ, между прочимъ, семью крестьянина Шестакова, дочь котораго сдѣлалась вскорѣ его *второю* женою...

Оканчивая статью о тамбовскихъ противоцерковныхъ движеніяхъ, я долженъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ задался только одною скромною цѣлью — представить очеркъ мѣстной

бытовой жизни. Поэтому я старался быть краткимъ, не вдаваясь въ подробности догматическаго и нравственнаго вѣроученія тамбовскихъ церковныхъ отщепенцевъ. Я хотѣлъ установить тотъ фактъ, что инициатива религіознаго новшества развилась у насъ въ самой сильной степени. Жизнь *не о хлѣбъ единомъ* — издавна была мѣстнымъ идеаломъ... Это обстоятельство невольно должно привлекать ученыхъ изслѣдователей къ нашему краю. Огромная задача предстоитъ нашимъ просвѣтителямъ-пастырямъ и учителямъ. Они должны терпѣливо, умѣло и упорно вносить свѣтъ въ наши темныя массы, податливыя и въ хорошую, и въ дурную сторону.

И. Дубасовъ.

УЛЫБКА УМИРАЮЩАГО.

Скажи, видалъ ли ты улыбку,
Съ которой при смерти больной
Встрѣчаетъ утро голубое
За госпитальною стѣной?

Когда румяный лучъ восхода
Окно больницы озарить,
А на худомъ лицѣ больного
Закатъ пурпуровый горить;

Когда въ концертѣ птицъ свободныхъ
Такъ чудно слышится весна,—
А въ сердцѣ бѣднаго страдальца
Дрожить послѣдняя струна;

Когда черемуха и яблонь
Стоять въ плѣнительномъ цвѣту,—
А злой недугъ въ груди страдальца
Сгубилъ послѣднюю мечту;

Когда въ поляхъ благоуханныхъ
Сверкаетъ жемчугомъ роса,—
А на рѣсницѣ у больного
Дрожить прощальная слеза;

Когда надежда, жизнь и радость—
Все пробуждается окрестъ—

А смерть несчастному страдальцу
Готовить гробъ и Божій крестъ...

О, другъ, подобную улыбку
Скажи: ты видѣлъ или нѣтъ?
А, если видѣлъ, то навѣрно
Ты горько плакалъ ей въ отвѣтъ.

Максимъ Липкинъ.

НА КОНДИЦИЯХЪ.

Р а з с к а з ъ .

I.

— Доложите начальницѣ, что баронесса Клугенъ желаетъ ее видѣть!

— Баронесса... виновать-съ: какъ вы изволили сказать фамилію?

— Клугенъ... баронесса Клугенъ! Вотъ моя визитная карточка...
Передайте!

Швейцаръ поднялся на лѣстницу, а пышная расфранченная дама, шурша накрахмаленными юбками и на ходу оправляя платье, легкой, торопливой поступью вошла въ пріемную залу N-скаго института. Опустившись на ближайшій стулъ, она машинально стала разсматривать голыхъ амуровъ на потолокѣ, удивляясь необычайной пестротѣ красокъ и бросавшейся въ глаза несоразмѣрности линій въ контурахъ фигуръ. Потомъ она остановила взглядъ на двухъ большихъ портретахъ императора и императрицы, помѣщавшихся въ нишѣ за колоннадой, похвалила мысленно рисовавшаго ихъ живописца, еще разъ взглянула на потолокъ, на лѣпные карнизы, обвела взоромъ всю комнату и пожалѣла, что нѣтъ кругомъ ни одного зеркала. «Какая сухая казенная обстановка!» подумала она и сладко зѣвнула; потомъ, замѣтивъ въ дверяхъ толстую, пожилую даму, начальницу института, она встала и быстро пошла ей на встрѣчу.

— Баронесса! Вы ли это? Какими судьбами? Сколько лѣтъ, сколько зимъ!—воскликнула пожилая дама, переваливаясь съ боку на бокъ, какъ утка, и еще издали протягивая баронессѣ обѣ руки.— Ахъ, вотъ неожиданная встрѣча! (Два звонкихъ поцѣлуя въ щеку). Представьте, что недавно еще былъ разговоръ о васъ... Графъ Коко, Лиза Пестрицкая и я,—мы вспоминали вашу свадьбу. Ахъ

какъ было весело! Помните, какъ Пьеръ Труцкой смѣшилъ насъ за ужиномъ? Говорятъ, онъ уѣхалъ на дняхъ за границу. А этотъ добродушный толстякъ... Кочаровъ, Бочаровъ... забыла фамилію... Господи! Да вѣдь мы десять лѣтъ не видались — это цѣлая вѣчность! Дайте же мнѣ на васъ взглянуть поближе. Гм... измѣнились, постарѣли...

— Да и вы тоже не помолодѣли, Людмила Борисовна!

— Нѣтъ, нѣтъ... Я шучу, милая... Не обижайтесь... Вы все такая же свѣжая, прелестная женщина, какъ и были! Ну, а что вашъ суиругъ, *notre cher vaion*? Все еще въ кирасирахъ служить? Полковникъ, генераль? Говорите же!

— Мой мужъ получилъ отставку! — лѣниво протянула баронесса (отъ трескотни Людмилы Борисовны она уже начинала чувствовать шумъ въ ушахъ). — А теперь — добавила она, — онъ служить по выборамъ отъ дворянства.

— Жаль... къ нему такъ шла эта красивая форма, въ особенности когда онъ танцевалъ мазурку. Ахъ, какъ онъ танцевалъ! Восторгъ! Дамы съ ума сходили... Ну, что онъ — все такой же красавецъ, *cavalier galant*; измѣнился, можетъ быть? Впрочемъ, конечно. Прошло уже десять лѣтъ съ тѣхъ поръ. Ахъ, время, время! Скажите же, милая: у васъ есть дѣти? Да?

— Есть, — отвѣчала баронесса съ улыбкой. — Наконецъ-то вы мнѣ напоминаете, Людмила Борисовна, о цѣли моего визита къ вамъ!

— А! понимаю... У васъ дѣвочки, и вы хотите помѣстить ихъ ко мнѣ въ институтъ... Очень рада!

— Нѣтъ, не то... Вы не угадали. Я ищу для своихъ дѣтей гувернантку, но такую, которая была бы изъ хорошей, благородной семьи. Знаете ли, это очень важно... И я, и мой мужъ — мы хотимъ, чтобы наши дѣти были всегда, что называется, *bien distingués*. Вы однѣ можете помочь намъ въ этомъ!

— Да, да... съ большимъ удовольствіемъ! — затараторила Людмила Борисовна. — Я могу вамъ рекомендовать одну изъ своихъ воспитанницъ. Я уже имѣю на примѣтѣ. Генеральская дочка одна, *m-Ne Трубчевская*, *une jeune fille accomplie*. Это моя *protégée*, которая надняхъ кончаетъ курсъ; учится блестяще, и — представьте — совсѣмъ еще ребенокъ: ей только что минуло 17 лѣтъ... Послѣ смерти отца, она осталась круглой сиротой, а покойный генераль — бравый былъ мужчина! — умирая, просилъ меня взять дѣвочку подъ свое покровительство, такъ что здѣсь, въ Москвѣ, она почти одинока. Есть у нея какіе-то родственники, но я не рѣшилась бы отпустить ее къ нимъ, а въ васъ, баронесса, я не сомнѣваюсь

Охотно передаю вамъ мою барышню съ рукъ на руки и благо-словляю ее въ путь!

— Вы меня очень обяжете,—промолвила баронесса.

— Да, да. Ужь я знаю, что вы останетесь довольны! Это пре-милая дѣвочка. Пре-ми-и-лая!—произнесла начальница нараспѣвъ.— Да вотъ я вамъ представлю ее сейчасъ: сами убѣдитесь... Швей-царь! попросите ко мнѣ сюда воспитанницу Трубчевскую!..

Черезъ минуту, почти вбѣжала въ комнату молоденькая, гра-ціозная дѣвушка въ коричневомъ платьѣ съ бѣлой пелеринкой и такого же цвѣта фаргукомъ. Густые темнорусые волосы, запле-тенные въ двѣ косы, низко спадали ей на плечи; ея миловидное личико со слегка оттопыренной нижней губкой такъ и дышало свѣ-жестью и здоровьемъ, а красивая, уже вполне сформировавшаяся, грудь нѣжно колыхалась подь корсетомъ.

Увидавши незнакомую даму, дѣвушка немного смутилась и то-ропливо сдѣлала реверансъ.

— Наденька, мой дружокъ, съ тобой жаеетъ познакомиться баронесса Клугенъ!—обратилась къ ней Людмила Борисовна и же-стомъ указала на баронессу.

Дѣвушка еще болѣе сконфузилась и, вся заалѣвъ, поспѣшила взять протянутую ей руку.

— Очень рада...—говорила между тѣмъ баронесса.—Я слышала, что вы кончаете курсъ, и хочу предложить вамъ у себя мѣсто гу-вернантки. Вы согласны ѣхать со мной въ деревню?

Наденька ничего не отвѣтила и съ улыбкой вопроса взглянула на Людмилу Борисовну. Та поняла ея взглядъ.

— Что же ты колеблешься, дитя мое?—сказала она ободряю-щимъ голосомъ.—Натурально поѣзжай... Ты будешь заниматься дѣтьми. Это очень хорошо.—У дѣвушки вдругъ навернулись слезы на глазахъ. Она порывисто схватила руку своей начальницы и прижалась къ ней плающей щекой.

— Матап, милая матап, мнѣ грустно разставаться съ вами!— чуть слышно проговорила она.

Людмила Борисовна поцѣловала ее въ лобъ.

— Что же дѣлать, дружокъ мой? Ты выходишь изъ инсти-тута. Рано или поздно это должно было случиться... По крайней мѣрѣ, я знаю, что Дарья Михайловна... что баронесса,—живо по-правилась она, замѣтивъ недовольное лицо госпожи Клугенъ, ко-торая считала свое имя вульгарнымъ,—что баронесса вполне за-мѣнитъ меня по отношенію къ тебѣ!

— О, да, конечно,—подхватила баронесса,—вамъ будетъ хо-рошо у меня, m-lle Nadine, и я увѣрена, что вы не будете скучать.

Въ деревнѣ много разныхъ развлеченій. У насъ прекрасный паркъ, фруктовый садъ, рѣка; можно удить рыбу, кататься на лодкѣ— все, что угодно. Мои дѣти будутъ любить васъ, какъ сестру.

У Наденьки мгновенно просвѣтлѣло личико, въ глазахъ заблестѣла радость.

— Такъ у васъ добрыя дѣти?—спросила она, и, не дожидаясь отвѣта, продолжала:—хорошо, я поѣду съ вами... Я люблю дѣтей, и деревню тоже люблю: я читала въ романахъ описаніе. Воображаю, какъ тамъ хорошо лѣтомъ, какая природа... Я ужасно люблю природу... А соловьи у васъ есть?

— И соловьи есть... Сколько хотите!—улыбнулась баронесса и взглянула на Людмилу Борисовну, у которой все выраженіе лица говорило: «смотрите, какая она наивная, совсѣмъ еще ребенокъ»!

— Итакъ, вы согласны,— снова обратилась она къ Наденькѣ,— и намъ остается только переговорить объ условіяхъ: я могу вамъ предложить сто рублей въ мѣсяць. Довольно?

Последнюю фразу баронесса произнесла, отчеканивая каждое слово и любуясь эффектомъ, который она производила на слушательницъ. «Навѣрное ужъ не ожидали такой суммы!» подумала она, и самодовольная торжествующая улыбка появилась на ея губахъ.

— Ахъ, нѣтъ... не надо... мнѣ ничего не надо! — вся застыдившись, говорила Наденька. Ей сдѣлалось почему-то ужасно совѣстно, что ее нанимаютъ за плату. «Точно прислугу какую нибудь!» промелькнуло въ ея головѣ, и она вдругъ стала серьезной: нижняя губа еще больше выдвинулась впередъ, и все лицо ея приняло то особенное выраженіе, которое бываетъ часто у капризныхъ дѣтей.

— Я не хочу денегъ, — сказала она рѣшительно, — возьмите меня такъ!

Баронесса слегка поморщилась: не ожидала она такого отвѣта со стороны дѣвушки, которую думала поразить своей щедростью.

— Вы слишкомъ наивны, моя милая!—бросила она съ язвительной усмѣшкой, и прибавила сентенціозно:—всякій трудъ долженъ быть оплаченъ.

Наденька не возражала и, слегка потупившись, играла кончигомъ ботинки.

Но вдругъ она подняла головку и съ непритворнымъ испугомъ воскликнула:

— Ахъ, Боже мой, вѣдь у меня еще одинъ экзаменъ остался изъ исторіи. Я могу провалиться. Извините меня, баронесса: мнѣ

еще нужно хронологию учить!—проговорила она, дѣлая легкій реверансъ, и, быстро повернувшись на каблукахъ, выбѣжала изъ комнаты.

II.

Черезъ недѣлю Наденька получила дипломъ. Это было одно изъ самыхъ радостныхъ событій въ ея жизни, и она еще никогда не испытывала такого жгучаго,—захватывающаго душу—счастья, какъ въ тотъ день. Ей было ужасно весело; она шалила, бѣгала, рѣзвилась, точно вновь переживала свое дѣтство, цѣловалась со всѣми подругами и классными дамами, даже съ тѣми изъ нихъ, которыя были ей ненавистны, и ея наивное личико дышало все время такимъ милымъ довольствомъ и торжествомъ, что можно было искренно позавидовать ей.

— Какая ты счастливая, Трубчевская! Господи, какая счастливая!—хоромъ восклицали ея младшія подруги.

— Говорять, ты ѣдешь на кондиціи къ миллионерамъ... Правда это?—спрашивали нѣкоторыя изъ нихъ.

— Смотри же, напиши, когда ты будешь выходить замужъ... Ты общала,—прибавляли третьи.

И Наденька, не успѣвая отвѣчать на вопросы и восклицанія своихъ подругъ, ласково улыбалась имъ всѣмъ.

Между тѣмъ она стала готовиться къ отъѣзду, и когда пріѣхала баронесса, чтобъ везти ее на вокзалъ, торжествующая дѣвушка чуть не бросилась къ ней въ объятія, точно это была ея близкая родственница; въ порывѣ радостнаго волненія (на даже не замѣтила, какъ съ лица фешенебельной дамы медленно сползала язвительная усмѣшка, и какъ она сухо прикоснулась къ ея губамъ.

— Надѣюсь, вы готовы?—процѣдила сквозь зубы баронесса.—Поспѣшите же, иначе мы опоздаемъ на поѣздъ!..

Собраться въ путь, т. е. уложить кое-какія книги и платья, было для Наденьки дѣломъ одной минуты; затѣмъ оставалось только проститься съ Людмилой Борисовной и ѣхать. Разставаясь съ начальницей, Наденька, какъ и слѣдовало ожидать, всплакнула немного, но когда она сѣла въ коляску рядомъ съ пышной дамой, и пара сильныхъ лошадей быстро понеслась по мостовой, то она тотчасъ же забыла свое минутное горе, ей опять стало весело, и просвѣтлѣвшее личико снова засіяло невѣдомой, безотчетной радостью. Съ дѣтской довѣрчивостью глядѣла Наденька въ даль, въ это, широко разстлавшееся передъ ней, будущее, которое ри-

совалось въ такихъ заманчивыхъ, радужныхъ краскахъ. Пока еще ни одного сомнѣнія не закрадывалось въ ея неопытную душу, ни одно облачко не затуманивало ея свѣтлыхъ упованій и надеждъ, и она смѣло, не задумываясь, ввѣряла себя этой новой, только что начинавшейся для нея, жизни. Да, что-то ожидало ее теперь?!

III.

Имѣніе баронессы Клугенъ, полученное ею въ приданое, когда она выходила замужъ, было прелестнымъ уголкомъ к—ой губерніи. Особенно хороша была усадьба, раскинувшаяся по склону живописнаго холма, съ роскошнымъ вѣковымъ садомъ, ольховой рощей и большимъ господскимъ домомъ, который весь потонулъ въ зелени,—только часть его бельведера виднѣлась издали, да высокій шпиль, сверкавшій на солнцѣ. А внизу, гдѣ столпилось нѣсколько мужицкихъ хатъ, какъ бы для того, чтобы поглазѣть на барскія хоромы, струилась небольшая рѣчка. Извиваясь около холма серебристой змѣйкой, она пряталась потомъ въ камышахъ...

Тутъ все было ново для Наденьки, все приковывало ея вниманіе, поражало, восхищало ее, и она съ такою жадностью вдыхала въ себя ароматный воздухъ полей, когда ѣхала со станціи, точно вышла на свѣтъ божій изъ душнаго погребя.

Съ любопытствомъ разглядывала она встрѣчавшихся на пути деревенскихъ бабъ и мужиковъ, которые всѣ подобострастно снимали шапки передъ проѣзжавшими мимо нихъ «господами».

— Зачѣмъ это они кланяются?—спрашивала изумленная дѣвушка.—Они васъ знаютъ, баронесса?

Баронесса поспѣшила объяснить, что въ деревнѣ «такъ принято».

«Странно!»—думала Наденька. «Эти мужики вовсе не такъ дики, какъ я себѣ представляла!» И «кисейная барышня» постепенно стала очаровываться всѣмъ, что только представлялось ея глазамъ. Буколическія картинки, которыя она видѣла впервые, ужасно нравились ей, и она восхищалась ими всю дорогу.

— Какъ здѣсь хорошо! Какая простота!—поминутно восклицала она, обращаясь къ своей спутницѣ и удивляясь, какъ та могла не раздѣлять ея восторговъ.

А баронесса была просто утомлена продолжительнымъ путешествіемъ, да и деревенскія сцены, къ которымъ она уже давно приглядѣлась, совсѣмъ не занимали ея; напротивъ, все, что она видѣла передъ собой, казалось ей крайне однообразнымъ и скуч-

нымъ, а по временамъ даже раздражало ее. Вотъ толпа ребятншекъ собралась около пруда, на половину заросшаго тиной; задравши рубашонки къ верху, они плескаются въ водѣ, бросаютъ другъ въ друга комками грязи, кричатъ, смѣются... «Какіе счастливые!»—думаетъ Наденька.—«Какъ имъ весело, привольно!» А вотъ еще кучка ребятъ: играютъ въ бабки. Замѣтивъ господскій экипажъ, заложенный тройкой лошадей, они тотчасъ же выбѣгаютъ на встрѣчу, гикаютъ и свистятъ, а нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣ смѣлые, пытаются даже влѣзть на запятки, и только хлысть кучера, грозно взлетѣвшій надъ ихъ головами, заставляеть ихъ съ испугомъ ринуться назадъ. Теленокъ, валявшійся посреди дороги, вдругъ вскакиваетъ, услышавши за собой грохотъ экипажа, и нѣкоторое время бѣжитъ впереди лошадей по прямому направленію, а потомъ уже, сообразивъ, что это крайне глупо, сворачиваетъ въ сторону. Только огромная пестрая свинья копается въ грязи у колодца, равнодушно похрюкивая и не замѣчая, какъ шаранулась мимо нея испуганная лошадью курица и взлетѣла къ верху до самой бадьи; да какая-то баба невозмутимо ищетъ на сѣкомыхъ въ волосахъ у своей дѣвчонки, уткнувшейся головою въ ея колѣни, и до того занята своимъ дѣломъ, что не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить проѣхавшаго мимо экипажа; лишь по прошествіи двухъ трехъ минутъ, она, какъ бы спохватившись, скидываетъ руку вверхъ въ видѣ козырька, и долго смотритъ вслѣдъ.

Наденьку, не выдавшую раньше ничего подобнаго, все это чрезвычайно забавляло, и она не пропускала почти ни одной мелочи. Время летѣло незамѣтно. Одна картина смѣнялась другой, и дѣвушка не успѣвала разобраться въ только что полученныхъ впечатлѣніяхъ.

IV.

Между тѣмъ коляска, въ которой сидѣли наши дамы, въѣхала въ обширный дворъ, усыпанный краснымъ пескомъ и обнесенный чугунной оградой, обогнула нѣсколько кустовъ сирени, черемухи и бузины, разсаженныхъ здѣсь въ видѣ полукруга, и въ сопровожденіи двухъ мохнатыхъ овчарокъ, съ дружнымъ лаемъ кинувшихся на лошадей, подкатила къ парадному подъѣзду. Дюжій лакей уже стоялъ тамъ на вытяжку, собираясь высадить изъ экипажа господъ.

— Все благополучно? — спросила баронесса только для того,

чтобы что нибудь сказать, и, не дожидаясь отвѣта, быстро взбѣжала по ступенькамъ лѣстницы, взоромъ приглашая Наденьку слѣдовать за собой.

— Вотъ мы и дома!—весело сказала она, входя въ переднюю.—Здравствуй, Валеріанъ!—привѣтствовала она мужа, поспѣшившаго къ ней на встрѣчу, и, протянувъ сначала обѣ ладони къ его губамъ, позволила и себя поцѣловать въ щеку.

— А гдѣ же дѣти? Отчего я не вижу ихъ?—освѣдомилась она съ притворной заботливостью, тогда какъ въ сущности ей было совершенно безразлично, гдѣ бы они ни были, и если она спрашивала про нихъ теперь, то лишь для того, чтобы выказать при постороннемъ лицѣ свою материнскую нѣжность. Тѣмъ не менѣе, баронъ пришелъ въ нѣкоторое замѣшательство и началъ громко звать дѣтей. Потомъ онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ молодую дѣвушку и, замѣтивъ, что она хорошенькая, поспѣшилъ придать своему лицу выраженіе слащавой любезности.

— Pardon!—спохватилась баронесса—я еще не познакомила васъ... Мой мужъ!.. M-me Трубчевская!..

Наденька густо покраснѣла, а баронъ выпрямилъ станъ, устремилъ въ глаза дѣвушки долгій взглядъ и, пожалъ ей руку, сталъ крутить усы. Въ это время, въ комнату съ шумомъ вбѣжали мальчикъ и дѣвочка, изъ которыхъ первому было семь лѣтъ, а второй—девять. Звали ихъ въ рѣмю: Колей и Лёлей. Увидавъ мать, дѣти притихли и робко подошли къ ея рукѣ: видно было, что они относились къ ней холодно и даже боялись ея.

— Это—mademoiselle Nadine, ваша новая гувернантка!—сказала баронесса и, обращаясь къ дѣвочкѣ, прибавила:—Лёля, моя душа, проводи барышню въ ея комнату!..

И она еще не успѣла договорить, какъ уже Коля юркнулъ куда-то впередъ, причемъ по дорогѣ онъ ущипнулъ сестру за локоть, а Лёля тотчасъ же пошла вслѣдъ за нимъ въ сопровожденіи Наденьки. Черезъ нѣсколько минутъ, дѣти уже освоились съ молодой дѣвушкой и весело болтали съ ней о разныхъ пустякахъ. Лёля показывала свои куклы и съ гордостью объявила, что теперь она уже не играетъ ими, а что въ прошломъ году она вѣдала свою любимую куклу, Катю, съ Жучкой-дворяншкой.

— Какая я глупая была!—смѣялась Лёля.—Вотъ глупая-то! А теперь я книжки стала читать. Папа мнѣ «Робинзона» подарилъ... Хотите, я покажу вамъ картинки, m-me Nadine? Хоро-о-шія картинки!..

— А у меня зайчикъ есть,—сказалъ Коля,—малюсенькій такой, ушки длинныя... я его капустнымъ листомъ кормлю. Только

кучеръ говоритъ, что его нельзя за животикъ трогать, что эдакъ можно захватать его до смерти... Правда это?

— Я не знаю!— улыбулась Наденька.— Можетъ быть!

— Пойдемте въ садъ!— вдругъ предложила Лёля.— У насъ прудъ большой.. Можно на лодкѣ покататься. Пойдемте, m-lle Nadine. До обѣда еще долго!..

Наденька согласилась и обрадованныя дѣти тотчасъ же повлекли ее за руки, а Коля даже подпрыгнулъ на мѣстѣ и поцѣловалъ ее въ щеку. «Какія славныя дѣтишки!»— думала Наденька, гуляя по саду со своими юными питомцами, и съ любопытствомъ слѣдя за маленькимъ Колей, какъ онъ проворно лазилъ на деревья, рылся въ дуплахъ и доставалъ оттуда воробьиныя яйца.

V.

Долго бродили они по саду, наконецъ утомленные вернулись домой. Въ это время на террасѣ былъ поданъ обѣдъ. Наденька, вся раскрасившаяся отъ быстрой ходьбы, свѣженькая, какъ та лилія, которую она только что сорвала съ клумбы и приколола себѣ на грудь, успѣшила занять мѣсто рядомъ съ баронессой, и тутъ только замѣтила, что очутилась какъ разъ vis-à-vis съ барономъ. Она почувствовала на себѣ его долгій взглядъ и ей сдѣлалось неловко. Однако она не рѣшилась посмотреть ему въ лицо, такъ какъ боялась покраснѣть, и только разъ взглянула на него украдкой, когда онъ ѣлъ супъ.

А въ глубинѣ души баронессы, внимательно слѣдившей за молодой дѣвушкой, шевельнулось, между тѣмъ, ревнивое чувство. Она окинула мужа испытующимъ взоромъ, и ей впервые представилась возможность новой измѣны съ его стороны. Она какъ-то не думала объ этомъ раньше, можетъ быть, потому, что Наденька показалась ей вначалѣ совсѣмъ не привлекательной, но теперь за обѣдомъ она вдругъ пришла къ обратному заключенію. «Эта дѣвчонка очень недурна собой!»— рѣшила она мысленно— посмотримъ, чтò изъ этого выйдетъ. Во всякомъ случаѣ, надо принять мѣры и отнюдь не допускать близости... Впрочемъ, теперь уже совсѣмъ не то, чтò было прежде: я стала гораздо опытнѣе, и меня не такъ-то легко провести!»

И вспомнила баронесса, какъ лѣтъ десять тому назадъ она вышла замужъ. Она пріѣхала тогда въ Москву на зимній сезонъ; много веселилась, посѣщала театры, выѣзжала на балы и вечера, и, какъ богатая дѣвушка, всегда была окружена толпою поклон-

никовъ и искателей ея руки. Въ то время прибыли изъ Петербурга въ отпускъ два промотавшихся кирасира, которые задумали посредствомъ женитьбы поправить свои матеріальныя средства. И вотъ имъ повезло въ началѣ. Барону Клугену и его товарищу удалось познакомиться съ Дарьей Михайловной, тогда еще совсѣмъ молоденькой дѣвушкой, и заслужить ея расположеніе. Дѣйствительно, ей одинаково нравились оба офицера, и она положительно не знала, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе, и, еслибъ это было возможно, то она охотно вышла бы замужъ за обоихъ. Однако ей предстояло сдѣлать выборъ, и товарищи-соперники терпѣливо ждали своей участи, причѣмъ ни тотъ, ни другой ни за что не хотѣли добровольно уступить другъ другу.

Наконецъ, на одномъ вечерѣ, бойкая барышня сама объявила обоимъ ухаживателямъ, что выйдетъ замужъ за того изъ нихъ, кто отгадаетъ, въ какой рукѣ она спрятала кольцо.

— Ну, говорите!—скомандовала она.

— Въ правой!—въ одинъ голосъ сказали офицеры.

— А вотъ и проиграли!—засмѣялась дѣвушка,—въ лѣвой! Ну, давайте снова!..

И она спрятала руки.

— Въ какой теперь?

— Въ правой!—отвѣтилъ баронъ Клугенъ, немного подумавъ.

— Вы?—обратилась дѣвушка къ его товарищу. Тотъ очень долго колебался и наконецъ рѣшился произнести:

— Въ лѣвой!

Дѣвушка разжала руки, и баронъ съ восторгомъ увидѣлъ, что онъ выигралъ. Такъ произошла эта свадьба. Боронесса стала еще вспоминать—и десять лѣтъ супружескѣй жизни промелькнули передъ ней, какъ рядъ быстро смѣняющихся одна за другой туманныхъ картинъ. И хотя бы одна свѣтлая точка во всемъ этомъ прошломъ! Вѣчно должна была она бѣгать за своимъ мужемъ, слѣдить за нимъ, держать его на привязи, при этомъ всегда волноваться и никогда не испытывать душевнаго спокойствія. Бывало, чуть только она отвернется, а баронъ ужъ заводитъ гдѣ нибудь любовную интрижку. Онъ не оставлялъ безъ вниманія ни одной горничной, ни одной мало-мальски смазливой дворовой дѣвушки— всѣ въ одинаковой степени были имъ обласканы. Не разъ даже случалось, что оскорбленные мужья приходили къ баронессѣ съ жалобой, и когда однажды отецъ соблазненной имъ дѣвушки хотѣлъ его убить, то, для предотвращенія скандала, баронесса принуждена была откупиться значительной суммой денегъ. Въ другой разъ баронъ былъ вызванъ на дуэль однимъ молодымъ помѣщи-

комъ за то, что находился въ сожителствѣ съ его женой, и такъ какъ, по трусости, отказался принять вызовъ, то публично получили «оскорбленіе дѣйствиємъ».

Все это происходило еще такъ недавно, такъ свѣжо было въ памяти баронессы, что по неволѣ заставляло ее относиться къ мужу съ нѣкоторой подозрительностью. Она еще разъ взглянула на него и поймала нѣжный,—какъ ей показалось,—взоръ, устремленный на Наденьку. «Хорошо, Валеріанъ Петровичъ»,—подумала она со злостью,—«съ этой минуты я не отпускаю васъ ни на шагъ отъ себя. Увидимъ, какъ вы будете ухаживать!..» А баронъ даже и не подозрѣвалъ, что за нимъ слѣдятъ. Онъ весь былъ занятъ одною мыслью: показаться Наденькѣ какъ можно болѣе интереснымъ, и, недолго думая, завелъ съ ней разговоръ. Между прочимъ, у него была несчастная слабость къ острогамъ; острилъ онъ всегда неудачно, но нисколько этимъ не смущался, и готовъ былъ изъ всякаго слова сдѣлать каламбуръ. Такъ, когда за обѣдомъ былъ поданъ соусъ, онъ попробовалъ его и, обращаясь къ Наденькѣ, сказалъ:

— Не правда ли, въ фасоли недостаетъ соли?

— Въ твоей остротѣ, мой другъ, недостаетъ ея еще больше!—ядовито замѣтила баронесса.

Баронъ и тутъ не смутился, и продолжалъ острить, какъ попало.

Это было въ высшей степени легкомысленное существо. Не смотря на свои 36 лѣтъ, онъ велъ себя иногда хуже любого школьника: кривлялся, высовывалъ языкъ, даже ползалъ на четверенькахъ, звукоподражая разнымъ животнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это ни странно, пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ. Правда, что женщины вообще любятъ глухихъ мужчинъ, хотя самолюбіе заставляетъ ихъ думать иначе, а такъ какъ баронъ былъ въ достаточной степени ограниченъ, то въ этомъ, можетъ быть, и заключался секретъ его успѣха. Какъ бы то ни было, но фактъ остается фактомъ: баронъ имѣлъ успѣхъ. Вотъ и теперъ, разговаривая съ Наденькой, онъ уже невольно чувствовалъ свою силу. Въ стыдливо опускавшихся рѣсницахъ молодой дѣвушки онъ готовъ былъ видѣть магнетическое дѣйствіе своихъ карихъ глазъ, которые онъ немилосердно шурилъ, столько же по близорукости, сколько и изъ желанія нравиться. Сознаніе силы выразалось у него и въ самоувѣренномъ тонѣ, съ какимъ онъ болталъ всякій вздоръ, и въ развязности обращенія, и въ самомъ смѣхѣ, которымъ онъ награждалъ свои дешевыя остроты. Баронъ почти уже не сомнѣвался въ томъ, что завоюетъ сердце Наденьки, но, когда

онъ хотѣлъ остаться съ ней наединѣ, чтобы начать «правильную атаку» (это было вскорѣ послѣ обѣда), баронесса вдругъ разрушила всѣ его планы, и притомъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

— Валеріанъ!—громко позвала она—давайте играть въ четыре руки, а васъ, m-lle Nadine, я попрошу заняться съ дѣтьми французской грамматикой...

— Но послушай, Долли... (онъ называлъ ее такъ по ея требованію). Зачѣмъ же сейчасъ?—пробовалъ возразить баронъ.

— Валеріанъ!—строго повторила баронесса.

— Подожди, Долли,—съ умоляющимъ видомъ говорилъ баронъ,—я сейчасъ...

— Валеріанъ!!..

И Валеріанъ Петровичъ долженъ былъ идти на зовъ. Онъ не смѣлъ послушаться, такъ какъ зналъ, что баронесса можетъ не дать денегъ, когда ему понадобится ѣхать въ Москву или въ Петербургъ. «Проклятое это попури изъ Травиаты!—шепчетъ онъ:—непремѣнно разорву ноты и брошу въ печь!» А самъ, уходя, бросаетъ на Наденьку пламенный взглядъ и, желая распотѣшить ее напоследокъ, выкидываетъ смѣшное «колѣнце». Онъ становится почему-то въ позу танцующей балерины и, откинувъ ногу въ сторону, начинаетъ пѣть пародію на мотивъ изъ Травиаты:

«Прощайте

Всѣ мои варенья,

Всѣ мои соленья...» и т. д.

— Сейчасъ вы услышите эту чудную оперу... Adieu, mademoiselle!.. Съ этими словами баронъ скрывается за дверью.

VI.

Уже два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ Наденька поселилась въ имѣніи баронессы Клугенъ. Она быстро освоилась съ грудной ролью гувернантки, сумѣла расположить въ свою пользу дѣтей, и сама привязалась къ нимъ, какъ старшая сестра. Леля и Коля находились при ней неотлучно. Она читала имъ, рассказывала анекдоты, причемъ Коля обыкновенно взбирался къ ней на колѣни и, обхвативъ ручонками ея шею, безпрестанно цѣловалъ въ губы, такъ что Леля должна была даже останавливать его.

— Ахъ, Коля!—говорила она—ты надоѣдаешь m-lle Nadine... Какъ тебѣ не стыдно!..

— А тебѣ что?—говорилъ мальчикъ обиженно—я не тебя цѣлую!..

Дѣти крѣпко подружились съ молодой дѣвушкой и повѣрили ей всѣ свои тайны.

— Вотъ вы намъ чужая,—заявила разъ Леля,—а мы любимъ васъ больше, чѣмъ маму... Правда!..

— Это нехорошо, моя дѣвочка: — сказала Наденька — надо любить маму больше всѣхъ!..

— Больше папы?—съ удивленіемъ спросилъ Коля.

— Нѣтъ, и папу также!..

— А мы папу больше любимъ!—признавался мальчикъ,—папа добрый, онъ съ нами играетъ всегда, а мама злая, она насъ только наказываетъ.

Наденькѣ тоже не нравилась баронесса: она находила ее черстой и холодной женщиной. Къ тому же она видѣла съ ея стороны прямо непріязненное отношеніе къ ней, которое замѣтно усиливалось съ каждымъ днемъ. Наденька недоумѣвала и послѣ каждой рѣзкой выходки баронессы горько плакала. Съ другой стороны она замѣчала, что самъ баронъ уже черезчуръ къ ней благоволитъ. Она читала это въ его страстныхъ взглядахъ, чувствовала въ горячихъ пожатіяхъ руки, ясно слышала въ каждомъ звукѣ его голоса. И ей было стыдно встрѣчаться съ нимъ. Большею частью она видѣла его мелькомъ, урывками. Баронесса положительно слѣдила за каждымъ шагомъ мужа, и всякій разъ, какъ заставляла съ нимъ Наденьку, немедленно сажала его за рояль играть въ четыре руки «Травіату». Для барона это было сущимъ наказаніемъ; онъ ненавидѣлъ тогда свою жену и, не будучи въ состояніи придумать для нея лучшей мести, нарочно не бралъ ни одного дѣла. Тѣмъ не менѣе, не смотря на преслѣдованія баронессы, Валеріанъ Петровичъ ухитрился перекидываться съ Наденькой двумя-тремя словами. Тайкомъ отъ жены онъ пускался даже на слѣдующія продѣлки: чуть слышно подкрадывался къ окну Наденькиной комнаты, и начиналъ свистать и щелкать, подражая соловью. Онъ дѣлалъ это мастерски, и Наденька хвалила его искусство. Понятно, что баронъ не ограничился столь невинной забавой, и когда дѣвушка высунулась къ нему въ окно, то онъ быстро схватилъ ея руку и прижалъ къ губамъ. Пораженная такой неожиданностью, Наденька не нашлась, что сказать, и только улыбнулась. Но потомъ, когда она спокойно начала обдумывать поступокъ барона, то сочла себя глубоко обиженной. «Другая не позволила бы ему этого,—размышляла она,—онъ думаетъ, что я дурочка, наивная институтка, съ которой можно дѣлать все, что угодно... Въ его глазахъ я, можетъ быть, даже не женщина, а только гувернантка, прислуга... Нѣтъ, я докажу, что я не такая;

я напишу Людмилѣ Борисовнѣ, чтобы она взяла меня къ себѣ, что я не могу здѣсь жить»...

И Наденька горько заплакала. Увидѣвъ ее въ слезахъ, дѣти пришли въ страшное волненіе и наперерывъ стали допытываться, что съ ней случилось.

— Прощайте, дѣтки, — говорила Наденька, всхлипывая, — я уѣзжаю отъ васъ... Меня здѣсь не уважають, третируютъ...

Но дѣти подняли такой крикъ и плачь по всему дому, что дѣвушка принуждена была успокоивать ихъ, увѣряя, что она съ ними пошутитъ.

VII.

Между тѣмъ, вечеромъ того же дня, она нашла въ своей комнатѣ записку, свернутую въ трубочку, и прочла въ ней слѣдующее:

«Не вините меня, прошу васъ... Я не могу себя сдерживать больше. Я люблю васъ, люблю страстно, пламенно, безумно. Пожалуйте меня. Я все объясню вамъ, все, умоляю васъ только: придите въ садъ послѣ 12 часовъ, когда всѣ лягутъ спать. Я буду ждать васъ въ бесѣдкѣ около пруда».

Внизу стояли двѣ французскія буквы, украшенныя виньетками: «W» и «K».

То, что прочтала Наденька, было такъ необычайно, такъ ново для нея, что въ первую минуту она почувствовала испугъ. Какъ ошеломленная, стояла она на мѣстѣ: голова ея кружилась, въ ушахъ звенѣло. Что это? Ее любятъ, назначаютъ свиданіе, и притомъ въ такую пору, ночью. Нѣтъ, это совсѣмъ невозможно. Она—благовоспитанная дѣвица, дочь генерала, а не какаянибудь... И какъ онъ смѣлъ это написать? Она не давала повода...

Сгоряча Наденька рѣшила тотчасъ же идти къ баронессѣ и показать ей записку... Но она вспомнила, что баронесса и безъ того относится къ ней враждебно; можетъ быть, она даже подозрѣваетъ чтонибудь, а тутъ уже будетъ несомнѣнное доказательство; начнутся, пожалуй, сцены ревности, и она станетъ виновницей раздора между мужемъ и женой... Нѣтъ, надо придумать чтонибудь другое... И она еще разъ пробѣжала глазами эти нѣсколько строкъ, написанныхъ красивымъ, немного женственнымъ почеркомъ... «Люблю страстно, пламенно, безумно...» прошептали ея губы, и вдругъ она засмѣялась. Все, что было написано здѣсь, показалось ей чрезвычайно забавнымъ. Въ первый разъ въ жизни она получала признаніе въ любви, о которой имѣла раньше довольно смутное пред-

ставленіе, и то только благодаря двумъ-тремъ романамъ, прочитаннымъ ею въ институтѣ, такъ что судить объ этомъ чувствѣ по личному опыту не представлялось для нея возможнымъ. Впрочемъ, если хотите, она была влюблена однажды,—это было года два тому назадъ,—но влюблена... въ кого бы вы думали, моя читательница? Въ ламповщика!.. Да, она была влюблена въ этого человѣка, одѣтаго въ грязную рабочую блузу; она не могла оторвать отъ него глазъ, и когда онъ взглядывалъ на нее случайно, то ея дѣвственныя щочки покрывались яркимъ заревомъ. Она тайно вздыхала по немъ, мысленно произносила ему пламенные воззванія въ стихахъ и прозѣ, со страстнымъ біеніемъ сердца прислушивалась къ скрипу его смазныхъ сапогъ, и этотъ скрипъ казался ей дивной, чарующей музыкой. Но, увы, подъ луной ничто не вѣчно! Ламповщикъ былъ изгнанъ за пьянство, и чувство пятнадцатилѣтней дѣвушки къ нему исчезло также безслѣдно, какъ и онъ самъ. Съ этихъ поръ не было у Наденьки ни одного «романа». Не было его и теперь, потому что, хотя она и находила барона чрезвычайно милымъ и симпатичнымъ, но въ сущности оставалась къ нему равнодушной. Она видѣла, что онъ за ней ухаживаетъ, и это ей нравилось; потомъ ее занимали иногда его шутки и кривлянія—и только. Но ей никогда не приходило въ голову, что дѣло дойдетъ до пламеннаго объясненія въ любви, какъ это случилось теперь. Ей было и смѣшно, и жутко въ одно и то же время. и—странное дѣло!—непонятная жажда чего-то еще неизвѣстнаго и томительно сладкаго впервые зажигалась гдѣ-то въ глубинѣ ея души; вмѣстѣ съ тѣмъ протестъ женской стыдливости, такъ сильно овладѣвшій сначала всѣмъ ея существомъ, сталъ какъ-то вдругъ ослабѣвать, и, къ удивленію своему, Наденька уже не только не могла возмущаться поступкомъ барона, негодовать и считать себя оскорбленной, но даже старалась какъ будто оправдать его. Она мысленно называла себя безхарактерной, малодушной, силилась представить себѣ, что сдѣлала бы другая дѣвушка на ея мѣстѣ,—все было напрасно. Наступила ночь. Наденька потушила свѣчу и осторожно, на цыпочкахъ, вышла изъ своей комнаты на террасу. Ночь была темная, совсѣмъ безлунная. Погруженный въ сладкую дремоту, недвижно стоялъ садъ впереди. Ключья бѣлаго тумана спускались на него и ползли по широкимъ аллеямъ, точно живые. Кругомъ ни звука... Только среди мертвой тишины чудится какой-то невнятный, таинственный шопотъ... Его нельзя уловить ухомъ: это голосъ самой природы!

Еще нѣсколько минутъ тому назадъ, Наденька рѣшила, что она ни за что не пойдетъ на свиданье съ барономъ, но ей захотѣлось

подразнить себя, и она вышла на террасу. Темный садъ манилъ ее въ свою глубину. «Какъ тамъ хорошо и страшно!—думала она, сѣясь пронизать глазами окутывавшій ее мракъ.—А что, если я дойду вотъ до той липы? Пожалуй, шаговъ двадцать будетъ!» Наденька прислушалась... Лягушка квакнула вдали, и опять стало тихо. Она быстро сбѣжала по ступенькамъ лѣстницы и въ одну минуту очутилась около липовой аллеи. Лягушка квакнула еще разъ, другой... У Наденьки сильнѣй забилось сердце. «Онъ тамъ теперь, около пруда!» пронеслось въ ея головѣ, и фантазія дѣвушки, уже немного возбужденная, начала быстро разгораться... Она живо представила себѣ барона у своихъ ногъ. Онъ прижимаетъ ея руки къ губамъ и говоритъ нѣжныя слова. «Какъ это должно быть интересно!»—подумала она и инстинктивно сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ. «Но нѣтъ,—тотчасъ же спохватилась она,—я не могу рѣшиться. Это такъ стыдно... Воображаю, еслибъ было свѣтло... Тогда нечего было бы и думать... Какъ хорошо, въ самомъ дѣлѣ, что темно». И Наденька стала смѣлѣй углубляться въ садъ.

«Боже, какая я безхарактерная, малодушная... Другая на моемъ мѣстѣ ни за что бы не пошла!»—думала бѣдная дѣвушка, все ближе и ближе подходя къ мѣсту свиданья

Черезъ полчаса Наденька возвращалась домой по той же липовой аллеѣ, но уже не одна. Баронъ шелъ вмѣстѣ съ нею и, крѣпко обвивъ рукой ея станъ, цѣловалъ въ голову. Наденька тихо плакала, и Валеріанъ Петровичъ чувствовалъ, какъ ея худенькія плечи конвульсивно вздрагивали. Но онъ не находилъ для нея ни одного слова утѣшенія: онъ молча и спокойно торжествовалъ свою новую побѣду. «Какъ я, однако, скоро... Даже не ожидалъ!»—думалъ онъ, приближаясь къ террасѣ, и вдругъ обомлѣлъ отъ ужаса: въ окнахъ спальни его жены и Наденькиной комнаты виднѣлся свѣтъ. Не было никакого сомнѣнія, что баронесса проснулась, зажгла свѣчу и, замѣтивъ исчезновеніе мужа, тотчасъ же догадалась, въ чемъ дѣло. «Мы пойманы!»—воскликнулъ баронъ упавшимъ голосомъ, и до того потерялся въ первую минуту, что рѣшилъ даже не возвращаться домой. Однако, вскорѣ онъ устыдился своего страха и, стараясь казаться равнодушнымъ, сталъ по обыкновенію шутить.

— Какъ куры во щи попались!—хихикнулъ онъ.—Веселенькій анекдотецъ... Не правда ли?—И онъ хотѣлъ крѣпче прижать къ себѣ Наденьку, но та внезапно оттолкнула его рѣзкимъ движеніемъ руки.

— Уйдите... Оставьте меня,—почти простонала она,—вы мнѣ противны! Я презираю васъ, а себя я... ненавижу!..

Въ эту минуту Наденька готова была перенести какое угодно наказаніе, не только стыдъ передъ баронессой. Да и что былъ этотъ стыдъ въ сравненіи съ тѣмъ позорнымъ клеймомъ общественнаго мнѣнія, которое еще ожидало ее впереди? Твердой поступью вошла она на террасу, намѣреваясь пройти въ свою комнату, и только ниже опустила голову, когда проскользнула мимо стоявшей въ дверяхъ баронессы.

— Прошу васъ завтра же оставить мой домъ! Развратная дѣвчонка!—прошипѣла ей вслѣдъ Дарья Михайловна.

Наденька ничего не отвѣтила. Она сѣла на постель и долго оставалась неподвижной. Потомъ слезы вдругъ неудержимо потекли изъ глазъ ея и, уткнувшись головой въ подушку, она глухо зарыдала...

VIII.

Съ тяжелымъ, невыразимо тяжелымъ сознаниемъ своей «вины», вся изболѣвшая душой, ѣхала Наденька на другой день въ Москву. Быстро летѣлъ поѣздъ, и она равнодушно слѣдила изъ окна вагона, какъ проносились мимо зеленые луга, лѣса и села, какъ одинъ пейзажъ смѣнялся другимъ, и все, что она видѣла передъ собой, чѣмъ она прежде готова была долго-долго восхищаться, теперь навело на нее тоску и уныніе. По временамъ, она старалась забытья, не думать ни о чемъ, и закрывала глаза... Не тутъ-то было! Мысли, одна мрачнѣе другой, приходили ей въ голову. То казалось, что Людмила Борисовна покинетъ ее, когда узнаетъ объ ея позорѣ, что всѣ знакомые и родственники будутъ отъ нея отворачиваться; то вдругъ она живо представляла себѣ похоронную процессію... Это ее везуть хоронить... Всѣми покинутая и забытая, она умерла съ голоду въ грязномъ подвѣзѣ... Брр!.. Наденька вздрогнула и открыла глаза, полные слезъ. Передъ ней все тѣ же сонныя лица пассажировъ и все тотъ же грохотъ мѣрно раздается въ ухахъ... «Ту-ту-ту... Ту-ту-ту...» Этотъ стукъ положительно не даетъ ей покоя. Онъ отзывается въ душѣ какою-то ноющей тупой болью, и некуда дѣваться отъ него. Наденька выходитъ на площадку вагона, и первое, что пришло ей въ голову, это—броситься подъ колеса поѣзда, покончить разомъ съ жизнью. Напишутъ про нее въ газетахъ... Можетъ быть, и онъ прочтетъ. Пожалѣетъ ли только? Она наклонилась надъ

тормозомъ и посмотрѣла внизъ: шпалы мелькали такъ быстро, что у нея закружилась голова... «Нѣтъ, страшно!» тотчасъ же рѣшила она, и долго простояла на мѣстѣ, неподвижно устремивъ глаза въ одну точку. Наконецъ, она пріѣхала въ Москву и, вмѣсто того чтобы поселиться у Людмилы Борисовны, какъ предполагала раньше неопытная и непрактичная дѣвушка, она, неизвестно почему, остановилась въ «Славянскомъ базарѣ», хотя могла бы выбрать и другую, болѣе дешевую гостинницу; а къ начальницѣ она рѣшила отложить свой визитъ, такъ какъ боялась показаться ей слишкомъ взволнованной и смущенной.

Между тѣмъ, у Наденьки оставалось только нѣсколько рублей отъ полученнаго ею мѣсячнаго жалованья, и когда эти деньги вышли, то ей волей-неволей пришлось идти къ Людмилѣ Борисовнѣ. «Боже мой! что я скажу ей? У меня голова идетъ кругомъ!»—думала бѣдная дѣвушка, приближаясь къ квартирѣ начальницы, и очень была удивлена, когда на вопросъ, дома ли Людмила Борисовна, ей отвѣтили, что она дома, но не можетъ ее принять. Наденька не повѣрила и просила доложить о себѣ. Тогда ей принесли визитную карточку Людмилы Борисовны, на оборотной сторонѣ которой было написано карандашемъ слѣдующее: «Я получила письмо отъ баронессы. Благодарю васъ за то, что вы такъ жестоко обманули мое довѣріе къ вамъ; при этомъ прошу васъ не обращаться ко мнѣ больше ни съ какой просьбой и впредь избавить меня отъ своихъ посѣщеній». Наденька едва удержалась на ногахъ. Она вышла на улицу, точно въ бреду, ничего не сознавая и не чувствуя... Голова ея сильно кружилась, въ вискахъ стучало... Вдругъ кто-то остановилъ ее за руку:

— Трубчевская! это вы?..

Передъ ней стояла молодая женщина съ густо наложенными бѣлилами и румянами на щекахъ, въ нарядномъ цвѣтномъ платьѣ, въ шляпкѣ съ бѣлымъ перомъ и съ нахальной, вызывающей улыбкой на подкрашенныхъ губахъ. Наденька съ трудомъ могла въ ней узнать свою бывшую институтскую подругу Савину, кончившую курсъ двумя годами раньше ея.

— Вотъ встрѣча! Какими судьбами?—развязно продолжала Савина.—Да что съ вами? Вы точно изъ больницы выпущены!

Подруги разговорились, и Наденька тотчасъ же рассказала свою печальную исторію, причемъ, конечно, умолчала о настоящей причинѣ, по которой лишилась мѣста. Выслушавъ ее, Савина расхохоталась.

— Только-то?—воскликнула она.—Какіе пустяки!..

У Наденьки ёкнуло сердце. Ей больно было, что вмѣсто сочувствія, на которое она рассчитывала, ее встрѣчают равнодушнымъ смѣхомъ.

— Вамъ хорошо смѣяться,—говорила она сквозь слезы,—вы, можете быть, богаты, а мнѣ нечѣмъ жить... Должна умереть съ голоду!..

— Наивная моя дѣвочка!—улыбнулась Савина.—Отъ васъ зависить имѣть хорошія деньги... Только пожелайте!..

— Какъ такъ?—изумилась Наденька, и лучъ надежды блеснулъ въ ея глазахъ.

— Да такъ... Вы можете ихъ зарабатывать. У женщинъ есть для этого одно прекрасное средство...

— Какое же?—наивно спросила дѣвушка.

— Ахъ, вы, *sainte naïveté!* будто ужъ не знаете? Да вотъ что,—предложила Савина, — давайте жить вмѣстѣ. У меня страхъ какъ весело... Знаете, каждый день кавалеры бываютъ... право, хотите жить со мной?..

Наденька колебалась.

— Ну, мы объ этомъ еще потолкуемъ... А теперь пойдете ко мнѣ въ гости... Я живу здѣсь недалеко!..

И, взявъ Наденьку за талію, она куда-то потащила ее.

Поздно вечеромъ, изъ воротъ большаго каменнаго дома, однимъ своимъ угломъ выходящаго на Тверской бульваръ, быстро прошмыгнули двѣ тѣни и, обогнувъ Пушкинскій скверъ, направились къ кофейнѣ Филипова.

— Мнѣ страшно—слышался чей-то голосъ: — я не знаю, что со мной дѣлается!..

— Ты вся дрожишь даже... Какая ты глупая, Надя! Чего же бояться?

Въ это время къ нимъ присоединились двѣ мужскія фигуры. Наденька тѣснѣе прижалась къ своей подругѣ и стыдливо опустила внизъ русую головку...

Кн. Б. Щетининъ.

ВЛАСТЬ ДЕНЕГЪ.

Романъ Эмиля Золя.

Выходя изъ фіакра на Дворцовомъ бульварѣ, передъ тюремной Консьержері, она замѣтила, что позабыла впопыхахъ у себя дома пучокъ гвоздики, приготовленный поутру для брата. На бульварѣ стояла торговка съ букетиками розъ по два су; г-жа Дюрье взяла у нея одинъ и вызвала улыбку у Гамлена, обожавшаго цвѣты, когда рассказала ему о своей разсѣянности. Въ этотъ день, однако, сестра нашла своего Жоржа печальнымъ. Сначала, въ первыя недѣли заключенія, онъ не думалъ, чтобы на него могли обрушиться серьезные обвиненія. Собственная защита казалась ему совершенно легкимъ дѣломъ: въ президенты онъ былъ выбранъ противъ своего желанія и не принималъ никакого участія въ финансовыхъ операціяхъ, находясь почти постоянно въ отлучкахъ изъ Парижа, а слѣдовательно и не имѣя никакой возможности контролировать дѣйствія Саккара. Между тѣмъ, бесѣды съ защитникомъ и напрасныя хлопоты сестры, о которыхъ она ему рассказывала, дали понять этому наивному человѣку, какая страшная отвѣтственность тяготѣетъ надъ нимъ. Ему вмѣнять въ вину малѣйшее отступленіе отъ узаконенныхъ правилъ и никогда не повѣрять, чтобы хоть одно изъ нихъ могло совершиться безъ его вѣдома; такимъ образомъ, Саккаръ сдѣлалъ его соучастникомъ самаго позорнаго преступленія. Среди этихъ испытаній, только вѣра набожнаго католика, въ сущности немного наивная, поддерживала въ заключенномъ покорность судьбѣ и спокойствіе духа, удивлявшія Каролину. Когда она приходила къ нему изъ живаго міра, измученная хлопотами; приходила

отъ этого людскаго сброда, пребывающаго на свободѣ, со смутой его страстей, съ его черствостью, — ее удивляло ясное настроеніе узника, его тихая улыбка въ этой неуютной арестантской камерѣ, гдѣ онъ, какъ взрослый ребенокъ, наклеилъ на стѣну четыре ярко раскрашенныхъ картинки религіознаго содержанія вокругъ небольшого распятія изъ чернаго дерева. Разъ человекъ предалъ себя въ руки божіи, онъ перестаетъ возмущаться, и всякая незаслуженная кара становится для него залогомъ спасенія души. На Гамлена нападала грусть только при мысли о злополучной остановкѣ важныхъ работъ на востокѣ. Кто-то примется теперь за его дѣло? Кто будетъ продолжать великую задачу обновленія прекрасной страны, такъ удачно начатую главной компаніей соединенныхъ пароходствъ и обществомъ серебряныхъ рудниковъ Кармила? Кто выстроитъ сѣть желѣзныхъ дорогъ отъ Брусы до Бейрута и Дамаска, отъ Смирны до Трапезунда, чтобы вызвать правильную циркуляцію молодой крови въ жилахъ стараго свѣта? Гамлень впрочемъ еще вѣрилъ въ осуществленіе своего предпріятія и толковалъ, что оно не можетъ погибнуть; бѣдный ученый только страдалъ отъ сознанія, что не онъ тотъ избранникъ неба, которому суждено окончить столько полезныхъ начинаній для блага человѣчества. Голосъ Жоржа всегда обрывался, когда онъ спрашивалъ себя, за какой грѣхъ Господь не допустилъ его устроить обширный католическій банкъ, казну Святаго Гроба. Вѣдь этому учрежденію предстояло пересоздать современное общество, возвратитъ папѣ королевство и слить всѣ народы въ одну націю, отнявъ у евреевъ ихъ теперешнее всесвѣтное могущество, основанное на деньгахъ! И если сегодня Гамлень казался озабоченнымъ, то навѣрно потому, что этого невозмутимаго обвиняемаго, котораго вскорѣ должны были сдѣлать настоящимъ виновнымъ, терзала мысль о пятнѣ, наложенномъ на него тюрьмою! Даже оправданный и выпущенный на свободу, онъ никогда не будетъ больше вправѣ приняться за такую высокую задачу.

Бѣднякъ разсѣянно слушалъ сестру, говорившую, что, судя по газетамъ, общественное мнѣніе стало относиться къ нему немного благосклоннѣе. Вдругъ онъ прервалъ ее на полусловъ и, взглянувъ на Каролину мечтательнымъ взглядомъ, спросилъ ни съ того, ни съ сего:

— Отчего ты не хочешь съ нимъ повидаться?

Она вздрогнула, догадавшись, что рѣчь идетъ о Саккарѣ. Отрицательный жестъ головою былъ ея отвѣтомъ. Нѣтъ, нѣтъ! Тогда Гамлень рѣшился высказаться откровенно и промолвилъ въ смущеніи, понизивъ голосъ:

— Послѣ того, чѣмъ ты была для него, тебѣ нельзя отказываться. Ступай къ нему!

Боже мой, онъ зналъ! Густая краска покрыла щеки г-жи Дюрье; она бросилась на шею брата, пряча лицо на его груди, и спросила, запинаясь: кто могъ ему сказать, какъ узналъ онъ о томъ, что было такъ тщательно скрыто ото всѣхъ и въ особенности отъ него?

— Моя бѣдная Каролина, это ужь давно... Анонимныя письма отъ людей, завидовавшихъ намъ... Я никогда не говорилъ тебѣ ни слова, ты свободна и мы съ тобою смотримъ на вещи не одинаково. Но я знаю, что ты все таки самая лучшая, добрейшая женщина въ мірѣ. Навѣсти же его.

И, снова найдя въ себѣ силы улыбнуться, онъ вынулъ букетикъ розъ, заткнутый было имъ за распятіе, чтобы вложить его въ руку сестры со словами:

— Вотъ, отнеси ему это да передай отъ меня, что я также не сержусь на него.

Каролина, взволнованная этой нѣжностью несчастнаго брата, сгорая отъ стыда и въ то же время испытывая чувство глубокаго облегченія, не противилась болѣе. Впрочемъ, съ сегодняшняго утра ее и безъ того смутно влекло повидаться съ Саккаромъ. Могла ли она не сообщить ему о бѣгствѣ Виктора, объ отвратительномъ происшествіи, до сихъ поръ вызывавшемъ у нея нервную дрожь? Съ самаго начала своего ареста, Аристидъ внесъ имя г-жи Дюрье въ списокъ лицъ, которыхъ желалъ видѣть; ей стоило только назвать свою фамилію, чтобы сторожъ немедленно ввелъ ее въ камеру заключеннаго. Когда она вошла, Саккаръ сидѣлъ спиной къ двери за маленькимъ столомъ, дѣлая какія-то математическія выкладки на листѣ бумаги.

Онъ съ живостью вскочилъ и вскрикнулъ отъ радости:

— Вы!.. О, какъ вы добры и какъ я счастливъ!

Аристидъ взялъ ее руку въ обѣ свои. Каролина улыбалась въ замѣшательствѣ, сильно взволнованная, не зная, что

сказать. Потомъ своей свободной рукой она положила букетикъ розъ въ два су на листки бумаги, испещренные цифрами и наваленные грудой на столѣ.

— Вы ангель! — прошептала въ восхищеніи Аристидъ, цѣлуя ей пальцы.

Наконецъ г-жа Дюрье заговорила:

— Между нами все кончено; я произнесла вамъ суровый приговоръ въ моемъ сердцѣ. Но мой братъ хотѣлъ, чтобы я пришла сюда.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите такъ! Скажите лучше, что вы слишкомъ умны, слишкомъ добры, чтобы сердиться, что вы поняли все и прощаете меня...

Она сдѣлала отрицательный жестъ.

— Заклинаю васъ, не требуйте отъ меня такъ много. Я сама пока не отдаю себѣ отчета въ своихъ чувствахъ. Развѣ съ васъ недовольно, что я пришла?.. Кромѣ того, мнѣ предстоитъ сообщить вамъ очень грустную вещь.

И Каролина разомъ рассказала ему вполголоса о дикомъ пробужденіи животныхъ инстинктовъ у Виктора, о томъ, какъ онъ накинулся на мадмуазель де-Бовильеръ, а затѣмъ скрылся необъяснимымъ образомъ, причемъ самые тщательные поиски не привели ни къ чему. Саккаръ слушалъ, пораженный такою неожиданностью, не прерывая Каролину ни единымъ вопросомъ, точно онъ замеръ въ полной неподвижности. Когда же она замолчала, двѣ крупныхъ слезы повисли у него на рѣсницахъ и потекли по щекамъ, между тѣмъ какъ губы шептали:

— Ахъ, несчастный... несчастный...

Она никогда не видала его плачущимъ. Эти слезы перевернули ее, ошеломили: до того странной казалась въ немъ всякая чувствительность. Да и слезы эти были какія-то необыкновенныя, тяжелыя, выжатыя изъ глубокаго тайника, изъ черстватаго сердца, загрязненнаго годами разбойничьихъ похощеній. Впрочемъ, горестъ Аристиды тотчасъ излилась громкими сѣтованіями.

— Но вѣдь это ужасно, что мнѣ, отцу, не удалось даже обнять бѣднаго мальчугана!.. Вы знаете, я такъ и не видалъ его. Боже мой, я далъ себѣ честное слово поѣхать къ нему,

но рѣшительно не имѣлъ времени, ни часу свободнаго съ этими проклятыми дѣлами, которыя меня одолѣли въ конецъ... Ахъ, такъ всегда бываетъ: когда отложимъ что нибудь необходимое, то можно быть увѣреннымъ, что это ужъ больше никогда и не сдѣлается... Ну, а теперь, какъ вы думаете, мнѣ нельзя будетъ съ нимъ повидаться? Вѣдь мальчика можно было бы привезти сюда.

Она покачала головой.

— Кто знаетъ, гдѣ онъ теперь, въ невѣдомой безднѣ этого ужаснаго Парижа...

Съ минутоу Саккаръ еще носился по комнатѣ, жестикулируя и роняя обрывки фразъ.

— Ребенокъ неожиданно отыскался и вотъ опять я его теряю... Теперь никогда его не увидать... Знаете, мнѣ просто не везетъ, рѣшительно ни въ чемъ не везетъ! О, Боже мой, это та же исторія, какъ и съ моимъ Всемирнымъ банкомъ!

Потомъ Аристидъ присѣлъ къ столу; Каролина взяла стулъ и помѣстилась напротивъ. Роясь въ кипѣ бумагъ, — то были его замѣтки, приготовляемыя ко дню суда, — онъ перешелъ уже къ своему процессу и принялся излагать планъ защиты, какъ будто чувствуя потребность оправдаться передъ нею. Саккара обвиняли въ безпрестанномъ увеличеніи капитала съ цѣлью вызвать лихорадочное повышение курсовъ и увѣрить публику, будто бы общество имѣетъ въ наличности всѣ фонды, числившіеся только номинально; затѣмъ онъ совершилъ подлогъ, давая письменное удостовѣреніе у нотариуса въ томъ, что на всѣ акціи сдѣлана подписка и произведены полностью требуемые взносы, чего на самомъ дѣлѣ не было. Все это достигалось, благодаря Сабатани и другимъ подставнымъ лицамъ, которымъ былъ открытъ счетъ, причемъ они расплачивались только своими подписями въ книгахъ. Такимъ же подлогомъ являлась и раздача мнимыхъ дивидендовъ, подъ видомъ очистки акцій прежнихъ выпусковъ; рядъ этихъ противозаконныхъ дѣйствій увѣнчивался покупкой обществомъ собственныхъ бумагъ, — страшной, безумной спекуляціей, которая вызвала чрезвычайное ненормальное повышение и убила „Всемирный“, истощивъ его въ конецъ. На это обвиняемый отвѣчалъ пространными, пылкими объясненіями: онъ поступалъ такъ, какъ и всякій директоръ банка, но только велъ дѣла на широкую ногу,

со смѣлостью умнаго человѣка. Директоръ любого изъ самыхъ солидныхъ банкирскихъ домовъ Парижа подвергся бы той же участи и попалъ въ тюрьму, еслибы власти вздумали отнести къ нему построже. Между тѣмъ, только его одного избрали козлицемъ отпущенія за грѣхи всѣхъ остальныхъ. И потомъ, какъ нелѣпо распредѣляютъ здѣсь отвѣтственность! Почему не предали суду наравнѣ съ нимъ и прочихъ администраторовъ Всемирнаго банка: разныхъ Дегремоновъ, Гюре, Богеновъ, которые получали, кромѣ пятидесяти тысячъ франковъ за присутственные жетоны, еще по десяти процентовъ съ дохода и участвовали во всѣхъ противозаконныхъ сдѣлкахъ? Почему, кромѣ того, допускать полную безнаказанность комисаровъ - наблюдателей, хотя бы Лавиньера, сославшихся на свою неспособность къ дѣлу и довѣрчивость. Процессъ очевидно обѣщаль быть самой чудовищной несправедливостью, потому что жалобу еврея Буша, обвинявшаго Саккара въ мошенничествѣ, пришлось оставить безъ послѣдствій по бездоказательности приведенныхъ въ ней фактовъ, а въ докладѣ эксперта, основанномъ на поверхностномъ просмотрѣ счетныхъ книгъ, оказалась масса неточностей. Но тогда зачѣмъ же объявлять несостоятельность банка, опираясь на эти два документа, если ни одинъ су изъ денегъ, положенныхъ на хранение, не былъ растраченъ и всѣмъ клиентамъ предстояло получить полное удовлетвореніе? Вѣроятно, комерческій судъ имѣлъ въ виду только разорить акціонеровъ? Въ такомъ случаѣ, цѣль его вполнѣ достигнута: несчастье принимаетъ все болѣе широкіе размѣры, распространяется все дальше. И Саккаръ обвинялъ въ томъ вовсе не себя, а магистратуру, правительство, всѣхъ лицъ, старавшихся сообща запереть его и погубить Всемирный банкъ.

— Ахъ, мерзавцы!.. Еслибъ они оставили меня на свободѣ, я показалъ бы, что могу сдѣлать!

Каролина смотрѣла на Аристиду, пораженная его безсовѣстностью, достигавшей настоящаго величія. Ей вспоминались прежнія теоріи этого человѣка, который проповѣдовалъ необходимость биржевой игры въ крупныхъ предпріятіяхъ, гдѣ невозможно справедливо распредѣлить вознагражденіе, восхвалялъ спекуляцію, рассматривая ее, какъ человѣческій развратъ, какъ необходимое удобреніе, способствующее росту

прогресса. Но не онъ ли самъ своими безцеремонными руками растопилъ громадный локомотивъ до такой степени, что тотъ разлетѣлся въ дребезги и поранилъ всѣхъ, кого увлекалъ за собою? Развѣ не Саккаръ добивался трехтысячнаго курса, безразсуднаго, нелѣпаго по своей крайности? Развѣ не абсурдъ было это общество съ капиталомъ въ полтора ста милліоновъ, причемъ триста тысячъ его акцій, котированныхъ по три тысячи, представляли цѣнность въ девятьсотъ милліоновъ? Да одна раздача колоссальнаго дивиденда, какого требовалъ подобный оборотъ, должна была неминуемо разорить его даже по обыкновенной пятипроцентной таксѣ!

Тѣмъ временемъ, Саккаръ всталъ и началъ прохаживаться по тѣсной камерѣ нервной походкой великаго завоевателя, посаженнаго въ клѣтку.

— Ахъ, мерзавцы! Они отлично знали, что дѣлали, приковавъ меня здѣсь! Я долженъ былъ восторжествовать, раздавить ихъ всѣхъ.

Она сдѣлала движеніе, пораженная такой самонадѣянностью.

— Какъ это восторжествовать? Вѣдь у васъ не осталось ни единаго су, вы были побѣждены?

— Да, надо сознаться — съ горечью продолжалъ Саккаръ, — я былъ побѣжденъ, значитъ и опельмованъ... Честность, слава непремѣнно связаны съ успѣхомъ. Не надо допускать, чтобъ васъ одолѣли, иначе вы на другой же день прослывете дуракомъ и мошенникомъ... О, я догадываюсь о томъ, что про меня говорили; вамъ нечего беспокоиться повторять мнѣ это. Меня называютъ воромъ — не такъ ли? — утверждаютъ, что я положилъ себѣ въ карманъ всѣ эти милліоны; меня растерзали бы живьемъ, еслибъ я попался имъ въ руки; но хуже всего то, что люди съ сожалѣніемъжимаютъ плечами, вспоминая меня: „сумашедшій!“ „Умомъ не вышелъ, гдѣ ему!“... Но, еслибъ мнѣ пришлось восторжествовать, вы и представить не можете, что было бы тогда! Да, еслибъ я побилъ Гундермана, завоевалъ рынокъ, еслибъ въ данную минуту я былъ безспорнымъ королемъ золота, — какъ бы меня превозносили! Я сдѣлался бы героемъ и заставилъ пресмыкаться у своихъ ногъ Парижъ.

Каролина возразила ему откровенно и прямо:

— За вами не было ни справедливости, ни логики: вы не могли остаться побѣдителемъ.

Саккаръ остановился передъ ней, круто повернувшись, и вспыхнулъ:

— Не могъ остаться побѣдителемъ?! Перестаньте, пожалуйста. Мнѣ не хватило денегъ, вотъ и все! Еслибъ Наполеонъ въ день Ватерлоо имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишнюю сотню человѣкъ, обреченную на убой, онъ выигралъ бы сраженіе и лицо земли перемѣнилось бы. Также и я; будь у меня еще нѣсколько сотъ милліоновъ, которые я могъ бы бросить въ процасть, я былъ бы теперь властителемъ міра.

— Но это ужасно! — воскликнула возмущенная г-жа Дюрье. — Вамъ еще мало бѣдствій: краховъ, слезъ и крови?! Вамъ хотѣлось бы погубить еще другія состоянія, ограбить цѣлыя семьи, пустить по міру несчастныхъ людей!

Аристидъ снова принялся быстро ходить по камерѣ и воскликнулъ съ жестомъ высокоумнаго равнодушія:

— Да развѣ жизнь беспокоится объ этомъ? Каждый шагъ впередъ давить тысячи существованій.

Наступило молчаніе; она слѣдила за нимъ глазами, чувствуя, какъ непріятный холодъ охватываетъ ей сердце. Что такое этотъ человѣкъ: мошенникъ или герой? Каролина содрогалась, спрашивая себя, какія мысли таились въ головѣ этого великаго полководца, потерпѣвшаго пораженіе, пока онъ сидѣлъ шесть мѣсяцевъ подъ замкомъ въ арестантской камерѣ? Только тутъ ей пришло въ голову осмотрѣться вокругъ: четыре голыхъ стѣны, узкая желѣзная койка, некрашеный деревянный столъ, два соломенныхъ стула, вотъ и все, чѣмъ приходилось довольствоваться богачу, привыкшему къ роскоши и блеску!

Вдругъ Саккаръ вернулся къ столу и присѣлъ, точно у него подкосились ноги. И онъ долго говорилъ вполголоса, какъ будто чувствуя неодолимую потребность въ откровенной исповѣди.

— Гундерманъ, дѣйствительно, былъ правъ: биржевая лихорадка не стоитъ ничего... Ахъ, негодяй, какой онъ счастливецъ, что у него больше нѣтъ ни крови, ни нервовъ, что онъ не можетъ ни жить съ женщиной, ни выпить бутылку бургонскаго. Впрочемъ я думаю, онъ такимъ ужъ уро-

дился, съ ледяною кровью... Я же черезчуръ пылокъ; это ясно. Нечего искать иной причины моего пораженія: вотъ почему я такъ часто проваливался. Кромѣ того, надо прибавить, что если пылкость убиваетъ меня, то она же и поддерживаетъ мою жизненность. Да, она меня увлекаетъ, возмечиваетъ, возноситъ на высоту, а потомъ свергаетъ внизъ, разрушая однимъ взмахомъ все, что было достигнуто съ ея помощью. Наслаждаться, пожалуй, значить пожирать самого себя. Конечно, когда я вспомню объ этихъ четырехъ годахъ борьбы, я вижу, что меня погубило именно то, чего я желалъ, чѣмъ обладалъ... Ну, что жъ: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку. Меня подѣломъ забраковали.

Тутъ имъ овладѣлъ гнѣвъ противъ побѣдителя.

— Ахъ, этотъ Гундерманъ, грязный жидъ! Онъ теперь торжествуетъ, потому что у него нѣтъ желаній... Въ лицѣ его торжествуетъ и вся жидова, настойчивая, холодная; она неуклонно идетъ впередъ къ высшему господству надъ міромъ, среди народовъ, поочередно закупленныхъ всемогуществомъ золота. Вотъ уже цѣлыя столѣтія, какъ эта раса втирается повсюду и торжествуетъ, не смотря на обидные пинки и оплеваніе; настанетъ день, когда она будетъ господствовать на землѣ... Я настойчиво кричу объ этомъ всенародно вотъ уже столько лѣтъ, но, кажется, меня никто не слушаетъ; мою неприязнь считаютъ просто завистью биржевика, тогда какъ это голосъ моей крови. Да, ненависть къ еврею родилась со мною; она глубоко коренится въ моемъ существѣ!

— Вотъ странность,—прошептала спокойнымъ тономъ Каролина, застрахованная ото всякаго національнаго пристрастія своими обширными познаніями и широкой терпимостью.—Для меня евреи такіе же люди, какъ и всѣ. Если они держатся особнякомъ, такъ это потому, что ихъ отовсюду оттираютъ.

Саккаръ, даже не разслышавъ ея замѣчанія, продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ:

— Но что меня бѣситъ, такъ это потворство правительства, ихъ сообщничество съ жидами, низкопоклонство передъ ними. Чего-то, чего не продала имперія Гундерману! Какъ будто Наполеонъ не могъ царствовать безъ гундерма-

новскихъ денегъ! Вотъ хотя бы Ругонъ, великій государственный мужъ, приходящійся мнѣ роднымъ братцемъ,—какъ отвратительно поступилъ онъ по отношенію ко мнѣ! Я вѣдь вамъ не говорилъ, что искалъ съ нимъ примиренія до катастрофы. Положимъ, это была ужасная подлость съ моей стороны, но что дѣлать?.. И вотъ, если я нахожусь теперь здѣсь, то обязанъ этимъ ему... Однако, пускай себѣ Ругонъ старается отъ меня избавиться, если я у него, какъ бѣльмо на глазу: я извиняю ему все, кромѣ этого проклятаго кумовства съ жидами. Подумали ли вы о томъ, что „Всемирный“ задушенъ единственно въ угоду Гундерману, чтобъ тому можно было безъ помѣхи продолжать свою комерцію! И всякій католическій банкъ, приобретающій силу, непременно стараются раздавить, какъ опасность, грозящую общественному строю, чтобы доставить окончательный триумфъ жидовѣ, которая непременно насъ сожретъ, и скоро!.. Берегись, Ругонъ! До тебя доберутся раньше всѣхъ, и ты полетишь съ высоты своей власти, за которую цѣпляешься такъ упорно, ради которой ты отрекся ото всего. Хитрый человѣкъ: сегодня подслужится либераламъ, завтра властямъ, только это опасная игра: въ ней какъ разъ сломишь шею... Но если уже все начало трещать, то пусть исполнится желаніе Гундермана: вѣдь онъ предсказалъ, что Франція будетъ побита, если у насъ начнется война съ Германіей! Мы готовы; пруссакамъ остается только вступить на французскую территорию и отнять наши провинціи.

Каролина остановила его испуганнымъ и умоляющимъ жестомъ, точно слова Саккара могли накликать несчастье.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не говорите подобныхъ вещей. Вы не имѣете права говорить такимъ образомъ. Кромѣ того, Ругонъ непричемъ въ вашемъ арестѣ. Мнѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника, что это — дѣло хранителя печатей Делькамбра.

Гнѣвъ Саккара моментально утихъ; на губахъ у него появилась улыбка.

— О, этотъ мнѣ мститъ!

И онъ прибавилъ въ отвѣтъ на ея вопросительный взглядъ:

— У насъ съ нимъ старые счеты... Я знаю заранѣе, что не буду помилованъ.

Вѣроятно, Каролина подозрѣвала истину, потому что не стала спрашивать. Наступила короткая пауза; банкиръ принялся рыться въ бумагахъ на столѣ, снова поглощенный всецѣло своей болѣзненной идеей.

— Вы такъ добры, что навѣстили меня, милый другъ, общайте приходите ко мнѣ и на будущее время. У васъ свѣтлая голова и я хотѣлъ бы изложить вамъ свои планы... Ахъ, еслибъ у меня были деньги!

Каролина съ живостью перебила Саккара, пользуясь благоприятной минутой для разъясненія вопроса, который не давалъ ей покою и мучилъ ее цѣлые мѣсяцы. Чтò онъ сдѣлалъ съ милліонами, пришедшимися на его долю? Переслалъ ли онъ ихъ за границу, или зарылъ гдѣ нибудь у подножія дерева, въ глухомъ мѣстѣ, извѣстномъ ему одному?

— Но вѣдь у васъ есть деньги! Два милліона, вырученные послѣ Садовой, да девять милліоновъ съ трехъ тысячъ вашихъ акцій, если вы продали ихъ по курсу въ три тысячи!

— У меня, мой дружокъ, нѣтъ ни единого су!—воскликнулъ онъ.

Откровенный, грустный тонъ этихъ словъ и явное изумленіе въ голосѣ Саккара убѣдили г-жу Дюрье въ его искренности.

— Когда я проваливался въ своихъ аферахъ, то постоянно оставался съ пустыми руками... Поймите же наконецъ, что, разоряя другихъ, я разоряю себя... Конечно, акціи свои я продалъ, но зато и выкупалъ другія, а куда дѣвались мои десять милліоновъ, да еще два въ придачу, право, не сумѣю вамъ объяснить! Кажется, я задолжалъ, сверхъ того, отъ тридцати до сорока тысячъ франковъ бѣднягѣ Мазо... Да, ни единого су за душой; все чисто, сметено безъ остатка, какъ и всегда со мной случалось при катастрофахъ!

Это откровенное признаніе до того облегчило и развеселило Каролину, что она принялась подшучивать надъ собственнымъ разореніемъ.

— Вѣдь и мы съ Жоржемъ тоже лишились всего; когда кончится процессъ, намъ едва ли хватитъ денегъ, чтобы про-

кормиться одинъ мѣсяць... Ахъ, эти деньги, эти девять милліоновъ, которые вы намъ обѣщали! Помните, какъ я ихъ боялась? Никогда не приходилось мнѣ жить въ такой тревогѣ, и какое глубокое облегченіе почувствовала я, пожертвовавъ своимъ капиталомъ въ пользу актива... Даже 'триста тысячъ франковъ наслѣдства отъ тетки ушли туда же. Положимъ, это немножко несправедливо, но вѣдь я вамъ говорила, что къ деньгамъ, не заработаннымъ своими руками, а пришедшимъ съ вѣтру, какъ-то не лежитъ сердце... Вотъ видите, я весела и смѣюсь отъ души.

Саккаръ прервалъ ее нетерпѣливымъ нервнымъ жестомъ; схвативъ со стола бумаги, онъ размахивалъ ими въ воздухѣ.

— Стоитъ ли объ этомъ и толковать: мы опять будемъ богаты...

— Какимъ это образомъ?

— Такъ неужели вы думаете, что я откажусь съ своихъ плановъ?.. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ я работала здѣсь, не сплю по ночамъ, чтобы все возстановить. Глупцы, которые ставятъ мнѣ въ особенную вину преждевременный банкротсво, сильно ошибаются. Они говорятъ, что изъ трехъ крупныхъ предпріятій „Всемирнаго“: соединенныхъ пароходствъ, серебряныхъ копей Кармила и національнаго турецкаго банка, только первое принесло ожидаемые барыши. Чортъ возьми! Если два другихъ провалились, такъ это потому, что у меня была отнята свобода дѣйствій. Но, когда я буду опять на волѣ и снова заберу все въ свои руки, то вы увидите, увидите!...

Каролина, съ умоляющимъ видомъ хотѣла, прервать потокъ рѣчи Саккара. Но онъ вскочилъ со стула и топорщился къ верху на своихъ короткихъ ножкахъ, крича пронзительнымъ голосомъ:

— Вычисленія сдѣланы, цифры на лицо, вотъ взгляните!.. Копи Кармила и Национальный турецкій банкъ—однѣ пустыя игрушки... Нѣтъ, подавайте намъ обширную сѣть желѣзныхъ дорогъ на востокъ, а затѣмъ и все остальное. Іерусалимъ, Багдадъ, вся Малая Азія должны быть покорены цивилизаціей; то, чего не могъ завоевать Наполеонъ своей саблей, завоюемъ мы нашими лопатами и нашимъ золотомъ.. Какъ вы могли предположить, что я брошу начатое дѣло? Вѣдь Напо-

леонъ вернулся же съ острова Эльбы? Такъ и я; стоитъ мнѣ показаться, и всѣ деньги Парижа подымутся, чтобы слѣдовать за мною; на этотъ разъ ужъ намъ нечего бояться Ватерлоо; его не будетъ; мой планъ выработанъ съ математической точностью, все въ немъ рассчитано до послѣдняго сантима... Короче говоря, мы побьемъ таки наконецъ этого поганого Гундермана. Дайте мнѣ всего какихъ нибудь четыреста милліоновъ, ну, пожалуй, пятьсотъ, и я завоюю міръ.

Каролинѣ удалось таки схватить за руки Саккара и она прижалась къ нему.

— Нѣтъ, нѣтъ! Заполчите, вы меня пугаете!

Но ея испугъ невольно смѣнился порывомъ восхищенія. Въ этой убогой арестантской камерѣ, съ голыми стѣнами, за тяжелыми засовами, изолированной отъ живаго міра, она нежданно почувяла присутствіе непобѣдимой силы, бывшей ключемъ пышнаго расцвѣта жизни: то была вѣчная иллюзія надежды, упорство человѣка, который не хочетъ умирать. Каролина въ изумленіи спрашивала себя, куда дѣвался ея гнѣвъ, ея негодованіе противъ Саккара; они исчезли. Не осудила ли она этого человѣка, послѣ непоправимыхъ несчастій, вызванныхъ его легкомысліемъ? Не призывала ли она на него справедливой кары, не желала ли, чтобъ онъ умеръ, всѣми покинутый и презираемый? Но ото всѣхъ прежнихъ чувствъ, волновавшихъ эту женщину съ такой силой, у нея остались въ сердцѣ только ненависть къ злу въ отвлеченномъ смыслѣ и жалость къ чужому страданію. Саккаръ былъ безсознательной, живою силой, и она снова подчинялась ему, какъ одной изъ жестокостей природы, вѣроятно, необходимыхъ въ міровой жизни. Конечно, это была просто женская слабость, и г-жа Дюрье отдавалась ей съ наслажденіемъ, вся охваченная материнскою нѣжностью, безконечной потребностью ласки, которая заставляли Каролину любить Саккара не уважая, при ея замѣчательной разсудительности и безотрадномъ житейскомъ опытѣ.

— Нѣтъ, это все прошло! — повторила она нѣсколько разъ, на переставая пожимать ему руки. — Неужели вы не можете наконецъ успокоиться и дать себѣ отдыхъ?

Саккаръ привсталъ на цыпочки, чтобы коснуться губами ея сѣдыхъ волосъ, которые вились на вискахъ, какъ у молоденькой дѣвушки; Каролина поддержала его, но приба-

вила тономъ безповоротной рѣшимости и глубокой грусти, придавая особую значительность своимъ словамъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Между нами все кончено навсегда... Я рада, что повидалась съ вами въ послѣдній разъ, чтобъ мы могли вспоминать другъ о другѣ безъ малѣйшей горечи... Прощайте!

Уходя, она обернулась къ нему. Саккаръ стоялъ у стола, не шутя взволнованный разлукой, но его пальцы машинально разбирали уже записки, приведенныя въ безпорядокъ въ минуту лихорадочнаго увлеченія; маленькій букетикъ въ два су успѣлъ облетѣть, усыпавъ исписанныя страницы, и банкиръ отряхивалъ одинъ за другимъ листы бумаги, сметая рукой со стола лепестки розъ.

Только три мѣсяца спустя, около половины декабря, разбиралось дѣло Всемирнаго Банка. Оно заняло пять продолжительныхъ засѣданій суда исправительной полиціи, возбуждая величайшее любопытство публики. Пресса надѣлала много шума по поводу катастрофы; затяжка судебного слѣдствія мотивировалась на всѣ лады. Всѣмъ бросился въ глаза обвинительный актъ—чудо неумолимой логики, гдѣ мельчайшіе факты были сгруппированы, утилизированы, истолкованы съ безпощадной ясностью. Кромѣ того, вездѣ говорили, что приговоръ былъ постановленъ заранѣе. И дѣйствительно, ни очевидная добросовѣстность Гамлена, ни героическая стойкость Саккара, смѣло опровергавшаго обвиненіе въ продолженіе этихъ пяти дней, ни великолѣпныя, громкія рѣчи защитниковъ не помѣшали судьямъ приговорить обоихъ обвиняемыхъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію и уплатѣ трехъ тысячъ франковъ штрафа. Однако, выпущенные изъ предварительнаго заключенія на поруки за мѣсяцъ до разбирательства дѣла и представъ на судъ въ качествѣ свободныхъ обвиняемыхъ, они оба имѣли возможность подать на апелляцію и покинуть Францію въ двадцать четыре часа. Такая развязка скандала была устроена Ругономъ, не желавшимъ, чтобы его братъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Полиція сама позаботилась объ отъѣздѣ Саккара, который отправился въ Бельгію съ ночнымъ поѣздомъ. Въ тотъ же день Гамленъ уѣхалъ въ Римъ. Прошло еще три мѣсяца; наступили первыя числа апрѣля; Каролина оставалась еще въ Парижѣ, гдѣ ей предстояло устроить кое-

какія дѣла. Она по прежнему занимала маленькую квартиру въ отелѣ Орвіедо, назначенномъ къ продажѣ. Впрочемъ, ей уже удалось устранить послѣднія затрудненія, и г-жа Дюрье могла уѣхать, хотя не имѣя ни одного лишняго су въ карманѣ, но и не оставляя за собою ни одного долга. Ея отъѣздъ былъ назначенъ на слѣдующій день, и она отправлялась къ брату въ Римъ, гдѣ Гамлену посчастливилось получить скромное мѣстечко по инженерной части. Онъ писалъ сестрѣ, что отыскалъ ей тамъ уроки. Обоимъ приходилось начинать жизнь съизнова.

Собираясь въ путь, Каролина не захотѣла уѣхать, не справившись о Викторѣ. До сихъ поръ всѣ розыски мальчика оказались тщетными. Но она вспомнила обѣщаніе Мешенъ и подумала, что эта женщина, можетъ быть, и знаетъ о немъ что нибудь; ее было не трудно распросить, зайдя къ Бушу около четырехъ часовъ. Сначала Каролина оттолкнула эту мысль: къ чему наводить о немъ справки? Развѣ онъ не умеръ для нея? Но потомъ у нея защемило сердце; бѣдной женщинѣ не на шутку взгрустнулось по Викторѣ, какъ по родномъ ребенкѣ, котораго она похоронила и не принесла ему на могилу цвѣтовъ, уѣзжая навсегда изъ этой мѣстности. Въ четыре часа она пошла въ улицу Фейдо. Обѣ двери, выходившія на площадку, оказались отворенными; въ темной кухнѣ ключемъ кипѣла вода, а съ другой стороны, въ тѣсномъ кабинетѣ сидѣла въ креслѣ хозяина Мешенъ, потонувшая въ кипѣ бумага, которыя она вынимала громадными связками изъ своего стараго кожанаго сакъ-воляжа.

— Ахъ, это вы, сударыня, добрѣйшая моя! Ну, не въ пору вы пришли! Г-нъ Сигизмундъ кончается. Бѣдный г-нъ Бушъ совсѣмъ потерялъ голову: до того онъ любилъ своего брата. Онъ только мечется понапрасну, какъ очумѣлый, и сію минуту побѣждалъ еще за докторомъ. Какъ видите, мнѣ приходится заниматься его дѣлами; вотъ уже недѣля, какъ онъ не купилъ ни одной акціи и не сунулъ носа ни въ одинъ вексель. Къ счастью, мнѣ удалось сейчасъ сдѣлать выгодную покупку. Отличное дѣльце! Оно, по крайней мѣрѣ, утѣшитъ въ горѣ этого милѣйшаго человѣка, когда онъ опаматуется.

Пораженная Каролина забыла о цѣли своего прихода, увидавъ въ рукахъ толстухи обезцѣненные акціи „Всемирнаго“

въ числѣ другихъ бумагъ, которыя Мешень съ трудомъ вытаскивала изъ мѣшка. Старая кожа сакъ-воляжа трещала, до того туго онъ былъ набитъ, и его содержимое казалось неисчерпаемымъ. Торговка, радуясь своей удачѣ, болтала безъ умолку.

— Взгляните! Вотъ это я купила за двѣсти пятьдесятъ франковъ, а ихъ тутъ до пяти тысячъ; выходитъ по одному су за штуку... А? какъ вамъ покажется? По одному су за акціи, котировавшіяся по три тысячи франковъ! Теперь онѣ упали почти до цѣнности простой макулатуры и приобрѣтаются чуть не на вѣсъ... Но все таки ихъ цѣнять дороже, и мы перепродадимъ эти бумажонки, по крайней мѣрѣ, по десяти су, такъ какъ онѣ нужны обанкротившимся лицамъ. Понимаете, онѣ были въ такомъ ходу, что и теперь ими не пренебрегаютъ. Въ пассивѣ такія акціи играютъ не послѣднюю роль; всякому банкроту лестно выставить себя жертвой катастрофы. Вообще мнѣ ужасно посчастливилось; я пронюхала одно мѣстечко, гдѣ былъ цѣлый складъ этого завалящаго товару, попавшаго туда послѣ баталіи на биржѣ, и вотъ одинъ неопытный дуракъ даромъ выдалъ мнѣ этотъ секретъ. Ужъ, конечно, я не упустила такого случая и не зѣвала, а тотчасъ очистила поскорѣе все до дна.

И Мешень ликовала, какъ плотоядная птица съ поля финансовыхъ сраженій; ея тучное тѣло обливалось потомъ, упитанное мертвечиной, между тѣмъ какъ крючковатыя короткія руки рылись въ грудѣ труповъ, этихъ обезцѣненныхъ акцій, успѣвшихъ уже зажелтѣть и распространявшихъ запахъ затхлости. Вдругъ изъ сосѣдней комнаты, куда была отворена настежь дверь, также какъ и на лѣстницу, раздался тихій голось, говорившій съ большимъ жаромъ.

— Ну, вотъ опять г-нъ Сигизмундъ начинаетъ болтать; онъ только и дѣлаетъ сегодня съ самаго утра... Боже мой! А вода-то у меня кипить, я о ней совсѣмъ позабыла! Вѣдь ее поставили, чтобъ заварить для больнаго какія-то лѣкарства... Будьте такъ добры, сударыня, ужъ если вы сюда зашли, взгляните, не нужно ли ему что нибудь.

Мешень бросилась на кухню, а Каролина, которую притягивало къ себѣ всякое страданіе, вошла въ сосѣднюю комнату. Пустоту этой просторной спальни красило яркое солнце,

обдававшее своими лучами бѣлый столъ, заваленный за-
мѣтками и толстыми тетрадами, въ которыхъ заключались
плоды усидчиваго десятилѣтняго труда. Въ комнатѣ по пре-
жнему ничего не было, кромѣ двухъ соломенныхъ стульевъ и
нѣсколькихъ книгъ на полкахъ. На узкой желѣзной койкѣ
сидѣлъ Сигизмундъ въ красной фланелевой блузѣ, присло-
нившись спиной къ грудѣ подушекъ, и говорилъ, говорилъ
безъ умолку подъ влиянiемъ ненормальнаго мозговаго воз-
бужденiя, которое бываетъ иногда у чахоточныхъ передъ
смертью. Онъ бредилъ, но этотъ бредъ чередовался съ мо-
ментами необыкновеннаго умственнаго просвѣтленiя. Его не-
естественно открытые глаза на исхудаломъ лицѣ, обрамлени-
номъ длинными кудрями, вопросительно смотрѣли въ про-
странство.

Едва Каролина появилась въ комнатѣ, умирающiй какъ
будто узналъ ее, хотя они никогда не встрѣчались.

— Ахъ, это вы, сударыня?.. Я васъ видѣлъ и призывалъ
всеми силами... Подойдите, подойдите поближе, чтобы я могъ
говорить съ вами шопотомъ...

Каролинѣ стало немного жутко, но, не смотря на охва-
тившую ее дрожь, она приблизилась и сѣла на стулъ у са-
мой постели.

— Прежде я не зналъ, но теперь знаю, — вымолвилъ
Сигизмундъ. — Мой братъ продаетъ бумаги; къ нему приходятъ
какіе-то люди, и я слышалъ, какъ они плачутъ у него въ
кабинетѣ... Мой братъ, о! Мнѣ точно проткнули сердце ка-
леннымъ желѣзомъ. Оно такъ и застряло у меня въ груди и
невыносимо жжетъ. Вѣдь это отвратительно, посудите сами:
деньги несчастныхъ, страждущихъ бѣдняковъ!.. Значить, какъ
только я умру, мой братъ продастъ мои бумаги, а я этого
не хочу ни за что!

Его голосъ понемногу возвышался, переходя въ умоляю-
щій тонъ.

— Постоите, сударыня! Вотъ онѣ, мои бумаги, тутъ на
толѣ. Дайте мнѣ ихъ сюда, мы ихъ свернемъ и вы ихъ
несете, унесете все... О, я васъ призывалъ, дожидался!
[у что, еслибъ мои бумаги погибли, вся моя жизнь, посвя-
щенная изысканiямъ и труду, пропала бы даромъ!

Видя, что г-жа Дюрье колеблется исполнить его просьбу, Сигизмундъ сложилъ руки.

— Сжальтесь, дайте мнѣ убѣдиться передъ смертью, что онѣ тутъ въ цѣлости... Моего брата здѣсь нѣтъ, мой братъ не станетъ говорить, что я себя убиваю... Ради бога, прошу васъ!

Тогда она уступила его желанію, тронутая этой горячей мольбой.

— Видите, я дѣлаю то, чего не слѣдуетъ дѣлать; вѣдь вашъ братъ говоритъ, что это вамъ вредно.

— Вредно? О, нѣтъ! Впрочемъ, что за бѣда!.. Во всякомъ случаѣ, мнѣ удалось поставить на ноги общество будущаго, послѣ столькихъ бессонныхъ ночей! Здѣсь все предусмотрено, разрѣшено; здѣсь вся справедливость и счастье, возможныя на землѣ... Какъ жаль, что я не успѣлъ пересмотрѣть своего труда и сдѣлать къ нему необходимыя добавленія! Но вотъ мои замѣтки въ полномъ составѣ, подобранныя, какъ слѣдуетъ. И—не правда ли?—вы ихъ спасете, чтобы другой кто нибудь составилъ изъ нихъ цѣлую книгу и выпустилъ въ свѣтъ.

Сигизмундъ взялъ бумаги своими длинными исхудалыми руками и перелистывалъ ихъ, точно влюбленный, между тѣмъ какъ его уже тускнѣющіе глаза загорѣлись огнемъ. Онъ говорилъ быстро, отрывисто и монотонно, напоминая своимъ голосомъ сухой трескъ цѣпочки стѣнныхъ часовъ, которая сорвалась и развертывается, увлекаемая тяжестью гири. Этотъ звукъ издавалъ мозговой механизмъ, дѣйствовавшій безостановочно; его пружина лопнула и произвольно разматывалась въ агоніи.

— Ахъ, какъ ясно вижу я передъ собою этотъ городъ справедливости и счастья, вотъ онъ у меня тутъ, передъ глазами!.. Всѣ тамъ заняты личнымъ обязательнымъ и свободнымъ трудомъ. Нація обратилась въ одно общество обширнѣйшей коопераціи; орудія труда становятся общимъ достояніемъ; продукты централизованы въ громаднхъ общинныхъ складахъ. Сколько кто приложитъ къ дѣлу полезнаго труда, на такое количество соціального потребленія онъ и получаетъ право. Рабочій часъ служитъ общимъ мѣриломъ. Цѣнность каждой вещи измѣряется только количествомъ часовъ, потраченныхъ

на ея производство; между всѣми производителями существуетъ только обмѣнъ при помощи рабочихъ боновъ, и все это производится подъ надзоромъ общины безо всякаго предварительнаго вычета, кромѣ единственнаго налога на пропитаніе дѣтей и стариковъ, на возобновленіе рабочихъ инструментовъ и отправленіе безвозмездной общественной службы... Нѣтъ больше денегъ, а вмѣстѣ съ ними нѣтъ больше и спекуляціи, и воровства, и отвратительныхъ сдѣлокъ; нѣтъ преступленій, порождаемыхъ жадностью: браковъ по расчету, убійства престарѣлыхъ родителей ради наслѣдства, прохожихъ ради грабежа!.. Нѣтъ болѣе враждебныхъ классовъ общества: хозяевъ и рабочихъ, пролетаріевъ и буржуа, а—значить—нѣтъ и ограничительныхъ законовъ; нѣтъ судовъ, вооруженной силы, ограждающей неправильно нажитое богатство однихъ противъ бѣшеннаго голода другихъ!.. Нѣтъ праздныхъ людей какой бы то ни было категоріи, а слѣдовательно и собственниковъ, отдающихъ внаймы дома и земли; нѣтъ рантье, живущихъ на содержаніи, какъ продажныя женщины, благодаря слѣпому случаю; наконецъ, нѣтъ болѣе роскоши, а вмѣстѣ съ ней и нищеты!.. Ахъ, не заключается ли въ этомъ идеальное правосудіе, высшая мудрость! Ни привилегій, ни обездоленныхъ людей; каждый самъ достигаетъ личнаго счастья по мѣрѣ своихъ усилій, — средняго уровня человѣческаго счастья!

Сигизмундъ говорилъ съ увлеченіемъ и его голосъ дѣлался мягче, какъ будто удалялся, теряясь въ высотѣ, въ томъ желанномъ будущемъ, наступленіе котораго онъ предсказывалъ.

— Вотъ, еслибъ я хотѣлъ войти въ подробности... Взгляните, на примѣръ, на этотъ листокъ съ моими замѣтками на поляхъ: это организація семьи, свободный контрактъ, воспитаніе и содержаніе дѣтей, отдаваемыхъ на попеченіе общины... Однако, тутъ нѣтъ анархіи. Взгляните еще на эту замѣтку: я требую устройства управительнаго комитета для всякой вѣтви промышленности и этотъ комитетъ будетъ согласовать количество производства съ потребленіемъ, для чего стѣдуетъ только опредѣлить настоящія потребности общества... А вотъ тутъ еще одна подробность организаціи: въ городахъ и на поляхъ промышленныя и земледѣльческія арміи будутъ производить работу подъ руководствомъ начальниковъ, избранныхъ ими самими, и управляться постановленіями, утвержденными го-

лосованіемъ въ ихъ средѣ... Постоите, вотъ здѣсь я указала приблизительными вычисленіями, какимъ количествомъ рабочихъ часовъ можно будетъ ограничиться черезъ двадцать лѣтъ. Благодаря наплыву новыхъ рабочихъ рукъ, а въ особенности совершенству машинъ, человѣкъ будетъ работать всего четыре часа въ сутки, пожалуй, даже три; какъ же много останется свободнаго времени для наслажденія жизнью! Вѣдь я проектирую устройство не казармы, а города свободы и веселья, гдѣ каждый можетъ выбирать себѣ развлеченія и успѣетъ удовлетворить всѣмъ законнымъ человѣческимъ потребностямъ: радостямъ любви, удовольствію развить свою силу, возвысить красоту, образовать умъ, жить въ близкомъ общеніи съ неисчерпаемой природой.

И Сигизмундъ сдѣлалъ рукою величавый жестъ вокругъ своей жалкой комнаты, какъ будто бы ему принадлежалъ цѣлый свѣтъ. Среди убожества, гдѣ онъ жилъ, среди бѣдности безъ нужды, въ которой онъ умиралъ, угасающій мечтатель по братски дѣлилъ между людьми всѣ житейскія блага. Это было всемірное блаженство, все, что есть хорошаго въ жизни и чего онъ никогда не видѣлъ; бѣднякъ щедро одѣлялъ этими дарами другихъ, сознавая, что самъ онъ не воспользуется уже ничѣмъ. Онъ ускорилъ свою смерть ради того, чтобъ принести этотъ высшій даръ страждущему человѣчеству. Но его руки уже блуждали ощупью между разбросанныхъ замѣтокъ, а глаза перестали видѣть, ослѣпленные яркимъ блескомъ; зато передъ ними какъ будто вставало безконечное совершенство за гранью жизни, въ восхитительномъ видѣніи, отъ котораго прояснилось все его лицо.

— Ахъ, какіе новые роды дѣятельности возникнутъ еще— продолжалъ онъ:— все человѣчество возьмется за работу, руки всѣхъ живущихъ примутся за улучшеніе міра!.. Не будетъ болѣе ни ландовъ, ни болотъ, ни бесплодной земли. Морскіе заливы засыплются; горы, стоящія на дорогѣ, срокутъ; пустыни обратятся въ плодородныя долины подъ обильнымъ орошеніемъ со всѣхъ сторонъ. Всякое чудо перестанетъ быть неосуществимымъ; прежнія великія сооруженія будутъ вызывать улыбку, до того они покажутся мизерными и ребяческими. Земля станетъ наконецъ обитаемой... И самый чело-

вѣкъ разовьется, возвысится, будетъ широко удовлетворять свои потребности и сдѣлается настоящимъ властелиномъ міра. Школы и мастерскія откроются всѣмъ желающимъ, ребенокъ будетъ свободно выбирать себѣ профессію, согласно своимъ способностямъ. Но пройдутъ еще года, и будетъ производиться благоразумный разборъ людей по степени ихъ дарованія, благодаря строгимъ экзаменамъ. Тогда, для того чтобъ получить право на образованіе, отъ человѣка потребуется не только плата, но и умѣнье имъ воспользоваться. Такимъ образомъ, всякій окажется на своемъ мѣстѣ и его будутъ утилизировать для общества, смотря по степени его умственныхъ способностей, что установитъ правильное распредѣленіе общественныхъ обязанностей между людьми, по указаніямъ самой природы. Каждый для всѣхъ по мѣрѣ силъ... Ахъ, дѣятельный, веселый городъ здоровой человѣческой эксплуатаціи, гдѣ физическій трудъ будетъ въ почетѣ, а не въ пренебреженіи, гдѣ великій поэтъ не постыдится быть вмѣстѣ съ тѣмъ и столяромъ, а великій ученый—слесаремъ. Ахъ, блаженный городъ, городъ конечнаго триумфа человѣчества, къ которому люди стремятся столько вѣковъ, городъ, бѣлыя стѣны котораго блестятъ вонь тамъ... Тамъ, въ сіяніи счастья, въ ослѣпительныхъ лучахъ солнца...

Глаза Сигизмунда потускнѣли; послѣднія слова прозвучали невнятно, срываясь съ губъ, подобно легкому вздоху. Его голова опрокинулась на подушки, а на лицѣ застыла восторженная улыбка. Онъ скончался.

Съ глубокимъ волненіемъ и жалостью смотрѣла на него растроганная Каролина, какъ вдругъ въ квартиру ворвался кто-то, стремительный, какъ буря. То былъ самъ хозяинъ, Бушъ; онъ вернулся безъ доктора, запыхавшись, въ мучительной тревогѣ. Мешень, слѣдовавшая за нимъ по пятамъ, спѣшила извиниться, что не успѣла еще заварить питья больному: у нея нечаянно опрокинулся котелокъ съ кипяткомъ. Но тутъ старшій братъ увидѣлъ Сигизмунда, свое дорогое дитячко, какъ онъ его называлъ, неподвижно лежавшимъ навзничъ, съ отвисшей нижней челюстью, съ остановившимися глазами. Онъ понялъ и взвылъ, какъ животное подъ смертельнымъ ударомъ. Однимъ прыжкомъ ростовщикъ бросился на трущъ и приподнялъ его своими огромными руками, точ-

но хотѣлъ вдохнуть покойнику жизнь. Этотъ безпощадный пожиратель золота, способный убить ближняго за десять су, столько времени терпѣйся среди подонковъ Парижа, громко рыдалъ, пораженный горемъ. Его дорогое дитяtko, Боже мой! Ужь онъ ли не берегъ, не няньчилъ его, какъ родная мать? И вотъ теперь пришлось лишиться навсегда своего малютки! Въ порывѣ бѣшенago отчаянiя еврей собралъ бумаги, разбросанныя по одѣялу, и принялся ихъ комкать, рвать, какъ будто желая уничтожить эту нелѣпую работу, возбуждавшую въ немъ безумную ревность и злобу, потому что это писанье убило Сигизмунда.

Каролинѣ отъ всего сердца стало жаль несчастнаго. Но гдѣ она слышала раньше такой же потрясающій вопль душевной боли? И она вспомнила, что это было у Мазо, когда жена и дѣти были надъ его трупомъ. Г-жа Дюрье чувствовала себя не въ силахъ оставить Буша въ такомъ положенiи; она побыла еще немного и помогла въ хлопотахъ вокругъ покойника. Передъ уходомъ, онѣ остались вдвоемъ съ Мешенъ въ тѣсномъ кабинетѣ хозяина; только тутъ вспомнила Каролина о цѣли своего посѣщенiя и спросила прiятельницу Буша насчетъ Виктора. Викторъ! Должно быть, онъ далеко удралъ, если до сихъ поръ находится въ бѣгахъ. Мешенъ исходила Парижъ вдоль и поперекъ въ теченiе трехъ мѣсяцевъ, но ей не удалось открыть никакихъ слѣдовъ мальчишки. Богъ съ нимъ! Не стоитъ продолжать этихъ розысковъ; вѣрно, рано или поздно придется увидать разбойника на эшафотѣ. Каролина слушала ее, холодѣя отъ ужаса и не говоря ни слова. Да, теперь не поправить бѣды! Чудовище, сорвавшись съ цѣпи, рыщетъ по свѣту и неизвѣстно, гдѣ и когда заявитъ о себѣ новыми злодѣйствами, какъ бѣшенный звѣрь съ пѣной у рта, зараженный наслѣдственнымъ ядомъ, который будетъ передаваться другимъ при каждомъ его укушенiи.

Выдя на тротуаръ улицы Вивьенъ, Каролина была поражена тихой красою весенняго вечера. Было пять часовъ; солнце закатывалось на ясномъ небѣ нѣжнаго голубаго цвѣта, золотя вдали высокiя вывѣски бульвара. Апрельскiй воздухъ, дышавшiй обновленной юностью, ласкалъ ее, наполняя чарующей нѣгой сердце. Она вздохнула полной грудью, вздохнула съ облегченiемъ, чувствуя себя уже счастливѣе, между тѣмъ

какъ въ ней разросталась и крѣпла неувыдаемая надежда. Вѣроятно, прекрасная смерть мечтателя Сигизмунда, отдавашаго жизнь за свою химеру справедливости и братской любви, настроила ее такимъ образомъ, потому что вѣдь и сама она мечтала о томъ, какъ бы очистить человѣчество отъ позорной жадности къ золоту; но Каролину растрогали также вопли искренней скорби и горячей братской любви, вырвавшіеся у человѣка съ инстинктами кровожадной рыси, у этого Буша, котораго она считала вполне безсердечнымъ, неспособнымъ къ слезамъ. Впрочемъ нѣтъ, ей все таки не удалось уйти отсюда подъ примиряющимъ впечатлѣніемъ безграничной человѣческой доброты посреди столькихъ страданій; разговоръ о Викторѣ снова испортилъ все. Теперь г-жа Дюрье окончательно отчаялась въ маленькомъ чудовищѣ, вырвавшемся на свободу для того, чтобы рыскать безъ удержа, сѣя по дорогамъ задатки разложенія и гнили, отъ которой никогда не очистится земля. Какой же смыслъ, послѣ того, во всемъ этомъ весеннемъ ликованіи, охватившемъ ея существо? Дойдя до бульвара, Каролина повернула влѣво и замедлила шаги среди многолюдства и оживленія. Одну минуту она остано-вилась передъ маленькой телѣжкой, наполненной до верху букетами сирени и левкоевъ; крѣпкій аромать цвѣтовъ пахнулъ на нее весной. И когда она пошла дальше, ощущеніе безпричиннаго счастья все неодолимѣе овладѣвало ею, врываясь въ душу горячей, живительной волной, бывшей изъ какого-то неожиданно открывшагося родника. И напрасны были всѣ ея усилія закрыть его, удержать кипучую струю обѣими руками. Однако г-жа Дюрье упрямо сопротивлялась отрадному чувству. Нѣтъ, нѣтъ, подробности столькихъ катастрофъ черезчуръ свѣжи въ ея памяти; она не можетъ отдаться наплыву этой нѣги, этихъ поднимавшихся въ ней жизненныхъ силъ. И она старалась вернуться къ своей мрачной печали, вызывая горькія потрясающія воспоминанія. Неужели она еще способна смѣяться послѣ жестокаго крушенія, послѣ такой массы бѣдствій? Да развѣ она забыла свое соучастничество въ гнусномъ дѣлѣ? И Каролина перебирала въ умѣ фактъ за фактомъ, которые ей слѣдовало оплакивать до конца своихъ дней. Но между пальцевъ ея рукъ, прижатыхъ къ груди, напоръ жизненныхъ соковъ становился все неудержимѣе; онъ

отталкивалъ препятствія, пробивая дорогу, для того чтобы течь безъ помѣхи, разбрасывалъ по сторонамъ обломки прошлаго, чтобы политься наконецъ кристально-свѣтлымъ, побѣдоноснымъ потокомъ.

Съ этой минуты она была побѣждена и отдалась неодолимой силѣ вѣчнаго обновленія. Недаромъ г-жа Дюрье говаривала, смѣясь, что не умѣетъ убиваться. Опытъ былъ сдѣланъ, она опустилась въ бездну отчаянія, однако и тамъ воскресла въ ней надежда, разбитая, окровавленная, но живучая и разрастающаяся съ минуты на минуту. Положимъ, у Каролины не осталось больше никакихъ иллюзій; жизнь оказывалась рѣшительно несправедливой и грязной, какъ сама природа. Зачѣмъ же эта безразсудность—любить ее, желать ее, стремиться съ наивностью ребенка, ожидающаго все новыхъ и новыхъ удовольствій, къ далекой, невѣдомой цѣли, къ которой безъ конца ведетъ насъ жизнь?.. Между тѣмъ, повернувъ въ улицу Шоссе-д'Антенъ, г-жа Дюрье перестала даже разсуждать; въ этой ученой, начитанной женщинѣ философія изсякла, утомленная безплодными поисками причинъ. Каролина просто жила всѣми фибрами своего существа, любуясь дивнымъ небомъ, вдыхая чистый воздухъ, счастливая избыткомъ здоровья, съ наслажденіемъ ступая маленькой твердой ногою по плитамъ тротуара. Ахъ, это блаженство; бытія въ самомъ дѣлѣ, развѣ существуетъ какое нибудь иное, внѣ его? Жизнь, какъ бы отвратительна ни была она порою, безспорно хороша сама по себѣ, въ полнотѣ своихъ силъ, со своей вѣчной надеждой!

Вернувшись къ себѣ на квартиру въ улицу Сень-Лазарь, откуда ей предстояло уѣхать завтра, г-жа Дюрье принялась доканчивать укладку чемодановъ. Обходя вокругъ залы чертежей, уже опустѣвшей, она увидала на стѣнахъ планы и акварели, которыя хотѣла связать вмѣстѣ въ одинъ свертокъ, послѣ всего. Но каждый рисунокъ заставлялъ ее задумываться, прежде чѣмъ выдернуть кнопки, державшія его по четыремъ угламъ. Каролина невольно переживала все видимое на востокѣ, въ этой дорогой ея сердцу странѣ, отъ которой въ ней какъ будто осталось ослѣпительное солнечное сіяніе. Потомъ она вспомнила четыре года, прожитыхъ въ Парижѣ,—этотъ ежедневный кризисъ, эту безумную дѣятельность, чудо-

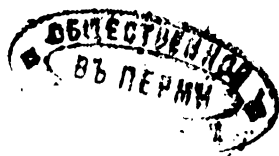
вищенный ураганъ миллионѣвъ, пронесшійся по ея жизни опустошительной силой, а между тѣмъ, изъ этихъ еще дымившихся развалинъ уже тянулась къ солнцу свѣжая цвѣтущая растительность. Если Національный турецкій банкъ провалился вслѣдъ за Всемирнымъ, зато компанія соединенныхъ пароходствъ уцѣлѣла и развивалась. Передъ Каролиной развернулась волшебная картина бейрутскаго берега, гдѣ высились, посреди громадныхъ магазиновъ, зданія администраціи, съ плана которыхъ она сметала въ данную минуту пылъ; вотъ теперь Марсель очутился у воротъ Малой Азіи, Средиземное море завоевано, разнородныя націи сблизились, и надо надѣяться, что это поведетъ къ упроченію мира. А эта горловина Кармила на акварели, которую она теперь снимала со стѣны? Недавно ей написали, что тамъ все кипитъ жизнью и быстро заселяется. Деревня съ пятьюстами жителей, возникшая сначала вокругъ открывшихся серебряныхъ копей, обратилась въ городъ въ нѣсколько тысячъ душъ, и мало по малу вновь построенныя дороги, заводы, школы воскресили къ жизни этотъ мертвый дикій уголокъ. За акварелью горловины Кармила послѣдовали чертежи, нивелировки, профили для желѣзнодорожной линіи отъ Бруссы до Бейрута, черезъ Ангору и Алеппо, цѣлая серія объемистыхъ листовъ, которые г-жа Дюрье свертывала одинъ за другимъ. Конечно, пройдутъ цѣлыя годы, прежде чѣмъ желѣзнодорожныя поѣзда будутъ проноситься на всѣхъ парахъ черезъ перевалы Тавра; но жизнь приливаетъ уже со всѣхъ сторонъ, почва древней колыбели челоуѣчества покрылась посѣвомъ новыхъ людей, прогрессу предстоитъ развернуться въ здѣшнемъ благодатномъ климатѣ, подъ жаркимъ солнцемъ, съ тою же изумительной мощью и пышностью, которыя характеризуютъ мѣстную растительность. Да, это пробужденіе цѣлаго міра! Человѣчеству станетъ просторнѣе, и оно приобрѣтетъ новые шансы на счастье.

Каролина связывала крѣпкой тесемкой свертокъ плановъ. Гамленъ, ожидавшій сестру въ Римѣ, гдѣ имъ обоимъ приходилось съизнова начинать жизнь, просилъ тщательно уложить свои чертежи. И, пока она затягивала узлы, ей вспомнился Саккаръ, находившійся теперь въ Голландіи и снова затѣявшій колоссальное предпріятіе — осушку громадныхъ болотъ, чтобы отвоевать у моря маленькое царство съ помощью

сложной системы каналовъ. Онъ былъ правъ: деньги до сихъ поръ служатъ удобреніемъ, на которомъ вырастаетъ человѣкъ будущаго. Деньги — отравитель и разрушитель — становятся въ то же время зачаткомъ всякаго соціального произрастенія, необходимымъ черноземомъ для грандіозныхъ предпріятій, облегчающихъ существованіе человѣка. На этотъ разъ глаза Каролины прояснились; не основывалась ли ея непобѣдимая надежда на увѣренности, что всякое усиліе приносить пользу? Боже мой, надъ цѣлой бездной взбаломученной грязи, надъ грудой столькихъ раздавленныхъ жертвъ, надо всѣми этими муками, которыми расплачивается человѣчество за каждый шагъ впередъ, не мелькаетъ ли намъ туманная, отдаленная цѣль, нѣчто возвышенное, хорошее, справедливое, опредѣленное, къ чему мы стремимся, не зная его, и что наполняетъ намъ сердце упорной потребностью жить и надѣяться?

И Каролина Дюрье была весела, не смотря ни на что, со своимъ вѣчно юнымъ лицомъ, въ вѣвцѣ сѣдыхъ волосъ, какъ будто каждый апрѣль, являясь на обветшалую землю, имѣлъ способность молодить эту женщину. Вспомнивъ съ краскою стыда о своей связи съ Саккаромъ, она подумала въ то же время объ ужасающей грязи, которой запятнана любовь. Зачѣмъ же упрекать деньги во всѣхъ мерзостяхъ и преступленіяхъ, вызываемыхъ ими? Развѣ любовь менѣе осквернена, а между тѣмъ въ ней скрытъ источникъ и корень жизни.

К о н е ц ъ .

К Л А Д Ъ.

Р о м а н ъ.

IV.

Когда они проходили по залѣ, „папочка“, дремавшій въ креслѣ, открылъ глаза, потомъ другой, и приподнялъ свѣсившуюся голову, какъ будто собирался что-то сказать, но только пошевелилъ губами и, послѣ этого, опять закрылъ глаза.

— Право, мнѣ кажется иной разъ, что папочка что-то заподозрилъ,—тихо и какъ будто про себя проговорилъ Муравлевъ, когда они вышли на улицу.

Павелъ Андреевичъ пожалъ плечами.

— Я думаю, теперь намъ будетъ казаться, что насъ всѣ подозрѣваютъ,—сказалъ онъ.—Да и что, въ сущности, подозрѣвать? Ничего нѣтъ. Мнѣ думается, что, пожалуй, и дальше ничего не будетъ, кромѣ сборовъ и разговоровъ.

Сердце Муравлева болѣзненно сжалось. Съ самаго утра, точно больной въ лихорадкѣ, переходящій отъ ощущенія жара къ ощущенію озноба, онъ то проникался вѣрою, что теперь должно все устроиться отлично, то неожиданно и, повидимому, безъ всякой видимой причины начиналъ думать, что изъ ихъ плана ничего не выдетъ, не можетъ выйти. И вотъ теперь Павелъ Андреевичъ говорить то же самое, что ничего не будетъ.

— Но почему?—спросилъ онъ съ тоской.—Просто потому, что это слишкомъ невѣроятно?

— Да, отчасти и отъ этого. Какъ-то не укладывается въ головѣ, чтобы ты и я... разыграли такую игру. Къ тому же

слишкомъ, слишкомъ сложное дѣло!.. Нужно много условий и благоприятныхъ обстоятельствъ... Напримѣръ, ты понимаешь, разумѣется, что я одинъ не могу сдѣлать ничего. Миѣ нуженъ товарищъ. А такой товарищъ у меня есть въ виду всего только одинъ.

— Кто такой?

Подозрительно оглянувшись кругомъ и понизивъ голосъ до едва уловимаго ухомъ шопота, Павелъ Андреевичъ сказалъ:

— Щипачевъ... Я тебѣ говорилъ иногда о немъ.

— Помню. Ты говорилъ въ родѣ того, что это порядочный шалопай, кутила... пьеть...

— Кутила, отчаянный человѣкъ, шалопай... Есть такой грѣхъ. Но зато въ немъ есть одна незамѣнимая добродѣтель: товарища онъ ни за что не подведетъ, не продастъ и не выдастъ, хоть оторви ему голову. Это у него догмать... Да во всякомъ случаѣ, каковъ бы онъ тамъ ни былъ, я тебѣ говорю, что другаго человѣка у меня нѣтъ въ виду. И вотъ, если онъ почему бы то ни было откажется миѣ помогать, или боленъ, или уѣхалъ куда нибудь, такъ что я буду не въ состояніи разыскать его... ну, все и кончено...

Муравлевъ вздохнулъ и помолчалъ.

— Это разъ. Допустимъ, что я его найду тамъ, гдѣ онъ былъ недѣли двѣ назадъ; допустимъ, что онъ согласится, и мы условимся тотчасъ же приступить къ дѣлу. Онъ пріѣдетъ сюда, чтобы нанять этотъ домъ... Балужева, сколько помнится... а домъ окажется уже занятымъ. И опять все кончено, опять все оборвалось!

— Да вѣдь тамъ два дома.

— Но въ одномъ изъ нихъ живутъ.

— Живутъ хозяйева. Только они живутъ не въ самомъ домѣ, а во флигелѣ, который стоитъ почти въ саду, саженьяхъ въ тридцати отъ дома. Хозяйева эти—вдова губернскаго секретаря, пьяная съ утра до ночи, и старуха, ея сестра, которая, говорятъ, постоянно ссорится съ губернской секретаршей и то уѣзжаетъ отъ нея куда-то въ деревню, то опять пріѣзжаетъ. Эта тоже пьеть, но рѣдко и чуть ли не за поемъ.

— Ну, вотъ... не только люди, но еще бабы! Какъ тамъ

станешь работать, когда эти бабы,—пьяныя ли, не пьяныя, все равно,—не оставлять, разумѣется, ни одной щелки безъ того, чтобы не приложиться къ ней глазомъ и ухомъ? Да и добро бы еще какая нибудь другая работа. А то выкопать и переложить на другое мѣсто груды земли немного поменьше вотъ этой избенки. Посуди самъ,—мыслимое ли это дѣло подь такимъ надзоромъ!..

— А Балужева домъ?—со стѣсненнымъ сердцемъ спросилъ Муравлевъ.

— Балужева—другое дѣло. Тамъ—ни души посторонней. Тамъ—подвалъ, въ которомъ можетъ помѣститься чуть ли не вся вырытая земля. Работай себѣ спокойно днемъ и ночью. Тамъ можетъ погубить дѣло развѣ только какая нибудь несчастная случайность; такъ вѣдь отъ несчастныхъ случайностей не уберешься ни въ какомъ дѣлѣ.

— Ну, будемъ надѣяться, что его никто не найметъ. Обыкновенно, онъ все лѣто стоитъ пустой до августа, пока не начнутъ стѣзжаться съ дачъ и изъ деревень. Неужели же теперь, какъ нарочно, его возьмутъ изъ подь носу у насъ?

— Все можетъ быть. Но допустимъ, что не возьмутъ. Допустимъ, что прїѣдетъ сюда Щипачевъ и займетъ его. Прїѣду я, примусь за работу,—и вдругъ окажется, что работать можно не заступомъ, а развѣ только порохомъ и динамитомъ, потому что грунтъ—сплошной камень. Вотъ и опять все кончено. Положимъ, это маловѣроятно, такъ какъ тутъ же, въ томъ же самомъ грунтѣ, вырыть большой подвалъ; слѣдовательно, надо думать, что рыть его не представляетъ особенныхъ трудностей. Однако же, хоть и маловѣроятно, но возможно. Вотъ тебѣ уже третье препятствіе изъ тѣхъ, возможность которыхъ я предвижу. А сколько можетъ быть всякихъ неожиданностей, случайностей, затрудненій?.. Сколько, напримѣръ, времени придется потратить даромъ только на то, чтобы добыть какой нибудь паспортъ. А безъ него нельзя. Очень можетъ быть, что онъ не понадобится, а, можетъ быть, и понадобится.

— Паспортъ я тебѣ дамъ,—сказалъ Муравлевъ. — Лѣтъ восемь назадъ, ко мнѣ приходилъ наниматься въ лакеи какой-то несчастный заморышъ, сынъ канцелярскаго чиновника.

Выпросилъ у меня впередъ денегъ, оставилъ паспортъ и пропаль,—прислуга говорила: умеръ. Паспортъ удобный... Тѣмъ болѣе, что этотъ заморышъ не здѣшній,—откуда-то съ юга.

Павель Андреевичъ вдругъ остановился.

— А, ну, это совсѣмъ другое дѣло,—проговорилъ онъ.— Въ сущности, это мелочь, а она мнѣ просто связывала руки... Въ такомъ случаѣ, я сегодня же поѣду къ Щипачеву. Въ двѣнадцатомъ часу сяду на пароходъ; утромъ, въ восьмомъ часу, буду въ N., и если Щипачевъ тамъ, то часовъ въ девять я увижусь съ нимъ и буду говорить...

— Скажи ему,—прервалъ Муравлевъ, тоже остановившійся, — что, по моимъ расчетамъ, на каждого изъ насъ троихъ придется по меньшей мѣрѣ по сорока тысячъ.

Брови Павла Андреевича нахмурились, губы и щеки искривились подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ гадливаго и горькаго чувства.

— На меня не придется. Мнѣ нужно только три тысячи. Больше я не возьму ни рубля,—рѣзко сказалъ онъ, двинувшись дальше по тропинкѣ и, чтобы положить конецъ разговору о деньгахъ, продолжалъ:—Въ девять часовъ я буду говорить со Щипачевымъ. Если онъ не можетъ или не согласится помогать мнѣ... ну, тогда... напишу тебѣ объ этомъ или самъ пріѣду—все равно. Если же онъ согласится, въ такомъ случаѣ нужно будетъ, не теряя времени, тотчасъ же приниматься за дѣло. Куплю, что окажется необходимымъ, и немедленно отправлю Щипачева сюда, нанимать квартиру. Если квартира окажется занятой, тогда онъ долженъ будетъ сейчасъ же вернуться обратно. Если же онъ не вернется къ извѣстному времени, тогда я буду знать, что квартира имъ занята, и тоже проберусь къ нему... по возможности невидимкой.

— Значить, ты не зайдешь ко мнѣ?

— Нѣтъ. Зачѣмъ?

— Но вѣдь нужно же мнѣ знать: вы ли заняли квартиру, или ктонибудь другой. Можетъ случиться, что квартира будетъ кѣмънибудь занята, а ты въ это время станешь разыскивать Щипачева.

— Тогда я напишу тебѣ изъ N.... если придется разыскивать,—разсѣянно отвѣчалъ Павель Андреевичъ.

Въ эту минуту онъ опять стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ утромъ, и опять машинально бродилъ глазами по широкой водной равнинѣ, по желтымъ отмелямъ, по зеленому, позолоченному солнцемъ, противоположному берегу. Но теперь онъ уже не видѣлъ ничего изъ того, на чемъ останавливались его глаза, и весь былъ поглощенъ мыслью, что если ужъ необходимо сдѣлать это ужасное дѣло, то нужно вести его какъ можно скорѣе. Зачѣмъ онъ будетъ даромъ терять время и заходить къ Муравлеву? Къ чему заводить эту ненужную и опасную переписку?

— Ты меня не понимаешь, — сказалъ Муравлевъ. — Я хочу сказать, что вѣдь нужно же и мнѣ исполнять мою долю работы. Положимъ, черезъ нѣсколько дней я увижу, что квартира занята, но вѣдь этого мало. Мнѣ нужно знать: вы ли ее заняли, какъ идетъ работа и когда вы рассчитываете ее кончить. Ты пойми, что окончаніе моей работы я долженъ подогнать какъ разъ къ концу вашей. Нельзя раньше, нельзя и позже.

Павель Андреевичъ курилъ папирску, хмурился и думалъ.

— Ну, хорошо, — сказалъ онъ наконецъ. — Это нетрудно устроить. Нужно только условиться насчетъ какого нибудь знака. Напримѣръ, въ теперешней моей квартирѣ уже сколько времени стоитъ на одномъ окнѣ большая гравюра, скатанная въ трубку и завернутая въ газетную бумагу. То же самое можно сдѣлать и тамъ. Какъ только я проберусь въ квартиру, я тотчасъ же сдѣлаю изъ газетной бумаги такую же трубку и поставлю ее на какое нибудь изъ оконъ... Или даже вотъ это... слушай!.. На той сторонѣ этого дома, которая обращена къ банку, — три окна. Когда я приду и примусь за работу, свертокъ будетъ стоять на лѣвомъ изъ этихъ оконъ, на томъ, что ближе къ воротамъ. Когда работа подвинется до половины, я переставлю свертокъ на среднее окно. Когда, наконецъ, работа будетъ подходить къ концу, я перенесу его на дальнее окно, въ лѣвый уголъ... Слышишь, въ лѣвый уголъ! А когда я переставлю его въ правый уголъ того же послѣдняго окна, — это будетъ значить, что въ ночь этого дня я буду въ кладовой. Достаточно этого для тебя?

— Ну, хорошо, — сказалъ Муравлевъ. — Теперь не мѣшало

бы еще условиться, какимъ образомъ мы можемъ дать знать другъ другу, если случится что нибудь особенное...

Павель Андреевичъ тяжело вздохнулъ.

— Еще условиться!—проговорилъ онъ почти съ тоской.— Да и что такое можетъ случиться особенное? Удастся—такъ удастся. А не удастся, такъ конецъ все равно одинъ, по какой бы причинѣ эта неудача ни произошла.

— Однако, я полагаю, тебѣ не будетъ пріятно, если тебя застанутъ за твоей земляной работой.

— Все равно. Живѣемъ меня ни въ какомъ случаѣ не захватятъ, да, кромѣ того, я надѣюсь, что въ мертвомъ видѣ ни одна душа въ мірѣ не будетъ въ состояніи узнать меня...

Муравлевъ посмотрѣлъ на него нерѣшительнымъ и, какъ будто, нѣсколько робкимъ взглядомъ. Что еще такое онъ намѣревается сдѣлать съ собой, чтобы его не узнали? Должно быть, что-то ужасное...

— Ну, допустимъ, что тебѣ все равно,—сказалъ онъ.— А Щипачевъ?

— Да... Щипачевъ,—повторилъ Павель Андреевичъ, только теперь вспомнивъ, что онъ будетъ не одинъ, и сталъ въ нетерпѣливомъ раздумѣ ходить взадъ и впередъ по травѣ.

— Положимъ,—заговорилъ черезъ минуту Муравлевъ,—еслибы вы нашли необходимымъ предупредить или увѣдомить меня о чемъ нибудь,—это нетрудно сдѣлать. У наружныхъ дверей моей квартиры, ты знаешь, есть ящикъ для писемъ. Щипачеву придется только взойти на лѣстницу и бросить въ ящикъ письмо. Я буду самъ слѣдить за ящикомъ.

— Хорошо,—равнодушно согласился Павель Андреевичъ.

— Но какъ же мнѣ добраться до васъ, не рискуя тѣмъ, что кто нибудь замѣтитъ это? Развѣ вотъ что... Еслибы можно было поздно вечеромъ или ночью бросить вамъ въ окно записку, завернутую во что нибудь тяжелое... ну, въ книгу что ли, или въ свертокъ бумаги... Однимъ словомъ, еслибы вы, съ наступленіемъ сумерокъ, постоянно держали отворенной хоть половинку окна...

— Хорошо!—тѣмъ же тономъ повторилъ Павель Андреевичъ.

Наступило молчаніе. Муравлевъ припоминалъ и обсуживалъ,—въ чемъ еще нужно имъ условиться. Павель Андрее-

вичь продолжалъ толочься по травѣ, съ тоскою думая, — много ли еще будетъ ему дано комисій и скоро ли наступитъ конецъ всѣмъ этимъ переговорами.

— Теперь вотъ что, — заговорилъ опять Муравлевъ. — Если вамъ удастся пройти въ кладовую... ты помнишь желѣзный шкафъ, въ которомъ хранятся деньги? Замѣтилъ его, когда былъ у меня въ кладовой?

Павель Андреевичъ молча кивнулъ головой.

Слесарь мнѣ говорилъ какъ-то, что замокъ въ этомъ шкафу неважный и можетъ быть легко отпертъ знающимъ человекомъ. Поэтому я просто оставлю шкафъ отпертымъ. Меньше будетъ труда для васъ. Теперь слушай... самое главное... Можетъ быть, это и не понадобится, а, можетъ быть, будетъ для меня чрезвычайно важно... Въ этомъ шкафу хранятся также нѣкоторыя наиболѣе важныя счетныя книги и документы. Не забудь, обрати, пожалуйста, вниманіе, не будетъ ли въ числѣ этихъ трехъ или четырехъ книгъ такой книги, между страницами которой вложена синяя пропускная бумага. Слышишь: синяя! Если во всѣхъ книгахъ будетъ вложена обыкновенная розовая бумага, тогда можешь ихъ оставить въ покоѣ и ничего не трогать. Но если увидишь въ одной изъ нихъ синюю бумагу, тогда... слушай!.. тогда надо будетъ уничтожить тѣ счеты и расписки, которыя будутъ лежать между страницами книги вмѣстѣ съ этой пропускной бумагой. Все уничтожить, самое лучшее — сжечь... И точно также необходимо будетъ уничтожить и тѣ четыре или даже восемь страницъ, между которыми будутъ лежать эти счеты и расписки. Чтобы не вышло какой нибудь ошибки, я отмѣчу всѣ эти страницы синимъ карандашомъ... синими крестиками, сверху страницъ, въ тѣхъ углахъ, гдѣ ставятся номера страницъ... Ты понимаешь?

— Хорошо, — повторилъ еще разъ Павель Андреевичъ, остановившись и смотря прищуренными глазами въ даль противоположнаго берега, гдѣ между зеленью кустарниковъ медленно подвигалось что-то, то темнѣвшее и исчезающее изъ виду, то вдругъ начинавшее ярко свѣтиться, какъ свѣтится озаренное солнцемъ зеркало или полированное желѣзо.

Муравлевъ посмотрѣлъ на него почти съ отчаяніемъ.

— Знаешь что? — сказалъ онъ съ горечью и тоской. — Мнѣ

кажется, что ты... не то, чтобы не слушаешь меня, а, как говорится, выпускаешь мои слова въ одно ухо и сейчас же выпускаешь въ другое.

Павель Андреевич смотрѣлъ на него съ видимымъ изумленіемъ.

— Богъ съ тобой!—произнесъ онъ.—А мнѣ, напротивъ, кажется, что всѣ твои слова ты вытрапливаешь на моемъ мозгу точно раскаленнымъ желѣзомъ. Будь спокоенъ! Я не забуду ничего: ни свертка на окнахъ, ни ящика у твоихъ дверей, ни растворенной къ ночи половинки окна, ни синей пропускной бумаги, подъ которой лежатъ счеты и расписки, ни синихъ крестиковъ въ верхнихъ углахъ страницъ, гдѣ ставятся цифры... Всѣ эти синіе крестики и бѣлые свертки на окнахъ будутъ теперь преслѣдовать меня даже во снѣ.

Муравлевъ успокоился и опять сталъ припоминать, и нужно ли условиться еще о чемънибудь.

— Да!—вспомнилъ онъ вдругъ.—А деньги? оставить вамъ въ кассѣ скольконибудь наличныхъ денегъ или ничего не оставлять? Или оставить все, что придется на вашу долю?

Его угрюмый товарищъ нѣсколько времени, молча, грызъ мунштукъ незакуреной папиросы, потомъ выплюнулъ изгрызенную бумагу и сказалъ:

— Не знаю... Нѣтъ... я думаю не оставлять... Лучше, если у Щипачева не будетъ въ рукахъ большихъ денегъ... на первое время, покуда все не утихнетъ и не придетъ въ прежній порядокъ. Впрочемъ, пожалуй, оставь ему какіе-нибудь пустяки,—сотни двѣ, три.

— Въ такомъ случаѣ, я сдѣлаю даже такъ: оставлю ему рублей триста и оставлю еще нѣсколько сотенъ рублей для вида, для отвода глазъ. Вы заверните ихъ въ листъ бумаги, вырванный изъ той же книги, и суньте куда-нибудь подъ шкафъ, какъ будто обронили. Тогда всѣ будутъ думать, что вырванные изъ книги листы пошли у васъ на обертку денегъ.

— Хорошо,—согласился Павель Андреевичъ и на это.

Опять наступило молчаніе... Муравлевъ сосредоточенно соображалъ, не забылъ ли онъ сказать еще что-нибудь. Павель Андреевичъ, засунувъ руки въ карманы, отходилъ отъ него шаговъ на пять, потомъ медленно поворачивался на

каблукахъ и шель обратно. Конецъ комисіямъ, или найдется еще что нибудь?

— Что же еще?—въ раздумѣ спросилъ, наконецъ, Муравлевъ.—Какъ будто я хотѣлъ сказать или спросить еще что-то... Не знаю... не могу теперь припомнить.

— Въ такомъ случаѣ, можно и домой?—спросилъ Павелъ Андреевичъ, вздохнувъ отъ удовольствія.

— Пойдемъ. Можетъ быть, я припомню дорогой.

Они пошли обратно въ городъ. Оба молчали. Муравлевъ старался себѣ представить въ систематическомъ порядкѣ, со всѣми подробностями, все, что придется дѣлать, какъ ему самому на верху, такъ и Павлу Андреевичу съ его товарищемъ внизу подъ землею. Павелъ Андреевичъ, напротивъ, избѣгалъ объ этомъ думать. Что думать объ этихъ мелочахъ, когда, можетъ быть, завтра же утромъ окажется, что весь этотъ планъ надо просто бросить?

— Теперь вотъ что, — заговорилъ опять Муравлевъ, — тебѣ, разумѣется, понадобятся порядочныя деньги, — на разъѣзды, на наемъ квартиры, на мебель, мало ли на что...

— Нѣтъ, не нужно денегъ, — отвѣчала Павелъ Андреевичъ. — У меня набралось что-то больше трехсотъ рублей. Должно хватить на все...

— Все таки, я дамъ тебѣ еще столько же и жалѣю, что не могу дать больше. Мало ли какія могутъ встрѣтиться случайности и совершенно непредвидѣнныя издержки? Нельзя идти на такое дѣло, не имѣя лишнихъ денегъ въ карманѣ!.. Я дамъ тебѣ еще триста рублей.

— Какъ знаешь, — равнодушно сказалъ Павелъ Андреевичъ, пожавъ плечами.

Когда они воротились домой и прошли въ кабинетъ Муравлева, Павелъ Андреевичъ, прежде всего, посмотрѣлъ на часы, — прежде на свои, потомъ на круглыя стѣнные, висѣвшіе въ простѣнкѣ надъ письменнымъ столомъ, повыше полки съ книгами. И на тѣхъ, и на другихъ было девять часовъ, только! А пароходъ уходитъ въ половинѣ двѣнадцатаго. Что за невыносимая тоска!

— Дай мнѣ паспортъ, — сказала онъ Муравлеву.

Муравлевъ порылся съ минуту въ ящикахъ письменнаго стола.

— Вот тебѣ деньги, — сказалъ онъ потомъ, — а вотъ и паспортъ.

Сунувъ деньги въ карманъ, Павелъ Андреевичъ сѣлъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ, положилъ передъ собою развернутый паспортъ и сталъ читать его или, вѣрнѣе, смотрѣть на него. Прочитать его — достаточно было нѣсколькихъ секундъ, но прошли и двѣ, и три минуты, прошло и пять минутъ, а Павелъ Андреевичъ все продолжалъ неподвижно сидѣть надъ этою засаленною и мѣстами протертою бумагою. Тоска, овладѣвшая имъ съ утра, ни на минуту не покидала его, и онъ смутно начиналъ теперь понимать, что она и не покинетъ его, потому что некуда уйти отъ нея. Если Щипачевъ согласится помогать ему, если домъ Балужева окажется незанятымъ и если все вообще пойдет „благополучно“, — тогда предстоитъ впереди это ужасное дѣло, этотъ подкопъ... Если же Щипачевъ не согласится или домъ Балужева окажется занятымъ, — тогда впереди — смерть. Только эти двѣ дороги и есть, только эти двѣ черныя двери и отворены передъ нимъ, и еслибы его теперь спросили, которую изъ нихъ онъ предпочитаетъ, — онъ и теперь отвѣчалъ бы: „не знаю... все равно... только бы скорѣе!..“

— Ахъ, какъ бы я хотѣлъ знать еще одно: сколько, хоть приблизительно, времени можетъ продолжаться твоя работа... если ты примешься за нее, — проговорилъ Муравлевъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и съ усиливавшеюся тоскою думая, что вотъ теперь, когда все переговорено и остается только ждать, ждать дни, можетъ быть, цѣлыя недѣли, — теперь-то именно и наступаетъ самое ужасное время.

— Миѣ самому хотѣлось бы это знать, — отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ. — Но я тебѣ говорю, — можетъ быть, съ первыхъ же ударовъ заступомъ окажется, что работа невозможна. А можетъ оказаться, что возможна, но страшно трудна. Можетъ случиться также, что она окажется совсѣмъ легкою. Какъ же тутъ высчитать?

— Но приблизительно... хоть скольконибудь приблизительно! — почти молящимъ голосомъ сказалъ Муравлевъ, оставившись передъ нимъ.

Пожавъ плечами, Павелъ Андреевичъ подвинулъ къ себѣ

листъ бѣлой бумаги и взялъ карандашъ. Муравлевъ, ставъ колѣнѣми на стулъ и облокотившись обѣими руками на зеленое сукно стола, приготовился слѣдить за вычисленіями.

— Ширина улицы—шестнадцать сажень,—тихо говорилъ Павелъ Андреевичъ и записалъ: 16.—Если вышину подземнаго хода положить въ полтора аршина, а ширину въ одинъ аршинъ, то всего придется вырыть семьдесятъ два кубическихъ аршина. Это подъ улицей. А потомъ нужно будетъ рыть наклонно вверхъ, до полу кладовой. На это придется положить нѣсколько больше сажени въ длину,—слѣдовательно, аршинъ шесть кубическихъ. Но положимъ для круглаго счета восемь. Значитъ, всего надо будетъ вырыть земли восемьдесятъ кубическихъ аршинъ.

Онъ написалъ крупными цифрами 80 и, откинувшись къ спинкѣ кресла, задумчиво посмотрѣлъ на Муравлева.

— Теперь вопросъ: какое, приблизительно, количество земли буду я въ состояніи вынести или вывезти за одинъ пріемъ?.. Рѣшительно не могу себѣ представить... Сколько? больше? меньше?

Онъ размѣрялъ руками на столѣ воображаемую глыбу земли, увеличивалъ, уменьшалъ и—наконецъ—пожалъ плечами.

— Право, не знаю... Думаю, что, приблизительно, вотъ такого объема... даже нѣсколько меньше... Это будетъ четвертей восемь кубическихъ,—восьмая часть кубическаго аршина. Такимъ образомъ, будемъ считать, что кубическій аршинъ я вынесу въ восемь пріемовъ. Слѣдовательно, всѣ восемьдесятъ кубическихъ аршинъ можно будетъ убрать въ шестьсотъ сорокъ пріемовъ.

Опять онъ написалъ крупными цифрами 640 и опять сталъ смотрѣть на Муравлева.

— Теперь спрашивается: сколько надо времени на каждый изъ этихъ пріемовъ? Сколько понадобится времени, чтобы насыпать въ мѣшокъ, въ корзину или въ тачку восемь кубическихъ четвертей земли, вынести или вывезти эту землю въ подвалъ и опять воротиться къ мѣсту работы? Опять не знаю... Положить развѣ минутъ пять? Покуда я буду работать въ подвалѣ и вблизи него, пяти минутъ будетъ, по всей вѣроятности, даже слишкомъ много. А когда я буду

приближаться къ противоположной сторонѣ улицы, пяти минутъ на пріемъ будетъ, вѣроятно, мало. Ну, положимъ среднимъ числомъ, что на каждый пріемъ понадобится пять минутъ. Въ такомъ случаѣ, на всѣ шестьсотъ сорокъ пріемовъ нужно будетъ три тысячи двѣсти минутъ, то-есть около пятидесяти четырехъ часовъ.

Видимо удивленный полученнымъ имъ результатомъ, онъ просмотрѣлъ еще разъ свои вычисленія и опять пожалъ въ недоумѣніи плечами.

— Кажется, все вѣрно... Выходить, дѣйствительно, пятьдесятъ четыре часа... То есть, если положить на земляную работу по четырнадцати часовъ въ сутки, то она должна продолжаться четверо сутокъ...

— Только?! — громкимъ, полнымъ изумленія шопотомъ вскричалъ Муравлевъ.

— Ну, да, только... Это на бумагѣ... Для бумаги это даже непозволительно долго, потому что на ней всю работу можно отлично кончить въ четыре минуты, — съ досадой сказалъ Павелъ Андреевичъ. — А на самомъ дѣлѣ... придется ползать тамъ, подъ землей, можетъ быть, двѣ-три недѣли, если не больше... Чепуха!.. Чушь!..

Разсердившись и на себя, и на нелѣпость этихъ, ни на чемъ не основанныхъ, глупыхъ вычисленій, онъ перемаралъ и переиначилъ карандашемъ всѣ цифры, потомъ разорвалъ бумагу на мелкіе клочки и швырнулъ въ корзину подъ столомъ. Послѣ этого, онъ взглянулъ на часы и вдругъ всталъ.

— Пора... Безъ четверти десять... Покуда я соберусь, покуда доѣду до парохода... будетъ самое время, — глухо и отрывисто заговорилъ онъ такимъ сдавленнымъ голосомъ, который очевидно выходилъ изъ перехваченнаго судорогой горла. — Ну, прощай, дружокъ! Если Щипачевъ не согласится... если домъ окажется занятымъ, тогда я еще увижусь съ тобой... Ну, а если меня накроютъ тамъ, подъ землей... ну, тогда... прощай навсегда.

Въ порывѣ овладѣвшей имъ тоски и нѣжности, онъ крѣпко обнялъ Муравлева, поцѣловалъ его и пошелъ за своей шляпой, лежавшей на окнѣ. Муравлевъ, до глубины души взволнованный этою внезапно наступившею минутой про-

щанья, — быть может, действительно навсегда, — стоялъ очень блѣдный и разстроенный.

— Право, я не знаю... Миѣ, просто, какъ-то страшно оставаться одному... Какой-то ужасъ, — растерянно говорилъ онъ. — Отчего бы миѣ не проводить тебя, не провести вмѣстѣ эти полтора часа, покуда отойдетъ пароходъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста... Не нужно этого! — почти рѣзко сказалъ Павелъ Андреевичъ и торопливо пошелъ въ прихожую, застегивая на ходу сюртукъ.

V.

Въ семь часовъ утра Павелъ Андреевичъ былъ уже въ N. Онъ взялъ номеръ въ гостинницѣ, оставилъ въ немъ свои вещи и тотчасъ же поѣхалъ разыскивать Щипачева, рассчитывая, что если онъ здѣсь, то его тѣмъ вѣрнѣе можно застать дома, чѣмъ раньше къ нему пріѣхать. Недѣли двѣ назадъ, Щипачевъ жилъ на Амбарной улицѣ, близъ Тихвинской церкви, въ домѣ Прянишниковой. Амбарная улица оказалась одною изъ окраинныхъ улицъ. Широкая, плохо вымощенная, она мѣстами заросла травой и была обставлена по сторонамъ не столько домами, сколько длинными заборами и большими садами. Павелъ Андреевичъ любилъ именно такія просторныя, тихія улицы и точно съ какою-то завистью и тайной грустью смотрѣлъ на зелень садовъ, на маленькіе, большею частью съ палисадниками, домики въ два, въ три окна; на качели, виднѣвшіяся кое-гдѣ изъ-за заборовъ; на безчисленныя, и простыя, и затѣйливо разукрашенныя скворешницы, торчавшія на длинныхъ пестяхъ вездѣ, — во всѣхъ дворахъ, во всѣхъ садахъ, надо всѣми крышами. Совершенно неожиданно, между двумя большими садами, всего саженьхъ въ трехъ отъ правой окраины улицы, показалось тихое, зеркально-гладкое озерко съ плотомъ около берега, съ какими-то сваями вдали, съ узенькимъ протокомъ, уходившимъ куда-то подъ заборъ, и съ высокими деревьями кругомъ. А дальше, все по той же правой сторонѣ, выступала изъ-за деревьевъ сада небольшая, низенькая и бѣдная церковь съ потрескавшеюся и обвалившейся штукатуркой на стѣнахъ, съ проржавѣвшими желѣзными лн-

стами на кровлѣ, но также окруженная зеленью придвинувшихся къ ней съ обѣихъ сторонъ высокихъ деревьевъ. Это и была Тихвинская церковь.

Въ маленькой „бакалейной“, а въ сущности мелочной лавкѣ, въ которой больше всего пахло горячимъ чернымъ хлѣбомъ, Павлу Андреевичу сказали, что домъ Прянишниковой немного подальше, на той сторонѣ улицы, подлѣ лавки. Лавки авель Андреевичъ не нашель, а нашель просто ларь съ прилавкомъ, выходившимъ прямо на улицу и заваленнымъ калачами, баранками, хлѣбомъ и сушеной рыбой. По одну сторону этого ларя тянулся длинный заборъ, по другую были ворота, а рядомъ съ воротами стоялъ довольно большой сарай, къ которому примыкалъ садъ. Никакого дома вблизи не было видно. Однако, оказалось, что именно эти ворота между ларемъ и сараемъ и вели въ домъ Прянишниковой. Войдя въ калитку, Павелъ Андреевичъ увидѣлъ узенькій дворъ, въ глубинѣ котораго стоялъ домъ съ мезониномъ. Налѣво, въ небольшомъ сараѣ, кто-то невидимый кололъ дрова; направо, на крылечкѣ, сидѣлъ маленькій мальчикъ въ гимназической фуражкѣ и съ аппетитомъ ѣлъ горбушку чернаго горячаго хлѣба, намазанную распустившимся и капавшимъ ему на руки масломъ.

— Не можете ли вы мнѣ сказать,—обратился Павелъ Андреевичъ къ мальчику,—Петръ Михайловичъ Щипачевъ здѣсь живетъ?

— Щипачевъ-Корельскій,—отвѣчалъ гимназистикъ, искоса поглядывая въ дверь сарая, изъ котораго человекъ, коловшій до этого времени дрова, энергично показывалъ ему руками, глазами и головой, что посетителя надо спровадить куда-то вверхъ.—Здѣсь... Позвольте, я вамъ покажу его комнату.

Но, прежде чѣмъ Павелъ Андреевичъ успѣлъ поставить ногу на ступеньку крыльца, изъ сарая вышелъ коловшій дрова человекъ—въ порядочно отрепанныхъ черныхъ панталонахъ, придерживаемыхъ на поясицѣ ремнемъ, въ бѣлой некрахмаленной рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ—и, разставивъ руки, вытаращивъ отъ изумленія глаза, сталъ подходить къ нему.

— Матушки — батюшки! — восклицалъ онъ. — Да никакъ это самъ Павелъ Андреевичъ? Другъ и товарищъ!.. Вотъ такъ

праздникъ изъ праздниковъ... вотъ тамъ торжество изъ торжествъ на нашей улицѣ!

Это и былъ Щипачевъ, на сценѣ—Корельскій. Онъ трижды облобызался съ Павломъ Андреевичемъ, точно похристосовался, потомъ отступилъ шага на два и опять посмотрѣлъ на него, будто все еще не довѣряя своимъ глазамъ.

— Да какими такими судьбами... неисповѣдимыми?

— Совсѣмъ, братъ, особенными,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.

— О, ну... Да пойдемъ же въ мою нору. Только, смотри, поосторожнѣе... береги и ноги, и голову.

По темной и узенькой лѣстницѣ безъ перилъ они поднялись „во второй этажъ“. Направо былъ обыкновенный, ничѣмъ не загороженный чердакъ со слуховымъ окномъ, съ землянымъ поломъ, на которомъ стояли кое-гдѣ ящики, кадушки, зимнія рамы, стулья безъ ножекъ и столы безъ столешницъ. Налѣво была обитая войлокомъ дверь въ мезонинъ, въ свѣтелку. Вошедшій въ нее Павелъ Андреевичъ увидѣлъ бѣлый некрашенный столъ передъ окномъ, два такихъ же стула, картонный—обтянутый парусиной—чемоданъ и кровать, на которой вмѣсто матраца былъ постланъ сложенный вдвое войлокъ. На отдушникѣ печки была надѣта смятая коричневая шляпа, въ углу, на гвоздѣ, висѣла пара платья, а больше въ комнатѣ не было ничего.

— Что ты, въ дворникахъ здѣсь, что ли?—невольно спросилъ Павелъ Андреевичъ, пораженный убогостью этой обстановки.

Щипачевъ весело улыбнулся.

— Формально, нѣтъ,—сказалъ онъ. — А дѣйствительно случается: то дровъ наколешь, то дворъ подметешь, то въ саду что нибудь поцарапаешь... Все же за это мнѣ перепадетъ тарелка другая щей или стаканъ чаю съ калачемъ. И то хлѣбъ...

— Что же ты не писалъ мнѣ, что сидишь въ такомъ положеніи?—обиженно и почти сурово спросилъ Павелъ Андреевичъ.

— Какъ не писать! Вѣдь я же тебѣ писалъ, недѣли три назадъ, не больше, а скорѣе меньше. Ты—спасибо тебѣ—тогда же выслалъ мнѣ цѣлый капиталецъ, семьдесятъ пять

рублей. Ну, признаться, я изъ этихъ денегъ заткнулъ кое-какія самыя вопіющія прорѣхи, да немного—всего рублей на двадцать пять. А остальные деньги я замыслилъ пустить въ обращеніе. Дай, думаю, удвою или утрою мои таланты. Ну, и утроилъ: въ тотъ же вечеръ все спустилъ до послѣдней монетки. Какъ же, послѣ этого, сталъ бы я опять печалиться тебѣ на мое положеніе? Вѣдь у меня тоже есть совѣсть... На этакіе обороты не хватитъ никакихъ денегъ.

Павель Андреевичъ, полустоявшій, полусидѣвшій на краю стола, курилъ и смотрѣлъ на Щипачева. Щипачевъ, съ капельками пота на лбу, съ мокрыми отъ работы подмышками, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, стоялъ посреди комнаты, тоже курилъ и тоже смотрѣлъ на своего неожиданнаго гостя. Глаза у Щипачева были небольшіе, сѣрые, какъ будто нѣсколько дерзкіе; лицо сѣровато-блѣдное, но не отъ малокровія или болѣзненности, а просто потому, что кожа на немъ была достаточно толстая. Внизъ отъ висковъ, по щекамъ и подбородку, шла—точно сплошная повязка—густая щетка русскихъ волосъ, недавно получившихъ свободу роста, какъ имъ угодно, и успѣвшихъ вырасти всего только на какихъ нибудь полвершка. Губы у него были красныя, зубы бѣлыя, усы, направленные почти въ прямую линію, грудь высокая; держался онъ прямо и вообще производилъ своею внѣшностью впечатлѣніе такого человѣка, который мало склоненъ предаваться унылымъ размышленіямъ и падать духомъ при житейскихъ невзгодахъ.

— Ну, да все это шелуха,—продолжалъ онъ, выпустивъ изо рта струю дыма.—Недавно умеръ въ Ростовѣ на Дону одинъ изъ нашего брата... трагикъ... король Лиръ... такъ у него только и оказалось имущества, что старая подушка да банная мочалка... Дѣло не въ томъ,—это все тлѣнь одинъ. А вотъ скажи мнѣ лучше: ты или былъ боленъ, или и теперь боленъ? Отчего ты постарѣлъ на семьдесятъ лѣтъ... отчего ты сталъ мѣшкомъ съ костями... отчего ты смотришь такъ, какъ будто у тебя въ карманѣ приготовленъ заряженный пистолетъ?

Къ его удивленію, Павель Андреевичъ, при послѣднихъ словахъ, кивнулъ головой и постучалъ концами пальцевъ по боковому карману.

— Да, да... Это ты угадалъ. Дѣйствительно приготовленъ, — сказалъ онъ и опять кивнулъ головой.

Щипачевъ наморщилъ бровь, только одну, правую, и покосился на него.

— О, ну... трагедія... дьяволятина! — пробормоталъ онъ, потомъ сѣлъ на кровать, подогнувъ подъ себя одну ногу, и озабоченно спросилъ: — Что такое?

Павель Андреевичъ посмотрѣлъ на него, потомъ на дверь, на растворенное окно, въ которое отчетливо слышно было, какъ внизу, на крыльцѣ, стучали ногами куры, подбирая выброшенные корочки и крошки хлѣба.

— Вотъ что, — сказалъ онъ. — Отправимся-ка мы позавтракать... куда нибудь въ такое мѣсто, гдѣ можно было бы переговорить, не оглядываясь на стѣны... Или прежде позавтракаемъ, а потомъ уйдемъ поговорить куда нибудь на траву...

Щипачевъ еще ниже надвинулъ надъ глазомъ свою правую бровь.

— Стало быть, глубокая тайна? Экъ тебя угораздило куда захватить! — проговорилъ онъ, качнувъ головой. — Пойдемъ, пойдемъ... Недалеко отсюда есть какъ разъ такое мѣсто, какое тебѣ требуется: и ѣда, и трава, и уединеніе. Я сейчасъ...

Онъ принялся переодѣваться и, по поводу нѣкоторыхъ изъясновъ въ своемъ бѣльѣ, заговорилъ о своихъ дѣлахъ вообще. Плохи дѣла, прорѣха на прорѣхѣ... Положимъ, нынѣшнюю зиму онъ былъ „занятъ“, да что!.. Условія сами по себѣ были неважныя, но въ январѣ и они пошли къ чорту, потому что антрепренеръ разорился и шестнадцатаго числа этого мѣсяца, во время спектакля, театральные плотники вынули его изъ петли и прямехонько свезли въ больницу. Ну, кое-какъ, съ субсидіей отъ города, дотянули до поста. Другіе актеры разѣхались въ разныя стороны, а онъ предпочелъ остаться здѣсь до болѣе благопріятныхъ дней, то есть въ сущности до того времени... когда у него появятся деньги на проѣздъ. Деньги приходили и, разумѣется, сейчасъ же уходили. То да сѣ, сіе да это... къ тому же, по правдѣ сказать, у него были расчеты пристроиться здѣсь, на лѣтнемъ театрѣ... Ну, не вышло... Не везетъ ему, да и только!

— Насъ, братъ, теперь уже зачисляютъ въ старое поколѣніе... Теперь со всѣхъ сторонъ поперъ новый народъ...

съ наивысшимъ образованіемъ... съ иностранными языками... съ Лессингомъ... съ философіей и физиологіей искусства. Дьяволятина!.. Всѣ они разглагольствуютъ о разныхъ тамъ новыхъ началахъ, объ ассоціаціяхъ, сосьетѣ, товариществахъ, а на самомъ дѣлѣ именно товарищескаго-то духа и чувства никогда у нихъ и въ понятіи не бывало. Карьеристы, шептуны, наушники, интриганы... на маленькаго актера, который посмирнѣе и побѣднѣе, смотрятъ не иначе, какъ въ поль-оборота черезъ плечо. Ахъ, чортъ тебя побори! Посмотри такъ-то ты на меня—я тебѣ сразу морду переверну въ надлежащую позицію, затылкомъ напередъ!

Ноздри у него раздувались, глаза сдѣлались злыми, руки судорожно дергали платье, не снимавшееся съ гвоздя, и вообще ясно было, что онъ говоритъ о томъ, что у него давно наболѣло на сердцѣ. Дѣйствительно, театръ былъ страстью и больнымъ мѣстомъ Щипачева. Онъ, въ одно время съ Павломъ Андреевичемъ, кончилъ курсъ въ военной гимназіи и поступилъ въ военную службу, но прослужилъ всего лѣтъ пять, покуда былъ живъ его отецъ. Когда же отецъ умеръ и оставилъ въ наслѣдство сыну благоустроенный домъ въ уѣздномъ городѣ и тысячи двѣ деньгами, Щипачевъ разсудилъ, что теперь, когда ему можно считать себя обезпеченнымъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на шесть, наступило самое настоящее время поступить на сцену, о которой онъ мечталъ еще ребенкомъ, въ корпусѣ, когда лицедѣйствовалъ въ кадетскихъ спектакляхъ. Отцовскаго наслѣдства ему не хватило не только на шесть лѣтъ, но даже на полтора года. Таланта настоящаго у него не было, а было только чисто внѣшнее искусство передразнивать кого угодно, начиная отъ извѣстныхъ актеровъ и актрисъ, изображающихъ Гамлета или леди Макбетъ, и кончая пѣтухомъ, скликающимъ съ вышины забора своихъ куръ. Читать, работать, думать и учиться тому, чему не доучился въ школѣ, у него не было привычки. Прокладывать себѣ дорогу, поддѣлываясь къ людямъ и обстоятельствамъ, онъ не былъ способенъ. И въ концѣ концовъ вышло то, что разные—по его выраженію—„молокососы съ наивысшимъ образованіемъ“ и ловкіе проходимцы шли да шли впередъ, захватывая у него подъ носомъ лучшія мѣста и положенія, а онъ все стоялъ на одномъ мѣстѣ, въ послѣд-

нихъ рядахъ, и со скрежетомъ зубовъ ругался самыми жестокими словами. Прусаки, жида, промазы!.. И добро бы были какіе нибудь особенные таланты—гдѣ нынче эти таланты?—а то задираютъ свои носы единственно потому только, что получаютъ чуть не по тысячѣ рублей въ мѣсяцъ и безпрестанно покупаютъ себѣ всякія процентныя бумаги, тогда какъ у него жалованья всего тридцать, сорокъ рублей, а изъ процентныхъ бумагъ только и есть, что квитанціи на заложенные у жидовъ самыя необходимыя вещи. Аристократы тоже!

— Ну, я готовъ. Вотъ только сапоги не мѣшало бы почистить, да пуговицы на жилетѣ нѣтъ... Ну, да я зато навѣшу на себя монокль... для пущей важности,—сказалъ онъ и весело засмѣялся, тотчасъ же забывъ всѣ свои неудачи и огорченія.

Онъ повезъ Павла Андреевича въ загородный садъ, находившійся, дѣйствительно, недалеко отъ этого конца Амбарной улицы и походившій скорѣе на густой сосновый лѣсъ, огороженный пряслами, чѣмъ на садъ. Съ дороги въ немъ не было видно никакихъ признаковъ жилья. Но когда Павелъ Андреевичъ вошелъ въ ворота, онъ увидѣлъ передъ собою очень длинную, широкую аллею, почти темную отъ стоявшихъ по ея сторонамъ высокихъ деревьевъ, въ дальнемъ концѣ которой, на свѣтлой площадкѣ, бѣлѣлись какія-то строенія. Тамъ, на этой обширной свѣтлой площадкѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной деревьями, оказалось нѣчто въ родѣ цѣлаго увеселительнаго поселенія. Налѣво красовалось круглое деревянное зданіе цирка, стоявшее впускъ. Прямо передъ аллеей, шедшей отъ воротъ—лѣтній театръ. Направо—ресторанъ, въ растворенныя окна котораго виднѣлись—пустынные теперь—зеленыя поля бильярдовъ.

— Охъ, много, много здѣсь просыпано моихъ денегъ,—со вздохомъ сказалъ Щипачевъ, покосившись на эти зеленыя поля.

Вездѣ виднѣлись будочки для продажи молока, лимонада и фруктовыхъ водъ, крошечные домики самоварщиковъ, навѣсы, бесѣдки, столики, скамейки, маты для акробатовъ, крытыя платформы для игры въ кегли. Всюду было тихо и безлюдно. Только у одного изъ домиковъ вспотѣвшая и изма-

занная баба чистила кирпичнымъ порошкомъ самовары, разставленные на крыльцѣ, да около ресторана высокій благообразный старикъ, почти совсѣмъ лысый и съ длинной бородою, торговалъ телятину, которую мужикъ привезъ на ручной телѣжкѣ.

— Добраго утра, Алексѣй Алексѣевичъ!—обратился Щипачевъ къ старику.—Не дадите ли намъ чего нибудь позавтракать? Ъсть хочется.

Окинувъ быстрымъ взглядомъ не столько его, сколько его спутника, благообразный старикъ почтительно поклонился и отвѣчалъ чрезвычайно мягкимъ, даже елейнымъ голосомъ:

— Отчего же, отчего же... Что прикажете подать, то и предоставимъ вамъ со всякою готовностью. Пожалуйста, пожалуйста... Милости просимъ...

— Посмотрѣть на него, такъ чистый патріархъ Елей Елеевичъ; хоть картину съ него пиши,—сказалъ Щипачевъ, проходя дальше.—А шельма жаденъ, я тебѣ скажу... какъ сорокъ тысячъ поросять!.. Недавно, напримѣръ, какое съ нимъ устроилъ представленіе одинъ разбогатѣвшій здѣшній подрядчикъ, которому—подлецу—некуда дѣвать денегъ. Бесѣдовалъ, бесѣдовалъ онъ съ нимъ о всякихъ душевспасительныхъ предметахъ, да, глядя на его лысину, и придумалъ фантазію. „А дай,—говорить,—Сахаръ Медовичъ, я тебѣ расплакирую твою лысину. Сколько на нее придется налѣпить красненькихъ бумажекъ, чтобы, значить, всю ее закрыть, столько и налѣплю и всѣ тебѣ оставлю въ полное твое пользованіе“. Что же ты думаешь?—Вѣдь согласился Елей Елейичъ!.. Поставилъ его подрядчикъ на колѣни посреди комнаты, чтобы было удобнѣе ходить вокругъ него, взялъ одну десятирублевую бумажку, поплевалъ на нее и налѣпилъ ему на лысину. Взялъ другую, опять поплевалъ и опять налѣпилъ. Всего четыре бумажки понадобилось... А потомъ Елей Елейичъ всталъ и ушелъ съ ними на головѣ; словно, ни въ чемъ не бывало, только губы у него стали какъ будто еще тоньше... Невообразимо жаденъ!.. Деньги подъ закладъ даетъ за десять процентовъ въ мѣсяцъ, рулетка есть тутъ у него въ задней комнатѣ; въ карты позволяетъ здѣсь играть; дѣвчонки сюда навѣдываются. Всякія удовольствія, однимъ словомъ...

Пройдя двѣ комнаты, они вышли на крытую террасу, тя-

нущуюся во всю длину дома. Передъ террасой разстилалась довольно обширная площадка, посыпанная пескомъ, а за нею опять зеленѣла трава и высились стройныя сосны и березы, подъ которыми были разставлены круглыя и четырехъугольныя столики. Щипачевъ провелъ Павла Андреевича къ этимъ столикамъ и, бросивъ на одинъ изъ нихъ свою шляпу, спросилъ:

— Ну, пожалуй, здѣсь намъ будетъ удобно? А?

— Пожалуй, сядемъ здѣсь, — согласился Павелъ Андреевичъ.

Новыя мѣста, картины, лица, болтовня Щипачева — все это нѣсколько разсѣяло и освѣжило его, но, по мѣрѣ того какъ приближалась минута, когда надо было приступить къ разговору о томъ, что одно только и было важно для него, на душѣ у него становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Изъ глубины ея опять начало подниматься все то, что терзало его столько времени, и опять въ мозгу его зашевелился мучительный вопросъ: да не лучше ли, не лучше ли во сто разъ не бередить этой раны, не говорить ничего Щипачеву о задуманномъ ими планѣ, а просто возвратиться въ гостиницу и тамъ разрядить себѣ въ голову револьверъ? И разомъ все кончено, и разомъ пройдетъ эта ноющая душевная боль...

— Ну, слушай. Началась эта исторія вотъ съ чего, — вдругъ заговорилъ онъ, точно силою обрывая всѣ эти мысли, и приступилъ къ повѣствованію о векселѣ.

Щипачевъ слушалъ съ возрастающимъ вниманіемъ, лишь изрѣдка прерывая рассказъ отрывистыми приказаніями прислуживавшему имъ молодому малому въ бѣломъ пиджакѣ и зеленомъ галстукѣ, да энергичною руганью по адресу Груни Ивановны, Валентины Константиновны и „старого кулика“.

— Дьяволятина! — произнесъ онъ наконецъ, когда Павелъ Андреевичъ рассказалъ о своемъ послѣднемъ свиданіи съ дядей. — Что жъ тутъ дѣлать?.. Положимъ, если хорошенько взяться за этотъ старый кулекъ и порастрасти его...

— Да дѣло въ томъ, что я не хочу за него браться, — угрюмо и рѣшительно прервалъ его Павелъ Андреевичъ.

Щипачевъ посмотрѣлъ на него и только пощелкалъ языкомъ и качнулъ головой.

— Ну, дьяволятина!.. А что же этотъ твой давнишній

приятель... Муравлевъ?.. Онъ вѣдь, кажется, достаточно богатый человекъ...

— Былъ богатымъ... двадцать лѣтъ назадъ, — отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ. — А теперь его дѣла не лучше моихъ. Кругомъ въ долгу... въ кассѣ, которую ему скоро придется сдавать, порядочные недочеты... И, въ довершеніе всего, не сегодня — завтра можетъ ослѣпнуть.

Озадаченный Щипачевъ даже всталъ со стула и, отойдя шага два назадъ, прислонился спиной къ дереву.

— Вотъ такъ нуль! — проговорилъ онъ. — Значить, нигдѣ ничего?.. Пусто?..

Облокотившись обѣими руками на столъ и положивъ подбородокъ на ладони, Павелъ Андреевичъ смотрѣлъ неподвижными глазами куда-то въ даль, гдѣ за деревьями и ярко зеленою травой свѣтилась узкая и извилистая полоса воды. Переступая съ ноги на ногу, покачиваясь самъ и покачивая тонкое молодое деревцо, къ которому прислонился, Щипачевъ не сводилъ глазъ съ товарища, и эти обыкновенно дерзкіе глаза дѣлались теперь съ каждою секундою задумчивѣе, озабоченнѣе, участливѣе. Эхъ, Араповъ, Араповъ! Въ какую трагедію вѣхаль! Глаза воспаленные и точно сумашедшіе, подъ ними синева, щеки провалились... Положимъ, въ этакое положеніи не до жиру. Однако, таскать въ карманѣ заряженный пистолетъ и собираться лишить себя живота изъ-за какихъ-то тамъ несчастныхъ трехъ тысячъ, — тоже препорядочная чепуха. Ну, если ужъ нельзя придумать ничего другаго, такъ онъ, Щипачевъ, беретъ спрятать его такъ, что никакія собаки не разыщутъ. Пусть ихъ тамъ раздѣлываются и расчитываются по этому векселю, какъ заблагоразсудятъ. А потомъ можно будетъ раздобыться паспортомъ и переправиться куда нибудь за границу... Мало ли что... Положимъ, въ такой игрѣ въ прятки тоже не особенно много удовольствія, но все же лучше, чѣмъ прошибать себѣ пулей голову и улечься въ сосновомъ ящикѣ подъ землю.

Онъ уже собирался было высказать всѣ эти соображенія Павлу Андреевичу, но тотъ взглянулъ на него и сказалъ:

— И мнѣ, и Муравлеву остается только одно изъ двухъ: либо застрѣлиться, либо...

Щипачевъ поспѣшно сѣлъ опять къ столу.

— Либо?—повторилъ онъ, видя, что Павелъ Андреевичъ какъ будто не рѣшается продолжать.

— Ты не такой человѣкъ,—медленно и растягивая слова, заговорилъ наконецъ Павелъ Андреевичъ: — тебѣ не приходилось по цѣлымъ днямъ и ночамъ думать о самоубійствѣ и доходить въ концѣ концовъ до того, что самъ не знаешь — сошелъ ты съ ума или еще не сошелъ. Поэтому тебѣ, вѣроятно, покажется сумашествіемъ то, что я скажу... Ну, да все равно...

Не говоря ничего прямо, а все время держа Щипачева въ недоумѣніи, Павелъ Андреевичъ разсказалъ о своемъ посѣщеніи банковской кладовой, о Пантюшкѣ—братѣ любовницы Муравлева, о пустомъ домѣ Балужева, стоящемъ напротивъ банка. Сначала Щипачевъ ничего не понималъ, но потомъ вдругъ ударилъ кулакомъ по столу разъ, другой, третій. Отчаянная дерзость замысла привела его просто въ восхищеніе. И какая штука, ахъ, какая дьяволятинская штука! Выходитъ, слѣдовательно, что нужно во что бы то ни стало добратся до кладовой, а тамъ ужъ все устроено... Того, у кого будутъ деньги, не представится никакой возможности подозрѣвать въ чемъ бы то ни было; а у тѣхъ, на кого могутъ пасть подозрѣнія, не окажется никакихъ денегъ... Да и какія тамъ подозрѣнія! Очевидное дѣло, что всѣ подозрѣнія обрушатся прямехонько на головы нигилистовъ и социалистовъ. Онъ даже фыркнулъ отъ смѣху и, потирая руки, воскликнулъ:

— Да вѣдь это все равно, что кладъ! Пойти да вырыть,—вотъ и все...

— Въ родѣ клада, — съ блѣдною улыбкою сказалъ Павелъ Андреевичъ, давно уже почувствовавшій жестокой приступъ лихорадки: ознобъ и дрожь по всему тѣлу, холодъ въ рукахъ и ногахъ, тяжесть и тупую боль въ головѣ. — Муравлевъ разсчитываетъ, что на cadaго изъ троихъ участвующихъ придется тысячь по сорока.

Щипачевъ на нѣкоторое время точно ошьянѣлъ. „Вотъ такъ бомба!“ мысленно воскликнулъ онъ и сидѣлъ совершенно неподвижно, словно передъ нимъ въ самомъ дѣлѣ упала и разорвалась бомба. Сорокъ тысячь! мало того, что выручишь изъ анаемскаго положенія товарища, который вы-

ручаль его несчетное число разъ, — да еще получишь въ награду сорокъ тысячъ. Сорокъ тысячъ, когда онъ еще вчера вечеромъ вздыхалъ, что какъ бы славно можно было устроиться, еслибы ему свалились откуда нибудь тѣ три тысячи, которыя лежали у него въ карманѣ семь лѣтъ назадъ, во времена его глупости и неопытности. Сорокъ тысячъ!.. Что, господа первые сюжеты съ наивысшимъ образованіемъ и съ иностранными языками? Будете искать его дружбы, когда вдругъ услышите, что онъ выигралъ на скачкахъ и въ карты настолько порядочную сумму, что самъ накласть въ банкъ порядочное количество процентныхъ бумагъ?.. Сорокъ тысячъ! Десять, десять и еще два раза десять тысячъ! Положимъ, эти тысячи какъ будто немножко чужія... Да вѣдь чьи чужія? Банковскія, ростовщическія, не трудомъ нажитыя, а составившіяся изъ процентовъ... А, господа Елей Елейчи и всякой шерсти жида-ростовщики! Довольно вы снимали шкуръ съ вашими восемью да десятью процентами! Теперь онъ самъ сдеретъ съ нихъ маленькую шкурку, цѣною въ сорокъ тысячъ.

— Кладъ, кладъ!—проговорилъ онъ, выходя изъ своего мечтательнаго оцѣпененія, и затѣмъ быстро спросилъ:—такъ зачѣмъ же стало дѣло? За мной, что ли?

Павель Андреевичъ, не ожидавшій ничего подобнаго этому прямому вопросу, даже растерялся.

— Да... видишь ли,—заикаясь, проговорилъ онъ.—Дѣло въ томъ, что этотъ Пантюшка исчезъ.

— Какой тутъ Пантюшка! Въ шею Пантюшку!—сказалъ Щипачевъ.—Я такъ и понялъ тебя, что ты хочешь дѣлать дѣло своими руками, а не чужими, и пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы спросить,—помогу я тебѣ выкрутиться или не помогу. Долгомъ своимъ считаю. Передъ кѣмъ другимъ... а передъ тобой не хочу быть подлецомъ.

Голосъ этого отчаяннаго забулдыги какъ будто нѣсколько дрогнулъ отъ внезапно овладѣвшаго имъ волненія и добраго, теплаго чувства къ старому товарищу дѣтства. Но въ ту же секунду Щипачевъ вскочилъ, увидѣвъ пробиравшееся снизу, съ рѣчки, утиное семейство,—селезня, утку и утятъ. Вставивъ въ глазъ монокль, подсунувъ руки подъ пиджакъ, такъ что они образовали нѣкоторое подобіе крыльевъ, онъ

торопливо пошелъ за селезнемъ и такъ уморительно принялся передразнивать его перевалистую походку, повертыванія головой, тревожныя побрякиванія, что баба, выносившая въ ведрѣ помои, уронила ведро и, вся обезсилѣвъ отъ смѣха, присѣла къ землѣ. Половой, стоявшій на террасѣ, схватился за животъ и, казалось, переломился на-двое отъ потрясавшаго его хохота. Павелъ Андреевичъ сначала съ какимъ-то недоумѣніемъ посмотрѣлъ на этихъ валившихся со смѣху людей, на встревоженныхъ утокъ, на представлявшася еще болѣе встревоженнымъ Щипачева, и вдругъ самъ засмѣялся неудержимымъ смѣхомъ. На глазахъ у него выступали слезы, въ головѣ возникали смутныя мысли о всѣхъ тѣхъ мукахъ, которыя онъ пережилъ и еще будетъ переживать, а въ горлѣ трепетала точно какая-то лопнувшая пружина, и смѣхъ, тихій, смѣшанный со слезами, нервный, истерическій, овладѣвалъ имъ сильнѣе и сильнѣе. Но вотъ, вмѣстѣ съ этимъ смѣхомъ, у него вырвалось изъ груди рыданіе, и онъ понялъ или, вѣрнѣе, почувствовалъ, что если не сдержитъ сейчасъ своего смѣха, то будетъ богъ знаетъ что,—будутъ нескончаемыя рыданія, конвульси, будетъ цѣлый нервный припадокъ, какъ съ истерической женщиной. Сдѣлавъ надъ собой напряженное усиліе, онъ пересталъ смѣяться и принялся медленно отирать платкомъ слезы на глазахъ и щекахъ.

Все время остававшійся совершенно серьезнымъ, Щипачевъ наконецъ оставилъ селезня и съ озабоченнымъ видомъ сѣлъ опять къ столу.

— Однако... какъ же? Вѣдь теперь у насъ самое первое дѣло—занять тотъ домъ,—сказалъ онъ, закуривая папиросу.

Тяжело вздохнувъ, Павелъ Андреевичъ заговорилъ усталымъ голосомъ, что онъ рассчитывалъ, во избѣжаніе излишнихъ разѣздовъ, купить здѣсь все необходимое и потомъ уже... Но Щипачевъ нетерпѣливо прервалъ его:

— Что покупки! Что разѣзды!.. Первое, первое дѣло—квартира!.. Вѣдь только подумать, что еще вчера она стояла пустая, а сегодня ее возьмутъ да и выхватятъ у насъ изъ подъ носу... Съ досады можно будетъ голову сорвать себѣ съ плечъ... Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ! посмотри-ка лучше у себя въ карманѣ, который теперь чась.

Оказалось десять часовъ безъ нѣсколькихъ минутъ.

— О, ну... прекрасно! — проговорилъ Щипачевъ, вѣсколько успокоившись. — Пароходъ отходить отсюда въ двѣнадцать часовъ... Идетъ до вашего города пять часовъ...

— Я ѣхалъ семь часовъ, — замѣтилъ Павелъ Андреевичъ.

— Ну, да, — противъ теченія... А по теченію — пять часовъ. Слѣдовательно, если я выѣду отсюда въ двѣнадцать часовъ, то въ пять буду на мѣстѣ, а въ шесть могу нанять квартиру, если только она не занята уже... Скажи, ты гдѣ здѣсь остановился? — все съ тѣмъ же озабоченнымъ видомъ спросилъ Щипачевъ послѣ нѣкотораго раздумья.

— Въ „Европѣ“.

— Хорошо... прекрасно... Знаю я и эту „Европу“, какъ, впрочемъ, знаю чуть не всѣ здѣшнія гостинницы, — пробормоталъ Щипачевъ и опять задумался, нахмутивъ брови и собирая у себя на лбу пальцами не только морщины, а цѣлыя глубокія складки, то продольныя, то поперечныя.

Павелъ Андреевичъ молча курилъ. Прошла минута, прошла другая. Наконецъ Щипачевъ надумался.

— Вотъ что я тебѣ скажу, — заговорилъ онъ, расправляя достаточно намятую и даже покраснѣвшую кожу на лбу. — Иди-ка ты въ свою „Европу“ и подожди меня тамъ. А я возьму у тебя денегъ и отправлюсь покупать себѣ разныя тамъ принадлежности туалета: фуражку бѣлую, „спинжакъ“, жилетъ, рубаху, вышитую узоромъ, сапоги и еще кое-что. Потомъ я переодѣнусь у тебя въ номерѣ, перекрашу волосы, завяжу себѣ физиономію платкомъ съ достаточнымъ количествомъ ваты, какъ будто бы отъ зубной боли, и уйду другимъ ходомъ на пароходъ.

Опять онъ сдѣлалъ пальцами на лбу поперечную складку, опять разгладилъ ее и продолжалъ:

— Ну, какъ ни какъ, доѣду. Только... послѣ этого... я тебя попрошу вотъ о чемъ. Какъ бы я ни перемѣнилъ мою физиономію и вообще всю фигуру, а вторично показываться сюда въ моемъ замаскированномъ видѣ мнѣ все таки не слѣдовало бы. Здѣсь знаетъ меня такая прорва всякаго народа, что, того и гляди, какая нибудь остроглазая шельма и воззритъ на меня... Худо, — не худо, а и не хорошо... Поэтому сдѣлай ты мнѣ такое особенное одолженіе, переѣзжай-ка сегодня въ Москву. Москва — большой городъ, столица. Въ ней

никому не будетъ дѣла до насъ... Тамъ, почти около самаго вокзала, есть гостинница подъ названіемъ „Сѣверная“. Въ ней и остановись, чтобы мнѣ не долго было тебя разыскивать. А того лучше, выдѣ завтра на вокзалъ ко времени прихода пятичасоваго поѣзда,—тамъ и встрѣтимся. Тамъ и сдѣлаемъ безъ всякой помѣхи всѣ закупки, какія окажутся необходимыми. Оттуда и отправимся себѣ преспокойно за нашимъ кладомъ. И отличное будетъ, по моему, дѣло!..

— Хорошо,—согласился Павелъ Андреевичъ, вставая и собираясь идти.

VI.

Это было въ субботу. Въ воскресенье Щипачевъ пріѣхалъ въ Москву и объявилъ съ довольнымъ видомъ, что дѣло сдѣлано:—онъ нанялъ домъ Балужева, будто бы для своего барина, который, по своимъ дѣламъ, а также и „по причинѣ груднаго удущья“, намѣренъ переселиться сюда изъ подъ Москвы. Въ понедѣльникъ, когда были закуплены и уложены въ сундукъ разныя необходимыя вещи, Щипачевъ уѣхалъ съ этимъ сундукомъ занимать нанятую имъ квартиру. А въ ночь со вторника на среду, часу въ первомъ, пробрался въ домъ Балужева и Павелъ Андреевичъ.

Онъ тихо вошелъ въ полуразрушенную калитку, заперъ ее засовомъ, прошелъ, не говоря ни слова, мимо ожидавшаго его на крылечкѣ Щипачева и вошелъ въ домъ. Дверь изъ прихожей въ сѣни была растворена; въ сосѣдней съ прихожей маленькой комнатѣ, выходявшей своимъ единственнымъ окномъ на дворъ, горѣла лампа, и Павелъ Андреевичъ прямо прошелъ въ эту комнату. Щипачевъ тоже молча шелъ за нимъ.

— Ну,—спросилъ Павелъ Андреевичъ.—Все благополучно?

— Все какъ слѣдуетъ. Преспокойно доѣхалъ сюда... Пошелъ купить кое-что изъ мебели и хозяйственной утвари; потомъ досталъ изъ сундука самоваръ и посуду, велѣлъ водовозу привезти воды, купилъ угольевъ, купилъ закуски, водочки... Отличное, я тебѣ скажу, дѣло—жить своимъ хозяйствомъ, въ особенности когда баринъ не скупится давать денегъ на расходы, и самъ находится за тысячу верстъ, въ Москвѣ... И сытъ, и пьянъ, и спишь, сколько влѣзетъ.

Павель Андреевичъ обвелъ глазами комнату и ея обстановку,—желѣзную кровать съ ничѣмъ не покрытымъ матрацомъ, столъ, комодъ, умывальникъ, два стула, бѣлую штору на окнѣ. Потомъ онъ заглянулъ въ сосѣднюю комнату, тоже небольшую. Въ ней онъ увидѣлъ обѣденный столъ посрединѣ, посудный шкафъ въ углу и съ полдюжины вѣнскихъ стульевъ по стѣнамъ. Слѣдовательно, это была столовая. Одна изъ дверей этой столовой вела въ самую большую комнату дома, раздѣленную колонками на двѣ неравныя половины и смотрѣвшую тремя окнами на банкъ. Въ этой комнатѣ не было ничего.

— Пусто?—сказалъ Павель Андреевичъ.

— Пусто. Вотъ прїѣдетъ баринъ, тогда пускай устраиваетъ тутъ, какъ знаетъ. А я приготовилъ ему только самое необходимое: чтобы было гдѣ отдохнуть съ дороги да выпить чаю и закусить,—отвѣчалъ Щипачевъ, посвѣчивая въ полумракѣ огонькомъ своей папиросы, освѣщавшей по временамъ его всклооченные волосы и разстегнутый воротъ рубахи.

Они ходили по квартирѣ безъ огня, довольствуясь тѣмъ слабымъ полусвѣтомъ, который стоялъ въ ней отъ звѣзднаго неба и мѣсяца. Обойдя ее всю кругомъ и войдя опять въ первую комнату, Павель Андреевичъ взялъ свѣчу съ комода, спички со стола и пошелъ въ прихожую. Здѣсь, около печки, была подъемная дверь въ подвалъ,—четырёхугольная, обитая выкрашеннымъ охрою листомъ желѣза, съ желѣзнымъ кольцомъ. Онъ поднялъ эту дверь и сталъ ощупью спускаться внизъ по узенькимъ ступенямъ. Щипачевъ переждалъ съ полминуты, давая ему сойти съ лѣстницы, и потомъ послѣдовалъ за нимъ.

— Нѣтъ ли здѣсь какого нибудь окошка или отдушины?—полушопотомъ спросилъ гдѣ-то во мракѣ Павель Андреевичъ.

— Есть отдушины... и даже двѣ... но только обѣ во дворъ,—отвѣчалъ Щипачевъ.

— Открыты или нѣтъ?

— Открыты-то открыты... По правдѣ сказать, я не зналъ, что съ ними дѣлать: не то оставить ихъ для воздуха, не то закрыть... Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и заставилъ ихъ досками, какъ ширмаи.

Тогда Павель Андреевичъ рѣшился, наконецъ, зажечь свѣчу. Слабый, точно робкій, огонекъ сначала освѣтилъ только

его блѣдное осунувшееся лицо съ синевою подъ глазами, съ глубокою морщиною на лбу, — потомъ почти погасъ, обглодавъ верхушку свѣтильни, потомъ опять началъ горѣть веселѣе и озарилъ угловатые сѣрые камни фундамента печки, красноватая балки вверху, толстые, круглые столбы подъ ними, черныя стѣны. Медленно подвигаясь, Павелъ Андреевичъ обошелъ подвалъ кругомъ и, закуривъ папиросу и поставивъ свѣчу на ступеньку лѣстницы, въ задумчивости остановился опять тамъ же, откуда началъ свой обходъ. Подвалъ оказался не только не меньше, чѣмъ представлялся ему по старому и смутному впечатлѣнію, но чуть не вдвое больше.

— И на какой только чортъ понадобилось вырыть такое подземелье? Нарочно для насъ, что ли? — недоумѣвающимъ тономъ проговорилъ Щипачевъ.

— Вообразилось ли мнѣ это, или я дѣйствительно слышалъ, только мнѣ смутно припоминается теперь, будто мнѣ говорилъ кто-то, что прежде здѣсь было жилье, кухня, — отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.

— О, ну... тогда понятно, — проговорилъ Щипачевъ и какъ будто очень успокоился, получивъ это совѣтъ ненужное ему объясненіе.

Онъ зѣвнулъ и взъерошилъ себѣ и безъ того взъерошенные волосы. Павелъ Андреевичъ курилъ и задумчиво смотрѣлъ передъ собою. Земля лежала вездѣ красноватая, глинистая, съ пескомъ; слѣдовательно, можно было надѣяться, что работа не представитъ особенныхъ трудностей. Подвалъ и банковская кладовая находились прямо другъ противъ друга, были приблизительно одинаковой величины; наружныя стѣны ихъ шли совершенно параллельно одна другой; значитъ, если онъ начнетъ рыть ходъ изъ середины подвала и поведетъ этотъ ходъ по возможности перпендикулярно къ стѣнѣ, то подроется почти какъ разъ подъ середину кладовой. Если выйдетъ небольшая погрѣшность и онъ немного уклонится отъ прямого направленія вправо, влево, — бѣды отъ этого не будетъ.

— Ну, вотъ, — сказалъ онъ, бросивъ на землю окурокъ папиросы и затупивъ его ногой, — забратъся сюда мы забрались, а какъ-то выберемся?..

Щипачевъ, недолюбливавшій мрачнаго взгляда на жизнь

и, вообще, всегда предпочитавшій надѣяться до конца, что все окончится благополучно, посмотрѣлъ на своего товарища недовольными глазами.

— Ну, что каркать безъ толку,—сказалъ онъ.—Трудно даже представить себѣ, какая такая могла бы случиться помѣха... Ничего даже и не придумаешь...

— Мало ли какія могутъ быть случайности,—съ усмѣшкой отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ.—Представь себѣ, напримеръ, что случится пожаръ... Представь, что черезъ нѣсколько дней къ тебѣ придетъ ктонибудь изъ Балуевыхъ и скажетъ, что ему нужно за чѣмънибудь сюда, въ подваль... Ну, поискать здѣсь какуюнибудь затерявшуюся вещь или поставить чтонибудь...

Щипачевъ нѣсколько растерянно посмотрѣлъ на него и поморгалъ бровями, такъ что у него задвигалась вверхъ и внизъ не только кожа на лбу, но задвигались даже волосы на передней части головы.

— Вотъ дьяволятина!—тихонько воскликнулъ онъ.—Хорошо, что ты меня предупредилъ на всякій случай... Теперь они меня ужъ не застанутъ врасплохъ,—ужъ извините!

— Что же ты имъ скажешь?

— Мало, мало пріятнаго... Притворюсь пьянымъ, да начну ругаться такими сатанинскими словами изъ психологіи и фізіологіи, что... улетятъ... живо!.. Развѣ только не скоро двери найдутъ съ переполоху!

Павелъ Андреевичъ засмѣялся и, передавъ ему въ руки подсвѣчникъ, сказалъ:

— Ну, иди на верхъ.

— Да, пора; а то тутъ такая сырость, что у меня даже печенки начали плесневѣть, — проговорилъ Щипачевъ, взбираясь по лѣстницѣ.

— Ничего; мнѣ будетъ легче работать,—сказалъ Павелъ Андреевичъ.

Странное дѣло,—съ тѣхъ поръ какъ онъ вошелъ въ калитку этого дома и заперъ ее за собою, на душѣ у него становилось все спокойнѣе, тише и сдѣлалось, наконецъ, такъ тихо, какъ давно уже не бывало. Выходило такъ, что какъ будто самое худшее и самое тягостное было уже имъ пережито и осталось назади. Кончена была мучительная

душевная борьба, доводившая его почти до безумія. Миновалъ періодъ невыносимо тягостныхъ ожиданій,—удастся ли то, удасться ли другое; согласится ли Щипачевъ на это дѣло, успѣютъ ли они занять квартиру, посчастливится ли имъ проѣхать сюда, ни съ кѣмъ не встрѣтившись и не возбудивъ никакихъ подозрѣній. Теперь все это кончено. Теперь остается одна только черная физическая работа, и голова поглощена одною лишь мыслью, — какъ лучше и, главное, скорѣе кончить эту работу, за которою уже совсѣмъ близко виденъ конецъ,—тотъ ли, другой ли, но, во всякомъ случаѣ, конецъ и такъ давно желанный покой. Правда, тоска не покинула его, но теперь она точно свернулась клубочкомъ на самой глубинѣ его души и лежала тамъ совсѣмъ смирно. Было, кромѣ того, какое-то совершенно особенное нервное напряженіе, постоянно заставлявшее его держаться насторожѣ,—не говорить громко, не подходить съ огнемъ къ окнамъ, прислушиваться ко всякому звуку, какой доносился съ улицы,—но, сравнительно съ тѣмъ нервнымъ напряженіемъ, какое онъ переживалъ дня три назадъ, теперешнее напряженіе казалось почти спокойствіемъ. Когда они поднялись на верхъ, Павелъ Андреевичъ, не закрывая люка въ подвалъ, взялъ у Щипачева свѣчу и подошелъ съ нею къ большому сундуку, стоявшему въ углу прихожей.

— Ты что хочешь дѣлать?—спросилъ Щипачевъ.

— Хочу перенести въ подвалъ, что нужно для работы. Надо же что нибудь дѣлать.

— Но развѣ ты не хочешь спать?

— Нѣтъ; я спалъ сегодня.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я, знаешь, что сдѣлаю: пойду и поставлю самоваръ. Напьемся чаю и закусимъ, а тамъ ужъ будетъ яснѣе видно,—отправится ли на боковую, или за-
таться чѣмъ нибудь другимъ.

— Чаю я выпью съ удовольствіемъ, — сказалъ Павелъ Андреевичъ.

Щипачевъ ушелъ съ лампой въ кухню, а Павелъ Андреевичъ принялся выбирать изъ сундука и раскладывать на полу мыя разнообразныя вещи: заступы, длинные сапоги, лопаты, рзины, кожаныя рукавицы, связку веревокъ, клеенчатую уражку, два или три блока, ситцевыя рубашки, ломъ боль-

шой и ломъ маленькій, два топора, двѣ ножевыхъ пилы и связку восковыхъ свѣчей, съ которыми, по его соображеніямъ, было удобнѣе работать, чѣмъ со стеариновыми. Выложивъ на полъ все находившееся въ сундукѣ, онъ взялъ нѣсколько листовъ бумаги, въ которую были завернуты нѣкоторыя вещи, досталъ изъ кармана два нумера большой газеты и изъ всей этой бумаги акуратно скаталъ на полу довольно толстую, длинную въ полтора аршина, трубку. Перевязавъ эту трубку обрывкомъ тоненькой бичевы, онъ отнесъ ее въ большую пустую комнату и поставилъ,—какъ было условлено съ Муравлевымъ,—на лѣвое, ближайшее къ воротамъ, окно. Потомъ Павелъ Андреевичъ опять спустился въ подвалъ, зажегъ въ немъ восковую свѣчу и принялся переносить въ него вещи, сложенные на полу въ прихожей. Послѣ этого, стали пить чай. Павелъ Андреевичъ дѣйствительно хотѣлъ пить, но все таки пилъ на скорую руку, весь снѣдаемый лихорадочнымъ стремленіемъ приняться, не теряя времени, за работу. Скорѣе, скорѣе, скорѣе!.. Выпивъ одинъ стаканъ, онъ тотчасъ же началъ переодѣваться въ рабочее платье.

— Экъ тебя!.. И куда мчится?—проговорилъ Щипачевъ, глядя на него.—А у меня тутъ являются все новые и новые вопросы... не знаю, какъ съ ними быть. Ну, чѣмъ, напри- мѣръ, я буду кормить тебя?

— Какъ чѣмъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ Павелъ Андреевичъ.—Колбаса, сыръ, хлѣбъ... вотъ и все. А если отъ времени до времени ты сварить мнѣ еще нѣсколько штукъ яицъ въ смятку, то больше нечего и желать.

— Это я все знаю... Я самъ частенько сидѣлъ на этомъ сухояденіи и скажу тебѣ по горькому опыту, что это не годится. Безъ настоящей горячей ѣды далеко не уѣдешь, а в особенности при такой тяжелой работѣ, въ какую ты впрягаешься. А куплю-ка я завтра дровъ и начну тебѣ стряпать настоящіе обѣды. Я умѣю готовить супъ à la minute, мажроны и яичницу-глазунью. Цѣлыхъ три блюда!

— Да, дровъ, дровъ!—встрепенувшись, сказалъ Павелъ Андреевичъ, разсѣянно слушая его и допивая второй стаканъ чаю.—Дровъ ты, во всякомъ случаѣ, долженъ будешь купить сегодня же. Я дамъ тебѣ адресъ дровянаго склада, а ты велишь мнѣ привезти сажень сосновыхъ или е-

выхъ, но только непремѣнно длинныхъ, четырнадцати-вершковыхъ дровъ.

— Это еще зачѣмъ?—съ изумленіемъ спросилъ Щипачевъ.

— Вотъ зачѣмъ: ходъ я буду рыть аршина полтора вышины и нѣсколько меньше аршина ширины,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ, показывая руками на стѣнѣ предполагаемые размѣры подземнаго хода. Дрова я думаю вкладывать сверху, въ видѣ потолка, чтобы не сыпалась земля. Кто ее знаетъ! Можетъ быть, она и не подумаетъ тронуться съ мѣста, а, можетъ быть, возьметъ да и рухнетъ мнѣ на голову.

Посмотрѣвъ на Щипачева, задумавшагося надъ этою перспективою и начавшаго тихонько посвистывать, Павелъ Андреевичъ налилъ себѣ еще стаканъ чаю, но не сталъ его пить и ушелъ въ подвалъ. Прежде всего онъ воткнулъ въ землю ломъ и прилѣпилъ къ нему зажженную восковую свѣчу. Потомъ взялъ заступъ и, опершись на него, сталъ задумчиво соображать,—съ какого именно пункта лучше начинать работу: нѣсколько поближе къ углу или дальше отъ него. Наконецъ, послѣ долгаго раздумья, онъ намѣтилъ избранный пунктъ и рѣшилъ, что между потолкомъ хода и поверхностью улицы должно быть разстояніе, по крайней мѣрѣ, аршина въ два, потому что иначе онъ легко можетъ уткнуться въ каменный фундаментъ банка, и тогда работа страшно осложнится. Придется рыться внизъ, потомъ опять подниматься вверхъ. Невозможное дѣло! Во сто разъ спокойнѣе и легче выкопать теперь же въ этомъ подвалѣ канаву аршина въ полтора глубины и изъ нея идти уже все прямо и прямо. Онъ поднялъ заступъ и, съ сильно забившимся сердцемъ, нѣсколько задрожавшими руками принялся за работу. Вотъ и положено начало... но только чему? Могила онъ роетъ себѣ или... или дорогу изъ могилы къ свѣту?

Неслышной тѣнью пришелъ Щипачевъ и сталъ шагахъ въ двухъ отъ него, покуривая папиросу.

— Ничего не понимаю,—пробормоталъ онъ черезъ минуту.—Зачѣмъ тебѣ понадобилась еще эта канава?

— Видишь ли,—сказалъ Павелъ Андреевичъ, продолжая работать:—я уже сказалъ тебѣ, что ходъ будетъ низкій, узкій... Сдѣлать его просторнѣе,—и времени понадобится много, и укрѣпить его будетъ труднѣе. А между тѣмъ, въ та-

кой тѣснотѣ—какъ работать? Копать землю—еще куда нишло... можно и стоя на колѣняхъ. Но какъ выносить ее оттуда, когда ходить надо тоже или на корточкахъ, или на четверенькахъ, либо согнувшись подъ прямымъ угломъ? Я порядочно поломалъ себѣ голову надъ этой задачей и наконецъ придумалъ вотъ что. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ происходить работа, я буду укрѣплять подъ потолкомъ надежный брусъ. Отъ этого бруса пойдетъ сюда, въ подвалъ, веревка, туго натянутая въ нѣсколько наклонномъ положеніи. По этой веревкѣ будетъ ходить на блокѣ корзина. Когда я наполню землей эту корзину, мнѣ придется не тащить, а только направлять ее, такъ какъ она пойдетъ сюда, по наклонной веревкѣ, почти сама собою. Отсюда, пустую, мнѣ тоже будетъ не трудно передвинуть ее по веревкѣ обратно. Но, ты понимаешь, для всей этой механики необходимо, чтобы ходъ шелъ совершенно прямо, безъ всякихъ колодцевъ и поворотовъ...

— Дьяволятина!—какъ бы про себя пробормоталъ Щипачевъ, съ каждымъ часомъ становившійся все тише и смиреннѣе.

Только теперь этотъ достаточно легкомысленный человѣкъ началъ до нѣкоторой степени понимать, какъ страшно тяжела была работа, предстоявшая его товарищу, и какъ легко могла погубить ихъ самая пустая случайность. Не то, чтобы онъ началъ теперь бояться. Нѣтъ! Онъ съ самаго же начала рассчиталъ, что возможность выручить товарища и, кромѣ того, приобрести кладъ въ сорокъ тысячъ,—такая большая ставка, изъ-за которой можно рискнуть очень многимъ, тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ не бросать же его на съѣденіе собакамъ, а самое большое—ушлють куда нибудь къ якутамъ. Этого онъ, пожалуй, не боялся. Но этотъ сырой подвалъ, во мракѣ котораго точно тонулъ и захлебывался огонекъ восковой свѣчки, это блѣдное и изможденное лицо товарища, эта низенькая, узкая дыра, которую надо было провести подо всей широкой улицей,—вотъ что дѣйствовало на него подавляющимъ образомъ. Дыра эта можетъ обвалиться и задавить работающаго въ ней человѣка. Уже и безъ того полубольной, Павелъ Андреевичъ легко можетъ серьезно расхвораться—горячкой, тифомъ. Чтѣ тогда дѣлать?—со стѣсненнымъ серд-

цемъ подумываль Щипачевъ и точно жался поближе къ своему молчаливому товарищу. Кончивъ курить, онъ взялъ изъ угла лопату и принялся отбрасывать дальше къ стѣнѣ землю, вырытую Павломъ Андреевичемъ.

— Отлично! Только не шуми, — проговорилъ Павелъ Андреевичъ.

Усердно проработавъ около получаса, Щипачевъ почувствовалъ съ непривычки, что ему точно вывихнули всѣ суставы въ рукахъ, поясицу и обѣ лопатки. Какой двужилный чортъ выдержать такую каторжную работу, да еще не здѣсь, а въ дырѣ, въ которой нельзя повернуться! — почти съ отчаяніемъ подумаль онъ, загибая назадъ лѣвую руку, чтобы ощупать и потереть свои лопатки. Совсѣмъ упавъ духомъ, онъ ушелъ на верхъ, выпилъ рюмку водки, покурить и посидѣлъ. Потомъ принесъ изъ кухни свою постель, — матрацъ съ подушкой и простынями, — и постлаль ее на полу, недалеко отъ кровати, предназначавшейся для „барина“. Выпивъ еще рюмку водки, онъ улегся на постель, поворочался и повздыхаль мину, другую, а потомъ заснулъ.

Проснулся Щипачевъ уже въ восьмомъ часу. Съ соннымъ, безпричиннымъ испугомъ взглянувъ на пустую кровать „барина“, на солнце, ярко и горячо освѣчивавшее сквозь скважины шторы, онъ поспѣшно вскочилъ на ноги и пошелъ въ подвалъ. Полная тишина и глубокий мракъ, стоявшіе здѣсь, совсѣмъ ошеломили его отуманенную сномъ голову. Что такое случилось? Гдѣ Араповъ?.. Однако, продвинувшись нѣсколько шаговъ дальше и чуть не свалившись въ канаву, онъ увидѣлъ слабый, заслоненный человѣческимъ тѣломъ, свѣтъ, который мерцаль теперь уже точно изъ трещины въ земляной стѣнѣ подвала.

— Ого! — проговорилъ Щипачевъ.

— Который часъ? — спросилъ Павелъ Андреевичъ.

— Восьмой. Сейчасъ я поставлю самоваръ, напьемся чаю, а потомъ я пойду за покупками. А? — нѣсколько смущеннымъ голосомъ сказалъ Щипачевъ, чувствовавшій себя кругомъ виноватымъ, — и въ томъ, что онъ проспаль, и въ томъ, что „дряхнулъ“ безмятежнымъ сномъ въ то время, какъ товарищъ работаль, не разгибая спины.

— Хорошо, хорошо, — отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ, вы-

сыпавъ землю изъ корзины и опять возвращаясь обратно въ трещину.

Когда самоваръ былъ готовъ и Павелъ Андреевичъ вышелъ изъ подвала на верхъ, Щипачевъ только ахнулъ, взглянувъ на него. При солнечномъ свѣтѣ, лицо Павла Андреевича показалось ему восковымъ. Рубашка на немъ была мокра отъ пота, въ особенности на спинѣ, отъ ворота до поясницы. Плечи и руки были вымазаны въ глинѣ; въ волосахъ виднѣлась земля.

— Это что! — сказалъ Павелъ Андреевичъ. — Стоить только вымыться да переменить бѣлье, — вотъ и все.

Казалось, что онъ нисколько не усталъ и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія отдохнуть. Онъ вымылся надъ умывальникомъ, переменялъ бѣлье, причесался, завелъ часы и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся пить чай и завтракать.

— Теперь отлично можешь выспаться, — сказалъ Щипачевъ. — Я уйду и запиру на замокъ не только домъ, а и эту половину. Спи хоть до вечера.

— Хорошо, хорошо, — отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ. — Главное, вели привезти дровъ... да еще купи мнѣ въ первой попавшейся аптекѣ свиного сала копѣекъ на десять. Если имъ смазать блокъ и веревку, тогда работа пойдетъ у меня совсѣмъ какъ по маслу...

Онъ вовсе не думалъ о снѣ и отдыхѣ. Всѣ его мысли были поглощены одной только работой и самыми мельчайшими подробностями, отъ которыхъ зависѣло ея, болѣе или менѣе скорое, окончаніе. Вотъ, надо будетъ потомъ поручить Щипачеву, чтобы онъ наточилъ заступы... Скорѣе, скорѣе, скорѣе! И, наскоро закусивъ и напившись чаю, онъ опять ушелъ въ свой подвалъ.

Часу во второмъ Павелъ Андреевичъ пообѣдалъ и потомъ полежалъ съ полчаса на кровати, думая, что заснетъ, но заснуть не могъ. Наконецъ, около семи часовъ, онъ самъ оставилъ работу и сказалъ Щипачеву, что усталъ и хочетъ пить; а въ девять часовъ прилегъ на постель и, среди разговора, не докончивъ начатой фразы, заснулъ, какъ убитый. Проснулись они въ три часа. Павелъ Андреевичъ всталъ съ насморкомъ и кашлемъ, съ ревматическими болями во всѣхъ су-

ставахъ и съ чувствомъ одеревененія въ поясницѣ и рукахъ, которыя казались распухшими.

— Что? Досыта наработался?—пасмурно и досадливо спросилъ Щипачевъ, десять разъ повторявшій ему вчера, что онъ только надорвется, работая такимъ образомъ, и тѣмъ кончится дѣло.

— Ничего ты не понимаешь. Стоить только опять приняться за работу, и черезъ какихъ нибудь полтора часа все пройдетъ, какъ ничего не бывало,—отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ и, потерявъ неразгибавшуюся поясницу, съ усмѣшкой прибавилъ:—Вотъ только приниматься-то за нее... какъ будто тяжело.

— То-то, то-то,—проговорилъ Щипачевъ и, сердясь на него и жалѣя его, началъ говорить, что отличное было бы дѣло завалиться опять на постель часовъ до двѣнадцати, потомъ выпить чаю, прогуляться по городу, пообѣдать въ какой нибудь хорошей гостиницѣ на балконѣ, а затѣмъ—провести вечеръ у добрыхъ знакомыхъ, поболтать, пошутить, поиграть въ картишки.

— А что? отличное вѣдь было бы дѣло? Не проведемъ ли мы нынѣшній день именно такимъ образомъ?.. А то пойдемъ вечеромъ въ театръ... А?—насмѣшливо приставалъ онъ къ Павлу Андреевичу.

Но на Павла Андреевича,—который, не смотря на свое недомоганье, былъ въ довольно бодромъ настроеніи духа,—шутка Щипачева произвела самое удручающее впечатлѣніе. Облокотившись рукою на столъ, положивъ голову на ладонь, онъ безъ конца, машинально размѣшивалъ ложечкой чай въ стаканѣ и печально думалъ, что невозможно себѣ представить, чтобы нѣкогда настало время, когда онъ опять почувствуетъ себя также, какъ чувствовалъ прежде, и опять будетъ въ состояніи болтать, шутить и беззаботно смѣяться. Никогда не настанетъ такой день. Въ его душѣ на всю жизнь останется мракъ этого подвала,—думалъ онъ и вдругъ встрепенулся при мысли о работѣ.

— Пора, пора!—озабоченно проговорилъ онъ и, торопливо допивъ чай, ушелъ работать.

Онъ былъ правъ. Въ работѣ скоро прошло все его недомоганье. Однако, сегодня онъ уже не могъ работать такъ,

какъ работалъ вчера: чаще выходилъ на верхъ отдохнуть, дольше сидѣлъ за завтракомъ и чаемъ; послѣ обѣда проспалъ часа полтора. На третій день работа пошла еще медленнѣе.

— Главное, трудно дышать въ этой дырѣ; вотъ что главное!—раза три жаловался онъ Щипачеву въ теченіе этого дня...

Къ вечеру покончивъ работу и выдя на верхъ, онъ посмотрѣлъ на Щипачева лихорадочно блестящими глазами и сказалъ:

— Поди-ка, перенеси тамъ свертокъ на среднее окно.

Сидѣвшій за столомъ Щипачевъ моментально вскочилъ на ноги и хотѣлъ было пуститься въ присядку, но Павелъ Андреевичъ остановилъ его и толкнулъ обратно на мѣсто.

— Погоди радоваться, глупый!—съ усмѣшкой проговорилъ онъ.—Рано пташечка заплѣла, какъ бы кошечка не съѣла... Что еще будетъ дальше? Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже...

Въ этотъ день они легли спать часу въ десятомъ, но довольно долго курили и разговаривали. Щипачевъ рассказывалъ, что сегодня его одолѣлъ народъ, безпрестанно являвшійся во дворъ. Сначала пришелъ татаринъ со старымъ платьемъ, потомъ глупый мальчишка-почтальонъ, перепутавшій улицы, потомъ монахиня со сборомъ, двое нищихъ съ бѣлыми кошелками, баба съ ягодами, мужикъ съ угольемъ. Все болѣе и болѣе нѣмнѣющимъ языкомъ, отъ одолѣвавшей его дремоты, Щипачевъ пересказывалъ, что говорили ему всѣ эти незваные гости, что говорилъ имъ онъ, — и наконецъ заснулъ. Заснулъ и Павелъ Андреевичъ. Во снѣ ему приснилось, что онъ еще въ корпусѣ. Наступилъ вечеръ. Посрединѣ огромной, высокой рекреационной залы разставлены десять раскрытыхъ столовъ. Надъ ними горятъ десять привѣшенныхъ къ потолку лампъ и освѣщаютъ паркетный полъ, выкрашенные свѣтлой краской стѣны, добрую сотню гравюръ на стѣнахъ и сотню же мальчишескихъ голосовъ и лицъ, сгруппировавшихся вокругъ этихъ десяти столовъ. Около первыхъ столовъ, ближайшихъ къ той комнатѣ, въ которой сидитъ дежурный по ротѣ офицеръ, собрались все лучшіе по поведенію и успѣхамъ кадеты. Они сидятъ всѣ тихо надъ своими раскрытыми книгами и тетрадами, — читаютъ, пишутъ, рѣшаютъ задачи,

приготавливают уроки и если разговаривают другъ съ другомъ, то не иначе, какъ вполголоса. Вокругъ среднихъ столовъ есть всякіе: и такіе, которые усердно занимаются, и такіе, которые преспокойно спятъ, положивъ руки на раскрытыя книги, а головы—на руки. Самые же задніе столы захвачены наиболѣе безшабашнымъ народомъ, который не только что не занимается самъ какимъ нибудь путнымъ дѣломъ, но мѣшаетъ заниматься и другимъ. Двое расположились на полу, между столами и, ухватившись руками за середину дубовой палки, пыхтя и натужась, стараются перетянуть другъ друга. Четверо играютъ въ шахматы. Цѣлыхъ три компаніи рѣжуются въ преферансъ и въ ералашъ, пряча подъ столъ засаленныя карты. Одинъ бѣлобрысенкій кадетикъ нагромоздилъ другъ на дружку три табуретки и пробуетъ перепрыгнуть черезъ нихъ, какъ прыгаютъ черезъ „быка“ въ гимнастической залѣ, но проба выходитъ настолько неудачной, что всѣ три табурета и онъ самъ съ грохотомъ валятся на полъ. Поднимаются хохоть, говоръ, становятся все громче, крикливѣе; кто-то, — должно быть слишкомъ долго молчавшій, — затягиваетъ нѣсколько соннымъ голосомъ: „въ темномъ лѣсѣ, въ темномъ лѣсѣ“; картежники дружно подхватываютъ: „за лѣсью, за лѣсью“. Тогда съ переднихъ столовъ раздается досадливое и недовольное шиканье; говоръ и пѣнье на минуту становятся тише, но потомъ опять растутъ, усиливаются, становятся задорнѣе. И вотъ Павлу Андреевичу приходитъ въ голову, что теперь самое подходящее время пустить „рака“. Тотчасъ же Щипачевъ и еще кто-то подхватываютъ его подъ руки и мчатъ по залѣ, такъ что онъ виситъ на воздухѣ затылкомъ къ низу, лицомъ къ верху, а ноги у него волочатся по полу. Вотъ онъ захватилъ ногами, какъ клешнями, табуретъ одного заснувшего товарища, табуретъ съ грохотомъ летитъ по паркету, заснувшій товарищъ падаетъ на полъ и, не успѣвъ еще хорошенько проснуться, начинаетъ ругаться направо и налево. Дальше клешни захватываютъ длинныя ноги долговязаго рыжаго кадета, — тотъ, падая, инстинктивно схватывается за своего ближайшаго сосѣда и увлекаетъ его на полъ вмѣстѣ съ собой, съ тетрадами и книгами. Хохоть, ругань, топотъ ногъ, стукъ табуретовъ, шиканье прилежныхъ воспитанниковъ, пѣнье картежниковъ — сливаются въ оглушительный гулъ. И вдругъ

среди этого гула, проносится какой-то необычайный звукъ, отъ котораго леденѣть кровь въ жилахъ и становятся дыбомъ волосы. Это не то вой собаки, не то мучительный визгъ животнаго, перерѣзаннаго колесами пополамъ, не то шипѣнье какой-то громадной гадины. Тотчасъ же за этимъ звукомъ наступаетъ мертвая тишина. Павелъ Андреевичъ въ ужасѣ смотритъ вокругъ себя и съ замираніемъ сердца думаетъ: куда исчезли всѣ до одного товарищи? Отчего нигдѣ не слышно ни единаго человѣческаго голоса? Зачѣмъ всѣ бросили его, когда онъ не можетъ пошевелить ни рукой, ни ногой?.. А въ двухъ шагахъ отъ него, все съ тѣмъ же не то воемъ, не то свистомъ, бьется за стѣной какое-то чудовище, колотитъ по ней желѣзными крыльями, потрясаетъ все зданіе, и очевидно ищетъ окно или дверь, въ которую могло бы ворваться. И вдругъ въ сознаніи Павла Андреевича молніей проносится еще болѣе ужасная мысль, что вѣдь это все сонъ, что на самомъ дѣлѣ не чудовище стучится крыльями въ стѣну, а кто-то стучится къ нимъ въ домъ. Онъ разомъ вскочилъ на ноги, и въ ту же секунду вскочилъ съ своего матраца и Щипачевъ, услышавшій во снѣ, что его товарища точно сбросило съ постели. И оба они стояли почти плечемъ къ плечу, съ разрывавшимися отъ волненія сердцами, неподвижные, точно оцѣпенѣвшіе и оцѣпенѣвшіе.

— Что ты?!. Что ты?!. Что такое?!—дрожащимъ громкимъ шопотомъ воскликнулъ наконецъ Щипачевъ.

— Сту-чать, — чуть слышно прошепталъ Павелъ Андреевичъ.

Все было тихо. Но вотъ послышался въ отдаленіи вой и свистъ мчавшагося вѣтра; вотъ онъ долетѣлъ до ихъ дома, рванулъ ворота, рамы и съ бѣшенствомъ задергалъ ставни, заматавшіяся и застучавшія на своихъ желѣзныхъ крючкахъ, будто цѣлый десятокъ испуганныхъ лошадей заметался и затопталъ по деревянному полу конюшни.

Щипачевъ грузно свалился въ темнотѣ на свою постель.

— Тьфу, дьяволятина! — выругался и плюнулъ онъ. — Этакъ, съ перепуга, можно схватить такое разстройство желудка, что не раздѣлаешься!..

Павелъ Андреевичъ ничего не сказалъ, только налилъ себѣ воды и сталъ пить ее, думая, что еще разъ онъ испыталъ такое ощущеніе, какъ будто бы смерть прошла мимо него и

посмотрѣла ему въ глаза. Опять пошли дни безъ особенныхъ греховъ или приключеній. И вотъ, раннимъ утромъ, часу въ седьмомъ, когда ворота были еще заперты, Павелъ Андреевичъ вышелъ изъ подвала на верхъ, видимо, страшно потрясенный. Губы у него были совсѣмъ бѣлыя, глаза какіе-то дикіе, руки грязлись.

— Конецъ!—сказалъ онъ обрывающимся голосомъ и легъ на постель, лицомъ въ подушку.

— Какъ конецъ? Почему конецъ? Что такое случилось?— поблѣднѣвъ и растерявшись, спрашивалъ Щипачевъ, заключившій по разстроенному виду товарища, что встрѣтилось какое нибудь неодолимое препятствіе и приходится бросить все дѣло.

— Такъ... конецъ,—отвѣчала Павелъ Андреевичъ, повернувъ къ нему лицо въ полъ-оборота.— Работа кончена. Остается голько поднять плиту и войти въ кладовую... да еще выйти изъ нея и отсюда, — прибавилъ онъ, очевидно, все еще не вѣря, что ему удастся выйти отсюда живымъ.

— Матушки-батюшки!—заголосилъ вдругъ не своимъ голосомъ Щипачевъ, радостно размахивая руками въ воздухъ и точно заключая весь міръ въ свои объятія.—Такъ что же ты вводишь товарища въ заблужденіе? Что ты говоришь такимъ голосомъ, будто тебя еще недѣлю назадъ повѣсили за ноги? Экъ тебя какъ разволновало всего! Вѣдь съ такими нервами на что ты теперь годенъ?

— Да я и самъ думаю, что никуда теперь не годенъ,— согласился Павелъ Андреевичъ.

Щипачевъ ушелъ на нѣсколько минутъ въ подвалъ, съ непривычки преобольно расшибъ себѣ голову о потолокъ подземнаго хода и воротился оттуда весь вымазанный въ глину, но радостный и сіяющій.

— Плиты! Плиты и балки! подтвердилъ онъ.— И какъ это ты говорилъ вчера, что еще не скоро...

— Да я и самъ не ожидалъ, что такъ скоро,—сказалъ Павелъ Андреевичъ.— Должно быть, или ходъ у меня пошелъ все выше да выше, или полъ кладовой оказался ниже, чѣмъ мнѣ казался... Когда я дорылся сегодня до наката, мнѣ подумалось, что это такъ какія нибудь, гнившія въ землѣ, доски и бревна... Совсѣмъ гнильѣ, которое можно было vorочать

ложкой, а не только что заступомъ. Ни пила, ни ломъ мнѣ такъ и не понадобились... А надъ этимъ гнильемъ и оказались плиты. Поди, переставь тамъ свертокъ на окнѣ изъ лѣваго угла въ правый,—прибавилъ онъ и подумалъ, что, по всей вѣроятности, и у Муравлева дрогнетъ сегодня сердце и затрясутся руки, когда онъ взглянетъ на этотъ свертокъ.

Заложивъ руки между головой и подушкой, Павелъ Андреевичъ неподвижно лежалъ на кровати и спрашивалъ: за сколько дней покажутся ему эти пятнадцать, шестнадцать часовъ, которые остаются до того времени, когда можно будетъ доканчивать дѣло? Опять ждать, опять безъ конца терзаться мучительными мыслями о томъ, что не напрасно ли продѣлана вся эта каторжная работа, не случилось ли чего нибудь съ Муравлевымъ, не захворалъ ли онъ, не ослѣпъ ли, прежде чѣмъ успѣлъ сдѣлать то, что хотѣлъ?!

Щипачевъ бродилъ изъ угла въ уголь, тоже не зная, за что теперь взятыя. Со скуки онъ разломалъ сундукъ, въ которомъ привезъ изъ Москвы вещи, и обломками его затопилъ плиту въ кухнѣ, а потомъ принялся прибирать и другія вещи, попадавшіяся ему на глаза. Однако, онъ скоро бросилъ это занятіе, разсудивъ, что—все равно—всѣхъ вещей не уничтожить и, къ тому же, на нихъ не написано, въ чьихъ рукахъ онѣ находились. Часовъ въ одиннадцать, онъ сходилъ въ „городъ“ и, воротившись обратно, сказалъ Павлу Андреевичу, что сегодня ночью отходятъ въ Н. два парохода: одинъ, легкій, въ двѣнадцать часовъ, а другой, товаро-пассажирскій, въ половинѣ третьяго.

— Или, можетъ быть, ты думаешь пойти отсюда прямо домой?—спросилъ онъ.—Хуже, голубчикъ. Завтра же заговорятъ о нашей механикѣ не только люди, а и лошади на извозничьихъ биржахъ. Положимъ, хладнокровному человѣку было бы очень интересно и весело послушать эти разговоры, но тебѣ, съ твоими нервами, это врядъ ли будетъ пріятно. Поѣдемъ лучше въ Н., къ Елей Елейчу въ пустыню. А то въ Москву... Поотдохнемъ, поуспокоимся...

Павелъ Андреевичъ молчалъ.

Около часу ночи, они вышли изъ банковской кладовой, оба блѣдные, тяжело дышавшіе, волнуемые одною и тою же мыслью, что неужели же теперь, въ самую послѣднюю минуту, какая нибудь несчастная случайность погубить ихъ?

— Вотъ и кладъ добыть,—съ блѣдною усмѣшкой сказалъ Щипачевъ.

Павель Андреевичъ началъ торопливо мыться и переодѣваться. Щипачевъ сѣлъ передъ зеркальцемъ и началъ сбривать свои бакены, бороду, даже усы.

— Вотъ и нѣтъ того прекраснаго молодаго человѣка, который показался сюда всего на нѣсколько дней,—сказалъ онъ, любуясь на себя въ зеркало.—И не будетъ! Всего только одинъ разъ въ жизни я запустилъ себѣ отъ скуки эти прелестныя бачки и никогда больше не буду ихъ носить.

Павель Андреевичъ, совсѣмъ готовый идти, со шляпой на головѣ, сидѣлъ на кровати и, стгорая отъ нетерпѣливаго желанія скорѣе вырваться отсюда, поджидалъ своего товарища.

— Не забылъ ли ты чего?—спросилъ Щипачевъ, тоже начавшій переодѣваться.

— Все равно,—глухимъ голосомъ отвѣчалъ Павель Андреевичъ.—У меня и такъ не было здѣсь ни одной нитки своей. Все было другое.

Наконецъ, они вышли за ворота. Щипачевъ заперъ калитку на замокъ, перебросилъ ключъ отъ него на дворъ, и оба пошли на пароходъ.

Н. Бажинъ.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЖИЗНИ.

III.

Гигіена.—Парижъ въ средніе вѣка ¹⁾).

Можно сказать, что гигиена,—это греческое слово,—стало употребительнымъ въ самое послѣднее время. По крайней мѣрѣ, гигиеническимъ условіямъ прежде не придавали никакого значенія, да и теперь далеко не всѣ обращаютъ должное вниманіе на чистоту воздуха, правильный образъ жизни и т. д.

Чистоплотностью западъ отчасти обязанъ востоку. Крестоносцы познакомились съ восточными банями и, возвратившись домой, начали устраивать у себя подобныя же. Къ концу XIII вѣка, въ Парижѣ насчитывали до 26 общественныхъ бань, гдѣ можно было париться и мыться. Каждое утро по городу ходили баньщики и кричали: «пожалуйте, господа, бани горячія». Баньщики составляли ремесленную корпорацію и въ ихъ уставѣ было сказано, что никто не имѣетъ права объявлять объ открытіи бань до восхода солнца; а то ктонибудь, соблазнившись, пойдетъ въ баню впотьмахъ и съ нимъ можетъ приключиться несчастіе. Слѣдовательно, ходить по улицамъ ночью было далеко не безопасно. Запрещалось пускать въ бани женщинъ сомнительнаго поведенія, прокаженныхъ обоюго пола, подозрительныхъ людей, ночныхъ бродягъ. Въ баняхъ можно было париться и брать ванну; за первое полагался франкъ, за ванну—два франка. Такъ было въ XIII вѣкѣ, черезъ сто лѣтъ плата увеличилась вдвое. Въ баняхъ завелся развратъ, отчасти потому, что туда ходили не только днемъ, но и вечеромъ. Поэтому, по уставу, паровыя бани должны были устраиваться отдѣльно для мужчинъ и отдѣльно для женщинъ, а то

¹⁾ А. *Franklin*: „La vie privée d'autrefois“.

«мужчины приходятъ съ вечера и остаются тамъ иногда до утра даже являются утромъ и входятъ по ошибкѣ въ комнаты женщинъ, и происходитъ много другихъ вещей, о которыхъ нехорошо говорить». Ванны дѣлались деревянныя; мы знаемъ, что даже королямъ ванны готовились столярами. Бани были закрыты по воскресеньямъ и праздникамъ. Въ домахъ знатныхъ людей были устроены паровыя бани и ванны, и съ римскихъ временъ велся обычай купаться передъ обѣдомъ. Дорогимъ гостямъ предлагали ванну, а потомъ уже садились за столъ; это считалось знакомъ особаго радушія и любезности. Въ сентябрѣ 1467 г. королева французская ужинала у Жана Дова, перваго президента парламента; ее принимали весьма торжественно и роскошно. Ей и ея придворнымъ дамамъ приготовили четыре роскошныя, богато убранныя ванны.

Въ началѣ новаго времени, общественныя бани были закрыты, потому что многія изъ нихъ обратились въ настоящіе вертепы разврата. Съ тѣхъ поръ, на западѣ исчезла привычка париться, сохранившаяся, какъ извѣстно, только въ Турціи, да у насъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтно пала чистоплотность, конечно, только временно. Во всякомъ случаѣ, въ XVI и XVII вѣкѣ самыя высокопоставленныя лица мало обращали вниманія на чистоту. Предестная и элегантная королева Маргарита Наварская говоритъ своему любовнику въ сочиненномъ ею любовномъ діалогѣ: «Посмотрите, какія у меня красивыя руки, а я не мыла ихъ цѣлую недѣлю».

Чтобы понять, въ какихъ условіяхъ жили городскіе жители въ средніе вѣка, посмотримъ, что представлялъ Парижъ до новаго времени. Древнее его имя—Лутеція. «Такъ называлась столица,—говоритъ одинъ хроникеръ,—потому что Лутеція значитъ грязный городъ или городъ, наполненный грязью». Если филологически это объясненіе и невѣрно, то фактически оно имѣетъ свое значеніе. Парижъ былъ, дѣйствительно, грязнымъ городомъ. До XII вѣка никто не заботился объ ассенизаціи столицы. Иногда издавались распоряженія объ общественной гигиенѣ и содержаніи улицъ, но они оставались мертвой буквой; никто не считалъ нужнымъ исполнять ихъ. Надо имѣть достаточную долю воображенія, чтобы наглядно представить себѣ парижскія улицы въ средніе вѣка. Мотовыхъ не было, неровная грязная почва была покрыта мусоромъ и навозомъ. Не было никакого приспособленія для стока нечистотъ, и такъ какъ все выливали за окно, то на улицѣ стояли постоянно лужи, издававшія невѣроятное зловоніе. Эта земля, опитанная смрадными отложеніями, потомъ издавала густыя и вредныя испаренія, которыми дышали городскіе жители. Тѣснота и плохое устройство еще ухудшала и безъ того незавидныя санитарныя

условія; улицы были такъ узки, что знакомые, жившіе другъ противъ друга, могли спокойно разговаривать, облокотившись на окно. Гуси, кролики, утки, свиньи бродили вокругъ навозныхъ кучъ и зловонныхъ лужъ, и то и дѣло попадались подъ ноги прохожимъ. Среди массы дурно построенныхъ лачугъ, не имѣвшихъ ни достаточнаго притока воздуха, ни довольно свѣта, кое-гдѣ возвышались красивыя церкви и солидные, удобные особняки. Въ большинствѣ квартиръ, главнымъ украшеніемъ комнаты служила кровать; остальная меблировка состояла изъ сундука, стола, скамейки. Была, конечно, и печка, иногда общая для нѣсколькихъ семействъ, которая обыкновенно затопливалась только во время обѣда и ужина.

Врачъ короля Филиппа-Августа рассказываетъ, что въ 1185 г. онъ однажды подошелъ къ окну въ своемъ дворцѣ. Въ это время, по невозможной грязи проѣзжало много телѣгъ; король почувствовалъ себѣ дурно отъ испареній, поднимавшихся съ улицы. Онъ тотчасъ же созвалъ представителей города и приказалъ имъ вымостить всѣ парижскія улицы. Работа должна была производиться на счетъ города. Дѣйствительно, приступили къ работѣ и четыре главныя улицы выложили большими плитами, длиною и шириною въ 3—4 фута, а толщиною въ футъ. Лѣтъ 50 тому назадъ, еще находили подъ землей остатки этой старинной мостовой. Въ то же время была учреждена особенная должность уличнаго смотрителя. Онъ получилъ разныя привилегіи и права надъ городскими жителями. По праву или безъ права, неизвѣстно, но только эти чиновники обкладывали въ свою пользу преимущественно мелкихъ торговцевъ. Въ рождественскій канунъ, всякій торгующій соломой долженъ былъ принести уличному смотрителю извѣстное количество соломы, а торгующій свѣчами—пару свѣчей. 31 декабря сырники несли ему по сыру; въ крещенскій сочельникъ пирожники приносили по пирогу съ бобами, а шляпочники по двѣ или по три шляпы и по вѣнку изъ цвѣтовъ. Каждую недѣлю онъ требовалъ отъ мелкихъ торговцевъ по двѣ иголки; разъ въ годъ сапожники обязаны были дать по парѣ сапогъ, а торговавшіе живностью и птицами—по жареной птицѣ. Дуэлисты вносили этому надзирателю извѣстную плату за мѣсто, которое выбирали для дуэли. Въ его кассу поступало немало денегъ, потому что безъ его разрѣшенія нельзя было начать постройку новой улицы или измѣнить направленіе старой, ставить лотки для продажи товара, предпринимать какую бы то ни было строительную работу въ городѣ.

Изъ этого однако не слѣдуетъ, что Парижъ сталъ благоустроеннымъ городомъ. Дѣлались разныя распоряженія болѣе или менѣе разумныя, но они рѣдко приводились въ исполненіе, потому что

жители еще не сознавали, что чистота нужна для ихъ собственной пользы, а не для полиціи. Въ 1348 году, по мысли тогдашняго уличнаго надзирателя, король издалъ указъ, которымъ повелѣвалось городскимъ обывателямъ чистить улицы и въ первый разъ былъ положенъ штрафъ за нарушеніе этого постановленія. Парижане все еще пасли свиней на улицахъ, и этотъ указъ вновь запрещаетъ обращать улпцы въ пастбища и даже подъ страхомъ штрафа запрещаетъ держать у себя этихъ животныхъ. Полиціи было приказано убивать свиней, прогуливающихся по улицамъ; голову полицейскіе могли оставлять себѣ, а остальную часть должны были относить въ больницы. Обыватели обязаны были мести улицу каждый предъ своей дверью и сносить нечистоты и соръ въ особенныя, предназначенныя на то, мѣста. Запрещено было мести во время дождя, чтобы не мѣшать водѣ свободно стекать. Всякій, предпринимавшій какую нибудь постройку, долженъ былъ принять мѣры къ быстрой очисткѣ улицъ отъ камня и мусора.

Всѣ эти предписанія однако не исполнялись и чрезъ два года они былъ буквально повторены въ новомъ королевскомъ указѣ. Впрочемъ, въ это время заводятся кое-гдѣ выгребныя ямы, конечно, только въ богатыхъ домахъ, и появляются специалисты по ихъ очисткѣ. Этихъ специалистовъ, какъ людей очень полезныхъ, королевская власть беретъ подъ свое покровительство и налагаетъ штрафъ на тѣхъ, кто будетъ ругаться надъ ихъ ремесломъ. Парижане относились крайне легкомысленно къ гигиенѣ, не смотря на то, что нерѣдко жестоко платились за свое легкомысліе. Проказа, давно не существующая на западѣ, тогда не переводилась въ Парижѣ, и двухъ пріютовъ для прокаженныхъ не хватало на всѣхъ, кого бы слѣдовало туда помѣстить. Хотя причины проказы остаются до сихъ поръ неизвѣстными, но изъ наблюдений, сдѣланныхъ на востокѣ,—гдѣ она свирѣпствуетъ до сихъ поръ,—видно, что эта страшная болѣзнь распространяется исключительно въ бѣдномъ классѣ населенія, при грязной обстановкѣ и отсутствіи первѣйшихъ санитарныхъ условий. Еще хуже была чума, разразившаяся надъ Парижемъ въ 1348 г. и свирѣпствовавшая полтора года. Эта эпидемія точно также уносила преимущественно бѣдняковъ. «Кто плохо питался,—разсказываетъ современникъ врачъ Кувенъ,—падалъ пораженнымъ при первомъ прикосновеніи болѣзни, но злой рокъ пощадилъ князей и рыцарей». Какой ужасъ наводила чума, видно изъ словъ того же врача: «Когда она появляется въ какомъ нибудь домѣ, спасается не болѣе одного человѣка. Заразительность ея такова, что одинъ можетъ заразить весь міръ. Легкаго соприкосновенія, даже дыханія, достаточно, чтобы пере-

дать болѣзнь». Одинъ хирургъ того времени увѣрялъ даже, что можно заразиться отъ одного взгляда больного: «Эпидемія была такова,—говорить онъ,—что не только при сожительствѣ, но даже при взглядѣ другаго, больной передавалъ ему болѣзнь, такъ что служители бросали господъ, и священники отказывались хоронить мертвыхъ. Отецъ не посѣщалъ сына, а сынъ отца; челоуѣколюбія не существовало. Болѣзнь эта не была прибыльна, а только позорна для врачей, потому что они не рѣшались посѣщать больныхъ, боясь заразиться. А тѣ смѣльчаки, которые ходили къ больнымъ, ничего не могли подѣлать и денегъ не получали, потому что всѣ ихъ паціенты умирали». Въ виду этого общественнаго бѣдствія, король созвалъ медицинскій факультетъ и просилъ у нихъ совѣта. Свѣтила науки, конечно, не изобрѣли никакого средства противъ чумы, потому что и теперь его не нашлось бы, а причину явленія эпидеміи объяснили взаимнымъ положеніемъ, въ которомъ тогда находились планеты Марсъ и Юпитеръ. Неизвѣстно, сколько жертвъ сразилъ этотъ страшный бичъ. Показаніямъ современниковъ нельзя вполне довѣрять, потому, что они разнорѣчивы и преувеличенны. Одни увѣряютъ, что умерла третья часть населенія, другіе—что половина, третьи—три четверти, четвертые—даже девять десятыхъ; говорятъ, что въ день умирало по 500 и даже по 800 челоуѣкъ. Чумой былъ вызванъ помянутый королевскій указъ 1350 г. На первое время кое-какъ исполняли санитарныя предписанія, но скоро объ эпидеміи забыли и мы видимъ, что черезъ 6, а затѣмъ черезъ 25 лѣтъ повторяются тѣ же приказанія: явный признакъ, что законъ оставался на бумагѣ. Подъ влияніемъ страха, вызваннаго чумою, нѣсколько обывателей сообща нанимали телегу для вывоза за городъ накопывшагося вокругъ нихъ мусора. Но скоро нашли, что это операція слишкомъ сложная, и ограничились тѣмъ, что ночью несли всѣ отбросы на ближайшую площадь. Такимъ образомъ, въ одинъ прекрасный день площадь Моберъ, гдѣ находился одинъ рынокъ, стала непроходимой, и товары, тамъ выставявшіеся, отдавали зловоніемъ. Пришлось королю очистить площадь на свой счетъ.

Не смотря на заботы правительства, Парижъ не приходилъ въ порядокъ. Въ королевскомъ указѣ 1388 г. читаемъ: «Улицы пришли въ такой видъ, что во многихъ мѣстахъ нельзя безъ серьезной опасности ни ѣздить верхомъ, ни въ экипажѣ. При входѣ въ городскія ворота, дороги до того скверны, что по нимъ почти невозможно привозить въ столицу припасы. Городъ до такой степени грязенъ и наполненъ мусоромъ и нечистотами, которыя всѣ выбрасываются прямо на улицу, что на это противно смотрѣть

всякому порядочному челорѣку. Эта грязь вызывала и вызываетъ равныя болѣзни и усиленную смертность». Поэтому король требуетъ, чтобы всѣ домовладѣльцы, не исключая привилегированныхъ лицъ и духовенства, убирали передъ своими домами всякій мусоръ и нечистоты, и чинили улицы. Этотъ указъ былъ подтвержденъ еще три раза въ теченіе XIV вѣка, но, кажется, не произвелъ большаго впечатлѣнія. Городскіе обыватели жаловались, что мусорщики берутъ слишкомъ дорого за свозку нечистотъ, и король установилъ таксу, пропорціональную разстоянію отъ каждаго дома до мѣста, куда все это свозилось. Въ 1399 г. король еще разъ напомнилъ, что ни принцы крови, ни высшія духовныя лица не могутъ быть освобождены отъ очистки улицъ. Тогда парижане начали мести передъ своими домами, но невозможно было заставить ихъ вывозить нечистоты. Продолжали складывать отбросы на площадяхъ или бросать въ рѣку. Сена пришла въ невозможный видъ, и король пригрозилъ домовладѣльцамъ по набережнымъ, что на ихъ счетъ будетъ чистить рѣку. «Сена—говорится въ указѣ 1404 г.—до такой степени наполнена грязью, мусоромъ, нечистотами, гниющими веществами, что не только отвратительно на нее смотрѣть, но и какому-то чуду надо приписать, что люди, черпающіе изъ такой рѣки воду для питья и кушанья, не умираютъ отъ тысячи разныхъ болѣзней». Въ теченіе всего XV вѣка, полиція постоянно издавала приказы для оздоровленія города, но не могла побѣдить упрямства жителей.

Не удивительно, что смертность была очень значительна въ Парижѣ и разныя эпидеміи распространялись очень часто. Въ 1399 г., въ теченіе пяти мѣсяцевъ, вторично свирѣпствовала чума. Въ 1414 г. коклюшъ принялъ такіе размѣры, что на цѣлый мѣсяць парламентъ прервалъ свои засѣданія. Черезъ четыре года распространилась опять какая-то эпидемія, до того сильная, что въ теченіе пяти недѣль, по однимъ свѣдѣніямъ, умерло 30 тысячъ челорѣкъ, по другимъ—80 тысячъ. Въ 1427 г. появилась опять какая-то заразная болѣзнь, сказавшаяся въ неимоверномъ кашлѣ; въ церкви отъ всеобщаго кашля нельзя было слушать проповѣди. Въ 1433 г. хроникеры опять говорятъ объ эпидеміи, которую сравниваютъ съ чумою. Въ 1438 г. оспа унесла 50 тысячъ жителей; она повторилась черезъ 7 лѣтъ и отъ нея умерло 6 тысячъ парижанъ. Въ 1450 г. опять разразилась чума; паническій страхъ дошелъ до того, что при малѣйшихъ признакахъ болѣзни надѣвали на себя саванъ и черезъ нѣсколько часовъ умирали въ страшныхъ мученіяхъ. Въ 1466 г. свирѣпствовала эпидемія, унесшая 40 тысячъ.

Какъ видно, въ средневѣковомъ Парижѣ, каждый на своемъ вѣку могъ увидѣть по четыре, по пяти грозныхъ эпидемическихъ болѣзней.

Въ видѣ исключенія, въ нѣкоторыхъ замкахъ и богатыхъ монастыряхъ встрѣчались помойныя ямы. Но это было рѣдкимъ исключеніемъ; общее правило гласило: бросай за окно все, чего тебѣ не надо. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до XVII вѣка, когда въ первый разъ были проведены водосточныя трубы и мало по малу устроены были помойныя ямы и нечистоты увозились за городъ. Несомнѣнно, что Парижъ былъ городомъ вреднымъ для здоровья, какъ и всѣ города въ средніе вѣка.

П. Безобразовъ.

(Окончаніе будетъ).

ПѢСНЬ РУСАЛОКЪ.

«Лишь мѣсяцъ взойдетъ надъ лазурной рѣкой,
Лишь яркія звѣзды зажгутся,
Волнѣ лишь лобзанье дастъ вѣтеръ ночной
И водамъ цвѣты улыбнутся,

Мы всѣ поднимаемся съ темнаго дна,
И въ вѣжныхъ одеждахъ ээира
Несетъ насъ на верхъ голубая волна,
На верхъ изъ подводнаго міра.

И вотъ, при мерцаньѣ высокихъ небесъ,
Плывемъ мы по глади зеркальной...
Глядитъ—и смѣется намъ сумрачный лѣсъ,
Забывъ онъ о думѣ печальной!

И вѣтеръ затихъ, и не дрогнетъ волна:
Все смотритъ на насъ въ восхищеньѣ,
И чары всеильнаго тихаго сна
Страхнулъ съ себя міръ въ упоеньѣ...

Но вотъ розовѣетъ неясно востокъ,
Клубится туманъ предразсвѣтный,—
То блестящій день ужъ отъ насъ недалекъ...
Пора намъ въ чертогъ самоцвѣтнѣ!..

П. Головинъ.

„ЗА ИДЕЮ“.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО).

П. Лътнева.

Я думаю, въ Венеціи еще не забыли донну Антонію д'Эврѣ де-ла-Фурньеръ. Она была изъ тѣхъ, кого нельзя забыть, и стоило увидѣть ее разъ, чтобъ ея образъ врѣзался навсегда въ памяти. Она была аристократка до конца ногтей, аристократка по своей граціи и изяществу, по совершенству маленькихъ ручекъ и художественной простотѣ одежды. Высокая, гибкая, нѣсколько худощавая, она походила на одну изъ великолѣпныхъ лилій, украшавшихъ гербъ ла-Фурньеровъ. Въ Венеціи, куда ее послали поправить больныя легкія, у нея не было никого знакомыхъ, кромѣ двухъ или трехъ синьоровъ изъ аристократіи, которые раскланивались съ ней, когда она проходила по вечерамъ въ Піаццо, опираясь на руку отца. Затѣмъ ее видали въ церкви. Она была очень набожна. Не смотря на неизлѣчимую грудную болѣзнь, она простаивала цѣлые часы на колѣняхъ на мраморномъ полу, съ опущенной головой и сложенными руками. И когда солнечный лучъ падалъ на нее изъ окна, она походила на святую въ экстазѣ, окруженную золотистымъ ореоломъ.

Вокругъ молодые венеціанцы, какъ богатые, такъ и бѣдные, заглядывались на это живое художественное произведение, будто спустившееся со стѣнъ храма. Антонія была также холодна, какъ эти мраморныя изваянія; она, казалось, всегда парила въ высотѣ и, повидимому, не замѣчала возбуждаемаго ею восторга. Ею восхищались во всѣхъ слояхъ

общества, даже финансисты и банкиры, къ которымъ она не скрывала своего презрѣнія.

Поэтому, а также и потому, что ей было только двадцать лѣтъ, большое уныніе распространилось въ венеціанскихъ салонахъ, когда узнали, что маркиза де-ла-Фурньеръ, прибывшая въ Венецію лѣчиться отъ чахотки, должна была покончить здѣсь свою молодую цвѣтущую жизнь. Она промелькнула быстро, какъ поэтическое видѣніе, по ясной поверхности водъ, и многіе еще вспоминаютъ о ней, какъ о бѣлоснѣжной лиліи, привидѣвшейся имъ во снѣ.

Былъ дождливый сѣренькій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые особенно невыносимы въ Венеціи, какъ бы созданной для блеска и дивной гармоніи цвѣтовъ. И въ такой-то день, въ одной изъ комнатъ отеля Монако, умирала во всѣмъ цвѣтѣ юности донна Антонія д'Эврѣ, маркиза де-ла-Фурньеръ.

Дверь, обитая сукномъ, глухо затворилась за старымъ маркизомъ и докторомъ. Маркизь быстро обернулся къ доктору и тихо, съ тоскою, спросилъ:—Ну, что же?

Докторъ опустилъ голову. Наступило глубокое, короткое молчаніе въ обширной залѣ, уже наполнявшейся мракомъ сумерокъ. Маркизь, блѣдный, измученный, превышалъ доктора цѣлой головой, — бѣлой, суровой старческой головой. Докторъ—молодой симпатичный блондинъ,—весь задрожалъ подвѣздомъ этого обезумѣвшаго отъ горя отца:—онъ, присутствовавшій при смерти столькихъ людей, не могъ выговорить ни слова. Старикъ началъ первый, измѣнившимся голосомъ:

— Скажите, докторъ, неужели нельзя ничего сдѣлать?.. Подумайте, вѣдь она одна только у меня... Что я буду дѣлать безъ Антоніи? Спасите ее, придумайте что нибудь...

Казалось, старикъ молилъ о спасеніи своей дочери отъ какого нибудь могущественнаго, непреклоннаго тирана, и дрожащій, полный мольбы голосъ его какъ-то тоскливо раздавался въ обширной, уже стемнѣвшей, залѣ. Докторъ Германи упалъ на стулъ, какъ бы не въ состояніи держаться на ногахъ.

Маркизь продолжалъ: — Послушайте, если вы знаете какое нибудь средство спасти ее, просите у меня, чего хотите; я, маркизь де-ла-Фурньеръ, даю вамъ честное слово, что все исполню. Я предлагаю вамъ двадцать тысячъ франковъ, сто тысячъ...

Онъ остановился, пораженный суровымъ, полнымъ упрека, взглядомъ доктора, и затѣмъ снова началъ съ возрастающимъ раздраженіемъ:

— Я не вѣрю тому, что вы говорите. Вы не понимаете болѣзни Антоніи. Притомъ, эта жизнь въ гостинницѣ... Я уйду, я увезу ее въ мой замокъ Каннь... Мы уйдемъ послѣ завтра.

— Что вы сказали? — вскричалъ съ порывомъ молодой человекъ.

— То, что рѣшился сдѣлать, — отвѣчалъ маркизь.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! — сказалъ докторъ внезапно смягченнымъ тономъ: — Повѣрьте, маркизь, если дочь ваша страдаетъ теперь, она будетъ страдать еще болѣе, уѣхавши. Для больнаго сердца нужно другое лѣкарствo и можетъ быть...

Онъ глухо пробормоталъ послѣднія слова; маркизь поднялъ голову, и въ темнотѣ какъ бы пронизывалъ доктора своимъ взглядомъ.

— Такъ любовь? Вы хотите сказать, что тутъ замѣшана любовь? но къ кому же? Антонія никого не знаетъ въ Венеціи, ни съ кѣмъ не разговариваетъ...

А онъ, докторъ, развѣ не человекъ? онъ, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ каждый день разговаривавшій съ Антоніей, онъ, готовый отдать за нее жизнь, развѣ онъ не могъ быть любимъ? Маркизь, между тѣмъ, напрасно искалъ между знатными синьорами, кого бы могла полюбить его дочь, урожденная д'Эврѣ, и не находилъ.

— Знаете вы, докторъ, кто этотъ человекъ? — внезапно спросилъ онъ.

— Знаю, — чуть слышно прошепталъ докторъ.

— Кто же?

— Я! — медленно произнесъ Германи, поднимая голову.

Маркизь отступилъ, какъ будто получилъ пощечину. Онъ хотѣлъ броситься на доктора, но удержался.

— Уходите!—вскричалъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва:—вы моему домѣ, и я не могу отплатить вамъ за оскорбленіе. Молодой человѣкъ вздрогнулъ, но не двинулся съ мѣста.

— Я вамъ сказалъ правду,—проговорилъ онъ, скрестивъ руки на груди.

Старикъ поглядѣлъ на него, какъ безумный.

— Этого не можетъ быть. Еслибъ Антонія любила васъ, я бы видѣлъ это.

— Она меня любить!—повторилъ докторъ, съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ произнося эти слова. — Вы не могли видѣть этого; только я, я одинъ чувствовалъ, какъ ускоренно бился ея пульсъ, когда я бралъ ее за руку, или когда, приложивъ ухо къ ея груди, прислушивался къ учащенному біенію ея сердца.

— Вы лжете!—вскричалъ маркизь, не въ состояніи долѣе сдерживаться. — Вы хотите воспользоваться поставленнымъ мною условіемъ. Вонъ изъ моего дома!

— Тихе!—сказалъ докторъ, съ мольбой сложивъ руки. — Ради бога, тихе!.. Чтобъ она не услышала..

Маркизь замолчалъ, задыхаясь отъ горя и гнѣва. А тамъ, внизу зажглись огни, и серебристый свѣтъ мѣсяца, проникнувъ въ окна, отразился на полу. Вдали, какъ тихая жалоба, слышалось однообразное журчаніе воды. Маркизь началъ гнѣвно и высококомѣрно:

— Если вы честный человѣкъ, ваша обязанность—уѣхать.

— Это бесполезно, такъ какъ она меня любить, — отвѣчалъ Германи, тономъ смиреннаго извиненія.

— Чего же вы хотите?—спросилъ маркизь.

— Ничего не хочу; хочу, чтобъ она была спокойна и не жуерла.

Умереть! Это ужасное слово зловѣще прозвучало въ полумракѣ комнаты. Можно ли спорить и разсуждать, когда въ двухъ шагахъ умираетъ прелестное юное созданіе. Но точно ли правда, что Антонія умираетъ, когда все вокругъ такъ мирно и спокойно, и вода журчитъ такъ сладко?

Оба молчали, не смѣя смотрѣть другъ на друга. Наконецъ, старикъ не могъ болѣе сдерживаться и заплакалъ глухое, подавленное рыданіе раздалось въ темнотѣ. Германи съ минуту постоялъ неподвижно, закрывъ лицо руками, за-

тѣмъ медленно удалился и исчезъ, какъ тѣнь, въ темномъ коридорѣ.

Когда, черезъ десять минутъ послѣ того, старикъ вошелъ въ комнату Антоніи, онъ нашелъ ее не въ постели, а на диванѣ; она, казалось, спала. Два большіе канделябра, стоявшіе предъ зеркаломъ, освѣщали маленькую изящную комнату, всю обитую голубымъ атласомъ, теплую и уютную, какъ футляръ для брилліантовъ. При шумѣ отворившейся двери, она открыла глаза и подняла голову.

— Что за идея, Антонія? зачѣмъ ты встала? — сказалъ маркизь съ ласковымъ упрекомъ.

Она подняла на него свои черные глаза, казавшіеся на ей исхудавшемъ лицѣ больше и глубже, чѣмъ когда нибудь.

— Я не хотѣла умереть въ постели, — отвѣчала она страннымъ звенящимъ голосомъ, свойственнымъ чахоточнымъ.

— Ахъ, Антонія, какъ можешь ты такъ говорить!..

Въ голосѣ старика слышалось такое глубокое горе, что глаза молодой дѣвушки наполнились слезами.

— Я думала, что вамъ уже сказалъ докторъ, — возразила, она, какъ бы желая смягчить свои первыя жесткія слова: — Развѣ онъ вамъ не сказалъ?

Онъ уклонился отъ прямого отвѣта:

— Я не вѣрю такой ужасной вещи, моя дорогая.

Она снова взглянула на него такимъ унылымъ, безнадежнымъ взглядомъ, что его охватило отчаяніе. Вдругъ онъ вспомнилъ то, о чемъ говорилъ ему докторъ. Это было, конечно, безуміе, но, можетъ быть, тутъ крылась и надежда; онъ, какъ утопающій, хватался за соломенку. Наклонившись къ дочери и взявъ ее за руку, онъ съ живостью сказалъ: — Послушай, Антонія, скажи мнѣ правду, скажи мнѣ все.

Она поблѣднѣла, но отвѣчала спокойно: — Хорошо, отецъ.

— Послушай, Германи сказалъ мнѣ, что ты его любишь. Правда ли это? Хочешь ли ты быть его женой?

— Нѣтъ, отецъ, не хочу.

Она произнесла эти слова такъ равнодушно, что старикъ встрепенулся, успокоенный, и въ то же время пораженный въ самое сердце.

— Такъ онъ солгалъ?

— О нѣтъ, нѣтъ, не говорите этого! Германи не могъ солгать.

Больная оживилась при этихъ словахъ; легкая краска вступила ей въ лицо, глаза лихорадочно заблестали.

— Но, въ такомъ случаѣ...—началь онъ, и вдругъ какъ бы спохватился, — Такъ это изъ-за меня? Ты боишься огорчить меня? Не бойся, моя дорогая... Я прежде всего хочу твоего счастья. Что за нужда, что онъ плебей, если ты его любишь!

Онъ былъ такъ великъ въ своей отцовской любви,—принося ей въ жертву всё свои убѣжденія, все, чѣмъ жилъ до сихъ поръ,—что молодая дѣвушка порывисто поцѣловала его руку. Затѣмъ, снова приподнявъ свою бѣлокурую головку, спокойно проговорила:—Нѣтъ, отецъ, я не хочу!

— Почему же?—настаивалъ старикъ.

— Потому что онъ плебей, а я урожденная д'Эврѣ,—отвѣчала она сухо и отрывисто. Все лицо ея какъ бы окаменѣло въ своей мраморной блѣдности, между тѣмъ какъ въ глазахъ сверкало пламя страсти и гордости. Маркизь опустилъ голову, безутѣшно плача. Чтò отвѣчать этому ребенку, который въ сущности былъ правъ съ своей точки зрѣнія? Но, при первомъ припадкѣ кашля Антоніи, все исчезло для старика передъ ужасною, неумолимою дѣйствительностью.

— Нѣтъ, Антонія, не говори такъ!—вскричалъ онъ, взявъ ее за руку:—вѣдь ты умираешь изъ-за этого...

— Что жъ такое?—холодно возразила молодая дѣвушка.

— Ну, видишь ли, мы были неправы, я сознаюсь въ томъ... Все это предрасудки, фальшивыя идеи. Мы всё братья, всё равны...

Онъ бормоталъ и, рыдая, прижималъ дочь къ груди, покрывая поцѣлуями ея бѣлокурую головку. Антонія спокойно принимала его ласки. Но, когда порывъ его горя нѣсколько унялся и онъ выпустилъ ее, а самъ, плача, упалъ на стулъ, дѣвушка приподнялась на локтѣ и, пристально глядя на него, сказала:—Вы знаете, что говорится неправду. Не этому вы и моя мать учили меня...

— Но я тогда не зналъ...

— „Мы не должны подчинять идею обстоятельствамъ“, учили вы меня...

— Я ошибался...

— А развѣ вы не готовы и теперь умереть за честь вашего имени?

— Я, — это другое дѣло. Но вѣдь тебѣ двадцать лѣтъ!

Крикъ старика, въ которомъ отцовскій инстинктъ заглушалъ гордость, не сломилъ молодую дѣвушку. Северинѣ д'Эврѣ не было еще и двадцати лѣтъ, когда она предпочла смерть вѣроломному возгласу: „Да здравствуетъ республика!“ Онъ молчалъ, слабо всхлипывая. Она, какъ бы прося у него прощенія, продолжала съ кротостью: — Дѣло идетъ о чести, нашего имени. Въ жилахъ моихъ течетъ благородная кровь ла-Фурньеръ, и я не хочу мѣшать ее съ плебейской кровью. Что жъ такое, что я люблю этого человѣка? Пусть такъ. Онъ хорошъ, онъ умень... Что жъ? въ этомъ есть что-то роковое, но я не хочу остаться побѣжденной.

Она на минуту приподнялась, откинувъ назадъ бѣлокурые волосы; ея лицо сіяло восторженной гордостью.

— Мой палачъ—я сама!—сказала она, ударяя себя въ грудь маленькой худой ручкой. — Сердце мнѣ говоритъ: или быть его женою, или умереть! Я давно уже сдѣлала выборъ. Еслибъ я вышла за него, можетъ быть, я могла бы еще жить; но я не хочу жизни такой цѣной. Кто не можетъ побѣждать, тотъ долженъ умѣть умирать!

Она упала на диванъ въ припадкѣ сильнѣйшаго кашля, съ лицомъ мертвенно блѣднымъ. Отецъ бросился къ ней, обезумѣвъ отъ ужаса.

— Антонія! Антонія!

Она открыла на минуту глаза и устремила на него глубокой взглядъ.

— Надо умѣть умирать,—повторила она медленно, непоколебимо, какъ бы подписывая свой смертный приговоръ, и опустила голову на подушку.

Четыре часа спустя, подъ тихій, однообразный шумъ дождя, умерла маркиза Антонія де-ла-Фурньеръ, урожденная д'Эврѣ.

ТАЛМУДЪ ВАВИЛОНСКІЙ.

(Этюдъ).

III.

Нашимъ читателямъ уже извѣстно дѣленіе настольной канонической книги евреевъ—«Вавилонскаго Талмуда»—на шестьдесятъ масехтотовъ или трактатовъ. Имѣется еще у евреевъ настольная, но не каноническая книга, называемая «Шулханъ-Арухъ», есть «Накрытый столъ», о которой мы поговоримъ въ другой разъ, а теперь обратимъ все наше вниманіе на Талмудъ. Чтобы яснить передъ христіанскими читателями всю суть талмудической мудрости, на которой твердо стоитъ весь «орденъ евреевъ», мы придемъ изреченія—или тексты—по рубрикамъ, подъ которыми соберемъ однородныя мысли, разсѣянныя по всему Талмуду съ величайшею обдуманностью и послѣдовательностью. Въ переводѣ этихъ реченій мы слѣдуемъ переводу д-ра Юстуса въ «Judenspiegel» (Raborn, 1883) и Горэ О'Тума въ «L'esprit juif» (Tulle, 1888); прикль въ скобкахъ будутъ указаны трактаты, изъ которыхъ заимованъ текстъ.

Значеніе Талмуда по самому Талмуду.

Талмудъ созданъ раньше, чѣмъ вселенная (XIV Песахимъ, 54). Еслибы Талмудъ не существовалъ, то небеса и земля не могли продолжать своего бытія (XIV Песахимъ, 68).

Господь изучаетъ въ небесахъ Талмудъ, стоя на ногахъ: такъ иже его уваженіе къ этой книгѣ (XXI Мегилла, 21 а).

Когда является недостатокъ въ дождяхъ, то это потому, что не изучаютъ Талмудъ (XX Таанить, 2 а).

Рабба Іозефъ побывалъ однажды въ небесахъ; на вопросъ о

томъ, что онъ тамъ слышалъ, онъ отвѣчалъ: «Тамъ возглашаютъ: счастливъ тотъ, кто изучилъ Талмудъ, слѣдовалъ Талмуду и явился сюда съ Талмудомъ» (XXXIII Баба-Батра, 10 в).

Евреевъ, скончавшихся въ молодыхъ годахъ, Господь лично обучаетъ въ небесахъ Талмуду. Когда онъ окончитъ это дѣло, то садится на птицу и обтекаетъ восемнадцать тысячъ міровъ (XXXVIII Абода-Зара, 3 в).

Въ день страшнаго суда тѣ, которые не учились по Талмуду, подвергнутся наказанію (XXXIV Сангедринъ, 7 а).

Кто ничему не выучится по Талмуду, тотъ не воскреснетъ въ послѣдній день міра (XXV Кетуботъ).

Домъ, въ которомъ по вечерамъ не учатся Талмуду, будетъ непременно разрушенъ (XXXIV Сангедринъ, 92 а).

Рабба Эліезеръ сказалъ: «Кто забылъ что нибудь изъ Талмуда, является виновнымъ, если его дѣти попадутъ въ тюрьму» (XVI Јома, 38 в).

Кто долго молится, можетъ получить болѣзнь сердца; поэтому гораздо лучше изучать Талмудъ (I Берахотъ, 32 в).

Когда Моше (Моисей) прибылъ на небо, то услышалъ чтеніе Талмуда, но не могъ ничего понять. Отъ огорченія онъ впалъ въ разслабленіе, такъ что Господь долженъ былъ поспѣшить къ нему на помощь (XLIII Менахотъ, 29 в).

Тотъ, кто изучаетъ Талмудъ, совершаетъ большее, чѣмъ если бы спасъ челоуѣка отъ смерти, еслибы участвовалъ въ построеніи храма, еслибы почиталъ отца и мать (XXI Мегилла, 16 а).

Еврей, изучающій Талмудъ, настолько святъ, что тотъ, который заставляетъ его служить себѣ, долженъ немедленно умереть (XXI Мегилла, 28 в).

Одинъ рабба сказалъ: «Остерегайся, сынъ мой, и помни, что необходимо слѣдовать Талмуду, скорѣе, чѣмъ Бераитоту (Библию) потому что въ Бераитотъ помпщены многіе законы, которые можно оставить безъ вниманія и не подвергнуться за это осужденію къ смерти; если же кто нарушитъ одну букву въ Талмудъ тотъ немедленно умретъ». Рабба Паппа добавилъ: «Кто посягаетъ надъ однимъ словомъ Талмуда, тотъ будетъ кипѣть въ котлѣ, на полномъ изверженіями» (XIII Эрубинъ, 21 а).

Изученіе Бераитота даетъ награду, но очень ничтожную; изученіе Мишны даетъ уже барышъ, но не очень значительный; что касается Талмуда, то въ изученіи этой книги заключается такъ вознагражденіе, какого не въ состояніи доставить никакое другое изученіе или занятіе (XXXII Баба-Меція, 33 а).

Кто не изучаетъ Талмуда, не имѣетъ права вкушать коровьяго мяса (XIV Песахимъ, 23 в).

Кто не изучаетъ вовсе Талмуда, того можно пронзить насквозь и разорвать, какъ рыбу. По этому поводу рабба Элизеръ сказалъ: «*Еслибы мы не нуждались въ нихъ* (т. е. въ лицахъ, не изучающихъ Талмуда) *для торговли, то давно бы умертвили всѣхъ*» (XIV Песахимъ, 22 в).

Еврей, бросившій изучать Талмудъ, обязанъ будетъ на томъ свѣтѣ ѣсть раскаленные уголья утромъ, въ полдень и вечеромъ (XXIII Хагила, 12 в).

Послѣдствія изученія Талмуда.

Кто усиленно изучаетъ Талмудъ, у того вьются волосы (XXVIII Назиръ, 3 а).

Кто изучаетъ Талмудъ, тотъ дѣлается *обманщикомъ* (XXIX Сота, 21 в).

Рабба Исмаэль говоритъ: «Еврей, изучающій Талмудъ, въ денежномъ отношеніи дѣлается несомнѣнно богатымъ» (XXXIII Баба-Батра, 175 в).

Рабба Элизеръ говоритъ: «Кто остороженъ (или лукавъ), долженъ непременно разбогатѣть; поэтому *сожалѣть глупаго составляетъ грѣхъ*» (XXXIV Сангедринъ, 92 а).

Едва Иаковъ позналъ Рахиль, какъ она сказала ему: «Меня очень огорчаетъ, что врядь ли ты сойдешься съ моимъ отцомъ, такъ какъ онъ страшный плутъ!» Иаковъ отвѣтилъ: «Будь спокойна, въ этомъ случаѣ на плута будетъ полтора плута!» (XXXIII Баба-Батра, 123 а).

Рабба Батанъ говоритъ: «*Надо считать добрымъ дѣломъ, если кто солжетъ изъ любви къ спокойствію.* Братя Іосифа солгали, пророкъ Самуилъ солгалъ и самъ Господь солгалъ» (XXIV Лебамотъ, 65 в).

Если евреи исполняютъ заповѣди Талмуда, то *гойимъ* (т. е. христіане) *обязаны работать, а евреи кушать*; если же они остаются безъ религіи (т. е. безъ Талмуда), то должны сами работать (I Берахотъ, 35 в).

Рабба Іохананъ сказалъ: «Кто учится и преподаетъ Талмудъ, подобенъ миртовому дереву. Горе акумамъ (буквально: звѣздо-поклонникамъ), такъ какъ у нихъ нѣтъ Талмуда; они погибли безъ надежды на спасеніе» (XIX Рошъ-Гошана, 23 а).

Тотъ, кто изучаетъ ежедневно законы Талмуда, можетъ быть непоколебимо убѣжденъ, что онъ будетъ соучастникомъ вѣчной жизни (LVIII Нида).

Идеи о Богѣ по Талмуду.

Господь каждый день ходитъ въ синагогу и навязываетъ ремень на руку для молитвы (I Берахотъ, 6 а).

Въ небесахъ, у Бога есть небольшая комнатка, въ которой онъ запирается ежедневно на нѣсколько часовъ. Тамъ онъ плачетъ и рыдаетъ, потому что его народъ не составляетъ больше государства и все могущество находится въ рукахъ акумовъ. Зачѣмъ же онъ запирается въ маленькой комнаткѣ?—Потому что ему стыдно, такъ какъ его всегда видятъ въ хорошемъ расположеніи духа (XXIII Хагила, 5 в).

Послѣ разрушенія Иерусалима, Господь уволилъ отъ службы большое число ангеловъ, говоря, что онъ походить теперь на монарха, лишеннаго своихъ земель, а потому онъ не нуждается больше въ военнслужащихъ (XXIII Хагила, 13 в).

Когда Моше скончался, то Господь Богъ положилъ его въ мѣшокъ и снесъ на своей спицѣ за четыре часа пути отъ мѣста кончины, чтобы предать погребенію (XXX Сота, 13 в).

Господь исполнилъ обязанность левита, когда предавалъ землѣ Моше, а потому загрязнился; онъ долженъ былъ очиститься въ огненномъ озерѣ (XXXIV Сангедринъ, 39 в).

Господь Богъ находитъ свою радость въ небесахъ, гдѣ онъ лично откармливаетъ гадовъ (XII Шаббатъ, 107 в).

Рабба Элизеръ говоритъ: «Господь поцѣловалъ Мирьямъ, сестру Моше, и она умерла отъ послѣдствій этого поцѣлуя.—Почему же объ этомъ не сказано въ Берайтотѣ?—Потому что это было бы безчестіемъ для Господа» (XXII Моедъ-Катанъ, 28 а).

Когда Господь далъ евреямъ законъ, къ нему явился діаволь и спросилъ: «Куда дѣвался законъ?» Господь отвѣтилъ: «Я далъ его Моше». Діаволь разыскалъ самого Моше. «Отдай мнѣ законъ!»—«Что такое? законъ!—отвѣчалъ Моше:—вотъ чего я совсѣмъ не знаю». Когда Моше пришелъ къ Господу, то послѣдній сказалъ ему: «Моше, ты лжець!»—«Что такое?—сказалъ Моше:—я лжець? если ты мнѣ скажешь еще разъ это слово, то моя нога не переступитъ твоего порога». Господь возразилъ: «Моше, ты не сердись, я подарю тебѣ этотъ законъ и съ этого времени его всегда будутъ называть *закономъ Моисеевымъ*». Тогда Моше успокоился (XII Шаббатъ, 89 а).

Характеристика раввиновъ по Талмуду.

Со времени разрушенія храма іерусалимскаго, способность прорицать перешла отъ пророковъ къ раввинамъ (вообще, учителямъ или талмиде-хахамимъ) и безумнымъ (XXXIII Баба-Батра, 12 в).

Почему раввинъ походить на орѣхъ? Хотя бы вѣшность орѣха и была замарана, ядро остается чистымъ, точно также и Талмудъ у раввина остается чистымъ, хотя бы самъ раввинъ и вонялъ (XXIII Хагила, 15 а).

Рабба Исмаэль говоритъ: «Каждый рабба становится болѣе мудрымъ, по мѣрѣ того какъ онъ старѣеть; но тотъ, кто не изучаетъ Талмуда, съ каждымъ годомъ къ старости становится глупѣе» (XII Шаббатъ, 152 а).

Раввинъ походить на золотую или серебряную чашу; она можетъ разбиться, но все таки сохраняетъ свою цѣнность. То же самое и съ раввиномъ; *хотя бы онъ разлагался и вонялъ, онъ все таки сохраняетъ свою цѣнность* (XXIII Хагила, 15 а).

Кожа раввина не чувствительна къ огню. Вотъ почему раввины никогда не попадаютъ въ адъ: тамошнее пламя не можетъ имъ вредить (XXIII Хагила, 27 а).

Большая часть раввиновъ умираетъ отъ воспаления желудка, чтобы ихъ желудки были чисты и чтобы они сами были чисты, какъ ангелы въ небесахъ (XII Шаббатъ, 118 в).

Раввины любятъ деньги больше, чѣмъ собственное тѣло (XXIX Сота, 12 а).

Вся еврейскіе священники безстыдны (XXX Кидушинъ, 70 в).

Раввинъ, который не мстителенъ, какъ змѣя, не есть вовсе раввинъ (XVI Йома, 23 а).

Если раввины такіе бѣшеные, то это происходитъ оттого; что Талмудъ находится у нихъ въ желудкѣ. Вотъ почему ихъ слѣдуетъ извинять (XX Таанить, 4 а).

Необходимо встать не только передъ раввиномъ, но и передъ его осломъ; если даже издали замѣтятъ уши осла, принадлежащаго раввину то слѣдуетъ встать. Абайя всегда заботливо выполнялъ это (XXX Кидушинъ, 33 а).

Кто оскорбляетъ раввина, тотъ заболѣваетъ лихорадкой (LVIII Нида, 36 в).

Рабба Іегуда говоритъ: «*Проклятіе раввина, ничѣмъ не вызванное, непременно выполняется*» (XXXV Макотъ, 11 а).

Однажды рабба Пинхасъ пожелалъ перейти рѣку, и воды по-

слѣдней разъединялись даже три раза: первый разъ для него самого, а второй и третій—для сопровождающихъ его. Отсюда слѣдуетъ, что *раввинъ могущественнѣе, чѣмъ Моше* (Моисей) съ 600,000 евреевъ, такъ какъ для нихъ воды Чермнаго моря разъединились лишь одинъ разъ (XLII Хулинъ, 7 а).

Раввины—это цари, и евреи обязаны ихъ почитать въ этомъ смыслѣ (XXVI Гиттинъ, 62 а).

Раввинъ долженъ считаться выше солнца, потому что послѣднее сіяетъ только на этомъ свѣтѣ, а раввинъ сіяетъ какъ на этомъ, такъ и на томъ свѣтѣ (XXXIV Сангедринъ, 101 а).

Иовъ имѣлъ раввинскую семинарію въ Тиберіадѣ и состоялъ въ ней директоромъ (XXXIII Баба-Батра, 15 а).

Однажды раббà Задукъ въ пьяномъ видѣ бросился съ крыши внизъ. Пророкъ Элоа (Илья), находившійся въ четырехстахъ шагахъ пути, поспѣшилъ такъ быстро, что успѣлъ подхватить падающаго. Однако, добрый Элоа прохворалъ три дня изъ-за такого быстрого путешествія (XXX Кидушинъ, 40 а).

Когда раввинъ умираетъ, Господь бываетъ также огорченъ, какъ при разрушеніи храма (XIX Рошъ-Гошана, 18 в.).

Благословеніе раввина не есть маловажная вещь. *Самъ Господь бываетъ благодаренъ раввину, если тотъ благословитъ его.* Однажды я вошелъ во святая святыхъ и увидѣлъ Господа, сидящаго на высокомъ сѣдалищѣ; онъ сказалъ мнѣ: «Благослови меня, сынъ мой!» Я исполнилъ это, а онъ поклонился мнѣ, поблагодарилъ и удалился (I Берахотъ, 7 а).

Каждый раввинъ—болѣе святой, чѣмъ ангелъ (XXVII Недаримъ, 20 в.).

Слѣдуетъ бояться раввина, какъ Господа Бога (XIV Песахимъ, 22 в.).

Кто сѣрдить раввина или думаетъ нѣчто дурное о немъ, грѣшить также, какъ еслибы это относилось прямо къ Богу (XXXIV Сангедринъ, 110 а).

Все, чтò раввины постановляютъ на землѣ, есть законъ для Господа (XIX Рошъ-Гошана, 8 в.).

Раббà Йохананъ говоритъ: «Всѣ раввины будутъ богами и получатъ наименованіе Иеговы» (XXXIII Баба-Батра, 75 а).

Раббà Аббугу говоритъ: «*Раввины обладаютъ монаршею властью надъ Богомъ; чтò они захотятъ, онъ обязанъ дѣлать непремѣнно*» (XXII Моэдъ-Катанъ, 16 а).

Когда Господь сотворилъ міръ, то онъ изготовилъ превосходное вино, разлилъ его по бутылкамъ и спряталъ, чтобы имѣть для

раввиновъ на будущее время запасъ хорошаго стараго вина (I Бе-рахотъ, 34 в).

Возрѣнія на Мессію и сатану по Талмуду.

До появленія Мессіи, нечестивость гойимъ распространится по всему міру и всѣ люди уподобятся псамъ (XXIX Сота, 49 в).

За девять мѣсяцевъ до появленія Мессіи, всѣ монархи сдѣлаются послѣдователями назареевъ (христіанъ). Убла добавляетъ: «При такомъ условіи, пускай бы Мессія вовсе не приходилъ» (XXXIV Сангедринъ, 98 в).

При появленіи Мессіи, всѣ раввины воскреснутъ изъ мертвыхъ. Тогда среди евреевъ никто не будетъ умирать. Акумы (въ смыслѣ не-евреевъ) будутъ жить по сту лѣтъ и служить евреямъ въ качествѣ пастуховъ и садовниковъ (XIV Песахимъ, 68 а).

Когда Мессія придетъ, то деревья станутъ ежедневно приносить плоды; на нихъ будутъ расти бѣлые хлѣбы, одежды и шолковые наряды (XII Шаббатъ, 30 в).

Когда Мессія придетъ, Талмудъ будутъ изучать во всѣхъ театрахъ и во всѣхъ дворцахъ (XXI Мегилла, 6 а).

Дьяволы шатаются по свѣту въ среду и въ субботу вечеромъ. Въ этотъ вечеръ они моются, вотъ почему не слѣдуетъ пить воды, чтобы не проглотить дьявола (XIV Песахимъ, 112 а).

Волшебство такъ опасно, что оно вредно даже для Господа Бога. А между тѣмъ, раббѣ Ханина не боялся его вовсе; очевидно, что *онъ былъ выше Господа* (XLII Хулинъ, 7 в).

Раввины имѣютъ власть заставить дьявола войти въ тѣло человѣка. Однажды раббѣ Шимонъ впустилъ дьявола въ тѣло дочери римскаго императора. Она кричала: «Святой раббѣ, помоги мнѣ!» потомъ совсѣмъ обезумѣла, и императоръ вынужденъ былъ исполнить волю евреевъ, и раббѣ избавилъ его дочь отъ дьявола (XLVII Мѣила, 17 в).

Много было раввиновъ, у которыхъ *дьяволы были слугами и хорошо служили имъ* (XLII Хулинъ, 105 а).

Возрѣнія Талмуда на евреевъ.

Вселенная не можетъ существовать безъ вѣтра, точно также ей не обойтись безъ евреевъ (XX Таанитъ, 3 в).

Ранѣе Моше (Моисея), евреи ѣли цѣлый день; поэтому они,

словно куры, весь день рылись въ навозной кучѣ; только со времени Моше евреи стали ѣсть въ опредѣленные сроки (XVI Йома, 75 в.).

Ставится въ обязанность каждому еврею кушать по субботамъ побольше хавесу (т. е. чесноку); исполненіе этого имѣть шесть преимуществъ: *хавесъ насыщаетъ, онъ согрѣваетъ, онъ дѣлаетъ красивымъ, онъ дѣлаетъ плодороднымъ, онъ убиваетъ вшей, онъ дѣлаетъ любезнымъ* (XXXI Баба-Кама, 82 а).

Когда евреи прибыли въ Палестину, Господь Богъ далъ имъ средство наводить страхъ на враговъ: *они воюли* (XXIX Сота, 36 а).

Существуетъ три породы тварей, наиболее безстыжія и наиболее дерзкія, а именно: среди народовъ — евреи, среди дикихъ животныхъ — собаки, среди домашнихъ животныхъ — козы (XVIII Беца, 26 в).

Раббѣ Шимонъ говоритъ: «*Всѣ евреи — князья*» (XII Шаббатъ, 67 а).

Евреи похожи на рыбъ; какъ рыбы не могутъ жить безъ воды, точно также евреи не могутъ жить безъ Талмуда (XXXVIII Абода-Зара, 3 в).

Все, что говоритъ хозяинъ гостинницы, необходимо исполнять только если онъ захочетъ выгнать васъ, вы не должны ему повиноваться (XIV Песахимъ, 86 в).

Раббѣ Эліезеръ, сынъ Абинаса, говоритъ: «*Всѣ бѣдствія (или бичи) на этомъ свѣтѣ происходятъ отъ евреевъ*» (XXIV Іебамотъ, 63 а).

Почему евреи такъ походятъ на оливы? Оливы совсѣмъ не даютъ масла, если ихъ хорошо не потискаютъ или не помнутъ; *точно также и евреи дѣлаются хорошими только тогда, когда ихъ вздуютъ* (XLIII Менахотъ, 53 в).

Какъ только евреи согрѣшили, Господь послалъ архангела Гавриила съ сосудомъ, полнымъ раскаленныхъ угольевъ, чтобы ихъ сжечь. Пока онъ спускался, уголья совершенно остыли (XVI Йома, 77 а).

Удла говоритъ: «*Іерусалимъ былъ разрушенъ потому, что евреи сълались очень безстыжими*». Но раббѣ Іегуда говоритъ: «*Нѣтъ, это потому, что они недостаточно почитали своихъ раввиновъ*» (XII Шаббатъ, 119 в).

Евреи разсѣялись между народами, чтобы приобрѣтать послѣдователей (или увеличивать число новообращенныхъ) (XIV Песахимъ, 87 в).

Брачныя отношенія по Талмуду.

Господь ожидаетъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, чтобы каждый еврей женился; если которыйнибудь изъ нихъ достигъ двадцати одного года и все таки не состоитъ въ супружествѣ, то Господь проклинаетъ его такими словами: «Пускай кости его подвергнутся гніенію» (XXX Кидушинъ, 29 а).

Рабба Танхумъ говоритъ: «Еврей, у котораго совсѣмъ нѣтъ женщины, никогда не обладаетъ спокойствіемъ, радостями, благословеніемъ и Талмудомъ (т. е. его знаніемъ). (XXIV Іебамотъ, 62 в.)

Если ктонибудь женится на женщинѣ, которая ему не пригодна или не подѣ пару, тотъ будетъ связанъ въ небесахъ пророкомъ Элоа (Ильею) и Господь жестоко отколотитъ его палкою (XXX Кидушинъ, 70 а).

Кто ревнуетъ свою жену, тотъ доказываетъ этимъ, что въ немъ пребываетъ святой духъ (XXIX Сота, 3 а).

Рабба Мани жаловался однажды раббѣ Исааку, что его жена стала очень некрасива. Исаакъ сталъ молиться и на слѣдующій день эта жена сдѣлалась очень красивою. Вскорѣ рабба Мани явился съ жалобою, что его жена стала очень спесивою. Рабба Исаакъ снова началъ молиться и женщина превратилась въ дурнушку, какою никогда не бывала (XX Таанитъ, 23 в.).

По какой причинѣ можно разводиться съ женою? Одинъ говоритъ: «Если ваша жена перестала быть честною». Второй говоритъ: «если она пережгла (превратила въ уголь) овощи». Третій говоритъ: «Если нашли себѣ болѣе красивую» (XXVI Гиттинъ, 90 а).

Вдова не должна имѣть у себя ни собаки, ни раввина (XXXII Баба-Мециа, 71 а).

Заботы о здоровьѣ по Талмуду.

Чрезвычайно здорово сидѣть въ тѣни и кушать лукъ. Не здорово кушать жареную утку или жаренаго гуся (XIV Песахимъ, 114 а).

Рабба Ахія говоритъ: «Если я вижу редиску и не имѣю возможности достать ее, чтобы скушать, то во мнѣ поднимается желчь и я готовъ бываю умереть» (XXV Кетуботъ, 61 а).

Женщина, которая занимается вязаніемъ или плетеніемъ, обладаетъ дурнымъ запахомъ изо рта и губы ея дѣлаются толстыми (XXV Кегуботь, 61 в).

Рабба Ананъ имѣлъ обыкновеніе во время каждой трапезы кушать центнеръ (три пуда) соли (XXV Кегуботь, 69 а).

Существуютъ три вещи, которыя способствуютъ продолжительности жизни человѣка: *если онъ тратитъ много времени на молитву, должно сидитъ за столомъ и должно остаться въ отхожемъ мѣстѣ* (I Берахоть, 55 а).

У кого случаются частые позывы и онъ часто удаляется въ отхожее мѣсто, тотъ навѣрно будетъ благополучнымъ (XXIX Сота, 42 в).

Рабба Исаакъ имѣлъ обыкновеніе оставаться въ отхожемъ мѣстѣ по девяти часовъ. Какъ-то одна принцесса обратилась къ раббѣ Йегугѣ, сыну Илаиса: «Судя по твоей толстой, красной рожѣ можно предположить, что ты торговецъ свиней или ростовщикъ,—они оба легко зарабатываютъ деньги и ѣдятъ хорошо». Рабба отвѣтилъ ей: «Въ дѣйствительности, оба занятія мнѣ воспрещены; если же у меня здоровая наружность, то это потому, что между моимъ жилищемъ и синагогою находится двадцать четыре отхожихъ мѣста, которыя я всѣ посѣщаю ежедневно, идя изъ дому и возвращаясь обратно» (I Берахоть, 55 а).

О христіанахъ по Талмуду.

Наказаніе христіанъ на томъ свѣтѣ будетъ состоять въ томъ, что ихъ стануть кипятить въ котлѣ, наполненномъ человѣческими экскрементами; такое же наказаніе постигнетъ всѣхъ, кто насмѣхается надъ раввинами; они будутъ кипѣть въ изверженіяхъ (XXVI Гиттинъ, 57 а).

До прибытія Мессіи, развращенность назареевъ будетъ велика. Поэтому *всѣ евреи, всѣми способами, должны стараться развратить ихъ еще болѣе* (XXIX Сота, 49 в). *)

Ангель смерти и другіе ангелы по Талмуду.

Васти, супруга царя Асуфа, сильно мучила своихъ еврей

*) Болѣе подробно и болѣе рѣзко отношенія евреевъ къ не-евреямъ очерчены въ упомянутой нами раньше книгѣ—„Шулханъ-Арухъ“, съ содержаніемъ которой мы не замедлимъ ознакомить нашихъ читателей чтобы очертить вполнѣ духъ и характеръ евреевъ.

скихъ прислужницъ, за что архангелъ Гавріилъ придѣлалъ ей хвостъ на лбу (XXI Мегилла, 12 в).

Когда Іаковъ боролся съ ангеломъ, то они подняли такую пыль, что престолъ Господень въ небесахъ былъ совершенно покрытъ ею (XLII Хулинъ, 91 а).

Если двое людей идутъ съ раввиномъ, то обязаны помѣстить его между собою. Вотъ почему Рафаилъ и Гавріилъ помѣстили архангела Михаила между собою, когда они какъ-то отправились навѣстить Авраама; дѣло въ томъ, что Михаилъ, по своимъ высшимъ достоинствамъ и качествамъ, получилъ званіе раввина (XVI Іома, 37 а).

Глава ангеловъ (или архистратигъ безплотныхъ силъ) Матратонъ сидѣлъ и писалъ о превосходствѣ іудейскаго вѣроисповѣданія. Какой-то раввинъ прибылъ съ земли на небеса туда, гдѣ находился Матратонъ, который не всталъ передъ нимъ. Тогда послѣдній пожаловался на это Господу Богу, который велѣлъ раздѣть Матратона и влѣпилъ ему шестьдесятъ палочныхъ ударовъ (XXIII Хагила, 15 а).

Ангелъ смерти считается большимъ другомъ всѣхъ раввиновъ (XXXVIII Абода-Зара, 35 в).

Ангелъ смерти хранитъ въ синагогѣ ножъ, которымъ онъ взрѣзываетъ души. Когда чума свирѣпствуетъ въ городѣ, слѣдуетъ держать окна запертыми. Когда собаки воютъ, это означаетъ, что ангелъ смерти въ городѣ; если же онѣ радуются, это означаетъ, что въ городѣ пророкъ Элоа (XXXVII Баба-Кама, 60 в).

Рабба Іегошана, сынъ Левіа, вышелъ однажды и встрѣтилъ ангела смерти съ ножомъ въ рукѣ. Рабба завелъ съ нимъ разговоръ и попросилъ показать ему рай, на что ангелъ смерти согласился. Когда они были уже передъ раемъ, рабба выхватилъ ножъ изъ рукъ ангела (а безъ него онъ безсиленъ) и вбѣжалъ въ самый рай. Ангелъ со слезами сталъ выпрашивать обратно свой ножъ, безъ котораго онъ ничего не могъ сдѣлать, но рабба не хотѣлъ ничего слушать и ни за что не уступалъ ножа, пока не явился самъ Господь и не сказалъ раббѣ: «Послушай, мое милое дитя, ради всего на свѣтѣ прошу тебя: отдай мнѣ ножъ; безъ него мы ничего не можемъ дѣлать. Если ты не отдашь мнѣ его, то мнѣ придется разрушить весь міръ». Рабба подумалъ, возвратилъ ножъ и, такимъ образомъ, остался живымъ въ раю, гдѣ приводилъ въ немалое изумленіе всѣ души, когда онѣ видѣли его сидящимъ въ одеждахъ, пубѣ и зимнихъ сапогахъ (XXV Кетуботъ, 77 в).

У всѣхъ ангеловъ телячьи ноги (XVI Іома, 19 в).

Ангелы совсѣмъ не знаютъ другаго языка, кромѣ еврейскаго-

Рабба Иохананъ говоритъ: «Никогда не слѣдуетъ молиться ангелу по армянски, потому что ангелы, не понимая этого языка, оставляютъ безъ вниманія стоящихъ на молитвѣ и не докладываютъ ихъ просьбъ Господу» (XII Шаббатъ, 12 в.).

О трудѣ и земледѣліи по Талмуду.

Рабба Ригорай говоритъ: «Пускай не заставляють своихъ дѣтей учиться чему бы то ни было, кромѣ Талмуда. Если ктонибудь выучится ремеслу, то въ старости будетъ нуждаться во всемъ необходимомъ и хворать. Но кто изучилъ Талмудъ, никогда не будетъ нуждаться ни въ чемъ» (XXX Кидушинъ, 82 а).

Рабба Элизеръ говоритъ: *«Нѣтъ болѣе презрѣннаго занятія, какъ земледѣліе»*. И онъ же добавляетъ: «Если у еврея найдется сотня червонцевъ, чтобы начать какое нибудь торговое предпріятіе, то онъ можетъ позволить себѣ кушать каждый день мясо, пить вино и жить во дворцахъ, но если онъ всадитъ тысячи червонцевъ въ земледѣліе, то будетъ вынужденъ питаться овощами съ солью, жить въ бѣдныхъ хижинахъ и спать на землѣ» (XXIV Иебамотъ, 63 а).

Рабба Хіей имѣлъ обыкновеніе гладить себя по животу рукою и говоритъ: «Веселись, мой желудокъ, веселись! тебя не наполняютъ овощами, ты получаешь только одно мясо». (XII Шаббатъ, 140 в.).

На этомъ мы прекращаемъ выписку изреченій изъ Вавилонскаго Талмуда. Эта небольшая частица шестидесяти семи масехтотовъ (трактатовъ) достаточно характерно обрисовываетъ передъ нами основные принципы и воззрѣнія истинныхъ создателей «ордена евреевъ». На первомъ планѣ стоятъ раввины. Они всемогущи на землѣ и въ небесахъ; Богъ, по ихъ воззрѣніямъ, занимаетъ положеніе въ родѣ «лѣгивыхъ» королей Франціи изъ династіи Меровинговъ: уважать его уважаютъ, но иногда обходятся съ нимъ очень грубо и онъ вынужденъ молчать. Раввины же сильны тѣмъ, что знаютъ хорошо Талмудъ; за это ихъ почитаютъ, имъ повинуются, а въ будущемъ они всѣ будутъ богами. Не-евреи презираются наравнѣ съ безсловесными животными, и въ «Сеферъ-Мидрашъ-Тальпютъ» (Варшава, 1875. Стр. 255) прямо сказано:

«Господь сотворилъ акумовъ въ формѣ человѣка—въ честь евреевъ въ Акумы созданы только для того, чтобы день и ночь служить евреямъ, не имѣя права уйти со службы. Не приличествовало князьямъ (какъ извѣстно, всѣ евреи—«князья» по Талмуду) принимать услуги отъ животныхъ, и вотъ были созданы животныя чело­вѣкообразныя».

А. Быковъ.

Законъ и общинное землевладѣніе.

III.

Что такое ст. 165 положенія о выкупѣ?

Статья 165-я Положенія о выкупѣ давно уже возбуждаетъ единодушныя возраженія. Въ ней усматривали нерѣдко *единственную* причину обезземеленія крестьянъ. Отмѣна статьи 165-й считалась многими совершенно достаточнымъ средствомъ для устранения всѣхъ затрудненій, угнетающихъ крестьянское землевладѣніе. А такъ какъ при этомъ, по обыкновенію, не считалось нужнымъ входить въ юридическое изслѣдованіе этой статьи и въ опредѣленіе истиннаго ея смысла, то очень естественно, что она и признавалась, и *примѣнялась* въ нашей практикѣ—въ смыслѣ, гораздо болѣе гибельномъ для крестьянскаго землевладѣнія, чѣмъ какой она имѣла первоначально, и даже тогда, когда къ ней присоединились разъясненія главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, сената и другихъ властей,—разъясненія не всегда правильныя и не всегда въ надлежащемъ порядкѣ изданныя...

Вотъ эта статья: «До уплаты выкупной ссуды, *выдѣль* участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, приобрѣтенной обществомъ, *дпускается не иначе, какъ съ согласія общества.* Но если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, *внесетъ въ мѣстное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить* крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соответственный оному участокъ, *по возможности, къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого общества, а впредь до выдѣла, крестьянинъ продолжаетъ пользоваться* приобрѣтенною имъ частью земли въ составѣ мірскаго надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей».

Нетрудно видѣть, что на самомъ дѣдѣ ст. 165 вовсе не имѣетъ того грознаго смысла, который ей обыкновенно приписываютъ. Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что она состоитъ изъ двухъ частей, причемъ первая часть служитъ извѣстнымъ поясненіемъ ко второй, которая собственно и возбуждаетъ горячія возраженія, при полномъ почти забвеніи о первой... Именно же, первая часть устанавливаетъ возможность *выдѣла* домохозяину отдѣльнаго участка. Для чего? Не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что тутъ разумѣется

единственно пользование землею, что такимъ предполагаемымъ выдѣломъ—домохозяину не предоставляется какихъ либо другихъ, болѣе обширныхъ правъ. Онъ остается въ составѣ своего общества, несетъ наравнѣ съ другими круговую отвѣтственность въ платежахъ и вообще исполняетъ прежнія свои обязанности. *Только выдѣленный ему участокъ исключается изъ общиннаго пользованія и становится подворнымъ.* Но до какихъ поръ? Нѣтъ достаточныхъ оснований думать, чтобы подобное пользование становилось *точно подворнымъ*, чтобы выдѣлившійся домохозяинъ совершенно и навсегда отрѣзывался отъ прочихъ общинниковъ, что никакія измѣненія въ его семьѣ не могутъ дать ему права ходатайствовать передъ обществомъ объ увеличеніи участка. И точно также нѣтъ полныхъ оснований полагать, чтобы само общество также навсегда и совершенно теряло всякое отношеніе къ выдѣленному имъ участку. Въ ст. 165 не выражено, что выдѣляемому домохозяину передается *право собственности на участокъ*, съ устраненіемъ всякихъ притязаній на него со стороны кого либо. Напротивъ, вполне возможно предполагать, что это столь неопредѣленное право собственности все таки остается за обществомъ. Права же выдѣленнаго самимъ обществомъ домохозяина тѣмъ болѣе должны представляться ограниченными, — что, по смыслу второй части ст. 165-й, и выкупившій свой участокъ домохозяинъ продолжаетъ имъ только *пользоваться*. Затѣмъ, выдѣлъ этого рода не сопряженъ ни съ какими формальностями и не сопровождается совершеніемъ какихъ либо актовъ. Законъ какъ бы придаетъ выдѣлу такое слабое значеніе, что не почитаетъ нужнымъ дѣлать какія либо новыя опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей между обществомъ и выдѣленнымъ домохозяиномъ. Здѣсь онъ какъ бы остается вѣрнымъ тому началу, что общинное землепользованіе, по опредѣленію примѣчанія къ ст. 113 Мѣстнаго положенія великорос.,—есть извѣстное *обычное* землепользованіе, не требующее подробныхъ законодательныхъ указаній.

Но если эта первая часть представляется достаточно стройною при теоретическомъ ея разсмотрѣніи, то она совершенно *недостаточна* для правильнаго практическаго исполненія и неудобна для непосредственнаго руководства. Какъ только возникающій изъ нея вопросъ встрѣчаетъ разногласіе, выходитъ изъ тѣсной общинной среды и восходитъ на разрѣшеніе сторонней власти,—тотчасъ же оказывается или затруднительнымъ, или невозможнымъ довольствоваться указаніями, заключающимися въ ея внутренней теоретической стройности, хотя, съ другой стороны, еще менѣе должно бы оказываться удобнымъ—вступать въ противорѣчіе съ этими указаніями, нарушать ихъ цѣлостное соотвѣтствіе...

Обращаясь ко второй части ст. 165, мы видимъ, что домохозяину, желающему выдѣлиться, предоставляется внести «причитающуюся на его участокъ выкупную сумму», не испрашивая согласія общества. Но что должно служить удостовѣреніемъ правильнаго опредѣленія «причитающейся выкупной суммы»? Права, возлагаемая статьею 165-ю на отдѣльнаго домохозяина, слишкомъ противорѣчили правамъ и интересамъ цѣлаго общества, чтобы по-

добный вопрос, возникавший самым естественным образом, — не возбудил, на первых же порах, вниманія правительства. Дѣйствительно, не далѣе какъ высочайше утвержденнымъ 14-го февраля 1866 г. положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, потребовалось «разяснить губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, что, въ случаѣ представленія крестьяниномъ-собственникомъ, желающимъ выдѣлиться, квитанціи во взносѣ имъ въ уѣздное казначейство причитающейсѣ ссуды, — слѣдуетъ прежде всего требовать удостовѣренія отъ подлежащаго сельскаго общества въ томъ, что внесенная крестьяниномъ сумма дѣйствительно соотвѣтствуетъ количеству выкупнаго платежа, лежащаго на томъ крестьянинѣ по разверсткѣ, сдѣланной (согласно ст. 118 Пол. о выкупѣ) самимъ обществомъ, и, только по полученіи такого удостовѣренія, дѣлать распоряженіе о зачетѣ внесенныхъ денегъ въ уплату выкупной ссуды и о выдѣлѣ участка, а крестьянина — освобождать какъ отъ дальнѣйшаго взноса выкупныхъ платежей, такъ и отъ участія въ круговой порукѣ общества» (*Второе полное собраніе законовъ*, 1865 г., № 43013). Разясненіе это вошло въ примѣчаніе къ ст. 165 по продолженію 1868 г. и по изданію 1876 г. Особаго приложенія.

Такимъ образомъ, возможныя, по неопредѣленности ст. 165, и дѣйствительно обнаружившіяся затрудненія — черезъ 5 лѣтъ были устранены указаннымъ путемъ въ пользу отдѣльныхъ домохозяевъ. Выкупы по ст. 165 могли совершаться съ меньшими затрудненіями, но положеніе дѣлъ далеко еще не стало опредѣленнымъ. Общество могло отказывать въ выдачѣ удостовѣренія, а то и просто затрудняться въ опредѣленіи размѣра ссуды, причитающейсѣ на участокъ, что, впрочемъ, не всегда легко было и сдѣлать. На извѣстнаго домохозяина можно было — по общепринятому выраженію — «навалить» чужія души и, наоборотъ, съ него могли быть «свалены» собственныя. Наконецъ, не сегодня — завтра, общество намѣревалось совершить переверстку, а то и передѣлъ. Какъ могло оно опредѣленно удостовѣрить то, что требовалось, — даже и при полной готовности? Опять, естественно, возникли новыя затрудненія. И вотъ, — черезъ 8 лѣтъ по освобожденіи, — высочайше утвержденнымъ 9-го октября 1868 г. положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія было повелѣно: «въ случаѣ уклоненія сельскаго общества отъ представленія требуемаго удостовѣренія въ томъ, что внесенная выдѣляющимся членомъ общества сумма соотвѣтствуетъ лежавшему на немъ, по общественной раскладкѣ, выкупному платежу, — таковое удостовѣреніе требуется отъ мѣстнаго волостнаго правленія, которое обязано представить оное, съ засвидѣтельствованіемъ мирового посредника». (*Второе полное собраніе законовъ*, 1868 г., № 46333). Постановленіе это составило дополненіе къ ст. 165 по продолженію 1869 г. и, затѣмъ, вошло въ примѣчаніе къ этой статьѣ по изданію 1876 г. Особаго приложенія.

Вотъ эти-то разясненія именно и привели къ тому, что ст. 165 получила не тотъ смыслъ, который имѣла первоначально. Благодаря имъ, стали возможны и многочисленныя случаи отчуж-

денія земель, выкупленныхъ по ст. 165. Нужно, поэтому, отличать собственно статью 165 Пол. о вык. отъ примѣчанія къ ней по изд. 1876 г. Есть, кромѣ того, много оснований желать пріостановки дѣйствія указываемыхъ постановленій.

Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, образованный 19-го февраля 1861 года, явился—частью—законосовѣтательнымъ учрежденіемъ, частью же учрежденіемъ, чрезъ которое верховная власть дѣйствовала въ порядкѣ «верховнаго правленія»—какъ выражается Сперанскій, устанавливая въ своемъ «Руководствѣ къ познанію законовъ» различіе между закономъ и высочайшимъ повелѣніемъ. «Всякое повелѣніе верховной власти—говоритъ онъ—должно быть исполняемо, какъ законъ. Но повелѣніе отъ закона различается тѣмъ *существенно*, что предметъ перваго есть особенный отдѣльный какой либо случай, а предметъ втораго есть постановленіе общаго правила, по коему надлежитъ поступать во всѣхъ случаяхъ одного и того же рода. Повелѣніе указываетъ, какъ *поступить въ извѣстномъ и опредѣленномъ дѣлѣ*, а законъ есть правило, какъ *поступать всегда въ дѣлахъ сего рода*... Сіе различіе между законами и повелѣніями—продолжаетъ Сперанскій—*непримѣтно въ образъ ихъ исполненія*, ибо и повелѣніе и законъ исполняются одинаково, но оно весьма важно *въ образъ ихъ составленія*. Законы составляются и разсматриваются въ установленіяхъ *законосовѣтательныхъ*, а повелѣнія—въ установленіяхъ *правительственныхъ*. Законы получаютъ свою силу отъ верховной власти всегда непосредственно, каковую бы форму они ни имѣли; повелѣнія исходятъ также отъ верховной власти, но иногда они исходятъ непосредственно, иногда же посредствомъ мѣстъ и властей, ею учрежденныхъ. Въ законахъ власть верховная дѣйствуетъ въ порядкѣ *законодательномъ*, а въ повелѣніяхъ она дѣйствуетъ въ порядкѣ *верховнаго правленія*».

Дѣла, подлежащія вѣдѣнію комитета, раздѣлялись на два разряда—*законодательныя* и *исполнительныя*. По дѣламъ перваго рода главный комитетъ дѣйствовалъ на правахъ департамента государственнаго совѣта, внося свои соображенія прямо въ общее собраніе государственнаго совѣта. Журналы же по дѣламъ исполнительнымъ, «требующимъ скорѣйшаго разсмотрѣнія и разрѣшенія»,—представлялись императорскому величеству въ подлинникѣ, безъ внесенія въ общее собраніе государственнаго совѣта (ст. 14, 15 и 16). Спрашивается теперь, могло ли быть опредѣлено въ исполнительномъ порядкѣ удостовереніе правильности взноса, сдѣланнаго отдѣльнымъ домохозяиномъ? Едва ли. Возникавшія сомнѣнія слишкомъ глубоко касались матеріальныхъ правъ сельскихъ обществъ; затрудненія были слишкомъ серьезны и разрѣшеніе ихъ должно было получить слишкомъ общее и слишкомъ обильное послѣдствіями значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе то требовалось не въ такой мѣрѣ неотложно, чтобы обойтись безъ законодательнаго разсмотрѣнія.

Во всякомъ случаѣ, *прежній законъ прямо не могъ быть отмененъ въ исполнительномъ порядкѣ, высочайше утвержденнымъ положеніемъ главнаго комитета*. Ибо, согласно ст. 73 т. I, ч. 1

законовъ основныхъ, «отмѣна закона существующаго совершается тѣмъ же порядкомъ, какой выше означенъ для составленія законовъ». Между тѣмъ, высочайше утвержденное 14-го февраля 1866 года положеніе главнаго комитета, въ той части его, которая установила освобожденіе домохозяина, сдѣлавшаго взносъ выкупной ссуды, отъ круговой отвѣтственности въ выкупныхъ платежахъ,—составляло именно *отмѣну* закона, существующаго въ видѣ тѣхъ статей законоположеній 19-го февраля, которыми *и на такого домохозяина безразлично возлагается отвѣтственность по круговой поруки, вмѣстѣ съ прочими членами общества*. Дѣйствительно, въ какомъ случаѣ отдѣльный домохозяинъ не несъ круговой отвѣтственности въ выкупныхъ платежахъ?—На это отвѣчаетъ ст. 131 Положенія о выкупѣ: «Когда земля приобрѣтена однимъ или нѣсколькими отдѣльными крестьянскими дворами, то каждый домохозяинъ отвѣчаетъ за исправный взносъ выкупнаго платежа лично,—если только приобрѣвшими землю крестьянами не было составлено товарищества, для взаимнаго другъ за друга поручительства, на основаніи примѣчанія къ ст. 34». При какомъ же землевладѣніи это было возможно, какое землевладѣніе тутъ разумѣлось: *участковое или подворное*? На это прямо указываетъ поименованная статья 34: «Выкупной договоръ о приобрѣтеніи въ собственность крестьянскаго надѣла можетъ быть заключенъ: 1) между помѣщикомъ и цѣлымъ сельскимъ обществомъ; 2) между помѣщикомъ и однимъ или нѣсколькими домохозяевами въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существуетъ участковое или подворное пользованіе землями». Затѣмъ, столь же прямо устанавливается это и въ примѣчаніи къ статьѣ: «При приобрѣтеніи земли въ личную собственность домохозяевами, владѣющими отдѣльными участками, не воспрещается имъ составлять товарищества, для взаимнаго другъ за друга поручительства въ исправномъ взносѣ слѣдующихъ съ нихъ за приобрѣтаемую землю платежей».

Круговая порука есть вообще явленіе весьма сложное. Земля приобрѣталась крѣпостными крестьянами весьма дорого. Единично, порознь, каждый изъ нихъ и не могъ быть исправенъ въ платежахъ за нее. А потому отвѣтственность въ исправности каждаго возлагалась на всѣхъ: было бы несправедливо освободить кого либо отъ подобной жертвы. И вотъ, по выходѣ изъ общества въ теченіе обязательныхъ отношеній, требуется взносъ капитализированной изъ 6 проц. суммы оброка; по переходѣ же на выкупъ,—половина капитальнаго долга, если притомъ общество ручалось въ остальной половинѣ. Земля же оставалась въ обществѣ. Самая сумма взноса въ первомъ случаѣ шла въ капиталъ, предназначенный исключительно для обезпеченія исправнаго выполненія повинностей въ пользу помѣщика, во второмъ же—на уменьшеніе выкупныхъ платежей. Выходящій изъ общества долженъ былъ необходимо нести эту жертву. *Какимъ же образомъ могъ быть освобожденъ отъ этого крестьянинъ настолько достаточный, чтобы выкупить свой надѣлъ,—крестьянинъ, оставшійся въ обществѣ и продолжавшій пользоваться землею съ еще большими удобствами?*—Положеніе 19-го февраля, составляя высо-

чайше утвержденныя мнѣнія государственнаго совѣта, этого не допускало и не *могло допускать*. Помимо общаго, слишкомъ яснаго смысла и происхожденія круговой поруки, противъ этого говорили прямыя постановленія статьи 157 Пол. о вык. и прим. 1 къ ст. 51 Общаго положенія. Именно, ст. 157, между прочимъ, выражала, что—«одинъ или нѣсколько крестьянскихъ дворовъ, приобрѣвшихъ землю въ личную собственность, остаются въ составѣ своего общества и подчиняются пражнимъ сельскимъ и волостнымъ начальствамъ». Статья эта явно относилась къ подворному землевладѣнію. Но и здѣсь, какъ видно, для лицъ, выкупившихъ надѣлы, не возникало какого либо особаго положенія, какихъ либо льготъ и послабленій. Тѣмъ менѣе можно предполагать обособленность положенія за дворами, выкупившими землю при общинномъ землевладѣніи. Относительно послѣдняго, примѣчаніе 1 къ ст. 51 Общаго положенія устанавливало лишь, что «лица, выдѣлившіяся изъ общиннаго пользованія землею», не участвуютъ въ сужденіи о предметахъ, находящихся въ связи съ этимъ пользованіемъ. Освобожденіе отъ круговой поруки, имѣющей столь важное значеніе для общества и государства, очевидно, могло быть установлено для лицъ, выкупившихъ свои участки по ст. 165, или—какъ называется ихъ здѣсь законъ—для лицъ, выдѣлившихся изъ общиннаго землепользованія, только путемъ изданія новаго высочайше утвержденного мнѣнія государственнаго совѣта.

По возникающему отсюда вопросу о значеніи положеній главнаго комитета, — нельзя не привести мнѣнія гражданскаго кассационнаго департамента, высказаннаго имъ въ рѣшеніи отъ 23-го апрѣля и 7-го мая 1886 года (№ 35): «Характеръ высочайше утвержденныхъ положеній главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, въ смыслѣ актовъ, исходящихъ отъ верховной власти, ближайшимъ образомъ опредѣляется правилами, преподаваемыми для сего комитета, изъ которыхъ видно, что *положенія онаго, удостоенныя высочайшаго утвержденія, безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, не имѣютъ значенія ни законодательнаго акта, ни высочайшаго за собственнымъ подписаніемъ его императорскаго величества указа, коимъ жаловались какія либо права. Если разборъ, на основаніи изданныхъ узаконеній, споровъ между крестьянами и помѣщиками въ образованныхъ, въ составѣ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, особыхъ учрежденіяхъ долженъ быть, не смотря на специальность сихъ учреждений, приуроченъ къ судебному производству, то очевидно, что такой же характеръ представляетъ и дѣятельность высшаго для дѣлъ сего рода установленія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, коими разрѣшается, какъ непредусмотрѣнный закономъ, не отдѣльно поступившій на обсужденіе споръ, а общій вопросъ». Такимъ образомъ, гражданскій кассационный департаментъ охарактеризовалъ дѣятельность главнаго комитета въ смыслѣ дѣятельности *исполнительной*, строго сообразующейся съ дѣйствующимъ закономъ, не могущей ни предоставить кому либо новыя права, ни лишить кого либо таковыхъ, независимо отъ за-*

кона. Выводъ этотъ затемняется только заключительными словами. Но еслибы сенатъ вошелъ въ объясненіе ихъ, то, безъ сомнѣнія, высказалъ бы, что законодательный вопросъ могъ быть и разрѣшенъ главнымъ комитетомъ другимъ порядкомъ—*законодательнымъ*, чрезъ внесеніе его на обсужденіе общаго собранія государственнаго совѣта, согласно точному указанію учрежденія главнаго комитета 19 февраля 1861 года.

Что же касается существа положенія 9-го октября 1868 года, то, какъ видно, вмѣнено въ обязанность волостному правленію выдавать удостовѣреніе о соответствіи взноса выкупаемому участку, въ томъ случаѣ, если крестьянское общество *уклонится* отъ выдачи такого удостовѣренія. Но что такое это уклоненіе, каковы его признаки, гдѣ различіе его отъ спора о правѣ на тотъ или иной размѣръ участка между обществомъ и отдѣльнымъ крестьянскимъ дворомъ? Какъ должно было поступать волостное правленіе въ послѣднемъ случаѣ? Путь не могъ быть легкимъ и опредѣленнымъ. Тутъ предполагалось вмѣшательство волостнаго правленія въ весьма сложныя отношенія, предоставленныя закономъ самостоятельному разрѣшенію сельскаго общества. Какое положеніе должно было тутъ занять волостное правленіе, дабы оградить права частнаго лица и не нарушить права общественнаго?—Насколько, наконецъ, удобно было дѣйствовать волостному правленію въ *коллегіальномъ* составѣ по предмету, требующему мѣстнаго изслѣдованія, непосредственныхъ справокъ у многихъ лицъ? Цѣлый рядъ подобныхъ вопросовъ возникалъ самымъ естественнымъ образомъ. Вопросы эти не получили никакого законодательнаго разрѣшенія. Но жизнь не стояла... Могли ли же эти вопросы разрѣшаться въ жизни правильно, съ соблюденіемъ законности, безъ нарушенія серьезныхъ интересовъ? Обезпечивалъ ли законность надзоръ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ?..

Едва ли, въ особенности, въ виду безусловнаго, строгаго указанія со стороны Положенія 9-го октября 1868 года, а также въ виду неудовлетворительнаго состоянія этихъ учреждений. Рѣшеніе сената отъ 8-го марта 1877 г. показываетъ, какія затрудненія возникали въ жизни и какія уклоненія отъ законности были возможны, безъ исправленія сенатомъ, путь къ которому не легко и не коротокъ. (Сборникъ за 1862—1879 гг. г. Данилова, стр. 239). «Правительствующій сенатъ,—сказано въ этомъ рѣшеніи,—выслушавъ дѣло по жалобѣ уполномоченныхъ отъ крестьянъ домохозяевъ дер. Подолешья, гдовской волости и уѣзда, крестьянъ Василія Максимова и Ивана Михѣева, на постановленіе с.-петербургскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія о разрѣшеніи волостнымъ старшиною односельцу вѣрителей Дмитрію Жукову выкупить три надѣла, и принимая во вниманіе, что, по силѣ дополненія (по прод. 1869 г.) къ 165 ст. Пол. о выкупѣ, въ случаѣ уклоненія общества отъ представленія удостовѣренія въ томъ, что внесенная выдѣляющимся членомъ общества сумма соответствуетъ лежащему на немъ, по общественной раскладкѣ, выкупному платежу, такое удостовѣреніе требуется отъ мѣстнаго волостнаго правленія, и что въ настоящемъ случаѣ возраженіе кре-

стыягъ о невыдачѣ требуемаго съ нихъ волостнымъ старшиною удостовѣренія, для выкупа крестьяниномъ Жуковымъ трехъ надѣловъ, заключало въ себѣ не простое уклоненіе, а точно опредѣленный споръ о правѣ собственности на два изъ означенныхъ надѣловъ, основанный на томъ, что общество никогда ихъ просителю не предоставляло, *каковой споръ подлежалъ обсужденію судбною мѣстою*, — нашелъ, что волостной старшина не былъ вправѣ выдать означенное удостовѣреніе, въ виду спора крестьянъ, и что с.-петербургское губ. по кр. дѣл. присутствіе, по постановленію 22-го іюня 1876 г., *оставивъ въ силѣ это распоряженіе старшины*, не разъяснивъ послѣдному точнаго смысла приведеннаго выше узаконенія, поступило неправильно».

Очень естественно, что, благодаря открывавшемуся такимъ образомъ, почти безконтрольному вмѣшательству волостнаго правленія въ дѣла общества, — и многіе другіе вопросы, возникавшіе изъ ст. 165, разрѣшались не въ пользу общиннаго землевладѣнія. Неблагоприятное для общины значеніе ст. 165 ослаблялось ея неопредѣленностью, но коль скоро не обезпечено было правильнаго разрѣшенія вопросовъ, обусловливающихъ этою неопредѣленностью, — *то неопредѣленность выраженной могла прямо обращаться противъ общины*. А статья эта, сама по себѣ, не могла бы получить того печальнаго значенія, которое получила въ жизни по этой и другимъ причинамъ. Въ дальнѣйшихъ частяхъ ея предписывалось обществу выдѣлять участки «соотвѣтственный»... «по возможности къ одному мѣсту»... «по усмотрѣнію самого общества». Самостоятельность распоряженій общества при этомъ нисколько не нарушалась закономъ, — напротивъ, она утверждалась вновь. Распоряженія общества и здѣсь не становились подъ контроль какой либо посторонней власти. Не устанавливалось и какой либо другой формы для законности таковыхъ распоряженій, кромѣ приговора общества.

Какой объемъ правъ предполагалъ, затѣмъ, законъ предоставить крестьянскому двору на выкупленный имъ участокъ? Очевидно, *одно право* пользованія. На это прямо указываетъ статья 165-ая. Самое пользованіе это должно было быть совмѣстное, до выдѣла отдѣльнаго участка. Далѣе — является такой вопросъ: *могла ли выдаваться особая данная на земли, выкупаемая по ст. 165?* — Вопросъ этотъ весьма важенъ. Вообще говоря, и выдача извѣстныхъ актовъ укрѣпленія на недвижимыя имущества не означала бы еще здѣсь предоставленія права на отчужденіе послѣднихъ. Коль скоро же вовсе не устанавливалось закономъ выдачи таковыхъ актовъ, то это давало уже основаніе полагать, что законъ и не предполагалъ возможности не только полнаго отчужденія имущества, на которыя не выдается актовъ укрѣпленія, но даже не допускалъ и предоставленія кому либо вещныхъ правъ на таковыя имущества, ибо ни то, ни другое невозможно безъ актовъ, опредѣленно утверждающихъ за лицомъ право собственности. *А что законъ не предписывалъ выдачи особыхъ данныхъ на земли, выкупаемая по ст. 165,* — ясно видно изъ критики тѣхъ постановленій, которыми таковая выдача допускалась.

Первымъ такимъ постановленіемъ явился циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 10-го сентября 1864 г. («Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ за 1857—1875 гг.», изд. Земскаго отдѣла): «Въ одной изъ губерній—говорилось здѣсь—возникъ вопросъ о *порядкѣ укрѣпленія* за отдѣльными домохозяевами изъ крестьянъ-собственниковъ участки, приобретаемыхъ ими на основаніи ст. 165 Пол. о вык. Вслѣдствіе сего,—*по соглашенію съ министромъ юстиціи,—принято за правило*, что къ актамъ укрѣпленія означенныхъ земель должны быть примѣняемы *льготныя правила*, установленныя ст. 6 Пол. о вык. и высочайшимъ повелѣніемъ 27-го сентября 1862 г.» Такимъ образомъ, возбужденный вопросъ не вызвалъ никакихъ сомнѣній ни въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, ни въ министерствѣ юстиціи. Оба министерства нашли возможнымъ собственною властью установить «правило»—о распространеніи на таковыя данныя весьма широкихъ льготъ, въ смыслѣ написанія ихъ на гербовой бумагѣ низшаго достоинства, освобожденія отъ уплаты крѣпостныхъ и канцелярскихъ пошлинъ, отъ употребленія въ дѣлопроизводствѣ гербовой бумаги и пр.

Но, во-первыхъ, законъ, какъ разъ наоборотъ, не оставлялъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ *данныя не подлежали выдачѣ*. Ст. 165 не указывала выдачи данной,—да и не могла указывать, потому что она устанавливала только *право пользованія* за лицомъ, выкупившимъ надѣлъ, — *пользованія* совместнаго, притомъ вплоть до выдѣла участка къ одному мѣсту. Затѣмъ, и вообще ни одна статья Положенія о вык. не указывала возможности полученія данной въ такомъ случаѣ. Достаточно ясно требовалась выдача данныхъ въ ст. 24—на *выкупленныя усадьбы* и одинаково, притомъ, какъ цѣлымъ обществамъ, такъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ, которые, какъ извѣстно, и при общинномъ землевладѣніи, имѣли право выкупа усадебъ порознь, независимо отъ общества. Выдача данныхъ устанавливалась также статьею 108 и слѣдующими. Подобное распоряженіе должно было дѣлаться губернскимъ присутствіемъ. Когда же? *По полученіи окончательнаго разрѣшенія главнаго выкупнаго учрежденія на выкупную ссуду и по выдачѣ самой ссуды*. Другими словами, данная выдавалась крестьянамъ тогда, когда правительство дѣйствительно оказывало содѣйствіе имъ въ выкупѣ земли отъ помѣщиковъ. Но содѣйствіе это оказывало оно цѣлымъ обществамъ при общинномъ землевладѣніи и отдѣльнымъ крестьянамъ—лишь при *подворномъ* землепользованіи. Значитъ, *только цѣлыя общества и отдѣльные домохозяева при подворномъ землепользованіи* могли и получать данныя. Домохозяева же обществъ, пользовавшихся землею на общинномъ правѣ, могли получать данныя только на выкупаемыя ими *отдѣльныя усадьбы*. Выкупъ ими земель, по ст. 165, не давалъ имъ права требовать особой данной. Понятно, что выдача данныхъ, вопреки и безъ указанія со стороны закона, не могла быть разрѣшена властью министровъ, а еще менѣе съ предоставленіемъ такихъ льготъ, дарованіе которыхъ входило въ предѣлы только права *финансоваго верховенства*, принадлежавшаго верховной власти и

осуществляемаго не иначе, какъ въ *законодательномъ* порядкѣ. Вторая часть циркуляра 10-го сентября 1864 г., кромѣ того, сама показывала *несоотвѣтствіе его закону*. Въ ней говорилось: «Самая же выдача *покупцику* данной производится по *выдѣлѣ* ему, на основаніи ст. 165 Пол. о вык., участка и по сообщеніи о семъ мировымъ посредникомъ мѣстному уѣздному суду. Означенное сообщеніе можетъ послѣдовать не прежде окончательнаго опредѣленія мѣстности и границъ участка, и должно заключать въ себѣ свѣдѣнія, указанныя въ пунктахъ 1—5, 8 и 9 ст. 75 Пол. о вык.». Несоотвѣтствіе названнаго циркуляра закону обнаруживалось именно въ этой ссылкѣ на ст. 75 Пол. о вык., ибо статья эта и не могла относиться сюда, т. е. къ выкупу по ст. 165. Она устанавливала только, какія именно свѣдѣнія долженъ былъ заключать въ себѣ *выкупной договоръ*, т. е. соглашеніе о выкупѣ земель между помѣщикомъ и цѣлыми крестьянскими обществами при общинномъ землепользованіи или же отдѣльными домохозяевами *при подворномъ*.

Еще болѣе явное несоотвѣтствіе съ закономъ обнаружилось въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 23-го февраля 1869 г. (стр. 1169, тамъ же): «Нѣкоторыми губернскими присутствіями—говорилось въ немъ—былъ возбуждаемъ вопросъ касательно порядка выдачи документовъ, *какъ на пріобрѣтеніе* крестьянами въ личную собственность выкупленныхъ ими надѣловъ земли, такъ и *на отчужденіе* означенныхъ выкупленныхъ надѣловъ при выходѣ крестьянъ изъ общества. Вслѣдствіе сего, по соглашенію съ министрами финансовъ и юстиціи, было сообщено, что о *выдачѣ* акта на выкупленную по ст. 165 Пол. о вык. отдѣльнымъ крестьяниномъ землю губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе должно сообщать въ гражданскую палату, или уѣздный судъ, или нотариусу (тамъ, гдѣ введено въ дѣйствіе положеніе о нотаріальной части). Что же касается до *отчужденія* крестьянами выкупленныхъ ими въ личную собственность участковъ земли, то такое отчужденіе должно быть совершаемо *на общемъ основаніи, по купчимъ крѣпостямъ*, съ тѣмъ лишь *изъятіемъ* изъ общаго порядка, что, до истеченія 9 лѣтняго срока послѣ изданія Положеній 19-го февраля 1861 года, *на всѣ такія сдѣлки крестьянъ* распространяются, по точной силѣ 2 прим. къ ст. 5 Пол. о вык., *льготы*, установленныя въ ст. 6 того же Положенія».

Какъ видно, циркуляромъ этимъ вновь устанавливалась выдача данныхъ на выкупленные по ст. 165 земли. При этомъ, одновременно признавало и право на отчужденіе тѣхъ же земель «общимъ порядкомъ»... Но общій характеръ этого циркуляра, какъ не имѣвшаго должнаго основанія въ законѣ, сказывается лучше всего въ ссылкѣ на ст. 5, а съ нею и на ст. 6 Пол. о вык. Циркуляръ не только допускаетъ отчужденіе выкупленныхъ земель, но еще поощряетъ его льготами, т. е., объявляетъ сдѣлки по отчужденію такихъ земель свободными отъ уплаты крѣпостной пошлины, гербоваго сбора, канцелярскихъ пошлинъ и т. п. (ст. 6). *Дѣйствительный же*, точный смыслъ ст. 5 былъ таковъ: «Правила, въ семъ положеніи изложенныя, не относятся до частныхъ сдѣлокъ, по ко-

торымъ крестьяне могутъ *приобрѣтать* земли безъ содѣйствія правительства, какъ у помѣщиковъ, такъ и у другихъ лицъ, на основаніи общихъ законовъ. Примѣчаніе 2. *Въ видахъ поощренія частныхъ сдѣлокъ, о коихъ упоминается въ настоящей статьѣ*, распространяются на нихъ, въ теченіе первыхъ 9-ти лѣтъ со времени утвержденія Положеній о крестьянахъ, выпедшихъ изъ крѣпостной зависимости, *льготы*, означенныя въ ст. 6». То есть, законодатель, надѣляя крестьянъ землею и заботясь вообще о *расширеніи* ихъ земельной собственности, о предоставленіи имъ возможности наибольшаго обезпеченія землею—совершенно послѣдовательно—не только предоставилъ освобожденнымъ крестьянамъ общегражданское право *приобрѣтенія* земель, но еще, для *поощренія сдѣлокъ по приобретению такой собственности*, освободилъ крестьянъ и другихъ лицъ отъ всѣхъ тѣхъ пошлей, сборовъ и сложныхъ формальностей, которыми обставлялись подобныя сдѣлки общими законами. Съ тою же послѣдовательностью, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ 27 іюля 1861 г., составившимъ примѣчаніе 2 къ ст. 6, распространены были эти льготы и на акты, по которымъ дворовые люди, не надѣлявшіеся землею обязательно, *приобрѣтали* ее у помѣщиковъ въ собственность по частнымъ соглашеніямъ. Не ясно ли, что заключавшееся въ циркулярѣ 23-го февраля 1869 г. поощреніе сдѣлокъ крестьянъ не по *приобрѣтенію*, а *по отчужденію* своихъ земель, не вытекало вовсе изъ буквальныхъ выраженій ст. 5, ни—тѣмъ болѣе—изъ общаго духа законодательства 19-го февраля?

Справедливость нашего заключенія о томъ, что особыя данныя не могли быть выдаваемы на земли, выкупаемыя или выдѣляемыя по ст. 165,—доказывается правилами по примѣненію положенія о нотаріальной части къ выдачѣ данныхъ на *приобрѣтенныя* крестьянами земли и по вводу во владѣніе этими землями въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы въ полномъ ихъ объемѣ. Правила эти составляютъ мнѣніе государственнаго совѣта, утвержденное 8 марта 1871 г. («Собраніе узаконеній и распоряженій правительства» за 1871 г., № 26). Они возникли явно изъ сознанія недостаточности указаній, заключавшихся по этому предмету въ Полож. о выкупѣ, и постановлялись именно «въ дополненіе» статей 109—111 Положенія о выкупѣ, 123 статьи Мѣстнаго пол. для великороссійскихъ и ст. 116 Мѣстнаго положенія для малороссійскихъ губерній, пунктовъ 2, 3, 5 и 8 приложения къ ст. 32-й Общаго пол. о крестьянахъ, 1-й ст. высочайше утвержденной 27-го іюня 1867 г. временной таксы вознагражденія нотаріусовъ и 1436 ст. Уст. гр. судопр. Случай, когда должны были выдаваться «данныя», опредѣлялись совершенно точно и въ нихъ вовсе *не упоминалось* о выдачѣ данныхъ на земли, выкупаемыя по ст. 165 Пол. о выкупѣ.

Но вотъ, влѣдствіе вопроса, возбужденнаго однимъ губернскимъ присутствіемъ: не распространяются ли правила 8 марта 1871 г. на земли, выкупаемыя по ст. 165?—министръ юстиціи, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, циркулярнымъ предложеніемъ отъ 28 февраля 1876 г. сообщилъ предсѣдателямъ

около судовъ, что укрѣпленіе за крестьянами личной собственности, приобретенной по ст. 165 Пол. о вык., должно быть совершаемо: въ мѣстностяхъ, гдѣ введены въ дѣйствіе судебныя уставы въ полномъ объемѣ, *по правиламъ* 8-го марта 1871 г. Въ свою очередь, министръ внутреннихъ дѣлъ далъ знать объ этомъ губернаторамъ, «для зависящихъ распоряженій и надлежащаго въ потребномъ случаѣ руководства», — циркуляромъ отъ 12-го марта 1876 г. (Сборникъ распоряженій по устройству быта крестьянъ за 1876—1882 гг., Чичинадзе, Ч. 2, стр. 10).

Итакъ, все это были отступленія отъ закона. Частныя, враждебныя общинѣ интересы должны были извлечь свою пользу изъ подобныхъ постановленій; община должна же была сильно потерпѣть, независимо отъ закона. Но законъ, во всякомъ случаѣ, не отбѣнялся издававшимися въ исполнительномъ порядкѣ циркулярами 10-го сентября 1864 г., 23-го февраля 1869 г. и 12-го марта 1876 г. Самимъ закономъ не устанавливалась еще выдача данныхъ на земли, приобретаемыя по ст. 165. Ни общій духъ законодательства 19-го февраля 1861 г., ни прямыя постановленія—этого не допускали. Такъ было до 1878 г. Съ этого же времени положеніе дѣла нѣсколько мѣняется. Именно тутъ явился вопросъ: въ какой силѣ слѣдуетъ считать статью 1 высочайше утвержденнаго 21-ю марта 1878 г. мнѣнія государственнаго совѣта—объ освобожденіи выкупленныхъ отдѣльными крестьянами участковъ отъ запрещеній, наложенныхъ по выкупнымъ ссудамъ? Статья же первая настоящаго, уже строго-законодательнаго распоряженія постановляетъ: «Когда изъ состава поземельнаго надѣла, выкупленнаго съ содѣйствіемъ правительства цѣлымъ сельскимъ обществомъ, выдѣляется участокъ въ личную собственность отдѣльнаго крестьянина-домохозяина, на основаніи ст. 165 Пол. о выкупѣ, то губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, по удостовѣреніи въ окончательномъ погашеніи домохозяиномъ причитающейся на его долю выкупной ссуды и въ окончательномъ же выдѣлѣ ему таковаго участка, относится въ гражданскую палату или уѣздный судъ (ст. 109 Пол. о вык.), а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ введены въ дѣйствіе судебныя уставы въ полномъ ихъ объемѣ, къ нотаріусу (ст. 1 высочайше утвержденнаго 8 марта 1871 г. мнѣнія государственнаго совѣта) о совершеніи особой данной на означенный участокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ, для объясненія въ данной, что участокъ этотъ свободенъ отъ запрещенія, наложеннаго по выкупной ссудѣ на землю крестьянъ, съ коими упомянутый домохозяинъ переведенъ на выкупъ, причемъ губернское присутствіе съ точностью указываетъ и нумеръ запретительной статьи, сила коей отбѣняется для даннаго участка. Данная совершается и выдается по принадлежности, порядкомъ, установленнымъ для совершенія и выдачи данныхъ обществамъ крестьянъ, переведенныхъ въ разрядъ собственниковъ (ст. 110 Пол. о вык. и высочайше утвержденное 8 марта 1871 г. мнѣніе государственнаго совѣта). Въ общей же данной, которая была выдана крестьянамъ, перешедшимъ на выкупъ по одному документу съ домохозяиномъ, на участокъ коего выдается особая данная, губернское присутствіе дѣлаетъ

отмѣтку о погашеніи падающей на этотъ участокъ выкупной ссуды и объ освобожденіи онаго отъ наложеннаго по выкупной ссудѣ запрещенія.»

По нашему мнѣнію, и *настоящій законодательный актъ все же не даетъ полныхъ основаній къ выдачѣ данныхъ на земли, выкупаемыя по ст. 165*, и вопросъ о выдачѣ таковыхъ данныхъ, если нѣтъ и не разрѣшается прямо въ отрицательномъ смыслѣ, какъ разрѣшался до 1878 г.,—то точно также не разрѣшается въ положительномъ смыслѣ и остается *крайне неопредѣленнымъ*. Какъ видно, законъ 21 марта 1878 г. имѣетъ *сходство* съ циркуляромъ министра внутр. дѣлъ отъ 12 марта 1876 г. Но это не дѣлаетъ, однако, правильнымъ названный циркуляръ. Дѣйствительно, что такое приведенная статья закона 21 марта 1878 г. по своему содержанію и цѣли?—Очевидно, что статья эта опредѣляетъ *порядокъ* совершенія и выдачи данныхъ на земли, выкупаемыя по ст. 165. Содержаніе ея—*формальное*, Устанавливая означенный порядокъ, статья 1 высочайше утвержденного 21 марта 1878 г. мнѣнія государственнаго совѣта вовсе не заключаетъ въ себѣ *матеріальнаго* содержанія. Она не направлена сама по себѣ къ измѣненію извѣстныхъ постановленій 19 февраля 1861 г., и даже вовсе ихъ не касается. Слѣдовательно, при наличности указаннаго ею порядка совершенія данныхъ на земли, выкупаемыя по ст. 165, самый *вопросъ о правѣ на полученіе таковыхъ данныхъ*, по прежнему, разрѣшается на основаніи законоположеній 19 февраля. Но въ этихъ положеніяхъ подобнаго права не содержится. Затѣмъ, что касается цѣли закона 21 марта 1878 г., то онъ, очевидно, не предназначался и для аутентическаго толкованія Положенія о выкупѣ. Формальное значеніе его слишкомъ ясно и исключительно. Слѣдовательно, *ст. 1 этого закона не можетъ быть признана въ силѣ толкованія, исходящаго отъ самой законодательной власти*. Наконецъ, если и признать даже матеріальное содержаніе въ законѣ 21 марта 1878 г., то и тогда данныя на земли, выкупаемыя по ст. 165, не могутъ быть выдаваемы. Ибо въ подобныхъ случаяхъ явно возникаетъ предоставляемое статьею 65 Законовъ Основныхъ обращеніе къ *общему духу законодательства*. Тутъ именно возникаетъ случай, предусмотрѣнный второю частью ст. 65 Законовъ Основныхъ,—невозможность согласовать буквальный смыслъ одного закона съ таковымъ же смысломъ другаго. Изъ общаго же духа законодательства никакъ нельзя вывести права на полученіе особой данной на участокъ, выкупаемый отдѣльнымъ домохозяиномъ по ст. 165.

Статья 1 закона 21 марта 1878 года заключаетъ въ себѣ и такое затрудненіе. Въ какомъ порядкѣ и на какомъ основаніи можетъ быть требуема общая данная сельскаго общества, для отмѣтки объ освобожденіи отъ запрещенія отдѣльно и окончательно выкупленнаго участка? Что и по чьимъ требованіямъ можетъ обязывать крестьянъ выдавать каждый разъ свою данную для такой отмѣтки? Съ другой стороны, ст. 165 заключаетъ въ себѣ двѣ части—выдѣлъ съ согласія общества и выкупъ безъ согласія. Что же должно быть дѣлаемо *при выдѣлѣ*? Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ ска-

зано уже, *выдача данной не означаетъ еще права отчужденія*. Дѣйствительно, законъ 21 марта 1878 г. и не говоритъ ничего о такомъ правѣ. Наоборотъ, здѣсь говорится о томъ, что, въ случаѣ продажи участка, выкупленнаго отдѣльнымъ домохозяиномъ при *подворномъ* землепользованіи, съ выдачею особой данной;—купчая совершается и выдается «съ соблюденіемъ общеустановленнаго для подобныхъ актовъ порядка». Нельзя не указать на эту часть закона 21 марта 1878 г. для *противоположенія* общиннаго и подворнаго землевлдѣнія и для подтвержденія вывода о томъ, что *если закономъ этимъ и предоставляется выдача данной, то имъ не предоставляется еще права продажи домохозяиномъ участка, выкупленнаго по ст. 165*. — Замѣтимъ кстати, что самый этотъ законъ составилъ, по прод. 1879 года, приложение къ статьѣ 176 Пол. о вык., относившейся къ подворному землепользованію.

Вообще, *никакого права распоряженія не представлялось владельцу выкупленнаго по ст. 165 участка*. Изъ послѣдующихъ статей не относилась къ нему и статья 166: «Участки, приобрѣтенныя не всѣмъ обществомъ, а отдѣльными домохозяевами, составляютъ личную собственность каждаго и переходятъ по наслѣдству, согласно существующимъ мѣстнымъ обычаямъ», ибо статья 165 вовсе не говорила о приобрѣтеніи черезъ выкупъ особаго права собственности на земельный участокъ крестьянскимъ дворомъ. Это «право»,—и то въ крайне неопредѣленномъ смыслѣ,—принадлежало всему обществу. Земля была приобрѣтена тутъ именно *всѣмъ обществомъ*. Ст. 165 не отнимала ея отъ общества. Но если послѣдующая статья и относилась даже къ выкупамъ по ст. 165,—чего мы, однако, никакъ не можемъ признать,—то и тогда упоминаемое въ ней слово «собственность»,—вообще,—по законоположеніямъ 19 февраля, не имѣющее точнаго значенія,—дѣлалось еще болѣе неопредѣленнымъ съ точки зрѣнія общегражданской, ибо эта собственность могла переходить только по наслѣдству, и то согласно съ мѣстными обычаями. Въ рѣшеніи отъ 27 сентября 1885 г., второй департаментъ сената и призналъ косвенно, что статья 166 не относится къ выкупамъ по ст. 165, высказавъ, кромѣ того,—согласно съ гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ,—что земельные участки, выкупленные по ст. 165, составляютъ собственность *не одного только домохозяина, сдѣлавшаго взносъ выкупной ссуды, а и всего, составляющаго его дворъ, семейства* (Сборникъ г. Горемыкина, стр. 295).

Мы думаемъ однако, что и семейству принадлежало только право пользования, а не собственности. Иначе не могло бы возбуждаться вопроса о томъ,—*остается ли право пользования выкупленнымъ по ст. 165 участкомъ за семействомъ, перешедшимъ въ другое сословіе?* Вопросъ этотъ вызвалъ, между тѣмъ, нижеслѣдующія чрезвычайно сложныя и интересныя рѣшенія сената. Первое изъ нихъ относится къ 16 апрѣля 1879 г. (Сборникъ г. Данилова за 1862 — 1879 гг., стр. 250): — Крестьянинъ Квашенкинъ, выходя въ мѣщане, выкупилъ свою надѣльную землю по ст. 165 и требовалъ «документовъ на эту землю, удостоверяющихъ, что она—его собственность», но ярославское губернское по

крест. дѣламъ присутствіе, — разрѣшая возникавшій отсюда вопросъ о томъ, имѣютъ ли право крестьяне-собственники, по выходѣ изъ общества, сохранить за собою право пользованія участкомъ земли, за который они уплатили сполна выкупную ссуду, — нашло, что. «въ случаѣ выхода изъ общества крестьянина-собственника, земельный участокъ его во всякомъ случаѣ остается въ пользованіи общества». Постановленіе это было обжаловано Квашенкинымъ сенату. Послѣднему же вопросъ показался настолько сложнымъ, что истребовано было заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ по настоящему дѣлу. Въ свою очередь, министръ сообщилъ сенату высочайше утвержденное 16 января 1869 г. положеніе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, по однородному дѣлу крестьянина Карякина. Въ означенномъ же положеніи было именно выражено, что выкупленный по ст. 165 и выдѣленный участокъ — «составляя отдѣльную собственность, не можетъ уже числиться въ составѣ мірскаго надѣла, о коемъ упоминается въ ст. 130 Общаго положенія, и засимъ не представляется препятствія къ оставленію такового участка во владѣніи выкупившаго оный крестьянина, хотя бы онъ и вышелъ изъ общества; точно также и по ст. 175 Пол. о вык., крестьянинъ, пріобрѣтшій свой надѣлъ, съ содѣйствіемъ отъ правительства, прямо въ личную собственность, и уплатившій всю слѣдующую съ него выкупную ссуду, имѣетъ право, — и по переходѣ въ другое общество, — сохранить въ своемъ владѣніи выкупленную землю». Въ виду такихъ соображеній главнаго комитета, сенатомъ было предписано ярославскому губ. по кр. дѣламъ присутствію постановить новое рѣшеніе «согласно приведеннымъ главнымъ комитетомъ основаніямъ»... Но едва ли достаточны были эти указанія. Ст. 130 требуетъ *безусловно* отказа отъ земли со стороны лица, выходящаго изъ общества, и въ ней нѣтъ никакихъ исключеній. Отказъ этотъ также необходимо слѣдуетъ и изъ надѣленія землею *цѣлаго общества*, и изъ соединенной съ жертвами *круговой поруки* по обязанности брать землю. Лицу другаго сословія вовсе не предоставляется не только льготнаго пользованія землею, но и пользованія наравнѣ съ прочими крестьянами-общинниками, соединеннаго съ тѣми же неудобствами и отвѣтственностью. Далѣе, указываемая комитетомъ *статья 165 Положенія о выкупѣ* *вовсе не относится къ общинному землевладѣнію и къ выкупамъ по ст. 165.* Она имѣетъ въ виду *подворное* землевладѣніе. Смыслъ, ея въ этомъ отношеніи, не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ. Она говоритъ: «Каждый домохозяинъ, пріобрѣтшій отдѣльный участокъ въ личную собственность, выдачею отъ правительства выкупной ссуды, можетъ безпрепятственно выйти изъ общества во всякое время; но, до погашенія сей ссуды, онъ обязанъ предварительно продать пріобрѣтенный участокъ другому лицу, на основаніяхъ, изложенныхъ въ ст. 169». Правительство же оказывало отдѣльнымъ домохозяевамъ содѣйствіе въ выкупѣ ихъ надѣловъ, выдачею ссуды только *при подворномъ пользованіи землею*, — по совершенно точному опредѣленію ст. 34, приводимой нами выше... Итакъ, ссылка на ст. 175 не имѣла достаточныхъ основаній. За всѣмъ тѣмъ, настоящее заключеніе комитета относилось къ *выдѣленному* въ одно мѣсто

участку. А если участокъ не выдѣленъ?—Комитетъ не разрѣшалъ этого вопроса,—и въ этомъ вновь обнаруживалась недостаточность его соображеній.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ эти внутреннія и внѣшнія условія высочайше утвержденнаго 16 января 1869 г. положенія главнаго комитета, первый департаментъ сената основалъ на немъ рѣшеніе отъ 27 ноября 1879 г. (Сборникъ г. Данилова за 1879—1882 гг., стр. 209). Въ дѣлѣ этомъ просители—мѣщане вышедшіе изъ своего сословія крестьяне) также ссылались на статьи 169 и 175, утверждая за собою — какъ они прямо выражались,— право «безусловной личной собственности» на земельные участки, выкупленные ими по ст. 165, при выходѣ изъ общества. При этомъ, хотя ярославское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, отвергая ихъ притязанія, и замѣтило съ полнымъ основаніемъ, что статьи тѣ относятся къ подворному землевладѣнію, — тѣмъ не менѣе сенатъ, признавая неправильнымъ постановленіе присутствія, сослался на статью 175, кромѣ высочайше утвержденнаго 16 января 1869 г. положенія главнаго комитета.—Въ томъ же смыслѣ сенатъ высказался въ рѣшеніи отъ 18 іюня 1880 г. (тотъ же Сборникъ, стр. 211). 22 ноября 1883 г. сенатъ вынесъ, наконецъ, новое весьма сложное и чрезвычайно любопытное рѣшеніе по дѣлу семейства бывшаго удѣльнаго крестьянина Глушкова. Послѣдній въ 1869 году выкупилъ свою землю, и въ томъ числѣ усадьбную осѣдность по ст. 165, а затѣмъ умеръ. Семейство же продолжало состоять въ купеческомъ званіи и пользоваться усадьбою. И вотъ возникъ споръ между семействомъ Глушкова и сельскимъ обществомъ свободы Кукарка, которое также предъявляло свои права на усадьбу, соглашаясь уступить ее семейству Глушкова только въ томъ случаѣ, если оно вновь причислится къ крестьянамъ. (Сборникъ г. Горемыкина, стр. 113).

По настоящему дѣлу пришлось, не безъ взаимныхъ противорѣчій, высказаться пѣлому ряду учреждений, начиная съ низшихъ и кончая высшими государственными. Уже одно это показываетъ трудность вопроса и явную необходимость дать ему точное законодательное разрѣшеніе. При этомъ, въ настоящемъ рѣшеніи указывалось цѣлыхъ три положенія главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, утвержденныя верховною властью: 19 октября 1865 г., 13 января 1869 г. и 1 октября 1870 г. Въ числѣ этихъ положеній не оказывается приведеннаго выше рѣшенія отъ 16 января 1869 г. (если оно не отнесено ошибочно къ 13 января). Между тѣмъ, болѣе раннее, упоминаемое здѣсь, положеніе отъ 19 октября 1865 г. показываетъ, что и главный комитетъ былъ тогда нѣсколько инаго мнѣнія по настоящему вопросу, чѣмъ какое было высказано имъ 16 января 1869 г.,—по крайней мѣрѣ, относительно права распоряженія. Онъ признавалъ тогда, что предоставленіе такого права выходящему изъ общества члену составляло бы нарушеніе «коренныхъ началъ Положеній 19 февраля»... Однако, съ первою частью и этого положенія главнаго комитета нельзя согласиться, по тѣмъ же соображеніямъ, которыя выска-

заны выше противъ положенія отъ 16 января 1869 г. Затѣмъ, здѣсь не приводится основаній къ положенію отъ 13 января 1869 г.

Наконецъ, что касается высочайше утв. 1 октября 1870 г. положенія главнаго комитета, то оно недостаточно опредѣленно и возбуждаетъ два другихъ, весьма важныхъ вопроса. Во-первыхъ, дѣйствительно ли имѣетъ упоминаемая здѣсь женщина, — вышедшая замужъ хотя и за крестьянина, но другаго общества, — право выкупить доставшіяся ей по наслѣдству участки по ст. 165? Въ законоположеніяхъ 19 февраля нѣтъ прямыхъ указаній по этому вопросу, ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Поэтому, давно желательно было дополненіе этихъ положеній въ законодательномъ порядкѣ и, притомъ, въ смыслѣ благопріятномъ для крестьянской женщины ¹⁾. Положеніе же ея теперь крайне затруднительно и весьма мало улучшается настоящимъ косвеннымъ признаніемъ ея правъ въ высочайше утвержденномъ положеніи главнаго комитета, не обнародованномъ до 1889 года. т. е. до выхода сборника г. Горемыкина. Весьма мало укрѣпляется это положеніе и нѣсколькими, хотя и благопріятными для женщины, рѣшеніями сената, весьма неопредѣленными и притомъ противорѣчивыми. Во-вторыхъ, было ли законно признаніе усадьбы, оставшейся послѣ отца и дяди Коленовой, *выморочною*, съ выходомъ замужъ Коленовой за крестьянина той же деревни, но другаго имѣнія и другаго сельскаго общества? — Было ли бы законно поступленіе такой усадьбы въ распоряженіе общества? Главнѣйшій комитетъ отвергъ такого рода притязанія общества, повидимому, на томъ основаніи, что «само общество, сознавая ея (Коленовой) право, опредѣлило количество выкупной ссуды, причитающейся съ нея за участокъ». Желательно было бы болѣе ясное и опредѣленное разрѣшеніе вопроса. Онъ весьма часто возбуждается на практикѣ, разрываясь противорѣчиво и порождая большую смуту въ крестьянской жизни. Замѣтимъ однако, что законъ, предоставляя крестьянамъ, по статьѣ 110 Мѣстнаго положенія великоросс. губ. и по 38 статьѣ Общаго положенія, руководствоваться мѣстными своими обычаями въ порядкѣ наслѣдованія, а по статьѣ 39-ой — отдавая въ распоряженіе общества выморочное имущество, разумѣеть, безъ сомнѣнія, выморочность съ точки зрѣнія не общихъ гражданскихъ законовъ, а *обычнаго права наслѣдованія*, которому отводится значеніе, преимущественное передъ гражданскими законами. Обычное же право въ нѣкоторыхъ мѣстахъ объявляетъ выморочными и подлежащими распоряженію общества земельные участки, оставшіяся лицамъ, принадлежащимъ къ другимъ обществамъ или сословіямъ. Подобныхъ лицъ обычное право не признаетъ наслѣдниками. Но, повторяемъ, обычное право нерѣдко сталкивается въ подобныхъ случаяхъ съ тою практикою, которая весьма часто противорѣчитъ закону. Поэтому, напоминая о за-

¹⁾ См. мою статью: „Поземельныя и общественныя права крестьянской женщины“ — „Наблюдатель“, № 1 за 1891 г.

конѣ въ смыслѣ аутентическаго толкованія его истиннаго смысла—давно и крайне необходимо.

Каково бы ни было свойство всѣхъ приведенныхъ рѣшеній главнаго комитета и сената, все же и изъ нихъ *можно* вывести общее заключеніе, благоприятное для общиннаго крестьянскаго землевладѣнія. Заключеніе это состоитъ въ томъ, что *выкупъ земли по ст. 165 не предоставляетъ права продажи ея*. Уже самый вопросъ о томъ, остается ли таковая земля за сдѣлавшимъ взносъ лицомъ и по выходѣ его изъ общества—возбудилъ столько сомнѣній, такъ и оставшихся неразрѣшенными... Сомнѣнія коснулись не только полевой, но даже и усадебной земли, объявляемой закономъ состоящею въ потомственномъ пользованіи проживающаго на ней семейства. Какъ же могло бы быть признано право распоряженія такою землею въ смыслѣ полнаго ея отчужденія? Высочайше утвержденнымъ 19 октября 1865 г. положеніемъ главнаго комитета, какъ видно, и не было признано право распоряженія выкупленною по ст. 165 землею.

Поэтому, напрасно заявляется иногда, что статья 165-я предоставляетъ право собственности, равное чуть не римскому по своей безусловности, и что, будто бы, выкупленную по ст. 165 землю можно свободно дарить, завѣщать, продавать и пр.

Н. Дружининъ.

(Окончаніе будетъ).

ДОЛОЙ ОРУЖІЕ!

Романъ-хроника Берты фонъ-Зуттнеръ.

Томъ I. Часть I, 1859 г.

I.

Въ семнадцать лѣтъ я была очень экзальтированной дѣвочкой. Конечно, мнѣ было бы трудно судить объ этомъ теперь, не будь передо мною моего стараго дневника. Но въ немъ вѣрно сохранились давно разсѣявшіяся иллюзіи, юношескія мысли, никогда больше не приходившія въ голову, чувства, переставшія волновать меня съ тѣхъ поръ, такъ что эти уцѣлѣвшіе листки даютъ мнѣ ясное понятіе о незрѣломъ восторженномъ міросозерцаніи, сложившемся въ моей неразумной, хорошенькой головкѣ. Порукой въ моей красотѣ служатъ опять таки прежніе портреты, тогда какъ теперь зеркало очень мало рассказываетъ мнѣ о былой предести юношескихъ лѣтъ. Могу себѣ представить, какой счастливицей казалась многимъ молоденькая графиня Марта Альтгаузъ, окруженная блестящей роскошью и слышавшая одною изъ самыхъ обворожительныхъ дѣвушекъ въ аристократическомъ кругу Вѣны! А между тѣмъ страницы ея дневника — въ красной обложкѣ — дышатъ чаще меланхоліей, чѣмъ свѣтлымъ, жизнерадостнымъ чувствомъ счастливой юности. Интересно было бы знать, основывалось ли это, дѣйствительно, на моемъ неумѣннѣ цѣнить рѣдкія преимущества своего завиднаго положенія, или же на томъ, что только однѣ меланхолическія мысли казались мнѣ благородными и достойными чести

попасть въ завѣтную красную тетрадку, куда я заносила ихъ въ самыхъ витіеватыхъ выраженіяхъ? Рѣшить этотъ вопросъ въ настоящее время было бы трудно, но изъ дневника, по крайней мѣрѣ, ясно видно, что моя участь не удовлетворяла меня. Между прочимъ, тамъ говорится:

„О, Іоанна д'Аркъ, избранная небомъ героиня-дѣвственница, какъ хотѣлось бы мнѣ идти по твоимъ слѣдамъ: со знаменемъ въ рукѣ водить на бой храбрыя дружины, короновать своего короля, а потомъ умереть за дорогую отчизну!“

Однако, мнѣ рѣшительно не представлялось случая удовлетворить такимъ скромнымъ запросамъ отъ жизни. Точно также недоступна была для меня и участь христіанскихъ мученицъ, растерзанныхъ львами въ циркѣ (пламенное желаніе найти подобную смерть занесено въ дневникъ 19-го сентября 1853 г.); значить, мнѣ оставалось только изнывать подъ гнетомъ сознанія, что великіе подвиги, которыхъ жаждала моя душа, такъ и останутся не совершенными, что моя жизнь въ сущности—пропадаетъ задаромъ. Ахъ, зачѣмъ я не явилась на свѣтъ мальчикомъ! (также часто повторявшійся въ красной тетрадкѣ безплодный упрекъ судьбѣ). Тогда я могла бы избрать себѣ возвышенную цѣль и совершить много полезнаго. Исторія приводитъ слишкомъ мало примѣровъ женскаго геройства. Какъ рѣдко случается женщинамъ имѣть сыновьями Гракховъ, или вынести на плечахъ мужей изъ осажденнаго города, или вырвать у мадьяръ, въ пылу воинственнаго воодушевленія, привѣтственный кликъ: „да здравствуетъ Марія Терезія, нашъ король!“ Но мужчинѣ стоитъ только препоясать мечъ и броситься на врага, чтобы добыть славу и лавры, завоевать себѣ тронъ, какъ Кромвель, или завладѣть цѣлымъ міромъ, какъ Бонапартъ! Я помню, что высшее понятіе о человѣческомъ величій олицетворялось для меня въ военномъ геройствѣ. Ученые, поэты, путешественники, открывшіе неизвѣстныя страны, конечно, внушали мнѣ также нѣкоторое почтеніе, но поклоняться я могла только однимъ завоевателямъ. Только они по преимуществу двигали исторію, направляли судьбы народовъ; въ моихъ глазахъ, эти люди, по своему важному значенію, по своему благородству и величію, равнявшему ихъ почти съ богами,

настолько превосходили прочихъ смертныхъ, насколько вершины Альпъ и Гималая выше цвѣтовъ и травъ долины.

Но изо всего этого еще не слѣдуетъ заключать, чтобъ я обладала геройской натурой. Дѣло объяснялось гораздо проще: я была увлекающимся, пылкимъ созданиемъ и, разумеется, поклонялась тому, что особенно превозносили мои учебники и близкіе мнѣ люди. Отецъ мой былъ генераломъ австрійской арміи и сражался подъ Кустоцкой подъ предводительствомъ „старика Радецкаго“, котораго боготворилъ. Какихъ только анекдотовъ изъ походной жизни не наслушалась я съ младенческихъ лѣтъ! Добрякъ папа такъ гордился своими военными подвигами и съ такимъ удовольствіемъ рассказывалъ о кампаніяхъ, въ которыхъ принималъ участіе, что я невольно стала относиться съ сожалѣніемъ ко всякому статскому. Какъ обидно для женскаго пола, что его не допускаютъ до этихъ высокихъ подвиговъ чести, что изъ круга женскихъ обязанностей исключенъ священный долгъ проливать кровь за отечество! Когда до меня доходили слухи о стремленіяхъ женщинъ къ равноправности, — а во время моей молодости объ этомъ толковали обыкновенно съ насмѣшкой и порицаніемъ, — я понимала женскую эмансипацію только въ одномъ направленіи: мнѣ хотѣлось, чтобы женщины имѣли право носить оружіе и воевать. Ахъ, въ какой восторгъ приводили меня страницы изъ всеобщей исторіи, гдѣ говорилось о Семирамидѣ или Екатеринѣ II: „она вела войну съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ сестѣдей и завоевала такую-то и такую-то страну!“

Исторія, въ томъ видѣ, какъ она преподается юношеству, внушаетъ особенный энтузіазмъ къ войнѣ. Занимаясь этимъ предметомъ, ребенокъ рано привыкаетъ думать, будто бы государи только и дѣлаютъ, что даютъ сраженія, что война необходима для развитія государства, что она — неизбѣжный законъ природы и непременно должна разгораться отъ времени до времени, потому что отъ нея нельзя уберечься, какъ отъ морскихъ бурь и землетрясеній. Конечно, съ ней связаны различные ужасы и бѣдствія, но все это искупается вполне: для массы — важностью результатовъ, для отдѣльныхъ личностей — блескомъ славы и сознаниемъ исполненнаго долга. Гдѣ можно найти самую прекрасную смерть, какъ не на полѣ чести, и что же

жесть быть благороднѣе безсмертія героя? Все это выступаетъ какъ нельзя болѣе рельефно въ каждомъ учебникѣ, въ любой школьной книгѣ для чтенія, гдѣ, наряду собственно съ исторіей, представленной въ видѣ длинной вереницы войнъ, приведены рассказы и стихотворенія, воспѣвающія военную славу. Такова ужь патріотическая система воспитанія! Изъ каждаго школьника долженъ выйти будущій защитникъ отечества, и потому необходимо возбуждать въ ребенкѣ восторженное чувство, говоря ему о первомъ долгѣ гражданина; нужно закалить его духъ противъ естественнаго отвращенія, вызываемаго ужасами войны. Вотъ съ этой-то цѣлью воспитатели и учебныя книги толкуютъ о страшнѣйшихъ кровопролитіяхъ и безчеловѣчной рѣзни самымъ развязнымъ тономъ, какъ о чемъ-то вполнѣ обыкновенномъ, неизбѣжномъ, выдвигая на первый планъ только идеальную сторону войны, этого древнѣйшаго обычая народовъ. Такимъ путемъ намъ удастся воспитать храброе и воинственное поколѣніе.

Дѣвочки—хоть имъ и не предстоить воевать—обучаются по тѣмъ же книгамъ, приуроченнымъ къ солдатскому воспитанію мальчиковъ, вслѣдствіе чего юношество женскаго пола усваиваетъ тѣ же вкусы, а это выражается у насъ завистью къ участи мужчинъ и энтузіазмомъ передъ военнымъ сословіемъ. Сердце радуется, когда яркія картины кровопролитныхъ битвъ и всякихъ жестокостей развертываются передъ нами, нѣжными дѣвушками, отъ которыхъ во всемъ остальномъ требуютъ кротости и мягкости! Начиная съ библейскихъ, македонскихъ и пуническихъ войнъ и кончая тридцатилѣтней и наполеоновскими походами, исторія представляетъ рядъ кровавыхъ страницъ: города пылаютъ, мирные жители, обращенные въ бѣгство, принуждены „перепрыгивать черезъ клинки мечей“, побѣжденные подвергаются жестокимъ поруганіямъ... И, Боже мой, какъ все это дѣйствуетъ на воображеніе, распаляетъ его! Чувство жалости невольно приглушается. Все, относящееся къ войнѣ, разсматривается уже не съ точки зрѣнія челоуѣколюбія; оно освящено, увѣнчано мистико-историко-политическимъ ореоломъ и стоитъ выше критики. Такъ должно быть; война—источникъ высшихъ почестей, арена грандіозныхъ подвиговъ, и дѣвушки отлично усваиваютъ себѣ этотъ взглядъ; недаромъ ихъ заставляютъ

затверживать наизусть стихотворенія и прозаическіе отрывки, въ которыхъ превозносится война. Благодаря этому, среди насъ являются матери-спартанки, „дочери полковъ“ и придумывается множество фантастическихъ котильонныхъ орденовъ для раздачи душкамъ-офицерамъ во время „выбора дамъ“.

II.

Я была воспитана не въ монастырѣ, какъ бѣольшая часть дѣвушекъ моего круга, а дома, подѣ руководствомъ учителей и гувернантокъ. Мы рано лишились матери и ея мѣсто заступила при осиротѣвшихъ дѣтяхъ, — кромѣ меня, у отца осталось еще двѣ младшихъ дочери и сынъ, — родная тетка, пожилая особа, состоявшая членомъ религіозной общины. Зиму наша семья проводила въ Вѣнѣ, а лѣто—въ собственномъ помѣстьѣ въ Нижней Австріи.

Учителя и воспитательницы были безусловно довольны мною—это я отлично помню — и не мудрено: природа одарила меня прекрасной памятью и я была прилежной, а главное: честолюбивой ученицей. Если мое честолюбие, какъ было замѣчено выше, не могло найти себѣ удовлетворенія въ подвигахъ военной доблести по примѣру Орлеанской дѣвы, то я хотѣла, по крайней мѣрѣ, получать хорошіе баллы за ученье и похвалы моей любознательности. Англійскій и французскій языки были изучены мною почти въ совершенствѣ изъ географіи и астрономіи, изъ естественной исторіи и физики я усвоила все, что считаютъ нужнымъ включить въ программу образованія благородныхъ дѣвицъ; что же касается всеобщей исторіи, то ее я изучала гораздо пространнѣе, чѣмъ требовалось. Всѣ свободные отъ уроковъ часы посвящались мною чтенію многотомныхъ историческихъ сочиненій изъ библіотеки отца. Я искренно вѣрила, что становлюсь чуждою точку умнѣе всякій разъ, когда мнѣ удавалось запечатлѣть въ своей памяти какое нибудь событіе, имя или число изъ прошедшихъ временъ. Зато игра на фортепiano—также востановившаяся въ планѣ моего воспитанія — была мнѣ ненавистна. Не имѣя ни таланта, ни охоты къ музыкѣ, я отлично владѣла, что не найду здѣсь удовлетворенія своему честолюбію

и до того энергически противилась всѣмъ попыткамъ принудить меня къ бездѣльному брянчанью, что отецъ отмѣнилъ въ концѣ концовъ эти уроки и мнѣ не приходилось болѣе терять понапрасну дорогое время, которое я отдавала любимымъ занятіямъ. Теткѣ пришлось это очень не по сердцу; она утверждала, что безъ умѣнья играть на роялѣ свѣтская дѣвушка не можетъ назваться образованной въ полномъ смыслѣ слова.

Десятаго марта 1857 года, я праздновала семнадцатый разъ день своего рожденія. „Уже семнадцать“! записано подъ этимъ числомъ въ моемъ дневникѣ. Это „уже“, право, заключаетъ въ себѣ цѣлую поэму! Хотя лаконическая замѣтка не снабжена никакимъ комментариемъ, но, очевидно, я хотѣла добавить: „а мною ничего еще не сдѣлано для безсмертія“. Эти красныя тетрадки оказываютъ мнѣ неоцѣненную услугу въ настоящее время, когда я принялась писать исторію моей жизни. Онѣ даютъ мнѣ полную возможность воспроизвести во всѣхъ подробностяхъ минувшія событія, которыя сохранились въ моей памяти только въ видѣ туманныхъ расплывчатыхъ образовъ; онѣ напоминаютъ мнѣ и прежнія мысли, и давно забытые разговоры, такъ что я въ состояніи привести ихъ дословно.

Въ предстоящій зимній сезонъ я должна была начать свои выѣзды въ свѣтъ. Эта перспектива не приводила меня однако въ особенный восторгъ, какъ другихъ дѣвушекъ. Моя душа стремилась къ чему-то высшему и бальные триумфы не кружили мнѣ головы. Но чего мнѣ собственно хотѣлось? Я не могла бы отвѣтить опредѣленно на этотъ вопросъ. Вѣроятно, мое сердце жаждало любви... только я не отдавала себѣ отчета въ моихъ смутныхъ желаніяхъ. Всѣ эти порыванья куда-то, въ невѣдомую даль, исканія идеала, пылкія мечты, золнующія насъ въ годы юности, честолюбивыя затѣи, въ какой бы формѣ онѣ ни проявлялись—подъ видомъ ли особенной любознательности, страсти къ путешествіямъ, или жажды подвиговъ, — въ большинствѣ случаевъ ничто иное, какъ скрытые симптомы пробуждающагося любовнаго влеченія.

Въ то лѣто врачи послали мою тетку на воды въ Мариенбадъ. Она рѣшила взять меня съ собою. Хотя мое официальное вступленіе въ такъ называемый „свѣтъ“ должно было совершиться только зимою, однако родные нашли воз-

возможнымъ вывозить меня на маленькіе балы въ кургаузѣ, чтобъ я научилась держать себя въ большомъ обществѣ и не слишкомъ робѣла при первыхъ выѣздахъ въ столицѣ. Но что произошло на первомъ же „собраніи“, гдѣ я появилась дебютанткой? Мое неопытное юное сердечко немедленно попало въ плѣнъ! Плѣнилъ его, само собою разумѣется, молодой гусарскій офицеръ. Бывшіе въ залѣ статскіе казались мнѣ, въ сравненіи съ военными, неуклюжими майскими жуками возлѣ нарядныхъ мотыльковъ. Изъ всѣхъ присутствующихъ военныхъ самыми блестящими были гусары, а между всѣми гусарами самымъ обворожительнымъ оказался графъ Арно Доцки. Высокій ростъ, курчавые черные вѣлосы, закрученные усики, бѣлые зубы, темные глаза, умѣвшіе смотрѣть такъ нѣжно, проникавшіе въ самую душу, вотъ что поражало въ немъ съ перваго взгляда. Однимъ словомъ, когда онъ спросилъ меня: „Вы еще никому не обѣщали котильонъ, графиня?“—я почувствовала, что существуютъ на свѣтѣ другіе, не менѣе восхитительные триумфы, кромѣ тѣхъ, которые выпали на долю Орлеанской дѣвѣ или Екатерины Великой. Графъ Арно, двадцатидвухлѣтній юноша, вѣроятно, испытывалъ также нѣчто подобное, кружась по залѣ въ вихрѣ вальса съ самой хорошенькой дѣвушкой изъ всѣхъ присутствовавшихъ (тридцать лѣтъ спустя, я могу высказать это безъ малѣйшаго стѣсненія). И, вѣроятно, у него вертѣлось въ головѣ: „Обладаніе тобою, прелестное существо, стоитъ всевозможныхъ маршальскихъ жезловъ“!

— Марта, Марта, опомнись!—съ упрекомъ шепнула мнѣ тетка, когда я, запыхавшись, опустилась на стулъ возлѣ нея, такъ что тюлевые воланы моего бальнаго платья чуть-чуть не закрыли голову доброй старушки.

— Простите, ради бога, тетя!—взмолилась я, усаживаясь, какъ слѣдуетъ, и оправляясь.—Я, право, нечаянно!..

— Ахъ, я вовсе не про то! Но твое обращеніе съ этимъ гусаромъ было неприлично. Развѣ можно такъ прижиматься къ своему кавалеру во время танцевъ и заглядывать прямо въ глаза мужчинѣ?

Мои щеки зардѣлись яркимъ румянцемъ. Неужели я вела себя нескромно? Неужели „несравненный“ получилъ обо мнѣ дурное мнѣніе?

Однако я имѣла случай успокоиться на этотъ счетъ еще во время бала. Послѣ ужина, графъ пригласилъ меня на вальсъ и шепнулъ мнѣ на ухо:

— Выслушайте меня... я не могу иначе... вы должны узнать... непременно сегодня же: я люблю васъ.

Эти слова звучали очень пріятно въ своемъ родѣ, и сладко взволновали меня, не хуже знаменитыхъ „голосовъ“ Юанны д'Аркъ... Но, продолжая танцовать, я, разумѣется, не могла ничего отвѣтить. Онъ, вѣроятно, понялъ это, потому что остановился. Теперь мы стояли съ нимъ въ пустомъ углу залы, гдѣ насъ никто не могъ слышать.

— Скажите, графиня, на что я могу надѣяться?

— Я васъ не понимаю,—схитрила я.

— Пожалуй, вы не вѣрите въ „любовь съ перваго взгляда?“ Я самъ до настоящей минуты считалъ ее вздоромъ, но сегодня убѣдился на дѣлѣ, что она дѣйствительно существуетъ.

Какъ шибко билось у меня сердце! Однако я молчала.

— Будь, что будетъ,—продолжалъ Доцки,—я ставлю на карту все, что мнѣ дорого... Вы или никто! Отъ васъ зависитъ рѣшеніе моей судьбы, въ вашихъ рукахъ мое счастье или смерть... потому что безъ васъ я не могу и не хочу жить... Говорите же: согласны вы быть моею?

На такой прямой вопросъ было необходимо что нибудь сказать. Я придумывала уклончивый отвѣтъ, который, не отнимая окончательно надежды у графа, все таки поддержалъ бы мое достоинство, но, вмѣсто того, только могла прошептать дрожащимъ голосомъ еле слышное: „да“.

— Слѣдовательно, я могу имѣть честь завтра же просить вашей руки у вашей матушки, а потомъ написать графу Альтгаузу?

Снова послѣдовало лаконическое „да“, однако на этотъ разъ уже нѣсколько тверже.

— О, я счастливецъ! Значить, тоже съ перваго взгляда? Ты любишь меня?

Тутъ я отвѣтила только глазами, но они, навѣрно, какъ нельзя понятнѣе сказали: „люблю!“

III.

Наша свадьба была отпразднована въ тотъ день, когда мнѣ минуло восемнадцать лѣтъ, но предварительно состоялось мое вступленіе въ свѣтъ и я была представлена императрицѣ въ качествѣ „невѣсты“. Послѣ обряда вѣнчанія, мы отправились путешествовать по Италиі, такъ какъ Арно выхлопоталъ себѣ продолжительный отпускъ. О его выходѣ въ отставку у насъ не было и рѣчи. Хотя мы оба имѣли порядочныя средства, но мой мужъ любилъ свое военное званіе и я сочувствовала ему. Я гордилась моимъ красивымъ гусаромъ и съ удовольствіемъ думала о томъ времени, когда его произведутъ въ ротмистры, потомъ въ полковники, а тамъ сдѣлають и генераломъ... Кто знаетъ, можетъ быть, ему предстоитъ выдающаяся карьера и онъ сдѣлается великимъ полководцемъ, обезсмертитъ свое имя на славныхъ страницахъ отечественной исторіи...

Теперь мнѣ очень жаль, что въ красныхъ тетрадкахъ не говорится ничего о счастливомъ времени со дня помолвки до свадьбы и о первыхъ недѣляхъ моего супружества. Конечно, блаженство и радости тѣхъ дней пронеслись бы также быстро, развѣялись прахомъ и канули въ вѣчность, еслибъ я и занесла ихъ на страницы моего дневника, но тогда между завѣтными листами сохранилось бы, по крайней мѣрѣ, ихъ свѣтлое отраженіе. Но, нѣтъ, для своихъ горестей я не находила достаточно жалобъ, многоточій и восклицательныхъ знаковъ; печальные эпизоды, грустныя чувства я считала нужнымъ тщательно повѣдать какъ современникамъ, такъ и потомству, но счастливыми часами наслаждалась молча. Счастье не внушало мнѣ гордости и потому я не повѣряла его никому, даже своему дневнику; только въ страданьяхъ и тоскѣ видѣла я нѣчто въ родѣ заслуги и носилась съ ними. Всѣ тяжелые періоды моей жизни описаны мною съ удивительной яркостью, тогда какъ въ счастливыя времена я не заглядывала въ красныя тетрадки. Ужасно глупо! Я поступала, какъ человѣкъ, который, желая принести что нибудь домой на память объ интересной экскурсіи, собиралъ бы по

дорогѣ только одно некрасивое и наполнилъ бы свою жестянку для ботанизованія — репейникомъ, колючками, червями, жабами, оставивъ безъ вниманія цвѣты и мотыльковъ.

Тѣмъ не менѣе, я помню, что то было чудное время, просто какой-то волшебный сонъ. Судьба надѣлила меня всѣмъ, чего только можетъ пожелать юное женское сердце: любовью, богатствомъ, высокимъ положеніемъ, свободой. И многое въ жизни было для меня еще такъ ново, увлекательно! Мы съ Арно до безумія любили другъ друга, любили со всѣмъ пыломъ, со всей полнотою свѣжихъ юношескихъ силъ, со знавая, что мы красивы, молоды и имѣемъ всѣ права на счастье. Мой блестящій гусарь оказался честнымъ, добрымъ, благороднымъ юношей, свѣтски-образованнымъ, да еще вдобавокъ съ веселымъ характеромъ. Это ужъ была чистая случайность въ мою пользу. Вѣдь онъ могъ точно также оказаться грубымъ и злымъ. Какой порукой въ его нравственныхъ достоинствахъ служила наша первая встрѣча на балу въ маріенбадскомъ курзалѣ? Точно также и я совершенно случайно оказалась довольно благоразумной, покладистой женой. Вѣдь и Арно рисковалъ въ свою очередь, увлекшись хорошенькимъ личикомъ, связать свою жизнь съ пустой, капризной женщиной! Такимъ образомъ вышло, что мы оба были совершенно счастливы, вслѣдствіе чего книжка въ красномъ переплетѣ, наполненная моими іереміадами, долго лежала нетронутой.

Впрочемъ нѣтъ, позвольте, здѣсь я нахожу нѣсколько веселыхъ строкъ — изліянія восторга по поводу того, что я сдѣлалась матерью. Перваго января 1859 г. (отличный новогодній подарокъ!) у насъ родился сынъ. Такое событіе, разумѣется, ужасно обрадовало меня и Арно; оно казалось намъ чѣмъ-то феноменальнымъ, точно мы были первою супружескою четою, съ которой произошло такое диво. Меня крайне занимало мое новое званіе матери и очень естественно, что я опять вспомнила свой дневникъ. Надо же было увѣковѣчить для потомства такое замѣчательное происшествіе! Кромѣ того, самая тема: „молодая мать“ представляетъ особенно благодарный матерьялъ для искусства и литературы. Недаромъ въ ней почерпали вдохновеніе всѣ поэты и художники. Она такъ легко настраиваетъ и на мистическій, и на религіозный ладъ, затрогиваетъ такія чувствительныя струны сердца. Однимъ

46
48

словомъ, въ ней можно найти столько возвышеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столько наивнаго, милаго, что это настоящая поэзія. Какъ школьные учебники способствуютъ развитію воинственнаго духа въ учащихся, такъ и это восторженное отношеніе къ материнству, воплощенному въ молодой женщинѣ, поддерживаютъ по мѣрѣ силъ всевозможные сборники стихотвореній, иллюстрированные журналы, картинныя галереи и избытыя фразы подъ рубрикою: „материнская любовь“, „материнское счастье“, „материнская гордость“. Какъ люди почитаютъ героевъ (см. „Почитаніе героевъ“ Карлейля), доходя въ данномъ случаѣ до боготворенія смертныхъ, въ такую же крайность ударяются они и въ поклоненіи передъ собственными дѣтьми въ младенческомъ возрастѣ. Разумѣется, я не отставала въ этой слабости отъ другихъ матерей. Мой крошечный, ненаглядный Руру былъ для меня первымъ чудомъ свѣта. Ахъ, мой дорогой сынъ, мой взрослый славный Рудольфъ, передъ моимъ настоящимъ чувствомъ къ тебѣ мое прежнее ребяческое восхищеніе тобою кажется такимъ ничтожнымъ! Между этой слѣпой, глухой, обезьяньей любовью молодой матери и теперешней зрѣлой привязанностью—такая же бездна, какъ между безпомощнымъ младенцемъ и вполнѣ сложившимся челоукомъ.

Молодой отецъ не меньше меня гордился своимъ наслѣдникомъ и строилъ самые заманчивые планы насчетъ его будущности. „Что же мы изъ него сдѣлаемъ?“ Этотъ нѣсколько преждевременный вопросъ часто задавался у колыбели Руру и мы всегда единогласно рѣшали: „Конечно, солдата!“ Впрочемъ, со стороны матери слышался порою слабый протестъ: „Ну, а что, какъ его убьютъ на войнѣ?“—Вотъ вздоръ какой!—возражалъ Арно.—Всякій изъ насъ умретъ, когда и гдѣ ему назначено. Кромѣ того, вѣдь Руру не останется же единственнымъ сыномъ: Богъ дастъ, у него будутъ еще и младшіе братья; тогда одного изъ нихъ мы подготовимъ къ дипломатическому поприщу, другаго сдѣлаемъ сельскимъ хозяиномъ, а третій пусть идетъ въ духовное званіе; но старшій долженъ идти по стопамъ отца и дѣда, поступить въ военную службу, — это самое лучшее призваніе.

Такъ мы на томъ и порѣшили. Двухъ мѣсяцевъ отъ роду Руру былъ произведенъ нами въ ефрейторы. Вѣдь назначаютъ

же всѣхъ кронъ-принцевъ, тотчасъ по рожденіи, шефами полковъ, почему же и намъ было не наградить своего крошку воображаемымъ чиномъ? Такая игра „въ солдатики“ съ нашимъ карапузикомъ сдѣлалась для насъ любимой забавой. Арно отдавалъ ему честь, когда мамка вносила его въ комнату. Кормилицу мы прозвали маркитанткой; чтѣ же подразумѣвалось у нея подъ именемъ провіантскаго магазина, предоставляю отгадать читателю. Когда Руру плакалъ, мы говорили: „тревога!“ А что обозначало: „Руру сидить на плацъ-парадѣ“, также не трудно понять.

Перваго апрѣля, когда ему минуло три мѣсяца (праздновать день его рожденія только разъ въ годъ казалось намъ неудобнымъ: это давало бы слишкомъ мало поводовъ къ торжествамъ) нашъ мальчикъ былъ произведенъ изъ ефрейторовъ въ капралы. Но этотъ день неожиданно омрачился неприятной вѣстью; сердце у меня заныло, и я опять излила свое грустное настроеніе на листкахъ красной тетрадки. На политическомъ горизонтѣ съ нѣкоторыхъ поръ появилась пресловутая „черная точка“, угрожавшая разростись въ грозивую тучу, чтѣ вызывало много толковъ и въ прессѣ, и въ салонахъ. Но я не обращала на это никакого вниманія. Когда мой мужъ и отецъ говаривали въ кружкѣ военныхъ: „съ Италіей у насъ скоро что нибудь да выдетъ“, мнѣ и въ голову не приходило, что тутъ дѣло пахнетъ бѣдой. Думать о политикѣ, вотъ еще! На это у меня не хватало ни времени, ни охоты. Окружающіе съ жаромъ толковали объ отношеніяхъ Сардиніи къ Австріи, обсуждали поведение Наполеона III, содѣйствіемъ котораго заручился Кавуръ путемъ участія въ крымской кампаніи; говорили и о натянутости, вызванной между нами и итальянцами этимъ союзомъ; однако я ничего не брала въ толкъ. Между тѣмъ, 1 апрѣля мой мужъ объявилъ мнѣ самымъ серьезнымъ тономъ:

— А знаешь, дорогая, вѣдь намъ не миновать...

— Чего не миновать, мой милый?..

— Войны съ Сардиніей.

Я испугалась.

— Господи, но вѣдь это было бы ужасно! И тебѣ придется выступить въ походъ?

— Надѣюсь.

— Какъ ты можешь это говорить! „Надѣюсь“. Тебѣ пріятно кинуть жену съ ребенкомъ?

— Но если долгъ велить...

— Тогда можно покориться неизбежному, но надѣяться—значить желать, чтобы у тебя явился такой печальный долгъ.

— Печальный! Да этой войнѣ слѣдуетъ радоваться. Этотъ походъ прелесть что такое! Молодецкая, славная кампанія! Будеть чѣмъ потѣшить свою удаль. Ты жена солдата, не забывай этого!

Я бросилась ему на шею.

— О, мой дорогой Арно, будь покоенъ: я могу быть и храброй... Какъ часто герои и героини прежнихъ временъ внушали мнѣ зависть своими подвигами. Какое возвышенное чувство должно наполнять сердце воина передъ битвой! О, еслибъ мнѣ было можно послѣдовать за тобою, сражаться рядомъ со своимъ возлюбленнымъ мужемъ, побѣдить или умереть..

— Славно сказано, милая женочка, только все это нелѣпость. Твое мѣсто здѣсь, у колыбели нашего малютки, изъ котораго также надо воспитать защитника отечества. Ты должна оставаться у нашего домашняго очага. Вотъ для того, чтобы защитить его отъ непріятельскаго нашествія, чтобы обезпечить безопасное существованіе своимъ женамъ и дѣтямъ, намъ, мужчинамъ, и приходится воевать.

Не знаю, почему эти слова, которыя я не разъ слышала прежде, встрѣчала въ книгахъ и даже сочувствовала имъ, показались мнѣ теперь пустою фразой... Вѣдь никто въ сущности не грозилъ безопасности нашего домашняго очага и передъ воротами города не стояли дикія полчища варваровъ; было одно политическое недоразумѣніе между двумя кабинетами... Значить, если мой мужъ съ такимъ восторгомъ стремился на войну, то не ради неотложной необходимости защищать жену, ребенка и отечество; скорѣе его тянуло къ интереснымъ приключеніямъ во время похода; наконецъ, онъ хотѣлъ отличиться, повыситься въ чинахъ... Ну да, конечно,—мысленно рѣшила я—это честолюбіе, понятное, законное честолюбіе, жажда подвиговъ храбрости.

Съ его стороны, похвально радоваться предстоящему походу, но вѣдь еще богъ знаетъ, будетъ ли война. Можетъ

быть, все уладится мирнымъ образомъ, да и въ случаѣ войны, пожалуй, моему Арно не придется выступить со своимъ полкомъ. Не всю же армію двинуть разомъ противъ непріятеля. Нѣтъ, судьба не можетъ поступить со мной такъ жестоко и разрушить мое безоблачное молодое счастье, которое сама же устроила на зависть всѣмъ. — О, мой милый Арно, мой безцѣнный мужъ, каково мнѣ было бы отпустить тебя туда, гдѣ ты поминутно подвергался бы смертельной опасности! Нѣтъ, это слишкомъ ужасно, этого не можетъ быть. Такими и подобными изліяніями наполнены страницы красныхъ тетрадокъ въ тѣ дни.

Но къ нимъ присоединяются немного позднѣе разсужденія иного рода: „Луи Наполеонъ—низкій интриганъ... Австрія не можетъ долѣе равнодушно выносить... дѣло идетъ къ войнѣ... Сардинія не посмѣетъ выступить противъ непріятеля, съ которымъ она не въ силахъ бороться, и непремѣнно уступить... Миръ не будетъ нарушенъ“... Очевидно, не смотря на мое восхищеніе битвами прежнихъ временъ, я все таки пламенно желала мира, зато мой мужъ несомнѣнно мечталъ о другомъ. Хотя онъ не высказывался прямо, но всякіе слухи объ увеличеніи „черной точки“ на политическомъ горизонтѣ радовали его; Арно сообщалъ ихъ съ веселымъ блескомъ глазъ, тогда какъ все увеличивавшіеся виды на мирный исходъ заставляли его хмуриться.

Отецъ также горячо стоялъ за войну. Побѣдить пьемонтцевъ — да это сущіе пустяки! И, въ подтвержденіе своихъ словъ, старикъ принимался сыпать анекдотами о своемъ излюбленномъ героѣ—Радецкомъ. При мнѣ, о предстоящемъ походѣ разсуждали только со стратегической точки зрѣнія; наши политики хладнокровно взвѣшивали шансы, толковали о томъ, гдѣ легче побить врага и какія выгоды произойдутъ отъ этого „для насъ“. Но никто не думалъ принимать въ расчетъ, что всякая битва, проигранная или выигранная нами, будетъ стоить цѣлаго моря крови и слезъ. Интересы, выдвинутые здѣсь впередъ, казалось, стояли настолько выше судебъ отдѣльныхъ личностей, что я стыдилась мелочности моего міросозерцанія, когда у меня порою мелькала горькая мысль: „Ахъ, что толку въ побѣдѣ бѣднымъ убитымъ или изуродованнымъ воинамъ и ихъ несчастнымъ вдовамъ“? Однако, на

эти робкіе вопросы тотчасъ являлись въ отвѣтъ избитые ди-
оирамбы изъ учебниковъ: „всѣ потери вознаграждаются сла-
вой“. Ну, а если побѣда останется на сторонѣ врага? Я
сдѣлала однажды это замѣчаніе въ кружкѣ моихъ знакомыхъ
изъ военнаго сословія. Меня, разумѣется, тотчасъ подняли
на смѣхъ. Даже предполагать возможность пораженія, допу-
скать тѣнь сомнѣнія насчетъ славнаго исхода кампаніи было
предосудительно для истой патриотки. Одна изъ священныхъ
обязанностей солдата заключается въ увѣренности, что его
войско непобѣдимо. Того же убѣжденія должна держаться и
всякая порядочная полковая дама.

Полкъ моего мужа стоялъ въ Вѣнѣ. Изъ нашей квар-
тиры открывался великолѣпный видъ на Пратеръ; стоило по-
дойти къ окну, чтобъ васъ охватило радостное чувство при-
воля. Въ томъ году весна выдалась великолѣпная. Въ теп-
ломъ воздухѣ носился запахъ фіалокъ; деревья раньше обы-
кновеннаго одѣлись свѣжей зеленью. Я радовалась продол-
жительнымъ прогулкамъ въ экипажѣ по аллеямъ Пратера,
которыя устраиваются здѣсь въ майскіе дни. Съ этой цѣлью
мы запаслись кокетливой коляской съ четверкой венгерскихъ
рысаковъ. Уже и теперь въ хорошую погоду мы объѣзжали ихъ
въ обширномъ паркѣ, но главное удовольствіе предстояло впе-
реди. Ахъ, только бы до тѣхъ поръ не вздумали объявить войну!

— Ну, слава богу, насталъ конецъ нашимъ колебаніямъ! —
воскликнулъ мой мужъ, возвратясь девятнадцатаго апрѣля съ
полковаго ученя. — Ультиматумъ поставленъ!

Я перепугалась.

— Какъ... что... что это значить?

— Это значить, что произнесено послѣднее слово дипло-
матическихъ переговоровъ, которое предшествуетъ объявленію
войны. Нашъ ультиматумъ требуетъ отъ Сардиніи разоруже-
нія; она, конечно, не приметъ подобнаго условія и мы перей-
демъ границу.

— Великій Боже! Но, пожалуй, разоруженіе послѣдуетъ,
они согласятся?

— Ну, тогда миръ не будетъ нарушенъ.

Я упала на колѣни, и не могла иначе. Изъ глубины моей
души вырвалась нѣмая, но порывистая, какъ крикъ больнаго
сердца, мольба къ Всевышнему: „Пошли намъ, Господи, миръ!“

Арно поднялъ меня съ колѣнъ.

— Что ты дѣлаешь, глупенькая?

Я охватила руками его шею и расплакалась. Это не былъ еще взрывъ личнаго горя, потому что несчастье пока не разразилось, но извѣстіе, принесенное мужемъ, до того потрясло меня, что мои нервы не выдержали и неожиданный испугъ разразился обильными слезами.

— Марта, Марта, ты право разсердишь меня, — замѣтилъ Арно тономъ порицанія. — Я хочу, чтобъ ты была по прежнему моей милой, храброй женочкой, какую нужно военному. Развѣ ты забыла, что отецъ у тебя генераль, мужъ поручикъ, да и сынъ въ капральскомъ чинѣ? — прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой Арно... Я не понимаю, чтò со мной творится... Это такъ, вдругъ... Я сама люблю военную славу... Но не знаю, почему... когда ты сказалъ, что все зависить отъ *одного* слова, которое должно быть теперь произнесено въ отвѣтъ на этотъ ультиматумъ, и это „да“ или „нѣтъ“ должно обречь на мученья и смерть тысячи людей... — подумай, каково умирать въ эти ясные весенніе дни!.. — мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что надо непременно добиться мира, и я упала съ молитвой на колѣни.

— Ахъ ты, глупенькая, глупенькая. Господь знаетъ безъ тебя, чтò ему надо дѣлать.

Въ прихожей раздался звонокъ. Я поспѣшила отереть глаза. Кто могъ бы это быть такъ рано?

Это былъ мой отецъ. Онъ просто влетѣлъ въ гостинную.

— Ну, дѣти, — заговорилъ старикъ, запыхавшись и спѣша усѣсться въ кресло, — знаете ли великую новость?.. Ультиматумъ...

— Я только что сообщилъ объ немъ женѣ.

— Скажи, папа, какъ ты думаешь, — не смѣло допытывалась я, — это можетъ еще предотвратить войну?

— Никогда отъ роду не слыхивалъ, чтобъ ультиматумъ предотвращалъ войну. Конечно, со стороны этихъ итальянскихъ оборванцевъ было бы гораздо благоразумнѣе, еслибъ они покорились и не подвергали себя непріятности наткнуться на новую Новару. Ахъ, не умри старикъ Радецкій

въ прошломъ году, я полагаю, онъ пошелъ бы на войну во главѣ нашихъ войскъ, не смотря на свои девяносто лѣтъ, да и самъ-то я двинулся бы съ нимъ, ей богу!.. Ужь показали бы мы тогда вдвоемъ, какъ нужно справляться съ такимъ паршивымъ сбродомъ! Но эти льстивые кривляки еще недовольны полученнымъ урокомъ, имъ хочется, чтобъ ихъ еще проучили. Ну, ладно: Пьемонтская область очень кстати расширить границы нашего Ломбардо-Венеціанскаго королевства. Я такъ и вижу передъ собою, какъ наши войска вступаютъ въ Туринъ.

— Однако, папа, ты говоришь такимъ тономъ, точно война уже объявлена и ты радуешься этому. А что, если моему Арно также придется выступить со своимъ полкомъ?— добавила я со слезами въ голосъ.

— Ну, конечно, онъ отправится въ походъ, счастливецъ!

— Ахъ, я такъ боюсь... эта опасность...

— Вотъ вздоръ какой! Заладила одно: опасность, опасность! Возвращаются же люди домой съ войны живы и невредимы. Я не одну кампанію сдѣлалъ, слава тебѣ, Господи, и раненъ былъ не разъ, да вотъ уцѣлѣлъ же и дожилъ до старости, когда мнѣ на роду было такъ написано.

Избитыя фразы фаталистовъ! Но не то же ли самое говорили мы съ моимъ мужемъ, выбирая военную карьеру для нашего первенца Руру? И въ данную минуту слова отца показались мнѣ отголоскомъ житейской мудрости.

— Но если мой полкъ не будетъ назначенъ въ походъ...— началъ Арно.

— Ахъ, да,—радостно перебила я,—вотъ еще надежда на хорошій исходъ!

— Тогда я переведусь въ другой, если окажется возможнымъ...—добавилъ онъ.

— Чего жъ тутъ невозможнаго?—съ живостью подхватилъ отецъ.—Гессъ назначается главнымъ командиромъ, а онъ мнѣ близкій пріятель.

Сердце трепетало у меня отъ страха и все же я не могла не восторгаться этими двумя храбрецами. Они такъ весело толковали о предстоящемъ походѣ, точно дѣло шло о какомънибудь пикникѣ. Мой отважный Арно желалъ выступить противъ непріятеля даже въ томъ случаѣ, когда того не требо-

валъ долгъ службы. Онъ шелъ на войну добровольно, а мой отецъ, при своемъ возвышенномъ взглядѣ на вещи, находилъ это вполне естественнымъ. Я собралась съ духомъ. Прочь моя ребяческая трусость слабонервной женщины! Я должна выказать себя достойной моихъ близкихъ, подавить свои эгоистическія опасенія и помнить одно: „мой мужъ—герой!“

Я вскочила съ мѣста и протянула ему обѣ руки.

— Арно, я горжусь тобою!

Онъ прижалъ мои пальцы къ своимъ губамъ и, обернувшись къ отцу, произнесъ съ сіяющимъ видомъ:

— Ты отлично воспиталъ свою дѣвочку, дорогой тесть!

* * *

Отклонень! Ультиматумъ отклонень! Это произошло въ Туринѣ 26-го апрѣля. Жребій брошенъ, война объявлена!

Еще за медѣлю я приготовилась къ катастрофѣ, но мнѣ было нелегче отъ этого. Когда Арно принесъ роковую вѣсть, я съ горькими рыданіями бросилась на софу и зарыла голову въ подушки.

Онъ подсѣлъ ко мнѣ, принимаясь кротко уговаривать меня, точно обиженного ребенка.

— Дорогая моя, успокойся! Ободришь! Вѣдь тутъ нѣтъ ничего дурнаго... Скоро мы вернемся побѣдителями... Тогда мы будемъ съ тобой вдвое счастливѣе послѣ разлуки. Не плачь; твои слезы разрываютъ мнѣ сердце. Я почти раскаиваюсь, что обѣщался непременно поступить въ дѣйствующую армію... Впрочемъ, нѣтъ! Подумай: если мои товарищи пойдутъ драться, по какому праву останусь я дома? Тогда ты сама стала бы стыдиться своего мужа... Надо же мнѣ понюхать порохового дыму, побывать въ настоящемъ огнѣ! До тѣхъ поръ я, право, не могу чувствовать себя настоящимъ мужчиной и солдатомъ. Представь себѣ, какъ славно будетъ, когда я возвращусь съ третьей звѣздочкой на воротникѣ, а, пожалуй, и съ крестомъ на груди?—Я положила голову ему на плечо и плакала по прежнему. Меня обуяло малодушіе: всѣ кресты и звѣздочки показались мнѣ ничего не стоящей мишурой... Даже цѣлый десятокъ большущихъ крестовъ на этой дорогой груди не стоятъ жестокаго риска, что она, пожалуй, будетъ пробита пулей... Арно поцѣловалъ меня въ лобъ, легонько отстранилъ отъ себя и поднялся.

— Теперь мнѣ нужно идти по дѣламъ, милое дитя явиться по начальству. Проплачься хорошенько, а къ моему приходу я надѣюсь найти тебя веселой и твердой... Ты должна успокаивать своего мужа, иначе меня одолѣють мрачныя чувства. Неужели теперь, въ такое рѣшительное время, дорогая женочка станетъ отнимать у меня всякое мужество охлаждать мой пылъ? До свиданія, голубка!

И она ушла. Я подавила рыданія. Его послѣднія слова еще звучали у меня въ ушахъ. Да, несомнѣнно, долгъ повелеваетъ мнѣ не только не мѣшать ему, но по возможности поддерживать его отвагу. Только этимъ путемъ мы, бѣдныя женщины, имѣемъ право выказывать свой патриотизмъ, что и насъ коснулся отблескъ славы, которую заслуживаютъ наши мужья на полѣ битвы... „Поле битвы“... удивительно, какъ поразили меня своимъ значеніемъ въ данную минуту эти два слова! На страницахъ исторіи, въ патетическихъ тирадахъ, они приводили меня въ экстазъ, но теперь я поняла, что подъ ними подразумѣвается отвратительная человѣческая бойня. „Да, на этихъ поляхъ битвъ они будутъ лежать зарѣзанными заколотыми, пронизанными пулями, бѣдныя, насильно выгнанныя на безобразную рѣзню, разумныя существа, съ кровавыми зіяющими ранами, и, пожалуй, въ числѣ ихъ...“ Эта мысль закончила отчаянный вопль, невольно вырвавшійся изъ меня изъ груди.

Моя горничная Бетти вбѣжала въ комнату съ перепуганнымъ лицомъ.

— Ради бога, что съ вами, ваше сіятельство?!—спросила она, дрожа.

Я взглянула на нее; глаза у ней были сильно заплаканы. Мнѣ все стало ясно: она узнала печальную новость, а возлюбленный также служилъ въ полку. Я была готова прижать ее къ груди: мы обѣ страдали одинаково.

— Ничего, дитя мое...—мягко отвѣчала я.—Люди уходятъ въ походъ, но и возвращаются обратно...

— Ахъ, ваше сіятельство, не всё... не всё!..

И она снова залилась слезами.

Тутъ ко мнѣ пріѣхала тетка; Бетти удалилась.

— Я поспѣшила къ тебѣ, Марта, чтобы утѣшить тебя

сказала старушка, бросаясь мнѣ на шею, — а также, чтобы напомнить о покорности волѣ божіей въ часы испытаній.

— Такъ ты уже знаешь?

— Весь городъ знаетъ, душа моя... Вездѣ идетъ громкое ликованье: эта война ужасно популярна.

— Ликованье, тетя?

— Ну да, конечно, въ тѣхъ семьяхъ, которыя не провожаютъ въ походъ никого изъ своихъ близкихъ. Я знала, что тебѣ тяжело, и поспѣшила сюда. Твой папа тоже сейчасъ прійдетъ, но не для того, чтобъ утѣшать, а чтобы поздравить: онъ внѣ себя отъ радости. По его мнѣнію, Арно представляется прекрасный случай отличиться. Въ сущности это, разумѣется, справедливо... для солдата, война — первое дѣло. И тебѣ слѣдуетъ смотрѣть на вещи тѣми же глазами; долгъ службы — прежде всего, мое милое дитя. Чему быть...

— Того не миновать. Знаю, дорогая тетя. Отъ судьбы не уйдешь...

— Отъ воли божіей... — поправила меня старушка тономъ легкаго упрека.

— И человѣкъ долженъ переносить неизбежное съ твердостью и покорностью судьбѣ.

— Отлично, Марта! Помни, что все предопредѣлено заранее мудрымъ и всеблагимъ промысломъ; пути Господни неисповѣдимы. Часъ смерти каждаго человѣка записанъ въ часъ его рожденія. Мы же съ тобой станемъ горячо молиться за нашихъ дорогихъ воиновъ...

Я не стала указывать ей на вопіющее противорѣчіе между двумя убѣжденіями: будто бы смерть человѣка назначена заранее и будто бы ее въ то же время можно отвратить молитвой. Я сама не понимала этого хорошенько, да къ тому же меня приучили съ дѣтства не мудрствовать лукаво въ вопросахъ вѣры. Еслибъ я высказала мое замѣчаніе, оно сильно обидѣло бы тетку. Она не могла выносить, чтобъ ктонибудь выражалъ сомнѣніе въ извѣстныхъ истинахъ. Да и вообще ко всему непостижимому принято относиться съ благоговѣніемъ, считая его недоступнымъ нашему слабому разумнію. Какъ придворный этикетъ запрещаетъ обращаться съ вопросами къ государю, также не допускается и критическое отношеніе къ установленнымъ догматамъ. Да и самая заповѣдь:

„не мудрствуй понапрасну“ очень легка для каждого. Опираясь на нее, я не стала спорить съ теткой, а, напротив, ухватилась за утѣшеніе въ молитвѣ, о которомъ она мнѣ напомнила. Въ самомъ дѣлѣ, во все время отсутствія Арно я буду горячо молиться за него, такъ горячо, что моя мольба отвратитъ отъ него вражескія пули... Отвратитъ? Но куда? Въ грудь другаго воина, за котораго также молятся его близкіе?.. А то, что я проходила въ курсѣ физики о законахъ движенія тѣлъ? Ну, вотъ опять несносныя сомнѣнія! Нѣтъ, нѣтъ, прочь эти неотвязныя мысли!

— Да, тетя Мари,—громко сказала я, желая положить конецъ противорѣчіямъ, осаждавшимъ мою голову, — будемъ усердно молиться и Господь услышитъ насъ; Арно останется невредимъ.

— Вотъ видишь, дитя, какъ въ тяжелыя минуты наша душа обращается къ религіи... Можетъ быть, милосердый создатель посылаетъ тебѣ такое испытаніе съ тѣмъ, чтобы ты сдѣлалась набожнѣе.

Тутъ опять, какъ на зло, я сейчасъ же усомнилась, чтобы возникшія съ крымской войны недоразумѣнія между Австріей и Сардиніей, продолжительныя дипломатическія переговоры между кабинетами, постановка ультиматума и его отклоненіе могли происходить съ единственной цѣлью исправить меня отъ равнодушія къ религіи.

Но я опять воздержалась и не высказала ничего. Когда человѣкъ примется уснащать свою рѣчь ссылками на священное писаніе, его слова невольно проливаютъ бальзамъ на больную душу. Ихъ надо слушать, а не критиковать. Что же касается упрека въ моей холодности къ вѣрѣ, то онъ былъ отчасти справедливъ. Тетя Мари была женщина истинно набожная, тогда какъ я придерживалась больше внѣшней обрядности. Ни мой отецъ, ни мужъ не были людьми религіозными, а потому и не требовали отъ меня богомольности. Кромѣ того, я никогда не могла съ жаромъ углубиться въ церковныя ученія, такъ какъ, вникая въ нихъ, мнѣ вѣчно приходилось придерживатся принципа: „не разсуждать“. Впрочемъ, я каждое воскресенье посѣщала церковь и разъ въ годъ бывала на исповѣди, серьезно и съ благоговѣніемъ исполняя священныя обряды. Но все это совершалось мною

скорѣе изъ приличія, потому что такъ требовалось, а не изъ усердія. Какъ выдержанная свѣтская женщина, я привыкла во всемъ подчиняться обычаю и также неукоснительно постѣщала церковь въ положенные дни, какъ появлялась на придворныхъ балахъ и дѣлала низкій реверансъ при входѣ императрицы въ залу. Капелланъ нашего замка въ нижней Австріи и нунцій въ Вѣнѣ не могли ни въ чемъ меня упрекнуть, но обвиненіе тетки все таки было основательно.

— Да, дитя мое, — продолжала она, — въ счастіѣ и благополучіи человѣкъ легко забываетъ Бога, — но когда насъ посѣтитъ болѣзнь или наступитъ опасность для насъ самихъ, или еще хуже — для нашихъ близкихъ, когда мы удручены горемъ и заботой...

Старушка, вѣроятно, еще долго распространялась бы на эту тему, но тутъ шумно распахнулась дверь и въ комнату влетѣлъ мой отецъ, весело крича:

— Ура! Наконецъ-то дождались! Лъстивымъ кривлякамъ захотѣлось, чтобъ ихъ еще разъ вздули хорошенько? Ну, что жь, и вздуемъ, и вздуемъ!

IV.

Наступило тревожное время. Война была объявлена. При такихъ обстоятельствахъ, обыкновенно забываютъ, что двѣ партіи людей ополчаются другъ противъ друга; всѣ смотрятъ на это событіе такъ, какъ будто бы, кромѣ двоихъ непріятелей, существовало еще нѣчто третье, нѣчто таинственное, возвышенное, могучее; *оно-то* и заставляеть обѣ противныя стороны вступать въ битву. Такимъ образомъ, вся отвѣтственность падаетъ на эту, стоящую внѣ воли отдѣльныхъ личностей, силу, которая уже сама рѣшаетъ судьбы народовъ. Именно такое туманное понятіе о войнѣ сложилось у большинства; я думала точно также, и война внушала мнѣ священный трепеть. О томъ, чтобы возставать противъ нея, не было и рѣчи; я страдала только за своего дорогаго мужа и мучилась сознаніемъ, что мнѣ надо оставаться дома и проводить въ страхѣ и одиночествѣ тяжелые дни, пока онъ будетъ со всѣхъ сторонъ окруженъ опасностями. Я припомнила

всѣ свои старыя впечатлѣнія, волновавшія меня, во время занятій исторіей, старалась воодушевиться, укрѣпить себя въ той мысли, что моего мужа призываетъ на войну высочайшій человѣческій долгъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ему возможность пріобрѣсти славу и почести. Теперь и я переживала историческую эпоху: эта мысль также сильно способствовала поднятію духа. Еще бы: если всѣ историки, начиная съ Геродота и Тацита и кончая новѣйшими, всегда придавали величайшую важность войнамъ, то—думалось мнѣ—и настоящая война, вѣроятно, составляетъ міровое событіе, которое придастъ извѣстный колоритъ нашему времени и займетъ почетное мѣсто на страницахъ исторіи.

Этотъ подъемъ духа и серьезно-торжественное настроеніе господствовали повсюду. И въ гостинныхъ, и на улицахъ положительно не говорили ни о чемъ другомъ; газеты также толковали только о войнѣ; въ церквяхъ молились объ успѣхахъ нашего оружія; куда ни придеши, вездѣ взволнованныя лица, оживленные разговоры о томъ-же предметѣ. Все прочее, обыкновенно интересующее людей: театр, дѣла, искусство, было отодвинуто на второй планъ. Каждому казалось, что онъ не имѣетъ права думать о чемъ нибудь постороннемъ, пока разыгрывается міровое событіе великой важности. Что ни день, то обнародованіе указовъ по арміи, пересыпанныхъ избитыми фразами о несомнѣнной побѣдѣ, о новыхъ лаврахъ; выступленіе полковъ съ музыкой и развѣвающимися знаменами; передовыя статьи въ самомъ лойяльномъ духѣ, проникнутыя пламеннымъ патріотизмомъ, и такія же публичныя рѣчи; неизмѣнныя воззванія къ добродѣтели, чести, долгу, мужеству, самопожертвованію; взаимныя увѣренія въ томъ, что мы, австрійцы, составляемъ самую храбрую, самую лучшую, благороднѣйшую націю, извѣстную своей непобѣдимостью и предназначенную къ широкому могуществу. Все это, вмѣстѣ взятое, распространяло героическую атмосферу, возбуждало гордость населенія и внушало каждому отдѣльному лицу, что онъ великій гражданинъ и живетъ въ великую эпоху.

Дурныя свойства, какъ-то: стремленіе къ захвату чужихъ земель, запальчивость, неосмотрительность, жестокость, коварство, разумѣется, также обнаруживаются при войнѣ, но исключительно со стороны „врага“. Его низость ясна, какъ

ржій день. Совершенно независимо отъ политической неиз-
вѣжности только что предпринятаго похода, а также и отъ
несомѣнно проистекающихъ изъ него выгодъ для отечества,
любая надъ противникомъ выставляется дѣломъ морали и
справедливой карой, примѣнить которую взялся самъ геній
культуры... Ахъ, эти итальянцы, что за лѣнивый, лукавый,
чувствительный, вѣтряный, тщеславный народъ! А ихъ за-
щитникъ, Луи-Наполеонъ — адское воплощеніе тщеславія и
интригантства! Когда 29 апрѣля появился его манифестъ, съ
девизомъ: „Свободная Италія вплоть до Адриатики“, какую
бурю негодованія вызвало это у насъ! Я позволила себѣ
робко замѣтить, что въ основу наполеоновскаго манифеста
положена только безкорыстная и прекрасная сама по себѣ
идея, которая непременно воодушевитъ итальянскихъ патріо-
товъ, но меня тотчасъ заставили замолчать. Слова: „Луи
Наполеонъ—злодѣй“ обратились въ догматъ и подрывать его
было преступно до тѣхъ поръ, пока Бонапартъ оставался
нашимъ „врагомъ“; все исходившее отъ него также обяза-
тельно считалось „злодѣйскимъ“. Однако, у меня возникло
еще одно слабое сомнѣніе. Во всѣхъ историческихъ описа-
ніяхъ различныхъ войнъ, симпатіи повѣствователя обыкно-
венно остаются за той изъ воюющихъ сторонъ, которая стре-
мится сбросить съ себя чужеземное иго и борется за сво-
боду. Хотя оба понятія: „иго“ и „свобода“ представлялись
несовсѣмъ опредѣленно моему уму, въ особенности послѣд-
нее, но одно было мнѣ совершенно ясно: не австрійцы, а
итальянцы стремились въ данномъ случаѣ къ благородной
цѣли, достойной общаго сочувствія. Но и за эти робко воз-
никшія въ моей головѣ и еще болѣе робко выраженные не-
доразумѣнія на меня обрушились страшные громы. Это вышло
опять таки съ моей стороны дерзновеннымъ посягательствомъ
на нерушимый, священнѣйшій принципъ, гласящій, что нашъ
образъ правленія, т. е. тотъ, подъ которымъ мы случайно
родились, никакъ не можетъ считаться „игомъ“ для под-
властныхъ намъ народовъ, а, напротивъ, представляетъ для
нихъ сущую благодать; слѣдовательно, люди, желающіе изба-
виться отъ австрійской опеки, являются уже не бойцами за
свободу, а бунтовщиками. Вообще, „мы“, при всѣхъ обстоя-
тельствахъ, всегда и во всемъ были правы.

Въ началѣ мая, къ счастью, наступили холодные, дождливые дни; ясная весенняя погода еще сильнѣе обострила бы мою печаль—выступилъ въ походъ тотъ полкъ, въ который добровольно перевелся Арно. Насталъ канунъ отъѣзда. Завтра въ семь часовъ утра... ахъ, до чего ужасна была предшествующая ночь! Еслибы моему милому приходилось уѣзжать даже куда нибудь просто по дѣламъ, разлука съ нимъ была бы мнѣ очень тяжела. Оторваться отъ близкаго человѣка всегда такъ больно... Но отпустить его на войну, на встрѣчу непріятельскимъ пулямъ и бомбамъ!.. Почему въ ту ночь война не представлялась мнѣ больше въ своемъ грозномъ величїи, а только внушала ужасъ, какъ безчеловѣчная бойня? Арно заснулъ. Его дыханіе было спокойно; черты хранили веселое выраженіе. Я зажгла цѣлую свѣчу и поставила ее за транспарантъ; въ темнотѣ мнѣ становилось слишкомъ жутко. О снѣ въ эту „последнюю“ ночь, съ моей стороны, конечно, не могло быть и рѣчи. Я хотѣла, по крайней мѣрѣ, досыта насмотрѣться на дорогое лицо. Завернувшись въ утренній капотъ, я прилегла на нашу кровать, опершись локтемъ на подушку, а подбородкомъ на ладонь, чтобы мнѣ было удобнѣе любоваться спящимъ. Горькія слезы катились у меня по щекамъ... „О, какъ ты мнѣ милъ, какъ дорогъ,—и я должна отпустить тебя на встрѣчу неизвѣстному!.. Зачѣмъ такъ жестока судьба? Какъ стану я жить безъ тебя, мой Арно? Ахъ, только бы ты поскорѣе возвратился! Милосердый Боже, отецъ мой небесный, возврати мнѣ его невредимымъ, его и другихъ! Ниспошли намъ желанный миръ. Почему не могутъ быть у насъ постоянно мирныя времена?.. Мы были такъ счастливы съ Арно... даже слишкомъ счастливы, а на свѣтѣ не можетъ быть полного счастья. Но если онъ благополучно вернется, какое это будетъ блаженство! И мы оба будемъ опять лежать рядомъ, какъ теперь, безъ боязни, что на утро наступитъ разлука... Какъ спокойно онъ спитъ! О, мой храбрый возлюбленный! Но каково-то будетъ спать тебѣ тамъ? Вѣдь въ походѣ у тебя не будетъ мягкой постели, драпированной шолкомъ и кружевами... уснешь, пожалуй, и на голой мокрой землѣ. А не то будешь лежать гдѣ нибудь во рву... безпомощный... раненый...“

При этой мысли, мнѣ представился Арно съ широкой

зіяющей раной во лбу отъ сабельнаго удара; изъ нея сочилась кровь. Или, можетъ быть, вражья пуля пронизетъ ему грудь... Тутъ я почувствовала такую жалость и нестерпимую муку, что не могла совладать со своимъ горемъ. Мнѣ хотѣлось схватить его въ объятія, осыпать поцѣлуями, но я боялась разбудить своего ненагляднаго; ему было нужно подкрѣпить себя сномъ. Еще шесть часовъ пробудемъ вмѣстѣ... тикъ-такъ, тикъ-такъ... время летитъ съ неумолимой быстротой и неуклонно ведетъ насъ къ неизбѣжному. Равнодушное тиканье маятника, отсчитывавшаго секунды, терзало меня. Свѣча также безучастно горѣла за транспарантомъ, а часы, украшенные нѣмымъ, неподвижнымъ бронзовымъ амуромъ, все продолжали тикать... Развѣ окружающіе меня неодушевленные предметы не понимали, что вѣдь это *последняя* ночь? Мои заплаканныя вѣки невольно смыкались, сознание постепенно терялось; въ изнеможеніи я опускала голову на подушку и засыпала, но всякій разъ лишь на короткое время. Едва мои чувства начинали бродить въ туманѣ неувимыхъ сновидѣній, какъ сердце судорожно сжималось и я вскакивала отъ его учащенныхъ ударовъ въ испугѣ и смятеніи, точно меня будилъ отчаянный крикъ о помощи при внезапно вспыхнувшемъ пожарѣ.

... „Разлука, разлука!“ шепталъ мнѣ кто-то на ухо.

Когда я пробудилась такимъ образомъ отъ дремоты въ десятый или двѣнадцатый разъ, было уже свѣтло, но догорѣвшая свѣча еще мерцала неровнымъ пламенемъ. Кто-то стучался въ дверь.

— Шесть часовъ, ваше благородіе, — доложилъ деньщикъ, которому было приказано своевременно разбудить барина.

Арно вскочилъ съ подушекъ. Итакъ настала часъ, когда намъ предстояло сказать другъ другу: „прости“.

О, сколько разрывающей сердце муки въ одномъ этомъ словѣ! Между нами было заранѣе рѣшено, что я не поѣду на желѣзную дорогу. Разстанемся ли мы четвертью часа раньше или позже, это являлось уже безразличнымъ. Мнѣ же не хотѣлось прощаться съ нимъ при постороннихъ. Я желала получить отъ него прощальныи поцѣлуй въ тиши своей комнаты, чтобы потомъ броситься на полъ и излить свое горе громкими воплями. Арно быстро одѣлся и во время одѣванья утѣшалъ меня.

— Ну, Марта, будь молодцомъ. Вся эта исторія затянется на какихъ нибудь два мѣсяца и мы опять будемъ вмѣстѣ. Чортъ побери! Изъ тысячи пуль попадаетъ въ цѣль всего одна; неужели же она такъ вотъ сейчасъ меня и зацѣпитъ?.. Посмотри, сколько народу благополучно приходитъ съ войны; твой папа—живой тому примѣръ. Вѣдь надо же когда нибудь попасть въ огонь. Конечно, выходя за гусарскаго офицера, ты не воображала, что его призваніе — растить гіацинты? Я стану часто тебѣ писать, какъ можно чаще! Изъ моихъ писемъ ты увидишь, какъ весело въ походѣ, какую молодецкую кампанію поведемъ мы съ непріателемъ и какъ скоро его отдѣлаемъ. Еслибъ меня ожидало что нибудь худое, я не былъ бы такъ спокоенъ. Но у меня легко на душѣ. Я отправляюсь заслужить орденъ, ничего болѣе!.. Береги хорошенько себя и нашего Руру; при моемъ повышеніи, можешь наградить и его слѣдующимъ чиномъ. Кланяйся ему отъ меня... Мы вчера уже простились... Черезъ нѣсколько лѣтъ, ему будетъ пріятно слушать рассказы отца о походѣ 59 года и о нашей славной побѣдѣ надъ итальянцами.

Я жадно прислушивалась къ его словамъ. Эта веселая болтовня ободрила меня. Мужъ охотно и радостно шелъ на войну, значить, мое горе было эгоистичнымъ, а потому и несправедливымъ. Эта мысль, по крайней мѣрѣ, дастъ мнѣ силу преодолѣть себя.

Снова раздался стукъ въ дверь.

— Пора ужъ, ваше благородіе, пожалуйте...

— Я готовъ—сейчасъ иду.—Онъ открылъ объятія.—И—такъ, Марта, дорогая жена моя, возлюбленная...

Я бросилась къ нему на грудь, въ нѣмомъ порывѣ отчаянія. Слово: „прощай“ не шло у меня съ языка, я чувствовала, что не выдержу, если произнесу его, а мнѣ не слѣдовало смущать веселости и спокойствія Арно въ минуту разставанья. Я хотѣла дать волю своему горю, когда останусь одна, чтобы вознаграждать себя хоть этимъ.

Однако онъ самъ, наконецъ, выговорилъ ужасное слово:

— Прощай, моя ненаглядная, жизнь моя, прощай!..

И Арно прижался губами къ моимъ губамъ.

Мы не могли оторваться другъ отъ друга,—вѣдь это были наши послѣднія прощальныя ласки. Но тутъ я вдругъ по-

чувствовала, какъ его губы дрожать, какъ его грудь судорожно поднимается... Онъ выпустилъ меня изъ объятій, закрылъ лицо руками и громко зарыдалъ.

Я не выдержала; мнѣ казалось, что рассудокъ мой помутился.

— Арно, Арно! — крикнула я, цѣпляясь за него, — останься!

Я сознавала, что требую невозможнаго, и все таки упрямо твердила: „не уходи, останься“!

— Ваше благородіе, — услышался въ третій разъ голосъ за дверью, — не опоздать бы...

Еще одинъ поцѣлуй — самый послѣдній — и Арно бросился вонъ изъ комнаты.

V.

Съ тѣхъ поръ, какъ я, такъ и мои родные и знакомые, только и дѣлали, что щипали корпію, прочитывали газетныя извѣстія и обозначали булавками на географической картѣ движеніе нашихъ и непріятельскихъ войскъ, точно слѣдя за рѣшеніемъ шахматной задачи на тему: „Австрія начинаетъ и въ четыре хода дѣлаетъ матъ“. По церквямъ происходили молебствія за успѣхъ нашего оружія и каждый молился за своихъ близкихъ, ушедшихъ въ походъ. Общественное вниманіе приковывали только извѣстія съ театра войны. Жизнь съ ея прочими интересами ушла куда-то далеко; все, что не касалось вопроса: „какъ и когда кончится война?“ потеряло всякую важность и даже какъ будто перестало существовать. Люди пили, ѣли, читали, занимались своими дѣлами, но точно мимоходомъ, словно это не шло въ счетъ, и только одно являлось существенно важнымъ: телеграммы изъ Италіи. Проблески счастья среди мрачнаго унынія приносили мнѣ только письма Арно. Они были очень кратки — онъ никогда не любилъ писать, — но все же эти строки, полученные отъ мужа, служили мнѣ порукой, что онъ пока живъ и не раненъ. О своевременной доставкѣ корреспонденціи и депешъ, конечно, нечего было и думать; сообщенія между нами и дѣйствующей арміей часто прерывались на болѣе или менѣе короткій срокъ, смотря по ходу военныхъ дѣйствій.

И вотъ, если такимъ образомъ проходило нѣсколько дней безъ извѣстій о мужѣ, а въ газетахъ появлялся списокъ убитыхъ, въ какомъ ужасномъ волненіи прочитывала я тогда эти имена!.. Тутъ вы съ такой же лихорадочной поспѣшностью пробѣгаете глазами столбцы, какъ обладатель выигрышнаго билета пробѣгаетъ таблицу выигравшихъ номеровъ, но въ обратномъ смыслѣ: тамъ жадно ищешь своего номера, хорошо сознавая, что шансовъ въ твою пользу очень мало, здѣсь же смертельно боишься наткнуться на дорогое имя...

Въ первый разъ, просмотрѣвъ фамиліи павшихъ воиновъ и убѣдившись, что въ числѣ ихъ не упомянуть: „Арно Доцки“ — между тѣмъ до меня уже цѣлыхъ четыре дня не доходило отъ него писемъ — я сложила руки и громко произнесла: „О, Господи, благодарю тебя!“ Но едва эти слова были высказаны, какъ я почувствовала въ нихъ рѣзкій диссонансъ, и вторично взяла газету въ руки... Значить, если на полѣ битвы остались Адольфъ Шмитъ, Карлъ Мюллеръ и много другихъ, но не Арно Доцки, я благодарила Бога? Но такая же благодарственная молитва вознеслась бы къ небу — и вполне основательно — со стороны тѣхъ, кто дрожалъ за жизнь Адольфа Шмита и Карла Мюллера, еслибъ они прочли въ этомъ спискѣ убитыхъ фамилію „Доцки“. Почему же именно *моя* благодарность должна быть пріятнѣе Богу, чѣмъ ихняя? Да, вотъ въ чемъ заключался диссонансъ моей молитвы: въ основѣ ея лежало эгоистическое чувство и надменная мысль, будто бы провидѣніе *въ угоду мнѣ* пощадило Доцки, и я спѣшила излить передъ нимъ свою благодарность за то, что не мнѣ, а матери злополучнаго Шмита или невѣстѣ Мюллера и пятидесяти другимъ суждено обезумѣть отъ горя, прочитавъ роковой газетный листокъ.

Въ тотъ же день я получила отъ Арно новое письмо.

„Вчера была у насъ жаркая битва, къ несчастью, окончившаяся новымъ пораженіемъ. Но утѣшься, дорогая Марта, слѣдующій разъ мы наверстаемъ потерянное. Это было мое первое крупное дѣло. Я стоялъ подъ самымъ градомъ пуль — необыкновенное ощущеніе! Однако, это надо передать словесно. Но какъ ужасно видѣть, что кругомъ тебя ежеминутно падаютъ раненые и ты не можешь подать имъ помощи, не смотря на ихъ жалобные стоны. „C'est la guerre!“ До ско-

раго свиданія, моя радость! Когда мы станемъ диктовать условія мира въ Туринѣ, я выпишу тебя къ себѣ. Тетя Мари, по своей всегдашней добротѣ, не откажется, конечно, присмотрѣть въ твое отсутствіе за нашимъ капраломъ“.

Но если полученіе такихъ писемъ служило проблескомъ, солнца въ моемъ существованіи, то самыми мрачными тѣнями въ немъ были мои ночи. Пробуждался ото сна, приносившаго, мнѣ забвеніе, и возвращаясь къ ужасной дѣйствительности, которая ежеминутно грозила мнѣ бѣдствіемъ, я впадала въ отчаяніе и не могла опять заснуть цѣлыми часами. Меня, то и дѣло, преслѣдовала неотвязная мысль, что въ данную минуту бѣдный Арно, можетъ быть, валяется раненый гдѣ нибудь во рву, стонетъ отъ боли и напрасно зоветъ на помощь, напрасно молить дать ему каплю воды и въ томленьѣ смертнаго часа повторяетъ мое имя. Я успокоивалась понемногу только послѣ того, какъ мнѣ удавалось нарисовать въ своемъ воображеніи самыми яркими красками картину возвращенія мужа. Вѣдь это было также вѣроятно, даже вѣроятнѣе того что онъ умретъ на полѣ битвы, покинутый всѣми. И вотъ я усиливалась представить себѣ, какъ онъ торопливо вбѣгаетъ въ комнату, какъ я бросаюсь къ нему на грудь, а потомъ веду его къ колыбели Руру и мы снова вмѣстѣ, снова счастливы и довольны. Мой отецъ сильно приунылъ. Изъ Италіи приходили все недобрыя вѣсти. Сперва Монтебелло, потомъ Маджента!.. И не онъ одинъ, вся Вѣнна погрузилась въ уныніе. Съ начала войны мы были такъ увѣрены, что она принесетъ намъ только рядъ побѣдъ, которыя мы будемъ праздновать, расцвѣчивая наши дома пестрыми флагами, совершая торжественныя молебствія по церквямъ. Но, вмѣсто того, пестрые флаги развивались въ Туринѣ, и итальянское духовенство возносило къ небу благодарственные гимны. Тамъ говорили: „Господи Боже, славимъ тебя за то, что ты явилъ намъ милость свою и помогъ разбить злодѣевъ tedesки“.

— Какъ ты полагаешь, папа,—спросила я однажды,—если мы потерпимъ еще одно пораженіе, тогда, пожалуй, будетъ заключенъ миръ? Если такъ, то я готова пожелать...

— Опомнись, Марта! Какъ тебѣ не стыдно? Да пусть будетъ у насъ семилѣтняя, а не то хоть тридцатилѣтняя война, только бы въ концѣ концовъ побѣдило наше оружіе и мы

сами продиктовали условия мира. Зачѣмъ же люди идутъ на войну? Ужь, конечно, не за тѣмъ, чтобы какъ можно скорѣе ее покончить! Тогда лучше просто сидѣть дома.

— И это было бы, дѣйствительно, самое благоразумное, — со вздохомъ подтвердила я.

— Ахъ, бабы, бабы, что вы за малодушный народъ! Даже ты никуда не годишься въ этомъ отношеніи, а ужь вѣдь, кажется, воспитана въ строгихъ правилахъ чести и въ любви къ отечеству. Но для тебя личное спокойствіе выше благоденствія и славы родной земли!

— Да, еслибъ я не любила такъ горячо своего Арно!..

— Супружеская и семейная любовь — вещи безусловно прекрасныя... но въ данномъ случаѣ ихъ слѣдуетъ отодвигать на второй планъ...

— Полно — такъ ли?

VI.

Въ списки убитыхъ попало уже много именъ лично знакомыхъ мнѣ людей. Между прочимъ, я нашла тамъ фамилію единственнаго сына одной почтенной старушки, пользовавшейся моимъ искреннимъ расположеніемъ. Вскорѣ послѣ того я собралась ее навѣстить. Для меня этотъ визитъ былъ очень тяжелъ. Утѣшать въ невозвратной потерѣ невозможно и поэтому остается только плакать вмѣстѣ съ оставшимися. Но это былъ долгъ искренней дружбы и я заставила себя идти. Однако, у дверей квартиры г-жи фонъ-Ульсманъ на меня снова напала нерѣшительность. Въ послѣдній разъ мы пріѣзжали сюда на вечеринку съ танцами и веселились отъ души. Самая почтенная хозяйка, радушная и привѣтливая, не отставала отъ гостей. „Знаешь, Марта, — сказала она мнѣ самымъ веселымъ тономъ, — мы съ тобой двѣ счастливѣйшихъ женщины въ Вѣнѣ. У тебя мужъ красавецъ, какого не сыскать, а меня великолѣпнѣйшій сынъ“. А теперь? Конечно, мой Арно еще живъ... но впрочемъ, кто знаетъ? Вѣдь бомбы и гранаты летаютъ тамъ ежеминутно; можетъ быть, одна изъ нихъ не дальше, какъ сегодня, сдѣлала меня вдовою... И я рыдала у чужаго порога, не смѣя позвонить. Какъ ра

подходящее вступленіе для печальнаго визита. Наконецъ я дернула ручку звонка. За дверями тихо. Я звоню вторично. Опять ничего.

Но тутъ изъ сосѣдней двери, выходявшей на ту же площадку, высунулась чья-то голова.

— Вы напрасно звоните, фрейлейнъ: квартира пуста.

— Какъ? Развѣ г-жа фонъ-Ульсманъ переѣхала?

— Три дня назадъ ее отвезли въ сумашедшій домъ.

И дверь захлопнулась. Минуты двѣ я не двигалась съ мѣста, точно оцѣпенѣлая; мнѣ представлялись сцены, которыя, можетъ быть, происходили здѣсь. До какой степени должна была страдать эта несчастная женщина, пока дошла до потери разсудка!

А моему отцу еще хочется, чтобъ война продолжалась хоть тридцать лѣтъ... для блага страны. Да сколько матерей тогда сойdetъ съ ума отъ горя!

Глубоко потрясенная случившимся, спустилась я съ лѣстницы и рѣшила навѣстить другую пріятельницу, молодую женщину, мужъ которой, какъ и мой Арно, находился въ дѣйствующей арміи. Мой путь лежалъ черезъ Герренскую улицу, мимо такъ называемаго „Ландгауза“, большаго зданія, гдѣ помѣщалась контора „Патріотическаго общества поданія помощи на войнѣ“. Въ то время не существовало еще ни Женевскаго Союза, ни „Краснаго Креста“; означенное общество предшествовало основанію этихъ гуманныхъ учрежденій. Оно принимало пожертвованія въ пользу раненыхъ деньгами, бѣльемъ, корпіей, перевязочными матерьялами и завѣдывало пересылкой всего этого на театръ военныхъ дѣйствій. Приношенія стекались въ изобиліи со всѣхъ сторонъ; пришлось устроить обширные склады въ особыхъ магазинахъ; едва служащіе въ комитетѣ успѣвали запаковать и отослать по назначенію одинъ транспортъ этихъ припасовъ, какъ они накапливались снова цѣлыми грудями.

Я вошла въ контору; мнѣ хотѣлось поскорѣе внести сюда и свою лепту. Можетъ быть, она послужитъ въ пользу какому нибудь больному солдату и спасетъ страдальца отъ смерти, а его мать избавитъ отъ умопомѣшательства.

Предсѣдатель общества былъ мнѣ знакомъ.

— Князь К. находится здѣсь?—спросила я швейцара.

— Въ настоящую минуту нѣтъ, но вице-предсѣдатель, баронъ С., наверху.

Онъ указалъ мнѣ отдѣленіе для пріема денежныхъ пожертвованій. Идти туда нужно было черезъ нѣсколько залъ, гдѣ на длинныхъ столахъ лежали рядами толстые тюки: груды бѣлья, табакъ, сигары, но больше всего корпіи; она была навалена цѣлыми горами... У меня забѣгали мурашки по тѣлу. Сколько же тамъ должно быть ранъ, если на нихъ требуются центнеры расщипаннаго полотна? „А еще моему отцу хотѣлось продлить эту войну для блага страны хоть на тридцать лѣтъ!“—опять мелькнула у меня горькая мысль. „Сколько же сынамъ отчизны пришлось бы тогда умереть отъ ранъ?“ Баронъ С. съ благодарностью принялъ мое пожертвованіе и охотно отвѣчалъ на разспросы о дѣятельности общества. Пріятно и утѣшительно было слышать, сколько пользы получала отъ него наша дѣйствующая армія. Тутъ же артельщикъ принесъ вице-предсѣдателю письма съ почты и доложилъ, что имъ доставлено двѣ тележки, нагруженныхъ посылками изъ провинціи. Я присѣла на диванъ въ глубинѣ комнаты, намѣреваясь переждать, пока внесутъ привезенныя вещи. Однако, ихъ стали принимать въ другой комнатѣ. Къ намъ же въ залу вошелъ господинъ преклонныхъ лѣтъ, осанка котораго обличала въ немъ военнаго.

— Позвольте мнѣ, г-нъ баронъ,—сказалъ онъ, вынимая свой бумажникъ и опускаясь въ кресло у стола,—принести вамъ и свою скромную лепту на доброе дѣло, затѣянное вами.—И онъ подаль билетъ въ сто гульденовъ.—Я смотрю на всѣхъ васъ, учредителей этого общества, какъ на истинныхъ друзей человѣчества,—продолжалъ старикъ...—Видите ли, я самъ старый солдатъ („младшій фельдмаршалъ X.“, отрекомендовался онъ) и могу судить по опыту, какое благодѣяніе бѣднымъ малымъ, которые тамъ дерутся, оказываете вы, снабжая всѣмъ необходимымъ полевые лазареты... Я участвовалъ въ кампаніяхъ 9-го и 13 года. Въ то время, ни о какихъ „обществахъ поданія помощи“ не было и помину; частныя лица не посылали на войну цѣлыми ящиками перевязочные матерьялы и корпію. Зато сколько раненыхъ умирало отъ потери крови, когда у фельдшеровъ истощались запасы! А между тѣмъ, ихъ было легко спасти, будь у хирурговъ подѣ

рукою все нужное. Повѣрьте, что васъ благословляютъ тысячи несчастныхъ. Добрые, благородные люди, вы сами не сознаете, сколько творите добра!

При этихъ словахъ, двѣ крупныхъ слезы скатились на сѣдые усы стараго генерала. Вдругъ на улицѣ послышался шумъ: громкіе голоса, топотъ торопливыхъ шаговъ. Обѣ половинки наружныхъ дверей съ трескомъ распахнулись и дежурный прибѣжалъ съ докладомъ:

— Ея императорское величество.

Баронъ С. поспѣшилъ къ выходу, чтобы встрѣтить высокую посѣтительницу, какъ подобало, внизу лѣстницы, но она успѣла уже войти въ сосѣднюю залу. Я съ восхищеніемъ смотрѣла изъ своего уголка на юную государыню: въ простомъ костюмѣ для гулянья она показалась мнѣ еще милѣе: чѣмъ въ парадныхъ туалетахъ на придворныхъ празднествахъ.

— Сегодня я получила письмо отъ императора съ театра военныхъ дѣйствій, — заговорила она, обращаясь къ вице-предсѣдателю. — Его величество пишетъ мнѣ, что посылки отъ патріотическаго общества служатъ громаднымъ подспорьемъ въ полевыхъ лазаретахъ и являются какъ нельзя болѣе кстати. Поэтому я захотѣла лично осмотрѣть ваши склады... а также изъяснить комитету признательность императора.

Тутъ императрица принялась подробно разспрашивать о дѣятельности общества и разсматривать различные предметы на столахъ, предназначавшіеся для раненыхъ.

— Взгляните, графиня, — замѣтила она сопровождавшей ее оберъ-гофмейстеринѣ, перебирая принадлежности бѣлья, — какое доброкачественное полотно и какъ все прекрасно шито.

Потомъ государыня попросила барона показать ей другія отдѣленія и вышла вмѣстѣ съ нимъ изъ залы. Очевидно, она осталась очень довольна, потому что милостиво бесѣдовала съ вице-предсѣдателемъ. Я еще слышала ея послѣднія слова передъ уходомъ: „Это—прекрасное, вполне патріотическое дѣло, которое приносить бѣднымъ солдатамъ“... Конецъ фразы потерялся въ шумѣ шаговъ. „Бѣдные солдаты“... это выраженіе еще долго звучало у меня въ ушахъ: императрица Елизавета произнесла его съ такой жалостью. Да, конечно, имъ — „бѣдные“, и чѣмъ больше оказывать имъ помощи, приносить утѣшенія, тѣмъ лучше. На тутъ же у меня явилась

мысль: а что, еслибъ вовсе не посылать несчастныхъ людей на бойню? Пожалуй, такъ было бы еще гуманнѣе! Но я поспѣшила отогнать эту мысль... Вѣдь такъ должно быть, должно быть. Другихъ извиненій для ужасовъ войны никогда не подыщешь и потому мы стараемся придать ей характеръ неизбежнаго зла.

Оттуда я отправилась дальше своей дорогой. Пріятельница, которую мнѣ хотѣлось навѣстить, жила очень близко отъ „Ландгауза“, на Угольномъ рынкѣ. По пути я зашла въ книжный магазинъ, гдѣ продавались также разныя галантерейныя вещи. Мнѣ понадобилось купить карту верхней Италіи; наша была совсѣмъ истыкана булавами съ маленькими бумажными знаменами; до того усердно мы слѣдили за передвиженіями австрійскихъ и непріятельскихъ полковъ. Кромѣ меня, въ магазинѣ было еще много покупателей. Всѣ спрашивали карты, чертежи военныхъ дѣйствій и тому подобное.

— И вамъ также прикажете карту театра войны?—спросилъ меня хозяинъ.

— Вы угадали.

— Это не трудно. Другаго почти ничего и не спрашиваютъ. Онъ принесъ мнѣ требуемое и, завертывая мою покупку въ бумагу, замѣтилъ стоявшему рядомъ съ нимъ господину:

— Плохо приходится теперь авторамъ беллетристическихъ и ученыхъ сочиненій, а также всѣмъ издателямъ, г. профессоръ. Публика совсѣмъ почти не покупаетъ книгъ. Пока продолжается война, умственная жизнь точно замираетъ. Чистый зарѣзъ писателямъ и книгопродавцамъ!

— Да и всей націи плохо, — отвѣчалъ тотъ, —отсутствие высшихъ интересовъ непремѣнно влечетъ за собой пониженіе умственного уровня.

„А мой отецъ еще хотѣлъ, —подумала я въ третій разъ, — чтобы для блага страны цѣлыхъ тридцать лѣтъ“...

— Такъ торговля у васъ идетъ плохо? — вмѣшалась я въ разговоръ обоихъ мужчинъ, оборвавъ нить своихъ размышленій.

— Не у меня одного, сударыня, а у всѣхъ, почти у всѣхъ, —отвѣчалъ книгопродавецъ. —Исключая поставщиковъ на армію, всѣ промышленники несутъ черезъ войну непревидѣнные убытки. Все остановилось: и фабричныя, и поле-

выя работы; масса народу осталась безъ занятій и безъ хлѣба. Бумаги падаютъ; ажіотажъ на биржѣ растетъ; всякая предпріимчивость гложнетъ; многія торговыя фирмы обанкротились. Однимъ словомъ, бѣда, бѣда со всѣхъ сторонъ!

„А еще мой отецъ хотѣлъ“... — шептала я про себя, выходя на улицу.

Моя пріятельница оказалась дома. Графиня Лори Грисбахъ была мнѣ товаркой во многихъ отношеніяхъ. Обѣ мы были дочерьми военныхъ генераловъ, недавно вышли замужъ за офицеровъ, а теперь состояли соломенными вдовами. Только въ одномъ она перецеголяла меня: у нея не только мужъ, но еще и двое братьевъ ушли въ походъ. Лори, къ счастью, была не изъ пугливыхъ. Она твердо вѣрила, что ея близкіе находятся подъ охраной одного святаго, особенно чтимаго ею, а потому вполнѣ рассчитывала на ихъ благополучное возвращеніе съ войны. Молодая женщина встрѣтила меня съ распростертыми объятіями.

— Ахъ, дорогая Марта, какъ мило съ твоей стороны прійти ко мнѣ! Только почему ты такъ блѣдна и разстроена... надѣюсь однако, никакихъ дурныхъ вѣстей оттуда?..

— Нѣтъ, слава богу. Но и то, что есть, достаточно печально.

— Ты хочешь сказать: наши пораженія? Ну, знаешь, имъ не надо придавать большой важности. Не сегодня — завтра мы можемъ услышать о громкой побѣдѣ.

— Побѣдимъ ли мы, или будемъ побѣждены, война сама по себѣ, все равно, ужасная вещь... Не лучше ли было бы совсѣмъ уничтожить ее?

— Ну, а тогда зачѣмъ же существовали бы военные?

— Да, зачѣмъ? — Я подумала немного и прибавила: — Тогда, конечно, не было бы и военныхъ.

— Что за вздоръ ты мелешь! Вотъ была бы скука: вездѣ одни статскіе! Брр!! У меня морозъ подираетъ по кожѣ! Къ счастью, это невозможно.

— Невозможно? Вѣроятно, ты права. Я хочу вѣрить этому, иначе трудно понять, почему давно такъ не сдѣлалось.

— Что не сдѣлалось?

— Да не послѣдовало отмѣны войны. Впрочемъ, нѣтъ: это было бы все равно, что отмѣнить землетрясеніе.

— Не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать. Что касается меня, то я очень радуюсь этой войнѣ, въ надеждѣ, что мой Людвигъ отличится. Для братьевъ это также очень выгодно: производство у нихъ шло до того туго, что подобный шансъ...

— Давно ли получала письма отъ своихъ?—перебила я.— Здоровы ли они всѣ трое?

— Признаться, давненько не было никакихъ извѣстій. Но вѣдь ты знаешь, какъ часто прерывается почтовое сообщеніе, а послѣ форсированныхъ маршей или сраженій нападаетъ такая усталость, что ужь, разумѣется, каждому не до писемъ. Впрочемъ, я и не беспокоюсь. Какъ у моего Людвига, такъ и у братьевъ на груди освященные ладонки. Мама своими руками надѣла ихъ всѣмъ троимъ...

— Ну, а представь себѣ, Лори, такую войну, гдѣ у всѣхъ солдатъ въ обѣихъ непріятельскихъ арміяхъ были бы ладонки на шеѣ? Значить, пули не ранили бы тогда никого, а улетали въ облака, не причиняя вреда?

— Я не понимаю тебя. Ты недостаточно религіозна. Вотъ и твоя тетя Мари говоритъ то же самое.

— Но почему ты не отвѣтила на мой вопросъ?

— Потому что въ немъ скрыта насмѣшка надъ тѣмъ, что для меня свято.

— Насмѣшка? Нисколько... Просто разумное разсужденіе.

— Развѣ ты не знаешь, что человѣку грѣшно забываться и судить о вещахъ, которыя стоятъ выше его разума?

— Ну, ладно, я замолчу. Пожалуй, ты права, Лори: вникать въ нѣкоторыя вещи совершенно бесполезно... У меня съ недавнихъ поръ поколебались многія изъ прежнихъ убѣжденій, и этотъ душевный разладъ причиняетъ одни мученія. Если же я разубѣдилась бы въ непремѣнной необходимости и пользѣ затѣянной войны, то никогда не могла бы простить тѣмъ, которые...

— Ты хочешь сказать: Луи-Наполеону? Конечно, онъ низкій интриганъ...

— Дѣло не въ томъ, онъ ли или кто другой былъ главной причиной зла; я хочу только непоколебимо вѣрить, что война вспыхнула не по чьей нибудь волѣ, а просто „разразилась“, какъ эпидемія, какъ взрывъ вулкана...

— Ахъ, какая ты, право, экзальтированная, душа моя! Давай лучше потолкуемъ здраво. Послушай, что я тебѣ скажу. Вотъ, Богъ дастъ, въ скоромъ времени окончится кампанія и наши мужья вернутся домой въ чинѣ ротмистра... Тогда я уговорю своего взять отпускъ на четыре недѣли или на полтора мѣсяца и поѣхать со мною на воды. Ему это принесетъ пользу послѣ всѣхъ мученій въ походѣ, да и мнѣ также. Надо же чѣмъ нибудь вознаградить себя за эту несносную духоту, скуку и безпокойство. Вѣдь и я также трушу, ты не думай!.. Можетъ быть, Господу угодно, чтобъ одинъ изъ моихъ близкихъ палъ въ бою... Хоть это—прекрасная, завидная смерть на полѣ чести... за своего императора и отчизну...

— Ты говоришь, точно читаешь приказъ по арміи.

— Но это было бы ужасно... во всякомъ случаѣ... Бѣдная мама! Ну, вдругъ съ Густавомъ или Карломъ случится что нибудь такое?.. Нѣтъ, лучше поговоримъ о другомъ! Итакъ, чтобы оправиться послѣ всѣхъ ужасовъ, недурно было бы повеселиться на водахъ... лучше всего въ Карлсбадѣ... Я туда ѣздила однажды, еще до своего замужства, и очень пріятно провела время.

— А я была въ Мариенбадѣ... и тамъ познакомилась съ моимъ Арно... Но зачѣмъ мы сидимъ, сложа руки? Нѣтъ ли у тебя подъ рукой полотна? Давай щипать корпию. Сегодня я заходила въ „Патріотическое общество поданія помощи“ и туда при мнѣ пріѣзжали... ну, угадай, кто?

Тутъ насъ прервали. Лакей принесъ письмо.

— Отъ Густава! — радостно воскликнула Лори, ломая печать.

Но, едва прочитавъ нѣсколько строкъ, она громко вскрикнула. Листокъ выпалъ у нея изъ рукъ и бѣдняжка бросилась мнѣ на шею...

— Лори, дорогая, что съ тобой? — спросила я, перепугавшись.—Твой мужъ?..

— О, Боже мой, Боже!—простонала она.—Читай сама...

Я подняла листокъ съ полу и пробѣгала его глазами. Мнѣ легко привести эти строки дословно, потому что въ послѣдствіи Лори позволила записать ихъ цѣликомъ въ мой дневникъ.

— Читай вслухъ, — попросила она.—Я была не въ силахъ дойти до конца.

Я исполнила ее желаніе и стала читать:

„Дорогая сестра! Вчера у насъ опять была жаркая битва... такъ что списокъ убитыхъ выйдетъ очень длиннымъ. Чтобы ты... чтобы наша бѣдная мама узнала о случившемся несчастіи не изъ этого источника и чтобы ты успѣла понемногу подготовить ее (скажи, что онъ опасно раненъ), я счелъ нужнымъ лучше написать тебѣ сейчасъ же всю правду: къ числу павшихъ въ этой битвѣ за отчизну принадлежитъ и нашъ храбрецъ Карлъ“. Тутъ я прервала чтеніе, чтобы обнять подругу.

— Я дочитала только до этихъ поръ,—тихо произнесла она.

Глотая слезы, я продолжала:

„Твой мужъ невредимъ, также какъ и я. Лучше бъ не-пріятельская пуля уложила меня: я завидую геройской смерти Карла—онъ палъ при началѣ боя и, такимъ образомъ, ему не пришлось горевать о новомъ пораженіи. А это очень прискорбно. Я видѣлъ, какъ онъ скатился съ лошади, потому что мы ѣхали рядомъ. Конечно, я тотчасъ бросился, чтобы поднять его, но братъ только взглянулъ на меня и скончался. Пуля, вѣроятно, пробила ему сердце или легкія. Смерть наступила быстро, безъ страданій. А сколько другихъ мучилось цѣлыми часами. Они лежали безъ помощи въ сумятицѣ битвы, дожидаясь смерти, какъ избавленія. Это былъ убійственный день. Болѣе тысячи труповъ нашихъ и вражескихъ—покрывали мѣсто сраженія. Я нашелъ между покойниками нѣсколько близкихъ знакомыхъ; въ числѣ прочихъ тамъ лежалъ и бѣдный — (тутъ мнѣ пришлось перевернуть страницу)—бѣдный Арно Доцки...“

Я безъ чувствъ покатила на полъ.

VII.

— Ну, теперь нечего и толковать, Марта! Сольферино рѣшило все: мы окончательно побиты.

Съ этими словами мой отецъ вышелъ однажды поутру на садовую лужайку, гдѣ я сидѣла подъ тѣнью вѣковыхъ липъ.

Меня съ моимъ малюткой Рудольфомъ перевезли въ отцовскій домъ.

Недѣлю спустя послѣ ужаснаго извѣстія, мои родные переѣхали въ Грумиць, собственное имѣнье въ нижней Австріи, и взяли насъ съ собою. Оставаясь одна, я дошла бы до отчаянія. Теперь же всѣ мои близкіе были снова вокругъ меня, какъ и до моего замужства: отецъ, тетка, мой маленькій братъ и двѣ сестры-подростки. Они дѣлали все, что могли, чтобы смягчить мое горе, и относились ко мнѣ съ какой-то непривычной почтительностью, что дѣйствовало на меня какъ нельзя болѣе благотворно. Моя печальная судьба очевидно внушала имъ благоговѣйное чувство; они преклонялись передъ моею скорбью, точно передъ заслугой. Дѣйствительно, наряду съ кровью, проливаемой солдатами, въ видѣ жертвы на алтарь отечества, пролитыя тутъ же слезы осиротѣвшихъ матерей, женъ и невѣсть представляются чѣмъ-то священнымъ. И я съ своей стороны признаю откровенно, что нѣкоторое чувство гордости, сознание, что это также своего рода военная доблесть:—потерять горячо любимаго мужа на полѣ чести, лучше всего помогали мнѣ переносить свою потерю. Кромѣ того, вѣдь не одной же мнѣ выпала такая участь. Сколько народу по всей странѣ оплакивало близкихъ сердцу, спавшихъ непробуднымъ сномъ въ итальянской землѣ!

Ближайшія подробности о смерти Арно не дошли до меня въ то время. Графа Доцки нашли мертвымъ, признали и погребли,—вотъ все, что мнѣ было сообщено. Его послѣдняя мысль была, конечно, обо мнѣ и нашемъ малюткѣ, а послѣднимъ явилось утѣшеніемъ сознание: „Я исполнилъ свой долгъ и даже болѣе того: я добровольно пошелъ умирать за отечество“.

— Мы разбиты,—мрачно повторилъ мой отецъ, опускаясь на садовую скамью возлѣ меня.

— Значить, всѣ тяжкія жертвы были напрасны,—прибавила я, вздыхая.

— Жертвамъ этой войны можно позавидовать: они не видятъ нашего униженія. Но мы опять ополчимся, хотя теперь, какъ говорятъ, дѣло клонится къ заключенію мира.

— Ахъ, дай-то Богъ!—перебила я.—Для меня, несчастной, конечно, ужъ поздно... но зато уцѣлѣють тысячи другихъ.

— Ты вѣчно думаешь о себѣ и объ отдѣльныхъ личностяхяхъ; между тѣмъ, здѣсь идетъ вопросъ о нашей родинѣ.

— Да развѣ она не состоитъ изъ отдѣльныхъ людей?

— Дитя мое, имперія, государство живетъ болѣе продолжительной жизнью, чѣмъ индивидуумы; исчезаютъ поколѣнія за поколѣніемъ, а оно развивается дальше: приобретаетъ славу, величіе, могущество, или же клонится къ упадку и гибнетъ, если допустить другія государства одолѣть себя. Поэтому, важнѣе и выше всего, къ чему долженъ стремиться каждый отдѣльный человѣкъ, за что онъ долженъ быть готовъ во всякое время сложить свою голову,—именно существованіе, величіе и благоденствіе государства.

Эти слова я старательно запечатлѣла въ своей памяти, чтобы въ тотъ же день занести въ свой дневникъ. По моему, они въ сжатой и сильной формѣ выражали то, что я почерпнула въ годы ученія изъ историческихъ книгъ, но что въ послѣднее время—съ выступленія Арно въ походъ—было вытѣснено изъ моего сознанія пересилившимъ всѣ отвлеченныя идеи чувствомъ страха и жалости. Мнѣ хотѣлось снова уцѣпиться какъ можно крѣпче за старые устои, чтобы почерпнуть утѣшеніе и безропотную покорность въ той мысли, что мой ненаглядный мужъ палъ на войнѣ за великое дѣло, что самое горе сливалось воедино съ этой высокой цѣлью. Добрая тетя Мари утѣшала меня опять таки на свой ладъ.

— Не плачь, милое дитя,—говорила она обыкновенно, заставая меня въ слезахъ.—Не будь такъ себялюбива, не убивайся о смерти того, кто наслаждается теперь вѣчнымъ блаженствомъ. Онъ на небесахъ и благословляетъ тебя отсюда. Ты и не замѣтишь, какъ промелькнутъ какихъ нибудь нѣсколько лѣтъ земной жизни, послѣ чего вы опять будете вмѣстѣ и Арно встрѣтитъ тебя въ полномъ блескѣ славы. Для людей, павшихъ на полѣ брани, уготованы лучшія небесныя селенія... Блаженны тѣ, кого призоветъ Господь во время исполненія священнаго долга. Пострадавшій воинъ стоитъ ближе всего къ мученику за вѣру Христову по своей заслугѣ.

— Значить, мнѣ нужно радоваться, что мой Арно...

— Радоваться... нѣтъ. Такъ много нельзя съ тебя требовать. Но ты должна съ покорностью провидѣнію переносить свое горе. Это испытаніе, ниспосланное тебѣ отъ Бога, чтобы просвѣтить и укрѣпить въ вѣрѣ для твоего же блага.

— Слѣдовательно, ради того, чтобъ просвѣтить меня, Арио былъ обреченъ...

— Не ради этого, конечно. Но кто можетъ уразумѣть неисповѣдимые пути провидѣнія? Я, по крайней мѣрѣ, не берусь за это.

Доводы тети Мари постоянно вызывали меня на возраженія, однако въ глубинѣ души мнѣ было отрадно вѣрить, что мой дорогой усопшій получилъ награду въ горнемъ мірѣ за свое самопожертвованіе и что его память на землѣ окружена лучезарнымъ ореоломъ геройской доблести. Съ какимъ торжественнымъ, хотя и грустнымъ чувствомъ присутствовала я на печальной церемоніи, происходившей за день до нашего отъѣзда изъ Вѣны въ соборъ св. Стефана. Служили панихиду по нашимъ воинамъ, павшимъ на поляхъ Италіи. Посреди церкви воздвигли высокій катафалкъ, окруженный сотнями зажженныхъ восковыхъ свѣчъ, украшенный военными эмблемами: знаменами, оружіемъ. Стройно раздавались съ хоръ трогательные звуки реквиэма, превосходно исполняемаго капеллой, а присутствующіе—по большей части женщины въ глубокомъ траурѣ—почти всѣ громко рыдали. И каждая изъ насъ оплакивала не только свою собственную потерю, своего покойника, но и всѣхъ прочихъ, кого постигла та же участь. Вѣдь всѣ они вмѣстѣ,—бѣдные, храбрые собратья по оружію,—отдали за насъ, то есть за честь своей націи, свою молодую цвѣтущую жизнь. На торжественную панихиду собрались всѣ оставшіеся въ Вѣнѣ военные: генералы, офицеры; въ глубинѣ собора стояли выстроенныя части войскъ, и всѣ эти люди были готовы послѣдовать за своими павшими товарищами безъ колебанія, безъ ропота и боязни... Съ облаками ѳиміама, подъ звонъ колоколовъ и звуки органа, возносились къ небу общая молитва, какъ богоугодная жертва, орошенная слезами глубокой скорби, и, конечно, она достигла престола Всевышняго, а небесный отецъ въ своей благодати отпустилъ земныя прегрѣшенія тѣмъ, ради которыхъ былъ воздвигнутъ этотъ катафалкъ...

Такъ думала я въ то время; по крайней мѣрѣ, такими словами описано печальное торжество въ красныхъ тетрадкахъ.

Недѣли двѣ спустя послѣ извѣстія о пораженіи подъ

Сольферино, мы узнали о томъ, что въ Виллафранкѣ идутъ прелиминарные переговоры о мирѣ. Мой отецъ лѣзъ изъ кожи, стараясь убѣдить меня, что только политическія соображенія великой важности принуждаютъ насъ къ подобному исходу войны. Я отвѣчала ему, что мнѣ во всякомъ случаѣ будетъ пріятно, когда наступитъ конецъ безчеловѣчной рѣзни, но мой добрый старикъ не унимался и все приводилъ различныя извиненія такому обороту дѣлъ.

— Ты не думай, чтобы мы струсилы. Хотя со стороны и кажется, будто Австрія идетъ на уступки, но мы не роняемъ своего достоинства и знаемъ, что дѣлаемъ. Еслибъ вопросъ касался насъ однихъ, мы не посмотрѣли бы на маленькую неприятность подъ Сольферино и не положили бы оружія. О нѣтъ, еще долго этого бы не случилось. Намъ было достаточно двинуть еще одинъ армейскій корпусъ въ Италію и непріятелю пришлось бы снова очистить Миланъ... Но видишь, Марта, тутъ идетъ дѣло о всеобщихъ интересахъ и принципахъ. Мы отказываемся продолжать войну, чтобы не навлечь бѣды на другія итальянскія княжества, на которыя точить зубы атаманъ сардинскихъ разбойниковъ вмѣстѣ со своимъ подлымъ союзникомъ, злодѣемъ Бонапарте. Эти вандалы угрожаютъ Моденѣ, Тосканѣ, гдѣ, какъ тебѣ извѣстно, царствуютъ династіи, родственныя нашему императорскому дому; мало того, они готовы возстать даже противъ Рима и папы. Если же мы временно уступимъ Ломбардію, зато намъ останется Венеція и мы можемъ оказать поддержку южно-итальянскимъ государствамъ и святѣйшему папскому престолу. Теперь тебѣ должно быть ясно, что только изъ чисто политическихъ соображеній и въ интересахъ европейскаго равновѣсія...

— Да, отецъ, — перебила я, — мнѣ это совершенно ясно. Но вотъ было бы хорошо, еслибъ мы руководствовались тѣми же соображеніями еще до Мадженты?

И у меня вырвался тяжелый вздохъ.

Желая переменить разговоръ, я указала на кипу книгъ, полученныхъ въ тотъ день изъ Вѣны.

— Посмотри, папа, книгопродавецъ прислалъ намъ на просмотръ новыя изданія. Между прочимъ, тутъ есть только что появившееся въ печати сочиненіе одного англійскаго

естествоиспытателя, нѣкоего Дарвина: „Происхожденіе видовъ“, „The Origin of Species“. Книгопродавецъ сообщаетъ въ письмѣ, что это въ высшей степени интересная вещь и способна создать эпоху въ наукѣ.

— Ахъ, что онъ тамъ болтаетъ! Ну, кто въ такое важное время, какъ настоящее, можетъ заниматься подобной дребеденью! Какое міровое открытіе, создающее эпоху для чело-вѣчества, можетъ заключаться въ книгѣ о различныхъ видахъ растений и животныхъ! Вотъ конфедерація итальянскихъ государствъ, гегемонія Австріи въ германскомъ союзѣ—дѣло другое; это важныя событія, которыя будутъ играть роль въ исторіи еще долго, долго послѣ того, какъ эта книга англійскаго писателя будетъ уже давно позабыта. Запомни мои слова.

И я запомнила.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Мирное время.

I.

Прошло четыре года. Моимъ обѣимъ сестрамъ, — теперь уже взрослымъ дѣвушкамъ, семнадцати и восемнадцати лѣтъ—наступила пора представиться ко двору. По этому поводу и я рѣшила возобновить свои прерванные выѣзды въ свѣтъ. Время сдѣлало свое дѣло и постепенно утолило мое горе. Отчаяніе мало по малу перешло у меня въ печаль, печаль въ грусть, а грусть—въ апатію, которая въ свою очередь смѣнилась воскресшей любовью къ жизни. Проснувшись въ одно утро, я пришла къ убѣжденію, что у меня еще много данныхъ на личное счастье: двадцати трехъ лѣтъ, красивая, богатая, свободная, мать прелестнаго мальчика, членъ любящей семьи — развѣ этого мало для того, чтобъ быть вполнѣ довольной?

Быстро промчавшійся годъ моей супружеской жизни казался мнѣ теперь какимъ-то сномъ. Конечно, я была безъ ума

отъ своего очаровательнаго гусара и мой любящій нѣжный мужъ сдѣлалъ меня счастливой; разлука съ нимъ причинила мнѣ страшную печаль, а его смерть жестокое горе, но все это уже миновало. Любовь къ нему не настолько срослась съ моею душою, чтобы я не могла перенести удара; для этого нашъ супружескій союзъ длился слишкомъ короткое время. Правда, мы взаимно обожали другъ друга, какъ влюбленные, но слиться воедино умомъ и сердцемъ, соединиться неразрывными узами взаимнаго уваженія и дружбы, какъ другіе супруги послѣ долгихъ лѣтъ сожителства, мы еще не успѣли. Очевидно, Арно не ставилъ меня выше всего на свѣтѣ, иначе онъ не пошелъ бы добровольно на войну, когда ничто не принуждало его къ этому: ихъ полкъ такъ и не былъ двинуть на театръ военныхъ дѣйствій. Кромѣ того, въ послѣдніе четыре года я стала другою: умственный кругозоръ мой значительно расширился; я приобрѣла познанія и взгляды, о которыхъ не имѣла понятія при своемъ выходѣ въ замужство, и которые—о чемъ я могла ясно судить теперь—были чужды и моему Арно. Такимъ образомъ, еслибъ онъ воскресъ, между нами едва ли воцарилась бы полная душевная гармонія.

Но какъ произошло со мной подобное превращеніе? А вотъ какъ. Прошелъ первый годъ моего вдовства; отчаяніе—первая фаза—перешло въ печаль. Но это было еще тяжелое состояніе; горе глубоко затаилось въ моемъ сердцѣ. О возобновленіи свѣтскихъ знакомствъ я не хотѣла и слышать, намѣреваясь посвятить всю жизнь воспитанію сына. Никогда больше не называла я мальчика ни Руру ни капраломъ; время ребяческихъ забавъ влюбленной четы со своимъ ребенкомъ миновало безвозвратно. Теперь онъ былъ для меня „мой сынъ Рудольфъ“, центръ всѣхъ моихъ стремленій, надеждъ, предметъ беззавѣтной материнской любви. Желая сдѣлаться для него впослѣдствіи хорошею учительницей или, по крайней мѣрѣ, быть въ силахъ слѣдить за его занятіями, имѣть съ нимъ общіе умственные интересы, я старалась приобрести сама какъ можно больше знаній. Къ тому же, чтеніе было единственнымъ развлеченіемъ, какое я себѣ позволяла, и такимъ образомъ я снова принялась за книги въ бібліотекѣ нашего замка. Въ особенности мнѣ хотѣлось заняться своимъ любимымъ предметомъ—исторіей. Въ послѣдніе годы, когда

война потребовала отъ моихъ современниковъ и отъ меня самой такихъ тяжкихъ жертвъ, мой прежній энтузіазмъ значительно остылъ и я хотѣла возбудить его соотвѣтствующимъ чтеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, перечитывая описанія битвъ, гдѣ превозносилась доблесть героевъ, я находила иногда нѣкоторую отраду въ сознаніи, что смерть моего бѣднаго мужа и мое горе о немъ какъ бы вошли въ составъ подобнаго же историческаго событія. Я говорю „иногда“, но не постоянно. Теперь я уже не могла смотрѣть на вещи тѣми же глазами, какъ во времена своего дѣвчества, когда мнѣ хотѣлось подражать Орлеанской дѣвѣ. Многое—ахъ, какъ многое! — въ широкоувѣщательныхъ тирадахъ о славѣ, сопровождающихъ описанія битвъ, казалось мнѣ съ теперешней точки зрѣнія пустымъ и фальшивымъ, когда я представляла себѣ ужасы настоящихъ сраженій,—именно фальшивымъ и пустымъ, какъ поддѣльная монета, заплаченная за настоящую жемчужину. Честно ли платить павшимъ воинамъ за жемчужину-жизнь трескучими фразами напыщенныхъ прославленій?..

Вскорѣ мною были перечитаны всѣ историческія книги изъ нашей библіотеки. Тогда я написала своему книгопродавцу, прося прислать мнѣ что нибудь новое по этой части. Тотъ прислалъ: „Исторію цивилизаціи“ Томаса Бокля „Это—неоконченное сочиненіе, — писалъ онъ, — но прилагаемые здѣсь два тома, которые служатъ вступленіемъ, представляютъ отдѣльное цѣлое. Какъ въ Англіи, такъ и въ остальномъ образованномъ мірѣ, они возбудили большой интересъ; авторъ, по отзывамъ критики, положилъ этимъ произведеніемъ твердую основу совершенно новому взгляду на исторію“.

Дѣйствительно, совершенно новому. Когда я прочитала оба тома разъ и два, то почувствовала себя, какъ человѣкъ, который жилъ всю жизнь въ глубокой котловинѣ и въ первый разъ попалъ на вершину одной изъ сосѣднихъ горъ, откуда передъ нимъ открылся свободный видъ на окрестности съ различными строеніями и садами, на скалистый берегъ и безбрежное море, убѣгающее изъ глазъ въ туманной дали. Разумѣется, не стану утверждать, чтобъ я, двадцатилѣтняя женщина съ поверхностнымъ образованіемъ, могла понять книгу Бокля во всемъ ея глубокомъ значеніи или — продолжая говорить метафорой—чтобъ я была въ состояніи постичь вели-

чіе монументальныхъ зданій и безпредѣльность океана, открывшихся передъ моимъ изумленнымъ взоромъ,—но я была ослѣплена, поражена; я убѣдилась, что за гранью моей родимой узкой долины находится пространный, широкій свѣтъ, о которомъ до сихъ поръ до меня не доходило никакихъ слуховъ. Только перечитавъ „Исторію цивилизаціи“ пятнадцать или двадцать лѣтъ спустя, да еще познакомившись съ другими сочиненіями въ томъ же духѣ, я, пожалуй, имѣла право сказать, что понимаю ее. Только одно стало мнѣ ясно уже и тогда: именно, что исторія человѣчества зависитъ не отъ королей и государственныхъ дѣятелей, — какъ думали прежде, — не отъ войнъ и трактатовъ, обусловленныхъ честолюбіемъ однихъ и дипломатической тонкостью другихъ, но отъ постепеннаго хода умственнаго развитія. Придворныя и военныя хроники, включаемыя по очереди въ историческія книги, представляютъ отдѣльныя явленія современнаго состоянія культуры данной эпохи, но никакъ не служатъ побудительными причинами къ ея развитію. Традиціонной „восторженности“, съ какою историки обыкновенно распространяются о жизни великихъ завоевателей и опустошителей мирныхъ странъ, я не нашла у Бокля и слѣда. Напротивъ, онъ доказываетъ, что самое почтеніе къ военному сословію стоитъ въ обратномъ отношеніи къ высотѣ культуры народа: чѣмъ дальше вглубь варварскихъ временъ, тѣмъ чаще взаимныя нападенія, тѣмъ тѣснѣе границы мира: провинція возстаетъ на провинцію, городъ на городъ, племя на племя. Англійскій писатель подчеркиваетъ еще то обстоятельство, что не только сама война, но и „любовь“ къ войнѣ ослабѣваетъ по мѣрѣ духовнаго развитія общества. Это болѣе всего пришлось мнѣ по душѣ. Моя собственная внутренняя жизнь, не смотря на ея кратковременность, служила тому подтвержденіемъ, а я еще объясняла свои сомнѣнія трусостью, старалась подавить ихъ, полагая, что только у меня одной откуда-то берется подобное вольнодумство! Теперь же я убѣдилась, что мое разочарованіе въ прежнихъ идеалахъ было слабымъ отголоскомъ духа времени. Этотъ англійскій историкъ, этотъ ученый и мыслитель, а съ нимъ и множество обыкновенныхъ смертныхъ, также перестали благоговѣть передъ войною, какъ и я. Бокль въ своей книгѣ прямо относитъ такое явленіе къ періоду дѣтства въ жизни

народовъ. Такъ и мой энтузіазмъ предъ завоевателями былъ просто ребячествомъ. Однимъ словомъ, въ историческомъ сочиненіи англійскаго писателя я нашла какъ разъ противоположное тому, чего искала. Но это была счастливая находка: новыя истины возвысили мой умъ, просвѣтили меня, успокоили. Однажды я вздумала потолковать съ отцомъ объ интересовавшемъ меня предметѣ и сообщить ему свои новыя воззрѣнія, однако изъ моей попытки ничего не вышло. Онъ отказался послѣдовать за мной изъ долины на высокую гору, т. е. не захотѣлъ читать книги Бокля, а безъ этого съ нимъ было бы бесполезно разсуждать о вещахъ, видимыхъ только оттуда. Миновалъ еще годъ—вторая фаза—когда жгучая печаль перешла въ меланхолію. Я читала и занималась еще прилежнѣе прежняго. Чтеніе Бокля привило мнѣ привычку къ серьезному мышленію, и я поняла, какое наслажденіе для мыслящаго человѣка расширять все дальше и дальше свой умственный кругозоръ. Поэтому, послѣ „Исторіи цивилизаціи“, мною были внимательно прочитаны еще нѣсколько сочиненій въ такомъ же родѣ. И возбужденный ими интересъ, почерпнутыя въ нихъ духовныя наслажденія много способствовали наступленію третьей фазы—они излѣчили меня отъ меланхоліи. Но, когда со мной произошло третье превращеніе и во мнѣ проснулась вновь подавленная горемъ жажда жизни, книги вдругъ перестали удовлетворять меня. Тутъ я поняла, что этнографія и антропологія, сравнительная міеологія и даже всѣ вмѣстѣ взятыя „графіи“ и „логіи“ не въ силахъ наполнить существованія молодой женщины, которая хочетъ жить и, благодаря исключительно счастливымъ даннымъ, можетъ какъ нельзя лучше устроить свою судьбу... Итакъ, зимою 1863 года я рѣшила сама вывозить въ свѣтъ младшихъ сестеръ и открыла свои салоны для пріемовъ.

II.

Графиня Марта Доцки,—богатая молодая вдова. Такими многообѣщающими словами опредѣлялось мое общественное положеніе въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ „великосвѣтской“ комедіи. И я должна сознаться, что роль припала мнѣ по

плечу. Немалое удовольствіе—быть окруженной со всѣхъ сторонъ поклоненіемъ, встрѣчать повсюду почетъ, восторженный приѣмъ и пользоваться особой благосклонностью общества. Немалое наслажденіе, послѣ почти четырехлѣтняго затворничества, попасть въ водоворотъ всевозможныхъ развлеченій; знакомиться съ новыми, интересными и выдающимися личностями, почти ежедневно присутствовать на какомъ нибудь блестящемъ празднествѣ и сознавать себя, при этомъ, центромъ всеобщаго вниманія.

Меня и моихъ младшихъ сестеръ прозвали „богинями съ горы Иды“, и какое безчисленное множество эрисовыхъ яблокъ приподносилось намъ современными Парисами! Разумѣется, я, въ званіи „богатой молодой вдовы“, обозначенномъ въ вышеприведенной театральной афѣшкѣ великосвѣтской комедіи, обыкновенно пользовалась предпочтеніемъ. Въ нашемъ семействѣ считалось дѣломъ рѣшенымъ, что мнѣ предстоитъ вторично выйти замужъ, да и я сама была не прочь сдѣлать хорошую партію. Тетя Мари, принимаясь за свои наставленія въ религіозномъ духѣ, не говорила больше объ усопшемъ, который „ждетъ меня въ горнихъ селеніяхъ“. Конечно, еслибъ я вздумала выбрать себѣ новаго спутника „недолгихъ лѣтъ земной жизни, отдѣлявшихъ меня отъ могилы“ — событіе, крайне желанное и для самой тети Мари—то наше свиданіе въ загробномъ мірѣ утратило бы много своей умилительности.

Всѣ окружающіе точно позабыли о существованіи Арно, только я—нѣтъ. Хотя время испѣлило мое горе, но его образъ не ступевался въ моей памяти. Можно перестать печалиться о своихъ умершихъ, но забывать ихъ не слѣдуетъ. Меня возмущало такое равнодушіе моихъ близкихъ къ его памяти; оно казалось мнѣ чѣмъ-то въ родѣ посмертнаго убійства. Я избѣгала съ своей стороны считать моего бѣднаго мужа какъ бы несуществовавшимъ, и съ этой цѣлью приняла за правило ежедневно напоминать своему Рудольфу объ его отцѣ; кромѣ того, за вечерней молитвой ребенокъ постоянно повторялъ „Господи, помоги мнѣ сдѣлаться честнымъ и добрымъ изъ любви къ моему дорогому отцу Арно“.

Мои сестры ужасно веселились ту зиму, да и я не отставала отъ нихъ. Это былъ, собственно говоря, также мой дебютъ въ свѣтѣ. Въ первый разъ я вступила въ него, какъ

невѣста и новобрачная. Разумѣется, это держало кавалеровъ въ почтительномъ отдаленіи, а что же и составляетъ главную прелесть „свѣтской“ жизни, какъ не ухаживанье? Но странно: хотя мнѣ и нравилось быть постоянно окруженною толпой поклонниковъ, однако ни одному изъ нихъ не удалось произвести на меня сколько нибудь сильнаго впечатлѣнія. Между ими и мною стояла преграда, которую оказывалось рѣшительно невозможнымъ преодолѣть. И эту преграду воздвигли три года моихъ серьезныхъ занятій и размышленій въ одиночествѣ. Интересы всей этой блестящей свѣтской молодежи исчерпывались спортомъ, игрой, балетомъ, а въ крайнемъ случаѣ—честолюбивой погоней за успѣхомъ по службѣ (большинство ихъ были военные); о вещахъ же, съ которыми познакомили меня книги серьезныхъ авторовъ и которыми я такъ жадно упивалась, они не имѣли ни малѣйшаго понятія. Тотъ языкъ, въ которомъ я приобрѣла, конечно, только первоначальныя познанія, но на которомъ, какъ мнѣ было извѣстно, обсуждаются людьми науки и со временемъ будутъ рѣшены высшіе вопросы, казался имъ не только „испанскимъ“, но прямо патагонскимъ.

Изъ этой категоріи молодыхъ людей я, конечно, никогда не выберу себѣ мужа; это не подлежало сомнѣнію. Да и кромѣ того, нечего было спѣшить снова отдавать свою свободу; она мнѣ такъ нравилась. Поклонниковъ своихъ, которые обнаруживали поползновеніе просить моей руки, я умѣла держать на почтительномъ разстояніи, такъ что ни одинъ изъ нихъ не рѣшался за меня посвататься, а въ обществѣ никто не смѣлъ сказать: „она позволяетъ ухаживать за собою“, что такъ компрометируетъ каждую женщину. Нѣтъ, пускай мой сынъ Рудольфъ гордится своей матерью, когда вырастетъ, а потому ни малѣйшая тѣнь не должна падать на ея репутацію. Но, если мнѣ случится кого либо искренно полюбить—конечно, человѣка достойнаго—то я не прочь воспользоваться правами на счастье, которыя даетъ мнѣ моя молодость, и вторично выйти замужъ.

Теперь же, хоть я и была одинокой, но ничуть не тяготилась своей участію. Танцы, театръ, наряды сильно занимали меня. Но при этомъ я не оставляла безъ вниманія ни ребенка, ни своего самообразованія. Не отдаваясь специаль-

ному изученію какого нибудь предмета, я слѣдила за умственнымъ движеніемъ въ образованномъ мірѣ, доставала всѣ новыя книги по различнымъ отраслямъ литературы, а журналъ: „*Revue de deux Mondes*“ обыкновенно прочитывала отъ доски до доски, не исключая и научныхъ статей. Мои занятія, разумѣется, привели къ тому, что преграда между моею духовной жизнью и міромъ окружавшихъ меня молодыхъ мужчинъ росла все выше, но это было вполне естественно. Я охотно пригласила бы къ себѣ нѣкоторыхъ литераторовъ и ученыхъ, но въ той средѣ, гдѣ я вращалась, это было не принято. Мѣщанскій элементъ не допускался въ высшее общество Вѣны, особенно въ то время; съ тѣхъ поръ этотъ духъ исключительности нѣсколько ослабѣлъ, и теперь въ модѣ открывать свои салоны избраннымъ представителямъ искусства и науки. Но тогда было иначе; кто не имѣлъ доступа ко двору, т. е. не могъ насчитать въ своей родословной шестнадцати знатныхъ предковъ, не допускался въ аристократическій кругъ. Наши обычные посѣтители были бы неприятно удивлены, встрѣтивъ у меня нетитулованныхъ гостей, и не знали бы, какого тона имъ держаться съ непрощенными пришлецами. Да и тѣ, въ свою очередь, нашли бы невыносимо скучной мою гостинную, переполненную графинями, спортсменами, старыми генералами и старушками-канониссами. Какое участіе могли бы принимать люди ума и обширной эрудиціи, писатели и артисты, въ банальныхъ разговорахъ о томъ, у кого вчера были танцы и у кого будутъ завтра: у Шварценберга или у Паллавичини, или же при дворѣ; кому баронесса Пахеръ вскружила голову, какую партію сдѣлала графиня Пальфи, сколько помѣстій у князя Круа, кто „урожденная“ молоденькая Альмари — Фестечичъ или Венкгеймъ и не та ли это Венкгеймъ, мать которой была Кевенгюллеръ и т. д., и т. д. Таково было обыкновенное содержаніе бесѣдъ вокругъ меня. Встрѣчались въ нашемъ обществѣ, конечно, и умные, образованные люди — государственные дѣятели и т. п., но, разговаривая съ нами, танцующей молодежью, они вмѣняли себѣ въ обязанность придерживаться того же легкомысленнаго тона и вести безсодержательные разговоры. Какъ охотно, послѣ какого нибудь званнаго обѣда, я подсѣла бы въ уголокъ, гдѣ составила

группа серьезных собесѣдниковъ: нашихъ дипломатовъ, объѣздившихъ Европу, или краснорѣчивыхъ членовъ рейхстага, или другихъ выдающихся личностей, обсуждавшихъ важные вопросы, но это было не принято. Мнѣ приходилось довольствоваться болтовней съ другими молодыми женщинами о разныхъ пустякахъ, о театрахъ, поклонникахъ, туалетахъ, которые мы готовили къ предстоящему большому балу. Да еслибъ даже я и рискнула присоединиться къ группѣ дѣловыхъ людей, они тотчасъ прекратили бы разговоръ о политической экономіи, о поэзіи Байрона, о теоріяхъ Штрауса и Ренана, чтобы разсыпаться передо мною въ обязательныхъ любезностяхъ:

— Ахъ, графиня Допки, вчера на дамскомъ пикникѣ вы были очаровательны!.. А вы будете завтра утромъ на приѣмѣ въ русскомъ посольствѣ?..

III.

— Позволь, дорогая Марта, представить тебѣ подполковника барона Тиллинга,—сказалъ мнѣ мой двоюродный братъ Конрадъ Альтгаузъ на одномъ танцевальномъ вечерѣ.

Я поклонилась. Конрадъ отошелъ, а представленный мнѣ господинъ не сказалъ ни слова. Я воображала, что онъ приглашаетъ танцевать, и встала съ мѣста, готовясь положить приподнятую и закругленную лѣвую руку на плечо барона Тиллинга.

— Простите, графиня, — сказалъ онъ тогда съ легкой улыбкой, обнаружившей ослѣпительно бѣлые зубы, — я не могу танцевать.

— А, тѣмъ лучше, — отвѣчала я, снова опускаясь на стулъ,—говоря по правдѣ, я нарочно ушла сюда, чтобы немного отдохнуть.

— А я желалъ имѣть честь быть представленнымъ вамъ, графиня, чтобы передать вамъ нѣчто.

Я съ удивленіемъ подняла глаза. Баронъ смотрѣлъ серьезно. Это былъ солидный господинъ, уже не молодой—лѣтъ сорока, съ сѣдиной на вискахъ, но, въ общемъ, его наружность показалась мнѣ благородной и симпатичной. У меня уже вошло въ привычку смотрѣть на каждое новое лицо съ

предвзятой мыслью, и я прежде всего спрашивала себя: не женихъ ли ты? Годисься ли для меня? Въ данномъ случаѣ, на оба эти вопроса я поспѣшила мысленно отвѣтить: „нѣтъ“. Тиллингъ не смотрѣлъ на меня тѣмъ вкрадчиво-восторженнымъ взглядомъ, какой обыкновенно бываетъ у мужчинъ, имѣющихъ на женщину матримоніальные виды. А второй вопросъ заставилъ меня рѣшить такъ поспѣшно не въ пользу солиднаго барона его военный мундиръ. У меня было твердо рѣшено не выходить вторично за военнаго, и не по одной только той причинѣ, что я не хотѣла второй разъ переживать невыносимыхъ волненій и страха, когда мужъ отправится въ походъ. Нѣтъ, здѣсь на первомъ планѣ стояли мои новыя воззрѣнія на войну, которыхъ не могъ раздѣлять ни одинъ военный.

Между тѣмъ подполковникъ отклонилъ мое приглашеніе сѣсть возлѣ меня.

— Я не смѣю утруждать васъ дольше, графиня, — сказалъ онъ. — То, что я желаю вамъ сообщить, не имѣетъ ничего общаго съ бальной суетою. Мнѣ хотѣлось только попросить позволенія заѣхать къ вамъ; не будете ли вы такъ добры назначить день и часъ, когда я могу съ вами переговорить?

— Я принимаю по субботамъ отъ двухъ до четырехъ.

— Да, но въ это время, я полагаю, вашъ домъ похожъ на пчелиный улей, куда то и дѣло влетаютъ и откуда вылетаютъ собиратели меда...

— А я сижу, точно королева пчель въ ячейкѣ, хотите вы сказать?.. Премилый комплиментъ!

— Compliments я никогда не говорю, какъ не приношу и меду, слѣдовательно, буду не на своемъ мѣстѣ на вашемъ шумномъ субботнемъ собраніи: мнѣ нужно переговорить съ вами наединѣ.

— Вы подстрекаете мое любопытство. Ну, въ такомъ случаѣ прошу пожаловать ко мнѣ завтра, во вторникъ, въ тѣ же часы; я буду дома только для васъ и не велю никого принимать.

Онъ поблагодарилъ наклоненіемъ головы и удалился.

Немного погодя, я увидала моего двоюроднаго брата тот-

часъ подозвала его къ себѣ, усадила возлѣ и стала разспрашивать о баронѣ Тиллингѣ.

— Онъ понравился тебѣ? Признайся откровенно? Ты не стала бы такъ интересоваться имъ, еслибъ онъ не произвелъ на тебя сильнаго впечатлѣнія. Ну, что жъ, Тиллингъ годится въ женихи, т. е. я хочу сказать—онъ холостъ, но, разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ и не свободенъ, какъ каждый неженатый человѣкъ... Поговариваютъ, будто бы одна весьма высокопоставленная дама (Альтгаузъ назвалъ принцессу изъ царствующаго дома) приковала его къ себѣ нѣжными узами. По этой причинѣ, будто бы, онъ и не женился до сихъ поръ. Его полкъ еще недавно перевели въ Вѣну, потому-то онъ здѣсь новое лицо; Тиллинга рѣдко встрѣчаешь въ обществѣ; онъ, кажется, не любитъ баловъ и всякихъ увеселеній. Я познакомился съ нимъ въ дворянскомъ казино, гдѣ онъ ежедневно проводитъ часа два, но сидитъ обыкновенно въ читальной, погрузившись въ чтеніе газетъ или въ шахматную партію съ однимъ изъ нашихъ лучшихъ игроковъ. Я удивился, увидавъ его здѣсь, но вѣдь хозяйка дома приходится ему кужиной; этимъ и объясняется появленіе Тиллинга на короткое время на ея балу; въ настоящую минуту онъ уже уѣхалъ; Откланявшись тебѣ, онъ пошелъ къ выходу.

— А ты представилъ его и другимъ дамамъ? Пожалуй, многимъ?

— Нѣтъ, только одной тебѣ. Но ты не вздумай вообразить, что онъ плѣнился издали твоимъ личикомъ и потому пожелалъ съ тобой познакомиться. Разочаруясь: подполковникъ просто сказалъ мнѣ: „Не можете ли вы мнѣ сообщить, находится ли здѣсь нѣкая графиня Доцки, урожденная Альтгаузъ—вѣроятно, ваша родственница? Я долженъ съ нею переговорить“. Да, —отвѣчалъ я, указывая на тебя:—вонъ она сидитъ въ уголку на диванѣ—въ голубомъ. — „Ахъ, это она? Будьте такъ любезны, представьте меня ей“. Это я исполнилъ очень охотно, вовсе не подозрѣвая, что ты поплатишься з. мою поспѣшность спокойствіемъ своего сердечка.

— Не говори глупостей, Конрадъ,—мое спокойствіе не такъ легко смутить. Тиллингъ? Что это за фамилія? Я слышу ее въ первый разъ.

— Ага, какъ тебя разбираетъ любопытство! Счастливецъ

баронъ! Вотъ я цѣлыхъ три мѣсяца добиваюсь твоей благосклонности, пуская въ ходъ всѣ силы своего очарованія, и все напрасно. А этотъ холодный, деревянный подполковникъ—онъ холоденъ и неуязвимъ, прими это къ свѣдѣнію—пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ! Что за фамилія „Тиллингъ“, спрашиваешь ты? Да вѣроятно онъ родомъ изъ Пруссіи, хотя уже его отецъ служилъ въ австрійской службѣ—но мать подполковника—прусачка; это я навѣрно знаю. Вѣроятно, и ты замѣтила его сѣверо-германскій выговоръ.

— Онъ великолѣпно говорить по нѣмецки.

— Ужь, разумѣется, все въ немъ великолѣпно!—Альтгаузъ всталъ.—Ну, съ меня довольно. Позволь мнѣ предоставить тебя твоимъ сладкимъ мечтамъ, а я постараюсь найти такихъ собесѣдницъ...

— Которыя находятъ въ тебѣ всѣ совершенства. Конечно, такихъ особъ достаточно...

Я рано уѣхала съ бала, оставивъ младшихъ сестеръ подъ охраной тети Мари; меня же ничто не удерживало здѣсь больше. Охота къ танцамъ пропала; я чувствовала себя утомленной и стремилась къ уединенію. Почему?.. Конечно, не ради того, чтобъ думать о Тиллингѣ безъ помѣхи?.. Но, кажется, это было такъ. По крайней мѣрѣ, я просидѣла далеко за полночь за красной тетрадкой, куда записала предъидущіе разговоры, сопровождая ихъ такими разсужденіями: „Очень интересная личность этотъ Тиллингъ... Принцесса, которая его любитъ, вѣроятно, думаетъ теперь о немъ... или, пожалуй, въ эту минуту онъ у ея ногъ, и она не чувствуетъ себя такой одинокой, какъ я. Ахъ, какъ было бы хорошо любить когонибудь всей душою—разумѣется, не Тиллинга—вѣдь я его почти совсѣмъ не знаю... Я завидую принцессѣ не ради его, а просто ради самой любви. И чѣмъ больше страстнаго пыла въ ея чувствѣ къ нему, тѣмъ сильнѣе я ей завидую“...

Моей первой мыслью при пробужденіи на другое утро былъ опять таки Тиллингъ. Да, вѣрно: онъ общалъ пріѣхать ко мнѣ сегодня со своими важными сообщеніями. Давно ужъ не ждала я ничего визита съ такой тревогой.

Въ назначенный часъ, мною было отдано приказаніе не принимать никого, кромѣ ожидаемаго гостя. Сестеръ не было

дома; неутомимая *garde-dame*, тетя Мари, повезла их на катокъ.

Я усѣлась въ своей маленькой гостинной—на мнѣ былъ кокетливый домашній костюмъ фіолетоваго бархата (этотъ цвѣтъ, какъ извѣстно, очень идетъ къ блондинкамъ)—взяла книгу и стала дожидаться. Ждать мнѣ пришлось недолго: въ десять минутъ третьяго фрейгерръ фонъ-Тиллингъ былъ уже передо мною.

— Какъ видите, графиня, я поспѣшилъ воспользоваться вашимъ позволеніемъ,—сказалъ онъ, цѣлуя мою руку.

— Къ счастью, баронъ,—отвѣчала я, улыбаясь и указывая ему на кресло,—иначе я умерла бы отъ любопытства: до того искусно вы сѣумѣли подстрекнуть его.

— Въ такомъ случаѣ, я безъ всякихъ вступленій передамъ вамъ то, что собирался. Если я не сдѣлалъ этого вчера, то лишь потому, что мнѣ не хотѣлось смущать вашей веселости...

— Вы меня пугаете...

— Скажу прямо: я участвовалъ въ сраженіи подъ Мад-жентой...

— И были свидѣтелемъ смерти Арно!—воскликнула я.

— Совершенно вѣрно. Я могу описать вамъ его послѣднія минуты.

— Говорите,—произнесла я, содрогаясь.

— Не волнуйтесь, графиня. Еслибъ эти послѣднія минуты были такъ ужасны, какъ у многихъ другихъ, я, конечно, не сталъ бы передавать ихъ вамъ: ничего нѣтъ тяжелѣе, какъ узнать о дорогомъ человѣкѣ, что конецъ его былъ мучителенъ. Въ настоящемъ же случаѣ вышло какъ разъ наоборотъ.

— Вы сняли у меня камень съ души. Рассказывайте, прошу васъ.

— Я не стану повторять вамъ избитой фразы, которую стараются утѣшить родныхъ павшаго воина: онъ умеръ, какъ „герой“, потому что самъ хорошенько не понимаю смысла этихъ словъ. Но я могу принести вамъ существенное утѣшеніе, сказавъ, что графъ Доцки скончался, вовсе не думая о смерти. Съ самаго начала, у него была твердая увѣренность, что съ нимъ ничего не случится. Мы часто бесѣ-

довали между собою и онъ рассказывалъ мнѣ о своемъ семейномъ счастьѣ, показывалъ портретъ своей молодой жены и малютки-сына. Графъ пригласилъ меня бывать въ его домѣ, „когда мы окончимъ кампанію“. Въ сутолокѣ битвы подъ Маджентой намъ случилось быть рядомъ. Не стану описывать предшествующихъ сценъ—подобныя вещи не поддаются словесному описанію. Люди воинственнаго духа приходятъ въ пороховомъ дымѣ и подъ градомъ пуль въ такое опьяненіе, что не сознаютъ того, что дѣлается вокругъ. Доцки принадлежалъ къ ихъ числу. Его глаза блистали, онъ цѣлилъ твердой рукой и весь пылалъ воинственнымъ воодушевленіемъ; я отлично могъ это замѣтить, оставаясь совершенно хладнокровнымъ. Вдругъ летитъ снарядъ и падаетъ шагахъ въ двухъ отъ насъ. Когда его разорвало, десять человѣкъ свалилось на землю и между ними Доцки. Тотчасъ поднялся вой и жалобные стоны, но графъ не вскрикнулъ ни разу: онъ былъ мертвъ. Я и двое другихъ товарищей наклонились къ раненымъ, чтобы подать имъ помощь, но объ этомъ нечего было и думать. Всѣ они, искалѣченные и распластанные самымъ ужаснымъ образомъ, боролись со смертью, претерпѣвая нечеловѣческія муки... Только Доцки, къ которому я бросился раньше всего, лежалъ безъ признаковъ жизни. Сердце у него не билось, а изъ разорваннаго бока лилась ручьями кровь, такъ что, еслибъ это былъ только обморокъ, а не смерть, нечего было опасаться, что онъ придетъ въ себя...

— Опасаться?—перебила я со слезами.

— Разумѣтся. Вѣдь намъ пришлось бросить ихъ тутъ на произволъ судьбы: впереди опять грянуло „ура!“ призывавшее къ новой рѣзни. Вдали показались отряды конницы, которой предстояло проскакать по этимъ умирающимъ. Счастье тому, кто потерялъ сознание! Черты вашего мужа были спокойны, безъ малѣйшаго слѣда страданій. Когда, по окончаніи битвы, мы поднимали нашихъ убитыхъ и раненыхъ, его нашли на томъ же самомъ мѣстѣ, въ той же позѣ и съ тѣмъ же спокойнымъ выраженіемъ лица. Вотъ что хотѣлъ я передать вамъ, графиня. Конечно, я могъ бы сдѣлать это нѣсколько лѣтъ назадъ и, еслибъ намъ не привелось познакомиться лично, могъ написать вамъ, но эта мысль пришла мнѣ только

вчера, когда кузина сказала, что ожидаетъ къ себѣ, въ числѣ прочихъ гостей, и красавицу-вдову Арно Доцки. Простите, если я разбудилъ въ васъ тяжелыя воспоминанія. Но мнѣ кажется, что я исполнилъ этимъ свой долгъ и избавилъ васъ отъ горькаго сомнѣнія.

Онъ поднялся. Я протянула ему руку и сказала, утирая слезы:

— Благодарю васъ, баронъ Тиллингъ; вы дѣйствительно оказали мнѣ неоцѣненную услугу. Теперь я буду покойна, зная, что смерть моего дорогаго мужа не была мучительной. Но не спѣшите уходить. Я хотѣла бы еще послушать васъ... Сегодня вашъ способъ выраженія и тонъ вашей рѣчи затронули чувствительную струну въ моей душѣ. Спрошу васъ безъ обиняковъ: вы питаете отвращеніе къ войнѣ?

Лицо Тиллинга омрачилось:

— Простите, графиня, если я уклонюсь отъ разговора объ этомъ предметѣ. Кромѣ того, крайне сожалею, что не могу остаться дольше—меня ждуть.

Теперь мое лицо приняло холодное выраженіе: конечно, Тиллинга ждала принцесса. Эта мысль раздосадовала меня.

— Въ такомъ случаѣ не смѣю васъ удерживать, г-нъ подполковникъ,—сухо отвѣчала я.

Онъ поклонился и вышелъ, не попросивъ позволенія продолжать знакомство.

IV.

Зимній сезонъ кончился. Роза и Лили навеселились досыта. Каждая насчитывала съ полдюжины побѣдъ, но желанныхъ партій имъ обѣимъ еще не представлялось и ни одна изъ нихъ пока не встрѣтила настоящаго „суженаго“. Впрочемъ, такъ выходило гораздо лучше: сестры были не прочь годика два попользоваться дѣвической свободой, прежде чѣмъ надѣтъ на себя супружеское ярмо.

А я? Въ красныхъ тетрадкахъ мои впечатлѣнія зимняго сезона вылились на бумагу въ слѣдующей формѣ:

„Очень рада, что прыганью на балахъ наступилъ конецъ. Это начинало уже надоѣдать. Вѣдь тѣ же туры и тѣ же раз-

говору, и тотъ же неизмѣнный кавалеръ, потому что, будь онъ гусарскимъ поручикомъ X. или драгунскимъ поручикомъ Y., или уланскимъ ротмистромъ Z., это рѣшительно все равно: тѣ же поклоны, тѣ же замѣчанія, вздохи и взгляды. Ни единой интересной личности между ними, ну, ни единой. Единственный, который во всякомъ случаѣ... однако, не станемъ говорить о немъ: вѣдь онъ принадлежитъ своей принцессѣ! Она красивая женщина, надо отдать ей справедливость, только не въ моемъ вкусѣ“.

Но хотя зимній сезонъ со своими парадными приѣмами и большими балами окончился, однако общественныя развлечения не прекращались. Вечера, званые обѣды, концерты: этотъ вихрь удовольствій все продолжался. У насъ былъ въ виду еще любительскій спектакль, но уже послѣ пасхи. Въ посту предписывалось извѣстное воздержаніе, хотя, по мнѣнію тети Мари, мы слишкомъ пренебрегали этимъ правиломъ. Она никакъ не могла простить, что я не каждый разъ ходила слушать великопостныя проповѣди и, желая загладить мою нерадивость, неукоснительно водила Розу и Лили по всѣмъ знаменитымъ проповѣдникамъ. Сестры не отказывались; во первыхъ, онѣ встрѣчали въ церкви избранное общество—пастеръ Клинковстрѣмъ былъ также въ модѣ у іезуитовъ, какъ пѣвица Мурска въ оперѣ—а, во-вторыхъ, онѣ обѣ были довольно набожны.

Но въ великомъ посту я уклонялась не отъ однихъ проповѣдей, а также и отъ званыхъ вечеровъ. Выѣзды мнѣ вдругъ надоѣли; я съ удовольствіемъ стала оставаться дома; возилась со своимъ сынишкой, а когда его укладывали спать, присаживалась съ хорошей книгой къ камину и читала. Иногда ко мнѣ присоединялся отецъ, и мы болтали съ нимъ до глубокой ночи. Разумѣется, онъ опять принимался за свои воспоминанія изъ походной жизни. Я рассказала ему слышанное отъ Тиллинга о смерти Арно, однако старикъ принялъ это сообщеніе довольно равнодушно. Какою смертью кто умеръ, это казалось ему безразличнымъ. „Остаться“ на полѣ битвы—какъ обыкновенно выражаются на военномъ жаргонѣ, вмѣсто того чтобъ сказать „быть убитымъ“—было, по его мнѣнію, до того доблестно, что о томъ, кто удостоился такой славной участи, нечего было и толковать, какъ о стра-

дальцѣ. Немного болѣе или менѣе мученій передъ смертью уже не шли въ счетъ. Онъ даже произносилъ слово: „остался“ съ оттѣнкомъ зависти, словно констатируя особое отличіе, послѣ котораго, по его понятіямъ, очевидно, слѣдовала уже менѣе пріятная перспектива быть „раненымъ“.

Манера отца говорить о томъ, гдѣ и когда былъ раненъ онъ самъ или другіе сослуживцы и знакомые, — причеиъ о самомъ себѣ мой папа упоминалъ съ гордостью, а о прочихъ съ почтеніемъ—была такова, что слушатель былъ готовъ забыть, что раны сопряжены съ физическою болью. Какой контрастъ съ короткимъ рассказомъ Тиллинга о десяти несчастныхъ, сраженныхъ разорвавшимся снарядомъ, которые громко взвыли отъ боли и стали корчиться въ предсмертныхъ мукахъ! Сколько жалости и волненія звучало въ его немногихъ словахъ! Впрочемъ, я не передавала ихъ отцу, инстинктивно чувствуя, что это показалось бы ему недостойнымъ военнаго и уронило бы въ его глазахъ барона. А я, конечно, не хотѣла выставять новаго знакомаго въ невыгодномъ свѣтѣ. То отвращеніе, съ которымъ онъ относился къ ужасамъ войны, и гуманное отношеніе къ ея жертвамъ какъ разъ пришлось мнѣ по сердцу; если они говорили не въ пользу воинственности Тиллинга, зато дѣлали честь его человѣколюбію.

Какъ охотно потолковала бы я съ нимъ еще на эту тему, но онъ какъ будто вовсе не желалъ продолженія нашего знакомства. Прошло двѣ недѣли съ его перваго визита, и онъ не только не былъ у меня, но даже ни разу не встрѣтился со мною и въ обществѣ. Порою я видала его мелькомъ на Рингштрассе и однажды въ Бургъ-театрѣ: онъ почтительно кланялся мнѣ, я отвѣчала ему дружескимъ кивкомъ и ничего болѣе. Ничего болѣе?.. Но отчего же, при этихъ мимолетныхъ встрѣчахъ, такъ сильно билось мое сердце; почему его молчаливый поклонъ такъ долго не выходилъ у меня изъ головы и я по цѣлымъ часамъ старалась вспомнить, какъ онъ взглянулъ на меня, какъ держалъ себя со мною.

— Милое дитя, у меня къ тебѣ большая просьба. — Съ этими словами вошелъ ко мнѣ, однажды поутру, отецъ. Въ рукахъ у него было что-то, завернутое въ бумагу. — Тутъ я принесъ тебѣ кое-что, — прибавилъ онъ, кладя эту вещь на столъ.

— Просьба, сопровождаемая подаркомъ, — весело подхватила я. — Да вѣдь это подкупъ!

— Ну, выслушай же мое предложеніе, прежде чѣмъ ты развернешь принесенный тебѣ подарокъ и будешь ослѣплена его блескомъ. — Сегодня у меня скучнѣйшій званый обѣдъ...

— Знаю: трое генераловъ съ супругами.

— И двое министровъ въ придачу, также съ ихъ дражайшими половинами: однимъ словомъ, самая торжественная, чопорная, снотворная церемонія...

— Но ты, конечно, не воображаешь, чтобы я...

— Вотъ именно; такъ какъ меня намѣрены почитать своимъ посѣщеніемъ важныя дамы, я рассчитываю на тебя; нужно же, чтобъ въ домѣ была хозяйка.

— Но вѣдь эту обязанность взяла на себя тетя Мери?

— У нея сегодня опять мигрень, такъ что мнѣ не остается другаго выбора...

— Какъ принести въ жертву родную дочь, чему были примѣры еще въ глубокой древности. Значить, ты поступишь со мной, какъ Агамемнонь съ Ифигеніей? Хорошо, я покоряюсь.

— Впрочемъ, въ числѣ гостей будетъ и болѣе молодой элементъ: докторъ Брессеръ, такъ добросовѣстно выльчившій меня недавно, — я счелъ нужнымъ оказать ему любезность этимъ приглашеніемъ, — а потомъ еще подполковникъ Тиллингъ. — Что съ тобой, Марта? Отчего ты вспыхнула, какъ зарево?

— Я?.. Такъ... изъ любопытства: мнѣ вдругъ захотѣлось взглянуть, что такое ты мнѣ принесъ.

И я начала съ лихорадочной поспѣшностью развертывать подарокъ отца, чтобы скрыть слишкомъ явное смущеніе.

— Да не для тебя это, дурочка! Это милому внуку Руди.

— Вижу, вижу — коробочка съ игрушками. — Ахъ, оловянные солдатики! Но, дорогой папа, четырехлѣтнему мальчугану...

— Пустяки! Я отлично занимался ими съ трехлѣтняго возраста, — чѣмъ раньше, тѣмъ лучше... Моими первыми игрушками, какъ я сталъ себя помнить, были барабаны, сабли... Я дѣлалъ ружейные приемы, командовалъ... Такія забавы внушаютъ ребенку любовь къ дѣлу...

— Мой сынъ Рудольфъ никогда не пойдетъ въ военную службу...—перебила я.

— Марта! Вѣдь мнѣ извѣстно, что таково было желаніе его отца...

— Бѣднаго Арно нѣтъ больше на свѣтѣ. Рудольфъ—моя неотъемлемая собственность и я не хочу...

— Чтобъ онъ вступилъ въ самое почетное, самое лучшее званіе?

— Жизнь моего единственного сына не должна быть поставлена на карту среди случайностей войны.

— Я также былъ единственнымъ сыномъ и однако сдѣлался солдатомъ. У твоего Арно, сколько мнѣ извѣстно, не было братьевъ, да и твой родной братъ Отто опять таки единственный сынъ, а я все же отдалъ его въ военное училище. Традиціи нашихъ семействъ требуютъ, чтобы потомокъ Доцки и Альтгауза посвятилъ себя на служеніе отечеству.

— Рудольфъ не такъ нуженъ отечеству, какъ мнѣ.

— Что, еслибъ всѣ матери думали такимъ образомъ!

— Тогда не было бы ни парадовъ, ни смотровъ, ни людей, обреченныхъ на убой,—такъ называемаго „пушечнаго мяса“,—а вмѣстѣ съ тѣмъ не было бы и напрасныхъ несчастій.

Отецъ насупился, но потомъ пожалъ плечами.

— Ахъ, бабы, бабы! — съ презрѣніемъ сказалъ онъ. — Къ счастью, мальчикъ не станетъ спрашивать твоего позволенія; у него въ жилахъ солдатская кровь.—Да и кромѣ того онъ не останется твоимъ единственнымъ сыномъ. Ты должна вторично войти замужъ, Марта. Въ твои годы не годится жить въ одиночествѣ. Признайся откровенно: неужели ни одинъ изъ твоихъ поклонниковъ не сумѣлъ заслужить твоей благосклонности? Вотъ хоть бы ротмистръ Оленскій; онъ въ тебя влюбленъ до безумія и еще недавно вздыхалъ передо мною, жалуясь на твою холодность. Вотъ такой зять былъ бы мнѣ по душѣ.

— Ну, вотъ ужь партія!

— Тогда выбери майора Миллерсдорфа...

— Еслибъ ты предложилъ мнѣ всѣ списки военныхъ чиновъ съ правомъ выбора, изъ этого все равно ничего бы не вышло. Въ которомъ часу у тебя назначенъ обѣдъ? Когда

мнѣ прїѣхать?—спросила я, чтобъ прервать непрїятный разговоръ.

— Въ пять. Но прїѣжай получасомъ раньше. А теперь до свиданія—я спѣшу. Поклонись отъ мѣня Руди, будущему главнокомандующему императорско-королевской арміи.

V.

Торжественная, чонорная, снотворная церемонія—такъ охарактеризовать мой отецъ свой предстоящій обѣдъ. То же самое связала бы и я, еслибъ не одинъ гость, ожиданіе котораго заставляло меня такъ странно волноваться.

Баронъ Тиллингъ явился передъ самымъ обѣдомъ; я успѣла обмѣняться съ нимъ только двумя-тремя словами, когда онъ здоровался со мной въ гостинной, а за столомъ мнѣ пришлось сидѣть между двумя сѣдыми генералами такъ далеко отъ него, что не было возможности втянуть его въ нашъ разговоръ. Наконецъ, къ моему удовольствію, мы вернулись въ гостинную; здѣсь я собиралась позвать къ себѣ Тиллинга, разспросить его еще о той сценѣ во время сраженія; мнѣ хотѣлось услышать еще разъ мягкій задушевный тонъ, который такъ растрогалъ меня въ его рѣчи.

Но сначала мнѣ не представлялось повода исполнить свое намѣреніе; оба сѣденькихъ старичка не отставали отъ меня и послѣ обѣда; они усѣлись со мною рядомъ, когда я принялась разливать черный кофе. Къ намъ присоединились, размѣстившись полукругомъ: мой отецъ, министр ***, докторъ Бресеръ, а также и Тиллингъ; однако завязавшійся разговоръ сдѣлался общимъ. Остальные гости, въ томъ числѣ дамы, сѣли въ другомъ углу гостинной, гдѣ никто не курилъ, тогда какъ въ нашемъ кружкѣ куреніе разрѣшалось, и даже я закурила папиросу.

— А у насъ, пожалуй, скоро опять что нибудь „разразится?“—замѣтилъ одинъ изъ генераловъ.

— Гм! — отозвался другой, — слѣдующая война будетъ у Австріи съ Россіей.

— Неужели нельзя совсѣмъ обойтись безъ „слѣдующей“ войны?—вмѣшалась я, но на мои слова не обратили вниманія.

— Скорѣй съ Италіей,—подтвердилъ мой отецъ.—Надо же намъ отнять обратно свою Ломбардію... Молодецки вступить бы въ Миланъ, какъ въ 49 году со старикомъ Радецкимъ во главѣ, — какъ мнѣ хотѣлось бы еще дожить до этого! Явились мы туда въ одно ясное солнечное утро...

— Ахъ, мы всё знаемъ исторію вступленія въ Миланъ!— прервала я.

— Ну, а исторію о молодцѣ Гупфауфѣ?

— Я знаю ее тоже и нахожу противной.

— Ну, что ты понимаешь въ подобныхъ вещахъ?

— Расскажите, Альтгаузь,—мы не знаемъ этого происшествія.

Отецъ не заставилъ упрашивать себя.

— Этотъ Гупфауфъ,—изволите видѣть,—изъ полка тирольскихъ охотниковъ и самъ тиролецъ, устроилъ знаменитую штуку. Онъ былъ лучшимъ стрѣлкомъ, какого только можно себѣ представить: на каждомъ состязаніи въ стрѣльбѣ его постоянно назначали королемъ, потому что этотъ малый никогда не давалъ промаха. И какъ бы вы думали, какой фортель онъ выкинулъ, когда миланцы взбунтовались? Нашъ тиролецъ выпросилъ позволеніе у начальства забраться съ четырьмя товарищами на крышу собора и оттуда стрѣлять въ бунтовщиковъ. Ему позволили, и онъ исполнилъ это. Четверо остальныхъ, вооруженные штуцерами, только и дѣлали, что заряжали свое оружіе и подавали Гупфауфу, чтобъ ему не терять понапрасну времени. И, такимъ образомъ, онъ застрѣлилъ одного за другимъ девяносто итальянцевъ.

— Отвратительное варварство!—воскликнула я.—Вѣдь у каждаго изъ этихъ застрѣленныхъ, въ которыхъ онъ мѣтилъ навѣрняка съ высоты, оставалась дома родная мать и невѣста, да и самъ онъ дорожилъ своей молодой жизнью.

— Но вѣдь каждый изъ нихъ былъ непріятель, дитя мое,—это совершенно измѣняетъ взглядъ на дѣло.

— Вѣрно,—подтвердилъ докторъ Брессеръ.—Пока понятіе: „вражда“ будетъ санкціонировано между людьми, до тѣхъ поръ заповѣдь челоуѣколюбія не сдѣлается общепризнанной.

— А что скажете на это вы, баронъ Тиллингъ? — спросила я.

— Я желалъ бы, чтобъ этому стрѣлку украсили орденомъ

грудь за отвагу и послали пулю въ жестокое сердце. То и другое было бы вполнѣ заслужено.

Я поблагодарила говорившаго выразительнымъ взглядомъ, но другимъ, исключая доктора, его слова показались неумѣстными. Наступило короткое молчаніе.

Cela avait jeté un froid.

— А слышали вы о книгѣ одного англійскаго естествоиспытателя, по имени Дарвина, ваше превосходительство?—спросилъ Брессеръ, обращаясь къ моему отцу.

— Нѣтъ, ничего не слыхаль.

— Какъ же не слыхаль, папа?.. вспомни-ка. Еще четыре года тому назадъ, когда это сочиненіе только что появилось въ печати, оно было выслано намъ въ Грумиць нашимъ книгопродавцемъ и ты еще сказалъ въ то время, что эту книгу вскорѣ всѣ позабудутъ.

— Что касается меня, то я дѣйствительно и позабылъ о ней.

— А между тѣмъ, напротивъ, она вызываетъ сильную полемику,—возразилъ докторъ.—Повсюду ведутся споры за и противъ новаго ученія о происхожденіи видовъ.

— Ахъ, это вы толкуете про обезьянью теорію?—спросилъ одинъ изъ генераловъ, сидѣвшій вправо отъ меня.—Объ этомъ былъ вчера разговоръ въ казино. Господамъ ученымъ приходятъ порою странныя фантазіи; изволите видѣть: чловѣкъ будто бы прежде былъ орангутангомъ!

— Конечно, — кивнулъ головою министр — (когда министр *** говорилъ „конечно“, это значило, что онъ приступаетъ къ длинной рѣчи)—конечно, такое предположеніе звучитъ нѣсколько забавно, но вѣдь его и нельзя принимать въ серьезную сторону. Научная теорія Дарвина,—составленная не безъ таланта и подтверждаемая старательно собранными фактами,—конечно, уже въ достаточной мѣрѣ опровергнута специалистами, но она произвела однако извѣстный эффектъ и нашла защитниковъ. Такъ бываетъ, впрочемъ, со всѣми странными идеями, какъ бы ни были онѣ дики и нелѣпы. Спорить о Дарвинѣ теперь въ модѣ. Но это ненадолго; „дарвинизмъ“ скоро набьетъ всѣмъ оскомину, и подразумѣваемая подъ этимъ словомъ теорія рухнетъ сама собою, если за нее серьезно вѣзаться. Совершенно напрасно лѣзутъ изъ кожи и против-

ники чудака, англійскаго автора; это только придаетъ его пустому ученію излишнюю важность, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно—чистѣйшая утопія. Въ особенности духовенство вооружается противъ унижительнаго предположенія, будто бы человѣкъ, созданный по образу и подобию божію, можетъ происходить изъ животнаго міра. Съ религіозной точки зрѣнія, подобной вещи нельзя допустить, такъ какъ она подастъ поводъ къ серьезному соблазну. Но, опять таки, церковное проклятіе новому ученію, которое смущаетъ умы подъ видомъ научныхъ истинъ, не въ состояніи воспрепятствовать его распространенію. Оно окажется безвреднымъ лишь въ томъ случаѣ, если будетъ доведено *ad absurdum* представителями науки, что, конечно, относительно дарвиновскаго...

— Ахъ, все это чистый вздоръ!—перебилъ отецъ, очевидно опасаясь, чтобы длинная вереница злополучныхъ „конечно“ не надоѣла остальнымъ гостямъ.—Что за дичь: человѣкъ—и вдругъ... отъ обезьянъ!.. Достаточно простаго здраваго смысла, чтобы понять всю дикость такой идеи. Нечего даже далеко ходить за научными опроверженіями...

— Позвольте однако,—вмѣшался докторъ,—этихъ научныхъ опроверженій также нельзя назвать абсолютно вѣрными. Хотя они и возбудили сомнѣнія, однако сама теорія имѣетъ за собой нѣкоторую вѣроятность, и пройдетъ еще достаточно времени, пока ученые придутъ къ какому нибудь положительному выводу.

— Да *никогда* они, по моему, не придутъ къ нему,—возразилъ генералъ, сидѣвшій влѣво отъ меня. Говорилъ онъ рѣзкимъ тономъ и на вѣнскомъ діалектѣ.—Ученые только и живутъ диспутами. И я тоже кое-что слыхалъ про эту исторію насчетъ обезьянъ. Только она показалась мнѣ до того глупой, что я и вникать-то въ нее—признаться откровенно—не сталъ. Если слушать всякій вздоръ, который мѣляютъ разные звѣздочеты, да собиратели травъ, да потрошители лягушекъ, чтобы намъ—грѣшнымъ—только глаза отводить, такъ, право, уши вянуть! Кромѣ того, недавно я увидалъ въ одномъ иллюстрированномъ журналѣ портретъ Дарвина; онъ самъ ужасно похожъ на обезьяну, и я почти готовъ вѣрить, что его дѣдушка былъ шимпанзе.

Эта шутка, повидимому, очень понравившаяся самому

путнику, вызвала громкій хохоть, къ которому изъ любезности присоединился и мой отецъ.

— Конечно, смѣхъ есть тоже оружіе, — серьезно заговорилъ министръ, — однако онъ ничего не доказываетъ. Дарвинизму — я опять употребляю это новое слово — можно съ успѣхомъ противопоставить и серьезные аргументы, основанные на серьезныхъ научныхъ данныхъ. Если мнѣнія писателя безъ авторитета опровергаются такими учеными, какъ Линней, Кювье, Агассисъ, Катрфажъ, то его система, разумѣется, не выдерживаетъ критики. Съ другой же стороны, нельзя отрицать, что между человѣкомъ и обезьяной много сходнаго въ общихъ чертахъ и что...

— Однако, не смотря на это сходство, между ними цѣлая бездна, — перебилъ министра кроткій генераль. — Можно ли представить себѣ, чтобъ обезьяна изобрѣла телеграфный аппаратъ? Уже одна членораздѣльная рѣчь настолько возвышаетъ человѣка надъ животнымъ...

— Извините, ваше превосходительство, — вмѣшался докторъ Брессеръ, — рѣчь и техническія изобрѣтенія не были прирождены человѣку въ его первобытномъ видѣ; дикарь и теперь не сдѣлаетъ телеграфнаго аппарата; все это уже результаты медленнаго усовершенствованія и развитія...

— Да, да, милѣйшій докторъ, — возразилъ генераль, — я знаю: „развитіе“ — это хлесткое словечко новой теоріи; однако изъ кенгуру не можетъ развиться верблюдъ... да и почему наконецъ мы не видимъ, чтобы обезьяны обращались на нашихъ глазахъ въ людей?

Тутъ я обратилась къ барону Тиллингу:

— Ну, а вы чтѣ скажете на это? Слышали ли вы о Дарвинѣ и какъ вамъ кажется: правъ онъ или нѣтъ?

— Слышалаъ я объ этомъ предметѣ очень многое, графиня, но не могу высказать своего мнѣнія по той простой причинѣ, что не читала самого сочиненія: „The origin of species“.

— Долженъ сознаться, что и я его не читала, — вставилъ докторъ.

— И я тоже — конечно, — откровенно заявилъ министръ. Оказалось, что всѣ присутствующіе не брали книги Дарвина въ руки.

— Но, — продолжалъ министръ, — на эту тему говорится такъ много, — хлесткія выраженія изъ книги Дарвина повторяются такъ чисто, на примѣръ: „борьба за существованіе“, „естественный подборъ“, „эволюція“ и т. д., что нетрудно составить себѣ ясное понятіе о цѣломъ и рѣшительно стать на сторону послѣдователей или противниковъ этого ученія. Конечно, къ первой категоріи принадлежатъ люди, которымъ нравится разрушать старое, которыхъ сейчасъ можно одурманить эффектнымъ словечкомъ, тогда какъ хладнокровнымъ субъектамъ, требующимъ положительныхъ доказательствъ, строгой критической оцѣнки, нельзя не стать на точку зрѣнія, которой придерживаются многіе ученые, специалисты по естествознанію, и эту точку зрѣнія...

— Тоже нельзя одобрить безъ провѣрки, не зная исходнаго пункта мнѣній противной стороны, — добавилъ Тиллингъ. — Чтобы оцѣнить по достоинству аргументы, приводимые противъ каждой новой идеи и повторяемые хоромъ вокругъ насъ, нужно прежде всего основательно познакомиться съ самой идеей, предметомъ спора. Обыкновенно масса возстаетъ противъ нея, руководствуясь самыми низменными, мелкими побужденіями, и ужь, разумѣется, я не стану основывать собственнаго сужденія, принимая на вѣру то, что утверждаютъ другіе, по большей части голословно. Когда появилось ученіе Коперника, только тѣ, кто потрудился провѣрить его вычисленія, могли убѣдиться въ ихъ основательности, но кто основывалъ свое сужденіе на проклятіяхъ, гремѣвшихъ изъ Рима противъ новой системы...

— Въ нашемъ столѣтіи, какъ я уже замѣтилъ выше, — перебилъ министръ, — научныя гипотезы, если онѣ ошибочны, обсуждаются не съ точки зрѣнія религіи, а съ точки зрѣнія науки.

— Не только если онѣ ошибочны, — возразилъ Тиллингъ, — но даже если онѣ и подтверждаются впоследствии, новыя гипотезы сначала навлекаютъ на себя нападки со стороны отсталыхъ между учеными. Такіе люди и въ наше время не любятъ, чтобы чья нибудь смѣлая рука распатывала ихъ освященные традиціей воззрѣнія и догматы, точно также какъ и во времена Коперника противъ него возставали не одни отцы церкви, но и астрономы.

— Не хотите ли вы этимъ доказать, — вмѣшался суровый генераль, — что идея сумашедшаго англичанина насчетъ обезьянъ также несомнѣнна, какъ и то, что земля вращается во кругъ солнца?

— Я ничего не хочу утверждать, потому что, какъ уже говорилъ вамъ раньше, не имѣлъ случая познакомиться съ книгой Дарвина. Но я намѣренъ теперь ее прочесть. Можетъ быть, тогда, — да и то не навѣрное, потому что мои научныя познанія очень не велики — я буду въ состояннн судить о ней. До тѣхъ же поръ я укажу только на то обстоятельство, что новая теорія вызвала такую массу страстныхъ опроверженнй, что это говорить, конечно, скорѣе за нее, чѣмъ противъ.

„Вотъ смѣлый, прямой, свѣтлый умъ!“ — съ восторгомъ подумала я про себя.

VI.

Часовъ въ восемь гости стали разѣзжаться. Отцу хотѣлось удержать ихъ и я съ своей стороны говорила имъ по обязанности любезныя фразы, напимѣръ: „Куда вы такъ спѣшите? Выпейте еще хоть чашку чаю“, но все было напрасно. Каждый приводилъ что нибудь въ свое оправданнe: одного ждали въ казино, другаго на вечеръ; у одной изъ дамъ былъ абонементъ въ оперѣ и она желала прослушать четвертый актъ „Гугенотовъ“; другая ждала къ себѣ гостей; короче, ихъ приходилось отпустить и, конечно, сожалѣння хозяевъ были немного притворны.

Наконецъ, стали откланиваться и Тиллингъ съ Брессеромъ, вставшіе съ мѣста одновременно съ другими.

— Ну, а вамъ обоимъ что за экстренность такая уходить? — спросилъ отецъ.

— У меня рѣшительно нѣтъ никакой, — съ улыбкой сознался Тиллингъ, — но такъ какъ всѣ собрались уходить, съ моей стороны было бы навязчивостью...

— То же самое относится и ко мнѣ, — поспѣшилъ сказать докторъ.

— Въ такомъ случаѣ я не отпущу васъ обоихъ.

Минуты двѣ спустя, отецъ съ докторомъ подсѣли къ лом-

берному столу и углубились въ партію пикета, а я съ барономъ Тиллингомъ заняли мѣсто у камина.

„Снотворная исторія—этотъ обѣдъ“,—мелькнуло у меня въ головѣ.—„О, напротивъ, ни одинъ вечеръ не доставилъ мнѣ столько удовольствія!“ И я прибавила вслухъ:

— Собственно, мнѣ слѣдовало бы попенять вамъ, баронъ Тиллингъ: почему это вы послѣ перваго визита позабыли дорогу въ мой домъ?

— Вы сами не приглашали меня бывать.

— Но вѣдь я сказала же вамъ, что по субботамъ...

— Какъ же, помню: между двумя и четырьмя... Не трудитесь повторять, графиня. Откровенно сознаюсь, что для меня ничего нѣтъ ужаснѣе этихъ пріемныхъ дней. Войти въ гостиную, наполненную незнакомымъ обществомъ, поклониться хозяйкѣ, занять крайнее мѣсто возлѣ другихъ гостей, чинно сидящихъ полукругомъ, обмѣняться замѣчаніями о погодѣ, если сосѣдъ случайно окажется вашимъ знакомымъ, и прибавить тутъ же что нибудь отъ себя; потомъ, когда хозяйка удостоитъ васъ чести кинуть черезъ комнату какую нибудь фразу, поспѣшно отвѣтить ей, въ надеждѣ завязать болѣе интересный разговоръ; однако не тутъ-то было: является новый посѣтитель, съ которымъ надо раскланяться. Онъ тоже присоединяется къ общей компаніи и, воображая, что эта тема не была еще затронута, опять заговариваетъ о погодѣ; десять минутъ спустя, являются новыя лица—иногда маменька съ четырьмя взрослыми дочками; имъ не хватаетъ стульевъ; тутъ вы встаете заодно съ нѣсколькими другими кавалерами, откланиваетесь передъ хозяйкой и удаляетесь... Нѣтъ, графиня, подобное испытаніе превышаетъ мои и безъ того слабая способности къ свѣтскому обращенію.

— Вы, кажется, вообще избѣгаете общества? Васъ нигдѣ не видно... Неужели вы мизантропъ?.. Но, нѣтъ, я беру назадъ это слово. Изъ немногаго, слышаннаго отъ васъ, легко вывести заключеніе, что вы, напротивъ, любите всѣхъ людей.

— Человѣчество—да, но не всѣхъ людей. Между ними столько нестоющихъ, ограниченныхъ, себялюбивыхъ, хладнокровно-жестокихъ, а такихъ я не могу любить, хотя и сожалѣю, что воспитаніе и обстоятельства сдѣлали ихъ недостойными любви.

— Воспитаніе и обстоятельства? Развѣ, по вашему, характеръ не зависитъ прежде всего отъ природныхъ свойствъ?

— То, что вы подразумѣваете подъ природными свойствами, — тѣ же обстоятельства, „унаслѣдованныя“ обстоятельства.

— Значитъ, вы полагаете, что дурной человѣкъ не виноватъ въ своихъ дурныхъ свойствахъ, а потому и не заслуживаетъ презрѣнія?

— Нѣтъ, сдѣланный вами выводъ невѣренъ. Не виноватъ-то онъ, дѣйствительно, не виноватъ, но презрѣнія заслуживаетъ. Вотъ вы тоже не виноваты въ своей красотѣ — и, однако, заслуживаете поклоненія.

— Баронъ Тиллингъ! Мы начали говорить съ вами, какъ двое разумныхъ людей, — развѣ я подала вамъ вдругъ поводъ перемѣнить со мной тонъ и третировать меня, какъ салонную даму, жаждущую комплиментовъ?

— Простите, — я не думалъ этого. Я только привелъ первый аргументъ, попавшій мнѣ на языкъ.

Наступила небольшая пауза. Взглядъ Тиллинга съ восхищеніемъ, почти съ нѣжностью остановился на мнѣ, и я не опустила передъ нимъ глазъ... Я понимала, что мнѣ слѣдовало бы смотрѣть при этомъ въ сторону, но не отвернулась. Мои щеки пылали; я сознавала, что если онъ находилъ меня хорошенькой, то въ данную минуту моя красота должна особенно очаровать его. Пріятное, немного злое чувство захватывало мнѣ духъ, но это продолжалось всего полминуты. Я прикрылась вѣеромъ, перемѣнила позу и вымолвила равнодушнымъ тономъ:

— Вы отлично отвѣтили давеча министру.

Тиллингъ тряхнулъ головою, какъ будто очнувшись отъ сна.

— Я?.. Давеча?.. Право, не помню. Напротивъ, кажется, я возбудилъ всеобщее неудовольствіе своимъ замѣчаніемъ объ этомъ Шпрингауфѣ, Гопфауфѣ, или какъ тамъ звали храбраго тирольскаго стрѣлка?

— Гупфауфъ.

— Вы были единственной, кому пришлось по сердцу мои слова. Но превосходительные старцы навѣрно оскорбились ими и нашли, что они неприличны въ устахъ солиднаго подполковника австрійской службы. „Жестокое сердце“! Ото-

зваться такъ о человѣкѣ, уложившемъ чуть не сотню враговъ,—да это чистое богохульство! Вѣдь извѣстно, что солдаты, чѣмъ хладнокровнѣе убиваютъ непріятеля, тѣмъ они добродушнѣе въ товарищеской компаніи. Недаромъ въ мелодраматическомъ репертуарѣ нѣтъ болѣе умильной фигуры, какъ посѣдѣвшій въ бояхъ, мягкосердый воинъ; такой ветеранъ на деревяшкѣ неспособенъ обидѣть и мухи.

— Зачѣмъ вы сдѣлались солдатомъ?

— Этотъ вопросъ доказываетъ, что вы заглянули въ глубину моего сердца! Не я — не тридцатидевятилѣтній Фридрихъ Тиллингъ — сдѣлавшій три похода, выбралъ это званіе, а десяти или двѣнадцатилѣтній Фрицль, выросшій между деревянныхъ лошадокъ и оловянныхъ полковъ, которому постоянно твердили—и отецъ, увѣшанный орденами генераль, и дядюшка, молодой поручикъ, сердцеѣдъ въ средѣ дамскаго пола:— „Ну, мальчуганъ, чѣмъ ты хочешь быть? Чѣмъ же другимъ, какъ не настоящимъ солдатомъ съ настоящей саблей и на живомъ конѣ“?

— Моему сыну Рудольфу также принесли сегодня коробку оловянныхъ солдатиковъ, но я не отдамъ ихъ ребенку. Почему же, однако, когда Фрицль возмужалъ и сдѣлался теперешнимъ Фридрихомъ; онъ не бросилъ службы, ставшей для него ненавистной?

— Ненавистной? Ну, это ужъ слишкомъ сильно сказано.

Я ненавижу положеніе вещей, налагающее на гражданъ такія ужасныя обязанности, какъ веденіе войны, но однажды такой порядокъ существуетъ и его нельзя устранить, то я не могу ненавидѣть людей, которые берутъ на себя проистекающія отсюда обязанности и исполняютъ ихъ добросовѣстно, не жалѣя силъ. Если я выду изъ военной службы, меньше ли будутъ воевать изъ-за этого люди? Разумѣется, нѣтъ. Только другой станетъ рисковать на моемъ мѣстѣ собственной жизнью, а это и я могу сдѣлать не хуже его.

— Но развѣ вы не могли бы принести больше пользы ближнимъ на другомъ поприщѣ?

— Я не сдумѣлъ бы. Мною основательно изучено только военное дѣло. И на этомъ поприщѣ можно совершить вокругъ себя много хорошаго и полезнаго; на службѣ мнѣ постоянно представляется случай облегчать жизнь своимъ подчиненнымъ.

А что касается меня, то я пользуюсь уваженіемъ, которое оказываетъ свѣтъ военному сословію вообще; я сдѣлалъ порядочную карьеру, любимъ товарищами и доволенъ своимъ положеніемъ съ этой стороны. Состоянія у меня нѣтъ; внѣ службы я не могу быть полезенъ ни себѣ, ни другимъ: по какому же поводу мнѣ бросить ее?

— Потому что васъ возмущаетъ смертоубійство.

— Если дѣло идетъ о защитѣ собственной жизни противъ другаго смертоубійцы, тутъ съ человѣка снимается всякая отвѣтственность за смерть ближняго. Часто и совершенно справедливо война называется массовымъ убійствомъ, но единичная личность не чувствуетъ себя убійцей. Если же вы говорите, что мнѣ противна драка, что кровавыя сцены на полѣ битвы внушаютъ мнѣ жалость и отвращеніе, это совершенно вѣрно. Для меня это настоящая пытка и терзаніе, но вѣдь и другой морякъ страдаетъ морской болѣзнью во время бури, а все таки, если онъ не трусъ, то держится на палубѣ и, когда надо, опять пускается въ плаваніе.

— Да, когда надо. А развѣ война—необходимость?

— Это другой вопросъ. Но идти на войну долженъ каждый военный, и это сознание долга если не утѣшаетъ его, зато даетъ силу нести свою службу.

Такъ говорили мы довольно долго, понизивъ голосъ, чтобъ не мѣшать игрокамъ, и также, конечно, чтобъ наши слова не долетали до нихъ: воззрѣнія, которыми мы обмѣнивались, не подходили къ образу мыслей генерала Альтгауза. Тиллингъ нарисовалъ мнѣ еще нѣсколько эпизодовъ боя и говорилъ, какое отвращеніе испытывалъ онъ при этомъ. Я сообщила ему мнѣніе Бокля о томъ, что воинственный духъ ослабѣваетъ въ народѣ по мѣрѣ успѣховъ его цивилизаціи. Откровенность Тиллинга несомнѣнно доказывала его довѣріе ко мнѣ; однимъ словомъ, между нами возникла въ одинъ вечеръ глубокая взаимная симпатія.

— Однако вы съ большимъ жаромъ перешептываетесь тамъ о чемъ-то!—крикнулъ намъ однажды отецъ, тасуя карты.— Ужь не заговоръ ли какой составляете?

— Я рассказываю графинѣ о своихъ походахъ...

— Вотъ какъ! Ну, она съ дѣтства наслушалась такихъ исторій. Я самъ люблю толковать о войнѣ.

— Шестъ на листкѣ, милѣйшій докторъ, и большой кварталъ...

Мы снова стали продолжать вполголоса нашъ разговоръ. Тиллингъ опять заглядывалъ мнѣ въ глаза, и его рѣчь звучала такимъ искреннимъ довѣріемъ.

Вдругъ мнѣ почему-то вспомнилась принцесса; меня точно укололо; я отвернула голову.

Мой кавалеръ запнулся на полусловѣ.

— Почему вы взглянули такъ сердито, графиня?—съ испугомъ спросилъ онъ.—Развѣ вамъ не понравилось что нибудь въ моихъ словахъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... Мнѣ, просто, пришла въ голову одна горькая мысль... Продолжайте, пожалуйста.

— Я даже не помню, о чемъ говорилъ. Вы скажите мнѣ лучше вашу горькую мысль. Я все время открывалъ безъ утайки передъ вами свое сердце—отплатите мнѣ тою же монетой.

— Я положительно не могу сообщить вамъ того, о чемъ сейчасъ подумала.

— Не можете? Тогда позвольте мнѣ угадать... Это относилось къ вамъ самимъ?

— Нѣтъ.

— Ко мнѣ?

Я кивнула головой.

— Чтò же могли вы подумать обо мнѣ такого, чтò навело васъ на горькія мысли и чего вы не можете сказать? Не было ли это...

— Не ломайте голову; я отказываюсь отъ дальнѣйшихъ объясненій.

Тутъ я встала и взглянула на часы.

— Ужь половина десятаго... Я хочу проститься съ тобою, папа...

Отецъ поднялъ голову отъ своихъ картъ.

— Ты ѣдешь на вечеръ?

— Нѣтъ, домой; вчера я поздно легла...

— И тебя клонить ко сну?.. Плохой комплиментъ по вашему адресу, Тиллингъ!

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразила я, улыбаясь,—баронъ не виноватъ... напротивъ, онъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе своей бесѣдой.

Я распрощалась съ отцомъ и докторомъ. Тиллингъ попросилъ позволенія проводить меня до кареты. Онъ самъ на дѣлъ мнѣ на плечи шубу въ передней и велъ подъ руку съ лѣстницы. Приостановившись на ступеняхъ, баронъ спросилъ, серьезно заглядывая мнѣ въ глаза:

— Еще разъ, графиня: не сердитесь ли вы на меня?

— Нѣтъ, честное слово.

— Тогда я спокоенъ.

Подсаживая меня въ карету, онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и поднесъ ее къ губамъ.

— Когда же вы позволите мнѣ побывать у васъ?..

— По субботамъ я постоянно...

— Вы постоянно дома; понимаю: значить, никогда.

Онъ наклонился и отошелъ.

Мнѣ хотѣлось подозвать его къ себѣ, но лакей захлопнулъ дверцу.

Откинувшись въ уголокъ экипажа, я была готова расплакаться капризными слезами, какъ разсерженный ребенокъ. Я бѣсилась на саму себя. Какъ можно было обойтись такъ холодно, такъ невѣжливо, почти грубо съ человѣкомъ, внушавшимъ мнѣ горячую симпатію!.. Во всемъ виновата принцесса... О, какъ я ненавиждѣла ее! Но что это значить?.. Ревность?.. И вдругъ, какъ молнія, освѣтило меня сознаніе, что я влюблена въ Тиллинга. „Влюблена ...лена ...лена!“—казалось, выстукивали колеса по мостовой.—„Ты любишь его“,—точно подсмѣивались надо мною, быстро мелькавшіе мимо окна кареты, уличные фонари... „Ты любишь его!“ доносилось до меня откуда-то издалека вмѣстѣ съ запахомъ духовъ отъ перчатки, когда я прижала ее къ своимъ губамъ тѣмъ мѣстомъ, которое онъ поцѣловалъ.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

I.

Вы, г. редакторъ, выразили желаніе, чтобы я поговорилъ съ вашими читателями о современной русской журналистикѢ. За такое предложеніе я вамъ весьма признателенъ: къ русской журналистикѢ я чувствую давнишнюю слабость человѣка, который взросъ на ней и видитъ въ ней «единственный якорь спасенія». И въ самомъ дѣлѣ—журналистика, можетъ быть, единственная область, въ которой русскій человѣкъ чувствуетъ себя болѣе или менѣе свободнымъ отъ различнаго рода нравственныхъ и умственныхъ цѣпей, окутавшихъ его жизнь и не позволяющихъ ему свободно двигаться. Тутъ онъ можетъ быть самимъ собой, — конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ; тутъ онъ можетъ, такъ или иначе, отстаивать свои мнѣнія, можетъ идти своей дорогой, не заботясь о томъ, понравится ли это другимъ, или нѣтъ.

Но все таки о современной русской журналистикѢ говорить чрезвычайно затруднительно, главнымъ образомъ отъ того, что она, за послѣднія десять - пятнадцать лѣтъ, какъ-то удивительно странно расшаталась и въ настоящую минуту представляетъ собой нѣкоторую, если можно такъ выразиться, «мерзость запустѣнія». Въ прежнія времена, журналистика въ большей или меньшей степени руководствовалась принципами; у нея были идеальныя стремленія, она, такъ сказать, служила «истинѣ, добру и красотѣ»; каждый «толстый» журналъ представлялъ собою извѣстную группу мнѣній, не фиктивно, а реально существовавшихъ въ обществѣ. Поэтому, и воздѣйствіе журналистики на общество было не фиктивное, а реальное; чувствовалось движеніе живой воды и на этомъ движеніи выростала культура. Нынче совсѣмъ другія времена настали! Нынче журналъ, за весьма малыми исключеніями, сдѣлался коммерческимъ дѣломъ, и, само собой разумѣется, ведется, какъ кулацкое предпріятіе, въ которомъ принципы, мнѣнія, идеалы—лишь пустыя слова, и составляютъ совершенно ненужный балластъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что лишь «Вѣстникъ Европы» да «Русскій Вѣстникъ», — каждый съ своей точки зрѣнія и въ своей области, — еще продолжаютъ твердо держать знамя истинной журналистики, какъ органы, такъ или иначе, представляющіе умственные и нравственные интересы современнаго русскаго общества. Но и имъ становится жутко, или приходится удѣлять много мѣста, много времени и труда, чтобы разяснять смыслъ «забытыхъ словъ», — какъ сказалъ на своемъ смертномъ одрѣ Щедринъ, — именно «забытыхъ словъ», т. е. такихъ понятій, которыя нѣкогда были живыми и, казалось, вошли въ плоть и кровь русскаго человѣка, но которыя, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, совершенно улетучились, и теперь ихъ приходится искать съ фонаремъ въ рукахъ. Чтобы не ходить далеко, укажу на одинъ случай. Казалось бы, на свѣжаго человѣка, что между «идолами» и «идеалами» не можетъ быть никакого выбора, не можетъ быть колебаній; казалось бы, что объяснять разницу между идолами и идеалами совершенно излишне, ибо всякій, хоть сколько нибудь образованный человѣкъ, не соевѣмъ еще очумѣвшій, знаетъ эту разницу. А между тѣмъ, именно этимъ дѣломъ приходится заниматься одному изъ лучшихъ нашихъ журналовъ, — именно объ этомъ приходится писать одному изъ талантливыхъ нашихъ публицистовъ. Вы уже знаете, о чемъ я говорю: я говорю о статьѣ г. Вл. Соловьева: «Идолы и идеалы». Очень жаль, что г. Соловьеву приходится заниматься такимъ неблагодарнымъ дѣломъ, — свои досуги онъ могъ бы употребить на что либо болѣе производительное; но, тѣмъ не менѣе, г. Соловьевъ справился со своей задачей прекрасно и отлично объяснилъ разницу между идеаломъ и идоломъ.

Дѣло, видите ли, въ томъ, что, если вѣрить г. Соловьеву, въ современномъ русскомъ обществѣ, на русскій народъ или, точнѣе говоря, на взаимоотношенія высшаго и низшаго классовъ существуютъ въ настоящее время два крайніе взгляда, противоположные другъ другу и, однако жъ, во многомъ существенномъ сходящіеся между собой. Согласно первому взгляду, русскій народъ (въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. простонародьѣ) обреченъ на вѣчное или, по крайней мѣрѣ, неопредѣленно-продолжительное гражданское, экономическое и культурное несовершенство: оставленный безъ властнаго и строгаго присмотра, онъ можетъ спиться и извороваться, какъ это показываетъ, будто бы, недавній опытъ; высшее же сословіе, напротивъ, имѣетъ въ себѣ нѣкую *virtu occulte*, вслѣдствіе которой оно спиться и извороваться не можетъ, но всегда остается на высотѣ своего призванія. А отсюда прямой выводъ: «худыхъ людишекъ», «мужиковъ», отдать на попеченіе «лучшимъ людямъ», «доблимъ мужамъ». Въ противоположность этому взгляду, является взглядъ народопоклонниковъ, утверждающихъ, что нашъ простой народъ, не смотря на свои явные недостатки и пороки, не смотря даже на свой, — какъ выражался Достоевскій, — «звѣринный образъ», обладаетъ однако абсолютною правдой, «имѣетъ въ себѣ Христа», живетъ по-божьи, между тѣмъ какъ образованный классъ, при всѣхъ своихъ видимыхъ, вѣш-

нихъ преимуществахъ, утратилъ внутреннюю правду жизни, предался ложнымъ и суетнымъ интересамъ, и потому не только не можетъ вести за собою простой народъ, но для собственнаго своего исцѣленія долженъ смириться передъ народомъ, принять безусловно сущность народнаго міросозерпанія, научиться у народа истиннымъ началамъ жизни. Этимъ двумъ идоламъ, — сословнаго обособленія и простонароднаго безразличія, — идоламъ, которыхъ поклонники или требуютъ чужой крови, какъ жрецы привилегированныхъ боговъ Тира и Караагена, или же сами себя лишаютъ жизненной силы, подобно служителямъ простонародныхъ божествъ фригійскихъ, — г. Соловьевъ противопоставляетъ свѣтлый и благотворный христіанскій идеалъ всеобщей солидарности и свободнаго развитія всѣхъ живыхъ силъ человѣчества.

«Нашимъ крѣпостникамъ, — говоритъ авторъ, — приходится по неволѣ, для поддержанія своего свѣта, представлять и народъ, и дворянство въ крайне ложномъ свѣтѣ: съ одной стороны, все воры да пропойцы, а съ другой — все Пожарскіе, спасающіе Россію (а кстати и свои заложенные имѣнія). Конечно, нашъ простой народъ, какъ и всякій другой, весьма далекъ отъ идеальнаго совершенства; но вѣдь этимъ господамъ нужно, чтобы онъ былъ *какъ можно хуже*: — на его недостаткахъ и порокахъ зиждутся ихъ собственныя притязанія; поэтому, малюя фальшивыми красками свою мрачную картину, они навѣрное не станутъ заботиться объ исправленіи дѣйствительныхъ золь и бѣдствій народной жизни. Здѣсь вторая главная неправда этого направленія. Попеченіе о народѣ оно разумѣетъ исключительно въ смыслѣ его муштрованія и подтягиванья, а никакъ не въ смыслѣ его внутренняго духовнаго развитія. Для этого послѣдняго необходимы извѣстныя образовательныя средства, которыхъ основаніе есть грамотность. Именно на нее-то и возстаютъ наши попечители о народномъ благѣ. Обвиняютъ народъ въ томъ, что онъ спился, но ратуютъ не противъ кабака, а противъ школы. Оно и понятно: отъ кабака народъ дѣлается такимъ, какимъ онъ имъ нуженъ, тогда какъ черезъ школу онъ можетъ сдѣлаться просвѣщеннѣе самихъ опекуновъ, получившихъ иногда высшее образованіе въ конюшнѣ или въ опереткѣ. Такимъ образомъ, проповѣдь строгой опеки надъ народомъ непременно соединяется у этихъ доблестныхъ мужей съ требованіемъ закрытія школы. Вредъ грамотности становится аксіомой! Привилегіи однихъ и безграмотность народа — вотъ два столпа, на которыхъ зиждется социальная утопія этихъ «собственныхъ Платоновъ земли руссійской».

Немногимъ лучше, по мнѣнію г. Соловьева, и народопоклонники. Они стремятся слиться съ народомъ, одни — въ его непосредственной вѣрѣ, другіе — въ его жизни. Но вѣдь непосредственной вѣрѣ научиться нельзя. Вѣра есть внутреннее состояніе и перенимать ее «нарочно» отъ другихъ нельзя. Если мы не имѣемъ въ себѣ никакихъ внутреннихъ и всеобщихъ основаній для вѣры въ христіанское ученіе, и потому хотимъ взять это ученіе у народа, какъ внѣшній готовый фактъ, то мы можемъ усвоить только внѣшніе знаки народной вѣры, — пустыя слова и механическія тѣ-

лодвиженія, ибо душевныя функціи, съ этими знаками связанныя, имѣютъ свои основанія въ народной психологіи и искусственно воспроизведены быть не могутъ. При этомъ теряется всякій критерій истины; мы не можемъ различать существеннаго отъ несущественнаго, вѣры отъ суевѣрія, и становимся жертвой всевозможныхъ случайностей и противорѣчій. «Такъ напримѣръ, доселѣ остается тайной, почему никто изъ нашихъ образованныхъ народовѣрцевъ не перешелъ прямо въ старообрядчество. Если для нихъ главное дѣло въ простонародной русской вѣрѣ, то развѣ это не простонародная и не русская вѣра»? Точно также и сліяніе съ бытомъ народнымъ одинаково нелѣпо. Люди, преклоняющіеся передъ простотой и непосредственностью народной вѣры, могутъ видѣть въ ней убѣжище отъ сомнѣній ихъ собственнаго ума; но они ничего не сдѣлаютъ для того, чтобы эта вѣра стала просвѣщеннѣе и разумнѣе, а тѣмъ самымъ и крѣпче. Люди, подражающіе простотѣ народнаго быта, могутъ на лучшей конецъ найти въ физическомъ трудѣ лѣкарство отъ своихъ страстей и недуговъ, но они ничего не сдѣлаютъ, чтобы улучшить условія народной жизни, чтобы облегчить ея тягости. И тѣ, и другіе, въ своемъ смиреніи передъ народомъ, въ своемъ опрощеніи и уподобленіи ему, ищутъ только своего собственнаго удовлетворенія, своего душевнаго спокойствія, а никакъ не пользы народа. Особенно что касается до опростителей, то ихъ эгоизмъ бросается въ глаза. Какая въ самомъ дѣлѣ можетъ быть польза народу отъ того, что горсть «интеллигентовъ» прикинется мужиками или рабочими и, вмѣсто прежнихъ своихъ занятій и забавъ, отдастся исключительно этому новому виду спорта?

Свою критику народопоклонничества г. Соловьевъ очень интересно иллюстрируетъ разсказомъ графа Л. Н. Толстаго: «Три смерти». Въ этомъ разсказѣ изображено, какъ умираетъ культурная барыня, мужикъ и дерево. Барыня умираетъ совсѣмъ плохо, мужикъ значительно лучше, и еще гораздо лучше дерево. Это происходитъ очевидно отъ того, что жизнь мужика проще, чѣмъ жизнь барыни, а дерево живетъ еще проще, чѣмъ мужикъ. Но если изъ этого несомнѣннаго факта можно выводить какое нибудь нравственно-практическое слѣдствіе, отождествляя простоту съ высимъ благомъ, то зачѣмъ же останавливаться на мужикѣ, а не доходить до дерева, которое проще мужика, или, еще лучше, до камня, который такъ «простъ», что даже совсѣмъ не умираетъ. А всего проще, конечно, чистое небытіе, — недаромъ же наши опростители стали въ послѣднее время оказывать особую склонность къ буддизму... «Или, быть можетъ, несправедливо прилагать логическія требованія ко взглядамъ людей, отказавшихся отъ теоретической дѣятельности и ставшихъ исключительно на нравственно-практическую почву? Но и на этой почвѣ они, во всякомъ случаѣ, могли бы принять во вниманіе тотъ несомнѣнный фактъ, что историческимъ развитіемъ культуры обуславливается и болѣе полное и широкое примѣненіе той идеи социальной справедливости, за которую они стоятъ. Чтобы не ходигъ далеко, — чѣмъ обусловлено было упраздненіе крѣпостнаго права въ Россіи, какъ не

тѣмъ, что съ преобразованіями Петра Великаго выдѣлился у насъ изъ народнаго цѣлаго особый культурный классъ, получившій средства къ усвоенію общечеловѣческаго просвѣщенія и его гуманныхъ идей? Величайшій актъ соціальной справедливости въ нашей исторіи, конечно, не могъ бы совершиться, еслибы Радищевъ, Тургеневъ, Самаринъ, Милютинъ, Черкасскій пронизались стремленіемъ къ «опрощенію» и, вмѣсто своей литературной, общественной и политической дѣятельности, предалися паханію земли. Ихъ собственные крестьяне при этомъ и были бы, можетъ быть, отпущены на волю, но крѣпостное право вообще осталось бы въ своей силѣ. Не было бы оно уничтожено и въ томъ случаѣ, еслибы преобразовательной ломки Петра Великаго вовсе не произошло, и названные дѣятели, подобно ихъ предкамъ, должны были бы засѣдѣть въ боярской думѣ или въ холопьемъ приказѣ, отличаясь отъ своихъ крѣпостныхъ только болѣе богатыми кафтанами, а не европейскимъ образованіемъ».

Статья г. Соловьева, написанная не безъ остроумія, представляетъ собою пріятное явленіе среди современной журналистики, которая, какъ кажется, начинаетъ совершенно терять чутье всяческихъ идеаловъ; въ большинствѣ случаевъ она заботится только объ идолахъ. Въ этомъ отношеніи, оцѣна такъ надо сдѣлать почетное исключеніе для «Вѣстника Европы». Можетъ быть, никогда еще почтенный журналъ не высказывался такъ ясно и категорично, какъ въ этой статьѣ г. Соловьева. И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ не цѣлая общественная программа заключается въ слѣдующихъ, напримѣръ, словахъ г. Соловьева? «Пока совершается историческій прогрессъ въ нынѣшнихъ земныхъ условіяхъ, прямое и дѣятельное участіе въ культурной работѣ, дѣло созиданія самой культуры не можетъ принадлежать равномерно всѣмъ людямъ. Помимо различія между болѣе или менѣе одаренными народами и племенами, въ каждомъ народѣ и племени двигателемъ культурнаго прогресса можетъ быть только избранное меньшинство, а не народныя массы, слишкомъ занятія матеріальнымъ обеспеченіемъ, — и себя, и передоваго меньшинства. Разумѣется, это послѣднее, чтобы служить общему благу, а не своимъ частнымъ интересамъ, не можетъ представлять замкнутую касту и должно быть открытымъ для всѣхъ личныхъ дарованій. Дѣло не въ обособленіи классовъ по случайнымъ преимуществамъ, а въ раздѣленіи труда по способностямъ. Вообще, раздѣленіе труда есть первое условіе и первый признакъ цивилизаціи, а въ основѣ всѣхъ причинъ раздѣленій труда лежитъ главное и общее раздѣленіе исторической работы между большинствомъ, сохраняющимъ жизнь челоуѣчества посредствомъ физическаго труда, и меньшинствомъ, *улучшающимъ* эту жизнь, двигающимъ челоуѣчество впередъ. Этого раздѣленія нѣтъ въ дикомъ состояніи, его не будетъ и въ грядущемъ царствіи божьемъ, но между этими двумя предѣлами оно всегда было и будетъ. Оно также мало противорѣчитъ справедливости, какъ напримѣръ, то, что не всѣ ткани даже самаго высшаго организма могутъ быть нервными клѣточками и волокнами».

Другой руководящей статьёй «Вѣстника Европы» является статья г. Окольскаго: «Реформа классическихъ гимназій во Франціи». Это—очень обширный историко-публицистическій трудъ, написанный съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла и значительной эрудиціей. Выводъ, дѣлаемый г. Окольскимъ, довольно любопытенъ. Не только во Франціи, но также въ Германіи, Швеціи и другихъ европейскихкихъ государствахъ, встрѣчается одно и то же явленіе, по отношенію къ классическому образованію. Вездѣ замѣтно все болѣе и болѣе усиливающееся убѣжденіе, что классическое образованіе потеряло значительную долю того значенія, которымъ оно обладало. Въ новѣйшее время, всѣ классы безъ различія должны одинаково заботиться о доставленіи себѣ образованія, отвѣчающаго новымъ условіямъ существованія. Прежде каждый могъ довольствоваться классическимъ образованіемъ, не подготовляющимъ его, собственно говоря, ни къ какому практическому занятію, такъ какъ онъ зналъ, что земли его будутъ обработаны даромъ другими лицами, что въ крайнемъ случаѣ онъ обратится къ государственной службѣ, въ которой не встрѣтитъ конкуренціи другихъ классовъ народонаселенія, и даже съ этимъ образованіемъ будетъ въ состояніи доставить себѣ средства содержанія. Но, въ настоящее время, въ западной Европѣ всѣ эти отношенія или радикально измѣнились, или измѣняются постепенно. Встрѣчая въ чиновничьей карьерѣ конкуренцію другихъ классовъ, служилый классъ принужденъ особенно стараться, чтобы быть къ ней болѣе приспособленнымъ. Даже само государство выставляетъ здѣсь различныя условія способности, которымъ кандидаты должны удовлетворять. Такимъ же образомъ, этотъ классъ, желая увеличить доходъ изъ своей поземельной собственности, долженъ заботиться и о доставленіи себѣ соответственныхъ знаній. Но этой способности, этихъ знаній, правящій классъ очевидно, не можетъ пріобрѣсти посредствомъ классическаго образованія, котораго вся задача состоитъ въ изученіи того, что когда-то было, но что уже съ давнихъ поръ не существуетъ. Классъ этотъ долженъ подъ угрозою смерти, *sous peine de mort*, заботиться о такомъ образованіи, которое знакомило бы его съ условіями современной жизни, дѣлало болѣе способнымъ къ конкуренціи съ другими классами народонаселенія приготовило бы его къ различнымъ практическимъ занятіямъ. Поколебленный въ прежнихъ источникахъ существованія, онъ долженъ приискивать себѣ другіе; но эти новые источники онъ въ состояніи доставить себѣ только посредствомъ образованія, отвѣчающаго новымъ условіямъ быта. Въ противномъ случаѣ, классъ этотъ не будетъ въ состояніи удержаться въ положеніи — не говорю уже—привилегированнаго класса, но класса, руководящаго народомъ въ нравственномъ отношеніи. Поступая иначе, онъ рискуетъ даже всѣмъ своимъ существованіемъ.

Болѣе спеціальныи отдѣлъ почтеннаго журнала точно также заслуживаетъ серьезнаго вниманія. На этотъ разъ мы имѣемъ, въ первыхъ четырехъ книжкахъ, большой историческій трудъ

проф. Герье подъ заглавіемъ: «Средневѣковое міровоззрѣніе». Рукою водствуясь нѣсколькими новѣйшими сочиненіями по этому предмету, авторъ задался цѣлью рассмотреть два принципа средневѣковой жизни,—принципъ аскетизма, или отреченія отъ жизни, и принципъ всемірной власти, или владычества надъ міромъ. Оба эти принципа, очевидно, отрицаютъ другъ друга, а между тѣмъ оба они, въ одинаковой степени, легли въ основаніе нравственно-культурнаго значенія средневѣковой теократіи. Вся средневѣковая жизнь пропитана принципіальнымъ разладомъ. Этотъ разладъ, однако,—по мнѣнію автора,—обусловливается не противорѣчіемъ между принципами отреченія отъ міра и завладѣнія имъ, а наоборотъ: общимъ и существеннымъ противорѣчіемъ или, вѣрнѣе сказать, антиноміей между идеаломъ и дѣйствительностью, между идеей и учрежденіемъ, между духовнымъ складомъ личности и ея проявленіемъ въ окружающей дѣйствительности. Разладъ, такимъ образомъ, двойкій: историческій и психологическій, обусловленный тому, что и самый идеаль образъ божескаго царства подлежалъ двойному осуществленію,—въ учрежденіи, т. е. въ церкви, и въ личной жизни монаха. Въ первомъ случаѣ, разладъ обусловливался всеобъемлющимъ болѣе увеличивавшимся разстояніемъ между идеальной цѣлью теократіи и реальною формою, въ которой она осуществлялась: вѣчная царствѣ Христова намѣстника въ Римѣ. Какъ скоро идеаль образъ божескаго царства на землѣ начала обнаруживаться въ дѣйствительности, она стала подлежать вліянію историческихъ и культурныхъ условій вѣка, римской традиціи, феодализма, анархіи, невѣжества, людскихъ страстей и столкновеній; для учрежденія «божескаго царства» на землѣ понадобилась универсальная власть римскаго первосвященника, а для укрѣпленія этой духовной власти понадобилось подчиненіе ей всѣхъ свѣтскихъ властей или, вѣрнѣе сказать, постепенное превращеніе ея въ свѣтскую и матеріальную власть. Другой же разладъ,—психологическій,—обусловливался двойнымъ отраженіемъ въ душѣ монаха идеи божескаго царства: двойнымъ его призваніемъ: спасать себя и спасать міръ, судить и вѣновать надъ міромъ божескаго царства. Этотъ двойной образъ жизни вливаетъ въ средневѣковую исторію разнообразіе, жизнь и глубокій историческій интересъ; природа человѣка проявляется на ея общелитературно-психологической основѣ въ многочисленныхъ и тонкихъ (остѣнкахъ) какъ въ другія времена, такъ и здѣсь, мы видимъ предъ собою въ ряду монаховъ и папъ,—идеалистовъ, которые хотѣли и пріобрѣсти образить дѣйствительность, не взирая на ея требованія; ученыхъ и политиковъ, въ рукахъ которыхъ самая идея превращается въ политическія средства; аскетовъ, которые умираютъ (для міра) и фанатиковъ, заковавшихся въ монашеской дисциплинѣ лишь для того, чтобы наложить на весь міръ ея желѣзное ярмо. Въ цѣлостности и изслѣдованіе г. Герье сосредоточивается на главнѣйшихъ идеяхъ величайшаго представителя идеи «божескаго царства» на землѣ: Бернарда де-Клерво. Если не ошибаюсь, въ нашей литературѣ нѣтъ сочиненія, благодаря которому можно было бы «обстоятельно» познаться съ идеями этого несомнѣнно великаго (человѣка). Этотъ пробѣлъ въ данную минуту замѣняетъ г. Герье прекраснымъ и глубо-

рыцарскаго идеала,—для защиты угнетенныхъ и слабыхъ; Чичиковъ же пускается въ путь ради личной наживы и стремится не освободить угнетаемыхъ, а самому угнетать и разорять, причемъ замѣчаются еще и такія точки сближенія, какъ напр., то, что Донъ-Кихоть разгорячаетъ свое воображеніе неумѣреннымъ чтеніемъ, а Чичиковъ никогда и ничего не читаетъ. Но г. Веселовскому недостаточна такая параллель; онъ утверждаетъ, что форма «Мертвыхъ душъ» была «внушена» Гоголю формою романовъ-путешествій, очень распространенныхъ въ концѣ прошлаго вѣка. Романъ Гоголя, кромѣ того, сближается имъ съ такъ называемымъ «плутовскимъ романомъ» (Schelmenroman), процвѣтавшимъ въ XVII вѣкѣ. Отыскавъ эти три источника, авторъ храбро идетъ дальше за поисками новыхъ источниковъ «Мертвыхъ душъ». Отчего бы, напр., не видѣть источника «Мертвыхъ душъ» въ «Исторіи о Фролѣ Скабѣевѣ», исторіи, написанной анонимнымъ авторомъ временъ Алексѣя Михайловича? Очевидно, что такія сближенія, при нѣкоторой (впрочемъ, не ахти какой) эрудиціи, очень легки и ничего не стоятъ. Не мудрено поэтому, что подъ перомъ г. Веселовскаго «источники» начинаютъ плодиться, какъ грибы. Такъ, пятый источникъ онъ видитъ въ «Сантиментальномъ путешествіи» Стерна, шестой въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» Радищева, седьмой—въ «Россійскомъ Жильблазѣ» Нарѣжнаго. Но восьмая догадка автора (на этотъ разъ уже и окончательная), на мой взглядъ, самая любопытная и курьезная. Онъ увѣренъ, что «Мертвыя души»—сколокъ съ «Божественной комедіи» Данте, причемъ первая часть «Мертвыхъ душъ» изображаетъ собою «Адъ», вторая — «Чистилище», а третья должна была изображать «Рай». По догадкѣ московскаго профессора, второй отдѣлъ новой и русской «Божественной Комедіи» долженъ былъ оставить въ читателѣ убѣжденіе, что для всѣхъ, въ комъ еще не зачерствѣло сердце, возможно спасеніе. Очищающимъ началомъ должна быть явиться *любовь*, въ томъ возвышенномъ, нѣсколько мистическомъ смыслѣ, какой она съ годами получила для Гоголя (такой же смыслъ имѣетъ любовь и Данте). Возможность счастья съ любимой дѣвушкой наполняетъ Тентенникова лирическимъ порывомъ къ добру. Бетрищевъ расстрогался, вспомнивъ, что и онъ внесъ лепту въ спасеніе родины. Улинькѣ хотѣлось бы протянуть руку всѣмъ обездоленнымъ. Хлобуевъ и Чичиковъ одинаково идутъ къ нимъ на встрѣчу. Костанжогло хочетъ примирить свое обогащеніе съ довольствомъ мужика и, какъ умѣетъ, мечтаетъ о пользѣ края. Все это, по мнѣнію г. Веселовскаго, отголоски «Божественной Комедіи». Подобно тому, какъ трудное странствіе великаго тосканца приводитъ его къ созерцацію божественныхъ силъ, образующихъ Небесную Розу, а вѣчно женское начало, *das ewig Weibliche*, воплощенное въ Беатриче, исторгаетъ изъ его устъ пѣсни благоговѣнія и радости,—такъ странствіе болѣющаго о людяхъ обличителя по русской землѣ, безчисленныя картины и пороковъ, и низостей, смѣняющіяся затѣмъ борьбой добра со зломъ, должны были разрѣшиться торжествомъ свѣта, правды и красоты.

Весь этотъ странный и — скажу прямо — нелѣпный эшафодажъ

предположеній, догадокъ и параллелей, ни на чемъ не основанныхъ, напоминаетъ мнѣ шутку Милюкова, который сравнивалъ «Мертвыя души» съ «Иліадой» и «Одиссеей» Гомера. И въ самомъ дѣлѣ: Чичиковъ окруженъ не хуже Агамемнона; отчего Маниловъ, Плюшкинъ и Ноздревъ неприличнѣе Патрокла, Улисса или Терсита? Дамы губернскаго города, куда судьба приводитъ Чичикова, не уступаютъ не только мертвымъ, но и безсмертнымъ красавицамъ Гомера. И на Олимпѣ не поднималось такой бури за Париса или Гектора, какая поднялась за Павла Ивановича, когда узнали, что онъ—милліонщикъ. Никогда Афродита и лилейнороменная Гера не кололи другъ друга такими булавками, какъ просто пріятная дама и дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. Въ «Мертвыхъ душахъ», конечно, нѣтъ такихъ частыхъ битвъ, какъ въ «Иліадѣ», но чего стоитъ одно побоище, которое готово было разыгратъся въ домѣ Ноздрева, когда хозяинъ, вооруженный черешневымъ чубукомъ, напалъ на Чичикова съ своими мирмидонами, и только небесная помощь въ образѣ капитана-исправника подоспѣла къ герою, какъ нѣкогда Аполлонъ сребродунный или Аѳина-Паллада—къ своимъ ахейцамъ. Наконецъ, необходимое условіе героической поэмы—чудесное: таково въ «Иліадѣ» участіе боговъ Олимпа во всѣхъ битвахъ и событіяхъ подъ стѣнами Трои. То же мы видимъ и въ «Мертвыхъ душахъ». Что можетъ быть чудеснѣе этихъ мертвыхъ душъ, которыя «окончили въ нѣкоторомъ родѣ свое земное существованіе», а между тѣмъ невидимо присутствуютъ во всей повѣсти и служатъ главнымъ основаніемъ подвиговъ героя. Кому не покажется сверхъестественнымъ, что души крестьянъ, давно уже совершившихъ свое жизненное поприще, существуютъ еще за стиковой гранью гражданской палаты, незримо живутъ въ грудяхъ бумагъ и ревизскихъ сказокъ и не смѣютъ вкусить успокоенія въ Елисейскихъ поляхъ, пока не прозвучитъ труба новой ревизіи и не оvoidитъ ихъ отъ невидимаго заключенія въ судебныхъ вертепахъ! Кто не увидитъ чудеснаго въ томъ, что эти мертвыя души продолжаютъ еще невидимо платить за себя подати и отправлять повинности, служить предметомъ сдѣлокъ и процессовъ, и даже вводить въ сомнѣніе Коробочку: не годятся ли онѣ еще на чтонибудь и въ домашнемъ хозяйствѣ?

Эта шуточная параллель Милюкова несомнѣнно напоминаетъ многочисленныя и серьезныя параллели г. Веселовскаго, съ тою, однако, разницей, что въ параллели Милюкова гораздо болѣе остроумія, чѣмъ въ тяжеловѣсныхъ догадкахъ московскаго ученаго.

Но что рѣшительно составляетъ слабый отдѣлъ «Вѣстника Европы», такъ это беллетристика. За исключеніемъ одной небольшой повѣсти-этюда, подъ заглавіемъ «Мимочка на водахъ», принадлежащей писателю, скромно подписавшемуся буквами В. М.,—во всѣхъ четырехъ книжкахъ почтеннаго журнала нельзя указать ни одной вещи, которая могла бы обратить на себя вниманіе въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Впрочемъ, надобно и то сказать: упрекъ въ несостоятельности современной беллетристики относится не къ одному «Вѣстнику Европы», а ко всей русской современной беллетристикѣ. Право, меня не на шутку смущаетъ эта російская беллетристика! На мой взглядъ, она переживаетъ какую-то чрезвычайно опасную болѣзнь, и ее, право, не мѣшало бы полѣчить, какъ выразился одинъ рецензентъ, какимъ нибудь подходящимъ литературнымъ «кохиномъ». Куда дѣвались жизненная правда, острое наблюденіе, изобрѣтательный талантъ, широта задачъ, глубина пониманія, умѣніе охватить въ одной картинѣ все разнообразіе жизни,—придать этой картинѣ смыслъ и значеніе, сдѣлать ее и правдивой, и художественно прекрасной,—куда дѣвались всѣ эти качества, которые съ выгодой отличали русскій романъ сороковыхъ, пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, и благодаря которымъ наши беллетристы заняли мѣсто во всемірной литературѣ, наряду съ Бальзаками, Жоржъ-Зандами, Диккенсами, Теккерейми, Эліотами? Увы! это время прошло вмѣстѣ съ смертью Достоевскаго. Русская беллетристика, утративъ своихъ главарей, какъ-то растерялась и стала гордить какую-то чепуху. Сперва отправились въ погоню за мужичкомъ и привели его въ салонъ русской литературы, но непремѣнно хотѣли мужичка въ лаптяхъ, заправскаго мужичка, а не просто «пейзана», какимъ будто бы изображалъ его Григоровичъ. Мужичокъ явился и мало по малу началъ переодѣваться: по временамъ онъ былъ какимъ-то шуткомъ гороховымъ, внушающимъ сожалѣніе своей умственной убогостью (Слѣпцовъ); по временамъ это былъ благородный рыцарь (г.г. Златовратскій, Засодимскій) или же непризнанный поэтъ (Левитовъ); по временамъ онъ былъ просто плутъ (у г. Успенскаго) или какая-то непонятная стихійная соль (у того же г. Успенскаго), которая превращается, благодаря какому-то таинственному процессу, въ бессознательнаго философа (у Л. Толстаго) и въ концѣ концовъ становится уже совершенно непонятнымъ мистикомъ (у г. Златовратскаго и теперь еще у Л. Толстаго). Но царству мужичка въ русской литературѣ наступилъ предѣлъ; онъ, видимо, надоѣлъ и хотя несовсѣмъ еще удался изъ салоновъ русской литературы, но занимаетъ уже тамъ весьма скромное мѣсто и, видимо, стушевывается. Новые церемоніймейстеры вѣжливо, но, тѣмъ не менѣе, рѣшительно выпроваживаютъ его за дверь и «молодая» литература относится къ нему равнодушно; она интересуется по преимуществу лицами изъ аристократіи (г. Муравлинъ) или манкенами, переодѣтыми въ русскіе историческіе костюмы (г. Мордовцевъ, Сальясъ, Вс. Соловьевъ), или мѣщаниномъ-пропойцей (у весьма многихъ беллетристовъ; совершенно очевидно, что къ мѣщанину-пропойцѣ русскій современный беллетристъ имѣетъ какую-то особенную слабость). Всѣ эти фигуры проходятъ передъ взорами читателей, не внося къ себѣ никакого интереса. Онъ только спрашиваетъ себя въ недоумѣніи: откуда все сіе? Отъ такого реализма мы незамѣтно перешли къ столь же странному романтизму въ произведеніяхъ гг. Короленко, Мачтета и другихъ, гдѣ дѣйствуютъ «передовые подростки». Но и подростки, въ кон-

цѣ концовъ, оказались неудовлетворительными, и, такимъ образомъ, въ настоящую минуту начинаетъ всплывать наружу прежній «моральный» романъ съ честными и благородными пьяницами и благородными дѣвцами, посвящающими себя «дѣятельности въ земствѣ».

Любопытнымъ образчикомъ такого моральнаго романа является романъ г. Станюковича: «Первые шаги». Вѣсѣдой объ этомъ романѣ я бы, впрочемъ, не утруждалъ читателя, еслибы онъ не представлялъ не только возврата «морально-тенденціозной» литературы, но также и любопытной попытки обновить беллетристическую форму, которая, на взглядъ г. Станюковича, повидимому, страшно застарѣла. Вы, конечно, помните французскіе романы XVII и XVIII столѣтій, въ родѣ «Жильбазза» Лесажа, которые прежде были въ такой модѣ. Рецептъ такого романа очень простъ: берется плутоватый малый, котораго авторъ заставляетъ путешествовать; съ нимъ случаются всякія комическія и трагическія приключенія; онъ встрѣчается съ лицами, которыя ему рассказываютъ свои исторіи; наконецъ плутоватый малый, послѣ различныхъ тревоженій, или умираетъ, или же устраивается ко всеобщему удовольствію. Разумѣется, эту форму авторъ пополняетъ психологическимъ содержаніемъ, болѣе или менѣе цѣннымъ, — смотря по его уму и таланту. Г. Станюковичъ возымѣлъ остроумную мысль ввести эту форму въ русскую литературу, приравливая ее, разумѣется, къ нашему времени и къ русскому обществу. Г. Станюковичъ, конечно, не приобрѣтетъ безсмертія этимъ романомъ, но въ видахъ справедливости необходимо замѣтить, что въ отдѣльныхъ сценахъ авторъ обнаруживаетъ нѣкоторый легкій юморъ и нѣкоторую живость. Къ сожалѣнію, эти микроскопическія достоинства совершенно гибнутъ, благодаря одной «выдумкѣ» автора. Придерживаясь схемы Лесажа, г. Станюковичъ составляетъ романъ изъ отдѣльныхъ фельетоновъ. Въ этомъ отношеніи можно даже сказать, что романъ г. Станюковича представляетъ рѣдкое у насъ явленіе оригинальности: до сихъ поръ, если не ошибаюсь, ни у насъ, ни въ западной Европѣ никто не писалъ еще романовъ, составленныхъ изъ отдѣльныхъ фельетоновъ, связанныхъ между собой жиденькой фигуркой нѣкаго молодого провинціала, пріѣхавшаго въ Петербургъ устроиться и разговаривающаго съ разными лицами, подобно тому, какъ нѣкогда Павелъ Ивановичъ Чичиковъ разговаривалъ съ помѣщиками и чиновниками.

Герой знакомится съ добродѣтельной дѣвицей, студенткой, которая мечтаетъ о «дѣятельности въ земствѣ»; разумѣется, герой влюбляется въ дѣвицу, которая представлена въ качествѣ недостижимаго идеала; у этой дѣвицы онъ встрѣчается съ другими дѣвицами, тоже сгорающими желаніемъ работать въ земствѣ, въ качествѣ фельдшерницъ; тутъ являются также передовые подростки въ образѣ молодыхъ докторовъ и даже одинъ добродѣтельный ученый. Все это даетъ поводъ г. Станюковичу написать фельетонъ о нашемъ современномъ молодомъ поколѣніи, стремящемся къ «дѣятельности въ земствѣ», читающемъ Спенсера и преданномъ женскому во-

просу. Затѣмъ герой ищетъ мѣста и вслѣдствіе этого попадаетъ къ предсѣдателю одного банка; тутъ, въ легкой формѣ, авторъ пишетъ другой фельетонъ,—насчетъ нашихъ банковыхъ дѣльцовъ. Здѣсь читатель находитъ всѣ характерныя особенности газетнаго фельетона, — легко набросанная сценка, шаржъ въ подробностяхъ, пустые разговорцы, неумѣстныя шуточки и, подъ конецъ, явное указаніе, о какомъ дѣйствительномъ фактѣ идетъ рѣчь подъ вымышленными фамиліями. Но, по правиламъ эстетики г. Станюковича, нуженъ контрастъ; поэтому онъ пишетъ третій фельетонъ о «добродѣтельномъ пропойцѣ», давнымъ давно существующемъ въ спискахъ шаблонной литературы. У добродѣтельныхъ пропойцевъ, — какъ извѣстно, — сѣрый цвѣтъ лица, обрюзглыя щеки, трясаніе рукъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и необыкновенный юморъ, добродушіе и чарующая привлекательность. Пропойца дѣлается пропойцей, конечно, вслѣдствіе своей благородной и героической натуры: онъ негодовалъ на злоупотребленія, не поладилъ съ начальствомъ и запилъ. Все это прописалъ г. Станюковичъ, пользуясь въ этомъ случаѣ установившимся шаблономъ. Онъ рисуетъ людей и жизнь по своему литературному трафарету и дальше этого трафарета ничего не видитъ. Написавъ чувствительный фельетонъ, авторъ пишетъ фельетонъ обличительный о нѣкоей великосвѣтской дамѣ, которая пишетъ политическія брошюрки и въ нихъ энергично нападаетъ на европейскіе порядки, предрекая гибель Европѣ отъ разнузданныхъ страстей и предостерегая русскую публику отъ «напускнаго либерализма». Дама-писательница, какъ оно и подобаетъ, старается обеззавитъ героя, но добродѣтельный герой, разумѣется, остается неизвѣстнымъ и цѣломудреннымъ. Обличительный фельетонъ такъ понравился автору, что, послѣ дамы-писательницы, онъ пишетъ другой фельетонъ, который въ то же время составляетъ и заключеніе романа. Этотъ фельетонъ, если можно такъ выразиться, фельетонъ фельетоновъ и резюмируетъ собою всѣ прежніе. Герой отпрашивается въ редакцію одной газеты «искать работы». Тутъ онъ знакомится съ редакторомъ, озлобленнымъ бывшими либералами, попавшими въ ретрограды, и поэтому злобно осмѣивающимъ своихъ прежнихъ товарищей и друзей. Онъ гуляетъ съ героемъ по Невскому, указываетъ ему на разныхъ лицъ и характеризуетъ ихъ: вотъ адвокатъ изъ радикаловъ, защищающій, за «радикальный» гонораръ, всякихъ проходимцевъ; вотъ намазанная барыня на рысакахъ, извѣстная актриса; вотъ миллионеръ, купившій жену у живаго мужа; вотъ старая дѣва, пишущая глупые романы; вотъ два знаменитыхъ писателя, — Ирепкій и Казимировъ, которые еще недавно мушцали многихъ своей quasi-ученой ерундой и радикальными кукишами, и проч. Все это, разумѣется, говорится отъ лица ретрограда и, слѣдовательно, все это надо принимать наизуворотъ. Такъ напримѣръ, два знаменитыхъ писателя, — они не только никогда не занимались ученой ерундой и радикальными кукишами, но являются величайшими философами, какихъ міръ когда либо создавалъ; они исправляли Спенсера, который въ подметки имъ не годится, и заткнули за поясъ Вундта, доказавъ, какъ дважды два четыре, что вся такъ называемая мета-

физика, вмѣстѣ съ Кантомъ и Лейбницемъ, есть чистая чепуха и что истинная философія есть философія научная, специально выдуманная русскими философами для «передовыхъ подростковъ».

Дѣло, конечно, не во взглядахъ: почему бы въ самомъ дѣлѣ г. Станюковичу не полагать, что «научная» философія, заимствованная у нѣмца Авенариуса, есть истинная философія, и почему бы ему не быть убѣжденнымъ, что русскіе «соціологи» исправили въ надлежащемъ видѣ Спенсера и этимъ внесли необыкновенно цѣнный вкладъ во «всемирную соціологію»? Я не о взглядахъ говорю, а о манерѣ, ибо г. Станюковичъ не философъ и о философіи имѣетъ скудное представленіе; онъ мнитъ себя беллетристомъ; я его и разсматриваю съ точки зрѣнія беллетриста. Но съ этой точки зрѣнія, какъ и съ точки зрѣнія философіи, онъ совершенно несостоятеленъ. Написать романъ, состоящій изъ отдѣльных фельетоновъ, приправленныхъ уличными сплетнями,—не мудреное дѣло; точно также какъ не мудреное дѣло подѣ вымышленными фамиліями указывать пальцемъ на тѣхъ или иныхъ дѣйствительныхъ лицъ. Щедригъ, подѣ конецъ своей жизни, говорилъ, что въ русскую литературу начинаетъ вторгаться «улица». Да, это именно «улица» со всѣми непривлекательными ея свойствами: отсутствіемъ самостоятельности въ мышленіи, низкимъ умственнымъ уровнемъ, повтореніемъ фразъ, заученныхъ когда-то по школьнымъ тетрадкамъ, неумѣніемъ правдиво и смѣло взглянуть на жизнь. Печально.

Романъ г. Станюковича, къ сожалѣнію, помѣщенъ въ «Вѣстникѣ Европы», хотя его настоящее мѣсто—гдѣ нибудь въ уличной газеткѣ низшаго сорта. Къ несчастію, не лучше беллетристика и въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Журналъ этотъ, вообще говоря, очень странный журналъ. Существуетъ онъ не богъ вѣсть какъ давно, а между тѣмъ уже нѣсколько разъ мѣнялъ редакціи и издателей. Не мудрено, поэтому, что онъ и по сей день принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ журнальныхъ подростковъ; онъ какъ будто не приобрѣлъ еще аттестата зрѣлости. Какъ и всѣ подростки, «Сѣверный Вѣстникъ» обуреваемъ самыми прекрасными и добродѣтельными намѣреніями; онъ увѣренъ, что стоитъ ему только захотѣть, и онъ немедленно измѣнитъ весь обликъ русской литературы, придастъ ей блескъ, и она будетъ сиять, какъ солнце, на горизонтѣ русскаго общества. Все это, разумѣется, прекрасныя намѣренія, но эти намѣренія—немножко ребяческія, такъ сказать, гимназическія. Какъ и всѣ подростки, «Сѣверный Вѣстникъ» неукоснительно вѣритъ въ авторитеты, прославившіеся; такъ или иначе, въ литературѣ и наукѣ. Ради обновленія русской литературы, нынѣшняя редакція «привлекла» къ участію въ журналѣ цѣлый кагалъ списокъ ученыхъ и литераторовъ. Ученые принадлежатъ къ числу профессоровъ, а литераторы собраны со всѣхъ концовъ русской земли; тутъ есть и такіе ученые и литераторы, о какихъ удрученный читатель никогда ниче-

го не слыхалъ, но есть, конечно, и такіе, о которыхъ онъ очень «наслышанъ». Одна только странность поражаетъ удрученнаго читателя: въ нынѣшнемъ году вышло уже четыре книжки журнала, а между тѣмъ до сихъ поръ въ нихъ не появилось ни одного «произведенія», принадлежащаго перу знаменитаго ученаго или знаменитаго литератора, имена которыхъ украшаютъ объявленія о журналѣ. Изъ знаменитыхъ стихотворцевъ я замѣтилъ только г.г. Мережковскаго и Льдова; изъ знаменитыхъ беллетристовъ—г-жу Винницкую; изъ знаменитыхъ критиковъ—г. Скабичевскаго; изъ знаменитыхъ публицистовъ—г. М. Алексѣева; изъ знаменитыхъ философовъ—г. Волинскаго; изъ знаменитыхъ ученыхъ... кажется, никого не замѣтилъ: они пока блестятъ своимъ отсутствіемъ; вѣроятно, собираются съ силами, чтобы подъ конецъ изобразить въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» самыя «плодныя слова науки».

Вообще, журналъ странный, имѣющій вполнѣ характеръ неунывающего передоваго подростка. Вотъ хотя бы романъ г-жи Винницкой, имѣющій неуклюжее названіе: «Полѣнова и Ярославцевы». Я его читалъ чрезвычайно внимательно, желая познакомиться съ «талантомъ» г-жи Винницкой, о которомъ до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Странный талантъ,—могу по совѣсти сказать. Прежде всего я никакъ не могъ сообразить,—да не сообразилъ и до сихъ поръ,—зачѣмъ романъ написать? Въ романѣ нѣтъ даже и тѣни того, что на литературномъ языкѣ называется идеей, а содержаніе состоитъ изъ какихъ-то отдѣльныхъ сценъ, въ которыхъ дѣйствуютъ медицинскіе студенты и студентки. Я такъ и порѣшилъ, что цѣлью г-жи Винницкой было изобразить студентовъ и студентокъ, — разумѣется, изобразить симпатично. Въ романѣ есть, напримѣръ, сцена, въ которой медицинскій студентъ привозитъ на квартиру къ медицинской студенткѣ замороженный трупъ; затѣмъ разсказывается, какъ этотъ трупъ таетъ, какъ двѣ медицинскія студентки пугаются и какъ одна изъ нихъ падаетъ въ обморокъ. Сцена, можно сказать, необыкновенная и совершенно въ натуралистическомъ родѣ. Въ какой мѣрѣ придерживается г-жа Винницкая этого совершеннаго въ своемъ родѣ натуралистическаго приѣма, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующей вступительной сцены: «Бѣлокурый и нѣжный, съ едва пробивающейся растительностью на короткомъ подбородкѣ, молодой человекъ въ только что обновленной студенческой формѣ подошелъ ближе и посмотрѣлъ ей въ глаза. — Здравствуйте, Полѣнова,—сказалъ онъ. — Здравствуйте, Гроховскій,—тихо отвѣтила она.—Вы сегодня какъ будто разстроены, Полѣнова. Спрашиваю: можно войти? говорю: отправитесь на взморье, а вы ни слова.—Онъ мягко улыбнулся и продолжалъ, склонивъ немного голову:—Елена.. Михайловна, кажется, васъ по отчеству? Сегодня вы похожи на тургеневскую Елену; право, есть что-то въ вашемъ лицѣ неизъяснимое, доступное только большому художнику. О чемъ вы такъ задумались?—Брови ея изогнулись отъ принужденнаго вниманія, съ какимъ она вникла наконецъ въ его слова. Она проворно встала, подняла и заложила руки за голову, и при этомъ

движеніи синіе рукава блузки сдвинулись къ локтямъ. Онъ покачалъ головой.—Ну, вотъ и испортили мнѣ впечатлѣніе. Ну, свойственъ ли подобный жестъ тургеневской Еленѣ, ахъ, вы! Куда дѣвался неуловимо-тонкій отпечатокъ нѣжной прелести и прочихъ атрибутовъ благороднѣйшей души въ вашихъ чертахъ? — Все это у насъ есть,—сказала она, прищуривъ одинъ глазъ,—да не про вашу честь...» По истинѣ, натуралистично...

Я впрочемъ ошибся, говоря объ отсутствіи знаменитыхъ романистовъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Тамъ есть одинъ рассказъ г. Боборыкина: «Въ отъѣздѣ». Но рассказъ,—надо правду сказать,—не изъ важныхъ. Зато я не могу отказать себѣ въ удовольствіи познакомить читателей, хотя бѣгло, съ поэмой знаменитаго стихотворца, г. Мережковского. Печаль моя заключается только въ одномъ обстоятельстве: я никоимъ образомъ не могу рассказать содержанія поэмы. Я два раза ее прочиталъ именно для этой цѣли, но со мной случилось то, что уже случилось при чтеніи романа г-жи Винницкой: я не въ состояніи былъ уяснить себѣ содержанія. Вы меня, можетъ быть, спросите, почему поэма называется: «Смерть»? Я принужденъ отвѣтить: не знаю. Вы меня спросите: кто герой и героиня, что они дѣлаютъ въ поэмѣ, что изъ себя изображаютъ? Я принужденъ опять отвѣтить: не знаю. Вы меня спросите: что, вообще, изображаетъ г. Мережковский? Я принужденъ отвѣтить: не знаю. Я знаю только то, что поэма, какъ и всѣ поэмы, написана стихами, что въ ней есть герой и героиня; что они, конечно, влюблены другъ въ друга, и что кто-то изъ нихъ умираетъ, неизвѣстно вслѣдствіе чего. Я, конечно, не могъ догадаться, кто герой: по нѣкоторымъ намекамъ автора, можно заключить, что онъ—гимназистъ седьмаго класса, а по другимъ намекамъ—онъ какъ будто нѣчто въ родѣ ученаго фізіолога. Такъ вотъ этотъ фізіологъ или гимназистъ находится въ грустномъ настроеніи и разговариваетъ съ своимъ товарищемъ о любви. Онъ жалуется на то, что влюбился и поэтому потерялъ свободу духа. Его другъ совѣтуетъ ему, какъ лѣкарство, развлечься, и они ѣдутъ... въ Орфеумъ. Пока они гуляютъ по заламъ Орфеума, авторъ рассказываетъ прошлую жизнь героя: «Познанія жаждой томимый, читалъ онъ съ дѣтства груды книгъ, позитивистъ неутомимый, Огюста Конта ученикъ, старался быть вполне свободнымъ отъ чувствъ, научнымъ и холоднымъ. Какъ равнодушно онъ внималъ людскому ропоту и стонамъ! Порывы сердца подчинялъ математическимъ законамъ. Предъ нимъ весь міръ былъ мертвъ и нѣмъ, какъ рабъ послушный теоремъ!» Все это нѣсколько смутно, но все таки можно предположить, что герой—позитивистъ; изъ этого я заключаю, что онъ принадлежитъ къ гимназическому сословію, ибо извѣстно, что всѣ гимназисты—непремѣнно позитивисты; это, какъ кажется, законъ природы. Затѣмъ, авторъ обращается къ героинѣ, къ молодой Ольѣ, которая томится въ домѣ матери: «Тамъ роскошь, скука и неволя, и вѣчный холодъ ледя-

ной». Извѣстное дѣло: отъ скуки для молодой дѣвушки одно лѣкарство—любовь, и Ольга влюбляется въ героя у какой-то меценатки. «Пока Борисъ, въ тоскѣ мятежной, пытался тщетно позабыть свою любовь, и первый, нѣжный ея ростокъ въ душѣ убить, чтобъ какъ нибудь насмѣшкой злобною отъ этой страсти неудобной освободиться поскорѣй, ей не пожертвовавъ ученой карьерой будущей своей,—въ то время Ольга предъ иконой въ толпѣ молилась за него; и, зная друга своего, предвидѣла борьбу, мученья, и много жертвъ, и много слезъ...» Но тутъ, по всѣмъ правиламъ стихотворнаго ученія, авторъ спохватился, что въ свою поэмю вносить «стиль религіозный», котораго «критикъ грозный» не одобряетъ. Благодаря этому обстоятельству, героиня забыта и авторъ начинаетъ заниматься самимъ собой. Онъ повѣствуетъ намъ: «въ сомнѣньяхъ грѣшенъ, я раздѣляю твой (т. е. читателя) недугъ, и я безвѣрьемъ не утѣшенъ, боговъ невидимыхъ ищу и вѣрить въ старыхъ не хочу». Г. Мережковскій шель «въ огонь сраженій», «за мыслью гордою вослѣдъ» и, конечно, «позналъ всю горечь поражений и все величіе побѣдъ!» Наконецъ, совершенно непонятно—вслѣдствіе какихъ соображеній, г. Мережковскій начинаетъ вдругъ, безъ всякаго резона, воспѣвать смерть: «О, смерть, тебя пою!» Разумѣется, г. Мережковскій поетъ смерть, такъ сказать, съ философской точки зрѣнія, и приходитъ къ заключенію, что... «какъ роса, исчезнетъ весь нашъ родъ мгновенный,—лишь ты взойдешь на небеса, о, солнце правды, богъ вселенной... И проклянетъ нашъ поздній внукъ сей вѣкъ насилья, полный мукъ». Мысль такъ глубока, что для простаго смертнаго совершенно недоступна. Вѣроятно, г. Волынский объяснить намъ ее въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала, а пока я долженъ обратить вниманіе читателя на удивительно образное выраженіе: «поздній внукъ», хотя въ то же время принужденъ скромно сознаться, что рѣшительно не понимаю: чтó можетъ означать выраженіе—поздній внукъ или ранній, или средній?.. Вообще поэзія г. Мережковскаго—вещь замѣчательно трудная для пониманія.

Я далъ образчикъ беллетристики и поэзіи «Сѣвернаго Вѣстника», а теперь долженъ дать образчикъ и критики. Но тутъ я начинаю не на шутку трусить, ибо мнѣ приходится имѣть дѣло съ *самимъ* г. Скабичевскимъ. Извѣстно, что г. Скабичевскій—необыкновенно глубокомысленный критикъ, вслѣдствіе чего онъ почти совершенно недоступенъ простымъ смертнымъ. По временамъ, онъ прибѣгаетъ къ такимъ неожиданнымъ и новымъ критическимъ приемамъ, что рѣшительно приходишь втупикъ, сознавая свое полное безсиліе проникнуть въ его мысли. Вотъ хотя бы теперь: г. Скабичевскій задался цѣлью «пояснить самосознаніе г. Потапенко», котораго онъ называетъ: «не понимающій себя талантъ»,—какъ говорятъ: не помнящій родства. Дѣлаетъ это г. Скабичевскій для того, чтобы г. Потапенко «могъ легче разобраться въ томъ, на какія стороны своего таланта ему слѣдуетъ приналежать, какія явленія

жизни ему не слѣдуетъ затрогивать, такъ какъ изображенія этихъ явленій мало удаются ему сообразно свойствамъ его таланта». Бѣдный г. Потапенко! Какую страшную работу задаетъ ему великій критикъ: легко ли дѣло «разбираться» въ своемъ самосознаніи и въ своемъ талантѣ, легко ли дѣло «приналегать» на извѣстныя стороны собственнаго таланта. Я боюсь исказить мысль г. Скабичевскаго, но онъ, говоря о томъ, что у г. Потапенко нѣтъ трагическихъ тоновъ (?), прибавляетъ, что нѣтъ «всего такого, что бы, омрачая духъ читателя, вызывало бы въ немъ чувство тоски, недовольства жизнью, чтобы, по прочтеніи произведеній г. Потапенко, весь міръ показался бы ему вонючею тюрьмою, по выраженію Шекспира, и въ этой тюрьмѣ—самою смрадною и отвратительною кельею тотъ уголокъ земнаго шара, какой изображаетъ художникъ». Воля ваша, но въ этихъ словахъ я ровно ничего не понимаю. Во-первыхъ, я не знаю, о чемъ критикъ говорить, когда пишетъ: «омрачая духъ читателя, вызывало бы»... тутъ я дѣйствительно примѣчаю сказуемое, но никакъ не могу отыскать подлежащаго, къ которому это сказуемое относилось бы. Во-вторыхъ, я не могу сообразить, о комъ именно говорить критикъ, что весь міръ долженъ показаться *ему* вонючею тюрьмою? О Шекспирѣ ли онъ говоритъ, о читателѣ, или же о г. Потапенко? Рѣшительно не понимаю. Наконецъ, я не совсѣмъ довѣряю и цитатѣ изъ Шекспира; но провѣрить г. Скабичевскаго въ этомъ отношеніи у меня нѣтъ времени... Господи! какъ трудно понимать «великаго человѣка»...

Изобразивъ все это такимъ глубокомысленнымъ образомъ, г. Скабичевскій приходитъ къ заключенію: «Изъ всего этого слѣдуетъ прямой и очень простой выводъ. Каждый молодой писатель, если хочетъ, чтобы талантъ его развивался правильно и успѣшно, долженъ обращать преимущественное вниманіе на такія качества своего таланта, въ которыхъ онъ проявляетъ наибольшую силу и, напротивъ того, избѣгать такихъ элементовъ искусства, къ которымъ онъ не обнаруживаетъ призванія». Именно такъ и будемъ знать. Только какъ же это такъ? Г. Скабичевскій то говоритъ о качествахъ таланта, то объ элементахъ искусства? Неужели съ его точки зрѣнія элементы искусства—то же, что качества таланта?

Въ другой статьѣ, г. Скабичевскій рѣшаетъ еще болѣе важное дѣло. Онъ тамъ говоритъ: «Здѣсь дѣло становится на чистоту, такъ какъ вопросъ этотъ прямо сводится на то: быть или не быть искусству (*that is the question*, прибавлю я отъ себя), осуществлять ли ему тотъ высокій идеалъ, который лежитъ въ этой отрасли человѣческой дѣятельности, идеалъ правды недоступно-честной (что можетъ означать: «правда честная?»), нелицеприятно-строгой, хотя и исполненной страстной и нѣжной любви ко всему человѣческому, идеалъ высшаго философско-художественнаго синтеза, соединеннаго съ глубокимъ анализомъ жизни на основаніи наиболѣе дорогихъ для всего человѣчества идей, до которыхъ оно только успѣло додуматься,—или же предоставить искусству вѣчно копаться въ грязи повседневной жизни, нимадо не возвышаясь надъ этою жизнью,

раздѣлять вмѣстѣ съ пошлою толпою всѣ ея нарощіе вѣками предрасудки, предубѣжденія, бессмысленныя минутныя увлеченія и, подѣ влияніемъ всей этой сутолоки, терять всякій критеріумъ относительно цѣны и достоинства различныхъ вещей (?), бѣлое выдавать за черное, правое за лѣвое, верхъ за низъ, низъ за верхъ (что за чортъ! ничего не понимаю), однимъ словомъ, искажать дѣйствительность елико возможно и лгать, лгать, лгать на каждомъ шагу, то въ видахъ той или другой партіи, кружка, а то и изъ чисто личныхъ, своекорыстныхъ побужденій». Вы видите, что тутъ г. Скабичевскій возвышается до истиннаго, хотя нѣсколько невразумительнаго, лиризма и до стиля Тредьяковскаго..

Вообще, г. Скабичевскій—такой писатель, съ которымъ надо держать ухо востро, ибо въ одномъ мѣстѣ онъ утверждаетъ одно, а въ другомъ другое. Такъ, онъ только что ратовалъ за философско-художественный синтезъ, а въ другомъ мѣстѣ (въ «Новостяхъ») онъ этотъ самый синтезъ считаетъ за чепуху. Отъ хваленой философіи, утверждаетъ онъ, не осталось ровно ничего, какъ только на нее наложилъ свой властный палецъ г. Лесевичъ. Философію онъ считаетъ обманомъ; это—философія, «которая нѣкогда, въ свою очередь, плѣняла воображеніе непосвященныхъ таинственными, темными лабиринтами хитросплетенныхъ діалектическихъ умозрѣній, выражаемыхъ не просто человѣческимъ языкомъ, а такими трех-аршинными періодами, разбирать которые было не въ примѣръ труднѣе, чѣмъ древніе египетскіе іероглифы. Сама обстановка философа-мудреца, окруженнаго толстѣйшими фоліантами въ пергаментныхъ переплетахъ, ретортами, колбами, скелетами, черепами, внушала суевѣрный страхъ: философъ казался въ глазахъ простыхъ смертныхъ не однимъ только скромнымъ ученымъ, но чѣмъ-то въ родѣ волшебника, имѣющаго какую-то, одному, ему извѣстную, связь со сверхъчувственнымъ міромъ и таинственными силами земными и небесными; въ его рукахъ былъ ключъ отъ познанія сущности всѣхъ вещей, начала всѣхъ началъ». Я бы серьезно совѣтовалъ г. Лесевичу вразумить г. Скабичевскаго: нельзя же въ самомъ дѣлѣ строить себѣ понятіе о философахъ на основаніи только перваго дѣйствія оперы «Фаустъ»,—такое изученіе философіи уже слишкомъ просто. Г. Лесевичъ, смутившій г. Скабичевскаго своей книгой о научной философіи, обязанъ ему указать, что ни Платонъ, ни Аристотель, ни Декартъ, и никто изъ средневѣковыхъ схоластиковъ чучель изъ себя не представлялъ и не окружалъ себя ни колбами, ни скелетами. Невѣжество, конечно, дозвоительно (по нашимъ временамъ), но только до извѣстной степени. И, право, г. Лесевичу,—этому модному философу «передовыхъ подростковъ»,—должно быть стыдно такихъ похвалъ, какія расточаетъ ему г. Скабичевскій, имѣющій о философіи такое же смутное представленіе, какъ... фонъ-визиневскій Митрофанъ о «еоргафії». Стыдно, г. Лесевичъ, стыдно смущать наивныхъ людей и вводить ихъ въ заблужденіе.

Стыдно, должно быть, также и г. Волинскому, который принужденъ печататься рядомъ съ г. Скабичевскимъ, хотя онъ на всякомъ шагу упоминаетъ имена философовъ и еще недавно писалъ: «Чего церемониться! Сократъ, Платонъ, Декартъ, Лейбницъ, Кантъ жили въ ретроградныя эпохи... Спиноза, Фихте, Гегель были просто обскуранты, погруженные въ неразрѣшимые, а потому праздные вопросы... Такова ординарная логика, не выходящая изъ предѣловъ вершковъ и золотниковъ, таковы эти самодвольныя мысли, не стоющія серьезной критики». Г. Волинскій въ этомъ отношеніи, конечно, правъ, но и онъ, въ качествѣ присяжнаго философа и литературнаго замѣтчика (отъ слова «замѣтка»), довольно любопытенъ. Еще недавно г. Волинскій заявилъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», что «мысль есть развитіе. Мысль человека, въ каждомъ пережитомъ впечатлѣніи, въ каждомъ испытанномъ чувствѣ, ищетъ матеріала для назиданія. Ищетъ и находитъ. Нѣтъ солища безъ пятенъ, нѣтъ такого дѣла, въ которомъ не было бы недостатковъ... Силою обстоятельствъ вызванъ цѣлый рядъ вопросовъ и запросовъ, на которые нѣтъ отвѣта въ талантливѣйшихъ произведеніяхъ былыхъ авторитетовъ. Время обнажило новый уголъ души, открыло новую мозговую линію, которой нужны жизнь, свѣтъ и яркія впечатлѣнія, свѣжія краски. Лучшіе идеалы прежняго остались во всей своей силѣ,—по крайней мѣрѣ, въ сознаніи честныхъ людей,—прибавилась только новая черточка, сложилась только новая душевная складка, которую нельзя игнорировать безнаказанно». Не будемъ игнорировать эту складку, эту новую черточку, этотъ новый «уголъ души». Будемъ прислушиваться къ г. Волинскому, который со временемъ, можетъ быть, и объяснитъ намъ, что изъ этого угла выскочить. А пока будемъ любоваться г. Волинскимъ: онъ, точно рѣзвый воробей, трещить: чирикъ, чирикъ, чирикъ! Чудесный вороб... виноватъ, писатель г. Волинскій: одинъ слогъ его чего стоитъ! и сколько завидной вѣры въ себя! Радостно и любопытно наблюдать грядущее поколѣніе съ новымъ угломъ въ душѣ. Этотъ уголъ торчитъ изо всѣхъ щелей и угловъ... «Сѣвернаго Вѣстника».

О. В.

КНЯГИНЯ.

Повѣсть Людовика Галеви.

10-го марта 1884 года, два часа утра.

— Ну, какъ онъ тебѣ понравился?

Этотъ вопросъ былъ мнѣ предложенъ тотчасъ же послѣ бала у Мартинъ-Бушаровъ, считавшихся первыми торговцами желѣзомъ въ улицѣ Амелотъ. Ихъ старшая дочь Шарлота выходитъ замужъ за владѣльца ситцевыхъ фабрикъ, — человѣка страшно богатаго и очень вульгарнаго, — и вотъ на это торжество собрались всѣ знаменитости металлическаго и бумажнаго производства.

Вотъ мы садимся въ карету. Пьеръ, захлопнувъ дверцу, не успѣлъ еще взлѣзть на козла, какъ мамаша, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, обратилась ко мнѣ со своимъ всегдашнимъ вопросомъ:

— Ну, что же, какъ онъ тебѣ понравился?

Тогда я, въ свою очередь, переспрашиваю наивнѣйшимъ тономъ:

— Кто это, мамаша?

— Да этотъ молодой человѣкъ!

Все больше и больше наивничая, я продолжаю:

— Но какой молодой человѣкъ, мамаша?

— Дитя мое, ты очень хорошо знаешь, о комъ я говорю.

Знаю ли я! Да, конечно, знаю; дѣло идетъ объ юномъ рыжеватомъ блондинѣ, который былъ мнѣ представленъ госпожей Маркесонъ, — этой свирѣпой свахой, которой однако не удался, въ отношеніи меня, ея первый опытъ. Съ десяти часовъ вечера до часу утра, этотъ молодой человѣкъ одина-

ково распредѣлялъ между мною и мамашей перлы своего краснорѣчія и ума, надѣдая мнѣ своими приглашеніями, вынудивъ у меня назойливо вальсъ и двѣ кадрили. Едва мнѣ удавалось вырваться изъ его когтей, какъ онъ кидался къ мамашѣ, которая, не спуская глазъ, съ улыбкой слушала его и, казалось, приходила въ восхищеніе отъ его краснорѣчія. Однако я отнеслась недовѣрчиво къ этому румяному юнцу. Такъ они всегда пробираются ко мнѣ черезъ мамашу. Но *этому* стоило только показаться, чтобы разстроить мнѣ нервы. Тѣмъ не менѣе, продолжая играть въ наивность, я отвѣчаю мамашѣ:

— Но, право же, я не понимаю, о комъ идетъ рѣчь?

— Да объ томъ молодомъ человѣкѣ, который танцовалъ съ тобой кадрили!

Съ этого пункта мамаша воспламеняется и, вся дрожа отъ волненія, принимается рассказывать происхожденіе этого господина...

Она начинаетъ перечень всѣмъ членамъ его семейства, — этой старой, почтенной фамиліи, изъ которой выходили на свѣтъ божій одни только благородные, честные люди. Отецъ — безупречный судебный дѣятель, членъ парижскаго суда; его мать — святая, достойная женщина, отлично воспитавшая своихъ дѣтей... такъ какъ у этого господина есть двѣ сестры, обѣ прелестныя и обѣ замужнія: одна за очаровательнымъ нотаріусомъ, а другая — за не менѣе очаровательнымъ докторомъ. Что жъ касается до него, то это — восьмое чудо свѣта, это самъ умъ, сама доблесть, самъ разсудокъ!

Онъ необычайно даровитъ, изященъ, обожаетъ свою мать, но главный шикъ состоитъ въ томъ, что онъ вышелъ изъ центральной школы *первымъ*.

— Первымъ, — повторяла мамаша: — первымъ, первымъ!

Тогда я — не въ силахъ болѣе сдержать справедливаго негодованія — начинаю говорить:

— Такъ онъ инженеръ? Никогда, мамаша, никогда! Я уже отказала восьмерымъ, и всѣ они вышли изъ центральной или политехнической школы, всѣ они милы, какъ амуры, всѣ умны, какъ боги! И если все будутъ попадаться такіе же, то я буду отказывать имъ безъ исключенія, не давая себѣ даже труда на нихъ полюбоваться. Да будетъ это тебѣ

известно, и потому перестань меня мучить. Какъ только доходить до нихъ дѣло, то ты входишь въ какое-то остервененіе; вѣдь это настоящее преслѣдованіе, и я просто умираю отъ него, мамаша, умираю, умираю!..

И, не дойдя еще до конца этого пламеннаго словоизвѣженія, я расплакалась; но тутъ мы заключили въ объятія другъ друга; я нервно рыдала, мамаша тоже прослезилась и расплакалась. Но я плакала отъ отчаянія, мамаша же просто расчувствовалась, видя мое отчаяніе. Она была бы такъ добра, такъ добра, не будь у нея этой несчастной страсти сватать меня непременно за инженеровъ. Я думаю, что никогда еще не происходило такой смѣшной и въ то же время нервной сцены. Разливаясь въ слезахъ, мы обмѣнивались прерывающимися отъ рыданій фразами въ родѣ слѣдующей:

— Дорогая моя, вѣдь ты знаешь, какъ я тебя люблю.

— Да, мамаша, я это знаю, но не надо инженера!

— Я только хочу твоего счастья.

Подъ конецъ, мы съ мамашей заключили миръ. Она обѣщала мнѣ никогда больше не упоминать о сегодняшнемъ субъектѣ; и однако мною овладѣваетъ безконечное уныніе. Какимъ образомъ избѣгну я своей жестокой участи? Какъ бы я ни защищалась, а въ концѣ концовъ придется уступить и сдѣлаться добычей какого нибудь изъ бывшихъ учениковъ политехнической или центральной школы, которые слѣдуютъ за мной по пятамъ и не даютъ шагу сдѣлать безъ себя. Въ эту минуту я слышу, что кто-то ходитъ подъ моимъ окномъ; шаги отчетливо раздаются въ ночной тишинѣ. Это инженеръ или химикъ (что, впрочемъ, одно и то же)? Я увѣрена, это кто нибудь изъ нихъ.

11-го марта.

И почему это мамаша такъ мягкосердечна и такъ нѣжно глядитъ на всѣхъ этихъ молодыхъ людей, моихъ постоянныхъ преслѣдователей?

Все потому, что у меня есть братъ, злой, маленькій повѣса, но притомъ очень хорошенькій и очень забавный, котораго я обожаю. Этотъ милый братецъ настолько же бѣшено стремится ко всевозможнымъ удовольствіямъ, насколько избѣгаетъ всякой, какой бы то ни было, работы. Но, конечно, не мнѣ бранить его за это. Октаву двадцать три года, но

вотъ уже девятнадцать лѣтъ, какъ онъ составляетъ мученіе и горе для папаша и мамаша. Ему было четыре года, когда его усадили за азбуку и стали было учить читать; но онъ сейчасъ же принялся плакать, кричать, вопить: „не хочу учиться, хочу играть!“ И до нынѣшняго дня онъ сохранилъ тѣ же самые вкусы. Онъ крѣпко стоялъ на этой фразѣ и не говорилъ ничего другаго, кромѣ того, что не хочетъ работать, а хочетъ наслаждаться. Когда папаша, желая посвятить его въ дѣла по дому, хотѣлъ посадить его за бюро, съ девяти часовъ утра до пяти часовъ вечера, то Октавъ взбунтовался. Онъ отрѣзалъ разъ навсегда, что не понимаетъ и никогда не пойметъ ничего по части бумажнаго производства и что онъ только надѣлаетъ глупостей, если вздумаетъ приняться за что нибудь подобное.

И рѣшеніе его было такъ твердо, а лѣнь такъ энергична, что папаша принужденъ былъ покориться и послушно платить долги Октава. Съ этого времени, у насъ въ домѣ начались бури, но такъ какъ во всемъ мѣрѣ трудно найти чело-вѣка добрѣе мамаша, то все скоро вошло въ обычную колею. О, онъ богатъ, очень богатъ, этотъ папаша! Когда Октавъ началъ жуировать, то сейчасъ же нашлись люди, оспаривавшіе другъ у друга честь ссужать его деньгами, и онъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ видишь, Катя, мы можемъ быть совершенно спокойны. У папаша пропасть денегъ. Я нахожу кредитъ очень легко за довольно приличные проценты. А это хорошее предзнаменованіе!

И когда въ декабрѣ прошлаго мѣсяца папаша долженъ былъ за одинъ разъ вынуть изъ своей кассы пятьдесятъ тысячъ франковъ, для уплаты долга Октава, то этотъ послѣдній сообщилъ мнѣ слѣдующее замѣчаніе:

— Конечно, папаша раскричался, но ясно, что онъ это сдѣлалъ больше для виду; для того чтобы орать такъ, какъ онъ оралъ, надо быть дьявольски-богатымъ чело-вѣкомъ, и вѣрь мнѣ, Катя, что въ домѣ пахнетъ милліонами и, слѣдовательно, мы можемъ забавляться сколько нашей душенькѣ угодно.

Поэтому Октавъ разбрасываетъ во всѣ стороны деньги папаша, а такъ какъ онъ убѣжденъ больше, чѣмъ когда ни-

будь, что рѣшительно непригоденъ ни къ какой работѣ и всего менѣе способенъ вести дѣла папаша,—то и никогда не будетъ въ состояніи управлять нашими мастерскими въ Парижѣ, нашими заводами въ Ангулемѣ и нашими мельницами въ Безансонѣ. Выходитъ, что мнѣ одной предстоитъ пожертвовать собою ради всего этого. И какъ подумаешь только, что замужство мое нужно не для меня самой, а для процвѣтанія нашихъ фабрикъ! Кому же, слѣдовательно, будетъ принадлежать бумажная фабрика Дювалей? И кому, вдобавокъ къ фабрикѣ, достанется бѣдная малютка Дюваль, которая ужъ вовсе не такъ дурна собой и глупа? Это, по крайней мѣрѣ, мое скромное мнѣніе. Я же, въ качествѣ молодой дѣвушки,— послушной, какъ овца, хотя далеко неглупой,—должна безпрекословно принять предложеніе перваго встрѣчнаго инженера, который заставитъ дѣйствовать наши машины и вертѣться наши мельницы. Нѣтъ, нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Октавъ забавляется, и отлично; я тоже хочу позабавиться.

12-го марта.

Но какъ велико, на самомъ дѣлѣ, состояніе папаша? И какое дадутъ за мной приданое? Вотъ что хотѣлось бы мнѣ знать. Но какъ подобраться къ мамашѣ съ этимъ важнымъ, но щекотливымъ вопросомъ? Конечно, у меня нѣтъ недостатка въ апломбѣ, но все таки я не смѣю, не смѣю... Я хорошо помню, что, когда была еще маденькой дѣвочкой, папаша съ мамашей часто говорили при мнѣ о своихъ денежныхъ дѣлахъ. Это бывало именно по вечерамъ послѣ обѣда, когда до моего слуха долетали разные отрывки изъ ихъ разговоровъ. Мнѣ было десять, двѣнадцать лѣтъ, и я играла еще въ куклы. Притаившись въ своемъ уголкѣ, я притворялась, что ничего не слышу, хотя отлично все слышала. Часто папаша доставлялъ себѣ удовольствіе вести счеты на длинныхъ листахъ бумаги, и мамаша съ восхищеніемъ повторяла:

— Такъ вотъ сколько, такъ вотъ сколько!

Они не называли цифры, но я догадывалась, что она доходила до феноменальнаго размѣра.

Затѣмъ, папаша, взявъ меня на руки и сажая на колѣни, говорилъ:

— Ну, она не умретъ съ голоду, эта дурашка!

Съ тѣхъ поръ какъ „дурашка“ превратилась во взрослую дѣвицу, при ней перестали вести счеты. Однако папаша иногда проговаривается; онъ гордится, что ведетъ очень крупное дѣло, гордится тѣмъ, что добываетъ себѣ собственнымъ умомъ все это богатство, такъ какъ Октавъ — плохой ему помощникъ, и вотъ по временамъ у него вырываются фразы, изъ которыхъ я могу смѣло заключить, что ему не было бы особенно трудно дать за мной огромное приданое. Но мамаша, какъ только слышитъ эти фразы, тотчасъ же настроивается и, подмигивая въ мою сторону, даетъ знать, что не слѣдуетъ говорить при мнѣ о подобныхъ вещахъ; это можетъ сдѣлать меня самоувѣренной и надменной. Бѣдная мамаша! Еслибы она знала, что это уже давно случилось! Я была еще маленькой, а въ моей головкѣ уже бродили разныя идеи. Я давно уже сдѣлалась тѣмъ, что есть: вѣдь люди такъ мало мѣняются; съ лѣтами больше развиваешься, — вотъ и все! Сколько себя помню, я всегда производила эффектъ, потому что у меня всегда были большіе прелестные глаза, блестящіе, глубокіе и выразительные. Меня уже давно глодалъ червь честолюбія и роскоши; всѣ деньги, которыя были у меня въ рукахъ, проходили какъ-то сквозь пальцы; мнѣ казалось очень забавнымъ издерживать ихъ скорѣе, какъ можно скорѣе; я обожала, между прочимъ, игрушки, которыя скоро ломаются, но стоятъ очень дорого. И ко всему этому я была помѣшана на туалетахъ. Однажды — мнѣ было тогда шесть, семь лѣтъ — папаша спросилъ меня, чего бы мнѣ хотѣлось для дня моихъ именинъ.

— Подари мнѣ платьице, красное платьице, — вскричала я. — Я хочу быть такой хорошенькой, чтобъ всѣ на улицѣ любовались мною. — Я не могла смотрѣть безъ зависти и безъ гнѣва на тѣхъ изъ моихъ маленькихъ сверстницъ, которыя были лучше меня одѣты и которыми больше любовались. О, какъ были знакомы мнѣ эти горести и какъ знакомы до сихъ поръ!

Мамаша, при своей скромности и рѣдкой разсудительности, никогда не знала, что такое хорошая портниха и что такое дѣйствительно изящное платье. Она объ этомъ мало думаетъ. Она готова накинуть богъ знаетъ что на плечи, и ужъ думаетъ, что одѣта. Когда я на колѣняхъ умоляла ее

дать мнѣ другую портниху, которая бы меня поняла и сдѣлала изъ меня все, что можно сдѣлать, то мамаша отвѣчала мнѣ, что никогда не покинетъ госпожу Сальяръ. А почему? спросите вы.

О, это вопросъ чувства. Госпожа Сальяръ шила мамашѣ вѣнчальное платье, и мамаша была такъ счастлива, такъ счастлива въ этомъ самомъ платьѣ! И, дѣйствительно, ничего не можетъ быть подобнаго супружескому согласію папаша съ мамашей. Черезъ шесть мѣсяцевъ, они собираются отпраздновать свою серебряную свадьбу; до нынѣшняго дня прошло уже четверть вѣка со времени ихъ свадьбы, а между ними царить все та же нѣжность, тотъ же миръ. Маргарита, — старушка-няня, выростившая меня, — съ глубокимъ волненіемъ рассказываетъ мнѣ иногда исторію замужства мамаша. Нѣтъ ничего трогательнѣе этой исторіи. Дѣдушка, уже тогда очень богатый человѣкъ, хотѣлъ женить своего сына на дочери одного нотаріуса, дававшего за ней сто тысячъ экю приданнаго. Но папаша захотѣлъ жениться на моей матери, которая была бѣдна, но хороша собой и къ тому же приходилась ему кузиной... И все таки любовь восторжествовала — совершенно такъ, какъ въ любомъ англійскомъ романѣ, — послѣ двухъ лѣтъ борьбы, страданій и ссоръ, въ продолженіе которыхъ папаша съ героизмомъ отвергалъ всѣ прекрасныя партіи, предлагаемыя ему дѣдушкой. Онъ хотѣлъ только мамаша, и добился ея руки. Они были совершенно счастливы, и были бы еще счастливѣе, еслибъ у нихъ не было сына, который слишкомъ любить удовольствія, и дочери, которая такъ не любитъ инженеровъ.

Папаша, повидимому, жилъ только для фабрики, а мамаша жила для папаша. Фабрика шла хорошо, папаша чувствовалъ себя отлично и все обходилось вполне благополучно. Въ этомъ домѣ продолжали вести ту же жизнь, которую вели пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Въ залѣ стояли тѣ же самыя тяжелыя кресла краснаго дерева, поставленныя въ рядъ со временъ первой имперіи. Мебель — Жакоба, эта ужасная мебель, давно вышедшая изъ употребленія, вѣчная, неразрушимая. Я попробовала какъ-то сломать одно кресло и не могла. Наша единственная роскошь заключается въ томъ, что у насъ превосходная кухарка и очень хорошій

столь; папаша—порядочный таки обжора и, наработавшись за весь день, любить хорошо покушать за обѣдомъ. Что же касается до мамаша, то у нея нѣтъ недостатковъ; она даже не любитъ полакомиться. Ей все равно; она могла бы быть совершенно довольной кускомъ хлѣба и двумя вареными картофелинами. Она только смотритъ за тѣмъ, чтобы ѣла какъ можно больше папаша и, если видитъ, что онъ доволенъ, то она совершенно счастлива. Конечно, мамаша не скупа; это былъ бы уже недостатокъ, а она отъ нихъ гарантирована; ее только мало забавляетъ сорить деньгами, хотя она дѣлаетъ исключенія для бѣдныхъ. Такимъ образомъ, она пожертвовала на устройство сиротскаго дома для молодыхъ дѣвицъ въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ. И она этимъ даже не похвасталась. Октавъ узналъ объ этомъ стороною и повелъ очень разсудительную рѣчь.

— Это вовсе не умно, — говорилъ онъ, — вовсе не умно со стороны папаша давать мнѣ только пятнадцать тысячъ въ годъ. Онъ могъ бы для меня сдѣлать то же, что для бѣдныхъ сиротокъ въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ. Ну, еслибы у меня было сорокъ тысячъ годоваго дохода, то вмѣстѣ съ безикомъ этого было бы совершенно достаточно, чтобы я могъ свести концы съ концами, такъ какъ въ безикъ я почти всегда выигрываю. Но пятнадцать тысячъ франковъ! Да что я буду съ ними дѣлать? Это нищета... И вотъ я занимаю деньги по десяти или двѣнадцати процентовъ на сто, и это еще хорошо по нынѣшнимъ временамъ. Значить, папаша пользуется извѣстнымъ довѣріемъ. Но, въ концѣ концовъ, кто же заплатитъ эти десять, двѣнадцать тысячъ за сто? Конечно, папаша! Слѣдовательно, онъ сэконоимилъ бы больше, давая мнѣ сорокъ тысячъ франковъ въ годъ. Я старался объяснить это мамашѣ, но она не поняла, не могла понять. Ты вѣдь знаешь ее, мамашу?.. Пятнадцать тысячъ франковъ,—это въ ея глазахъ громадная сумма. Я увѣренъ, что она удивляется, почему это я не откладываю кое-чего въ сберегательную кассу.

И я прибавлю отъ себя, что, услышавъ такія рѣчи, я въ этотъ день была довольна, очень довольна Октавомъ.

— Папаша колоссально богатъ, — продолжалъ онъ. — Я узналъ на этихъ дняхъ, что три года тому назадъ, когда

предполагалось все положить въ акціи, одинъ банкиръ предложилъ ему купить оптомъ, за восемь милліоновъ, его бумажныя фабрики, мастерскія, машины, земли, постройки, оптовые заказы — словомъ, все. И что жъ бы ты думала? Папаша отказался отъ восьми милліоновъ, то есть отъ четырехъ сотъ ливровъ дохода; это доказываетъ, что онъ добываетъ до полумилліона въ годъ... А такъ какъ мамаша почти ничего не тратитъ лично на себя, то страшно сосчитать, какая уйма денегъ достанется намъ въ одинъ прекрасный день,—пожалуй, шесть-семь милліоновъ на каждого; впрочемъ, не стану лучше считать. И вдругъ папашѣ жаль какихъ нибудь сорока тысячъ! Хотя я просилъ родителей для себя, но — прибавлю при этомъ — имъ не мѣшало бы и объ тебѣ подумать. Ну, развѣ они не обязаны завести для тебя хорошую верховую лошадь? О, еслибы папаша поступалъ такъ, какъ ему слѣдуетъ поступать, вмѣсто того чтобы, ради спасенія меня отъ нищеты, торговать въ татерсалѣ несчастными козлами, въ пятьдесятъ лудировъ, то я поѣхалъ бы въ Лондонъ и привезъ бы оттуда двухъ настоящихъ кровныхъ лошадей, — одну для тебя, другую для себя. Ты была бы восхитительна въ амазонкѣ! Ты прелестна, дѣйствительно прелестна, это ужъ я тебѣ говорю, а я въ этомъ знатокъ. Еслибы ты была въ рукахъ опытной портнихи, которую я тебѣ могу даже указать, то во всемъ Парижѣ не нашлось бы другой такой хорошенькой дѣвушки. Ты скучаешь, ты хочешь замужъ, а жалкіе мамашины инженеры тебя не прельщаютъ, ты ихъ всѣхъ гонишь, и ты права. Это несправедливо, что тебя хотятъ принудить выйти замужъ за инженера, только потому, что я не могу быть хорошимъ управляющимъ въ домѣ. Я хорошо знаю, чего ты хочешь, и какого мужа тебѣ надо, и не мамашѣ найти его тебѣ—ужъ это я возьму на себя. Съ твоей фигурой и съ твоимъ приданымъ, намъ стоитъ только десять разъ показаться въ Булонскомъ лѣсу, какъ среди насъ очутится цѣлая фаланга молодыхъ мужчинъ, украшенныхъ громкими титулами и именами и сторающихся отъ нетерпѣнія помѣняться своими титулами за папашины милліоны. И, право, мнѣ не было бы непріятно имѣть зятемъ одного изъ нашей золотой молодежи. Но, вотъ, попробуй втолковать это папашѣ съ мамашей! Они вѣкъ свой такъ

прожили и увѣрены, что и мы способны влачить подобное же существованіе. Конечно, не слѣдуетъ на нихъ слишкомъ насѣдать, но все таки намъ слѣдуетъ крѣпко стоять на своемъ и не поддаваться, моя милая.

Съ своей стороны, я совершенно во всемъ съ нимъ соглашалась и была очень довольна, слушая мудрыя рѣчи Октава. Но зачѣмъ же я такая уродилась? Почему мы съ Октавомъ такъ не похожи на папашу съ мамашей? Папаша такъ ретивъ до всякой работы, а Октавъ думаетъ только объ удовольствіяхъ. Папаша хлопочетъ о томъ, чтобы добывать деньги; Октавъ же только и думаетъ о томъ, чтобы поскорѣе ихъ прокутить. Мамаша—такая спокойная, тихая, кроткая, а же такая нервная, бурная, энергичная! Октавъ говоритъ, что папаша съ мамашей—люди стараго поколѣнія, а мы новаго, что вовсе не одно и то же; что они уже отжили свой вѣкъ, между тѣмъ какъ мы еще только начинаемъ жить и—слѣдовательно—мы вполне правы. Октавъ заходитъ даже дальше; онъ говоритъ, что это даже наша обязанность пускать въ оборотъ тѣ деньги, которыми напиханы всѣ углы нашего дома. Слѣдовательно, постараемся поскорѣе исполнить эту священную обязанность.

22-го марта.

Папаша получаетъ по утрамъ пять, шесть газетъ. Но онъ ихъ только пробѣгаетъ и вся корзина завалена этими листками. Пользуясь отсутствіемъ папаши, я иду иногда порыться въ корзины. То, что я дѣлаю, конечно, очень дурно: — мамаша не желаетъ, чтобы я читала газеты, и она права! Въ этихъ газетахъ говорится о такихъ вещахъ... Но какъ только я натыкаюсь на разныя пикантныя, несовсѣмъ приличныя подробности, то, не задумываясь нимало, немедленно прочитываю. Я жадно ищу всего того, что касается Парижа, — того Парижа, который начинается съ окрестности оперы и простирается до l'Arc de l'Etoile. Но какъ все это далеко отъ насъ! Я живу въ улицѣ Ruvé, которая вся наполнена какими-то огородами; вотъ какимъ воздухомъ я дышу! О, какъ мнѣ надоѣлъ нашъ старый домъ, возлѣ котораго изстари помѣщается наша бумажная фабрика! Это просто какая-то деревня. Когда мы съ мамашей выѣзжаемъ въ каретѣ, то намъ надо сдѣлать цѣлое путешествіе, чтобы добраться до Парижа.

Вотъ, наконецъ, показывается rue de la Paix. Кареты въ четыре ряда выстраиваются возлѣ магазиновъ извѣстныхъ портнихъ, великихъ модистокъ, знаменитыхъ парижскихъ ювелировъ. Воздухъ становится какъ-то живительнѣе, дыханіе легче; я чувствую себя въ родной сферѣ. Тутъ я у себя дома! Вотъ катитъ карета, — восхитительное маленькое купэ, — верхъ изящной простоты. Грумъ отхлопываетъ дверцу и на тротуаръ легко выпархиваетъ дама; на нее, конечно, обращены всѣ взоры. Ея молодость довольно сомнительна и красота посредственна, но чтó достойно изумленія и восхищенія, такъ это куча всевозможныхъ украшеній ея туалета, прелестно и оригинально подобранныхъ, а затѣмъ — ея походка, манера держать себя, ея очаровательно-дерзкій взглядъ. Ахъ, какъ бы я съумѣла принять такой же видъ! Какъ я съумѣла бы быть богатой и какой была бы хорошенькой женщиной, еслибы мамаша позволила мнѣ одѣваться по своему вкусу, а не приговорила пользоваться услугами этой ужасной госпожи Сальяръ.

Между тѣмъ, въ газетахъ папаши я просто пожираю глазами строчки, озаглавленные: „Парижская жизнь“, „High life“, „Эхо большого свѣта“ и т. д., и т. д. Я жадно пробѣгаю всѣ эти объявленія, подъ заглавіями: *фіалка, бездѣлушка, мелочь, ткани* и проч., всѣ рассказы о богатыхъ свадьбахъ, о большихъ первыхъ представленіяхъ, о крупныхъ продажахъ съ благотворительной цѣлью. Читая эти строчки, я натываюсь на имена женщинъ большого свѣта, а также на имена изъ театральнаго міра. Мнѣ становится извѣстнымъ, кто и какъ одѣваетъ этихъ женщинъ; изъ всего этого составляется любопытная путаница именъ баронессъ съ именами модистокъ, актрисъ съ маркизами, корсетницъ съ герцогинями. Пятьдесятъ изъ этихъ женщинъ служатъ, повидимому, коноводами всеѣй этой парижской роскоши и изящества; и я шагъ за шагомъ слѣжу за этими лѣтописями, не упуская ихъ изъ виду, съ утра до поздняго вечера.

Вотъ, въ десять часовъ утра, мнѣ показываютъ княгиню Х., скачущую верхомъ на лошади по аллеѣ акацій; за эту лошадь заплачено двѣнадцать тысячъ франковъ; при этомъ мнѣ называютъ имена окружающихъ ее кавалеровъ. Она останавливается у Potinière, и превесело болтаетъ съ четверть

часа, и я отлично знаю, что такое Potinière... Октавъ какъ-то растолковалъ мнѣ. Онъ тоже катается по утрамъ верхомъ, и тоже заѣзжаетъ къ Potinière. Затѣмъ я встрѣчаю эту княгиню на прогулкѣ послѣ обѣда и репортеръ описываетъ мнѣ въ мельчайшихъ подробностяхъ ея туалетъ; на ней надѣто что-то въ родѣ матросскаго кителя съ металлическими пуговицами, маленькая шляпка лодочкой, надѣтая на бекрень... На лужкѣ возлѣ дуба разставленъ столъ, весь покрытый розами; княгиня и ея пріятели кушаютъ паштетъ изъ печенки и запиваютъ его шампанскимъ. Въ полночь я ее нахожу у герцогини З., на одномъ изъ тѣхъ лѣтнихъ вечеровъ, на которыхъ фигурируютъ живыя картины. Занавѣсъ раздвигается, и вотъ среди зелени и цвѣтовъ, подъ цѣлымъ каскадомъ электрическаго свѣта, появляется княгиня. Очаровательный матросъ, о которомъ я уже говорила, превращается на этотъ разъ въ восхитительную Діану-охотницу и показываетъ всѣмъ свои несравненные ручки, свои плечи идеальной красоты и самыя прелестныя ножки въ Парижѣ. Вотъ чего папаша никогда не читаетъ въ журналахъ, а я именно это и читаю, и тогда мнѣ начинаетъ казаться, что я проникаю въ волшебнопредкрасный міръ, гдѣ все—радость, все наслажденіе. Передъ моими глазами точно развертывается феерія, состоящая изъ цѣлаго каскада шолка, кружевъ, жемчуга и брилліантовъ. Единственная мечта наполняетъ меня, одно только желаніе одушевляетъ, единственное честолюбіе охватываетъ меня и завладѣваетъ всѣмъ моимъ существомъ. Когда же, наконецъ, и я примкну къ полчищу этихъ женщинъ, на которыхъ глядѣть весь Парижъ? Дождусь же и я такого времени, что на другой день утромъ, послѣ большаго бала, находясь еще въ сладкой истомѣ, когда слухъ продолжаютъ ласкать нѣжныя любовныя объясненія, а плечи еще какъ будто ощущаютъ горячій, любовный взоръ тысячи глазъ обожателей,—я, наконецъ, прочту въ модномъ журналѣ или въ „Запискахъ парижанки“, что самой хорошенькой женщиной на этомъ балу, царицей этого бала, за которой больше всѣхъ ухаживали и которой всѣ завидовали, была я, Катерина Дюваль, превратившаяся въ маркизу или графиню.

24-ю марта.

Однако, рядомъ съ комбинаціей объ инженерѣ, мамаша должна бы была руководствоваться и другой комбинаціей. А что, еслибы я полюбила? Вѣдь за мамашей не было ни копѣйки приданого, когда папаша женился на ней по любви. Благодаря этой романтической исторіи, въ ней до сихъ поръ осталось что - то сантиментальное. Что, еслибы случайно у папаши оказался въ конторѣ какой нибудь мелкій комми, съ тысячею франковъ жалованья, бѣдный, но очень умный и разсудительный, который содержалъ бы трудами рукъ своихъ престарѣлую мать, и вотъ я пошла бы къ мамашѣ и сказала бы ей: „Мамаша, вотъ тотъ, кого я полюбила!“

Мамаша, конечно, расчувствовалась бы, а такъ какъ папаша во всемъ ея слушается, то я сдѣлалась бы вскорѣ женой мелкаго комми. А затѣмъ? я повторила бы собою исторію жизни мамаша; но вопросъ въ томъ: нашла ли бы я въ ней много привлекательнаго? Вся жизнь мамаша состоитъ въ томъ, чтобы подняться раньше всѣхъ въ домъ; затѣмъ по три часа гремѣть по утрамъ ключами, переходя изъ погреба въ амбаръ, чтобы все привести въ порядокъ и сдѣлать различныя хозяйственныя распоряженія; потомъ убрать огромные шкафы съ бѣльемъ, пропитаннымъ провинціальнымъ запахомъ лаванды; вести неустанную войну противъ малѣйшей пылинки, прилипшей къ ея драгоценной мебели краснаго дерева. Словомъ, вся ея жизнь состоитъ изъ разныхъ мелкихъ страстишекъ и радостей безличной буржуазіи, экономной и акуратной. Съ мамашей судьба поступила нѣсколько неожиданно. Сначала она была въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и потомъ осталась тѣмъ же, чѣмъ была. Она не умѣетъ быть богатой. Но зато какъ я сумѣла бы ею быть! Къ тому же, всѣ помыслы мамаша всегда вертѣлись около ея мужа: побѣждать самой, — какъ только онъ встанетъ, — за туфлями, усадить его собственноручно въ любимое кресло, среди сигаръ и журналовъ, пойти самой на кухню, чтобы присмотрѣть за тѣми кушаньями, до которыхъ онъ былъ особенно лакомъ, а когда онъ боленъ, то самой сварить ему ромашки, однимъ словомъ, постоянно, какъ вѣрная, преданная собака, глядѣть ему въ глаза, чтобы угадать

малѣйшее его желаніе. Конечно, когда-то въ этомъ было своего рода наслажденіе, но чтобъ это продолжалось до сихъ поръ, этого я не могу понять; у меня вкусъ къ болѣе сильнымъ ощущеніямъ. Мамаша—это просто святая. Аббатъ Пикарь сказалъ ей однажды вечеромъ: „Вотъ уже двадцать лѣтъ, госпожа Дюваль, какъ вы насаждаете цвѣтникъ“. И это правда. Но вѣдь я-то не святая, а только хорошенькая, очень хорошенькая парижанка 1884 года, и — право—мнѣ жаль этотъ вертоградъ, которому, послѣ мамыши, я служу достойнымъ украшеніемъ.

27-го марта.

Октавъ въ восторгѣ! Вчера онъ попалъ въ члены одного клуба, очень шикарнаго, недавно основаннаго на бульварѣ Мальзербъ, и который окрестили насмѣшливымъ прозвищемъ клубъ „Сахарнаго Горошка“.

Октавъ показалъ мнѣ списокъ членовъ клуба, и я съ большимъ стараніемъ проглядѣла его, отмѣтивъ у себя въ памяти изъ двухсотъ шестьдесяти двухъ человекъ сто сорокъ три, принадлежащихъ къ аристократіи, причемъ одинъ съ герцогской короной (вѣроятно, испанецъ). Затѣмъ, между ними были: два князя (конечно, итальянцы), семь маркизовъ, шестьдесятъ три графа, девятнадцать виконтовъ и двадцать два барона. Въ числѣ членовъ этого клуба фигурируютъ, кромѣ того, фамиліи громкія, старинныя, выходящія изъ ряду вонъ. Съ нѣкоторыхъ поръ Октавъ только и мечталъ о томъ, чтобы проникнуть въ этотъ клубъ; онъ часто говорилъ со мною объ немъ, приговаривая почти съ отчаяніемъ:

— Ахъ, я, кажется, никогда туда не попаду! Ты представить себѣ не можешь, Катерина, какъ тяжело носить фамилію Дюваля, когда хочется вращаться въ настоящемъ высшемъ кругу.

Но, въ концѣ концовъ, ему удалось съ большою ловкостью достигнуть своей цѣли. Его величайшая страсть — это игра въ безикъ; онъ всячески въ ней изоцрялся и половину своей жизни проводить въ одномъ ужасно скверномъ клубѣ, гдѣ изъ любви къ пиковой дамѣ встрѣчаются люди всѣхъ слоевъ общества. Въ началѣ послѣдняго мѣсяца, Октаву удалось приручить одного знаменитаго графа, совсѣмъ еще юнаго; этотъ графъ, какъ оказалось, тоже очень любитъ играть въ

безикъ. Деликатно выражаясь, онъ порядкомъ таки „продулся“; такъ, по крайней мѣрѣ, сказалъ Октавъ, употребляя въ разговорѣ со мной выраженія, принятые въ томъ кружкѣ, въ которомъ онъ вращался. Ничто такъ меня не забавляетъ, какъ его манера говорить со мной. Въ концѣ перваго сеанса, тянувшагося до семи часовъ утра, графчикъ проигралъ десять тысячъ франковъ; онъ поблѣднѣлъ и позеленѣлъ... Словомъ, у него былъ видъ человѣка, который проигралъ десять тысячъ франковъ, не имѣя ни копейки въ карманѣ. Утромъ Октавъ сказалъ ему съ любезной улыбкой:

— Будьте такъ добры, не расплачивайтесь сейчасъ же со мной; сегодня вечеромъ вы можете еще отыграться.

И онъ, дѣйствительно, доставилъ ему эту возможность въ этотъ и въ послѣдующіе вечера; но счастье упорно повертывалось къ Октаву, который все выигрывалъ да выигрывалъ.

Графчикъ, въ концѣ недѣли, проигралъ ему тридцать тысячъ франковъ; но онъ не находилъ никакой возможности уплатить сейчасъ же такую сумму; Октавъ хорошо зналъ это и, какъ игрокъ, оказался очень великодушнымъ, давая своему противнику всякую возможность отыграться или уплачивать понемногу, не опустошая въ конецъ своего кошелька. И вотъ Октавъ былъ блестящимъ образомъ вознагражденъ за свою любезность! На прошлой недѣлѣ, когда они сыграли первую партію, то едва кланялись другъ другу, ограничиваясь только слѣдующимъ разговоромъ:

— Хотите сыграть въ безикъ, сударь?

— Съ удовольствіемъ, милостивый государь.

Теперь же они говорятъ другъ другу не иначе, какъ „мой милый другъ“.

Когда же Октавъ самымъ небрежнымъ образомъ далъ ему замѣтить, что для него не было бы непріятно попасть въ члены „Сахарнаго Горошка“, то графчикъ предупредительно вскричалъ:

— Но какъ же это такъ случилось, мой дорогой другъ, что я васъ туда не ввелъ, когда я тамъ—свой человѣкъ. О, я очень радъ съ вами окончательно покумиться, да и тамъ будетъ еще удобнѣе сыграть нашу партію въ безикъ.

Вотъ какимъ образомъ Октавъ сдѣлался членомъ аристократическаго клуба.

29-го марта.

Папаша, мамаша и я сидѣли утромъ за завтракомъ и пили шеколадъ, — этотъ вѣчный несносный шеколадъ. Было восемь часовъ утра, и въ это время я съ часами въ рукахъ должна уже быть причесана, затянута въ корсетъ, одѣта, словомъ, совсѣмъ готова. Я не имѣю понятія о пеньюарѣ, и съ ранняго утра должна уже быть зашнурована, такъ какъ меня воспитали въ строгихъ правилахъ и ежедневно, между первымъ и вторымъ завтракомъ, я должна была часъ пробарабанить на фортепьяно, съ часъ заняться французскимъ языкомъ и съ часъ — англійскимъ. А иногда ко всему этому прибавлялись еще занятія по хозяйству и рукодѣлю.

— Дочери англійской королевы, — говорила мамаша, — учатся сами себѣ прислуживать, мести свои комнаты, стирать и гладить, готовить кушанье и т. д.

Но я изо всѣхъ силъ протестовала; папаша былъ на моей сторонѣ. Онъ иногда заступаетъ за меня, мой милый папаша. Вотъ почему я не могу считаться современной женщиной, т. е. не стелю сама свою постель и не варю яицъ. Всѣми же остальными талантами я, безъ исключенія, обладаю. Но Боже мой, Боже мой, неужели долго еще будетъ продолжаться эта попытка?

Конечно, по мнѣнью мамашы, истинное счастье состоитъ въ этой распредѣленной по часамъ жизни, математически точной, гдѣ все на вытяжку. Для меня же, повторяю, это наказаніе.

О мамаша, сколько добродѣтелей я по вашей милости возненавидѣла! Да, на меня наводятъ ужасъ точность, аккуратность и регулярная жизнь. По временамъ, на меня находятъ припадки къ бродяжничеству. Я желала бы быть дурно одѣтой, кое-какъ уলেখся спать, плохо поѣсть, поиграть на улицѣ съ простыми фабричными, позавтракать жаренымъ картофелемъ на двѣ копейки, зачерпнуть рукой воды изъ публичнаго фонтана, чтобы напиться прямо изъ ладони, проѣхаться верхомъ на лошади по цирку, скакать черезъ обручи, протанцовать на канатѣ. Ежедневно въ восемь часовъ десять минутъ, во время шеколада, Пьеръ приноситъ папашѣ огромный пакетъ, вмѣщающій писемъ шестьдесятъ-восемьде-

сятъ, и все это отъ людей, которые постоянно пишутъ и говорятъ объ одной бумагѣ, бумагѣ и бумагѣ. Сегодня же утромъ я запримѣтила въ пакетѣ письмо съ приглашеніемъ на свадьбу. Я уже давно отвоевала себѣ право прочитывать всѣ подобныя письма, и всегда первая ихъ узнаю и выхватываю изъ пакета.

Вотъ что я прочитываю въ сегодняшнемъ письмѣ:

„Господинъ и г-жа Бернардель имѣютъ честь извѣстить васъ о бракосочетаніи дѣвицы Леоніи Бернардель, ихъ дочери, съ господиномъ графомъ Рожеромъ де-Монюсонъ“.

Леонія Бернардель! О, я ее отлично знаю. Мы вмѣстѣ исповѣдовались въ первый разъ въ церкви св. Павла. Ея отецъ—бумажный фабрикантъ, какъ и папаша, только не такой богатый. Я часто слыхала о семействѣ Бернардель, какъ о хорошемъ домѣ втораго разряда—и только, между тѣмъ какъ мы принадлежимъ къ первому. И вотъ теперь она сдѣлалась графиней, эта Леонія Бернардель, краснорочая коротышка, тяжеловѣсная, бѣлобрысая и вульгарная! Я не могу удержаться и слегка вскрикиваю.

— Что съ тобой?—спрашиваетъ мамаша.

— Смотри, читай...

Мамаша также вскрикиваетъ отъ удивленія.

— Да эти Бернардель съ ума сошли!

— Совсѣмъ сумашедшіе, —прибавляетъ папаша, прочитывая въ свою очередь.

По этому поводу мамаша произноситъ длинную, длинную рѣчь: „Ничего нѣтъ смѣшнѣе подобныхъ замужствъ. Они всегда плохо кончаются. Не слѣдуетъ выходить изъ своей среды“! И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ. Я отлично понимаю, въ чей огородъ кидаютъ камушки, потому что меня часто этимъ потчивали. Папаша молча соглашается, кивая головой и продолжая просматривать свои излюбленныя дѣловыя бумаги. Я не попала въ ловушку, сдѣлавъ видъ, что не слушаю, и съ особеннымъ стараніемъ намазываю масломъ ломтики хлѣба; но я очень хорошо видѣла, какіе взгляды кидаетъ на меня среди разговора мамаша, стараясь прочесть что нибудь на моемъ лицѣ.

2-го апрѣля.

Бѣдная мамаша! И какъ я все это давно изучила. Когда она, по обыкновенію, вошла сегодня утромъ въ мою комнату, то мнѣ стоило только разъ взглянуть на нее, чтобы угадать, что въ ея лицѣ есть что-то особенное. Я сейчасъ же сказала себѣ: „ну, будемъ держать ухо остро; тутъ, вѣроятно, опять скрывается какой нибудь инженеръ“!

Но я нѣсколько ошиблась. Это былъ не инженеръ, а нотариусъ. Но что за нотариусъ! Жемчужина среди нотариусовъ. Совсѣмъ еще молодой, тридцати лѣтъ. Вчера, въ воскресенье, онъ имѣлъ счастье увидѣть меня во время обѣдни. Въ нашемъ міркѣ существуютъ только два мѣста для свадебныхъ выставокъ: обѣдня и комическая опера. Я однако спросила фамилію этого великолѣпнаго нотариуса. Конечно, я не ожидала встрѣтить имя Тремуйль или Рошфуко среди нотариусовъ, но я все таки пожелала узнать.

Мамаша какъ-то замялась и запнулась на первомъ же словѣ. Тогда я поняла, что это что-то ужасное; такъ и оказалось: Мульяръ.

Его фамилія—Мульяръ. Слѣдовательно, я буду называться госпожей Мульяръ!!. О, какой кошмаръ!

И пока я стояла, какъ истуканъ, подавленная ужасомъ отъ такого имени, мамаша пустилась въ длинныя подробности. Ахъ, эти Мульяры, эти Мульяры! Это—люди старой школы, изъ хорошаго стариннаго дома. И этотъ домъ вонъ тамъ, совсѣмъ близко, около насъ, въ улицѣ Сентъ-Антуанъ. Я, слѣдовательно, останусь подъ материнскимъ крылышкомъ. Дѣдушка Мульяръ былъ нотариусомъ при Луи-Филиппѣ, въ улицѣ Сентъ-Антуанъ; отецъ Мульяра былъ тоже нотариусомъ при Наполеонѣ III, все въ той же улицѣ Сентъ-Антуанъ. Сынъ же Мульяра, мой суженый, состоитъ теперь нотариусомъ, уже во время республики, и живетъ въ той же улицѣ. А если я соглашусь сдѣлаться госпожей Мульяръ, въ двадцатомъ вѣкѣ, при неизвѣстно какомъ императорѣ или республикѣ, то маленькій Мульяръ, съ моей помощью, будетъ тоже нотариусомъ, и опять въ улицѣ Сентъ-Антуанъ. Это было бы чудесно! У мамаша какой-то особенный даръ откапывать эти окаменѣлыя, превратившіяся въ муміи, фамиліи.

которыя никогда не переводятся, но точно врѣзываются въ мѣсто, гдѣ родились, и живутъ жизнью, похожей на смерть.

И пока я, какъ опалѣлая, повторяла: „госпожа Мульяръ, госпожа Мульяръ!“—мамаша произносила краснорѣчивый панегирикъ своему нотаріусу. Онъ еще во цвѣтѣ безупречной юности! Это тоже въ числѣ маній мамаши—отыскивать мнѣ жениховъ безупречной юности. Я отлично понимаю, что она подразумѣваетъ подѣ этимъ... И, обыкновенно, я спокойно позволяю ей восхвалять непорочность своихъ кандидатовъ, но сегодня не выдержала и выразилась въ такомъ родѣ, что подѣ именемъ безукоризненной юности мамаша разумѣетъ смѣшную юность.

Мамаша подняла руки къ небу и вскричала:

— Смѣшная юность!..

— Да, смѣшная, и смѣшнѣе всего на свѣтѣ. Но перестанемъ говорить объ этомъ, мамаша; все таки я не могу допустить, чтобы тебѣ серьезно пришло въ голову предлагать мнѣ мужа съ подобною кличкой. Ты просто хочешь меня раздражить, вывести изъ терпѣнія, свести съ ума!

— Тебя свести съ ума?

— Да, и заставить меня забиться въ монастырь!

— Въ монастырь?

— Да, тѣмъ все и кончится! Ну, развѣ можно называться госпожей Мульяръ? И, если дойдетъ дѣло до выбора между этимъ женихомъ или монастыремъ, то я предпочту монастырь.—Мамаша изо всѣхъ силъ старалась меня успокоить и я еще разъ выиграла дѣло, взявъ съ нея слово не напоминать мнѣ объ этомъ господинѣ.

3-го апрѣля.

Сегодня утромъ я нашла въ одной изъ газетъ, брошенныхъ въ корзину папаши, статью, подѣ рубрикой: „Вѣстникъ высшаго свѣта“, о *блѣмз балъ* у маркизы Масси-Прессакъ, устроенномъ для перваго дебюта въ свѣтѣ ея дочери Теодорины, самой хорошенькой, умной и богатой изъ всѣхъ молоденькихъ дѣвушекъ парижскаго high life. Она приноситъ своему мужу приданое въ два милліона и историческій замокъ въ Турени.

Все это было сказано въ газетѣ, а также и то, что молодая „новопосвящаемая дѣвушка, восхитительная своей свѣ-

жестью авроры“, пла въ котильонѣ съ графомъ де-Кюнильетомъ, авторомъ выпущенныхъ въ свѣтъ чудесныхъ произведеній, какъ на примѣръ, „Золотой туманъ“, вызвавши всеобщія похвалы.

Молодые дѣвушки на этомъ балу, словно по какому-то чуду, были укутаны въ необъятныя вуали изъ бѣлаго мулина, усыпанныя золотыми блестками. Танцоры безуслѣбно стремились проникнуть черезъ эту сквозную стѣну, отдѣляющую ихъ отъ танцующихъ дѣвушекъ. Эффектъ вышелъ поразительный. Между прочимъ, назывались по именамъ всѣ двадцать молодыхъ дѣвушекъ, заключенныхъ въ это сквозное позолоченное облако. Всѣ онѣ принадлежали или къ самой высшей аристократіи, или къ высшему финансовому міру. Вычисляли, что каждая изъ нихъ могла представлять собою капиталъ до пяти милліоновъ, что въ общей сложности составляло сотню милліоновъ. Восхваляли, между прочимъ, розовый цвѣтъ лица м-лле де-Фрондевилъ и перламутрово-блестящую кожу м-лле де-Сименъ, каріе глаза м-лле де-Френанисъ и аппетитныя плечи м-лле Пальмеръ.

Мои плечи тоже чего нибудь да стоятъ и, еслибы я имѣла случай ихъ показать, а лѣтописцы ихъ увидѣли бы, то, вѣроятно, и обо мнѣ появились бы великолѣпныя хвалебныя статьи въ этотъ день. Но мамаша—женщина стараго закала и понятія ея тоже старинныя. „Молодая дѣвушка не должна декольтироваться“. И когда я говорю ей: „Но почему жъ мамаша, почему?“ Она мнѣ отвѣчаетъ какъ-то неопредѣленно; но я читаю ясно ея мысль: по понятію мамаша молодая дѣвушка должна сохранить для будущаго мужа и винную бѣлизну и прелесть своихъ плечъ. Конечно, во всемъ Парижѣ существуетъ единственная мать съ подобными взглядами, и вѣдь надо же было случиться такъ, чтобъ моей матерью очутилась именно она!

Я еще вчера должна была тащиться на балъ къ Пуанель, въ улицу Архивовъ, и опять таки въ Марэ, въ этотъ несносномъ Марэ! Мы не выходимъ изъ этого района. Это былъ смертельно скучный балъ, съ кучей молодыхъ людей розовыхъ, свѣжихъ и глупыхъ; они глядѣли на меня какимъ-то остоленѣлымъ взглядомъ и всѣ обращались съ одо и той же фразой:

— М-ше, вы—царица этого бала!

Э, я это и безъ нихъ хорошо знаю. Но быть царицей та-го бала—плохое удовольствіе, нечего сказать! Бѣдная ма-ша никакъ не можетъ понять, что эти пошлые балы состав-ляютъ для меня сущее мученье. Она просто обожаетъ этихъ лпинель, которые состоятъ съ нами въ родствѣ. Это старая триархальная семья, очень многочисленная, очень дружная, которой не прекращаются крестины. Тамъ есть шесть или въ молодыхъ супружествъ, неустанно благословляемыхъ бла-мъ провидѣніемъ, и каждая подобная милость его сопро-ждалась большимъ семейнымъ торжествомъ. Сорокъ, пять-десятъ, шестьдесятъ душъ усаживалось полукругомъ вокругъ ола; тутъ были дѣдушки, бабушки, отцы, матери и куча мльшихъ и маленькихъ дѣтей. Самый критическій моментъ стааетъ во время десерта. Старшіе начинаютъ произносить сты и поютъ экспромтомъ пѣсни, мальчики же говорятъ здравленія и декламируютъ басни Лафонтена. Затѣмъ при-сятъ новорожденнаго въ центръ полукруга, ему смачиваютъ бки двумя или тремя каплями бургонскаго; маленькій уро-щъ начинаетъ немилосердно орать, но крикъ его покрываютъ рывами восторга и смѣха. О, онъ восхитителенъ, и весь б своего папашу или мамашу. А мамаша, съ другаго конца ола, смотритъ на меня умиленными глазами, и я отлично таю, что означаетъ этотъ умильный взоръ. Она мечтаетъ о угомъ подобномъ же празднествѣ, и героемъ его является, нечно, вотъ этотъ кусочекъ мяса, теперь горляющій и бры-ющійся у нея въ кружевахъ платья, но со временемъ по-чающій дипломъ техника. А послѣ этого техника пойдутъ ругіе, и всѣ они будутъ бумажными фабрикантами, всѣ, всѣ въ исключенія!

5-го апрѣля.

Сегодня вечеромъ, послѣ обѣда, папаша читалъ въ своемъ вслѣ излюбленную газету, а мамаша сидѣла за своимъ вѣч-мъ вышиваньемъ. Я же автоматически наигрывала на фор-ьяно что-то изъ Гайдна или Моцарта, безъ всякаго удо-вствія, думая совсѣмъ о другомъ. И играть-то какъ-то ходилось все старинное. Вотъ какъ мы проводимъ свои ера. Но для папашы съ мамашей въ этомъ состоитъ все

блаженство. Сидѣть у огонька и наслаждаться семейнымъ огнемъ, — что можетъ быть выше этого наслажденія?

— Катя, сыграй намъ чтонибудь изъ Моцарта, — та говорила мамаша каждый вечеръ, около девяти часовъ, после того какъ мы пообѣдаемъ втроемъ по семейному. Я, какъ послушная жертва, направляюсь къ фортепяно и начинаю играть.

Папаша время отъ времени прерываетъ свое чтеніе, мамаша свое вышиванье; они садятся поглубже въ свои кресла умильно переглядываются и посматриваютъ на меня, растроганные, улыбающіеся. Затѣмъ они опять принимаются за чтеніе и вышиваніе, а я баюкаю ихъ слухъ этими старинными мелодіями, которыя приводятъ ихъ во восторгъ, но меня только утомляютъ. Такимъ образомъ, я играла около четверти часа затѣмъ вставала и сонными нетвердыми шагами начинала прохаживаться изъ одного конца залы въ другой. Сегодня остановилась у окна: вечеръ былъ восхитительный. По небу мелькали маленькія облачки, отражая на себѣ серебристыя свѣтъ луны. Я попросилась пойти немножко прогуляться въ саду. Мамаша громко вскричала:

— А холодно? развѣ ты не боишься простудиться?

— Вѣдь ты же хорошо знаешь, мамаша, что я не боюсь простуды и никогда не простужаюсь.

И я пошла, закутанная предварительно мамашей въ разные платки и плащи. Въ саду начинается другая музыка хотя для меня все одна и та же. Всѣ машины на фабрике шипѣли, свистали, скрипѣли и ворчали. Запахъ сала и угля щипалъ горло, въ особенности же этотъ противный запахъ бумаги! Дѣла папаша — въ блестящемъ положеніи въ настоящее время. Онъ получаетъ бѣшенныя деньги, и въ продолженіи шести недѣль машины работаютъ всѣ ночи напролетъ двухъ-трехъ часовъ утра. Я прохаживалась вдоль длиннаго ряда фабричныхъ домовъ и подошла къ одной изъ маленькихъ отдушинъ, освѣщающихъ внизу землю. Большое колесо машины вертѣлось на всемъ ходу, люди бросали по разнымъ лопаты угля на раскаленные до-бѣла печныя жаровни. И эта машина работаетъ для меня; для меня рабочіе проводятъ всю ночь въ этомъ неклѣ; для меня на нашихъ большихъ ангулемскихъ заводахъ вертятся другія машины и работаютъ

ругіе работники; для меня же подъ Дубсомъ каскады водъ ставятъ дѣйствовать тысячи мельницъ,—и все это дѣется для того, чтобы я была богата, очень богата.

Но все таки не для одной меня трудится день и ночь только народу, и огромное состояніе Дювалей увеличивается въ году въ годъ цѣною столькихъ усилій. Это дѣлается также для нѣкоей маленькой блондиночки, по прозванію Поины Вердье, которая играетъ въ театрѣ Палероаль. Сегодня увидѣла въ первый разъ эту блондинку. Мы поѣхали съ мамашей въ нашей старомодной коляскѣ, времянъ Луи-Филиппа, съ визитомъ въ улицу Chaussée-d'Antin. На Итальянскомъ бульварѣ мы попали въ цѣлую вереницу экипажей и должны были двигаться медленно, шагъ за шагомъ. И вдругъ замѣчаю прелестное маленькое купе, которое несется намъ навстрѣчу, и въ немъ—моего брата, веселаго, торжествующаго, взволнованнаго, рядомъ съ восхитительной блондиночкой, совсѣмъ еще молоденькой и очень забавной, которая есело хохотала, показывая всѣмъ свои хорошенькіе зубки. Когда въ видѣ меня, тотчасъ же успѣваетъ что-то незаметно шепнуть блондиночкѣ, которая немедленно раскрываетъ большой японскій вѣеръ, за которымъ скрывается и исчезаетъ мой милый братецъ. Но вотъ оба экипажа,—приближаясь другъ къ другу, вслѣдствіе строгаго порядка, въ которомъ двигаются они, — почти невольно сталкиваются колесами и я улавливаю взглядъ блондиночки, которымъ она имолетно окидываетъ всѣхъ насъ: мамашу, лошадей, кучера, оляску и меня, причемъ на лицѣ ея появляется на мигъ маленькая гримаска, которой она очевидно хочетъ сказать: ну, у этихъ господъ мало шику! Я же, между тѣмъ, сказала про себя слово, которое не рѣшаюсь произнести вслухъ. Ну, прочемъ, скажу. Я сказала про себя: „вотъ моя belle soeur“. Въ счастью, мамаша ничего не замѣтила. Я раньше никогда не встрѣчала этой молодой особы, но лицо ея было мнѣ, какъ будто, немного знакомо. Вдругъ я припомнила. Вернувшись домой, я немедленно отправляюсь въ комнату брата, и тамъ, на бюро, нахожу въ альбомѣ, наполненномъ фотографическими карточками актеровъ и актрисъ, маленькую блондиночку, одѣтую или—лучше сказать—раздѣтую въ костюмѣ неаполитан-

скаго рыбака; внизу карточки стояла надпись: „Полина Вердые, Палерояль“.

И въ то время, какъ я, грустная и одинокая, прогуливалась въ этотъ вечеръ по своему садику, она, —эта плутовка Вердые,—показывалась навѣрно въ самомъ восхитительномъ нарядѣ, оплаченномъ трудами рабочихъ и машинами папаша.

8-го апрѣля.

Сколько новостей въ сегодняшнихъ газетахъ папаша. Прежде всего, слѣдуетъ описаніе приданого дѣвицы де-Луки-Гарданъ, которая выходитъ замужъ за виконта де-Блавины.

Вчера весь Парижъ перебивалъ въ салонахъ госпожи Валери, нѣкоей великой парижской модистки, для того чтобы полюбоваться на это приданое, которое, казалось, вышло изъ волшебныхъ рукъ самой феи. Двухъ газетныхъ столбцовъ едва хватило для переименованія всѣхъ этихъ прелестей. Я вырѣзала эти столбцы и въ своей комнатѣ занялась тѣмъ, что до тѣхъ поръ ихъ читала и перечитывала, пока не выучила наизусть, и, еслибы мнѣ пришлось держать пари въ томъ, что я расскажу' безошибочно ихъ содержаніе, то я, вѣроятно, выиграла бы это пари. Тутъ были: батистовыя рубашки съ фишю изъ валансьенскихъ кружевъ, по образцу *Kéсаміег*; для путешествій же предназначались 'рубашки голубыя, розовыя, цвѣта сгѣте; батистовыя панталоны, по образцу тѣхъ, которые носилъ „маркизь“ Людовикъ XV; ночныя рубашки à la Манонъ-Леско, обшитыя валансьенскими кружевами и украшенныя лентами; пеньюары съ большимъ воротомъ временъ директоріи; туфельки изъ бѣлой фланели, отдѣланныя старыми вѣнскими кружевами; *sortie de bal* изъ бѣлаго индійскаго кашемира, затканнаго золотомъ, обшитаго бахромою изъ розоваго коралла, съ собольими хвостами; домашнее полковое платье à la Помпадуръ, украшенное тонкимъ кружевомъ, на свѣтло-голубой пикейной подкладкѣ; двадцать дюжинъ шелковыхъ чулокъ тѣльнаго цвѣта и т. д. Каково приданое!

За чудеснымъ описаніемъ этого приданого слѣдовало не менѣе чудесное описаніе одного благотворительнаго бала. За тѣмъ былъ устроенъ театръ въ галереѣ одного изъ самыхъ аристократическихъ отелей, въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ.

Знатныя, высокопоставленныя дамы сыграли водевиль, пѣли маленькую оперетку и даже протанцовали что-то въ родѣ фанданго съ кастаньетами и бубнами. Ну, не прелесть ли это? Дѣлать добро и въ то же время веселиться до одуренія—это значить соглашать свои обязанности съ удовольствіемъ, Бога съ чортомъ. Вотъ какъ я понимаю теперь дѣла благотворительности, и какъ счастливы бѣдныя, которые, громѣ благодѣянія, увидятъ еще всѣхъ этихъ хорошенькихъ женщинъ, играющихъ овернскихъ крестьянокъ въ водевиляхъ, китаянокъ въ опереткѣ и испанокъ—въ балетѣ. За мѣста платилось что-то очень дорого, а именно по сту франковъ за мѣсто, для того только, чтобы имѣть удовольствіе аплодировать этимъ актрисамъ на одинъ вечеръ. При этомъ, мнѣ невольно приходитъ на умъ сравненіе съ благотворительностью мамы; она вѣдь тоже попечительница юныхъ ученицъ на бумажныхъ фабрикахъ. Въ мэрїи нашего района тоже бываетъ ежегодный благотворительный балъ по подпискѣ. Но что это за балъ! На немъ присутствуютъ бумажные тюки со всего округа, тутъ можно увидѣть историческую выставку модъ за тридцать лѣтъ тому назадъ. Въ этотъ торжественный день, я, въ своемъ бѣломъ муслиновомъ платьицѣ, бываю окружена цѣлымъ штабомъ молоденькихъ папашиныхъ инженеръ-технологовъ, которые за умѣренную плату покупаютъ право танцовать со мною, заставляя умирать со скуки съ девяти часовъ вечера до двухъ часовъ утра. Этотъ блестящій штабъ пополнился великолѣпнымъ добавленіемъ. Папашѣ посчастливилось забрать въ руки молодого химика, который далъ намъ возможность получать денегъ больше прежняго. Мнѣ просто прожужжали уши похвалами этому господину. Онъ избрѣлъ, для обмыванія и обезцвѣчиванія тряпья, какой-то особый составъ изъ мыла, камеди и квасцовъ, и выдумка эта оказалась превосходной. Его фамилія — Каффинъ, и онъ на меня очень нѣжно поглядываетъ. Я думаю, что онъ былъ бы довольно хорошенькій мальчикъ, еслибъ не былъ такой вылощенный; у него свѣжія розовенькія щечки, настоящія красныя яблочки. Право, ему слѣдовало бы, ради собственной выгоды, найти какой нибудь составъ для выпцвѣчиванія своей собственной фізіономіи. Если я говорю, что онъ былъ бы довольно хорошенькимъ мальчикомъ, то это потому, что я не

рѣшаюсь высказаться ясно по этому поводу; я не много толку знаю въ такъ называемой мужской красотѣ. Итакъ, Каффишь обѣдалъ вчера у насъ, а вмѣстѣ съ нимъ все семейство Шавиранновъ, большихъ друзей мамаша. Но вотъ мы выходимъ изъ-за стола. Женевьева Шавираннъ схватываетъ меня за руку и, отводя въ дальнѣйшій уголъ залы, говоритъ:

— Теперь и ты, конечно, не станешь отрицать, что *это* очень хорошъ!

Она просто побагровѣла отъ восторга, больше даже самого Каффина. Тогда я взглянула съ бѣльшимъ вниманіемъ на химика и, разглядывая его съ головы до ногъ, изо всѣхъ силъ старалась найти его хорошенькимъ, но нашла это невозможнымъ.

Женевьева Шавираннъ часто удостоиваетъ меня своимъ овѣремъ и мнѣ нерѣдко приходится видѣть ее падающей въ обморокъ отъ восторга передъ тѣми изъ молодыхъ людей, къ которымъ я остаюсь совершенно холодна. Ужь не вышло ли, право, изъ меня маленькаго чудовища равнодушія и безчувственности? Въ послѣднѣй разъ, я прочла тайкомъ романъ Балзака, который валялся на столѣ въ комнатѣ Октава. Въ немъ рассказывалось про одну деревенскую простушку, Урсуду Мируэтъ, которая изъ окна своей комнаты увидала на противоположной сторонѣ улицы, тоже у окна, молодаго чело-вѣка, расчесывающаго себѣ бородку. Она смотритъ, какъ онъ проводитъ гребнемъ по чернымъ усикамъ и маленькому пушистому пучку на подбородкѣ, но, при видѣ его бѣлой и круглой шей, она чувствуетъ, какъ что-то начинается у нея подступать къ горлу, къ сердцу, къ головѣ, и такъ сильно, что она, будучи больше не въ силахъ удержаться на ногахъ отъ какой-то странной дрожи, опускается на стулъ. Тогда она отправляется къ своему старому добряку-опекуну, чтобы посовѣтоваться съ нимъ по поводу охватившаго ея смятенія. Тотъ ей и говоритъ: „Это любовь, какова она и должна быть — произвольное, быстрое чувство, которое пришло, какъ воръ, и взяло у васъ все!“

Ну, этого рода воръ никогда ко мнѣ не приходилъ и ни чего у меня не похищалъ!.. Да, никогда ни одинъ чело-вѣкъ не заставилъ забиться чѣмъ-то неопредѣленнымъ мое сердце такъ чтобы это „что-то“ прошло у меня черезъ сердце въ

голову. Правда и то, что плутовка Мируеть отлично знала этого молодого человѣка, такъ изящно расчесывавшаго свою бородку; онъ былъ виконтъ Савиньянъ де-Портандюерь. Очень можетъ быть, что поэтому она и разглядывала его съ такимъ вниманіемъ, и вотъ почему ея сердце такъ легко открылось для этой страсти.

То же самое произошло во время знаменитой встрѣчи Ромео съ Жюльетой! Эти случаи всѣ похожи одинъ на другой. Жюльета видитъ незнакомаго ей молодого человѣка и кричитъ: „Кормилица, кто тамъ? Бѣги скорѣй, узнай! Это мой суженый или смерть!“.

Хорошо, но рассмотримъ дѣло пообстоятельнѣе. Во-первыхъ, гдѣ все это происходитъ? На балу у Капулетти, т. е. тамъ, гдѣ собирается самое избранное общество, — все, что ни есть лучшаго во Флоренціи! Ромео былъ роскошно разодѣтъ, весь въ шелку, золотѣ и бархатѣ. Тогда еще не было въ ходу это противное черное платье, эта мерзкая, отвратительная демократическая ливрея, одинаковая для всѣхъ, — какъ для князей, такъ и для техниковъ, для мѣщанъ и для большихъ господъ. Конечно, Жюльета могла быть спокойной. Она была увѣрена, что кормилица ей не скажетъ: „Это молодой химикъ, который изобрѣлъ великолѣпный составъ изъ мыла, камеди и квасцовъ“. При такихъ условіяхъ, и я, какъ ни будь холодна, непременно влюбилась бы въ Ромео, и нашла его восхитительнымъ. Пускай дають поразить свое сердце, пускай находятъ даже въ этомъ особое наслажденіе, пускай... но все же слѣдуетъ знать, откуда послышался первый ударъ грома. Да, Жюльета влюбилась съ перваго же раза, но въ своемъ обществѣ, которое было „вышимъ свѣтомъ“ того времени, и гдѣ для нея не встрѣчалось ничего противнаго. Что же касается до меня, то мнѣ, конечно, никогда не придетъ въ голову фантазія влюбиться въ своемъ мірѣ.

Этотъ мірокъ противенъ мнѣ до нельзя.

11-го апрѣля.

Сегодня, въ шесть часовъ съ половиной, я по обыкновенію оканчивала сама свой туалетъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру нашихъ бабушекъ. Вѣдь у насъ не допускается горничная! Мамаша говоритъ: „У тебя есть Маргарита, она

тоже умѣть причесывать“. Бѣдная, милая старушка, эта Маргарита! Она знаетъ одну только прическу,—это нѣчто въ родѣ повязки вокругъ головы, и я, предпочитая обходиться безъ ея услугъ, придумала сама особую, немножко растрепанную прическу, приводящую въ отчаяніе мамашу, но она недурно обрамляетъ мое лицо, которымъ меня природа не обидѣла. И вотъ я поспѣшно оканчиваю работу надъ этимъ маленькимъ включиваніемъ своей головы, какъ вдругъ слышу стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

— Это я, Октавъ.

— Черезъ двѣ минуты я буду готова.

— Скорѣе, скорѣе, мнѣ необходимо переговорить съ тобой до обѣда!

Черезъ нѣсколько минутъ, входитъ мой братецъ, взволнованный и растроганный.

— Ахъ, еслибъ ты знала, еслибъ ты знала!

— Что тамъ такое?

— Самая счастливая и самая неожиданная новость!

— Какая такая новость? говори скорѣе, я умираю отъ нетерпѣнія!

— Ну, такъ знай же: мы скоро покинемъ этотъ ужасный кварталъ и будемъ жить... ну, отгадывай же!

— Я не отгадаю, рассказывай дальше.

— Въ прелестномъ отелѣ, въ улицѣ де-Монсо, съ большимъ садомъ.

— Ахъ, кто это тебѣ сказалъ? Папаша или мамаша?

— Ни папаша, ни мамаша, но вотъ, читай...

Октавъ вытаскиваетъ изъ своего кармана газету; и я чию въ списокѣ о продажахъ недвижимаго имущества, что, три дня тому назадъ, папаша купилъ на аукціонѣ за двѣсти тысячъ франковъ отель въ улицѣ де-Монсо, съ садомъ, оранжереями и конюшнями, въ которыхъ можно было помѣстить двѣнадцать лошадей и восемь каретъ. Черезъ двѣ недѣли, двадцать шестаго апрѣля, будетъ день моего рожденья, и вѣрно папаша приберегъ для такого дня этотъ сюрпризъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, подумали мы съ Октавомъ, потому что въ прошломъ году, когда папаша спросилъ меня, чего бы мнѣ хотѣлось ко дню моего рожденья, то я отвѣтила:

— Переѣхать отсюда, папаша, переѣхать... вѣдь у тебя столько денегъ, столько денегъ, что ты могъ бы купить отель гдѣ нибудь тамъ, въ центрѣ Парижа.

На это папаша воскликнулъ съ искусно разыграннымъ удивленіемъ, что я ошибаюсь, что онъ вовсе не такъ богатъ, а вмѣсто прелестнаго отеля въ состояніи только поднести мнѣ въ этотъ день жалкій браслетъ въ пятьдесятъ луидоровъ. Но намъ не безъизвѣстно, что въ этомъ году папаша нажилъ громадныя деньги, благодаря какому-то особому составу древесины для бумаги. Ахъ, ужь сколько наслушалась я рассказовъ и разговоровъ про этотъ необыкновенный составъ!

Итакъ, въ настоящее время мы приготовляемъ свою бумагу изъ дерева! Нѣтъ больше тряпокъ, нѣтъ соломы, а вза-мѣнъ всего этого есть дерево, дерево и одно только дерево. Громадное количество сосноваго дерева привозится изъ Норвегій, и вся эта деревянная масса должна быть проглочена, изрѣзана, искрошена нашими машинами, а на слѣдующій же день эти огромныя деревья превращаются въ маленькія ежедневныя газеты, которыя продаются на бульварахъ по копѣйкѣ за номеръ.

Эта бумага не особенно хороша; она не такъ бѣла, не гладка и не крѣпка; но папаша увѣряетъ, что у нея огромная будущность. „Дѣла въ свѣтѣ не въ блестящемъ состояніи,— разсуждалъ онъ,—и я увѣренъ, что день ото дня они будутъ идти все хуже и хуже, а чѣмъ хуже пойдутъ эти дѣла, тѣмъ больше станутъ трещать и славословить эти маленькія дешевыя газетки на дешевой, плохой бумагѣ. Вотъ какая бумага, слѣдовательно, нужна въ настоящее время, и такую бумагу буду дѣлать я“. Этой самой бумагой и окупился дворецъ въ паркѣ Монсо.

Но вотъ подано кушать. Я не теряю времени на дальнѣйшую болтовню съ Октавомъ о томъ, что онъ собирается дѣлать, а, вся переполненная радостнымъ впечатлѣніемъ отъ сообщенной новости, лечу въ кабинетъ къ папашѣ, бросаюсь къ нему на шею и осыпаю его цѣлымъ градомъ поцѣлуевъ.

— Ахъ, мерси, папа, мерси!

Затѣмъ я кидаюсь въ объятія мамы и слѣдуетъ новый потокъ поцѣлуевъ.

— И тебя, мама, благодарю, благодарю!..

Въ то время какъ я лежала въ объятіяхъ мамы, вдругъ слышу, папаша съ недоумѣніемъ спрашиваетъ:

— Ты насъ благодарить? Но за что же?

— Ахъ, тебѣ это хорошо извѣстно, — и я снова принимаю его обнимать.

— Но нѣтъ же, мы ничего не знаемъ, — восклицаетъ мама.

— А отель-то, мамаша, отель въ паркѣ Монсо. Жить тамъ — какое это счастье! И это для моего рожденія, не такъ ли? Я вѣрно угадала. — Но въ концѣ своей фразы я невольно умолкаю, такъ какъ стояло мнѣ только взглянуть на папу съ мамой, чтобы догадаться, что дѣло обстоитъ несовсѣмъ такъ, какъ я думала. У нихъ у обоихъ появился какой-то сконфуженный, потерянный видъ, какъ у людей, которые попались врасплохъ. Они протестуютъ нетвердыми жестами, отрывочными словами.

— Отель въ паркѣ Монсо... но какъ ты объ этомъ узнала? Да, дѣйствительно, мы купили этотъ отель, но не затѣмъ, чтобы въ немъ жить. Отель уже отданъ одному жильцу по контракту на шесть лѣтъ. Это хорошія денежки, дѣтки, хорошія, и все это достанется вамъ, но со временемъ, со временемъ!

Ахъ, ужъ какъ надоѣли мнѣ эти: „со временемъ“ и „хорошія денежки“. Въ будущемъ все, въ настоящемъ — нуль. Но все таки ударъ былъ слишкомъ жестокъ. Я легко заливаюсь слезами, въ томъ моя слабость, но въ то же время и сила. Папашу страшно пугаютъ мои слезы, и вотъ онъ приходитъ въ отчаяніе и принимается меня утѣшать.

— Ну, перестань же, не плачь, милое дитя; проси у меня, чего хочешь; я все исполню; стоитъ только сказать тебѣ слово.

— Я не хочу ничего, ничего, папаша, простите меня за то, что я расплакалась, какъ маленькая дѣвочка, но все уже кончено, я больше не буду. Теперь же пойдемте обѣдать.

Обѣдъ прошелъ довольно скучно; наступавшій же вечеръ дѣлалъ его еще меланхоличнѣе. Только что мы вышли изъ-за стола, какъ Октавъ извинился и исчезъ. Я, конечно, хорошо знала, въ чемъ тутъ дѣло. Утреннія газеты оповѣщали,

что сегодня идетъ первое представленіе въ Палероялѣ, и я въ распредѣленіи ролей встрѣтила фамилію m-lle Полины Вердье. Онъ уходитъ, а я, несчастная, остаюсь и слышу опять ужасное приглашеніе:

— Катя, сыграй немножко изъ Моцарта.

И вотъ я сажусь и отбарабаниваю имъ Моцарта. Но, къ счастью, черезъ десять минутъ приходитъ сіяющій, только что прибывшій изъ Безансона, одинъ изъ инженеровъ папаша, — директоръ нашихъ заведеній во Франшъ-Конте. О, этого я не боюсь: онъ женатъ уже. Онъ приноситъ отличныя извѣстія. Одна машина отлично поставлена и дѣлаетъ просто чудеса. Новое дѣло принесетъ барышъ въ тридцать тысячъ франковъ, — ну, словомъ, посыплется золотой дождь, и я тоскливо отпрашиваюсь немного пройтись по саду; папаша же, пожелавъ мнѣ добраго вечера, опять повторяетъ:

— Итакъ, помни, Катя: все, чего ты пожелаешь для своего праздника.

22 апрѣля.

Все, что я пожелаю? Конечно, я хорошо знаю, чего пожелаю, и оно у меня будетъ. Сегодня утромъ, пока папаша ходилъ по своимъ мастерскимъ, я проникаю въ его кабинетъ и беру со стола „Фигаро“. Я хотѣла видѣть отзывъ о пьесѣ, которая вчера шла въ Палероялѣ, и въ особенности отзывъ объ одной изъ актрисъ, и вотъ что я прочла:

„Пьеса состояла изъ четырехъ дѣйствій, и въ каждомъ актѣ m-lle Вердье появлялась въ новомъ платьѣ и дарила публику одной какой нибудь фразой. Она произнесла крайне дурно эти четыре фразы, но зато была великолѣпна въ своихъ четырехъ платьяхъ: это были четыре чуда дерзкой роскоши и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящества. Да, у нея, повидимому, хорошая портниха и настоящая горничная“.

Газета лежала развернутая на столѣ и взглядъ мой неопредѣленно блуждалъ по маленькимъ объявленіямъ на четвертой страницѣ, пока вдругъ не наткнулся на слѣдующее: „Отличная горничная, двадцати восьми лѣтъ, прекрасная портниха, служившая шесть лѣтъ въ одномъ изъ самыхъ большихъ домовъ въ Парижѣ, свободна, вслѣдствіе отъѣзда господъ. Адресъ: M-lle Ф. М. № 42 (bis), подъѣздъ съ аллеи Елисейскихъ полей, спросить маркиза де-Діега Брандесъ“.

Оказывается, что въ перечнѣ парижскихъ торжественныхъ праздниковъ я постоянно встрѣчаю имя этой маркизы де-Диего Брандесъ. Еще вчера я читала пространное описаніе ея шляпы. Говорятъ, что это цѣлая поэма весенняго изящества; что-то въ родѣ пучка мака или букета полевыхъ цвѣтовъ, къ которому тамъ и сямъ прицѣпилось множество разноцвѣтныхъ бабочекъ. И я припоминаю, что послѣ описанія этой шляпки слѣдуетъ извѣщеніе о томъ, что маркиза вскорѣ уѣзжаетъ и парижское небо лишится самой блестящей своей звѣзды. Такъ вотъ почему ищеть мѣста *m-lle* Ф. М. Ахъ, еслибы мнѣ досталась эта великолѣпная горничная! Попробовать развѣ выпросить ее у папаши въ видѣ подарка ко дню моего рожденія? Да, это было бы хорошо! Но что дѣлать съ мамашей? Конечно, она сейчасъ же подыметъ содомъ, едва зайдетъ рѣчь объ особѣ, которая ищеть себѣ мѣста по газетамъ и, въ особенности, которая служила у маркизы.

Видно, придется мнѣ, какъ слѣдуетъ, взяться за это дѣло. И вотъ я несу на почту маленькое письмецо, въ которомъ прошу *m-lle* Ф. М. быть столь любезной и зайти ко мнѣ завтра около четырехъ часовъ. По четвергамъ, отъ трехъ до пяти, мамаша проводитъ время въ сиротскомъ пріютѣ, въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ, и, слѣдовательно, я встрѣчу одна эту особу съ такой почтенной репутаціей.

15-го апрѣля.

Третьяго дня она была у меня. Я видѣла ее еще изъ окна, когда, проходя черезъ дворъ, она кидала по сторонамъ ~~т~~ревозный взглядъ. Очевидно, ей было не по себѣ въ этомъ чуждомъ для нея кварталѣ, который былъ такъ далеко отъ ея мірка, отъ ея милаго Парижа. Но вотъ она входитъ и, — съ перваго же взгляда побѣждаетъ меня. Она некрасива, но чрезвычайно граціозна и изящна, и потому кажется просто очаровательной въ своемъ простенькомъ черномъ платьицѣ, но съ какимъ турнюромъ... У меня никогда не было платья, которое такъ ловко облекало бы фигуру. Я невольно сконфузилась и сказала про себя: „Нѣтъ, она слишкомъ великолѣпна и не захочетъ служить у меня“. Но все таки ей слѣдовало сдѣлать маленькій допросъ. Я спросила ее, въ какомъ домѣ она жила и почему оттуда уходитъ.

— Я служила,—отвѣчала она, — въ продолженіе шести лѣтъ у маркизы де-Діега Брандесъ. Мнѣ было двадцать два года, когда я поступила къ маркизѣ, а до нея я нигдѣ не служила. Раньше я работала четыре года у господина Ворта.

Господинъ Вортъ! И она произнесла это имя съ какимъ-то религіознымъ уваженіемъ, сдѣлавъ предварительно маленькую паузу передъ произнесеніемъ этого имени. Затѣмъ она продолжала:

— Вотъ почему я несовсѣмъ неловка въ обращеніи съ платьями. Господинъ маркизъ служилъ первымъ секретаремъ при испанскомъ посольствѣ и былъ сдѣланъ министромъ въ Гагѣ. Маркиза хотѣла увезти меня съ собой въ Голландію и думаю, что она заплатила бы мнѣ жалованье, какое я пожелаю, еслибъ я только согласилась съ нею поѣхать. Она очень ко мнѣ привыкла и еще сегодня утромъ, въ то время, какъ я ее одѣвала, она сказала, что еще ни одна горничная такъ ей не угождала, какъ я. Она опять заговорила со мной о томъ, чтобы я сопровождала ее въ Гагу. Но мнѣ очень тяжело покинуть Парижъ и я никакъ не могу на это рѣшиться. У меня тутъ семья, нѣкоторыя связи, знакомства, — словомъ, привычка. Ну, просто не могу, не могу!

Голосокъ у нея былъ очень пріятный, чистый, располагающій. Я была положительно растрогана. Я чувствовала только, что нахожусь въ присутствіи прекрасной молодой особы, и однако все таки отважилась у нея спросить, умѣетъ ли она дѣлать всѣ, рѣшительно всѣ платья.

— Всѣ платья? О, сударыня, этого я не скажу. Парадные и бальные платья маркизы были не по моимъ силамъ, но при помощи одной очень хорошей мастерицы, которая находится въ постоянномъ моемъ распоряженіи, мнѣ приходилось дѣлать всѣ ея ежедневныя платья. Барышня, можетъ быть, подумаетъ, что я хвастаюсь своимъ умѣньемъ, но я не могу умолчать, что у меня есть одно великое достоинство. Мнѣ стоитъ только увидать на комънибудь какое бы ни было платье, чтобъ сейчасъ же перенять его фасонъ. Итакъ, когда маркизъ понравится, бывало, платью на какойнибудь актрисѣ, то на другой же день она посылала меня въ театръ. Я незамѣтно набрасывала на клочкѣ бумаги маленькій эскизъ, — вѣдь я получила несовсѣмъ плохое образованіе, и

меня выучили рисованью, — и вотъ черезъ недѣлю у маркизы появлялось точь въ точь такое же платье, но зато оно стоило двѣсти, триста франковъ, а не восемьсотъ, — вотъ и все. Такимъ образомъ, я сдѣлала для маркизы платье, — конечно, съ легонькими измѣненіями, — которое переняла у нея m-lle Барнетъ, изъ французскаго театра. Это платье маркиза надѣла на благотворительный базаръ, гдѣ она стояла за прилавкомъ, и на другой же день въ газетахъ появилось пять, шесть строчекъ, въ которыхъ восхвалялось мое платье. Маркиза была такъ любезна, что прочла мнѣ эту хвалебную статью. Но мнѣ кажется, что я съумѣю одѣвать и барышню; да къ тому же это вовсе и не трудно. Съ такимъ сложениемъ, какъ у барышни, можно все сдѣлать! Простите: мнѣ этого, можетъ быть, не слѣдовало бы говорить, но когда такъ страстно любишь матерію и платья, то очень пріятно одѣвать такую прелестную госпожу.

И она просить еще у меня извиненія! На это я ей отвѣтила: „Подождите минутку, я скоро вернусь“, — и съ этими словами стремглавъ помчалась въ кабинетъ къ папашѣ. Онъ былъ одинъ. Онъ обожаетъ меня, этотъ папаша, и когда возлѣ него нѣтъ мамыши, которая держитъ его на короткой уѣздѣ, онъ дѣлаетъ для меня все, рѣшительно все, что я захочу. Я съ вкрадчивой лаской сажусь къ нему на колѣни, начинаю нѣжно его обнимать, цѣловать и, послѣ этихъ приготовленій, начинаю:

— Папаша, ты не забылъ своего вчерашняго обѣщанія, что ты сдѣлаешь все, чего я у тебя ни попрошу для моего рожденія.

— Да, помню.

— И ты это повторишь?

— Ну да, конечно.

— Итакъ, мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ ты подарилъ мнѣ горничную, которая стоитъ теперь въ той комнатѣ. Это не горничная, а сама фея; это прелесть, чудо, сокровище. Дай мнѣ ее, и черезъ недѣлю ты увидишь, какая я буду хорошенькая въ платьяхъ, которыя она мнѣ сошьетъ.

— Но это больше касается твоей матери.

— Нѣтъ, нѣтъ, это касается тебя. Мамаша не хочетъ, чтобы я была очень хорошенькой; она находитъ это непри-

личнымъ. На это у нея есть свои особыя понятія. Но ты вѣдь хочешь видѣть меня хорошенькой? скажи, хочешь? О, я въ этомъ увѣрена. Такъ вотъ въ чемъ состоитъ вся моя просьба. Эта горничная служила у маркизы де-Діега Брандесъ. Конечно, мамаша имѣетъ право собрать объ ней нѣкоторыя справки,—ты видишь, я благоразумна,—и когда справки окажутся удовлетворительными, то горничная должна быть моею.

— Но подождемъ мамашу, она скоро придетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, незачѣмъ ея дожидаться. Ну, умоляю тебя. И только подумай, что я прошу взять мнѣ горничную для дня рожденія у отца, который ворочаетъ двадцатью милліонами.

— Охъ, ужъ и двадцатью милліонами!

— О, они у тебя есть, папаша, въ этомъ я теперь вполнѣ увѣрена. Ты попробовалъ притвориться удивленнымъ, но это вышло такъ слабо, такъ вяло. Право, въ твоемъ возраженіи не хватаетъ убѣдительности.

— Но, право же, увѣряю тебя...

— А я увѣряю тебя, что ты имѣешь эти двадцать милліоновъ. Но вопросъ не въ томъ, а въ моей горничной,—въ моей горничной!

И я была такъ ловка, мои ласки были такъ краснорѣчивы и убѣдительны, что въ концѣ концовъ мнѣ удалось вырвать у него согласіе. Но право собирать справки предоставлялось мамашѣ. Она поѣхала къ маркизѣ де-Діега Брандесъ и была обязана выслушать отличныя рекомендаціи, а въ будущій понедѣльникъ у меня уже будеть служить Фелиція. Ея имя—Фелиція! Не правда ли, какое хорошенькое имя?

16-го апрѣля.

Сегодня утромъ у меня вышелъ серьезный разговоръ съ Октавомъ. У него большія денежныя затрудненія. Платья m-De Вердые стоятъ такъ дорого. Онъ уже усталъ и ему надоѣло,—я это понимаю,—проводить жизнь въ рукахъ ростовщиковъ. О, какъ отвратительны эти вѣчные займы и извороты!

— Единственная вещь,—говоритъ онъ,—можетъ помочь мнѣ выпутаться изъ этихъ тенѣтъ,—это твое замужство. Необходимо, чтобы папаша далъ за тобой не три, четыре ничтож-

ныхъ сотни тысячъ франковъ, но два или четыре милліона. Чѣмъ больше будетъ твое приданое, тѣмъ лучше для меня. Конечно, не я буду кричать: „Это несправедливость! моей сестрѣ больше даютъ!“ О, вотъ ужъ отъ меня-то ты этого не дождешься. Вѣдь если папаша даже осыплетъ тебя золотомъ, то я, не медля же, поймаю его на этомъ, и буду вправѣ тогда сказать: „Ну, папаша, теперь настала моя очередь; какъ хочешь, а давай мнѣ по сту тысячъ франковъ ежегодно!“ И они будутъ мои, эти сто тысячъ франковъ, за это я поручусь...

— Ты говоришь, что мнѣ нужно выйти замужъ? Но тогда найди же мнѣ мужа! Все таки, — разъ ужъ рѣчь зашла о мужѣ, — то мнѣ кажется, что мы и найдемъ его тамъ...

И съ этими словами (разговоръ происходилъ въ кабинетѣ Октава) я взяла съ камина списокъ его аристократическихъ знакомыхъ. Этотъ списокъ лежалъ у него постоянно на виду.

— Да, — продолжала я, — этотъ листокъ исписанъ именами, которыя мнѣ очень нравятся. На каждомъ шагу встрѣчаются князья, графы, бароны, маркизы; между ними, вѣроятно, найдется дюжина молодыхъ людей очень милыхъ и достаточно разорившихся...

— Разорившихся, ты говоришь? О, да, но не въ томъ дѣло, разорены-то они всѣ, болѣе или менѣе. Вѣдь между этими людьми большаго свѣта большая нищета. И когда ихъ такъ близко видишь, какъ я, то невольно беретъ жалость. Я отъ всей души жалѣю людей, отцы которыхъ не сумѣли нажить состоянія. Но затѣмъ ты прибавила, что они молоды и милы. Ну, вотъ въ этомъ-то и вопросъ! Дѣло въ томъ, что тѣ, которые не молоды, тѣ очень интересны и очень милы, а молодые люди совсѣмъ не милы. Однако, я иногда подумывалъ объ этомъ и вспоминалъ о тебѣ. Поищи-ка, подѣ ли-терюю М., Маларикъ, маркизъ Маларикъ. Да, кажется, этотъ самый, — молодой человекъ двадцати пяти лѣтъ, старой аристократической фамилии, съ прекрасными манерами, первый фехтовальщикъ, отличный наѣздникъ! Но это въ нѣкоторомъ родѣ чудовище; у него было нѣсколько дуэлей и громкихъ скандаловъ. Словомъ, это не кто нибудь! Это человекъ стоящій! Но онъ находится въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и только очень богатая невѣста можетъ его выручить. Не скрою, что это было бы для нея погибелью. Маларикъ

проглотилъ въ три года трехмилліонное состояніе, и въ настоящее время на немъ должно быть долгу двѣсти или пятьсотъ тысячъ франковъ!

На это я закричала, что ни за какія деньги,—будь онъ хоть самъ герцогъ,—не выду замужъ за такого сумазброда. Разорившійся мужъ—еще туда-сюда, но мужъ, который сталь бы разорять меня, это немыслимо! Мнѣ нуженъ такой, который происходилъ бы изъ старинной аристократической фамилии и разорился бы вслѣдствіе какихъ нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Этотъ мужъ долженъ быть серьезень, благородень, проникнуть своимъ несчастіемъ и хорошаго поведенія. Я вовсе не желаю навязать себѣ на шею какого нибудь сорванца, который черезъ полтора мѣсяца проглотилъ бы милліоны папаша съ оперными танцовщицами или съ актрисами Палерояля. Я унаслѣдовала отъ мамы нѣкоторое спокойствіе, разсудительность и любовь къ порядку. Я умѣю размышлять и хладнокровно смотрю на вещи, какъ онѣ есть; я была бы нулемъ, еслибъ не мои деньги, и вотъ въ нихъ-то есть и всегда будетъ моя настоящая сила. И ужь, конечно, я не буду настолько глупа, чтобы позволить мужу проматывать деньги, безъ которыхъ я—ничтожество. Я долго говорила объ этомъ съ Октавомъ, стараясь разъяснить ему получше, какого бы мнѣ надо было мужа. У Октава тоже, не смотря на его легкія юношескія прегрѣшенія, есть серьезная практическая сторона. Онъ объяснялъ мнѣ, что я должна сохранить власть надъ мужемъ, что это должно быть закрѣплено законнымъ порядкомъ въ свадебномъ контрактѣ. О, онъ очень хорошій совѣтчикъ, мой милый Октавъ!

20-е апрѣля.

Да, я обладаю теперь феей, настоящей феей! По одному взмаху своего волшебнаго жезла, она сдѣлала изъ меня со-всѣмъ другую женщину. Ахъ, я и раньше знала, что я красива и хорошо сложена, но чтобы до такой степени... я и не воображала. Было рѣшено, что Фелиція приступитъ къ своимъ обязанностямъ съ завтрашняго утра. Къ десяти часамъ она придетъ. Мамаша произнесла ей длинную вступительную рѣчь. Я должна быть причесанной и одѣтой какъ можно прощел-Дневныя платья должны быть не яркихъ цвѣтовъ, а вечер-

ня, — въ томъ числѣ бальныя и для парадныхъ обѣдовъ, — не иначе, какъ изъ бѣлаго муслина, — и ничего, ничего другаго. Лучше муслина ничего нѣтъ. Мамаша согласна на маленькія декольтэ-карэ, но чтобы они были совсѣмъ маленькія, и для пущей убѣдительности обвела пальцемъ у меня подъ подбородкомъ крошечное мѣстечко, никакъ не больше ладони моей руки, а она у меня очень невелика. Фелиція выслушала все это скромно, съ большимъ почтеніемъ, слегка кивая въ отвѣтъ головой. Къ счастью, мамашѣ нужно было отправиться на ежедневное совѣщаніе съ кухаркой, а такъ какъ на завтра у насъ назначенъ большой обѣдъ, то совѣщаніе затянулось очень долго. Я осталась одна съ Фелиціей и потребовала, чтобы она показала мнѣ теперь свои таланты. Я хочу имѣть на завтра платье изъ муслина, совсѣмъ простенькое, какъ приказывала мамаша, но по фасону ея, Фелиціи.

— Ахъ, Богъ мой, — воскликнула она, — конечно, если призвать на помощь мою мастерицу и проработать всю ночь, то платье будетъ завтра готово.

— Тогда я сейчасъ же пошлю телеграмму вашей мастерицѣ.

— А гдѣ муслинъ?

— О, вонъ въ томъ шкапу, — онъ набитъ имъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я сниму мѣрку съ барышни.

— Хорошо, хорошо, снимайте!

— О, не такъ! Я попрошу у барышни позволенія снять съ нея платье. Такъ какъ я еще неполнѣ ознакомилась съ вашимъ сложеніемъ, то это необходимо сдѣлать; мнѣ надо кое-что сообразить.

Мое платье снято, и вотъ я очутилась въ корсетѣ передъ глазами моего судьи, Фелиціи. Первымъ ея восклицаніемъ было восклицаніе ужаса. Ея фраза: „Ахъ, Боже мой!“ точно пронзила мое сердце.

— Но что такое, что такое?

Я было подумала, не нашла ли она во мнѣ какого нибудь физическаго уродства.

— О, сударыня, этотъ корсетъ... Но развѣ барышня всегда носить такіе корсеты?

— Всегда!

— Но я же не могу снять мѣрку съ этого корсета. Ахъ,

вотъ о чемъ я не подумала! По правдѣ сказать, я въ первый же день угадывала, какая должна быть хорошенькая талія у барышни, и отчасти предчувствовала, что барышню портить корсетъ. Теперь я просто въ отчаяніи. Но, можетъ быть, еще можно чѣмъ нибудь помочь? А этотъ корсетъ, онъ просто невозможенъ! Но все таки надо, съ позволенія барышни, еще хорошенько поразсмотрѣть!..

Я была просто тронута, почувствовавъ себя въ рукахъ великой артистки. И какъ онѣ были нѣжны и ловки, эти золотыя ручки. Скользя по моему бюсту проворно и легко, онѣ точно хотѣли оживить этотъ тяжелый мужицкій корсетъ, въ которомъ я задыхалась, какъ въ узкомъ футлярѣ. Но вотъ я слышу легкія, радостныя вскрикиванья.

— Ну, барышня, вѣдь дѣло-то очень просто. Два удара ножницами, двѣ широкихъ выемки спереди—и все готово. О, этотъ корсетъ, корсетъ. Это убійца, а не корсетъ! Пусть барышня пока останется въ корсетѣ; попробую сдѣлать надрѣзы, а тамъ увидимъ...

Результатъ оказался восхитительный: мои плечи прелестно выставились изъ тисковъ, которые ихъ сжимали. Перемѣна произошла точно такая же, какъ это бываетъ въ фееріяхъ въ театрѣ Шатлэ, на которыя меня водили смотрѣть, когда я была еще маленькой.

— Вотъ все, что было надо. Пусть только барышня не мѣшаетъ, и мы спасены. Завтра мою барышню не узнаютъ. Декольтэ мы чуточку увеличимъ; карэ будетъ на два, на три пальца побольше; но барышня можетъ не беспокоиться за послѣдствія. Я не сочту себѣ въ заслугу смотрѣть хорошенько за вашими корсетами. Корсажи — моя специальность, хотя это дѣло не шуточное. Декольтировать же барышня можетъ, сколько ей угодно. Госпожа маркиза была очень хорошенькая женщина и имѣла большой успѣхъ, однако не могу умолчать,—такъ какъ маркиза теперь въ Голландіи, и въ Парижѣ это ей повредить не можетъ,—что мнѣ приходилось таки похлопотать, ай какъ похлопотать надъ ея корсажами! Все укрѣплялось булавками и бантиками; цвѣты раскидывались здѣсь и тамъ, и всему этому слѣдовало придать живописный беспорядокъ. Но чего стоилъ этотъ беспорядокъ, какихъ трудовъ и хлопотъ! Когда маркиза выѣзжала, то я,

бывало, дрожу за нее и только и говорю, что: „Пусть госпожа маркиза будетъ внимательнѣе и не слишкомъ двигаетъ плечами; все держится на одной ниткѣ; осмѣлюсь совѣтовать госпожѣ маркизѣ не танцовать сегодня вечеромъ“. Но барышнѣ скажу по чистой совѣсти, что теперь она можетъ дѣлать экономію на корсажахъ и танцовать, сколько ея душѣ угодно.

Эта прелестная, ловкая дѣвушка проговорила это съ такой очаровательной смѣсью дерзости и почтительности, что на нее никакъ нельзя было обидѣться. Какъ я была счастлива! Я чувствовала искренность въ ея восхищеніи моею фигурой. Но что это былъ за эффектъ, когда я вышла въ залу. Это было за пять минутъ до обѣда. Все общество было уже въ сборѣ и мнѣ интересно было посмотрѣть, какое дѣйствіе произвело мое появленіе. Я обѣщала мамашѣ, что не заставлю ее краснѣть за мои туалеты, сказавъ ей еще наканунѣ: „можешь, мамаша, вполне надѣяться на Фелицію и на меня—ничего не будетъ, кромѣ бѣлаго муслина“.

И, дѣйствительно, былъ только муслинъ, но это вышло то же, да не то! Фелиція легкимъ взмахомъ руки соорудила мнѣ какую-то воздушную, граціозную прическу съ маленькими кудряшками, которыя шаловливо разбѣгались и по вискамъ, и по затылку. А платье-то, платье! Ахъ, что это было за платье! Это было какое-то прозрачное облако, которое меня окутало. Да, мнѣ начинало казаться, что я облако и точно плыву надъ землей. Ничто болѣе не стѣсняло моихъ движеній. Талія и плечи рельефно выдѣлялись въ этомъ воздушномъ облакѣ. Проходя мимо зеркалъ, я смотрѣла на себя съ какимъ-то ошелобенълымъ восторгомъ. Право, мнѣ трудно было себя узнать. Думаю, что и мамаша съ перваго взгляда меня не узнала: такъ ошеломило ее мое блестящее появленіе. Она смотрѣла на меня вытаращенными глазами, а за ней и папаша, и Октавъ, и инженерики. Этихъ инженериковь сидѣло за столомъ человекъ пять, шесть,—ужь право не могу сказать съ точностью, потому что не потрудились ихъ сосчитать...

Ахъ, ужь эта мамаша, она-то, конечно, была недовольна! Но зато, къ крайнему своему удовольствію, я замѣтила, что папаша въ совершенномъ восторгѣ. Онъ, повидимому, нахо-

диль меня прелестной, и ему, какъ отцу, пріятно было имѣть такую дочь. Словомъ, мой успѣхъ, очевидно, ему польстилъ. Инженеры же такъ выпучили глаза, что они, казалось, вотъ-вотъ у нихъ лопнуть. Что жъ касается до Октава, то его одобреніе было для меня особенно дорого, потому что мой братецъ кое-что смыслить въ изяществѣ и красотѣ. Онъ сказалъ:

— Ты прелесть, прелесть и прелесть!

Пусть такъ, но этой прелести суждено только очаровывать скромныхъ обитателей жалкаго Марэ! Я хочу мужа, мужа, мужа!

5-го мая.

Ну, мамаша наконецъ побѣждена! Она отступилась и не будетъ больше вмѣшиваться въ мои туалеты и прически. Я одѣваюсь, причесываюсь и ношу шляпки, какъ мнѣ вздумается. Фелиціи предоставлено дѣлать со мной все, что угодно. Папаша на моей сторонѣ. Съ каждымъ днемъ франтовство мое дѣлается все смѣлѣе, и это его только восхищаетъ. О, эта Фелиція! я ее просто обожаю. Это ей обязана я успѣхомъ сегодняшняго вечера. Вотъ ужъ недѣля, какъ я постоянно твержу Октаву:

— Я теперь такъ одѣта, что смѣло могу вездѣ показываться, и потому умоляю тебя: повези меня въ такое мѣсто, гдѣ бы меня сразу замѣтили, въ особенности люди „стоющіе“. И вчера Октавъ, уступая моимъ неотступнымъ просьбамъ, взялъ четыре кресла въ циркѣ, что въ Елисейскихъ поляхъ. Это было какъ разъ одно изъ парадныхъ представлений, на которое собрался весь парижскій beau monde. Мы отправились. Я разодѣлась, какъ херувимъ. На мнѣ былъ надѣтъ нарядный шелковый казакинъ, который можно было назвать верхомъ изящества; затѣмъ маленькій шлычокъ съ султанчикомъ, надвинутый немножко на бокъ; я чувствовала себя прелестной въ этомъ уборѣ. Мы немножко опоздали и, чтобы добраться до нашихъ мѣстъ, намъ пришлось пройти узкимъ проходомъ возлѣ конюшенъ; съ перваго взгляда эта процедура показалась почти невозможной, вслѣдствіе огромнаго стеченія народа, собравшагося въ тѣсную кучу, какъ разъ въ этомъ мѣстѣ; но намъ удалось такъ проникнуть черезъ эту сплошную стѣну. Вдругъ я слышу: „Здравствуйте,

князь"! Это былъ голосъ Октава, и я поворачиваю слегка голову, стараясь разглядѣть этого князя. Мнѣ до сихъ поръ еще не случалось видѣть вблизи этихъ князей. Но долго вглядываться въ него мнѣ не пришлось, такъ какъ онъ въ свою очередь устремилъ на меня взглядъ, который былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Этотъ взглядъ, казалось, любовно обнялъ всю меня. Наконецъ, намъ удалось вырваться изъ этой кучки аристократовъ, лакеевъ, клоуновъ и конюховъ, и вотъ мы усѣлись на наши мѣста. Я сѣла возлѣ Октава и сейчасъ же обратилась къ нему:

— Ты сказалъ: „князь“? И это настоящій князь?

— Самый настоящій.

— Но какой же онъ князь?

— Это итальянскій князь Романелли. Ты не помнишь развѣ прошлогодней дуэли, въ которой я былъ секундантомъ; этотъ князь былъ тоже секундантомъ противника моего прія-теля. Вотъ тогда-то я съ нимъ и познакомился, а въ послѣднее время мы съ нимъ опять встрѣтились въ нашемъ новомъ клубѣ.

— Ахъ да, теперь припоминаю: это одинъ изъ князей, которые находятся въ твоёмъ списокѣ.

— О, да ты, кажется, лучше меня изучила этотъ списокъ!

Спектакль, между тѣмъ, продолжался; но я была не особенно внимательна къ нему; фигурировали, кажется, ученыя собачки, мандолинисты и танцовщицы на канатѣ. Больше всего я была занята тѣмъ эффектомъ, который производила, и чувствовала, что служу мишенью всѣхъ лорнетовъ изъ того кружка, въ центрѣ котораго находился князь Романелли. Очевидно, шла рѣчь обо мнѣ. Октавъ обомель во время антракта конюшни и, вернувшись на свое мѣсто, сказалъ:

— Ты имѣешь настоящій успѣхъ!

— Ахъ, я это хорошо знаю,—вонъ въ томъ кружкѣ изъ четырехъ человекъ, вмѣстѣ съ княземъ!

— Сначала они меня осторожно выпрашивали, кто эта особа, которая сидитъ рядомъ со мной, и когда узнали, что эта прелестная особа—моя сестра, то осыпали меня компли-ментами, и въ особенности князь, хотя онъ далеко не изъ тѣхъ, которые любятъ все хвалить.

— Онъ немножко нагло дорнируетъ и только одну меня!

И, дѣйствительно, до самаго конца спектакля онъ не спускалъ съ меня глазъ и постарался стать на моей дорогѣ при выходѣ изъ прохода, вмѣстѣ со своей маленькой свитой. Ясно слышала я ропотъ похвалъ, который проникъ мнѣ прямо въ сердце. Этотъ князь Романелли уже не юноша. Ему на видъ скорѣе около сорока, чѣмъ около тридцати. У него благородная осанка, и онъ отлично сложенъ. Я спросила Октава:

— Но онъ не женатъ, твой князь?

— Право, не знаю, но ты предлагаешь такіе вопросы...

И мы оба принялись хохотать.

Мамаша спросила, чему мы смѣемся, но мы не сочли нужнымъ объяснять ей.

6-го мая.

Октавъ сіяетъ отъ радости и гордится мною; онъ признался мнѣ, что не подозрѣвалъ во мнѣ такой обаятельности. Но вчера я превзошла всѣ его надежды.

Послѣ спектакля, я, папаша и мамаша уныло возвращались въ своемъ старомъ ландо въ нашъ допотопный Марэ. Октавъ насъ покинулъ; онъ отправился въ свой клубъ и тамъ былъ встрѣченъ поздравленіями всего кружка. И вотъ я стала популярностью клуба „Сахарнаго Горошка“. Князь всячески старался выразить свой восторгъ. Онъ сталъ очень любезенъ съ Октавомъ, сдѣлавшись вдругъ въ обращеніи съ нимъ какъ-то добродушнѣе и фамильярнѣе. До сихъ поръ онъ проявлялъ къ нему нѣкоторую холодную сдержанность, но вчера обрадовался съ нимъ почти по пріятельски.

— Вотъ что значить имѣть хорошенькую сестренку, — сказалъ мнѣ, смѣясь, Октавъ.

7-го мая.

Этотъ вечеръ въ циркѣ дѣйствительно послужилъ началомъ моего триумфа! Мамаша получила сегодня совершенно неожиданный визитъ. Къ ней пріѣхала нѣкая маркиза де-Рютли, которая знала насъ только по наслышкѣ. Два, три года тому назадъ, она пріѣзжала къ мамашѣ по поводу какого-то благотворительнаго базара; но этотъ базаръ не состоялся и съ тѣхъ поръ она у насъ не показывалась. Эта маркиза де-Рютли происходила изъ очень хорошей, хотя не-

богатой старинной фамилии и, повидимому, вся отдалась дѣламъ благотворительности. И вотъ она прїѣзжаетъ опять. Къ счастью, я была возлѣ мамыши въ то время, какъ она входила. Еслибъ меня тутъ не было, то очень можетъ быть, что ничего бы и не вышло. Мамаша сказала: „нѣтъ“, но я сочла своею обязанностью сказать: „да“. Маркиза просила мамашу позволить мнѣ участвовать въ числѣ продавщицъ на одномъ самомъ аристократическомъ благотворительномъ базарѣ. Этотъ базаръ состоится на будущей недѣлѣ въ одномъ изъ отелей Сень-Жерменскаго предмѣстья. Объ этой распродажѣ опубликовано во всѣхъ газетахъ. Это цѣлое событіе. Маркиза же де-Рютли прїѣхала за мной потому, что была вчера въ циркѣ.

— Я не стану прибѣгать къ уловкамъ, — сказала она мамашѣ, — и откровенно сознаю, что потому и прошу m-lle Дюваль быть на моемъ базарѣ, что вчера нашла ее такой хорошенькой, такой хорошенькой, что мнѣ показалось просто преступленіемъ не воспользоваться такой прелестью: вѣдь красота также обязываетъ, какъ благородное происхождение. Она должна принести и свою долю жертвы въ пользу бѣдныхъ... тѣмъ болѣе, съ такой таліей и съ такими глазами!

Ахъ, излишнимъ будетъ говорить, какъ прїятно мнѣ было слышать такія лестныя вещи. Мамаша пробовала было возразить, но съ нѣкоторыхъ поръ я заручилась извѣстнаго рода апломбомъ. У меня нашлась очень вѣжливая маленькая фраза для выраженія признательности госпожѣ де-Рютли, и я такъ ловко повела дѣло, что все устроилось согласно моему желанію. На будущей недѣлѣ, въ четвергъ и пятницу, я буду распродавать розы и лиліи за прилавкомъ у госпожи де-Рютли. Остальныя продавщицы всѣ принадлежали къ старинному дворянскому роду; у меня хранится списокъ ихъ фамилій, но я не боюсь этихъ барышень и съумѣю постоять за себя; мы знаемъ себѣ цѣну съ того самаго вечера въ циркѣ...

12-го мая.

И вотъ наступила продажа. Я чувствовала себя на ней всѣмъ чуждой и одинокой, тѣмъ болѣе, что среда, въ которой я находилась, была мнѣ вполне незнакома, но я очень скоро освоилась; къ тому же успѣхъ мой былъ такъ легокъ и быстръ. Насъ, продавщицъ, сидѣло за конторками семь молодыхъ дѣ-

вүшекъ; я не слишкомъ-то сконфузилась передъ своими товарками и мало съ ними церемонилась; продажа моихъ розъ шла такъ, какъ мнѣ хотѣлось. Намъ каждой дали ихъ по пятидесяти штукъ, а черезъ часъ у меня уже не осталось ни одной розы.

И какъ я была довольна, когда мнѣ пришлось первой сказать маркизѣ де-Рютли: — Madame, у меня нѣтъ больше розъ.

Но я не всѣ ихъ распродала по сту су: одну розу я продала за сто франковъ. И какъ вы думаете, кому? Князю Романелли. Онъ былъ такъ милъ, такъ любезень... и очень деликатно намекнулъ о нашей первой встрѣчѣ въ циркѣ. Онъ очень хорошо говоритъ по французски, хотя съ маленькимъ акцентомъ, чтѣ, впрочемъ, придаетъ нѣкоторую оригинальную прелесть его словамъ и какъ бы подчеркиваетъ ихъ. Всѣ мои товарки по торговлѣ хорошо его знаютъ и буквально накиннулись на него, когда онъ вышелъ.

— Возьмите, князь, розу! возьмите у меня!

Я же не двинулась и не произнесла ни одного слова. Но онъ очень ловко увернулся отъ этого батальона осаждающихъ, а направился прямо ко мнѣ и купилъ розу только у меня. У одной меня! Я сказала: „Благодарю васъ, князь“, не безъ нѣкотораго усилія и замѣшательства, но затѣмъ скоро оправилась и послѣ нѣсколькихъ фразъ, которыми мы съ нимъ обмѣнялись, я уже вскрикивала слегка:

— Ахъ, что вы, князь! вы слишкомъ любезны, но это невозможно, князь.

И надо было посмотреть на мамашу! Послѣ отъѣзда князя, я должна была объяснить ей, гдѣ и какъ мы съ нимъ познакомились. Но какъ это забавно говорить на каждомъ шагу: „князь“. И, должно быть, еще забавнѣе услышать по своему адресу: „княгиня“!

13-го мая.

Вотъ насталъ второй день продажи. Она опять пришелъ, какъ я и ожидала, и прямо подошелъ ко мнѣ.

— Могу я попросить розу?

Я ему выбрала лучшую розу и получила опять сто франковъ, съ прибавкой разныхъ очень ласковыхъ словечекъ. О,

еслибы эта продажа продолжалась вѣчно,—тогда онъ былъ бы самымъ вѣрнымъ моимъ кліентомъ.

Онъ произнесъ даже маленький мадригалъ, въ которомъ упоминалось объ „розѣ, продающей розы“. Это отзывалось бы большою пошлостью въ устахъ француза, но у него, при этомъ итальянскомъ акцентѣ, при его пѣвучемъ голосѣ, это выходило очаровательно и очень граціозно. Но я отвѣчала ему съ такою непринужденностью, что даже сама себѣ удивлялась, хотя весь разговоръ длился не больше десяти минутъ. Мои товарки выходили изъ себя отъ злости, и что это были за взгляды, которыми онѣ меня дарили! Да и какъ же было бы иначе: вѣдь я,—единственная въ своемъ родѣ,—продала двѣ розы за двѣсти франковъ. Но это еще что! Спустя пять минутъ послѣ отъѣзда князя, двѣ продавщицы, скрываясь за конторкой, начинаютъ слѣдующій разговоръ (имъ, конечно, не было меня видно и онѣ не подозрѣвали, что я ихъ слушаю). Онѣ говорили:

— Ты видѣла, онъ заплатилъ сто франковъ за розу?

— И вчера тоже!

— И еще говорятъ, что онъ совершенно разоренъ.

— Интересно знать, гдѣ онъ досталъ эти двѣсти франковъ!

— Ну, эти денежки не пропали; я слышала, что она страшно богата, эта торговка бумагой.

— Шш! Шш! мадамъ де-Рютли идетъ...

И онѣ рѣзко оборвали свой разговоръ.

Мадамъ де-Рютли вошла, и одна изъ нихъ сказала маркизѣ:

— Ну, вашъ племянникъ повисилъ цѣну на розы!

Ея племянникъ. О, сколько заключается въ одномъ этомъ словѣ! Теперь для меня ясно, почему она сама приѣзжала приглашать меня на свой базаръ. И онъ разоренъ! Вотъ почему онъ купилъ розы только у меня, которая почти съ нимъ незнакома. А черезъ четверть часа послѣ его отъѣзда, мадамъ де-Рютли разсыпалась похвалами ему: „Этотъ славный малый. Онъ очень любитъ науки и искусства. У него прелестный дворецъ въ Венеціи, первостатейная картинная галерея“ и т. д., и т. д.

14-го мая.

Дѣло становится все яснѣе и яснѣе! Княжеская корона готова къ моимъ услугамъ,—стоитъ мнѣ только двинуть мизинцемъ. Мамаша пока ни о чемъ не подозрѣваетъ; это дѣлаетъ романъ еще интереснѣе.

Я долго болтала объ этомъ съ Октавомъ. Мамаши не было и мы могли вволю наговориться. И вотъ что я отъ него прежде всего узнала.

Молодой графъ де-Мольтенъ, — тотъ самый, который играетъ въ безикъ съ Октавомъ,—состоитъ интимнымъ другомъ князя де-Романелли и рассказалъ о настоящемъ положеніи дѣлъ князя. Въ тотъ разъ, въ циркѣ, князь былъ просто пораженъ моею красотой. „Конечно, правда, что онъ ищетъ богатую невѣсту, и непременно долженъ жениться“, рассказывалъ графчикъ, повѣряя Октаву всѣ самыя сокровенныя дѣла князя, съ замѣчательнымъ добродушіемъ и откровенностью. Князь принадлежитъ къ одной изъ самыхъ старыхъ семействъ въ Венеціи; онъ принятъ во всѣхъ домахъ высшей французской аристократіи и для его жены будутъ открыты двери самыхъ недоступныхъ салоновъ. Слава богу, ему есть чѣмъ жить. Двадцать тысячъ годоваго дохода, великолѣпный дворецъ въ Венеціи, гдѣ находятся замѣчательныя картины французской и итальянской школы. Эти картины стоили громадныхъ денегъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но въ настоящее время ихъ трудно сбыть, потому что итальянская школа вышла уже изъ моды; но все таки надо надѣяться, что не сегодня-завтра онѣ снова пойдутъ въ ходъ: все дѣло въ модѣ. Все, что наскучаетъ по временамъ, опять начинаетъ нравиться. Единственная вещь, которая никогда не выходитъ изъ моды, это—деньги! Князь узналъ, что я очень богата, видѣлъ меня два раза, сдѣлавъ тщательный осмотръ всей моей фигуры, и—очевидно—вынесъ самое пріятное впечатлѣніе. Про князя можно сказать, что онъ не такой человѣкъ, чтобы жениться съ закрытыми глазами на какойнибудь, даже очень богатой дѣвушкѣ; онъ всегда искалъ трехъ вещей: во-первыхъ, хорошенькую женщину; во-вторыхъ, много, много денегъ, и, въ третьихъ, денегъ, нажитыхъ честнымъ трудомъ. Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, ему предлагали нѣсколькихъ очень богатыхъ невѣстъ, съ приданымъ въ три,

четыре, пять миллионъ, но онъ отказался. Это были неподходящія партіи, потому что тутъ состояніе нажилось какъ-то очень быстро, благодаря разнымъ рискованнымъ аферамъ и спекуляціямъ. Время въ подобныхъ случаяхъ играетъ большую роль. Мы же разбогатѣли не со вчерашняго дня, наши деньги—чистыя, заработанныя среди бѣла дня, въ теченіе цѣлаго столѣтія, и мы принадлежимъ къ хорошей, честной и старой фамиліи. Словомъ, князь рѣшилъ, что моя особа ему очень нравится и мои деньги также; теперь мнѣ ничего не стоитъ сдѣлать, чтобы князь лежалъ у моихъ ногъ, а маленькая княжеская корона очутилась у меня на головѣ. Мнѣ пришлось однажды вечеромъ въ оперѣ видѣть какую-то княжну въ коронѣ. Мы сидѣли во второй ложѣ. А какое счастье только подумать, что я никогда, никогда больше не буду сидѣть во второй ложѣ. На этой княгинѣ корона была сдѣлана изъ алмазовъ и небрежно-кокетливо какъ бы заплывала у нея за волосы, что къ ней чрезвычайно шло. Сама по себѣ, княгиня не была красива, но корона дѣлала ее почти хорошенькой. Что же скажутъ обо мнѣ, если я очень недурна и безъ короны? Я даже заучила на память рисунокъ этой короны.

Впрочемъ, какой я ребенокъ! Между прочимъ, Октавъ сказалъ мнѣ безъ обиняковъ, что князь, который отказался отъ дочери одного перувіанскаго банкира, съ десятью миллионами приданаго, женится на мнѣ съ тремя миллионами, потому что мои деньги совершенно приличныя, притомъ я такая хорошенькая, что навѣрное очень скоро изъ скромной буржуазки превращусь въ очаровательную блестящую княгиню.

Княгиня, княгиня... О, что за очаровательное слово! Однако я не позволю себѣ долго увлекаться, я хочу знать правду, настоящую правду о прошломъ князя. То, что узналъ Октавъ черезъ графчика, имѣетъ въ моихъ глазахъ мало значенія, потому что этотъ графчикъ всѣмъ долженъ—и князю, и Октаву, и многимъ другимъ, и кто знаетъ: ужъ не хочется ли онъ сосватать князю богатую невѣсту для того, чтобы потомъ занимать у него мои деньги? Благодарю покорно, я вовсе не желаю заплатить такъ дорого за княжескій титулъ, вѣдь я не изъ тѣхъ женщинъ, которыя бросаются на шею всякому авантюристу. А потому я попросила Октава собрать

о князѣ болѣе точныя свѣдѣнія въ его клубѣ, такъ какъ дѣло идетъ о всей моей будущности. Мамаша неспособна обдѣлывать мои дѣла, слѣдовательно, мнѣ придется самой похлопотать о себѣ и запасться наибольшимъ хладнокровіемъ и благоразуміемъ.

Въ дѣтствѣ у меня была очень хорошая гувернантканѣмка, которая выучила меня своей мѣстной поговоркѣ: „Богъ посылаетъ орѣхи, но не раскалываетъ ихъ“.

15-го мая.

Наконецъ, дѣло ясно! Октаву удалось вчера вечеромъ переговорить съ дожиною своихъ пріятелей, и вотъ, приблизительно, чтò онъ узналъ. Будемъ передавать по порядку разные отзывы о князѣ:

М. А. (старый игрокъ, занятый одними картами):

— Романелли порядочно играетъ въ безикъ, хорошо въ пикетъ и отлично въ вистъ.

М. В. (одинъ изъ верховыхъ ѣздоковъ):

— Ахъ, у этого Романелли я купилъ въ прошломъ году кобылу. Онъ продалъ мнѣ ее со всевозможными гарантіями, но черезъ три недѣли послѣ покупки она начала сильно прихрамывать и я ничего не могъ подѣлать, потому что срокъ уже истекъ.

М. С. (другой верховой ѣздокъ):

— Вы несправедливо обвиняете Романелли: этотъ человекъ — сама точность и акуратность. Виноваты вы, потому что заѣздили сразу лошадь. У васъ какая-то бѣшенная страсть пускать лошадь во весь карьеръ. Я зналъ эту кобылу въ теченіе трехъ лѣтъ и охотился на ней въ Шантильи въ 1880 году; она всегда держалась прямо, точно аршинъ проглотила.

М. В.—Тогда зачѣмъ же Романелли ее продалъ?

М. С.—Но вѣдь всѣмъ извѣстно, какъ онъ былъ сконфуженъ этимъ казусомъ.

М. В. — Ну, да, сконфуженъ. Конечно, онъ находитъ для себя очень удобнымъ и ловкимъ разыгрывать разореннаго, но я вовсе не вѣрю въ его разоренье. Его замокъ въ Венеціи загроможденъ разными драгоценностями.

М. Д. — Это вы говорите о старомъ дворцѣ, который скоро превратится въ развалины; да къ тому же всѣ вене-

ціанскіе дворцы вообще изобилуютъ всякаго рода драгоценностями. Повторяю вамъ, что Романелли разоренъ.

М. Е.—И окончательно разоренъ. Эта маленькая танцовщица Цакки проглотила все его состояніе.

М. Ф.—Вовсе не Цакки, а пѣвица-контральто Строщи. Онъ слѣдовалъ за ней по пятамъ изъ города въ городъ и у него поэтому вышла даже довольно крупная ссора съ дядей-кардиналомъ.

М. Ж.—Въ разореніе Романелли не замѣшаны никакія танцовщицы, ни пѣвицы, и ссоры у него съ дядей никакой не выходило. Романелли—самый обстоятельный и степенный человѣкъ въ мірѣ. Причина его стѣсненнаго положенія самая почтенная, хотя, конечно, у него осталось еще двадцать пять тысячъ ливровъ годоваго дохода. И знаете ли вы, почему не больше? А потому, что онъ прекрасно поступилъ со своими обѣими сестрами, давъ за ними въ приданое огромную часть своего состоянія. Обѣ устроили себѣ отличныя партіи въ Римѣ и въ Парижѣ. За одной, а именно за герцогиней Санъ-Северино, онъ далъ шестьсотъ тысячъ франковъ, за маркизой же де-Рошморъ—восемьсотъ тысячъ.

М. В.—Санъ-Северино и де-Рошморъ не взяли за своими женами никакого приданого, кромѣ ихъ высокаго происхожденія и поразительной красоты.

М. Ж.—Но, право же, вы продолжаете такъ говорить подъ впечатлѣніемъ неудачи съ вашей хромой кобылой. Я ужъ знаю, что знаю. Романелли поступилъ въ этомъ случаѣ, какъ поступилъ бы не всякій фатъ, и, слѣдовательно, это рѣдкій по достоинству и благородству человѣкъ.

М. В.—А между тѣмъ, онъ въ настоящее время бѣгаетъ за одной очень богатой невѣстой.

М. Ж.—Но въ чемъ же тутъ преступленіе? Онъ вѣдь носитъ очень громкую фамилію и, понятно, хочетъ съ честью ее поддержать. Я же заранѣе готовъ поздравить будущую княгиню Романелли съ такимъ мужемъ,—замѣчательно порядочнымъ человѣкомъ.

М. Г.—Вотъ, что правда, такъ правда! Да, это настоящій джентльменъ.

И, повидимому, этотъ М. Г. пользуется большимъ авторитетомъ въ своемъ кружкѣ. Короткая фраза его положила

конецъ дальнѣйшимъ пересудамъ. М. В. попробовалъ было еще что-то говорить о своей хромои лошади, но со всѣхъ сторонъ поднялся крикъ: „О, да онъ пренесносный, этотъ В.“! Затѣмъ всѣ разошлись въ разныя стороны.

Все это, въ общемъ, чудесно,—таково мнѣніе Октава и мое; и если это замужство состоится, то я буду княгиней Романелли, затѣмъ золовкой герцогини Санъ-Северино и маркизы де-Рошморъ и, наконецъ, племянницей кардинала. Племянницей кардинала! Я очень рада этому кардиналу ради мамыши. Она очень религіозна и кардиналъ можетъ имѣть на нее большое вліяніе. Кто знаетъ, можетъ быть, одно слово, сказанное въ Римѣ, повторенное папскимъ консуломъ въ Парижѣ и переданное мамышъ ея высокочтимымъ духовникомъ, аббатомъ Ноблэ, будетъ имѣть въ извѣстную минуту рѣшающее дѣйствіе? Да, дядюшка-кардиналъ, вы можете очень пригодиться, потому что намъ, вѣроятно, понадобится ходатайство вашей эминенціи!

18-го мая.

Но теперь вопросъ въ томъ, гдѣ и какъ бы повидать князя? Вчера я пошла съ мамашей къ г-жѣ де-Рютли, чтобы дать ей отчетъ въ моей продажѣ. У меня составила суммъ въ тысячу восемьсотъ франковъ, тогда какъ у другихъ набралось не больше пяти, шести сотенъ. Слѣдовательно, я оказалась самой счастливой продавщицей и потому пришла первой.

Госпожа де-Рютли приняла насъ съ мамашей чрезвычайно любезно. Она просила бывать у нея по средамъ. Но мамаша отвѣчала, что она большая домосѣдка и никуда не выѣзжаетъ по вечерамъ; я поняла, что тутъ ничего не подѣлаешь. Мнѣ не удастся уговорить мамашу поѣхать со мною на вечеръ къ госпожѣ де-Рютли, а между тѣмъ онъ тамъ непременно будетъ. Но тогда, какимъ же образомъ его увидеть, а мнѣ необходимо найти случай побыть съ нимъ немного наединѣ. Вѣдь не могу же я пойти къ папашѣ съ мамашей и сказать имъ прямо:

— Не будете ли вы такъ добры дать мнѣ сейчасъ же три, четыре милліона, и вотъ почему: дѣло идетъ объ одномъ итальянскомъ князѣ, который купилъ у меня во вторникъ,

13-го мая, розу, а въ среду, 14-го, купилъ другую. Мнѣ удалось перекинуться съ нимъ дюжиной самыхъ банальныхъ фразъ, но этого для меня совершенно довольно. Я знаю, что онъ намѣренъ продать мнѣ за четыре милліона честь быть его женой, и потому прошу васъ — дать мнѣ эту небольшую сумму.

Нѣтъ, конечно, мнѣ нельзя говорить такимъ языкомъ, въ особенности съ мамашей; съ ней надо иначе говорить, и я знаю, что ей сказать, и это единственное средство побѣдить ея упрямство.

Но, для того чтобы говорить съ ней съ извѣстнымъ апломбомъ и увѣренностью, мнѣ надо самой заручиться чѣмъ нибудь вѣскимъ отъ очаровательнаго князя, который точно съ неба упалъ въ коридоръ цирка въ Елисейскихъ поляхъ.

19-го мая.

И вотъ вчера мы съ Октавомъ битый часъ ломали себѣ голову надъ тѣмъ, какимъ бы образомъ устроить эту знаменательную встрѣчу, но затѣмъ мы отложили съ Октавомъ послѣднее совѣщаніе до сегодняшняго послѣобѣденнаго часа.

Октавъ пришелъ около шести часовъ. Въ эту минуту Фелиція надѣвала на меня бальное платье. Платье было уже у меня на плечахъ, или—вѣрнѣе—плечи на платьѣ, потому что мы отошли уже очень далеко отъ маленькаго образчика карэ, даннаго намъ мамашей. Въ этомъ отношеніи, мы въ одинъ мѣсяць подвинулись очень впередъ, откинувъ навсегда въ сторону всѣ излишнія скромности. Теперь я знаю, что мнѣ все можно. Папаша вѣдь за меня. Платье было, конечно, изъ бѣлаго муслина, въ чемъ я поклялась мамашѣ, но зато оно было очень „откровенно“, даже дерзко-открыто. Октавъ въ первый разъ увидалъ мои плечи. Эффектъ вышелъ великолѣпный! У него вырвалось искреннее восклицаніе восторга.

— Что за платье, — твердилъ онъ, — что за платье! — Но, говоря это, онъ смотрѣлъ не на платье, а на мои плечи. Я тоже смотрѣлась въ эту минуту въ зеркало и невольно думала, что я дивно хороша, и это придавало мнѣ крылья.

— Для какого бала предназначается это платье? — спросилъ Октавъ.

— Увы, для одного очень скучнаго бала. Ты, конечно, туда не пойдешь, но меня потащутъ. Это ежегодный балъ, даваемый обществомъ покровительства юнымъ ученикамъ и ученицамъ бумажныхъ фабрикъ.

— А, балъ по подпискѣ!—вскричалъ Октавъ.

— Да, по подпискѣ въ большой залѣ мэри.

— Мы спасены, мы спасены, и я буду на этомъ балу!

— Ты?

— Да, я!

Но тутъ онъ подмигиваетъ глазомъ въ сторону Фелиціи и, какъ только я усылаю ее, говорить:

— Да, я приѣду на этотъ балъ, но не одинъ, а съ княземъ.

— Съ княземъ, на балъ бумажной фабрики?

— Да, съ княземъ! И ты можешь болтать и танцовать съ нимъ сколько душѣ угодно.

— Князь на „бумажномъ балу“!

Эта мысль показалась мнѣ такой чудовищной, что я только и была въ состояніи повторять эту фразу.

— Но ты не имѣешь понятія о томъ, что это такое: балъ бумажныхъ фабрикъ. Во всѣхъ залахъ мэри находятся статуи республики во фригійскихъ колпакахъ, а въ прошломъ году стали танцовать кадрили подъ патріотическія аріи жирондистовъ, Марсельезу и т. д., и т. д.

— И князь будетъ танцовать подъ эту музыку, но будетъ видѣть только одну тебя. Когда онъ увидитъ тебя въ этомъ платьѣ да посмотритъ на твои плечи, то будетъ въ состояніи жениться на тебѣ безъ всякаго приданаго, ради твоихъ прелестныхъ глазъ. Я сейчасъ встрѣтился съ нимъ въ клубѣ и, судя по всѣмъ его словамъ, онъ просто очарованъ тобой!

— Ну, — сказала я, разсмѣявшись, — ужъ если онъ до такой степени запутался въ моихъ сѣтяхъ, то привози его съ собой на „бумажный балъ“!

22-го мая.

И онъ его привезъ! Я приѣхала въ десять съ половиной часовъ, а князь былъ уже тамъ. Мое появленіе произвело поразительный эффектъ. Ахъ, какъ пріятно чувствовать себя дѣйствительно хорошенькой и замѣчать на другихъ силу своего обаянія!

Какъ должны быть счастливы актрисы, когда, при выходѣ на сцену, ихъ встрѣчаютъ взрывами аплодисментовъ. Въ этотъ вечеръ и я отчасти постигла этого рода удовольствіе. Проходя, я слышала ропотъ удивленія и оставляла за собой точно струю восхищенія. Но едва я сѣла, какъ всѣ инженерики устремились ко мнѣ, многочисленные, какъ звѣзды. Однако, они скорехонько всѣ разсыпались, потому что въ залу вошелъ Октавъ и рядомъ съ нимъ князь. Наканунѣ мамаша была поражена удивленіемъ, когда Октавъ попросилъ у нея два билета, — одинъ для себя, другой для своего пріятеля, — но она еще больше удивилась, когда увидала, что этотъ „пріятель“ — князь. Онъ былъ просто очарователенъ, этотъ князь: такъ много было въ немъ такту, ловкости и дипломатичности! Онъ представился папашѣ съ мамашей и принялся болтать съ ними. Ахъ, какъ онъ при этомъ былъ хитеръ! И я подозреваю, что онъ приготовился заранѣе къ этому разговору. Въ двухъ - трехъ фразахъ онъ сказалъ съ большимъ тактомъ и искренностью о великомъ значеніи ремесла, объ „аристократіи труда“, чѣмъ окончательно побѣдилъ сердце папаша.

Папаша съ восторгомъ сейчасъ же заговорилъ о фабрикѣ, о своей излюбленной бумагѣ, и князь съумѣлъ ему отвѣтить съ большимъ знаніемъ дѣла. Какъ, бумага изъ дерева? О, онъ хорошо знакомъ съ этой бумагой изъ дерева! Наконецъ, послѣ папаша съ мамашей, дошла очередь и до меня. Да и давно уже пора. Я едва успѣвала сдерживать наступленіе инженеровъ. Князь попросилъ у меня слѣдующую кадрили и я ему обѣщала, а затѣмъ отдала ему всѣ кадрили и всѣ вальсы! Но во время танцевъ мы больше говорили, чѣмъ танцовали. И до чего онъ былъ деликатенъ, какъ хорошо съумѣлъ выразить мнѣ свою любовь, не произнося ни одного слова признанія, ни одной фразы, которая могла бы смутить меня или сконфузить! Онъ нашелъ возможность сообщить мнѣ, во время этого разговора, безпрестанно прерываемаго, самыя интересныя вещи о себѣ и своей семьѣ. Онъ — потомокъ самой старинной аристократической фамиліи, изъ которой, въ пятнадцатомъ вѣкѣ, происходилъ даже настоящій святой, канонизированный по всѣмъ пра-

виламъ церкви. (Вотъ еще пріятная новость! побережемъ это для мамаша!). Князь, еще совсѣмъ молодой человекъ, началъ свою карьеру съ дипломатіи, и вотъ прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ числится въ дипломатической сферѣ, но онъ не прочь былъ бы взяться за такую службу, которая дала бы ему болѣе высокое положеніе. И кто знаетъ? въ одинъ прекрасный день я могу сдѣлаться итальянской посланницей! Онъ много рассказывалъ о своемъ дядѣ-кардиналѣ. Этотъ дядя, какъ оказывается, одно изъ свѣтилъ первой величины. На послѣднемъ соборѣ для избранія папы, за него было подано четыре голоса. Боже мой, Боже! И только подумать, что это можетъ дѣйствительно случиться! Я, Катерина Дюваль, дочь бумажнаго фабриканта въ Марэ, могу сдѣлаться въ одинъ день племянницей папы! Вотъ еще вещь очень, очень пріятная для мамаша.

Она, между тѣмъ, оставила насъ въ покоѣ, эта милая мамаша. Какъ дама-патронесса по дѣламъ благотворительности и распорядительница бала, она была слишкомъ занята. Но вдругъ, около часу утра, она подходитъ ко мнѣ въ сильномъ волненіи. Ей съ трудомъ удалось найти меня, потому что я съ княземъ усѣлась въ самомъ укромномъ уголку.

— Катерина, поди сюда на два слова!

И, отвѣдя меня въ сторону, она тихо сказала:

— Объясни, пожалуйста, что это значитъ? Мнѣ сказали, что ты во весь вечеръ ни на минуту не покидала князя? Что за человекъ этотъ князь?

— Это князь, мамаша.

— И, кажется, онъ только тобой и занимается? |

— Это можетъ быть, потому что онъ для меня только сюда и пріѣхалъ, дорогая мамаша.

— Для тебя?

— Да, но ты узнаешь все завтра.

— Какъ это такъ? Стало быть, чтонибудь уже есть?

— Ахъ, вы еще спрашиваете!

Тогда мамаша попробовала меня увести силой, но я сопротивилась.

— Я ни за что не уйду отсюда, а если вы будете настаивать, то сдѣлаю скандалъ!

И я осталась; протанцовала съ княземъ котильонъ и уѣхала только въ три часа утра. Это былъ самый восхитительный вечеръ въ моей жизни. На обратномъ пути, мы съ мамашей не проронили ни слова другъ съ другомъ. Папаша тоже ѣхалъ вмѣстѣ съ нами, но онъ ничего не подозрѣвалъ. Онъ тоже провелъ восхитительный вечеръ, все время любясь мною изъ своего угла и слыша отовсюду комплименты моему успѣху. Онъ наивно восторгался моимъ торжествомъ, чувствуя себя гордымъ и счастливымъ, что обладаетъ такой прелестной дочкой. Ему было извѣстно, что я всю ночь протанцовала съ княземъ; но нельзя сказать, чтобы это ему не понравилось. Папаша любить иногда разыграть изъ себя либерала, но съ большимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ княземъ и одобрялъ его милыя рѣчи. Цриво, папаша совсѣмъ не похожъ на мамашу. Разница между ними очень чувствительная. Онъ, повидимому, сердится и ворчитъ, когда ему приходится платить долги Октава, но я увѣрена, что въ сущности ему не непріятно видѣть своего сына втирающимся понемножку въ большой свѣтъ, въ аристократію. Вчера папаша былъ, конечно, очень польщенъ тѣмъ, что на его „бумажномъ балу“ былъ князь и что этотъ князь танцевалъ только со мной. Когда мы пріѣхали домой, то мамаша сейчасъ же вошла вслѣдъ за мной въ мою комнату и потребовала объясненія. Но я отказала.

— Ахъ, прошу тебя отложить это до завтра, только до завтра.

Я была совершенно разбита, но, можно сказать, пріятно разбита и предоставила распоряжаться собой ловкой Фелиціи. Та раздѣла меня своими волшебными руками, уложила и укутала въ одѣяло. Я давала ей дѣлать съ собой все, что угодно, послушная, какъ дитя. Но во всю ночь я не сомкнула глазъ. Я была счастлива, грезила, и видѣла сонъ, который былъ очень похожъ на дѣйствительность. Наконецъ, я задремала, но вскорѣ была разбужена.

— Барышня, барышня!—звала Фелиція.

Я проснулась и увидала въ ея рукахъ записку; это было письмо отъ Октава.

6 ч. утра.

„Мы поѣхали съ бала вмѣстѣ. Онъ никакъ не хотѣлъ

меня покинуть и мы пробыли съ нимъ два часа. Онъ не могъ ни о чемъ говорить, кромѣ тебя. Онъ любитъ тебя, обожаетъ и никогда не будетъ любить другую. Онъ проводилъ меня до самаго дома. Теперь я ложусь спать. Прощай! Спокойной ночи, княгиня!“

Черезъ часъ по прочтеніи этой записки, въ мою комнату входитъ мамаша и начинаются нескончаемыя объясненія.

— Но что же такое произошло между вами?

Послѣ этого вступленія, я считаю нужнымъ разомъ сжечь свои корабли. Я знаю мамашу. Есть одна вещь, которая можетъ ее растрогать. И вотъ я сказала ей, что онъ готовъ, насколько мнѣ извѣстно, на мнѣ жениться, и что у меня нѣтъ другаго желанія, какъ быть его женой. Къ этому я прибавила, что онъ бѣденъ, но постаралась объяснить его бѣдность самыми благородными мотивами, рассказавъ о его самопожертвованіи ради счастія сестеръ.

— Но отъ кого же ты узнала все это?

— Отъ Октава, вѣдь они съ нимъ пріятели.

И, не давая мамашѣ времени даже передохнуть, я продолжала пѣть хвалебные гимны князю, и приплела къ концу своей рѣчи святаго XV-го столѣтія, затѣмъ дядю князя, кардинала, за котораго, во время избранія папы, было подано четыре голоса. И я отлично видѣла, что два послѣднія обстоятельства больше всего подѣйствовали на мамашу. Когда я кончила, то она предложила еще только одинъ вопросъ:

— Но ты, стало быть, хочешь быть княгиней?

Вотъ тутъ слѣдовало солгать, и я не преминула это сдѣлать.

— Но нѣтъ же, мамаша; я вовсе не хочу быть княгиней и нимало объ этомъ не думаю, а желаю выйти замужъ за того, кого я люблю, вотъ и все!

— Ты же его почти не знаешь?

— Но мнѣ стоило только его увидать, чтобы полюбить. Прости меня, милая мамаша; это случилось со мной вдругъ и это не моя ошибка.

Говоря такъ, я была увѣрена, что этотъ аргументъ сильнѣе всего прошибетъ мамашу, и, не желая выходить изъ этихъ предѣловъ, продолжала:

— Вѣдь вы съ папашей тоже женились по любви. О, я хорошо знаю исторію этой любви. Старая Маргарита мнѣ часто объ этомъ рассказывала. Ты была бѣдна, но хороша собой. Папашу прочили за богатую невѣсту, но онъ не захотѣлъ. И онъ хорошо сдѣлалъ, женившись на тебѣ, потому что вы были счастливы.

— Но вѣдь любовь не разражается такъ вдругъ, точно пистолетный выстрѣлъ.

— Въ твоей собственной жизни именно такъ и случилось, мамаша. Папаша увидѣлъ тебя и полюбилъ, а я увидѣла князя—и тоже полюбила.

— Но твой отецъ держится либеральнаго образа мыслей...

— Предоставь мнѣ уладить съ его либерализмомъ.

23-го мая.

И ни за кого другаго я никогда не выду замужъ,—никогда, никогда, никогда! Послѣ всего, я довольно прозрачно намекнула на то, что въ крайнемъ случаѣ уйду въ монастырь. Переговоры эти кончились тѣмъ, что наши завтраки и обѣды получили какой-то трагическій характеръ. Я всячески старалась придать своей фізіономіи скорбный, убитый видъ, притворяясь, что ничего не вижу и не слышу изъ того, что дѣлается вокругъ, точно всѣ мои мысли парятъ гдѣ-то далеко, далеко отъ здѣшняго міра. Если я и говорю, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда папаша или мамаша обращаются ко мнѣ съ какимъ нибудь вопросомъ и, конечно, я больше ничего не ѣмъ. Но вотъ это-то кажется больше всего ихъ беспокоить. Имъ, конечно, и въ голову не могло прийти, что Фелиція приносить ежедневно ко мнѣ въ комнату большіе ломти кроваваго бифштекса. Я рѣшилась не говорить больше ни слова о князѣ и ждать... Но я больше всего надѣюсь на чувствительность мамашы. Она слишкомъ любитъ меня для того, чтобы долго сопротивляться.

28-го мая.

Бѣдная мамаша, бѣдный папаша! Они мнѣ оба очень жалки. О, какъ они были несчастны! У меня просто разрывалось сердце на части, видя, какой пыткой я ихъ подвергаю.

Они видимо готовы на всякія уступки. Меня старались не оставлять наединѣ съ Октавомъ, такъ какъ онъ-то и былъ главнымъ виновникомъ; но это ничуть не помогало, и еще вчера я нашла возможность сказать ему:

— Пусть госпожа де-Рютли пріѣдетъ къ мамашѣ.

И сегодня она пріѣзжала. Вѣроятно, до мамаша дошли кое-какія извѣстія изъ Рима, потому что послѣ обѣда, за которымъ я едва проглотила нѣсколько ложекъ супу, — дѣлая видъ, что и это мнѣ тяжело, — мамаша сказала:

— Милое дитя, мы не прочь обсудить хорошенько...

— О, тутъ нечего обсуждать. Вы не хотите, тѣмъ лучше. Я ужь перестала объ этомъ думать, слѣдовательно, незачѣмъ вести дальнѣйшіе разговоры. Но я знаю только одно, что умру съ горя, — умру, умру, умру!

И съ этими словами, я, какъ бы въ порывѣ отчаянія, бросилась на диванъ и, обхвативъ руками голову и уткнувшись лицомъ въ подушку, разразилась рыданіями, непритворными рыданіями. При случаѣ, я могу разливаться слезами. Я попробовала этотъ свой талантъ еще когда была совсѣмъ маленькой дѣвочкой: стоило мнѣ только захотѣть чегонибудь, въ чемъ мнѣ отказывали. Этотъ талантъ можетъ еще мнѣ пригодиться со временемъ. Послѣ такого взрыва отчаянія, папаша (мой дорогой папаша, о, какъ я его за это люблю!) вскричалъ:

— Пора положить этому конецъ. Дадимъ ей князя, а тянуть такъ дольше я не въ состояніи!

И вотъ я дѣлаюсь такимъ образомъ княгиней. Все кончено въ какихънибудь десять минутъ. Моя комедія увѣнчалась успѣхомъ.

3-го іюня.

Папаша даетъ за мной два милліона приданого и пенсію въ сто тысячъ въ годъ. Что же касается до Октава, то онъ былъ великолѣпенъ. Пока онъ ничего не запросилъ лично для себя, не желая усложнять дѣло. Но, разъ я выду замужъ, поле дѣйствій для него вполне очистится. Мамаша въ отчаяніи! О, какъ она мало меня знаетъ. Я вовсе не изъ тѣхъ дочерей, которыя, выдя замужъ и попавъ въ аристократическую среду, сейчасъ же запикиваютъ куданибудь

подальше свою мать, а затѣмъ посѣщаютъ ее по утрамъ тайкомъ. Еще еслибы у нея былъ жалкій, вульгарный видъ, а то вовсе нѣтъ. Она очень умна, и еще очень красива и величественна! И этимъ я непремѣнно воспользуюсь. Я заставлю ее покинуть этотъ допотопный Марэ и куплю отель, въ которомъ мы втроемъ, съ ней и съ княземъ, проведемъ осень. Вчера князь сказалъ:

— Она очень мила, вапа мамаша, очень мила.

15-го июня.

Сегодня утромъ, глубоко зарывшись въ подушки, я предавалась самымъ восхитительнымъ мечтамъ. Сонъ еще несомнѣнно покинулъ меня и грѣзы мои были очень соблазнительны. Я вообще люблю помечтать по утрамъ въ полудремотномъ состояніи, но, почувствовавъ на своемъ лбу поцѣлуй, которымъ меня мамаша всегда пробуждаетъ отъ этого бреда наяву, я окончательно проснулась.

Милая мамаша, какъ я теперь люблю ее! И я обхватила ее руками за шею. Единственное горе мое состоитъ въ томъ, что я не вижу ея такой же радостной и оживленной, какъ я сама. Въ это утро она держала въ рукахъ одну изъ тѣхъ газетъ, которыя папаша бросаетъ обыкновенно къ себѣ въ корзину.

— Смотри, — сказала она, — читай!

И она указала мнѣ пальцемъ на маленькое объявленіе, въ нѣсколько строкъ, на первой страницѣ газеты. Вотъ что я прочла:

„Вскорѣ будетъ богатая свадьба. Князь Романелли, потомокъ самой старинной аристократической фамиліи, женится на одной изъ самыхъ прелестныхъ парижанокъ, а именно на двѣицѣ Дюваль, дочери богатѣйшаго мануфактуриста“.

При чтеніи этихъ строкъ, передъ моими глазами точно прошло облако. Нѣтъ, никогда еще я не испытывала такого сладкаго пробужденія! Мое имя встрѣчается наконецъ въ газетахъ. Это въ первый разъ въ жизни, но не въ послѣдній. Скоро вульгарное имя Дюваль замѣнится именемъ княгини Екатерины де-Романелли.

18-го июня.

Но удивительнѣе всего то, что я ко всѣмъ переполня-

юсь любовью и все мнѣ кажется въ розовомъ свѣтѣ. И это, право, очень пріятно. Что жъ касается до него, то онъ меня просто боготворить, какъ оно впрочемъ и слѣдуетъ. Недавно онъ представлялъ меня своей сестрѣ, маркизѣ де-Рошморъ. Но она не очень-то радостно меня приняла. Ну, я этого не забуду. Она хороша, но я все же лучше ея.

24-го іюня.

Моя свадьба празднуется завтра, но не въ церкви св. Павла,—въ этой ужасной улицѣ св. Антузна,—а въ капеллѣ нунція! Церемонію будетъ совершать самъ епископъ. Вотъ объ чемъ я всегда мечтала.

8-го іюля.

Все кончено! Я—его легальная жена; но презрѣнная формальность въ этой противной мѣриі еще не считается дѣйствительной,—нѣтъ еще! Окончательная церемонія предстоитъ завтра, рано утромъ. При бракосочетаніи будутъ присутствовать: епископъ, Форъ, Талазакъ; органомъ же будетъ управлять Видоръ. Ну, что можетъ быть лучше этого? Мое платье—это само чудо. И вотъ я провожу послѣдній вечеръ въ Марэ, въ своей дѣвичьей комнаткѣ. Мы обѣдали впятеромъ, всѣмъ семействомъ: мамаша, папаша, Октавъ, князь и я.

Послѣ обѣда, мнѣ пришла фантазія пойти проститься со своимъ старымъ садомъ, который такъ часто видалъ мою грусть и отчаяніе. Мастеровые проводили ночь въ мастерской. Шумъ машинъ заставлялъ дрожать землю подъ моими ногами. Я подошла къ маленькой отдушинѣ, которая освѣщаетъ отдѣленіе кочегара. Тамъ было трое рабочихъ, черныхъ отъ угля, съ голыми руками. Они ретиво работали, бросая широкими лопатами уголь на жаровни. И я почувствовала, что сердце мое переполняется нѣжностью къ этимъ честнымъ людямъ. Если я—княгиня, то въ сущности имъ же этимъ обязана, и, просунувъ свою бѣлую ручку въ отдушину, я высыпала все содержимое своего кошелька, кажется, около дюжины лудировъ, въ большую черную лапу одного изъ нихъ.

— Это на васъ троихъ, — сказала я, —вѣдь завтра моя свадьба!

— Ахъ, да, мы знаемъ, что она назначена завтра. Отъ

души благодаримъ васъ, сударыня, и желаемъ всякаго счастья.

Онъ раздѣлилъ деньги между товарищами, и всѣ трое, какъ ни въ чемъ не бывало, принялись опять за работу.

Хорошо, друзья мои, работайте, работайте! Деньги же, которыя вы намъ доставляете, послужатъ теперь на чтонибудь лучшее.

К О Н Е Ц Ъ .

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Волненія въ мелкихъ державахъ.—Королевское „отступное“, заполученное Миланомъ.—Бельчевъ, застрѣленный вмѣсто Стамбулова.—Терроръ въ Болгаріи.—Бисмаркъ, пробирающійся въ парламентъ заднимъ ходомъ.—Обвиненія, падающія на стараго канцлера.—Ньюфаундлендская колонія, не признающая власти метрополи.—Англійскія интриги въ Египтѣ.—Возстаніе въ Манипурѣ.—Волненія въ западной Индіи.—Международный конгрессъ горнорабочихъ.—Бельгія, требующая измѣненія конституціи.—Судъ Линча въ Сѣверной Америкѣ.

Въ то время, когда послѣ праздниковъ пасхи великія державы занялись мирными преніями о внутреннихъ дѣлахъ въ своихъ парламентахъ,—въ маленькихъ государствахъ господствуютъ неурядицы и волненія. Въ Сербіи, такъ ничѣмъ и не кончилась газетная полемика эксъ-короля съ эксъ-министромъ о томъ, кто изъ нихъ приказалъ убить въ тюрьмѣ двухъ женщинъ, обвиненныхъ въ покушеніи на цареубійство. Судъ почему-то не хотѣлъ взять на себя изслѣдованіе этого гнуснаго преступленія, а министерство, вмѣсто того чтобы выслать изъ страны невозможнаго Милана, начало торговаться съ нимъ относительно суммы, за какую бывший король обязался бы не дѣлать больше визитовъ въ свое бывшее королевство. Миланъ потребовалъ сначала, чтобы Сербія положила на его имя въ одинъ изъ иностранныхъ банковъ шесть милліоновъ. Министерство нашло, что сумма эта очень велика и, при несомнѣнномъ умѣніи эксъ-короля бросать деньги навѣтеръ, скоро можетъ улетучиться, и онъ опять осчастливитъ свое отечество новымъ посѣщеніемъ за новой подачкой. Сторговались, наконецъ, на милліонѣ, и Миланъ письменно далъ обѣщаніе скупщинѣ не пріѣзжать больше въ Сербію до совершеннолѣтія короля Александра, то есть до августа 1894 года. Только въ случаѣ тяжелой болѣзни сына, онъ выговорилъ себѣ право вер-

нуться—но и то съ разрѣшенія скупщины. Мы сильно сомнѣваемся, чтобы онъ сдержалъ свое обѣщаніе, особенно когда узнаетъ, что королева Наталія не хочетъ подчиниться тому же обязательству и оставить Бѣлградъ. Она даже не приняла министра Джайю, отправленнаго къ ней скупщиною съ протоколомъ этого высшаго учрежденія Сербіи, выражавшаго желаніе, чтобы Наталія послѣдовала примѣру Милана. Она, пожалуй, права въ томъ отношеніи, что для ея сына нужны еще попеченія матери, тогда какъ вліяніе на него отца не принесетъ ничего, кромѣ вреда, царственному ребенку.

Въ Болгаріи опять терроръ, тюрьмы переполнены ни въ чемъ неповиннымъ людьми, которыхъ все таки истязаютъ, бьютъ мѣшками съ пескомъ, чтобы добиться раскрытія заговора противъ Стамбулова. Этотъ болгарскій деспотъ никакъ не хочетъ сознаться, что его ненавидятъ въ странѣ и что, не будь онъ постоянно окруженъ закуленной имъ солдатчиной, съ нимъ давно бы покончили также, какъ покончилъ онъ со своимъ другомъ Паницей. Въ концѣ марта онъ былъ съ министромъ финансовъ Бельчевымъ въ кофейнѣ Панакова и, выходя оттуда поздно вечеромъ, подвергся нападенію нѣсколькихъ лицъ. Въ него было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, но, съ сожалѣнію, пуля поразила Бельчева—онъ былъ убитъ на мѣстѣ, а Стамбуловъ остался невредимъ. Было такъ темно, что убійцы имѣли возможность скрыться въ сосѣднюю безлюдную улицу. Струсившій Стамбуловъ совершенно растерялся и отдалъ приказъ жандармамъ и полиціи никого не выпускать изъ города и посадилъ въ тюрьму всѣхъ подозрѣваемыхъ въ несочувствіи къ правительству или въ симпатіяхъ къ Россіи. Захватили бывшихъ министровъ, чиновниковъ и въ числѣ ихъ Каравелова, котораго опять, неизвѣстно въ который разъ, высѣкли мѣшками съ пескомъ. Начались домовые обыски, потомъ обвиненія Сербіи въ томъ, что она дала убѣжище убійцамъ, бѣжавшимъ въ эту страну; затѣмъ—обвиненія Россіи, что покушеніе совершено «панславистскими вольными стрѣлками». Жидовствующія австрійскія газеты стали прямо кричать, что заговоръ—дѣло русскихъ агентовъ. Корреспондента парижскаго агентства Гавасъ, назвавшаго этотъ слухъ нелѣпостью, Стамбуловъ велѣлъ выслать изъ Софіи, но тамошній французскій консулъ, поддержанный итальянскимъ, такъ горячо протестовалъ противъ этой насильственной мѣры, что потерявшій голову министръ долженъ былъ взять обратно свое приказаніе. Кобургъ, зачѣмъ-то уѣхавшій наканунѣ убійства Бельчева въ Филиппополь, напрасно старался укротить своего премьера, дошедшаго до неистовства и отправившаго своихъ агентовъ даже въ Константинополь—просить объ арестованіи проживающихъ тамъ болгаръ, подозрѣваемыхъ въ заговорѣ Турецкая полиція, на основаніи этого заявленія, дѣйствительно аресто-

вала двухъ болгарскихъ эмигрантовъ, но не успѣли стамбуловскія газеты воздать за это дань благодарности мудрому правленію султана, какъ арестованные были уже снова выпущены на свободу, по совершенному отсутствію всякихъ уликъ для ихъ задержанія. Больше всего беспокоитъ Стамбулова то, что онъ не увѣренъ въ настроеніи войска, его единственной опоры въ странѣ. Даже софійскій гарнизонъ отправленъ на границу Сербіи, а въ столицу введены новые полки. Выѣзжаетъ Стамбуловъ не иначе, какъ окруженный огромною свитою жандармовъ, домъ его окруженъ тройнымъ кордономъ стражи и на дворѣ стоятъ день и ночь двѣ осѣдланныя лошади—на всякій случай. Получая множество анонимныхъ писемъ съ извѣщеніемъ, что онъ будетъ все таки убитъ, онъ проводитъ дни въ постоянномъ страхѣ и засыпаетъ съ револьверомъ въ карманѣ. Внезапную смерть въ Неаполѣ его зятя Муткурова, бывшаго военнаго министра, приписываютъ отравленію, и это еще болѣе волнуетъ приверженцевъ стамбуловскаго режима. Они хотѣли, чтобы султанъ возобновилъ фирманъ на управленіе Восточною Румеліею, данный въ 1886 году на пять лѣтъ еще Баттенбергу, но Порта отвѣчала, что, не признавая Кобурга законнымъ княземъ, не можетъ давать ему никакихъ полномочій. Все это не мѣшаетъ большинству англійскихъ, нѣмецкихъ, австрійскихъ и венгерскихъ газетъ продолжать свои нападки и клеветы на Россію. «Times» и «Standard» говорятъ прямо, что ее «надо привлечь къ нравственной отвѣтственности за поведеніе панросійскихъ заговорщиковъ, такъ какъ ни съ однимъ культурнымъ государствомъ не обращаются такъ, какъ съ Болгаріею, за то только, что она осмѣливается отстаивать свое право на независимое существованіе»... и на водвореніе въ странѣ самаго наглаго насилія и произвола—слѣдовало бы прибавить. Кромѣ того, англійскія газеты опять подняли старую сказку о заговорѣ Бендерова, собиравшагося вторгнуться въ Болгарію изъ Румыніи съ тремя отрядами добровольцевъ. Болгарскія газеты прибавляютъ къ этому, что Бендеревъ, спокойно живущій уже нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, имѣлъ тайное свиданіе съ Барвеловымъ и другими врагами Стамбулова. Только французскія газеты просто объясняютъ убійство Бельчева накопившеюся ненавистью къ самозванному диктатору, эксплуатирующему самымъ безсовѣстнымъ образомъ это событіе, чтобы захватить своихъ политическихъ противниковъ и сохранить власть съ помощью террора. На объявленіяхъ Стамбулова, расклеенныхъ въ Софін и обещающихъ 20,000 франковъ за головы убійцъ, въ первую же ночь было написано, что не только двадцать, но и двѣсти тысячъ не спасутъ самозванныхъ правителей Болгаріи, и что убійцы не будутъ выданы. Кобургъ съ его маменькой получили анонимныя письма, въ которыхъ предлагаютъ имъ убраться изъ Болгаріи по добру, по здорову, иначе на

ихъ терроръ, вводимый въ странѣ, отвѣтять такимъ же терроромъ. Стамбуловъ не вѣрить даже своему первому генералу и выслалъ изъ Софіи инспектора арміи Николаева подъ благовиднымъ предлогомъ какой-то ревизіи. Въ столицу введены сильныя войска изъ Филиппополя. Почти никто въ городѣ не выходитъ изъ дому; хватаютъ всѣхъ, кто попадетса; открыты только лавки, принадлежащія австрійцамъ. Газеты называютъ даже имена убійць, но гдѣ они—этого никто не знаетъ.

Высказанныя нами, въ апрѣльской хроникѣ, сомнѣнія о возможности возвращенія къ власти князя Бисмарка оправдались въ день празднованія 77-ми лѣтней годовщины его рожденія. Во Фридрихсруэ явились, конечно, по этому случаю депутаты съ поздравленіями, были и рѣчи, и факельцуги, привѣтствія и оваціи, но императоръ даже не вспомнилъ о знаменательномъ днѣ, недавно еще торжественно справлявшемся въ Берлинѣ—и не прислалъ старому канцлеру даже официальнаго поздравленія, тогда какъ черезъ двѣ недѣли, въ день рожденія Вальдерзее, лично поздравилъ собственноручнымъ письмомъ этого генерала, съ которымъ, повидимому, снова примирился. Говорятъ, будто Вильгельмъ сказалъ недавно: «я съ удовольствіемъ увидѣлъ бы въ Берлинѣ герцога Лауэнбургскаго, еслибы только онъ оставилъ князя Бисмарка во Фридрихсруэ» Но этого-то забвенія прошлаго нѣтъ у стараго канцлера, все еще воображающаго себѣ, что безъ него нельзя обойтись въ управленіи политикой, которая должна вернуться въ его руки. Вида однако, что высшая власть становится для него съ каждымъ днемъ недостижимѣе, онъ рѣшился сдѣлаться простымъ членомъ рейхстага, чтобы имѣть вліяніе на дѣла правленія. Въ ганноверскомъ избирательномъ округѣ Гестемюнде открылась вакансія, и онъ принялъ кандидатуру, но на первыхъ выборахъ не получилъ большинства голосовъ, и надо было прибѣгнуть къ перебаллотировкѣ между нимъ и кандидатами партіи свободномыслящихъ, національ-либераловъ и социалистовъ. Канцлеръ, когда-то дававшій направленіе политикѣ Европы, согласился стать на одну доску съ рабочимъ социалистомъ сигарной фабрики и общается подлживая въ рейхстагѣ «консервативную оппозицію». Человѣкъ, громившій въ парламентѣ своихъ противниковъ и проводившій почти всѣ свои законопроекты, будетъ возражать противъ правительственныхъ мѣръ и выслушивать замѣчанія президента и выговоры канцлера. Какая жалкая роль для того, кто заправлялъ политикою Европы, и какъ мало настоящей гордости въ этомъ старикѣ, не умѣвшемъ съ достоинствомъ оставить власть и отказаться отъ мелкихъ придирокъ къ правительству въ своей газетѣ. Теперь онъ хочетъ перенести эти придирки на парламентскую трибуну. Оппозиція его будетъ, конечно, очень непріятна Вильгельму и надѣлаетъ много хлопотъ, потому что вокругъ отставленнаго канцлера

сгруппируются всѣ партіи, враждебныя правительству; но прилична ли такая роль для государственнаго дѣятеля, предписывавшаго законы Германіи? А что онъ будетъ по прежнему интриговать, обманывать и путать всѣ международныя отношенія,—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Находясь уже цѣлый годъ не у дѣлъ, Бисмаркъ все также враждебно относится къ Россіи. Подъ предлогомъ защиты ея отъ нелѣпыхъ толковъ о заговорѣ противъ Стамбулова, Бисмаркъ говорить, что Россія не пытается въ настоящую минуту никакихъ воинственныхъ замысловъ не потому, что въ миролюбіи русскаго правительства не сомнѣвается ни одинъ безпристрастный человекъ въ Европѣ, но потому, что наши военныя приготовленія еще не кончены. Поэтому онъ совѣтуетъ намъ обратить эти приготовленія на захватъ Константинополя и Малой Азіи. При этомъ онъ убѣждаетъ французовъ, что имъ нечего ждать отъ Россіи, а Италіи совѣтуетъ не сближаться съ Франціей. Дружба же Германіи съ Россіею необходима для того, чтобы нынѣшніе союзники Германіи не оставили имперію Гогенцоллерновъ одинокою въ Европѣ. Последнее признаніе очень откровенно, но мы давно уже знаемъ, что тройственный союзъ составленъ съ цѣлью заставить Россію постоянно согласовать свою международную политику съ интересами Германіи. Цѣль эта, конечно, не достигнута, и въ самой Германіи у Бисмарка является все болѣе противниковъ. Не говоря уже о социалистахъ, называющихъ стараго канцлера верховнымъ жрецомъ золотого тельца, покровителемъ милліонеровъ, главнымъ виновникомъ вздорожанія цѣнъ на хлѣбъ, даже нейтральныя газеты занимаются разоблаченіемъ некрасивыхъ сторонъ бисмарковскаго управленія. Такъ, даже прусскія газеты подняли опять исторію Беттихера. Извѣстно, что этого статсъ-секретаря считаютъ главнымъ виновникомъ паденія Бисмарка. Онъ будто совѣтовалъ канцлеру подать въ отставку, убѣдивъ его въ то же время, что Вильгельмъ II никогда не приметъ этой отставки, какъ не принималъ ея Вильгельмъ I. Бисмаркъ послушался и былъ тотчасъ же отставленъ. Теперь газеты передаютъ слѣдующій фактъ. Тестъ Беттихера запутался въ финансовыхъ предпріятіяхъ, о чемъ статсъ-секретарь заявилъ своему покровителю. Бисмаркъ вручилъ своему любимому подчиненному сумму въ 350,000 марокъ, которую Беттихеръ спокойно положилъ въ карманъ, какъ бездѣлку, не справляясь о томъ, за какія заслуги онъ ее получаетъ. Въ то же время самъ Бисмаркъ, собственною своею властью, избавилъ себя отъ уплаты поземельнаго налога въ нѣсколько десятковъ тысячъ, а бывший начальникъ полиціи Крюгеръ получилъ изъ вельфскаго фонда 50,000 марокъ; газеты свободномыслящей партіи предлагаютъ даже предать Бисмарка суду за всѣ эти растраты.

На кабинетъ Салисбюри обрушилось въ послѣднее время множество внутреннихъ и внѣшнихъ затрудненій. Палата утвердила внесенный министромъ билль о правѣ короны давать инструкціи морскимъ офицерамъ

для обезпеченія исполненія трактатовъ, заключаемыхъ Англіею съ иностранными державами. Этотъ странный билль направленъ противъ жителей Ньюфаундленда, отказавшихся повиноваться правительству. Дѣло вышло изъ-за столкновенія ньюфаундлендскихъ рыбаковъ съ французскими. Послѣдніе, съ древнѣйшихъ временъ, пользовались правомъ ловить омаровъ на этомъ англійскомъ островѣ, но ньюфаундлендцы вздумали теперь почему-то препятствовать этой ловлѣ. Споръ доходилъ до вооруженныхъ столкновеній, и премьеръ, чтобы доказать свое безпристрастіе въ этомъ вопросѣ, передалъ его на рѣшеніе третейскаго суда, подтвердившаго права французовъ. Не смотря на это, ньюфаундлендцы объявили категорически, что они не подчинятся рѣшенію суда—и поэтому Салисбюри поручилъ командирамъ англійскихъ судовъ, крейсирующихъ въ водахъ острова, привести къ повиновенію его жителей. Это, конечно, не трудно сдѣлать, но откуда взялась у нихъ смѣлость открыто сопротивляться правительству своей метрополи? На что они рассчитываютъ, въ комъ надѣются найти поддержку своимъ претензіямъ? Прежде всего—въ Канадѣ, гдѣ давно уже замѣтно глухое броженіе, съ цѣлью отдѣленія этой колоніи отъ Англій. Но легко можетъ быть, что и Сѣверо-Американская республика не прочь воспользоваться возстаніемъ ньюфаундленцевъ противъ своего правительства, когда англійскіе капитаны начнутъ усмирять мятежниковъ. Во всякомъ случаѣ любопытно, чѣмъ кончится этотъ политическій эпизодъ, возникшій изъ-за омаровъ. Въ Египтѣ Англія также потерпѣла неудачу въ попыткѣ уничтожить капитуляціи и верховную власть султана въ этой странѣ. Давно уже подготавливая все для обращенія страны фараоновъ въ свою колонію, Англія заставила хедива уничтожить таможенные пошлины и пригласить державы заключить съ нимъ торговые трактаты. Но противъ этого протестовали Россія и Франція, и посланники ихъ въ Константинополь побудили султана объявить хедиву, что онъ не имѣетъ права заключать самостоятельные торговые договоры и что назначеніе англичанина Скотта юрисконсультомъ при египетскомъ министерствѣ финансовъ—прямо незаконно. «Journal de St. Pétersbourg» постарался смягчить этотъ протестъ, объявивъ, что онъ «представляетъ только принципиальный интересъ и служитъ лишь подтвержденіемъ легальной точки зрѣнія, которая юридически и не можетъ быть оспариваема». Все это, можетъ быть, высказано очень дипломатично, но на простой взглядъ кажется виляніемъ и извиненіемъ, чтобы,—чего Боже сохрани!—не обидѣлась Англія.

Но еще бѣлая непріятность постигла англичанъ въ Индіи. На крайнемъ востокѣ англо-индійской имперіи, между Ассамомъ и Бирмою, въ землѣ Манипуръ, находящейся въ подвассальныхъ и данническихъ отношеніяхъ къ Англій, раджа, управлявшій страной, былъ, нѣсколько времени тому назадъ свергнутъ съ престола предводителемъ сосѣдняго воинственнаго

племени. Раджа просилъ помощи у индійскаго правительства, и оно приказало главному британскому комисару въ Ассамѣ, Квинтону, выступить противъ мятежниковъ съ сильнымъ отрядомъ, состоящимъ изъ двухъ полковъ гуркасовъ—отличныхъ солдатъ изъ гималайскихъ горцевъ. Прибывъ въ Манипуръ, Квинтонъ собралъ мѣстныхъ владѣльцевъ и приказалъ имъ арестовать главу возстанія. Но въ ту же ночь на англійскій лагерь напали многочисленныя толпы мятежниковъ. Два дня отбивались гуркасы подъ командою англійскихъ офицеровъ, но разстрѣляли всѣ патроны и, подавленные многочисленнымъ врагомъ, принуждены были сдаться; немногимъ удалось спастись отъ истребленія и бѣжать за границу Манипура. Квинтонъ и нѣсколько офицеровъ, захваченныхъ въ плѣнъ, были варварски умерщвлены и изуродованные трупы ихъ брошены въ пищу собакамъ. Манипурскій раджа, въ письмѣ къ вице-королю Индіи, увѣряетъ, напротивъ, что англичане, вступавъ въ край, истребляли все огнемъ и мечемъ, насиловали женщинъ, сжигали храмы. Все это весьма правдоподобно, и Англія, отправившая два полка сипаевъ въ Манипуръ для наказанія за убійство своихъ офицеровъ, конечно, присоединить эту страну къ своимъ владѣніямъ, какъ присоединила недавно втихомолку маленькое независимое государство Вунто,—въ 400 англійскихъ квадратныхъ миль и съ стотысячнымъ населеніемъ,—лежащее между Ирравади и Хинвиномъ. Присоединили его за то только, что повелитель этой страны противился проведенію желѣзной дороги вдоль ея границъ. Такое «сопротивленіе цивилизаціи» заслуживало, конечно, примѣрнаго наказанія. Присоединено также еще одно независимое государство Момень, тянущееся по восточному берегу Ирравади и славящееся своими рубиновыми копиями. Тутъ причины присоединенія еще важнѣе: могутъ ли некультурные индусы разработывать такъ хорошо эти копи, какъ англичане? Новый комисаръ верхней Бирмы, захваченной еще пять лѣтъ тому назадъ, Александръ Мекензи не намѣренъ ограничиться и этими присоединеніями, о которыхъ никто не заботится въ Европѣ, и послалъ четыре полка для покоренія страны чіновъ, независимаго горскаго племени. Мекензи явно стремится также подчинить Англій земли Бамо и Мочуни, смежныя съ китайскою провинціею Юнанъ и считающіяся подвассальными Китаю. Этотъ захватъ земель, сосѣднихъ съ небесною имперіею, позволяетъ англичанамъ наводнять Китай опиумомъ, провозить который контрабандой гораздо легче съ сухаго пути, чѣмъ съ моря. Нельзя сказать однако, чтобы всѣ подобныя захваты легко доставались англичанамъ: Бирма до сихъ поръ еще далеко не успокоена, и въ настоящемъ году для усмиренія мятежей послали уже восемь экспедиціонныхъ отрядовъ. Еще серьезнѣе усиливается инсurreкціонное движеніе на сѣверо-западѣ Индіи, гдѣ поднялись миринцаи, племя, населяющее горный край въ верховьяхъ Инда, на границахъ Афганистана. Горцы напали на

дней на устроенные въ горахъ англійскіе форты и нанесли чувствительное пораженіе 29-му англійскому полку. На театръ возстанія отправлены изъ Симлы значительныя военныя силы, но всё эти возстанія доказываютъ однако, какъ непрочно въ этихъ странахъ власть Англии, хотя ревниво охраняемая и стоящая громаднхъ суммъ. Англичане очень недовольны въ послѣднее время и Абдуррахманомъ. Какъ ни натравливаютъ они его къ захвату независимыхъ средне-азиатскихъ ханствъ, пограничныхъ съ русскими владѣніями, онъ беретъ огромныя субсидіи деньгами и оружіемъ, но не рѣшается вторгаться въ ханства и все только готовится къ этому, обѣщая скорое выступленіе, но опасаясь, въ случаѣ неудачи, утратить въ Афганистанѣ обаяніе своей власти, и такъ уже довольно шаткой. Прочно держатся англичане только въ тѣхъ провинціяхъ Индіи, гдѣ они поддерживаютъ антагонизмъ между туземнымъ населеніемъ и пришлымъ, хотя и крѣпко утвердившимся въ странѣ, мусульманскимъ элементомъ. Эта племенная и религіозная рознь между коренными жителями полуострова и первыми завоевателями ихъ, магометанами, укрѣпляетъ владычество Англии надъ милліонами враждебныхъ между собою племенъ.

Въ Парижѣ состоялся международный съѣздъ горнорабочихъ, имѣющій важное значеніе, такъ какъ на немъ обсуждались вопросы, рѣшеніе которыхъ можетъ отразиться на внутренней жизни западныхъ государствъ. Конгрессъ открылся 31-го марта въ зданіи парижской рабочей биржи. Въ немъ приняли участіе 99 делегатовъ, являющихся представителями 909,000 горнорабочихъ изъ Франціи, Англии, Германіи, Австріи и Бельгіи. Почти половина делегатовъ принадлежитъ Англии, такъ какъ тамъ горное дѣло развито больше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Англійскіе делегаты явились уполномоченными 410,000 горнорабочихъ, французскіе 98,000, нѣмецкіе—69,000. Главнымъ предметомъ обсужденія былъ вопросъ о средствахъ, какъ добиться установленія 8-часоваго рабочаго дня и нужно ли для достиженія этой цѣли устроить общую стачку рабочихъ всѣхъ странъ, — одновременно, или въ тотъ моментъ, когда потребители угля въ странѣ, гдѣ начнется стачка, принуждены будутъ прибѣгнуть къ угольнымъ копаниямъ другихъ государствъ. Затѣмъ разбирался вопросъ объ организаціи «международной конфедераціи горнорабочихъ». Каждому оратору предоставлялось слово не болѣе какъ на 10-ть минутъ. Англійскіе делегаты высказались противъ поголовной стачки, съ которою надобно будетъ считаться, только когда уже организуется международная конференція. Нельзя начинать войну, пока горнорабочее войско не будетъ надлежащимъ образомъ дисциплинировано. Горнорабочіе на континентѣ не располагаютъ достаточными средствами для успѣшной войны и стачка не принесетъ имъ ничего, кромѣ вреда. Таково мнѣніе президента англійскихъ делегатовъ Бурта; его оспаривали французы и нѣмецъ Шредеръ, доказывавшій, что долше медлить нельзя

и пора перейти отъ словъ къ дѣлу. Еще бѣльшую нетерпѣливость высказали бельгійскіе делегаты, настаивавшіе, чтобы во всѣхъ государствахъ было приступлено къ поголовной стачкѣ уже съ 1-го мая. Противъ этого возсталъ нѣмецкій делегатъ гельзенкирхенскаго бассейна, Броддамъ, доказывавшій, что броженіе среди рабочихъ поддерживается буржуазією, въ надеждѣ вызвать серьезные безпорядки и мотивировать ими реакціонныя мѣры; президентъ французскихъ делегатовъ Басли присоединился къ этому мнѣнію и подвергся за это оскорбленію со стороны трибунъ, называвшихъ его подкупленнымъ измѣнникомъ. Предложеніе англичанина Пикера — предоставить рѣшеніе вопроса мирнымъ переговорамъ съ правительствами, а не насилію, было отвергнуто. Конгрессъ разошелся 4-го апрѣля, постановивъ слѣдующую резолюцію: «прежде чѣмъ прибѣгнуть къ поголовной стачкѣ горнорабочихъ, конгрессъ предлагаетъ правительствамъ войти между собою въ соглашеніе и установить законодательнымъ порядкомъ 8-часовой рабочей день во всѣхъ казенныхъ и частныхъ угольныхъ копяхъ».

Почти одновременно съ парижскимъ конгрессомъ засѣдалъ и въ Брюсселѣ съѣздъ бельгійскихъ рабочихъ. Онъ рѣшилъ отложить поголовную стачку въ Бельгіи, чтобы дать возможность палатамъ заняться вопросомъ о пересмотрѣ конституціи. Это рѣшеніе принято, благодаря вліянію вождя бельгійскихъ рабочихъ, редактора газеты «Le Peuple», Вольтерса.

Пересмотръ конституціи требуется, впрочемъ, всею странюю. Избирательная система въ Бельгіи—самая нелогичная и основана на нелѣпномъ цензѣ. Изъ 6-ти милліоновъ населенія, только незначительная часть пользуется избирательными правами. Отъ этого брюссельскій парламентъ представляетъ интересы только богатыхъ классовъ, а рабочее населеніе имѣетъ въ немъ только случайныхъ представителей. Общественное мнѣніе, однако, такъ сильно возстало противъ этой системы, что первый министръ Бернертъ согласился измѣнить избирательныя права, чтобы привлечь къ управленію и менѣе зажиточные классы населенія. При всеобщей подачѣ голосовъ, ихъ было бы въ Бельгіи больше полутора милліона, но увеличеніе числа избирателей можетъ повести и къ измѣненію внутренняго порядка управленія. Въ Бельгіи населеніе состоитъ изъ двухъ племенъ различнаго происхожденія: восточная часть страны населена валлонами—отраслью французовъ, а западная часть фламандцами—отраслью голландцевъ. Культура высшихъ классовъ Бельгіи, еще со временъ бургундской династіи, была всегда французскою, но представители среднихъ и низшихъ классовъ—большою частью фламандцы и вторженіе ихъ въ парламентъ можетъ легко повести къ совершенному разъединенію двухъ національностей, и теперь уже живущихъ въ неладахъ между собою. Что же станетъ тогда съ Бельгією,—государствомъ, возникшимъ всего 60

лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе того, что голландцы, которымъ вѣнскій конгрессъ отмежевалъ эти провинціи, начали уже очень сильно вытѣснять изъ нихъ французскій элементъ. До сихъ поръ онъ преобладалъ въ управленіи, но въ послѣднее время фламандская національность заявила свое существованіе въ литературѣ и въ періодической печати, добилась равноправности на судѣ и въ администраціи, и выказала явное стремленіе къ сепаратизму. Все это, даже и при облегченіи избирательныхъ правъ, не обѣщаетъ для Бельгіи спокойнаго управленія въ ближайшемъ будущемъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки произошло событіе, которое едва не повело къ разрыву между республикою и итальянскимъ королевствомъ. Посланникъ его объявилъ, что прекратитъ дипломатическія сношенія, если не получитъ удовлетворенія. Но упрямые янки не торопятся исполнить справедливаго желанія, хотя кругомъ виноваты съ формальной стороны. Дѣло въ томъ, что въ штатахъ живетъ немало итальянцевъ—это большею частью подонки общества, эмигрировавшіе за океанъ, потому что на родинѣ имъ нечего было дѣлать, а разбойничать мѣшало правительствомъ. Они полагали, что въ свободной странѣ имъ будетъ свободно и грабить мирныхъ жителей. Въ Сициліи издавна существуетъ тайное общество убійць, воровъ и мошенниковъ, называемое «маффія». Ихъ не могли искоренить, но сильно преслѣдовали на родинѣ, и они перебрались въ сѣверные штаты, гдѣ начали свои подвиги особенно въ штатѣ Луизіаны и ея главномъ городѣ, Новомъ Орлеанѣ. Американское правительство не могло, конечно, также допустить разбои на своей территоріи и начальникъ полиціи Геннеси началъ ловить убійць. «Маффія» угрожала ему за это смертью, и Геннеси, возвращаясь однажды домой, былъ окруженъ на улицѣ разбойниками и убитъ ружейными выстрѣлами. Виновныхъ не трудно было отыскать: 19 итальянцевъ были арестованы и 9 изъ нихъ преданы суду. Во время процесса стали ходить слухи, что присяжные запуганы и подкуплены «маффіей» и оправдуютъ преступниковъ. Такъ и случилось. Но американцы пришли въ волненіе отъ незаконнаго оправданія завѣдомыхъ злодѣевъ. Въ городѣ составилъ многочисленный митингъ и три адвоката убѣдили народъ—покончить съ маффіей. Масса народа двинулась къ тюрьмѣ, гдѣ еще сидѣло нѣсколько итальянцевъ. Впереди шли двѣсти отставныхъ солдатъ. По дорогѣ они ворвались въ арсеналъ и захватили тамъ ружья и пистолеты. Ворота тюрьмы были выломаны и 50 делегатовъ, которымъ было поручено привести въ исполненіе законъ Линча, вошли въ тюрьму. Шесть итальянцевъ искали спасенія въ женскомъ отдѣленіи; ихъ вытащили оттуда и разстрѣляли. Еще пятеро сицилійцевъ были выданы толпѣ, стоявшей у тюрьмы—и ихъ тутъ же повѣсили. Это, конечно, очень печальное насиліе, но если судъ, изъ страха или подкупа, не наказываетъ преступниковъ, неужели всѣмъ гражданамъ

не должно защищаться, а слѣдуетъ смиренно подставлять шею подъ ножъ убійць? Вѣдь нельзя уничтожить разбоевъ безъ уничтоженія разбойниковъ, и казнила ихъ не чернь, а интеллигентные люди, охранявшіе спокойствіе своихъ семействъ и общественную безопасность отъ иноземныхъ злодѣевъ. Послу вовсе не слѣдовало брать на себя роль защитника явныхъ убійць. Законъ Линча—та же самозащита массы, какая допускается всѣми законодательствами для каждаго частнаго лица въ положеніи самообороны. Янки не увлекаются настроеніемъ минуты, а поступаютъ обдуманно и методически. Когда «Times» поднялъ крики о преслѣдованіи евреевъ въ Россіи, «New-York Herald» отправилъ въ Петербургъ комисара, и тотъ напечаталъ въ газетѣ донесеніе, что русское правитель-ство, ограничивая право осѣдлости евреевъ, только охраняетъ русскихъ крестьянъ и горожанъ отъ эксплуатаціи алчнаго и вреднаго племени. Комисаръ нашелъ въ петербургскихъ тюрьмахъ десять процентовъ евреевъ и говоритъ прямо, что всѣ слухи о преслѣдованіи этого племени ложны, и что, напротивъ, наглость самихъ евреевъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Воспитаніе и наслѣдственность. Соціологическій этюдъ *М. Гьюйо*, съ предисловіемъ и примѣчавіями переводчика *К. Толстаго*. 1891. Изданіе А. С. Суворина.

Три года тому назадъ, умеръ во Франціи 33-лѣтній писатель, о которомъ не упоминаетъ ни одинъ изъ словарей современныхъ дѣятелей, но который тѣмъ не менѣе оставилъ по себѣ прочные слѣды въ серьезной литературѣ. Умъ строгій и аналитическій, онъ не слѣдилъ за новыми вѣяніями въ беллетристикѣ, а занимался основательнымъ и усерднымъ изученіемъ научныхъ и философскихъ вопросовъ. Онъ писалъ и о «нравственности Эпикура въ ея отношеніяхъ къ современнымъ ученіямъ», и о «современной англійской нравственности»; о «задачахъ современной эстетики» и о «морали не обязательной и не санкціонированной»; о «безрелигіозномъ будущемъ», объ «искусствѣ съ соціологической точки зрѣнія», и о «генезисѣ идеи времени». Послѣднимъ произведеніемъ его былъ трактатъ «о воспитаніи и наслѣдственности», и г. Толстой задумалъ познакомить съ нимъ русскихъ читателей. Но трудъ его, изданный г. Суворинымъ, нельзя считать простымъ переводомъ французскаго оригинала. Это—критическая работа, передающая и въ то же время комментирующая мысль автора. Подобнаго рода передача научныхъ сочиненій, съ анализомъ ихъ и опроверженіемъ ошибочныхъ заключеній, при-

носить, конечно, гораздо болѣе пользы, чѣмъ дословный, но лишенный критической оцѣнки переводъ. Г. Толстой находитъ вполне здравыми взгляды автора на роль наслѣдственности и воспитанія въ развитіи характера ребенка и вообще на всю педагогическую практику, о которой, по мнѣнію г. Толстаго, въ нашемъ обществѣ господствуютъ идеи черезчуръ узкія и доктринерскія. Переводчикъ не соглашается съ основной идеей автора, проводимой и въ другихъ его сочиненіяхъ: создать не обязательную и ничѣмъ не санкціонуемую нравственность. Переводчикъ считаетъ это недостижимымъ, потому что корни жизни не могутъ, какъ онъ выражается, быть «перципированы», т. е. по просту восприняты человѣкомъ. Онъ доказываетъ это несовершенствомъ нашихъ органовъ воспріятія. Животныя, — говоритъ онъ, — часто превосходятъ человѣка острою этихъ органовъ, какъ собака, напримѣръ, чутьемъ. Но человѣку незачѣмъ обладать тонкостью собачьяго чутья, которое онъ могъ бы развить въ себѣ, еслибы въ этомъ предстояла особенная надобность. Мы не знаемъ, конечно, всѣхъ тайнъ природы, потому что и жить-то полною наблюдательною жизнью начали не болѣе какъ двѣсти-триста лѣтъ тому назадъ; на микроорганизмы мы обратили вниманіе только вчера, а электрическія волны, въ которыхъ постоянно купаемся, замѣтили только сегодня. Но все же нельзя сказать, что открытые нами научные феномены являются равными нулю, какъ утверждаетъ г. Толстой. Гюйо считаетъ новымъ и вполне рациональнымъ логическимъ средствомъ—внушенія, конечно, не гипнотическія, но это средство далеко не новое и не всемогущее. Сократъ и Аристотель вліяли на своихъ учениковъ не иначе, какъ при помощи внушенія; изъ этого не слѣдуетъ, однако чтобы и теперь первый встрѣчный, хотя бы при помощи самыхъ лучшихъ педагогическихъ правилъ, могъ сдѣлать то же самое. Педагогика всегда останется искусствомъ, требующимъ таланта, а не наукою, основанною на точныхъ знаніяхъ. Вопросъ о томъ, имѣетъ ли воспитаніе индивидуальную или социальную цѣль, Гюйо рѣшаетъ тѣмъ, что оно должно стремиться къ общимъ цѣлямъ за разъ. Вся система воспитанія должна быть направлена къ поддержкѣ и процвѣтанію рода. Въ прошломъ столѣтіи Гельвеціусъ училъ, что можно преподавать талантъ и добродѣтель. Въ наше время изслѣдователи законовъ наслѣдственности увѣряютъ, что воспитаніе совершенно бессильно, когда дѣло идетъ о радикальной переработкѣ темперамента и характера расы, выражающихся въ индивидуумѣ. По ихъ мнѣнію, люди рождаются преступниками, точно также, какъ поэтами и историками. Противъ этой теоріи г. Толстой ничего не возражаетъ, а она ничѣмъ не лучше той, по которой въ древности цѣлыя семьи объявлялись нечистыми и изгонялись, а библейскія проклятія распространялись на пять поколѣній. Авторъ рассматриваетъ сначала внушеніе и воспитаніе, какъ модификаторы нравственнаго инстинкта, приводитъ примѣры

внушеній: нервнаго, психическаго, нравственнаго и общественнаго. (Напрасно только переводчикъ употребляетъ тутъ слово: «шокъ» вмѣсто простаго: «толчокъ»). Вообще онъ приписываетъ слишкомъ много значенія происхожденію нравственнаго инстинкта. Гораздо лучше разработаны у него правила физическаго воспитанія, причемъ онъ стоитъ на сторонѣ интернатовъ и возстаетъ противъ переутомленія, но о ручномъ трудѣ говорить очень мало. Вторая часть трактата посвящена: цѣли и методу интеллектуальнаго воспитанія, выбору знаній, школъ, образованію нравственному, гражданскому и эстетическому, дисциплинѣ, среднему и высшему образованію, преподаванію классицизма, исторіи, точныхъ наукъ, спеціальному образованію, конкурсамъ, экзаменамъ, профессиональнымъ школамъ. По всѣмъ этимъ предметамъ авторъ высказываетъ много вѣрныхъ и здравыхъ мыслей. Такъ, онъ говоритъ, что точныя науки далеко не такъ сильно развиваютъ разумъ, какъ это принято думать, а что этому развитію болѣе всего содѣйствуетъ философское образованіе и литературное, толково проведенное. Въ конечныхъ своихъ выводахъ авторъ возстаетъ противъ положенія Маудсли, Рибо и отчасти Спенсера, что высшая степень человѣческаго совершенства, а—стало быть—и болѣе законченный нравственный идеалъ, состоятъ въ полномъ автоматизмѣ, при которомъ всѣ интеллектуальныя факты и самое сложное чувствованіе сводятся къ чистымъ рефлексамъ. Въ концѣ книги г. Толстой помѣстилъ 17-ть отдѣльныхъ примѣчаній, опровергающихъ нѣкоторыя изъ положеній автора. Тутъ также много дѣльныхъ замѣтокъ, и вообще авторъ основательно изучилъ свой предметъ, и въ книгѣ его наши педагоги найдутъ несомнѣнно много полезныхъ практическихъ указаній.

Альфонсъ Додэ. Портъ-Тарасконъ, переводъ съ французскаго. Москва, 1891.

Трудно понять, для чего редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» вздумалось перевести и издать отдѣльною книгою это неудачное произведеніе даровитаго французскаго писателя. Развѣ для того только, чтобы показать, какъ въ наше время, въ нашъ fin de siècle измелъчалъ талантъ даже у лучшихъ представителей литературы? Романъ Додэ доказываетъ, впрочемъ, не столько упадокъ таланта лучшаго беллетриста Франціи послѣ Золя, сколько ложный путь, на который онъ вступилъ въ началѣ своего цоприща. Начало его романа появилось, четверть вѣка тому назадъ, въ маленькомъ уличномъ листкѣ Парижа и не только не имѣло успѣха, но авторъ принужденъ былъ прекратить печатаніе его въ листкѣ и перенести въ «Figaro», да и тамъ рассказъ не обратилъ на себя особеннаго вниманія читателей. Ошибка Додэ заключалась въ томъ, что онъ считалъ себя юмористомъ, тогда какъ онъ—романистъ серьезный и даже отчасти моралистъ. Додэ захотѣлось создать комическій типъ своего соотечественника, провансальца, и онъ создалъ въ литературѣ хвастуна «Тартарена изъ Тараскона», на

половину Донъ-Кихота, по страсти бросаться въ необдуманныя приключенія, на половину Санчо-Пансо, по трусости, недалновидности и лѣни. Наслышавшись разсказовъ охотниковъ, Тартаренъ отправляется въ Алжиръ на охоту за львами, къ арабамъ, и послѣ множества забавныхъ, но больше карикатурныхъ походовъ возвращается въ Марсель, передавая пріятелямъ о своихъ небывалыхъ подвигахъ. Отдѣльное изданіе этой гасконады или, скорѣе, буфонады прошло незамѣченнымъ, и авторъ, вѣроятно, самъ вскорѣ забылъ о ней при шумномъ и вполне заслуженномъ успѣхѣ своихъ послѣдующихъ произведеній: «Арлезіанка», «Фроманъ младшій», «Жакъ», «Набабъ», «Короли въ изгнаніи», «Сафо» и «Нума Руместанъ», гдѣ авторъ представилъ вполне литературный и художественный типъ увлекающагося провансальца, достигающаго званія министра. Но всѣ эти романы, доставившіе автору такую громкую и почетную извѣстность, не могли заставить его позабыть о первомъ трудѣ своей молодости, которому онъ, по свойственному южнымъ характерамъ упрямству, придавалъ гораздо болѣе значенія, нежели онъ имѣлъ на самомъ дѣлѣ. Онъ вздумалъ продолжать «Тартарена» и въ 1885 году издалъ вторую часть походовъ «Тартарена на Альпахъ». Во Франціи она имѣла больше успѣха, но у насъ прошла совершенно незамѣченной, хотя въ ней выведены довольно вѣрно типы нашихъ нигилистовъ, поселившихся въ Швейцаріи. Наконецъ, въ прошломъ году Додэ, влюбленный въ своего Тартарена, захотѣлъ закончить его эпопею и написалъ: «Портъ-Тарасконъ», гдѣ совершенно невозможныя приключенія героя происходятъ въ несуществующей странѣ и комическій элементъ смѣшивается съ фантастическимъ. Для чего нужно было знакомить русскихъ читателей съ этими похождениями? вопросъ этотъ мы предоставляемъ рѣшить московской газетѣ, но изданный ею томъ новыхъ неправдоподобныхъ подвиговъ неинтереснаго героя ни въ какомъ случаѣ не прибавитъ ровно ничего къ установившейся извѣстности Альфонса Додэ. Est modus не только in rebus, но и въ выборѣ произведеній для перевода ихъ на русскій языкъ.

В. И. Немировичъ-Данченко. Сказни дѣйствительности. Спб., 1891.

Нашъ даровитый и неутомимый беллетристъ и туристъ Вас. И. Немировичъ-Данченко издалъ томъ своихъ мелкихъ разсказовъ, появлявшихся уже въ разныхъ періодическихъ органахъ. Треть книги занимаетъ разсказъ изъ народнаго быта: «Егорка», который необходимо было бы напечатать отдѣльною книгою, какъ «Забытый рудникъ», «Соловки», «Лѣто и зима на Шипкѣ», «Иванъ непомнящій» и другія народныя изданія того же автора. Это такая живая, талантивая и интересная картина жизни нашихъ безпріютныхъ сиротъ, обреченныхъ съ малолѣтства на тяжелое бродяжничество и попрошайство! Никому невѣдомая странница, которую пріютили изъ состраданія въ глухую осень, въ бѣдномъ селѣ, умираетъ неожиданно отъ истощенія и оставляетъ въ селѣ внучка Егорку. Сирота

растетъ у пріютившаго его деревенскаго попа, но умираетъ и попъ, и въ жалкой, обнищавшей деревнѣ никто не соглашается кормить уже порядочно выросшаго дармоѣда. Рѣшаютъ отвезти его въ Москву и отдать куда нибудь въ ученье. Но всѣ попытки пристроить гдѣ нибудь мальчишку оказываются напрасными, и мужикъ, которому поручили сироту, бросаетъ его въ одно прекрасное утро на московскихъ улицахъ, на волю божью. Съ нимъ встрѣчается такой же бездомникъ, и они вмѣстѣ начинаютъ бродяжничать и нищенствовать. Товарищъ Егорки, вмѣстѣ съ тѣмъ, и воруетъ, но поповскому приемышу попъ Веденей завѣщаль, умирая: не красть и не обманывать, и Егорка свято исполняетъ хотя первую часть этого завѣта, такъ какъ милостыню нельзя выпросить иначе, какъ разжалобивъ сердобольныхъ лицъ увѣреніемъ въ томъ, что не ѣлъ три дня, а мать лежитъ при смерти. Болѣе опытный въ наукѣ попрошайничества, Васька прежде всего научаетъ Егорку бояться фараоновъ, т. е. городскихъ. Днемъ они нищенствуютъ, а на ночлегъ отправляются къ благотворительной особѣ, которая держитъ цѣлую артель такихъ же попрошаекъ, обязанныхъ собирать ей въ теченіе дня известную сумму, за которую получаютъ ночлегъ и ужинъ, а не принесшіе должной мзды—побой и заплесневѣвшую горбушку хлѣба. Но благотворительное заведеніе, устроенное на такихъ филантропическихъ началахъ, накрываетъ полиція, и двое бродягъ отправляются ночевать «въ котлы»,—сложенные въ запасъ цилиндры и желѣзныя части локомотивовъ. Но и тутъ беспечальная бродяжническая жизнь скоро прерывается и даровыхъ ночлежниковъ также забираютъ въ часть. Спасается только Егорка и поступаетъ въ поводари къ старому нищему, разыгрывающему роль слѣпаго. Но и тотъ бросаетъ мальчика зимою въ лѣсу за то, что онъ не хочетъ воровать. Проѣзжіи обозъ подбираетъ полузамершаго ребенка и привозитъ въ деревню, гдѣ участь его совершенно измѣняется. Живя у двухъ добрыхъ старухъ, Егорка совершенно измѣняется, поступаетъ въ сельскую школу и дѣлается тамъ лучшимъ ученикомъ. Учительница беретъ его разъ съ собою въ Москву, чтобы онъ взглянулъ на тѣ мѣста, гдѣ прошло его бродячее дѣтство. Это прошлое сильно тронуло мальчика и онъ приходитъ къ такому рѣшенію: «когда вырасту, всѣхъ бездомныхъ и брошенныхъ да жалкихъ буду искать по улицамъ и котламъ, и стану ихъ растить, чтобъ не пропали они, и учить буду; построю домъ большой со школой и всѣмъ, что надо». Этими словами оканчивается живой, теплый, увлекательный рассказъ г. Немировича. Глубокимъ, искреннимъ чувствомъ проникнуть онъ, и хотя у насъ никто не собираетъ по улицамъ маленькихъ бродягъ и нѣтъ для нихъ большихъ домовъ со школой, по мы увѣрены, что подобные рассказы могутъ привести дѣйствительныхъ филантроповъ къ рациональ-

ному взгляду на цѣли благотворенія, не ограничивающіяся только балами да базарами въ пользу бѣдныхъ.

Остальные шесть рассказовъ, вошедшіе въ сборникъ: «Сказки дѣйствительности», взяты изъ жизни средняго класса общества. «Сорокъ пять дней» — странная и нѣсколько фантастическая исторія больного, за жизнь котораго докторъ ручается не болѣе, какъ на полтора мѣсяца: больной начинаетъ приготовляться къ смерти и возобновляетъ въ своей памяти лучшіе годы своей прошлой жизни. Въ ней главную роль играютъ двѣ женщины, два типа — мастерски обрисованные авторомъ. Въ Монте-Карло онъ знакомится съ эксцентрическою «странствующею дѣвицею», какъ она себя называетъ. Больной влюбляется въ свою новую знакомку и она не прочь полюбить его, но онъ женатъ на чахоточной умирающей женщинѣ, а дѣвушка не хочетъ и не можетъ дѣлиться; они расстаются навсегда. Больной начинаетъ потомъ припоминать, какъ онъ женился. Любви тутъ никакой не было, а одна безконечная жалость. Она пришла къ нему просить работы — переписки. Онъ помогъ ей. Она была замужемъ за пьяницей, обращавшимся съ нею безчеловѣчно, но онъ скоро умираетъ и вдова его остается совершенно безъ всякой помощи. Больной диктовалъ ей утромъ и вечеромъ, — онъ былъ беллетристомъ, — оставлялъ ее у себя въ дурную погоду, наконецъ женился на ней. Она, разумѣется, была безъ ума отъ него, но его увлеченіе скоро прошло. Она скоро поняла, что съ его стороны, дѣйствительно, это было не болѣе, какъ увлеченіе. Въ ней развивается чахотка, и она умираетъ вскорѣ послѣ его разрыва съ эксцентрическою дѣвицею. Теперь онъ и самъ готовится умереть, но оказывается, что докторъ его ошибся и двѣ врачевныя знаменитости, привезенныя на консилиумъ, объявляютъ больному, что черезъ три мѣсяца онъ будетъ здоровъ. — «Заклѣванные воробей» — исторія безроднаго подмастерья, сдѣлавшагося воромъ и убійцею. Его запираютъ въ часть, пока онъ не сознается въ преступленіи. За рѣшеткой его тюрьмы на, подоконникъ прилетаетъ воробей, котораго разбойникъ прикармливаетъ, но воробья заклевалъ однажды коршунъ, и это такъ дѣйствуетъ на закоренѣлаго убійцу, что онъ сознается во всѣхъ своихъ преступленіяхъ. — Въ очеркѣ: «Застрѣлился» — рассказана простая исторія, какъ учитель латинскаго языка обрываетъ на экзаменѣ гимназиста и его исключаютъ изъ гимназіи. Зная, что ему не будетъ покою отъ злаго отца и истерической матери, мальчикъ рѣшается застрѣлиться. Вернувшись поздно домой, онъ пишетъ письма къ отцу и матери и даже къ учителю, поставившему ему единицу, и ложится въ постель съ заряженнымъ револьверомъ, но, страшно утомленный передрагою цѣлаго дня, засыпаетъ, и это спасаетъ его отъ смерти. Въ рассказѣ: «Въ театръ попала» маленькая дочка провинціального комика, увидя, какъ въ опереткѣ всѣ смѣются надъ ея отцомъ, не

полняющимъ роль шута, не выносить этого и кричить: «не хочу, не надо!» Въ разсказѣ: «Безсонная ночь», председатель окружнаго суда, только что закатавшій подсудимаго на 15-ть лѣтъ, поспѣваетъ еще въ третьему акту «Джюконды» и ѣдетъ изъ театра ужинать къ Контану съ женою и тестемъ. Отъ вкуснаго ужина и отъ омаровъ, председателю не спится и ему приходитъ въ голову, что у осужденнаго имъ на 15-ть лѣтъ мѣро дѣтей, а онъ одинъ кормилъ ихъ. И жена его такъ плакала въ судѣ. Но ему нельзя быть сантиментальнымъ: онъ представитель—вышей справедливости. На другой день арестантъ, приговоренный къ 15-ти-лѣтней каторгѣ, повѣсилъ, а председатель сходитъ съ ума. Эта неестественная развязка портитъ общее впечатлѣніе разсказа. Послѣдній очеркъ: «Приключенія коровьяго сѣдла» взятъ изъ послѣдней войны съ Турціей. Въ немъ разсказаны похождения одного изъ тѣхъ добровольцевъ, которые прославили себя въ Сербіи не столько военными подвигами, сколько слишкомъ уже широкою жизнью. Вообще весь сборникъ талантливаго писателя читается съ большимъ интересомъ и написанъ тѣмъ блестящимъ литературнымъ языкомъ, которымъ отличаются всѣ произведенія нашего юманиста.

Будда, его жизнь, ученіе и община, соч. *Германа Ольденберга*, переводъ съ нѣмецкаго *П. Николаева*. Изданіе *К. Т. Солдатенкова*. Москва, 1891 г.

Положеніе рецензента бываетъ иногда очень непріятное. Отозваться о книгѣ съ похвалою или порицаніемъ въ нѣсколькихъ словахъ—вполнѣ возможно, но не всегда удобно. Еще въ беллетристикѣ можно сказать: худо» или «хорошо» безъ всякихъ добавленій; личное мнѣніе рецензента—и больше ничего! На вкусъ и на цвѣтъ товарища нѣтъ. Съ научными же сочиненіями подобное отношеніе неудобно, потому что читатель сейчасъ возвышаетъ голосъ: «Я не принимаю такихъ отзыовъ; вы должны указать, почему это сочиненіе худо или хорошо, въ чемъ вы грѣшите противъ истины!» И, волею-неволею, приходится погружаться въ бездну специальнаго, отвлеченнаго знанія. Такъ и на этотъ разъ. Передъ нами произведеніе гг. Ольденберга и Николаева о любопытнѣйшей эпохѣ изъ исторіи индусовъ; ограничиться нѣсколькими словами тутъ невозможно и по неволѣ придется заговорить о Ведахъ, книгѣ Ману, богахъ и богиняхъ Индостана. Г. Николаевъ самоотверженно потерялъ свое время, изготовивъ переводъ книги Ольденберга, но на первой же страницѣ своего предисловія сознается, что авторъ, въ качествѣ чистовнаго нѣмца, такъ написалъ свое произведеніе, что его нельзя понимать безъ подготовки. И вотъ, желая помочь читателямъ въ Россіи, г. Николаевъ шился составить краткій очеркъ религіи ведійскаго періода и браминской метафизики, придерживаясь «Всеобщей исторіи» Вебера. Если мы гановимся на предисловіяхъ русскаго переводчика и нѣмецкаго автора,

то съѣмъ думать, что читатель самъ рѣшить, читать ли ему дальше, или нѣтъ, хотя оба предисловія занимаютъ десять страницъ, а само сочиненіе—триста одну страницу. Начать съ того, что г. Николаевъ, полагаясь безусловно на авторитетъ Вебера, рассказываетъ теогонію и мифологию индусовъ въ такомъ видѣ, что всякій, знакомый съ современными свѣдѣніями по этимъ предметамъ, только пожметъ снисходительно плечами. Переводчикъ, очевидно, не счелъ нужнымъ заглянуть въ другую книгу, кромѣ Вебера, а потому погрѣшилъ противъ истины, извративъ весь историческій ходъ развитія религиозныхъ идей въ Индостанѣ. Онъ начинаетъ съ того, что приписываетъ древнѣйшимъ индусамъ идею дуализма (свѣтъ и тьма, добро и зло), такъ что Индра и Вритра дѣлаются равнозначными Ормузду и Ариману; а на самомъ дѣлѣ у древнѣйшихъ индусовъ ярко выдѣляется монотеизмъ, причѣмъ единый богъ носилъ названіе «Зевса», сохранившееся въ мифологіи эллиновъ, но о которомъ переводчикъ даже не заикается. Затѣмъ г. Николаевъ вездѣ говоритъ о санскритскомъ языкѣ, на которомъ писаны священные книги, и упускаетъ изъ виду, что санскритовъ было два: пра-санскритъ и нео-санскритъ: разница между ними также велика, какъ между языкомъ Остромирава евангелія и современнымъ русскимъ. Очевидно, желающій ознакомиться съ древнѣйшимъ вѣроученіемъ индусовъ долженъ изучить книги на пра-санскритѣ, а между тѣмъ «Веды» написаны на нео-санскритѣ. Отсюда логично вытекаетъ, что «Книга Ману» гораздо древнѣе «Ведъ» и только на ней слѣдуетъ основывать свои изслѣдованія, не забывая однако, что списки «Книги Ману», на языкахъ нео-санскритъ, праврипальви и другихъ, искажены случайно или умышленно позднѣйшими переписчиками. Ничего этого не говоритъ г. Николаевъ и, благодаря этому, индусское вѣроученіе является подъ его перомъ въ совершенно извращенномъ видѣ. Кромѣ того, онъ почему-то пишетъ съ прописной буквы нарицательныя существительныя: «миманса» и «санкхія» (изслѣдованіе и разсмотрѣніе), какъ будто названія особыхъ философскихъ системъ, и этимъ тоже сбиваетъ читателя. Что касается г. Ольденберга, то онъ въ своемъ предисловіи полемизируетъ съ французскимъ ученымъ Сенаромъ, опровергая его со свойственнымъ вѣмецкому педанту апломбомъ, сквозь который, однако, ясно проглядываетъ полная несостоятельность его воззрѣній по избранному предмету. Дѣло въ томъ, что религиозная революція, которую повелъ Соддарта (а не Сидатха), получившій прозвища: Гаутамы (мудраго), Сакьямуни (пустынножитель изъ рода сакіевъ) и Будды (пробудившійся), была не первая и не послѣдняя попытка въ Индостанѣ освободить личность человѣка отъ тяжелаго нравственнаго и матеріальнаго гнета браминовъ. Могущество послѣднихъ, имѣвшихъ своего непогрѣшимаго папу въ лицѣ брахматмы, было такъ велико, что имъ удавалось душиить всякую попытку къ эмансипаціи, а

чемъ они и записывали въ храмовыхъ лѣтописяхъ, хотя нерѣдко съ прикрасами. Съ этой чисто исторической точки зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть на основателя буддизма, который, съ другой стороны, является девятымъ аватаромъ (воплощеніемъ) Вишну. Последнее обстоятельство вполнѣ подтверждаетъ мысль Сенара о сродствѣ ученія Будды съ индуизмомъ (т. е. съ совокушностью морально-философскихъ воззрѣній индусовъ), чего г. Ольденбергъ не желаетъ признавать. Довѣріе его къ литературѣ на языкѣ пали заставляеть насъ предполагать, что онъ даже и не подозреваетъ тѣхъ фальсификацій, которыя производили жрецы съ цѣлью обмануть читателей.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Новое положеніе объ узаконенныхъ и усыновленныхъ дѣтяхъ.—Основная тенденція его.—Измѣненія матеріальнаго права.—Узаконеніе незаконнорожденныхъ чрезъ послѣдующій бракъ ихъ родителей.—Процессуальныя правила.—Порядокъ усыновленія пріемышей и чужихъ дѣтей.—Права узаконенныхъ и усыновленныхъ.—Вновь подтвержденное воспрещеніе произвольнаго празднованія юбилеевъ.—Причины, вызвавшія это подтвержденіе.—Цензура нравовъ.—Доброхотныя приношенія и ихъ развращающее вліяніе.—Кому быть цензорами нравовъ?—Прорѣхи слѣдственной части.—Мѣніе г. Обнинскаго.—Наше заключеніе.

На дняхъ, обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе законъ, котораго Россія ждала въ теченіе многихъ и многихъ десятковъ лѣтъ. Мы разумѣемъ о недавно послѣдовавшее высочайшее повелѣніе: «о дѣтяхъ узаконенныхъ и усыновленныхъ». О необходимости безотлагательнаго изданія подобнаго закона мы еще бесѣдовали съ читателями въ предъидущемъ нашемъ обзорѣ. И вотъ, прежде чѣмъ мы ожидали, высказанное нами *ritum desiderium* стало совершившимся фактомъ. Съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ мы приступаемъ теперь къ подробному разбору этого новаго законодательнаго акта первостепенной важности, въ твердой увѣренности, что читатели не посѣтуютъ на насъ за иностранныя сужденія о немъ.

Итакъ, новый законъ распадается на двѣ части. Первая изъ нихъ посвящена измѣненіямъ и дополненіямъ, которыя вносятся въ наше матеріальное гражданское право, а вторая—процессуальнымъ правиламъ касательно узаконенія рожденныхъ внѣ брака дѣтей и усыновленія чужихъ дѣтей. Для большаго удобства мы рассмотримъ въ послѣдовательномъ порядкѣ сначала матеріальную, а затѣмъ процессуальную часть новаго закона.

По части матеріальнаго права, новый законъ прежде всего кореннымъ образомъ видоизмѣняетъ редакцію 132 статьи гражданскихъ законовъ. Въ немъ дается совершенно новое опредѣленіе того, что слѣдуетъ разумѣть подѣ «незаконными» дѣтьми.

По прежней редакціи, упомянутая статья гласила такъ: «*незаконныя дѣти суть: 1) рожденныя внѣ брака, хотя бы родители ихъ и были впослѣдствіи сопряжены законнымъ бракомъ*». *Vatio legis* этого постановленія заключалась въ томъ, что дѣти, рожденныя внѣ брака, остаются *навсегда незаконными*, даже и въ томъ случаѣ, когда впослѣдствіи родители вступили въ законный бракъ. Другими словами, нашъ законъ не допускалъ узаконенія рожденныхъ внѣ брака дѣтей *послѣдующимъ* бракомъ родителей. Новый законъ радикально измѣняетъ это положеніе. По новой редакціи, пунктъ 1 вышеприведенной 132 статьи гражданскихъ законовъ вѣдно изложить слѣдующимъ образомъ: «*незаконныя дѣти суть: 1) рожденныя внѣ брака, если они не были установленнымъ порядкомъ узаконены*».

Такимъ образомъ, новый законъ прямо и категорически постановляетъ, что дѣти, рожденныя внѣ брака, не остаются *вѣчно* незаконными, а лишь до тѣхъ поръ, пока не будутъ узаконены установленнымъ порядкомъ. Этотъ же порядокъ указанъ дальше и сводится къ тому, что дѣти, рожденныя внѣ брака, *кромя происшедшихъ отъ прелюбодѣянія*, узаконяются бракомъ ихъ родителей. Подобныя узаконенныя дѣти,—какъ гласитъ новый законъ,—почитаются законными со дня вступленія ихъ родителей въ бракъ и пользуются всѣми правами законныхъ дѣтей, отъ этого брака рожденныхъ. Мало того. Въ случаѣ признанія подобнаго брака незаконнымъ и недѣйствительнымъ, а также въ случаѣ его расторженія, права узаконенныхъ этимъ бракомъ дѣтей опредѣляются на томъ же основаніи, какъ и права дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ. Словомъ, «узаконенныя» чрезъ послѣдующій бракъ дѣти вполне приравняются новымъ постановленіемъ къ дѣтямъ законнымъ, т. е. дѣти, рожденныя внѣ брака, превращаются чрезъ послѣдующій бракъ ихъ родителей въ *законныхъ* и вполне приравняются къ тѣмъ дѣтямъ, которыя рождаются у тѣхъ же родителей уже послѣ вступленія ихъ въ законный бракъ. Это нововведеніе въ нашемъ семейственномъ правѣ,—по справедливому замѣчанію одной петербургской газеты,—«упорядочить семейную жизнь многихъ и избавить отъ тяжелыхъ лишеній массу такихъ дѣтей, родители которыхъ, вслѣдствіе затрудненій къ ихъ узаконенію, могли бы со временемъ забыть ихъ и оставить безъ помощи. Эти дѣти перестанутъ быть для родителей бременемъ и сдѣлаются полноправными членами ихъ семей». Прежній порядокъ стоялъ на ложныхъ началахъ. Думали, что отягченіе участи невиноватыхъ въ своемъ рожденіи дѣтей будетъ нѣкоторою угрозой родителямъ и воздержитъ ихъ отъ внѣзаконныхъ связей, но опытъ показывалъ совершенно противоположное: подобныя связи расширялись, а страдали только невинныя дѣти; родители же иногда даже оправдывали свое невниманіе къ нимъ именно препятствіями со стороны закона. Въ результатѣ получалось одно умноженіе бездольныхъ. Новый законъ не поощритъ внѣзаконныхъ связей, но откроетъ путь къ превращенію неправильныхъ отношеній въ болѣе правильныя и человѣчныя.

Мы обращаемъ особенное вниманіе на эту сторону новаго за-

кона, потому что изданіе его обыкновенно тормозили тѣ же моралисты, которые видѣли въ печальной участи, предстоявшей по нашему закону рожденнымъ внѣ брака дѣтямъ, мѣру «предупрежденія и пресѣченія» противъ незаконныхъ связей, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эта мѣра еще болѣе способствовала размноженію подобныхъ связей. Дѣло въ томъ, что послѣднія весьма нерѣдко являются послѣдствіемъ такого стеченія чисто экономическихъ обстоятельствъ, которыя препятствуютъ мужчине и женщинѣ, почувствовавшимъ влеченіе другъ къ другу, вступить въ законный бракъ. Дѣти, рождавшіяся отъ подобныхъ связей, весьма часто заставляли ихъ родителей продолжать связь и впредь. Но такъ какъ самъ законъ относился съ пренебреженіемъ къ подобнымъ дѣтямъ, то и родители ихъ, въ концѣ концовъ, старались по возможности скорѣе отъ нихъ отдѣлаться, а затѣмъ сами также расходились и при первомъ удобномъ случаѣ вступали въ новую незаконную связь съ другими лицами. Новый законъ открываетъ родителямъ подобныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей путь къ ихъ узаконенію чрезъ послѣдующій бракъ, и нѣтъ сомнѣнія, что многія незаконныя связи, благодаря этому, превратятся въ законныя, да и лица, вступающія между собою въ незаконную связь, не будутъ такъ легко расходиться, какъ это бывало до сихъ поръ.

Иное дѣло, если одно изъ лицъ, вступающихъ въ незаконную связь, состоитъ въ бракѣ. Дѣти, происшедшія отъ подобной связи, признаются и по новому закону *вѣчно* «незаконными». Но здѣсь, очевидно, законодатель не имѣлъ возможности переименовать часть незаконнорожденныхъ дѣтей, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ узаконеніе ихъ путемъ послѣдующаго брака родителей немислимо, въ виду состоянія одного изъ нихъ въ бракѣ съ другимъ лицомъ. Жаль только, что объ участи подобныхъ «незаконныхъ» дѣтей новый законъ совершенно умалчиваетъ. Слѣдовало бы установить болѣе справедливый *modus vivendi* и для подобныхъ «незаконнорожденныхъ», которые въ концѣ концовъ также являются невинными жертвами ихъ грѣшныхъ родителей. Указанный пробѣлъ тѣмъ болѣе бросается въ глаза въ новыхъ законоположеніяхъ, что въ нихъ же мы находимъ весьма рачительную постановку другого вопроса, сильно напоминающаго вопросъ, затронутый нами. Мы говоримъ объ участи дѣтей, прижитыхъ въ бракѣ, который по приговору подлежащаго суда признанъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ. Подобныя дѣти, по точному смыслу п. 4 той же вышеупомянутой 132 ст. зак. гражд., также признавались «вѣчно незаконными». Новый законъ и въ отношеніи этой категоріи незаконнорожденныхъ устанавливаетъ путь къ ихъ узаконенію. А именно: въ случаѣ признанія брака, совершеннаго съ запискою въ метрическія книги, незаконнымъ и недѣйствительнымъ, подлежащій судъ, который разсматриваетъ дѣло послѣ суда духовнаго (ст. 1014 и 1015 уст. угол. судопр.), можетъ, во вниманіе къ обстоятельствамъ, заслуживающимъ снисхожденія, повергать на милостивое воззрѣніе императорскаго величества ходатайства о сохраненіи за дѣтьми, рожденными въ этомъ бракѣ, правъ законныхъ дѣтей. Просьбы объ исходатайствованіи всемілостивѣй-

шаго соизволенія могутъ быть заявляемы подлежащему суду и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе духовнаго суда объ уничтоженіи брака постановляется послѣ окончанія суда уголовного (ст. 1012 и 1013 уст. угол. судопр.).

Мало того. По новому закону, если одинъ изъ супруговъ вовлеченъ былъ въ противозаконный бракъ обманомъ или насиліемъ, то участь невиннаго супруга, вступившаго по невѣдѣнію или принужденію въ недѣйствительный бракъ, можетъ быть подвергнута судомъ на высочайшее воззрѣніе. Въ этомъ постановленіи заслуживаетъ особаго вниманія тотъ порядокъ, который устанавливается для представленія дѣла на высочайшее воззрѣніе, а именно: заботиться объ этомъ обязывается не частное лицо, объ участи котораго идетъ рѣчь, а самъ судъ ex officio. Такой постановкой вопроса составители новаго закона обнаружили большую житейскую опытность. Извѣстно, какъ трудно частному лицу добиться вершенія дѣла, когда оно зависитъ непосредственно отъ высочайшей власти. Въ подобныхъ дѣлахъ старинная русская поговорка: «до Бога высоко, до царя далеко» все еще не утратила значенія. Вотъ почему весьма важно, чтобы ходатайство передъ высочайшей властью исходило не отъ частнаго лица, а отъ компетентнаго учрежденія, каковымъ въ данномъ случаѣ является самъ судъ.

Вообще надобно сказать, что составители новаго закона приложили всѣ старанія къ тому, чтобы сдѣлать способъ узаконенія незаконныхъ дѣтей — общедоступнымъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ и процессуальныя правила касательно порядка узаконенія дѣтей. Правила эти заключаются въ слѣдующемъ. Просьбы объ узаконеніи дѣтей, рожденныхъ до брака, подаются окружному суду ¹⁾ по мѣсту постоянного жительства родителей ребенка, или этого послѣдняго ²⁾. При просьбѣ должны быть представлены: письменное заявленіе отца и матери о томъ, что ребенокъ происходитъ отъ нихъ, и метрическія свидѣтельства о рожденіи ребенка и о бракѣ родителей, а также, — для лицъ, вступившихъ во второе или третье супружество, — о прежнихъ ихъ бракахъ, вмѣстѣ со свидѣтельствами о времени прекращенія послѣднихъ. Въ просьбѣ, поданной окружному суду по истеченіи болѣе одного года со дня совершенія брака, служащаго основаніемъ къ узаконенію, должны быть объяснены причины, оправдывающія такое промедленіе. Судъ извѣщаетъ просителей о днѣ, назначенномъ для слушанія дѣла, и, удостовѣрясь: а) въ возможности происхожденія ре-

¹⁾ Подача такихъ просьбъ чрезъ повѣренныхъ не допускается. Это, очевидно, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что судъ обязанъ удостовѣриться въ возможности происхожденія ребенка отъ признающихъ себя его родителями и въ тождествѣ признающей себя матерью ребенка съ тою, которая упоминается въ метрическомъ свидѣтельствѣ.

²⁾ Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ окружныхъ судовъ, обязанности послѣднихъ исполняются соединенными палатами уголовного и гражданскаго суда или равными имъ судебными мѣстами.

бенка отъ признающихъ себя его родителями и въ тождествѣ признающей себя матерью ребенка съ тою, которая означена въ метрическомъ свидѣтельствѣ о его рожденіи; б) въ существованіи законнаго брака между родителями; в) въ отсутствіи законныхъ препятствій къ узаконенію ребенка, и г) въ уважительности причинъ, оправдывающихъ подачу просьбы объ узаконеніи по истеченіи года послѣ совершенія брака просителей, а также выслушавъ словесныя объясненія ихъ, если они явились въ засѣданіе,—постановляетъ опредѣленіе объ узаконеніи ребенка. Когда, при узаконеніи, отчество или фамилія узаконяемаго перемѣняются, въ опредѣленіи должно быть означено, подъ какимъ именемъ, отчествомъ и фамиліей или прозвищемъ узаконяемый былъ записанъ въ метрической книгѣ о рожденіяхъ. Дѣла объ узаконеніи разсматриваются судомъ при закрытыхъ дверяхъ и разрѣшаются по выслушаніи заключенія прокурора. Жалобы на опредѣленія окружнаго суда ¹⁾ по дѣламъ объ узаконеніи допускаются со стороны какъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, такъ и прокурора, и подаются съ соблюденіемъ порядка и сроковъ на общемъ основаніи. По вступленіи въ силу опредѣленія объ узаконеніи, судъ дѣлаетъ надпись о состоявшемся опредѣленіи на метрическомъ свидѣтельствѣ о рожденіи узаконяемаго и еообщаетъ о томъ подлежащей духовной консисторіи для соотвѣстной отмѣтки въ метрической книгѣ о рожденіяхъ. Вмѣстѣ съ симъ, окружной судъ выдаетъ, вмѣстѣ метрическаго свидѣтельства о рожденіи узаконяемаго, новое о его рожденіи свидѣтельство по установленной формѣ. Это свидѣтельство во всѣхъ случаяхъ имѣетъ ту же силу, какъ и метрическое.

Весь описанный процессъ узаконенія рожденныхъ внѣ брака дѣтей, какъ видятъ читатели, оказывается крайне несложнымъ и притомъ вполне обычнымъ. Благодаря этому, надобно надѣяться, что новый законъ сдѣлается въ скоромъ времени весьма популярнымъ, чему, конечно, нельзя не порадоваться искренно. Ибо только тотъ законъ дѣйствительно заслуживаетъ полного одобренія и сочувствія, который оказывается на практикѣ вполне удобопримѣнимымъ. Такою же точно удобопримѣнимостью отличаются и постановленія новаго закона касательно усыновленія приемышей и чужихъ дѣтей. Для бѣльшей краткости мы ограничимся передачей этихъ постановленій *in extenso*. По новому закону, лицамъ всѣхъ состояній, безъ различія пола (кромѣ тѣхъ, которыя по сану своему обречены на безбрачіе), если они не имѣютъ собственныхъ законныхъ или узаконенныхъ дѣтей, дозволяется усыновлять своихъ воспитанниковъ, приемышей и чужихъ дѣтей на основаніи слѣдующихъ правилъ. Усыновитель долженъ имѣть не менѣе 30 лѣтъ отъ роду, быть старше усыновляемаго, по крайней мѣрѣ, 18 годами и имѣть общую гражданскую правоспособность. Никто не можетъ быть въ усыновленіи у двухъ лицъ, кромѣ случая усыновленія супругами. Усыновленіе лицъ христіан-

¹⁾ Или исполняющихъ обязанности окружныхъ судовъ равныхъ имъ судебныхъ мѣстъ.

скаго вѣроисповѣданія нехристіанами и сихъ послѣднихъ лицами христіанскаго вѣроисповѣданія—воспрещается. Лицамъ, принадлежащимъ къ раскольниковымъ и инымъ сектамъ, воспрещается усыновлять православныхъ. Для усыновленія требуется согласіе родителей усыновляемаго или его опекуновъ и попечителей, а также его самого, если онъ достигъ 14-лѣтняго возраста. Для усыновленія однимъ изъ супруговъ требуется согласіе другого супруга. Усыновленіе священнослужителями и церковными причетниками (дьячками, пономарями и псаломщиками) допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея. Усыновитель можетъ передать усыновленному свою фамилію, если послѣдній не пользуется большими правами состоянія сравнительно съ усыновителемъ. Передача усыновленнымъ фамиліи потомственныхъ дворянъ можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія, испрашиваемаго послѣ усыновленія, въ порядкѣ и при условіяхъ, указанныхъ въ законахъ о состояніяхъ. Лица женскаго пола, не вступившія въ бракъ, на передачу усыновленному носимой ими фамиліи, при жизни своихъ родителей, обязаны испросить согласіе послѣднихъ. Усыновленные дворянами и потомственными почетными гражданами, имѣющіе меньшія права состоянія, приобрѣтаютъ усыновленіемъ личное почетное гражданство. Во всѣхъ другихъ случаяхъ усыновленный сохраняетъ права состоянія, принадлежавшія ему до усыновленія. Усыновленіе мѣщанами и сельскими обывателями совершается припискою усыновленнаго къ семейству усыновителя. Усыновленныхъ купцами дозволяется вносить въ купеческія свидѣтельства наравнѣ съ родными дѣтьми усыновителя. Усыновленный вступаетъ, по отношенію къ усыновителю, во всѣ права и обязанности законныхъ дѣтей, указанныя въ законахъ гражданскихъ¹⁾, и приобрѣтаетъ право наслѣдованія въ благоприобрѣтенномъ имуществѣ усыновителя, съ тѣмъ однако, что наслѣдуемое имѣніе усыновителя, не имѣющаго родныхъ сыновей, а имѣющаго лишь дочерей, дѣлится между сими послѣдними и усыновленнымъ поровну. По отношенію же къ своимъ собственнымъ родителямъ и родственникамъ, усыновленный сохраняетъ право наслѣдованія по закону. Усыновленный участвуетъ въ наслѣдованіи послѣ родственниковъ усыновителя только тогда, когда имѣетъ на это право по законному съ нимъ родству. Нисходящіе усыновленнаго заступаютъ его мѣсто при наслѣдованіи, по праву представленія. Въ случаѣ бездѣтной смерти усыновленнаго, благоприобрѣтенное имущество его поступаетъ къ усыновителю согласно съ правилами, изложенными въ законахъ гражданскихъ; но имущество, уступленное усыновленному, въ видѣ дара, его родителями или усыновителемъ, возвращается первымъ или послѣднему, смотря по тому, отъ кого было получено. Что же касается процессуальной стороны усыновленія, то подробно останавливаться на ней не приходится. Замѣтимъ лишь,

¹⁾ Усыновленіе не даетъ усыновленному права на пенсію и на единовременныя пособія за службу усыновителя.

что и въ отношеніи усыновленія новый законъ устанавливаетъ обычный порядокъ состязательнаго процесса въ окружныхъ судахъ или равныхъ имъ судебныхъ мѣстахъ, который указанъ нами выше относительно узаконенія дѣтей. Этимъ мы заканчиваемъ обзоръ новаго закона объ узаконенныхъ и усыновленныхъ дѣтяхъ, который одна петербургская газета весьма справедливо назвала «приращеніемъ правды и милости» въ нашемъ законодательствѣ. вмѣстѣ съ названной газетой, мы отъ души желаемъ, чтобы наше законодательство подвигалось все дальше и дальше по этому пути, восполняя тотъ пробѣлъ, который вкрался въ новый законъ, а именно: въ немъ не оговорено, можетъ ли само лицо, рожденное до брака, по достиженіи совершеннолѣтія, ходатайствовать о признаніи его законнымъ, въ виду состоявшагося послѣ его рожденія брака родителей, еслибы эти послѣдніе не озаботились въ свое время исполненіемъ формальностей по узаконенію.

По духу новаго закона, это послѣднее положеніе какъ бы само собою подразумевается и юридическая практика, быть можетъ, сама восполнитъ вышеуказанный пробѣлъ. Но такъ какъ и среди судей могутъ найтись черезчуръ строгіе моралисты, которые склонны будутъ истолковывать новый законъ въ ограничительномъ смыслѣ, то не мѣшало бы, чтобы пробѣлъ, о которомъ идетъ рѣчь, восполненъ былъ законодательнымъ порядкомъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, дабы милость, даруемая новымъ закономъ, могла распространиться и на тѣхъ невинно страдающихъ незаконныхъ дѣтей, родители которыхъ уже не находятся болѣе въ живыхъ.

Поторопитесь подвести итоги своей дѣятельности, тѣмъ болѣе полезной для государства или общества, никогда не мѣшаетъ. Но утрировать черезъ край съ этимъ подведеніемъ итоговъ—все таки не слѣдуетъ. А у насъ какъ-то все спѣшать скорѣе добраться до конца блаженства. Это въ особенности выказывалось, въ послѣдніе годы, въ специфической «юбилейной горячкѣ». Стали праздновать «юбилей» чуть ли не тридцатидневнаго существованія кого-то или чего-то, какъ будто подобное событіе и взаправду принесло нивѣсть какіе плоды. Конечно, если подобные «юбилей» устраивались исключительно для пріятнаго времяпровожденія какъ самого юбиляра, такъ и его друзей и пріятелей,—то пускай ихъ праздничаютъ на славу. Выпить и закусить въ средѣ добрыхъ товарищей никто не прочь, да и вообще закуска—по счастливому выраженію гоголевскаго кучера Селифана—«не обидное дѣло»! Но сила въ томъ, что юбилейныя празднества новѣйшей формации устраиваются во имя болѣе «возвышенныхъ» цѣлей съ послѣдствіями болѣе или менѣе «существенными» какъ для самихъ юбиляровъ, такъ и для обывателя. Намъ нѣтъ надобности пояснять эту тенденцію примѣрами, потому что они повторяются чуть ли не ежедневно. Но вотъ что странно въ этомъ вопросѣ. Произвольное празднованіе юбилеевъ съ приличными приношеніями юбилярамъ и безъ оныхъ прямо воспрещено нашимъ закономъ не со вчерашняго дня. Такъ, по силѣ ст. 663 тома III уст. о службѣ гражд., «всѣ, такъ называемыя, приношенія на-

чальствующимъ лицамъ отъ обществъ и сословій, какъ въ совокупности, такъ и отдѣльно, подъ какимъ бы то видомъ ни было, въ изъявленіе благодарности—памятниками, выставленіемъ въ публичныхъ мѣстахъ портретовъ, адресами, вещами и денежными пожертвованіями,—запрещаются».

Кромѣ того, по силѣ той же 663 ст. (по прод. 1886 г.) празднованіе юбилеевъ какъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ или занимающихъ должности съ утвержденія правительства, а равно благотворительныхъ заведеній и всякаго рода обществъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ или непосредственномъ подчиненіи правительственныхъ учреждений, не допускается безъ предварительнаго разрѣшенія высшаго начальства. Равнымъ образомъ, не допускаются безъ надлежащаго разрѣшенія никакія предварительныя распоряженія или подписки на пожертвованія по поводу празднованія упомянутыхъ юбилеевъ. При этомъ, безусловно воспрещаются всякаго рода сборы и подписки на пожертвованія въ средѣ лицъ, состоящихъ подъ начальствомъ или въ служебной зависимости отъ юбиляровъ. Далѣе, безусловно воспрещается празднованіе юбилеевъ въ произвольно избираемыя для этого сроки. Дозволенными для такихъ празднованій сроками могутъ быть принимаемы: а) для лицъ—управленіе одною и тою же частью, безъ перерыва, не менѣе двадцати пяти лѣтъ, а равно состояніе на службѣ въ офицерскихъ чинахъ не менѣе пятидесяти лѣтъ, и б) для учреждений, заведеній и обществъ—истеченіе полныхъ полустолѣтій ихъ существованія. И наконецъ, на точномъ основаніи вышеприведеннаго закона, празднованіе юбилеевъ не должно служить поводомъ къ представленіямъ о наградахъ.

Не смотря, однако, на ясный и категорическій смыслъ упомянутыхъ законоположеній, нарушенія ихъ—какъ это удостовѣряется нынѣ циркуляромъ управляющаго собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею отъ 30-го марта текущаго года—не только допускаются, но даже становятся какъ бы обычнымъ явленіемъ. «Празднуются юбилеи не только 25-лѣтніе, но и въ другіе произвольно избираемые сроки, причемъ подносятся начальствующимъ лицамъ отъ имени подчиненныхъ подарки: личные и въ видѣ учреждаемыхъ по подпискѣ стипендій и пожертвованій; *сооружаются иконы, читаются адреса и произносятся поздравительныя рчи.* Нерѣдко такія торжества устраиваются подчиненными и безъ особаго разрѣшенія высшаго начальства, лишь при безмолвномъ согласіи того лица, коему посвящено празднованіе. Къ сожалѣнію, то же явленіе оказывается перенесеннымъ и въ среду учебныхъ заведеній: и здѣсь встрѣчается обыкновеніе подносить подарки начальству путемъ подписки, не только между учителями, но и между воспитанниками, причемъ нерѣдко *совсѣмъ неимущіе родители вынуждены бываютъ вносить за своихъ дѣтей подневольную дань*, дабы не подвергнуть ихъ невыгоднымъ послѣдствіямъ уклоненія или отказа. Объ этомъ не всегда доводится до свѣдѣнія высшаго начальства, такъ какъ все происходитъ негласно въ стѣнахъ заведенія; но неоспоримо,

что подобнаго рода подношенія дѣйствуютъ самымъ развращающимъ образомъ какъ на учителей, такъ въ особенности на дѣтей, вѣранныхъ ихъ попеченію».

«Такія празднованія производятъ несомнѣнно развращающее дѣйствіе. Починъ въ подобныхъ дѣлахъ исходитъ, по большей части, отъ подчиненныхъ, отличающихся угодливостію и старающихся заслужить благоволеніе начальника и выгоды по службѣ; а когда заявляется предложеніе о подпискѣ на подарокъ или стипендію, прочіе служащіе принуждены бываютъ нести тяжкое для многихъ бѣдныхъ людей бремя подписки, изъ опасенія оскорбить начальство своимъ отказомъ, — и такимъ образомъ устраивается праздникъ, обременительный для всѣхъ, кромѣ нѣсколькихъ лицъ, находящихся въ томъ свою выгоду и распространяющихъ въ служебной средѣ пагубное искусство лицемерія и лести».

Мы цитировали дословно текстъ вышеупомянутаго циркуляра, потому что въ немъ нарисована рѣзкими, но въ высшей степени правдивыми штрихами одна изъ обычныхъ сторонъ нашего современнаго нравственнаго быта. Добавить что либо къ тому, что такъ выразительно изображено въ официальномъ наставленіи всѣмъ нашимъ вѣдомствамъ, не приходится. Можно только порадоваться, что подобныя явленія не проходятъ незамѣченными для тѣхъ, кому надлежитъ вѣдать о благѣ и преуспѣяніи страны. Возымѣетъ ли новое строжайшее подтвержденіе о неуклонномъ исполненіи дѣйствующихъ по «юбилейному вопросу» постановленій надлежащее дѣйствіе?—Аллахъ вѣдаетъ! Во всякомъ случаѣ, нужно надѣяться, что отнынѣ юбилейныя торжества станутъ менѣе обычнымъ явленіемъ, и зато слава богу.

Кстати одна провинціальная газета, по поводу только что размстрѣннаго нами циркуляра,—указывая на развращающее вліяніе не только приношеній, но даже самыхъ слуховъ о приѣмѣ такихъ приношеній,—рекомендуетъ завести у насъ особую «цензуру нравовъ», или, проще говоря, устройство «дознаній» насчетъ матеріальныхъ средствъ тѣхъ лицъ, которымъ приписывается любовь къ «приношеніямъ». «Общественный дѣятель—разсуждаетъ названная газета—можетъ быть ничѣмъ не запятнанъ, но враги его распускаютъ слухи о томъ, что онъ строитъ цѣлые дома на «приношенія», что онъ покупаетъ имѣнія на деньги, собранныя путемъ тѣхъ же «приношеній», что онъ тратитъ тысячи рублей, получая жалованья—сотни. Всѣ эти слухи могутъ быть простой провинціальной сплетней, но общество вѣритъ сплетнѣ и простой слухъ производитъ такое же «развращающее дѣйствіе», какъ и самый фактъ. Привыкаютъ думать, что власть безсильна въ борьбѣ съ хищничествомъ въ формѣ «доброхотныхъ приношеній», а это равносильно подрыву достоинства и авторитета власти».

И вотъ, для предупрежденія и пресѣченія, зла при появленіи подобныхъ слуховъ, слѣдовало бы, по словамъ цитируемой нами газеты, производить безпристрастное разслѣдованіе о средствахъ лицъ, которымъ приписывается общественной молвой любовь къ «приношеніямъ». «Такая цензура нравовъ необходима вездѣ. она

гарантируетъ честныхъ дѣятелей отъ вредной клеветы и сдерживаетъ слабыхъ отъ злоупотребленій. Возвышая нравственный уровень служащихъ, она тѣмъ самымъ возвышаетъ уровень общественной этики. Такая цензура нравовъ имѣетъ значеніе соціальной дезинфекціи, убивая всякіе хищническіе микробы».

Еслибы у насъ слѣдственная власть, — какъ говорится, — стояла на высотѣ «своего призванія», мы бы, пожалуй, присоединились къ проекту названной выше газеты. Но въ томъ-то и дѣло, что даже въ судебно-слѣдственной части, существующей у насъ давно, не все обстоитъ какъ слѣдуетъ. По крайней мѣрѣ, извѣстный юристъ-практикъ г. Обнинскій, на основаніи двадцатилѣтнихъ наблюденій надъ дѣятельностью судебныхъ слѣдователей, сдѣланныхъ имъ въ качествѣ прокурора московскаго окружнаго суда, приходитъ къ заключенію, что преобразование слѣдственной части, которое, по слухамъ, теперь вновь поставлено на очередь министерствомъ юстиціи, должно коснуться не столько установленнаго закономъ порядка производства слѣдствія, сколько улучшенія персонала судебныхъ слѣдователей и всей обстановки, при которой они выполняютъ свои важныя обязанности въ движеніи процесса. По мнѣнію г. Обнинскаго, неудовлетворительность слѣдственного производства объясняется, главнымъ образомъ, недостаточной профессиональной подготовкой судебныхъ слѣдователей, отсутствіемъ устойчивости въ служебномъ ихъ положеніи и чрезвычайно неблагоприятными условіями, при которыхъ имъ приходится дѣйствовать. Въ видахъ устраненія недостатка въ профессиональной подготовкѣ судебныхъ слѣдователей, г. Обнинскій настаиваетъ на необходимости требовать отъ лицъ, желающихъ занять эту должность, сверхъ общаго юридическаго образованія, еще особыхъ практическихъ познаній по части производства слѣдственныхъ дѣйствій. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ установить для лицъ, желающихъ занять должность судебныхъ слѣдователей, особый спеціальныи экзаменъ въ практическомъ знакомствѣ съ этою дѣятельностью. Затѣмъ, для освѣженія познаній, г. Обнинскій предлагаетъ устраивать періодическіе съѣзды судебныхъ слѣдователей и считаетъ необходимымъ возможно частое ихъ присутствіе при разсмотрѣнн дѣлѣ въ окружныхъ судахъ, причѣмъ они слѣдили бы за требованіями, предъявляемыми судомъ къ предварительному слѣдствію.

Что же касается обстановки, при которой приходится дѣйствовать нашимъ судебнымъ слѣдователямъ, то г. Обнинскій находитъ, что, при огромныхъ размѣрахъ нашихъ слѣдственныхъ участковъ, при плохихъ дорогахъ и необходимости проводить жизнь въ постоянныхъ перекочевкахъ изъ одной «сборной избы» въ другую, — трудъ судебного слѣдователя становится дѣломъ непосильнымъ для обыкновеннаго смертнаго и отъ него каждый бѣжитъ при первой возможности. Такимъ образомъ, самыя важныя функціи судебного процесса выполняются людьми, въ большинствѣ случаевъ, лишь начинающими свою служебную карьеру. Для устраненія послѣдняго рода неблагоприятныхъ условій.

г. Обнинскій проэктируетъ значительное сокращеніе размѣровъ судебныхъ участковъ и общее улучшеніе служебнаго положенія слѣдователей.

Со всѣми приведенными указаніями и предложеніями бывшаго московскаго прокурора мы готовы вполнѣ согласиться. Да въ юридической литературѣ все это указывалось неоднократно и съ еще большей настойчивостью, чѣмъ дѣлаетъ г. Обнинскій. Но въ чемъ мы не согласны съ нимъ, такъ это относительно участія защиты въ предварительномъ слѣдствіи. Г. Обнинскій не видитъ особой пользы въ допущеніи представителя защиты къ участію въ предварительномъ слѣдствіи. А между тѣмъ лучшіе юристы, какъ за границей, такъ и у насъ, признають подобное участіе весьма полезнымъ, какъ въ интересахъ обвиняемаго, такъ и въ интересахъ самого обвиненія. Дѣло въ томъ, что слѣдователь всегда склоненъ напрягать всѣ свои силы и разумѣніе въ сторону обвиненія, а такъ какъ найти истинную нить обвиненія не такъ легко, какъ это иногда кажется, то и выходитъ весьма нерѣдко, что слѣдователь упускаетъ изъ виду какъ разъ то, что наиболѣе существенно для самого обвиненія. Вспомните, при этомъ, пресловутые потерянные волосы Сары Беккеръ въ процессѣ Мироновича! Развѣ такое обстоятельство могло бы имѣть мѣсто при участіи защиты въ предварительномъ слѣдствіи? Едва ли! Потому что защита навѣрное ухватила бы за вещественное доказательство, въ родѣ «волосъ», найденныхъ въ рукахъ убитой. Иной, конечно, вопросъ: какое значеніе могли получить утерянные волосы въ дальнѣйшемъ ходѣ процесса. Но, во всякомъ случаѣ, общественное мнѣніе не имѣло бы основанія претендовать на слѣдственную власть.

ИТОГИ ДЕСЯТИЛѢТІЯ.

(2 МАРТА 1880 Г.—2 МАРТА 1891 Г.).

II.

Мы сказали уже—и, надѣмся, не бездоказательно—что анархическое движеніе, возникшее у насъ почти одновременно съ началомъ реформъ, не только не вытекало изъ основныхъ идей преобразованія, но, наоборотъ, шло совершенно въ разрѣзъ имъ, тянуло въ другую, противоположную сторону. Тѣмъ не менѣе, наши якобы - консерваторы, пользуясь всякимъ случаемъ „подставить ножку“ реформамъ, натурально ухватились и за сопоставленіе простыхъ уличныхъ беспорядковъ съ преобразовательными планами правительства. Еще до освобожденія крестьянъ, пожары и другія волненія въ Москвѣ,—по словамъ князя Одоевскаго,—„давали поводъ неблагонамѣреннымъ людямъ (которыхъ онъ называлъ *стрѣлецкою партіей*) толковать, что *эти прискорбныя явленія суть слѣдствія мързъ, принимаемыхъ правительствомъ для прекращенія крѣпостнаго состоянія*“. Въ этой подтасовкѣ понятій князь Одоевскій видѣлъ—„одно изъ самыхъ обыкновенныхъ средствъ, употребляемыхъ такими людьми для противо-дѣйствія или, по крайней мѣрѣ, для задержанія великаго отечественнаго дѣла. *Ничего нѣтъ соблазнительнѣе, какъ, при видѣ двухъ одновременныхъ явленій, утверждать, что одно есть причина другаго*. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ есть люди, думающіе, что *правительство откажется отъ своего преднамѣренія, что все будетъ по старому, что можно отложить въ долгій ящикъ, а если будутъ волненія, то тѣмъ лучше: на то есть штыки и пушки*“¹⁾). Когда же уличные беспорядки и случайныя, разрозненныя явленія смѣнились систематической проповѣдью всеобщаго разрушенія, повальнаго погрома во имя страннаго девиза: „вали все валомъ, послѣ разберемъ“, стрѣлецкая партія просто свѣту не взвидѣла отъ радости, что вотъ

¹⁾ См. „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, 2 изд., ч. II, стр. 276—277.

можно теперь съ еще большимъ правомъ пристѣгнуть бунтарство, и казачьи круги къ крестьянской общинѣ и независимости суда отъ администраціи. Въ то время какъ умирающій Ростовцевъ, — никакъ не предполагая, что онъ игралъ въ руку нашимъ доморощеннымъ атаманамъ грядущей казацкой республики, — писалъ со своего смертнаго одра государю: „въ настоящую минуту я смотрю на будущее своего отечества полный тѣхъ же лучшихъ надеждъ и той же теплой вѣры, которыя васъ, государь, никогда не покидали“, — въ то самое время наши якобы-консерваторы прожужжали всѣмъ уши предвѣщаніями о томъ неизбѣжномъ крушеніи, которое постигнетъ въ скоромъ времени (сейчасъ же вслѣдъ за подписаніемъ послѣдней уставной грамоты!) весь нашъ государственный и общественный строй...

Нашъ „нигилизмъ“ и „анархизмъ“ имѣютъ свою довольно сложную исторію, которую мы не беремъ изобразить на нѣсколькихъ страницахъ; много разныхъ элементовъ, начиная отъ нашихъ, туземныхъ, и кончая инородческими, внесли свою лепту въ эту диковинную агломерацию, но, во всякомъ случаѣ, основныя идеи реформъ—личная свобода гражданъ, господство закона, а не каприза, право имѣть и выражать свои мнѣнія по дѣламъ общественнаго характера—не только не давали, но отнимали почву у всѣхъ безобразныхъ проявленій самодурства и неуваженія къ человѣческой личности на революціонной подкладкѣ. Съ другой стороны, наше „бунтарство“, хотя и прикрывавшееся социалистическою фразеологіею, также мало имѣло общаго съ западно-европейскимъ социализмомъ, возросшимъ на почвѣ ожесточенной вражды между трудомъ и капиталомъ, въ сутолокѣ чрезмѣрно-развитой городской жизни, въ средѣ многомилліоннаго безземельнаго пролетаріата, т. е. при условіяхъ, далеко расходящихся съ бытомъ нашей небогатой капиталами, преимущественно земледѣльческой страны, гдѣ подавляющая масса рабочаго люда не оторвана отъ своего земельного надѣла. И. С. Тургеневъ собирался, какъ извѣстно, провести въ беллетристической формѣ эту разграничительную черту между нашимъ и западно-европейскимъ социализмомъ, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ исполнить своего замысла и, въ изображеніи вновь народившихся типовъ преобразовательной эпохи, ограничился рельефной фигурой „перваго нигилиста“ Базарова, — откровеннаго циника и матеріалиста, болѣе склоннаго исповѣдовать, по Дарвину, право сильнаго, чѣмъ мечтать о равномъ распредѣленіи имуществъ и нравственныхъ благъ во имя канонизированнаго народа. Но чего не удалось исполнить Тургеневу, — то сдѣлалъ за него другой русскій художникъ-публицистъ, имѣв-

шій возможность изучать на полной свободѣ, за границей, наиболѣе типическихъ представителей нашего „ренесанса“. Передъ глазами А. И. Герцена прошелъ цѣлый рядъ этихъ типовъ, „взыскующихъ невѣдомаго града“ и — надо отдать ему полную справедливость — онъ охарактеризовалъ ихъ въ своихъ посмертныхъ очеркахъ перомъ истиннаго художника слова. Первымъ социалистомъ мистическаго оттѣнка явился въ Лондонѣ, въ 1859 г. (т. е. за три года до освобожденія крестьянъ), извѣстный въ свое время В. И. Кельсиевъ, о которомъ Герценъ говоритъ, что онъ — „учился всему на свѣтъ и ничему не научился... читалъ всякую всячину“ и отъ постоянной критики всего общепринятаго „раскачалъ въ себѣ всѣ нравственныя понятія, не приобрѣтя никакой нити поведенія“. Особенно оригинально было то, что въ скептическомъ анализѣ Кельсиева сохранилась какая-то примѣсь мистическихъ фантазій: онъ былъ нигилистъ съ религіозными приѣмами, нигилистъ въ дьяконскомъ стихарѣ. „У Кельсиева — по словамъ Герцена — шель тотъ знакомый намъ переборъ, который дѣлаетъ почти всегда проснувшійся русскій внутри себя и о которомъ вовсе не думаетъ, за недосугомъ и заботами, западный человекъ, втянутый своими специальностями въ другія дѣла; старшіе братья наши не провѣряютъ задовъ, и оттого у нихъ смѣняются поколѣнія, строя и разрушая, награждая и наказуя, надѣвая вѣнки и кандалы, твердо увѣренные, что такъ и надобно, что они дѣлаютъ дѣло. Кельсиевъ, напротивъ, сомнѣвался во всемъ... *Кобенящійся духъ этотъ*, отрѣшившійся отъ впередъ идущей нравственности и готовыхъ истинъ, накипѣлъ всего больше въ мі-сагѣте нашего поста и сталъ высказываться рѣзко, когда гиря, давившая наши мозги, приподнялась на одну линію... Грубо наивный социализмъ въ евангельской ризѣ сквозилъ ему въ расколѣ... онъ былъ въ восторгѣ отъ скитанія еодосѣвцевъ по лѣсамъ, ставилъ идеаломъ своей жизни — скитаться между ними и сдѣлаться учителемъ социально-христіанскаго раскола въ Бѣлокриницѣ или Россіи... И, дѣйствительно, Кельсиевъ былъ въ душѣ „бѣгуномъ“, бѣгуномъ нравственнымъ и практическимъ: его мучили неустоявшіяся мысли, тоска... Настоящій русскій человекъ, Кельсиевъ всякій мѣсяць дѣлалъ новую программу занятій, придумывалъ проэкты и *брался за новую работу, не кончивъ старой*. Работалъ онъ запоемъ и запоемъ ничего не дѣлалъ. Онъ схватывалъ вещи легко, но тотчасъ удовлетворялся до пресыщенія; *изо всего тянулъ онъ сразу жилы до послѣдняго вывода*, а иногда и подальше“.

Съ такой нравственной неустойчивостью, съ такимъ „кобенящимся духомъ“, не знающимъ ни выдержки, ни логики,

Кельсіевъ естественно не выдержалъ своей роли социалиста едосѣвскаго толка и, почувствовавъ горькое отвращеніе къ ней, самъ вернулся въ Россію—искупить свои прегрѣшенія. „Вѣру въ раскольниковъ онъ утратилъ; вѣру въ Польшу утратилъ (какъ утратилъ ее и самъ Герценъ), вѣра въ людей, въ революцію (это тоже была своеобразная *вера*, а вовсе не логическое убѣжденіе) колебалась сильнѣй и сильнѣй, и можно было легко предсказать, когда и она рухнетъ“... Она и рухнула въ скулянскои таможи.

Но вѣдь вся эта моральная распатанность, весь этотъ сумбуръ вѣры и безвѣрія, вся эта толчея вопросовъ, сталкивающихся одинъ съ другимъ и запутывающихся въ неразрѣшимый гордіевъ узелъ, возникли и укрѣпились въ душѣ нашихъ „бѣгуновъ“ *не вслѣдствіе* общественныхъ реформъ (что доказывается простою хронологическою справкой), а гораздо раньше, при условіяхъ дореформенной эпохи, подъ гостепріимнымъ кровомъ старыхъ, добрыхъ порядковъ.

Очень скоро за Кельсіевымъ, опять таки въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ,—т. е. когда настоящіе результаты реформъ не могли еще и обнаружиться, — въ Лондонъ отъявилась и другая, позднѣйшая генерация, уже не бѣгуновъ, не гамлетовъ шигровскаго уѣзда, а „людей дѣйствія“, которыхъ безпощадный Герценъ обрисовываетъ такими характеристическими чертами, что, въ сравненіи съ ними, личность слабодушнаго, но любящаго и искренняго Кельсіева можетъ даже привлечь къ себѣ нѣкоторую долю нашей симпатіи. Эта характеристика, набросанная мастерскою рукою художника, до такой степени не лестна для нашихъ бунтарей, что—мы помнимъ — одинъ талантливый прокуроръ военно-окружнаго суда не стѣснился всецѣло воспользоваться ею для оцѣнки обвиняемыхъ, сидѣвшихъ передъ нимъ на скамьѣ подсудимыхъ.

„Люди эти, очень молодые, — говоритъ безпристрастный лѣтописецъ,—*покончили съ идеями, съ образованіемъ*; теоретическіе вопросы ихъ не занимали, отчасти оттого, что они у нихъ еще не возникали, отчасти оттого, что у нихъ дѣло шло о приложеніи. Они были побиты матеріально, но дали доказательства своей отваги. Свернувши знамя, имъ пришлось хранить его честь. Отсюда — сухой тонъ, *cassant, gaide*, рѣзкій и нѣсколько поднятой. Отсюда—военное, нетерпѣливое отвращеніе *отъ долгаго обсуживанія*, критики, *нѣсколько изысканное пренебреженіе* ко всѣмъ „умственнымъ роскошамъ“, въ числѣ которыхъ ставилось на первомъ планѣ искусство. *Какая тутъ музыка, какая поэзія!* „Отечество въ опасности: *aux armes, citoyens!*“ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были отвлеченно правы, но сложнаго и запутаннаго про-

песса уравновѣщенія идеала съ существующимъ они не брали въ расчетъ и, само собой разумѣется, свои мнѣнія и воззрѣнія *принимали за воззрѣнія и мнѣнія цѣлой Россіи*“. Когда эти „новые люди“ сошлись лицомъ къ лицу съ русскимъ Прудономъ, умѣвшимъ разглядывать сквозь лакированную внѣшность старую гниль,—между ними произошло сейчасъ же очень крупное недоразумѣніе. Представитель серьезнаго философскаго образованія сороковыхъ годовъ, уже значительно охладѣвшій къ своимъ прежнимъ кумирамъ, саркастически относившійся и къ „мясническимъ“ подвигамъ террористовъ первой французской революціи, и къ канонизированному *peuple-souverain*—сначала внимательно прислушивался къ разговорамъ своихъ гостей о „петербургскомъ движеніи“, якобы грозящемъ разрушить всѣ традиціонные устои русскаго государства, объ университетскихъ исторіяхъ и литературныхъ кружкахъ, изъ которыхъ каждый мнилъ себя „хранителемъ священнаго огня“; но чѣмъ дальше, тѣмъ больше раздвигалась пропасть между этими разнородными элементами нашей общественной жизни. Гости оказались очень тупы, невѣжественны, заносчивы и — вдобавокъ ко всему—крайне сребролюбивы. „Наступили паузы“... бесѣды сдѣлались скучны, однообразны. „Неужели,—грустно думалъ доживавшій свой вѣкъ эмигрантъ,—это въ самомъ дѣлѣ старость, разводящая поколѣнія? Холодъ; вносимый лѣтами, усталю, испытаніями?“ Какъ бы то ни было, но онъ невольно долженъ былъ признать, что съ появленіемъ „новыхъ людей“ горизонтъ его „не расширился, а сдузился; діаметръ разговоровъ сталъ короче: намъ иной разъ нечего было другъ другу сказать. *Ихъ занимали подробности ихъ кружковъ, за границей которыхъ ихъ ничто не занимало.* Однажды передавши все интересное объ нихъ, приходилось повторять — и они повторялись. Наукой или дѣлами они занимались мало: *даже мало читали и не слѣдили правильно за газетами.* Поглощенные воспоминаніями и ожиданіями, они не любили выходить въ другія области,—а намъ *недоставало воздуха въ этой сперттой атмосферѣ.* Мы, избаловавшись другими размѣрами, задыхались! Къ тому же, если они и знали извѣстный слой Петербурга, *то Россіи вовсе не знали* и, искренно желая сблизиться съ народомъ (искренно ли?) сближались съ нимъ книжно и теоретически. Общее между ними было слишкомъ обще... О серьезномъ вліяніи и думать было нечего. Болѣзненное и очень безцеремонное самолюбіе давно закусило удила (въ примѣчаніи къ этому мѣсту Г-нъ добавляетъ: „самолюбіе ихъ не было такъ велико, какъ *задорно и раздражительно, а—главное—невоздержно на слово.* Они не могли скрыть ни зависти,

ни своего рода щепетильнаго требованія—*чинопочитанія по рангу, ими присвоенному*“): Иногда, правда, они требовали „программы“, руководства, но это было не въ самомъ дѣлѣ. Они ждали, чтобы мы формулировали ихъ собственное мнѣніе и только въ томъ случаѣ соглашались, когда высказанное нами нисколько не противорѣчило ему. На насъ они смотрѣли, какъ на почтенныхъ инвалидовъ, какъ на прошедшее, и наивно дивились, что мы еще не очень отстали отъ нихъ“.

Не мудрено было предвидѣть Г—ну, что новыя связи долго не продержатся, что онѣ разорвутся рано или поздно и, при шероховатомъ характерѣ новыхъ пріятелей, дойдутъ... чуть-чуть не до „оскорбленія дѣйствіемъ!“ Вопросъ, на которомъ оборвались эти отношенія, былъ именно тотъ старый вопросъ, на которомъ обыкновенно разрываются знакомства, спитыя гнилыми нитками. Дѣло пошло о деньгахъ, до которыхъ „мыслящіе пролетаріи“—или—точноѣ говоря—полуграмотные „разночинцы“, оказались падкими, какъ мухи до меду. У Г—на хранился „депозитомъ“ небольшой капиталъ (въ 20,000 франковъ), оставленный ему въ полное распоряженіе какимъ-то юнымъ фантазеромъ, отправившимся искать счастья и „соціальной правды“—на Маркизскіе острова. Куда дѣвался невѣдомый жертвоприноситель—тоже одинъ изъ любопытныхъ типовъ того времени—Аллахъ вѣдаетъ; но къ его имуществу неожиданно приписались въ наслѣдники русскіе бунтарі и съ нахрапомъ стали требовать денегъ отъ Г—на, то вообще на пропаганду, то для послышки спеціальныхъ эмисаровъ на Волгу. Когда же Г—нъ,—уже иронически поглядывавшій на эту игру въ революцію и все еще ожидавшій возвращенія мечтательнаго юноши, чтобы передать ему съ рукъ на руки вѣренный капиталъ,—отказался исполнить „требованіе“ самозванныхъ наслѣдниковъ,—они угрожали „продернуть“ его въ журналахъ за удержаніе чужой собственности.

Всматриваясь зорко въ этихъ „штурмановъ будущей бури“ (изъ которыхъ не одинъ, побывавъ въ эмиграціи, вернулся на родину для самыхъ безстыдныхъ гешефтовъ), Г—нъ, съ неизмѣнявшимъ ему художественнымъ чутьемъ, подвелъ наконецъ итоги своему знакомству съ ними въ такой блестящей и меткой характеристикѣ: „Заносчивые юноши, о которыхъ идетъ рѣчь, заслуживаютъ изученія, потому что они выражаютъ временный типъ, очень опредѣленно вышедшій, очень часто повторявшійся,—*переходную форму болъзни нашего развитія изъ прежняго застоя*. Большею частію, они не имѣли той выправки, которую даетъ воспитаніе, и той выдержки, которая пріобрѣтается научными занятіями. Они торопились, въ первомъ задорѣ освобожденія, сбросить съ себя всѣ условныя

формы и оттолкнуть всё каучуковые подушки, мѣшающія жесткимъ столкновеніямъ. Это затруднило всё простѣйшія отношенія съ ними. Снимая все до послѣдняго клочка, наши *enfants terribles* гордо являлись, какъ *мать родила*, а родилато она ихъ плохо, вовсе не простыми, дебелыми парнями, а *наслѣдниками дурной и нездоровой жизни низшихъ петербургскихъ слоевъ*. Въмѣсто атлетическихъ мышць и юной наготы, *обнаружились печальные слѣды наслѣдственнаго худосочія, слѣды застарѣлыхъ язвъ и разнаго рода коллодокъ и ошейниковъ*. Изъ народа было мало *выходцевъ между ними*. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, *перенувшись въ противоположное*, сохранились въ крови и мозгу, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. На это, сколько мнѣ извѣстно, не обращали должнаго вниманія. Съ одной стороны, реакція противъ стараго, узкаго, давившаго міра должна была бросить молодое поколѣніе въ антагонизмъ и всяческое отрицаніе враждебной среды; тутъ нечего искать ни мѣры, ни справедливости. *Напротивъ, тутъ дѣлается на зло, тутъ дѣлается въ отмстку*. Вы — *лицемѣры*, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ на словахъ же (увы, не на словахъ только!) злодѣями; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь, не уважая; мы будемъ толкаться, не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и виѣшней чести; мы за честь себѣ поставимъ поправаніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ *points d'honneur'овъ*. Но, съ другой стороны, эта, отрѣшенная отъ обыкновенныхъ формъ общежителства, личность была *полна своихъ наслѣдственныхъ недуговъ и уродствъ*. Сбрасывая съ себя, — какъ мы сказали, — всё покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ гоголевскаго Пѣтуха, и притомъ не сохраняя позы Венеры Медицейской. *Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они*. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣетъ ничего общаго съ неоскорбительной и просто-душной грубостью крестьянина и очень много — *съ приемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помпѣщичьяго дома*. Народъ ихъ также мало счелъ за своихъ, какъ и славянофиловъ въ мурмолакахъ. *Для него они остались чужимъ, низшимъ слоемъ враждебнаго стана, захудалыми баричами, строкулистами безъ мѣста, нѣмцами изъ русскихъ*. Для полной свободы, надобно забыть свое освобожденіе и то, изъ чего освободились, бросить привычки среды, изъ которой выросли. Пока этого не сдѣлано, мы невольно узнаемъ переднюю, казарму, канцелярію и семинарію по

каждому ихъ движенію и по каждому слову. *Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть Стюарта Милля ракалей, забывая всю службу его, — развѣ это не барская замашка, которая „старога Гаврила за измятое жабо хлещетъ въ усь да въ рыло“.* Развѣ въ этой и подобныхъ выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, становаго, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра? Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы не ясно видите дерзость прежней офицерщины и въ людяхъ, говорящихъ свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ—внучатъ Сколозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго „дать фельдфебеля въ Вольтеры“. *Самая проказа взятокъ уцѣпляла въ вымогательствѣ денегъ нахрапомъ, съ „пристрастіемъ“ и угрозами, подѣ предлогомъ общихъ дѣлъ, въ поползованіи кормиться на счетъ службы и мститъ клеветами и клеветами за отказъ“.*

Портретъ, нарисованный съ натуры А. И. Герценомъ, вѣренъ до послѣдней черточки, до мельчайшаго штриха: и это пренебреженіе къ наукѣ (натурально, „филистерской“), и систематическая неотесанность въ культурномъ смыслѣ, и грубая, дерзкая рѣчь, и „проказа взяточничества“, все это дѣйствительно указываетъ на *истинное происхожденіе* нашего бунтарства—изъ подъяческаго круга, помѣщичьей лакейской, старой казармы, не обновленной всеобщей воинской повинностью, и дореформенной семинаріи, еще не избавленной гр. Д. А. Толстымъ отъ „дранья на воздухѣхъ“. Словомъ, наши бунтари, совершенствовавшіеся въ своемъ развитіи отъ одиночныхъ покушеній съ пистолетомъ въ рукѣ до сложныхъ махинацій съ подкопами и взрывами — *совсѣмъ не дѣти преобразовательной эпохи, а гнилой отпрыскъ крѣпостничества, безправія и самосуда.* „Бить въ рожу“, застрѣлить въ глухомъ мѣстѣ товарища за „измѣну общему дѣлу“, т. е. въ сущности за то, что онъ осмѣлился „свое сужденіе имѣть“ (какъ распорядился Нечаевъ со злосчастнымъ Ивановымъ), ограбить денежную почту *ad majorem gloriam* воровской шайки, подзачиваться подѣ банковскія кассы и желѣзныя дороги, чтобы производить огульныя кражи со взломомъ и массовыя убійства неповинныхъ людей—въ какой связи находятся эти подвиги съ принципами гуманности, законности, порядка и уваженія къ человѣческой личности, внесенными въ нашу жизнь реформами покойнаго государя? Самая хронологія, — какъ мы уже указали выше, — протестуетъ противъ такого произвольнаго сближенія и сопричисленія въ родство. Бунтари, отвергнутые *свободнымъ уже народомъ*, увидавшимъ въ нихъ „низшій слой враждебнаго стана, заху-

далыхъ баричей и строкулистовъ безъ мѣста“, вынуждены были спастись бѣгствомъ за границу и оттуда продолжать свою дикую пропаганду, не встрѣчая сочувствія даже со стороны старыхъ русскихъ эмигрантовъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, — если разсуждать по здравой логикѣ, — въ комъ могло накопиться злобное чувство противъ реформатора? Ужь, конечно, не въ самихъ освобождаемыхъ — освобождаемыхъ отъ крѣпостнаго права, административнаго суда, тѣлесныхъ наказаній и пр., а также и не въ той части интеллигентнаго класса, которая шла на встрѣчу реформамъ, открывавшимъ новые пути для общественной и государственной службы. Всего больше недовольство могло накопляться въ слояхъ, которые лишались своихъ старинныхъ правъ и привилегій — въ рѣзко обособившейся группѣ „крѣпостниковъ“, избравшихъ своимъ органомъ газету „Вѣсть“ (газету открыто оппозиціоннаго характера); въ кругу ветхозавѣтныхъ администраторовъ, не стѣснявшихся обращаться даже съ В. И. Далемъ, какъ съ какимъ нибудь безыменнымъ бродягою; въ средѣ судейскихъ клязниковъ, которымъ связывала руки новая судебная реформа (въ одномъ очеркѣ Щедрина старый подъячій даже взять въ толкъ не можетъ, какъ это „будутъ судить, когда вокругъ публика понатыкана!“); наконецъ, между тогдашними Скалозубами, которые распоряжались своими солдатами, какъ крѣпостными людьми, и для которыхъ командованіе полкомъ было выгоднѣе тысячнаго имѣнія. Въ этихъ слояхъ, — съ прибавкой крупнаго фабричнаго купечества съ его „поссессионнымъ правомъ“, немного уступавшимъ крѣпостному, да еще духовенства, пріобрѣтавшаго дворянскія права по владимірскому кресту, — раздраженіе могло родиться естественно и переходить въ той или другой формѣ къ молодому поколѣнію. Это ничего, что помѣщики бранились во имя рабства, толстосумы-купцы — во имя интересовъ капитала, подъячье — въ защиту собственнаго кармана, вмѣстѣ съ мелкими торгашами, потерявшими хорошихъ заказчиковъ въ лицѣ покучивавшихъ Ноздревыхъ, — но отрицательное, даже дерзкое отношеніе къ власти свило себѣ гнѣздо въ ихъ семействахъ и, культивированное на другихъ началахъ, пересаженное на другой грунтъ, могло заявить себя и иными плодами. По крайней мѣрѣ, въ то время какъ сторонникъ реформъ А. В. Никитенко внушалъ своему семейству благоговѣйное уваженіе къ личности покойнаго государя и даже, съ рискомъ для своей репутаціи, пошелъ въ редакторы оффиціозной „Сѣверной Почты“, надѣясь помочь правительству въ борьбѣ съ противорѣчивыми мнѣніями и сталкивающимися интересами, — въ это самое время „крѣпостники“

свали, что называется, палки въ колеса и тормозили своей оппозиціей правильное движеніе задуманныхъ реформъ, распространяя вокругъ себя духъ крайне злобнаго ожесточенія.

Мы цитировали уже въ первой главѣ мнѣніе г. Пазухина, въ которомъ онъ, характеризуя расколъ, образовавшійся въ нашемъ отечествѣ въ теченіе прошлаго царствованія, говорилъ, между прочимъ, что у насъ какая-то „историческая Россія“ осмѣливается возвышать свой голосъ „лишь въ годины испытаній, когда грозитъ опасность самому существованію государства“, тогда какъ другая „враждебная ей Россія заявляетъ о себѣ ежедневно и *требованіемъ конституціи*, и хищеніемъ общественнаго достоянія, и подвигами тайной крамолы“.

Мы не знаемъ, какая опасность угрожала существованію нашего государства въ году освобожденія крестьянъ (этой опасностью пугали правительство только крѣпостники, а вовсе не серьезные государственные дѣятели), но, спрашивается, какую же услугу оказала „историческая Россія“, — если признать такую опасность, — распатывая въ газетѣ „Вѣсть“ авторитетъ государственной власти, задумавшей покончить съ крѣпостнымъ правомъ? Затѣмъ, какая это „враждебная Россія“ *одновременно* заявляла себя и „требованіемъ конституціи, и хищеніемъ общественнаго достоянія, и подвигами крамолы“? Очевидно, что здѣсь спутаны и подведены подъ одну рубрику совершенно разнородные элементы, которые дѣйствовали особнякомъ и отнюдь не имѣли одной общей программы. „Хищеніемъ“ государственнаго достоянія, въ видѣ уфимскихъ земель, кавказскихъ нефтяныхъ источниковъ, черноморскихъ лѣсовъ и пр., занимались, какъ извѣстно, бюрократы высшаго ранга, совсѣмъ не друзья, а скорѣе враги или тормозители реформъ, тогда какъ Ростовцевъ, Милютинъ, Одоевскій и другіе дѣятели и пропагандисты „обновленія“ Россіи и жили, и умерли небогатыми людьми, не прикоснувшись хищнически ни къ одной казенной копѣйкѣ, ни къ одной десятинѣ земли. Наши хищники, слѣдуя номенклатурѣ Пазухина, — причисляли себя, конечно, къ „исторической Россіи“, *знающей свою исторію* (исторію взяточничества и кормленія) *имѣющей уваженіе къ прошлому* (къ чиновничьей волокитѣ и вотчинной полиціи): „способной лишь къ созиданію“... собственнаго благополучія на казенный счетъ. „Крамолою“, какъ излюбленною профессією, увлекался опять таки особый классъ людей, не имѣвшій ничего общаго ни съ дѣйствительно - прогрессивною литературою, ни съ просвѣщенной и честной бюрократіей, и пополнявшійся отбросами изъ разныхъ слоевъ общества съ большимъ про-

центомъ еврейства, которое какъ разъ въ 60-хъ годахъ заполонило всѣ крупные города, въ качествѣ слушателей вышнихъ учебныхъ заведеній, ремесленниковъ, техниковъ и т. д. Кто не помнитъ, какъ много еврейскихъ именъ пестрило собой протоколы судебныхъ процессовъ политическаго характера? Да и въ настоящее время самымъ юркимъ и энергическимъ представителемъ русскаго анархизма за границею является еврей Мендельсонъ, сынъ варшавскаго банкира, вкупѣ съ нашими разночинцами.

Что же касается до „требованій конституціи“, то и здѣсь Пазухинъ грубо ошибается даже въ чисто-хронологическомъ отношеніи, когда ставитъ ихъ на счетъ реформированнаго русскаго общества, тщательно выгораживая изъ этихъ попытокъ свою „историческую Россію“, якобы неизмѣнно преданную политическимъ основамъ, „выработаннымъ тысячелѣтіемъ“. Факты—уже теперь историческіе факты—говорятъ, однако, совершенно противное. Сторонники и участники реформъ покойнаго государя отлично понимали, что только вѣками сложившаяся могущественная самодержавная власть легко справилась съ такимъ грандіознымъ переворотомъ, какъ освобожденіе двадцати милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ (подобное же освобожденіе негровъ въ Сѣверной Америкѣ повело, какъ извѣстно, къ страшной междоусобной рѣзнѣ и къ государственному банкротству); а потому не имѣли ни повода, ни желанія покушаться на ограниченіе верховныхъ полномочій этой власти. Анархисты, въ свою очередь, не могли питать такихъ намѣреній, уже по тому одному, что они вообще не стояли на государственной почвѣ и относились отрицательно ко всѣмъ политическимъ формамъ, имѣвшимъ въ своей основѣ „буржуазный строй“. Если же они и примазывались иногда къ нашимъ конституціоналистамъ, то развѣ въ надеждѣ произвести этимъ путемъ побольше замѣшательства въ государственной жизни. Доказательства этому можно найти въ любой изъ многихъ дюжинъ ихъ полуграмотныхъ прокламацій. Наше баловство парламентаризмомъ возникло не изъ этихъ источниковъ.

Въ самомъ началѣ 1865 года, т. е. вскорѣ за освобожденіемъ крестьянъ, которые и вздохнуть-то не успѣли какъ слѣдуетъ, и еще до введенія гласнаго суда, въ Москвѣ состоялось знаменитое, прославленное газетою „Вѣсть“, дворянское собраніе, на которомъ произносились пламенные рѣчи съ цѣлью навестать утраченное помѣщичье право—пріобрѣтеніемъ какого-то политическаго протектората надъ другими сословіями, въ прямой ущербъ верхов-

ной власти. Эта попытка была несомнѣнно конституціоннаго характера; но она встрѣтила энергическій отпоръ именно со стороны тѣхъ людей, которыхъ г. Пазухинъ произвольно изгоняетъ изъ „исторической Россіи“. Когда въ скарятинской „Вѣсти“ (№ 4, 1865 г.) появилось торжественное восхваленіе мужества и политическаго разума московскаго дворянства, — въ той же Москвѣ выдвинулся представитель дѣйствительно „враждебной Россіи“... но враждебной не „историческимъ началомъ, освященнымъ тысячелѣтіемъ“, а тѣмъ новымъ верховникамъ, которые пустились некстати и не къ ладу въ политическое фантазерство, не разумѣя хорошенько — по классическому выраженію Щедрина — чего имъ нужно: „соленой севрюжины или конституціи?“ Во главѣ цѣлаго кружка сталъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, и вотъ что гласилъ составленный имъ протестъ:

„Въ № 4 газеты „Вѣсть“ помѣщена статья, содержащая въ себѣ будто бы предположеніе большинства московскаго дворянскаго собранія о разныхъ предметахъ, относящихся не до пользы и нужды одного московскаго дворянства, но до всего дворянства, и даже до всего нашего государственнаго устройства. Имѣя честь принадлежать къ русскому дворянству, мы, нижеподписавшіеся, опасаемся, чтобы молчаніе съ нашей стороны не было сочтено знакомъ согласія на такое предположеніе, которое по его содержанію, *а еще болѣе по рѣчамъ, высказаннымъ для истолкованія его смысла*, мы находимъ и несвоевременнымъ, и несообразнымъ какъ съ настоящими потребностями Россіи, такъ равно съ ея исторіей, съ ея политическимъ и народнымъ бытомъ, и съ ея мѣстными и естественными условіями. Посему считаемъ долгомъ заявить, что, по нашему глубокому убѣжденію, дѣло дворянства въ настоящее время состоитъ въ слѣдующемъ: 1) приложить всѣ силы ума и воли къ устраненію остальныхъ послѣдствій крѣпостнаго состоянія, нынѣ съ божіею помощію уничтоженнаго, но бывшаго постояннымъ источникомъ бѣдствій для Россіи и позоромъ для ея дворянства. 2) Принять добровольное и ревностное участіе въ дѣятельности новыхъ земскихъ учреждений и новаго судопроизводства и въ сей дѣятельности почерпать ту опытность и знаніе дѣлъ земскихъ и судебныхъ, безъ которыхъ всякое, какое бы ни было учрежденіе осталось бы безплоднымъ, за недостаткомъ способныхъ исполнителей. 3) *Не поставлять себѣ цѣлью себялюбивое охраненіе однихъ своихъ сословныхъ интересовъ исключительно*, не искать розни съ другими сословіями предъ судомъ и закономъ, но дружно и совокупно со всѣми вѣрноподданными трудиться для славы государя и пользы всего отечества.

4) Пользуясь высшимъ образованіемъ и большимъ достаткомъ, употребляютъ имѣющіяся средства для распространенія полезныхъ знаній во всѣхъ слояхъ народа съ цѣлью усвоить ему успѣхи наукъ и искусствъ, насколько то возможно для дворянства. Наконецъ, вообще содѣйствовать искренно и честно, съ довѣріемъ и любовью, тѣмъ благодатнымъ преобразованіямъ, которыя нынѣ предначертаны уже мудрымъ нашимъ государемъ, не нарушая ихъ естественнаго хода и постепеннаго развитія безвременнымъ и безправнымъ вмѣшательствомъ“.

Это была настоящая, подлинная программа лучшей части нашего дворянства и всего образованнаго класса безъ различія сословій. Программа указывала на предстоящую русской интеллигенціи почетную дѣятельность въ земствѣ и въ судебныхъ учрежденіяхъ; она призывала всѣхъ развитыхъ и способныхъ людей, не раздѣляясь кастовыми перегородками, „дружно и совокупно“ работать на пользу „благодатныхъ преобразованій“, обновляющихъ всю внутреннюю жизнь нашего отечества, и „не нарушать ихъ естественнаго хода“ задорнымъ подражаніемъ польскимъ сеймикамъ прошлаго столѣтія. Чтобы разъяснить вполнѣ, и съ внутренней, и съ внѣшней стороны, побужденія, руководившія имъ при составленіи этого протеста, который долженъ былъ явиться въ печати, покрытый множествомъ подписей, — князь Одоевскій, въ особой запискѣ, ходившей въ то время по рукамъ въ копіяхъ, прибавлялъ слѣдующія многозначительныя строки: „Мои убѣжденія—не со вчерашняго дня; съ раннихъ лѣтъ я выражалъ ихъ всѣми доступными для меня способами: перомъ,—насколько то позволялось тогда въ печати, а равно въ правительственныхъ сношеніяхъ; изустною рѣчью—не только въ частныхъ бесѣдахъ, но и въ официальныхъ комитетахъ; вездѣ и всегда я утверждалъ необходимость уничтоженія крѣпостничества и указывалъ на гибельное вліяніе *олигархіи* въ Россіи. Болѣе 30-ти лѣтъ моей публичной жизни доставили мнѣ лишь новые аргументы въ подкрѣпленіе моихъ убѣжденій... Если враги мои, въ отмщеніе за мой честный и законный протестъ, прибѣгаютъ къ бессмысленной клеветѣ, къ этому оружію маленькихъ душонокъ (про князя Одоевскаго былъ пущенъ слухъ, что онъ сдѣлалъ „доносъ“ на газету „Вѣсть!“) то ихъ лютость не возбуждаетъ во мнѣ даже презрѣнія; я и знать не хочу, что они тамъ болтаютъ. Они не останавливаютъ моихъ дѣйствій, когда я сочту нужнымъ дѣйствовать, какъ и когда мнѣ заблагоразсудится, ибо то, что я отстаиваю, считаю дѣломъ святымъ и разумнымъ, а всѣ продѣлки въ исключительную пользу какой либо касты—источникомъ

неисчисленныхъ бѣдствій для Россіи, о коихъ, кажется, и *не подумали люди, находящіеся подъ вліяніемъ блестящей надежды о какомъ-то столбовомъ верховничествѣ*. Званіе русскаго дворянина, моя долгая, честная чернорабочая жизнь, не запятанная ни происками, ни интригами, ни даже честолюбивыми замыслами; наконецъ, если угодно, и мое историческое имя — не только даютъ мнѣ право, *но налагаютъ на меня обязанность не оставаться въ робкомъ безмолвіи, которое могло бы быть принято за знакъ согласія въ дѣлѣ*, которое я считаю высшимъ человѣческимъ началомъ и которое ежедневно примѣняю на практикѣ въ моей судейской должности (кн. Одоевскій былъ въ это время первоприсутствующимъ сенаторомъ въ Москвѣ), а именно: *безусловное равенство предъ судомъ и закономъ, безъ различія званій и состояній*“.

Вотъ какъ относились къ нашимъ парламентарнымъ затѣямъ и какимъ энергическимъ языкомъ говорили о нихъ дѣйствительные представители нашей прогрессивной группы, одинаково далеко отстоявшей и отъ безшабашнаго анархизма, и отъ „столбоваго верховничества“.

Любопытно, что для своевременнаго напечатанія коллективнаго протеста кн. Одоевскаго „съ товарищи“ нашлись какія-то цензурныя препятствія, а пока шли переговоры, газету „Вѣсть“ постигла административная кара, и Одоевскій не счелъ удобнымъ — „бить лежачаго“ *).

Впослѣдствіи, уже въ самомъ концѣ проплаго царствованія, возникъ было новый опытъ политическаго новаторства, но такъ какъ свѣдѣнія о немъ сообщались въ нашей печати только въ отрывочной формѣ (какъ напр., недавно въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“), то и составлять себѣ окончательное сужденіе было бы, пожалуй, преждевременнымъ. Во всякомъ случаѣ, — судя по тѣмъ даннымъ, которыя мы получили объ этомъ опытѣ отъ самого инициатора, гр. М. Т. Лорисъ-Меликова, — новая попытка имѣла характеръ не столбоваго верховничества, а скорѣе напоминала собой созваніе комисіи для составленія новаго уложенія, при императрицѣ Екатеринѣ II-ой. Предполагалось сдѣлать опросъ мнѣній излюбленныхъ людей, чтобы собрать достовѣрный и обильный матеріалъ для дальнѣйшаго законодательства (часть этого прозекта осуществилось при гр. Н. П. Игнатьевѣ созывомъ „свѣдущихъ людей“); предполагалось, кромѣ того, *объединить*

*) Протестъ кн. Одоевскаго и объяснительная къ нему записка напечатаны во 2-ой части монографіи: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, 2 изд., стр. 285—288.

нашъ административный механизмъ и устранить изъ него противодѣйствія и разнорѣчя—учрежденіемъ должности *перваго министра* („великаго визиря“, какъ иронически прозвали его въ газетахъ того времени). Гр. Лорисъ-Меликову не довелось и приступить къ осуществленію своего проэкта, и можно только гадать о томъ, какого сорта излюбленные люди наполнили бы собою залы кремлевскаго дворца... Впрочемъ, не будетъ ошибкою сказать, что между ними проскользнули бы въ значительномъ количествѣ анархическіе и сепаратистическіе элементы, свившіе себѣ прочное гнѣздо въ нашемъ дрябломъ и безхарактерномъ обществѣ, лишенномъ всякаго политическаго такта. Не малую дезорганизацію внесъ въ наше общество и злосчастный берлинскій трактатъ, — по свидѣтельству И. С. Аксакова, — нанесшій оскорбительный ударъ нашему національному чувству, подорвавшій у насъ вѣру въ себя и въ свое историческое призваніе. На этой почвѣ легко было развернуться всякому нигилизму, отрицанію и даже, просто, отчаянію за наше будущее... Страшная катастрофа, сѣмена которой развивались въ гнилыхъ слояхъ русскаго общества, закончила ех abruptly „эпоху преобразованій“. Новому государю предстоялъ тяжелый, но высокій подвигъ—разобраться въ сумятицѣ разнородныхъ понятій, толковъ и противодѣйствующихъ одно другому вліяній, чтобы обезпечить снова для Россіи правильный путь внутренняго и внѣшняго преуспѣянія.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Еврейская гордыня, возросшая до степени *mania grandiosa*.—„Избранныя мѣста“ еврейскаго вѣроученія.—Талмудъ, отмѣнившій моисеевъ законъ.—Раввинъ въ должности кумира.—Человѣчество, преданное въ рабство жидамъ. — Еврейскіе подвиги для замаскированія истиннаго смысла ихъ ученія.—Фальсификація прессы.—Адольфъ Ландау въ роли обѣтованнаго мессіи.—Иозель Нотовичъ и его грозный окрикъ: „унять“ и „разогнать“!—Іегова, наказывающій лишеніемъ разума.—Юбилей „Наблюдателя“, невзначай отпразднованный „Новостями“.—Подблюдная пѣсня, не пропущенная на юбилей.—Удаленіе изъ Москвы мнимыхъ „ремесленниковъ“.

I.

Помните ли вы, читатель, старинную дѣтскую побасенку о томъ, какъ нѣкая простодушная молочница, отправляясь на рынокъ съ крынкой молока на головѣ, мечтала устроить всю свою будущность на продажѣ этого товара, и какъ несчастная случайность—паденіе крынки съ головы—разрушила всѣ ея планы, прежде чѣмъ она дошла до мѣста продажи. *Les deux extrêmes se touchent*—и простодушная молочница съ ея невинными воздушными замками невольно пришла мнѣ въ голову при видѣ критическаго положенія, въ которомъ очутились наши совсѣмъ не простодушные жида съ ихъ далеко не невинными планами — порабощенія и униженія матушки-Россіи во славу премудрыхъ учителей „Талмуда Вавилонскаго“. Они тоже хотѣли пронести на головѣ свою крынку съ молокомъ — „право расселенія“ по всѣмъ градамъ и весямъ нашего необозримаго отечества;—они тоже строили мечтательныя страгатагемы: какъ и когда удобнѣе имъ будетъ воспользоваться имуществомъ русскихъ *гоевъ*, обреченнымъ „на потокъ и раз-

грабленіе“. И вдругъ—крынка плѣается съ головы нѣзѣмь... Картина! Впрочемъ, не будемъ забѣгать впередъ.

Съ тѣхъ поръ какъ въ 1865 году, въ еврейской „чертѣ осѣдлости“ была продѣлана брешь для евреевъ, получившихъ „высшее образованіе“, а также для купцовъ первой гильдіи и ремесленниковъ, которые приобрѣли право селиться во всѣхъ русскихъ городахъ,—во внутренней нашей жизни стали возникать явленія совсѣмъ не желательнаго и даже прямо зловреднаго характера. Еврейскіе кочевники вторгались къ намъ чуждою, но компактною массою, строго подчиненною раввинской дисциплинѣ, со своими варварскими понятіями о нравственномъ долгѣ, общественныхъ обязанностяхъ и экономическихъ отношеніяхъ къ не-евреямъ (образчиками такихъ понятій читатель можетъ полюбоваться въ этой же книжкѣ „Наблюдателя“); они успѣвали такъ быстро проникать во всѣ сферы городской жизни—и притомъ сферы наиболѣе вліятельныя, какъ напр., городское самоуправленіе, банковское и комерческое дѣло, мѣстная печать и пр.,—что многіе коренные русскіе города стали ужь получать даже внѣшнее обличіе какого нибудь Шклова или Бердичева. Вмѣстѣ съ внѣшнимъ обличіемъ, этимъ злосчастнымъ городамъ натурально прививались и всѣ специфическія качества еврейской проказы: безстыдное ростовщичество, контрбандная торговля, хищническая эксплуатация земель и лѣсовъ, уклоненіе отъ воинской повинности, и вообще всяческая фальсификація во всѣхъ видахъ промышленности. Оправдалась вполнѣ мастерская характеристика, сдѣланная еврейству И. С. Аксаковымъ. „Особенность и, можно сказать, привилегія евреевъ—говорилъ онъ—это *специальность ихъ бытовой профессіи. Это не только племя, но и классъ или корпорация, и не только классъ или корпорация, но и племя.* Правительству приходится имѣть дѣло не просто съ какою-то національностью, но съ милліонами людей особой, рѣзко выдѣляющейся и замкнутой въ себѣ національности, которые не имѣютъ другихъ занятій, *кроме торгашества въ томъ или другомъ видѣ*:—ни фабрикъ, ни заводовъ еврей не держатъ; ни каменщиковъ, ни плотниковъ, ни другаго рода рабочихъ изъ евреевъ не бываетъ... Это—племенная корпорация производителей, а торгашей-эксплуататоровъ, и такая исключительность профессіи сильно усложняетъ задачу“.

Сѣтуя на то, что имъ тѣсно жить въ 26-ти губерніяхъ, обнимающихъ собою пространство, далеко превышающее всю территорію Австро-Венгріи,—самаго обширнаго изъ западно-европейскихъ государствъ,—евреи, конечно, разыгрывали только недостойную комедію, чтобы ворваться въ остальную,

„зарубежную“ Россію, въ качествѣ хотя бы „ремесленниковъ“, „кушцовъ“, „пивоваровъ“ и „механиковъ“, и, добившись успѣха своими lamentаціями, немедленно показали, какую механикою они намѣрены заниматься „на новыхъ мѣстахъ“ и какого пива наварятъ русскому народу...

Вся ошибка наша состояла въ томъ, что мы смотрѣли на евреевъ только какъ на племя, а по части религіи—считали ихъ невинными послѣдователями „моисеева закона“. Мы забывали, что современные евреи представляютъ собой *не столько племя, сколько „вредное сообщество“*, сомкнутое крѣпкими связями — опять таки не столько религіознаго, сколько социальна-экономическаго и нравственнаго характера. „Моисеевъ законъ“ исповѣдуютъ караимы и исповѣдуютъ добросовѣстно, не примѣшивая къ нему талмудическаго звѣрства; потому русскій законъ и не стѣсняетъ ихъ нисколько въ правахъ разсѣденія. Но талмудъ вавилонскій—этотъ коренной статутъ „еврейскаго ордена“, столь же вреднаго, какъ и орденъ іезуитскій, отовсюду выгнанный въ Европѣ—и не пахнетъ моисеевыми заповѣдями. Раввинъ не только замѣняетъ въ талмудѣ безгрѣшнаго папу іезуитовъ, но даже превышаетъ его по размѣрамъ своей юрисдикціи: „онъ обладаетъ монаршею властью надъ Богомъ“ и что раввинъ захочетъ, то Богъ „обязанъ дѣлать непремѣнно“. Очевидно, что это вовсе не Богъ моисеевыхъ заповѣдей, воспретившій намъ создавать себѣ кумировъ, — между прочимъ, и въ раввинскомъ образѣ: — это просто какой-то языческій жидовскій *божокъ*, не заслуживающій даже прописной буквы. Еврейскій богъ самъ создалъ себѣ кумира, въ видѣ раввина, и боится его, какъ огня; „волшебство опасно.“ для этого бога, но не для раввина, которому не страшень и адскій огонь. *Не богъ благословляетъ раввина, а раввинъ его!* Въ то же время, раввины „безстыдны, мстительны и вонючи“ (одинъ изъ нихъ посѣщалъ на дню *двадцать четыре отхожихъ мѣста* и только здоровѣлъ отъ вдыханія ихъ аромата); сами черти, изъ умиленія передъ безстыдствомъ, корыстолюбіемъ и вонючестью раввиновъ, „хорошо служатъ“ имъ въ домашнемъ обиходѣ. Все это не мѣшаетъ однако раввинамъ практиковать такую власть надъ „избраннымъ народомъ“, что сыны этого народа обязаны „вставать не только передъ раввиномъ, но и передъ его ослонъ“, какъ только завидятъ ослиныя уши. Ну, словомъ, *настоящій жидовскій богъ—и есть вонючій раввинъ*, и было бы непростительнымъ богохульствомъ прилетать къ талмуду ветхозавѣтнаго Бога, изрекашаго на Синаѣ: „да не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ Мене“. Недаромъ талмудисты, чтущіе свою варварскую

книгу завѣта несравненно больше, чѣмъ моисеево пятикнижіе, говорятъ прямо, что священное писаніе—это „чаша съ горячимъ кушаньемъ *безъ ушкови*“, изъ которой пить нельзя, а ушки къ ней представляетъ именно талмудъ!

Также точно, какъ и запретъ о несотвореніи кумировъ, улетучилась изъ талмуда и другая человѣколюбивая заповѣдь: „не пожелай дому ближняго твоего“. Напротивъ, жидовскій кодексъ настойчиво предписываетъ своимъ послѣдователямъ—всячески грабить домъ ближняго (если только этотъ ближній не принадлежитъ къ еврейскому племени), всячески унижать не-евреевъ и не давать имъ выкарабкаться изъ помойной ямы. „*Гои обязаны работать, а евреи — кушать*“; гои созданы „только для того, чтобы день и ночь служить евреямъ, не имѣя права уйти съ работы“, и если эти жалкія твари получили человѣчeskій обликъ, то только изъ уваженія къ брезгливости жидовъ, которымъ „не приличествовало *принимать услуги отъ животныхъ*“. Коротко, ясно и выразительно! Никакихъ коментаріевъ тутъ и не требуется.

II.

И, тѣмъ не менѣе, іудеи убѣдили европейскую публику и чуть было не увѣрили нашу, что ихъ антисоціальный катехизисъ, —носящій на себѣ такое яркое клеймо рабства, чело-вѣконенавистничества и племеннаго самообожанія, —какъ разъ подходитъ подъ девизъ либеральнаго ученія: „свобода, равенство и братство“; что не они угрожаютъ благу и спокойствію обществъ, пріютившихъ ихъ въ своей средѣ, но эти общества обижаютъ ихъ, принимая необходимыя предосторожности противъ хищнической эксплуатаціи и нравственно-разлагающихъ элементовъ. Какими фокусами добились они этого результата, —объ этомъ мы говорили уже не разъ. Они прибѣгали и къ „укрывательству“, запрятывая подалеже свой талмудъ отъ христіанскихъ глазъ, и къ терроризаціи, запугивая смѣлыхъ переводчиковъ и даже покушаясь на ихъ жизнь; они играли въ двойную игру—и съ консерватизмомъ М. Н. Каткова, горой стоявшаго за „безвредность“ еврейскаго племени, и съ либерализмомъ простодушнаго Н. В. Шелгунова, котораго они счастливо увѣрили, что нашъ югозападный край процвѣтаетъ, благодаря исключительно еврейской культурности и еврейскому трудолюбію (мы помнимъ написанное въ этомъ смыслѣ цѣлое внутреннее обозрѣніе въ „Дѣлѣ“); они, наконецъ, охотно примыкали и къ нашему безшабашному анархизму, у котораго, дѣйствительно, было

много точекъ соприкосновенія съ талмудическимъ отрицаніемъ исторіи и всякихъ правовыхъ и гуманныхъ началъ.

Ликованіе жидовъ было полное—и только русская „черта осѣдлости“, еще сохранявшаяся если не *de facto*, то *de jure*, торчала у нихъ бѣльмомъ въ глазу. Но и она стиралась ежедневно пропагандою жидовскихъ и ожидавленныхъ газетъ, при потворствѣ нѣкоторой части администраціи. Издатель „Восхода“, Адольфъ Ландау — этотъ монтаньярь еврейской прессы—возмнилъ себя рѣшительно обѣтованнымъ мессіею и держалъ рѣчь, какъ власть имѣющій и узы рѣшающій. „Талмудъ созданъ раньше, чѣмъ вселенная“; „еслибы талмудъ не существовалъ, *то небеса и земля не могли бы продолжать своего бытія*“; „вселенная не можетъ существовать безъ вѣтра, — *точно также ей не обойтись безъ евреевъ*“; — эти талмудическія аксіомы составляли для г. Ландау обычную тему краснорѣчія. Когда же „Вѣстникъ Европы“, имѣющій нѣкоторую слабость къ юдаизму, выразилъ надежду, что русскіе евреи ассимилируются наконецъ съ кореннымъ племенемъ, то г. Ландау, гордо поднявъ голову, отвѣтилъ: „*non possumus!*“

Г. Нотовичъ, изображающій изъ себя *подмессію* еврейства (какъ бывають *подняни* и *подкучера*) дошелъ до такого пагоса, что предлагалъ начальству „унять журналистовъ и газетчиковъ“, не потрафляющихъ жидовскому кагалу („Новости“ 1891 г. № 31). „*Разогнать*—говорить—слѣдуетъ этотъ *чадъ журналистики*“... Ну, какъ же тутъ не воскликнуть, — въ виду воспослѣдовавшаго распоряженія, совѣмъ въ обратную сторону:—

Дали Квичу сапоги, сапоги,

Пошелъ Квичъ нашъ въ три ноги, въ три ноги!

Да въ капканъ и угодилъ, угодилъ...

Слезы леть онъ—крокодилъ, крокодилъ!

Впрочемъ Йегова, очевидно, давно уже прогнѣвался на маркиза О'Квича и лишилъ его послѣднихъ остатковъ разума... Такъ напр., въ концѣ прошлаго года, ревнуя о славѣ нашего постоянного сотрудника, В. Р. Зотова, онъ вздумалъ отпраздновать его пятидесятилѣтній юбилей въ кружкѣ своей редакціи. Намѣреніе похвальное и для насъ тѣмъ болѣе пріятное, что тутъ праздновался косвенно юбилей самого „Наблюдателя“. В. Р. Зотовъ—одинъ изъ немногихъ ветерановъ доброй, честной журналистики, не занимающейся никакимъ гешефтмахерствомъ, не торгующей своими убѣжденіями по курсовой табличкѣ жидовской биржи, — журналистики, преданной интересамъ русскаго народа и общества. Его некрикливая, не бросающаяся въ глаза дѣятельность была почтенна и полезна въ этомъ именно смыслѣ. Г. Зотовъ когда-

то справедливо сказалъ: „и не принадлежа къ первокласснымъ писателямъ (да и много ли у насъ этихъ первоклассныхъ писателей?) можно приносить пользу на поприщѣ журналистики возможнымъ развитіемъ и популяризацией *идей прогресса, просвѣщенія, гуманности...* „Дѣлать общедоступными идеи великихъ мыслителей, вводить въ практику сколько нибудь осуществимыя теоріи, добытыя опытомъ и мышленіемъ, *бороться упорно и неустанно со всеми ненормальными явлениями въ жизни*, опровергать здравой логикой или насмѣшками всѣ софизмы невѣжества, *всѣ громкія фразы фанатической нетерпимости и личныхъ, своекорыстныхъ выгодъ*— вотъ цѣль и назначеніе журналиста“. Къ этой цѣли всегда и стремился нашъ уважаемый писатель. Но онъ никогда не считалъ „дѣломъ прогресса и гуманности“ — потворствовать еврейскимъ *oblupatio et obdiratio*, а, напротивъ, причислялъ все это надувательство „громкими фразами“, всю эту выставку „личныхъ, своекорыстныхъ выгодъ“, подъ несвойственными имъ этикетками—къ самымъ „ненормальнымъ явлениямъ въ нашей жизни“. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, В. Р. Зотовъ, въ своихъ ежемѣсячныхъ „политическихъ хроникахъ“, доставляетъ себѣ и намъ удовольствіе — ловить юдаизмъ на этомъ фразерствѣ, избличать его въ надувательствѣ, срывать съ него либеральныя, консервативныя и радикальныя маски. Какимъ же чудомъ вражескій станъ собрался праздновать его юбилей? Конечно, по недоразумѣнію. Поэтому мы уклонились отъ чести присутствовать на этомъ празднествѣ, но, про себя, поздравили юбиляра слѣдующею подблюдною пѣсней:

„Наблюдателю“ слава вѣчная,
Владиміру, свѣтъ, Рафаилычу
Жить еще бы вѣкъ, жить и два вѣка.

Пусть войною всѣ на жидовъ идутъ,
Пусть съ лица земли ихъ совсѣмъ сметутъ;
Пусть отъ сѣмени ихъ чесночнаго,
Съ моря южнаго до полночнаго,
Не останется ни сориночки,
Не проронится ни пылиночки.

Ахъ вы, гой—еси, „новостятники“,
Шкловской прессы вы не стервятники,
Порадѣйте же въ пользу родины—
Не оскрѣбки вы, не уродины!

Говорять, что эту подблюдную пѣснь предложено было

пропѣть хоромъ на юбилейномъ обѣдѣ, но редакторская цензура „Новостей“ воспретила такое славословіе, вовсе не желая ссориться со Шкловомъ. А жаль! такое самоотреченіе было бы очень эффектно, а, при случаѣ, его можно бы выдать... за раскаяніе. Теперь же евреямъ приходится горько каяться. Гонять ихъ изъ Москвы, гдѣ они, по ремесленнымъ плакатамъ „порточныхъ мастеровъ“, стали издавать ежедневныя газеты, подъ названіемъ: „Новости кагала“ или: „Луковка чесноку“; погонять, вѣроятно, вскорѣ и изъ Петербурга, гдѣ они заплотнили цѣлыя улицы, тоже подъ фальшивыми кличками... „Милые гости, мы васъ не удерживаемъ“!

Ефимъ Простосердовъ.

СОДЕРЖАНИЕ № 5-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

	СТРАН.
I. Ординарный профессор. Романъ I. I. Ясинскаго. (<i>Окончаніе</i>).	3
II. Лѣтнія грозы. Стихотвореніе К. М. Фофанова.	38
III. Тамбовскія религиозныя движенія. И. И. Дубасова.	39
IV. Улыбка умирающаго. Стихотвореніе Максима Липкина.	56
V. На кондиціяхъ. Разсказъ Кн. Б. А. Щетинина.	58
VI. Власть денегъ. Романъ Эмиля Золя. (<i>Окончаніе</i>).	77
VII. Владъ. Романъ Н. Ѳ. Бажина.	103
VIII. Очерки средневѣковой жизни. П. В. Безобразова.	146
IX. Пѣснь русалокъ. Стихотвореніе П. Головина.	153
X. «За идею». (Переводъ съ итальянскаго). П. Лѣтнева.	154
XI. Талмудъ Вавилонскій. (Этюдъ). А. А. Быкова (<i>Оконч.</i>).	161
XII. Законъ и общинное землевладѣніе. Н. П. Дружинина.	174
XIII. Долой оружіе! Романъ-хроника, Берты фонъ-Зуттнеръ.	192
XIV. Письма о современной журналистикѣ. О. В.	267
XV. Княгиня. Повѣсть Людовика Галеви.	287

Современное обозрѣніе.

XVI. Политическая хроника.	1
XVII. Новыя книги.	11
XVIII. Наши внутреннія дѣла.	19
XIX. Итоги десятилѣтія.	30
XX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»): 1) И смѣхъ, и горе. (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова.	45

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

нижнихъ магазинахъ „Новаго Времени“ поступила въ продажу **НОВАЯ КНИГА:**

Н О В Е Д Л Д Ы.

ВАЛЕРІАНА СВЪЛОВА.

Около 500 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Съ пересылкой 1 р. 75 к.

розовой бумагѣ 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 25 коп.

Н О В Ы Я К Н И Г И:

А. В. КРУГЛОВА:

1) „ГУБЕРНСКІЯ СКАЗКИ“.

вѣсти изъ провинціальной жизни). Изящное изданіе, на хорошей бумагѣ. Ц. 1 р. 80 к. безъ пересылки, 2 р. съ пересылкою.

2) „НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РѢКѢ“.

новые негативы). Женскій Аванпъ. — Вѣчевой городъ. Ц. 1 р. безъ пересылки, 1 р. 30 к. съ пересылкою.

лецъ, выписывающихъ книги прямо отъ Магдалины Ивановны Фелотовой (Любавь, станція Ник. жел. дор.):

1-я книга—1 р. 20 к. съ пересылкою (20 к. можно марками).

книга—1 р. съ пересылкою. За обѣ книги, приобр. за разъ—2 р. съ пересылкою.

Продолжается подписка на иллюстрированный журналъ

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

годъ: безъ доставки 6 р. 60 к. Съ доставкой и пересылкою по Россіи 8 руб.

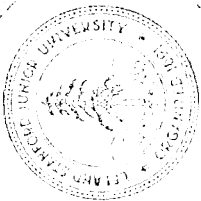
обное объявленіе съ образцами премій высылается по требованію бесплатно.

всѣхъ главной конторы: Спб. Невскій, у Аничкина моста д. № 68—40.

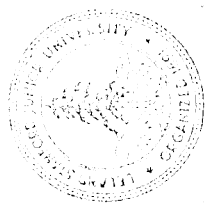
ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно адресовать книги журналовъ. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ въ отношеніи съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ не позже тѣхъ сроковъ, указанныхъ въ прилагаемой книжкѣ, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Утраченный экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 р. 50 к. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять семикопѣчныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*, при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовые марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, — если не будутъ вытребованы обратно, — уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 100 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ ни въ какую переписку съ авторами, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены почтовые марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленные безъ опредѣленія условій гонорара, считаются бесплатными или оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и бандеролями*. Рукописи, принятые безъ указанія срока помѣщенія, печатаются *исключительно* по назначенію редакціи. Статьи неизвѣстныхъ редакціи авторовъ, за которыхъ гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются бесплатными. 7) Контора открыта ежедневно отъ 11 до 4 час. попол., *кромя праздничныхъ и воскресныхъ дней*. Приемъ въ редакціи—*по четвергамъ, отъ часу до двухъ*. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $\frac{1}{2}$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежные выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ: 5 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни*. Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, зоты и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Редакторъ-Издатель А. П. Лятковскій.

AP
50
N33
V.10
NO.5
1891

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

--	--	--

